УДК 81’27
ББК Ш100.621
П50

ISSN 1999-2629

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

POLITICAL LINGUISTICS

3(117)’2026

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГАОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2026. – Вып. 3 (117). – 318 с. – (Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81’27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Aut. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2026. – Issue 3 (117). – 318 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

3(117)’2026

Научный журнал

Учредитель: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); https://politlinguistika.ru/
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich’s Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2026

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Higher Education Institution
"Ural State Pedagogical University"

POLITICAL LINGUISTICS

3(117)'2026

Scientific journal

Founder: FSA HEI "Ural State Pedagogical University"

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); https://politlinguistika.ru/
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published

Ekaterinburg 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев	Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
Н. Б. Руженцева	Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

Ю. В. Богоявленская	Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
Р. Гусман Тирадо	Университет Гранады, Гранада, Испания
Е. В. Дзюба	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
С. В. Иванова	Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
И. Иньиго-Мора	Севильский университет, Испания
В. И. Карасик	Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
Н. Н. Кошкарова	Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
С. Л. Кушнерук	Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
Лю Хун	Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай
В. А. Маслова	Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь
Е. А. Нахимова	Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
П. Серио	Лозаннский университет, Швейцария
О. А. Солопова	Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
З. К. Темиргазина	Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар, Казахстан
Л. Цонева	Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
Ян Кэ	Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

© ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2026
© Политическая лингвистика, 2026

ISSN 1999-2629

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev	Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
N. B. Ruzhentseva	Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

Y. V. Bogoyavlenskaya	Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
R. Guzman Tirado	University of Granada, Spain
E. V. Dzyuba	Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
S. V. Ivanova	Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia
I. Iñigo-Mora	University of Seville, Spain
V. I. Karasik	Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
N. N. Koshkarova	South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
S. L. Kushneruk	Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
Liu Hong	Dalian University of Foreign Studies, Dalian, China
V. A. Maslova	Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
E. A. Nakhimova	Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
P. Seriot	University of Lausanne, Switzerland
O. A. Solopova	South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
Z. K. Temirgazina	Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan
L. Tsoneva	St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria
Yang Ke	Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

© FSA HEI “Ural State Pedagogical University”, 2026
© Political Linguistics, 2026

ISSN 1999-2629

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика» 10

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Декатова К. И. Речевая провокация как вид манипулятивного воздействия (на материале романа Ф. М. Достоевского «Бесы») 12

Хачмафова З. Р.
Макерова С. Р. Кластерное моделирование концепта «Агрессия»: когнитивно-семантический подход (на материале корпуса немецкого языка DWDS) 21

Шустрова Е. В.
Чудинов А. П. Постель как контейнерная концептуальная метафора в поликодовом тексте английской политической карикатуры XVIII — начала XIX века 29

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Андиш И. Б.
Борисова М. К.
Каданцева Д. С. Основные критерии выделения терминов в области экономической безопасности в русском и французском языках 38

Гаевская М. А. Конфликтное поведение языковой личности в политическом дискурсе (на примере речи К. Стармера) 48

Злобина О. Н. Проблемы перевода лингвостилистических особенностей речи публичного деятеля в контексте англоязычного политического дискурса 56

Какорин Е. М. Метафорическое моделирование образа Демократической партии в период предвыборной кампании 2024 г. 66

Качанова Ю. Н. Американские военно-политические неологизмы, относящиеся к иракскому и украинскому конфликтам, как элемент информационно-психологической войны 76

Кузнецова В. Ю.
Полубоярова М. В. Нарративная эволюция образа Д. Трампа в вербально-визуальном медиадискурсе 83

Мамонова Н. В. Миграционный медиадискурс в условиях глобализации: когнитивно-лингвосинергетический аспект 93

Морозова А. Е. Эволюция метафорических моделей Брекзита в дискурсе «The Guardian» (2016–2022) 98

Пешкова Н. В.
Шипилова Д. С. Манипулятивно-дискредитирующая риторика в современной зарубежной медиасфере 108

Пушкина А. В.
Бабаян Л. Лексические средства текстов предвыборных дебатов как один из способов коммуникативного воздействия на электорат на примере дебатов Д. Трампа и К. Харрис 118

Рудаков М. А. Концепты *корупција* и *коррупция* в сербском и русском медиадискурсах 128

Танков Е. В. Фрейм «NARCISSISM»: понятийное содержание и актуализация в американском политическом дискурсе (на примере медийного образа Д. Трампа) 137

Чэнь Сюе
Радбиль Т. Б. Инициатива «Один пояс, один путь» в русском и китайском политическом медиадискурсе: опыт корпусного анализа 144

Шермазанова С. В. Официальный регистр военного дискурса (на материале русского и английского языков) 156

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Багдасарова И. Ю.
Пониделко Л. А. Речевые стратегии репрезентации христианского дискурса на примере англоязычного исторического романа и русскоязычной публичной видеолекции 164

Ильясова С. В.
Чжан Цзяси Категория феминитивности как показатель роли женщины в современной России (на материале неофеминитивов интернет-коммуникации) 178

Корень М. В.
Сергаева Ю. В. Аллюзии в выступлениях политиков России, США и Китая: сопоставительный анализ 184

Никифорова Е. В. Аксиологема «историческая память» в российском политическом дискурсе 193

Саидова Ф. З. Структурно-семантические особенности девербативных конструкций в системе разноструктурных языков 199

Цзюй Хайна
Крючкова Л. Л. У истоков слова *хунхуз* 207

Янь Цюцзюй
Лысакова И. П.
Чжан Чуньсинь Уникальная китайская концепция культуры честности и ее языковое оформление 213

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ван Наньнань Оценочные значения и способы их репрезентации в российском медийно-дипломатическом дискурсе 223

Вэй Ишуай
Ван Наньнань Формирование национального имиджа Китая в русскоязычных СМИ: Саудовско-иранское примирение 235

Лян Вэйци Формы обращения в драматургии М. А. Булгакова 1920-х гг. как социальные и политические маркеры 253

Рахманов Г. Н. Концепт «власть» в современной лингвистике: сравнительная характеристика концепта «власть» в русской, узбекской и английской лингвокультурах 262

Чжан Цзин Специфика стратегий перевода политических метафор с китайского языка на русский 274

Юе Сюе Исследование взаимного влияния конструирования дискурса Глобального Юга и китайских концепций (на основе лингвистического анализа текстов в рамках политической лингвистики) 283

Юй Фэнин Анализ политической лексики с китайской спецификой и ее перевода на русский с точки зрения внешней коммуникации (на примере «Доклада о работе Правительства КНР — 2025») 294

Ян Шичжан
Ли Юнь Перевод политического дискурса в аспекте культурологического переводоведения 304

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 316

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal "Political Linguistics" 10

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Dekatova K. I. — Speech Provocation as a Kind of Manipulative Influence (Based on the Material of the Novel by F. M. Dostoevsky "Demons") 12

Khachmafova Z. R.
Makerova S. R. — Cluster Modeling of the Concept of "Aggression": A Cognitive-Semantic Approach (Based on the German DWDS Corpus) 21

Shustrova E. V.
Chudinov A. P. — Bed as Container Cognitive Metaphor in Polycode Text of English Political Cartoon in the End of XVIII — beginning of XIX c. 29

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Andish I. B.
Borisova M. K.
Kadantseva D. S. — On Criteria for Defining Terms in the Sphere of Economic Security in Russian and French 38

Gaevskaya M. A. — Conflict Behavior of Linguistic Personality in Political Discourse (on the Material of Keir Starmer's Speeches) 48

Zlobina O. N. — Linguo-Stylistic Specificity of the Speech of a Public Figure in the Context of English Political Discourse: Translation Issues 56

Kakorin E. M. — Metaphorical Modeling of the U.S. Democratic Party Image in the 2024 Presidential Election Campaign 66

Kachanova Yu. N. — American Military-Political Neologisms in the Iraqi and Ukrainian Conflicts as an Element of Information and Psychological Warfare 76

Kuznetsova V. Yu.
Poluboyarova M. V. — Narrative Evolution of D. Trump's Image in Verbal-Visual Media Discourse 83

Mamonova N. V. — Migration Media Discourse in the Context of Globalization: A Cognitive-Linguosynergetic Aspect 93

Morozova A. E. — The Evolution of Brexit Metaphorical Models in *The Guardian* Discourse (2016–2022) 98

Peshkova N. V.
Shipilova D. S. — Manipulative-Discrediting Rhetoric in Modern Foreign Media Sphere 108

Pushkina A. V.
Babayan L. — Lexical Means of Election Debate Texts as a Way of Communicative Influence on the Electorate (On the Example of Debates between Donald Trump and Kamala Harris) 118

Rudakov M. A. — The Concepts of '*Коррупция*' vs '*Корупција*' (*Corruption*) in Russian and Serbian Media Discourses 128

Tankov E. V. — The Frame NARCISSISM: Conceptual Content and Actualization in American Political Discourse (Based on the Media Image of Donald Trump) 137

Chen Xue
Radbil T. B. — The Belt and Road Initiative in Chinese and Russian Political Media Discourse: An Experience of Corpus Analysis 144

Shermazanova S. V. The Official Register of Military Discourse (Based on the Material of Russian and English) 156

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Bagdasarova I. Yu.
Ponidelko L. A. Communicative Strategies of Representation of Christian Discourse: A Case Study of an English-Language Historical Novel and a Russian-Language Public Video Lecture..... 164

Il'yasova S. V.
Zhang Jiaxi The Category of Femininity as an Indicator of the Women's Role in Modern Russia (On the Material of Neo-Feminitives in Internet Communication)..... 178

Koren' M. V.
Sergaeva Yu. V. Allusions in the Speeches of Russian, American and Chinese Politicians: A Comparative Analysis 184

Nikiforova E. V. The Axiologeme "Historical Memory" in Russian Political Discourse 193

Saidova F. Z. Structural-Semantic Specificity of Deverbative Constructions in the System of Structurally Different Languages 199

Ju Haina
Kryuchkova L. L. Tracing the Origins of the Word "*Khunkhuz*" 207

Yan Qiuju
Lysakova I. P.
Zhang Chunxin A Unique Chinese Concept of Culture of Honesty and its Linguistic Expression 213

PART 4. FOREIGN EXPERIENCE

Wang Nannan Evaluative Meanings and Their Representation in Russian Media Diplomatic Discourse 223

Wei Yishuai
Wang Nannan A Study of the Formation of China's National Image in Russian-language Media: Saudi-Iranian Reconciliation 235

Liang Weiqi Forms of Address in M. A. Bulgakov's Dramaturgy of the 1920s as Social and Political Markers..... 253

Rakhmanov G. N. The Concept of "Power" in Modern Linguistics: A Comparative Study of the Concept in Russian, Uzbek And English Linguocultures..... 262

Zhang Jing Specificity of Translation Strategies of Political Metaphors from Chinese into Russian 274

Yue Xue A Study of the Mutual Influence between the Construction of Global South Discourse and Chinese Concepts — Based on Linguistic Analysis of Political Linguistics Texts 283

Yu Fengying An Analysis of Political Vocabulary with Chinese Characteristics and Its Russian Translation from the Perspective of International Communication (A Case Study of the "2025 Report on the Work of the Government of the People's Republic of China")..... 294

Yang Shizhang
Li Yun Political Discourse Translation from the Perspective of Cultural Translatology 304

Manuscripts Requirements..... 316

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, поможет наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (http://publicet.org/code/), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (http://publicationethics.org/resources/code-conduct) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на официальном сайте научного журнала *https://politlinguistika.ru,* в Научной электронной библиотеке *E-library,* а также на сайте *cognitiv.narod.ru,* где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.
Интернет-сайт: https://politlinguistika.ru/

С уважением
и надеждой на сотрудничество:
д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.161.1'42+821.161.1-31(Достоевский Ф. М.)
ББК Ш141.12-51+Ш33(2Рос=Рус)5-8, 444 *ГРНТИ 16.21.27* *Код ВАК 5.9.8; 5.9.5*

Кристина Ивановна Декатова
Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, dekatovaki@mail.ru, SPIN-код: 7838-3660, https://orcid.org/0000-0002-7690-8379

Речевая провокация как вид манипулятивного воздействия (на материале романа Ф. М. Достоевского «Бесы»)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена проблеме речевого манипулятивного воздействия в межличностной коммуникации. Целью исследования стал анализ такой разновидности манипуляции, как речевая провокация. В статье рассматриваются разные подходы к пониманию феномена речевой провокации, анализируется вопрос о целесообразности противопоставления понятий «речевая провокация» и «речевая манипуляция», обосновывается перспективность исследования провокативной коммуникации на материале художественных текстов. Объектом исследования стали языковые единицы, являющиеся маркерами речевых действий провокативного характера. В процессе исследования использовались метод контекстуального анализа и лингвопрагматический анализ речевых фрагментов, содержащих провокативные единицы. Источником материала исследования избран роман-предупреждение Ф. М. Достоевского «Бесы». Особое внимание уделено речевому поведению одного из героев романа Ф. М. Достоевского — политического провокатора Петра Степановича Верховенского. Автор статьи приходит к выводу, что деструктивное коммуникативное поведение данного героя — это не спонтанные эмоциональные речевые действия, а хорошо продуманные шаги к реализации поставленной цели. В результате исследования были описаны мотивы, приемы и тактики речевой провокации политического авантюриста Петра Верховенского, направленные как против представителей законной власти, так и против соратников по революционной борьбе.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, романы, литературные сюжеты, литературные герои, речевая провокация, манипулятивное воздействие, художественные тексты, речевые жанры, провокаторы, Ф. М. Достоевский, виды манипулятивного воздействия, речевые тактики, провокативные единицы.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Декатова Кристина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Декатова, К. И.* Речевая провокация как вид манипулятивного воздействия (на материале романа Ф. М. Достоевского «Бесы») / К. И. Декатова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 12-20.

Kristina I. Dekatova
Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, dekatovaki@mail.ru, SPIN code: 7838-3660, https://orcid.org/0000-0002-7690-8379

Speech Provocation as a Kind of Manipulative Influence (Based on the Material of the Novel by F. M. Dostoevsky “Demons”)

ABSTRACT. *The article deals with the problem of speech manipulation in interpersonal communication. The aim of the study is to analyze speech provocation as a specific kind of manipulative influence. The article considers different approaches to understanding the phenomenon of speech provocation, analyzes the issue of the expediency of contrasting the concepts of “speech provocation” and “speech manipulation”, and substantiates the prospects for the study of provocative communication based on the material of fiction texts. The research object encompasses linguistic units that are markers of provocative speech actions. The research employs the method of contextual analysis and linguopragmatic analysis of speech fragments containing provocative units. The warning novel “Demons” by F.M. Dostoevsky serves as a source of practical research material. Special attention is paid to the speech behavior of one of the characters of Dostoevsky's novel – the political provocateur Petr Stepanovich Verkhovenskiy. The author of the article comes to the conclusion that the destructive communicative behavior of this character is not spontaneous emotional speech actions, but well-thought-out steps towards achieving the desired goal. In the course of the study, the author describes the motives, techniques and tactics of the speech provocation of the political adventurer Verkhovenskiy, targeted both against representatives of the legitimate power and against the revolutionary comrades.*

KEYWORDS: *Russian literature, Russian writers, literary creative activity, literary genres, novels, literary plots, literary characters, speech provocation, manipulative influence, fiction texts, speech genres, provocateurs, F.M. Dostoevsky, kinds of manipulative influence, speech practices, provocative units.*

© Декатова К. И., 2026

AUTHOR'S INFORMATION: *Dekatova Kristina Ivanovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of the Russian language and methods of its teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia.*

FOR CITATION: *Dekatova K. I.* (2026). Speech Provocation as a Kind of Manipulative Influence (Based on the Material of the Novel by F. M. Dostoevsky "Demons"). In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 12-20. (In Russ.).

Провокация как сложный поведенческий феномен вызывает интерес у представителей разных научных сфер: природа, цели, модели, функции провокативного поведения отдельных людей и социальных групп анализируются в рамках социологических, психологических, философских, политологических, культурологических, юридических, лингвистических исследований (В. А. Афиногенова, А. В. Дмитриев, Е. Н. Зарецкая, О. С. Иссерс О. В. Кузнецов, И. Г. Малышкина, А. А. Сычев, Т. Н. Шеметова, В. Н. Степанов и др.). В работах, посвященных лингвистическому анализу деструктивного общения, нередко в центре внимания оказывается речевая провокация. В современной отечественной лингвистике отсутствует однозначное понимание этого явления. В широком понимании речевой провокацией называют любое речевое воздействие, состоящее в символическом представлении («показывании») говорящим «реально испытываемых или имитируемых эмоций, чувств, состояний с целью заразить ими собеседника и вызвать у него аналогичное внутреннее состояние, которое не соответствует его актуальному состоянию» [Степанов 2009: 119]. Однако такой подход к определению речевой провокации, по мнению О. С. Иссерс, позволяет отнести к данному коммуникативному поведению «всякое иллокутивное вынуждение, описанное в терминах «стимул — реакция» [Иссерс 2009: 93]. Ученый предлагает более узкую интерпретацию провокационных речевых действий, рассматривая их как «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на (1) получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо (2) дестабилизацию его эмоционального состояния» [Иссерс 2009: 93].

Провокативную коммуникацию нередко рассматривают в сопоставлении с манипулятивным речевым воздействием. Неоднозначная трактовка взаимосвязи данных явлений обусловлена разным пониманием соотношения между понятиями «провокация» и «манипуляция» [Самсонова 2022: 121]. В ряде научных работ эти понятия противопоставляются. Так, Т. А. Середухина определяет провокацию как особую совокупность речевых актов, объектом которых «является адресат с активным сознанием, а не пассивным». По мнению исследователя, опирающегося на работы С. Г. Кара-Мурзы, в отличие от манипуляции провокация «строго индивидуальна и может быть направлена только на образованного, умеющего логически мыслить человека <…> осознается и осмысливается именно как логическая цепочка» [Середухина 2013: 314–315]. Несколько иначе описывает связь между провокацией и манипуляцией В. Н. Степанов. Ученый использует термин «провоцирование» и предлагает рассматривать это речевое действие как «родовой механизм манипуляции» [Степанов 2019: 46]: «Провоцирование принято считать только приемом манипуляции, в действительности манипуляция является частным случаем провокативного поведения» [Степанов 2008: 18]. По мнению лингвиста, манипуляция отличается от провоцирования тем, что она «является осознаваемым действием — демонстрацией мастерства и сноровки манипулятора, который использует провоцирование намеренно» [Степанов 2008: 16]. Наиболее распространенным в отечественной коммуникативной лингвистике является прямо противоположный взгляд на соотношения понятий «провокация» и «манипуляция»: в работах сторонников этой точки зрения провокация представляется как одна из форм манипуляции [Иссерс 2009; Малышкина 2013; Смелова 2017; Штеба 2017; Назарова 2017 и др.]. Несмотря на то, что статус провокационных коммуникативных действий в этих работах определяется по-разному (вид манипулятивной коммуникативной стратегии [Иссерс 2009; Никонова 2019; Смелова 2017], прием манипулятивных тактик [Варлакова 2013], коммуникативная техника манипулирования [Назарова 2017]), их авторы сходятся во мнении, что провокативное речевое воздействие — это разновидность манипулятивного воздействия. Соглашаясь с этим мнением, в нашем исследовании мы используем термин «речевая провокация» для наименования приема коммуникативного манипулятивного воздействия. К речевой провокации относим тип коммуникативного поведения, конфликтогенное речевое воздействие, побуждающее «партнера к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия» [Иссерс 2009: 95].

В современном языкознании речевая провокация исследовалась на материале текстов разного типа. Немало работ посвящено анализу деструктивного речевого поведения в средствах массовой информации и интернет-коммуникации [Иссерс 2009; Самсонова 2022; Малышкина 2013; Назарова 2017; Солодухо, Лозовский 2019 и др.]. Изучение речевой провокации проводилось на материале текстов судебной лингвистической экспертизы [Варлакова 2013; Кузнецов 2020 и др.], рекламных текстов [Степанов 2019; Смелова 2017; и др.], текстов политического и художественного дискурсов [Никонова 2019; Шипова 2023; Шацкая, Черницына 2024 и др.]. В текстах художественных произведений речевые провокации описывались редко и, как правило, в контексте рассуждений о речевом воздействии или манипулятивного речевого поведения героев произведений [Шипова 2023; Прокофьева, Михайлова 2024 и др.]. Однако провокативные речевые действия персонажей художественных текстов заслуживают большего внимания, поскольку литературные произведения — это богатый источник материала как для исследования механизмов и формы проявления речевой провокации, так и для понимания авторской позиции по отношению к героям, вовлеченным в коммуникацию с элементами провокации. В этой связи анализ речевого поведения одного из ярких политических провокаторов в художественной литературе XIX в., героя романа-предупреждения Ф. М. Достоевского «Бесы» Петра Степановича Верховенского является весьма интересным.

Анализируя проблематику романа Ф. М. Достоевского «Бесы», С. Н. Булгаков писал, что в данном произведении «художественно поставлена <…> проблема провокации», понимаемая не только в политическом смысле, «но в более существенном, жизненно-религиозном» [Булгаков 1993: 505]. Философ называет Ставрогина духовным провокатором, который «зажигает других тем, чем сам не горит и заведомо неспособен загореться, — льдистое отражение чужого огня и света» [Булгаков 1993: 511]. Но не менее опасным, по мнению С. Н. Булгакова, является другой тип провокатора — политический провокатор Петр Верховенский: «Под маской демократа, эгалитариста и социалиста он совершенно откровенно третирует всех, рассматривая людей как шашки в шахматном ходе. Над всем царит у него одна холодная, насмешливая презрительная воля. Но при этом и трезвый, расчетливый в злодействе Верховенский в действительности есть маниак и одержимый. И он ощущает себя сверхчеловеком и человекобогом <…>» [Булгаков 1993: 511]. Сам Верховенский признается своему «кумиру» Николаю Ставрогину: «Я ведь мошенник, а не социалист <…>» [Достоевский 2010: 324–325].

Петр Верховенский объясняет свой приезд в губернский город необходимостью создать группу людей («пятерку») для Всероссийского бунта. Однако это является ложью, прикрывающей истинные мотивы молодого бунтаря, который появляется в городе не для борьбы за «общее счастье», а для достижения личных целей: «Петр Верховенский намерен получить деньги за имение, убить Шатова, взять власть над Ставрогиным и затеять „смуту вселенскую“» [Сараскина 1990: 10]. Стремясь достичь поставленных целей, Петр Сепанович использует разнообразные приемы манипулятивного воздействия, как невербальные (интонацию, жесты, взгляды, походку и др.), так и вербальные [Степченкова 2023: 94]. Последние приемы, к которым относится и речевая провокация, молодой мошенник-революционер использует виртуозно. С первого же появления в романе герой провоцирует скандал: встретившись в доме Варвары Петровны с отцом, Петруша старается дискредитировать его. Верховенский-младший использует для этого серию провокационных вопросов:

— <…>Представьте, наполовину затем и ехал, а чуть не забыл: скажи ты мне, быстро повернулся он к Степану Трофимовичу, — ты-то когда же в Швейцарию? (1)

— Я. … в Швейцарию? — удивился и смутился Степан Трофимович.

— Как? разве не едешь? Да ведь ты тоже женишься… ты писал? (2)

— Pierre! — воскликнул Степан Трофимович.

— Да что Pierre... Видишь, если тебе это приятно, то я летел заявить тебе, что я вовсе не против, так как ты непременно желал моего мнения как можно скорее; если же (сыпал он) тебя надо «спасать», <…>. Правда, что он женится, Варвара Петровна? (3) *— быстро повернулся он к ней. — Надеюсь, что я не нескромничаю; сам же пишет, <…>. Письмо у меня в кармане. Но поверите ли, Варвара Петровна, что я ничего в нем не понимаю! Ты мне только одно скажи, Степан Трофимович, поздравлять тебя надо или «спасать»?* (4) [Достоевский 2010: 185].

Задавая вопросы Степану Трофимовичу, определяющие тему дальнейшего разговора (1,2), Петруша не ожидает ответа, он преследует две цели — смутить отца и перевести разговор в нужное русло. Следующий

вопрос (3) задается с целью расширить круг вовлеченных в провокацию: привлечь хозяйку дома и ее гостей к обсуждению неприятной для отца темы. Последний в представленном выше фрагменте вопрос-обличение (4) становится переходом к рассказу о полученном письме, в котором Верховенский-старший изливает душу сыну и жалуется на вынужденную женитьбу на «чужих грехах, совершенных в Швейцарии». Как будто нечаянно разоблачая отца «невинными вопросами» и мнимым непониманием скандальности изложенных в его письме мыслей, Петруша добивается нужной реакции участников провокации: Верховенский-старший хотя «с удивительным достоинством выстоял и под „обличениями“, но был оскоблен и испытал „глубокое и настоящее горе“», а Варвара Петровна, «вся желтая, с искривившимся лицом, со вздрагивающими губами» со «злобным наслаждением» выгнала Степана Трофимовича из дома.

После скандала, разразившегося в доме вдовы генерал-лейтенанта Ставрогина, Верховенский-младший несколько раз встречается с отцом и продолжает демонстрировать провкационно-оскрбительное поведение. Он пытается внушить Степану Трофимовичу мысль о том, что «ангел чести и деликатности», покровительница Варвара Петровна презирает «старика» и посвящает Петрушу во все тонкости их отношений (*ужас, что про тебя рассказала; хохотал над твоими письмами к ней*). Эти отношения Петр Степанович обесценивает, используя пейоративные метафоры *остатки вашего сентиментальничанья, взаимное излияние помой.* Желая вызвать негативно-эмоциональную ответную реакцию отца, Петруша использует разные манипулятивно-провокационные приемы: навешивает ярлыки (*приживальщик, лакей добровольный*), приписывает отцу непристойные мотивы (*Лень трудиться, а на денежки-то у нас аппетит; тебе денег надо было*), напоминает о прискорбных фактах из его биографии (*чуть не сосватали на «чужих грехах», как шута для потехи, за деньги; я мать не виню; ты так ты, поляк так поляк, мне всё равно<…> И не всё ли тебе равно, твой ли я сын или нет?*), использует лексику, позволяющую выразить негативную оценку личности и действиям родителя (*Но ведь вы так развращены, так развращены!; совестно и гадко; Вообще твои письма прескучные; у тебя ужасный слог*), атакует саркастическими риторическими восклицаниями (*Ну, брат, кстати, какое, однако, у тебя самолюбие!; Но это, это последнее твое письмо — это верх совершенства!*). Во время последней встречи с отцом Петр Степанович высмеивает чувства, излитые в письмах старика Варваре Петровне, называет их двадцатилетнюю дружбу «взаимной выгодой», сообщает о том, что Варвара Петровна по его совету отправит Степана Трофимовича в «приличную богадельню». Все эти вербальные выпады можно расценивать как реализацию провокативной тактики «раздражение оппонента», как речевые действия, позволившие вывести отца из состояния психического равновесия. Поток речевой агрессии сначала обезоруживает Степана Трофимовича, а затем провоцирует гневные проклятия. Добившись своего — вызвав у отца такие сильнейшие переживания, как гнев, ненависть, стыд, отчаяние, — Петр Верховенский как опытный манипулятор спокойно прощается и оставляет жертву в пучине душевных страданий. В следующих после вышеописанного разговора строках Хроникер разъясняет истинную причину скандального речевого поведения провокатора: «*У Петра Степановича действительно были некоторые замыслы на родителя. <…> он рассчитывал довести старика до отчаяния и тем натолкнуть его на какой-нибудь явный скандал, в известном роде. Это нужно было ему для целей дальнейших, посторонних…<…>*» [Достоевский 2010: 282]. Данные цели Петр Верховенский раскрыл в откровенном разговоре с Николаем Ставрогиным: *«Мы сделаем такую смуту, что всё поедет с основ. <…> Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...*» [Достоевский 2010: 378–383].

Смута Петру Верховенскому необходима как средство борьбы с законной властью. Важно отметить, что решить эту непростую задачу мошеннику-революционеру помогают сами представители этой законной власти, обосновавшиеся в губернском городе. Делающие ставку на либерализм, заигрывающие с «молодежью, стоящей на краю», губернатор фон Лембке и его жена покровительствуют Петруше и, как пишет Л. И. Сараскина, делают это небескорыстно: «Приближая Петра Степановича к своему дому, оба Лембке рассчитывают на него как на провокатора, который раскроет им заговор» [Сараскина 1990: 273–274]. Однако беспринципные представители власти не ожидали, что вышедший из-под контроля «мальчик с вольнодумными замашками» переиграет их. Обласканный провокатор применил свое оружие против своих покровителей. В этой связи весьма интересной иллюстрацией успешных провокативных речевых действий является разговор Петра Верховенского и

фон Лембке, состоявшийся после того, как губернатор с «невинною целию обезоружить либерализмом» молодого человека показал ему свою «интимную коллекцию всевозможных прокламаций». Воспользовавшись слабостью губернатора и злоупотребив его доверием, Петр Степанович уверенно плетет сеть провокации — нарушает правила игры и дает неожиданную для чиновника оценку содержанию прокламаций:

«Петр Степанович, угадав его цель, грубо выразился, что в одной строчке иных прокламаций более смысла, чем в целой какой-нибудь канцелярии, „не исключая, пожалуй, и вашей“ (1).

Лембке покоробило.

— Но это у нас рано, слишком рано, — произнес он почти просительно, указывая на прокламации.

— Нет, не рано; вот вы же боитесь, стало быть, не рано.

— Но, однако же, тут, например, приглашение к разрушению церквей.

— Отчего же и нет? Ведь вы же умный человек (2) *и, конечно, сами не веруете, а слишком хорошо понимаете, что вера вам нужна, чтобы народ абрютировать*(3). *Правда честнее лжи*.

— Согласен, согласен, я с вами совершенно согласен, но это у нас рано, рано... — морщился фон Лембке [Достоевский 2010: 287–288].

В данном фрагменте Верховенский свершает несколько провокационно-манипулятивных шагов: обесценивает деятельность губернатора (*1*), использует приемы «подмазывания аргумента» (*2*) и «приписывание оппоненту недостойных мотивов» (*3*). Губернатор быстро попадает в созданную ловушку и соглашается с тем, с чем не согласиться нельзя — он умный человек, и правда всегда честнее лжи. Попытки опровергнуть неприемлемые тезисы собеседника моментально пресекаются Пертрушей, который спешит пристыдить фон Лембке, задавая ему провокационный вопрос-обвинение:

— Так какой же вы после этого чиновник правительства, если сами согласны ломать церкви и идти с дрекольем на Петербург, а всю разницу ставите только в сроке? [Достоевский 2010: 288].

К такой интерпретации своих либеральных высказываний губернатор не был готов: он почувствовал себя «*грубо пойманным*» молодым оппонентом и был «*сильно пикирован».*

Провокации Верховенского — это не спонтанные эмоциональные речевые действия, а хорошо продуманные шаги к реализации поставленной цели. Так, подсказанную Ставрогиным идею о сплочении ячейки убийством одного из соратников Верховенский начинает воплощать в жизнь, тщательно подготовив всех участников к кровавой расправе. Жертвой этой расправы был избран Иван Шатов, отказавшийся быть частью грязной игры Петра Степановича. Верховенский психологически готовит всех участников к убийству: сначала успокаивает жертву (Шатова), обещает ей свободу от обязательств перед «Обществом», а затем провоцирует на подозрительные действия, пытается убедить «наших» и членов «пятерки» в неблагонадежности хранителя типографии.

В разговоре с Шатовым, не желающим встречаться с бывшими соратниками, Верховенский лукавит и использует провокативную тактику «обвинения чужими устами»: «*Так это и поняли и сочли, что вы все-таки согласны продолжать связь с Обществом, а стало быть, могли опять вам что-нибудь донести, следовательно, себя компрометировать. Здесь они говорят, что вы просто хотели обмануть, с тем чтобы, получив какое-нибудь важное сообщение, донести»* [Достоевский 2010: 345].

Ложные обвинения задели самолюбие честного молодого человека, давно уведомившего бывших единомышленников о разрыве с Обществом. Он пытается противостоять манипулятору, заявив, что он свободен и ни у кого нет права «отпускать его на волю», однако искусный манипулятор Верховентский переходит к угрозам как к средству, которое вынуждает Шатова явиться на собрание «наших»:

— Ну и пускай, черт!.. — яростно вскричал Шатов. — Пускай ваши дураки считают, что я донес, какое мне дело! Я бы желал посмотреть, что вы мне можете сделать? посмотреть, что вы мне можете сделать?

— Вас бы отметили и при первом успехе революции повесили.

— Это когда вы захватите верховную власть и покорите Россию?

— Вы не смейтесь. Повторяю, я вас отстаивал. Так ли, этак, а все-таки я вам явиться сегодня советую. К чему напрасные слова из-за какой-то фальшивой гордости? Не лучше ли расстаться дружелюбно? Ведь уж во всяком случае вам придется сдавать станок и буквы и старые бумажки, вот о том и поговорим [Достоевский 2010: 345–346].

Обвинения, унижения и угрозы доводят Шатова до крайней раздражительности, чего и добивался Верховенский-провокатор. Петр Степанович был убежден, что в таком эмо-

циональном состоянии Шатов будет вести себя неосторожно и у членов «пятерки» не останется сомнений в его намерениях «донести». Верховенскому необходимо было только подготовить почву, в которой посеянные им зерна подозрения в неблагонадежности хранителя типографии дали бы всходы и у заговорщиков созрело желание устранить предателя. Для достижения этой цели на собрании «наших» Петр Степанович применяет ряд невербальных и вербальных провокационных действий. Зная о том, что все собравшиеся воспринимают его как идейного вдохновителя и ждут от него высокой оценки «их благородного подвига», посвящения в дела революционного движения, Верховенский демонстрирует пренебрежение к собравшимся у Виргинского: перебивает Щигалева, рассказывающего о результатах изучения вопроса о социальном устройстве будущего общества, равнодушно пьет коньяк, чистит ногти. В завязавшийся спор Верховенский вступает с позиции агрессивного доминирования, используя экспрессив, позволяющий привлечь внимание и выразить негативное отношение к бурному обсуждению изложенной Щигалевым системе устройства мира:

— Однако порядочный вздор! — как бы вырвалось у Верховенского. Впрочем, он, совершенно равнодушно и не подымая глаз, продолжал обстригать свои ногти [Достоевский 2010: 368].

Вызвав обиду и негодование у присутствовавших, Петр Степанович продолжает разжигать их негативные чувства вопросом-насмешкой:

— Я не про Шигалева сказал, что вздор, — промямлил Верховенский. — Видите, господа, — приподнял он капельку глаза, — по-моему, все эти книги, Фурье, Кабеты, все эти «права на работу», шигалевщина — всё это вроде романов, которых можно написать сто тысяч. Эстетическое препровождение времени. Я понимаю, что вам здесь в городишке скучно, вы и бросаетесь на писаную бумагу [Достоевский 2010: 369].

Высмеивая умственные усилия «наших», Петр Степанович вбрасывает мысль о том, что необходимо переходить от бесконечных споров о целях и средствах переустройства общества к конкретным действиям:

— <…> Я объявляю, господа, что мне нужен прямой ответ. <…> Минуя разговоры — потому что не тридцать же лет опять болтать, как болтали до сих пор тридцать лет, — я вас спрашиваю, что вам милее: медленный ли путь, состоящий в сочинении социальных романов и в канцелярском предрешении судеб человеческих на тысячи лет вперед на бумаге, тогда как деспотизм тем временем будет глотать жареные куски, которые вам сами в рот летят и которые вы мимо рта пропускаете, или вы держитесь решения скорого, в чем бы оно ни состояло, но которое наконец развяжет руки и даст человечеству на просторе самому социально устроиться, и уже на деле, а не на бумаге? [Достоевский 2010: 371].

Верховенский требует прямого ответа на сложно сформулированный вопрос, демагогически преувеличивая отрицательные стороны медленного общественного преобразования и положительные стороны быстрого решения социальных проблем. С помощью гиперболической метафоры он рисует уродливый образ деспотизма, который «*тем временем будет глотать жареные куски*» и «*в какие-нибудь во сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов»*. Противостоять этому врагу, по мнению Верховенского, можно двумя способами: проводить медленные преобразования социального устройства, создавая в том числе и письменные программы социального строительства общества, или бороться на деле, а не на бумаге. Первый способ борьбы с деспотизмом манипулятор характеризует с помощью слова с отрицательной коннотацией «*болтать*». Сочетание этого слова со словом «*красноречивый*» в оценочном оксюмороне «*красноречиво болтать*» усиливает негативную оценку номинируемого действия. Для номинации второго способа борьбы используется глагол «действовать», который приобретает положительную коннотация, оказавшись контекстуальным антонимом слова «*болтать*». Важно отметить, что провокатор употребляет слово «действовать», значение которого формируется на основе размытого понятия, никаким образом не конкретизируемого в контексте. Какие именно действия должны свершить заговорщики, манипулятор не уточняет, но само действие рассматривается как нечто благородное, пусть немного опасное (*немного кусается*), но единственно возможное для спасения.

Подталкивает к нужным манипулятору умозаключениям и сравнение врага-деспотизма с неизлечимым больным, с которым следует сражаться безжалостно и быстро, поскольку промедление приведет к его *загниванию*, а это может быть опасным, так как гниющий враг «*нас заразит, перепортит все свежие силы».* В этой части монолога Верховенский как бы мимоходом противопоставляет загнивающего больного врага и собравшихся, которым делает комплимент: ведь они-то и есть те «*свежие силы, на*

которые теперь еще можно рассчитывать». Использование местоимений *нас, мы* в этом контексте — акт солидаризации Петра Степановича с собравшимися, театральное объединение в группе тех, кто должен стать активно действующими силами, так как в противном случае «*мы все наконец провалимся».* Подготовив таким образом слушающих к нужным выводам, Верховенский завершил монолог «ложной самокритикой» и наводящим вопросом-провокацией:

Ну, да впрочем, я говорить не умею; я прибыл сюда с сообщениями, а потому прошу всю почтенную компанию не то что вотировать, а прямо и просто заявить, что вам веселее: черепаший ли ход в болоте или на всех парах через болото? [Достоевский 2010: 371–372].

Данный вопрос содержит ложную альтернативу, выраженную туманно, метафорически. Петр Степанович требует дать однозначный ответ, понимая, что собравшиеся не могли согласиться с «*черепашьим ходом в болоте*» и должны были выбрать путь «*на всех парах через болото»*, и таким образом подтвердить (возможно, и не желая того) правоту аргументов манипулятора, оправдывающего жестокие методы революционной борьбы.

Манипуляция оказалась настолько явной, что ее заметил хромой учитель, который не испугался уличить Верховенского в нечестной игре: «*Позвольте вам, однако, заметить, что ответы на подобные вопросы обусловливаются. Если мы и дали решение, то заметьте, что все-таки вопрос, заданный таким странным образом...<…> Вы из нас вытянули ответ на готовность к немедленному действию* <…>» [Достоевский 2010: 372].

Разоблачение манипулятивных ходов ничуть не смутило Петра Степановича, который решительно продолжил воплощать свой замысел с помощью провокационных вопросов: *«Или вы боитесь доноса?(1) Неужели между нами может заключаться теперь доносчик?(2)», «Если бы каждый из нас знал о замышленном политическом убийстве, то пошел ли бы он донести, предвидя все последствия, или остался бы дома, ожидая событий?(3)»* [Достоевский 2010: 373].

Первые два вопроса (1,2) позволяют манипулятору вызвать у присутствовавших негативные чувства — страх предательства, опасения быть уличенным в предательстве — и подозрительное отношение к окружающим. Естественной реакцией в такой ситуации оказывается желание оправдаться и выйти из круга подозреваемых. Третий вопрос (3) является альтернативным по форме, но безальтернативным по содержанию, поскольку первый предлагаемый вариант действий номинируется словом с отрицательной оценкой *донести*. В этом же вопросе содержится и угроза «*последствиями»* тем, кто готов выбрать донос. Формулируя таким образом вопрос, манипулятор подталкивает к нужному ответу и создает ловушку для тех, кто ответил утвердительно. Все, кто обещал не доносить о готовящихся преступлениях, скомпрометировали себя и оказались в западне провокатора. Но главной жертвой ловушки должен был стать Шатов, не желавший быть пешкой в разыгрываемой партии Верховенского. Петр Степанович понимал, что Шатов уйдет, не ответив на вопрос, тем самым подтвердит подозрение в своей неблагонадежности. Эту уловку заметил и в разговоре с Верховенским раскрыл Ставрогин: «*Я вам давеча сказал, для чего вам Шатова кровь нужна, — засверкал глазами Ставрогин. — Вы этою мазью ваши кучки слепить хотите. Сейчас вы отлично выгнали Шатова: вы слишком знали, что он не сказал бы: «не донесу», а солгать пред вами почел бы низостью*» [Достоевский 2010: 377].

Вынудив Шатова повести себя подозрительно — уйти, не объяснив причины своих действий собравшимся и не ответив на провокационные вопросы, — Верховенский психологически подготовил участников задуманного им преступления к убийству бывшего соратника.

Таким образом, создавая колоритный образ политического авантюриста Петра Верховенского в романе «Бесы», Ф. М. Достоевский представляет его как провокатора с уникальной способностью манипулировать людьми разного круга и статуса. Циничный революционер мастерски использует различные приемы и тактики речевой провокации, что нередко приводит к трагическим последствиям, становится средством достижения безнравственной цели — реализации «идеологии смуты». Проведенный анализ приемов провокативного речевого поведения героя произведения М. Ф. Достоевского показал, что исследование деструктивного общения на материале художественного текста является весьма перспективным, поскольку позволяет изучать провокативные коммуникативные стратегии и тактики, а также помогает в процессе лингвистического анализа выявлять и интерпретировать мотивы и цели речевого поведения персонажей литературных произведений.

ИСТОЧНИКИ

1. Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. — Москва : Эксмо, 2010. — 608 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Булгаков, С. Н. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / С. Н. Булгаков. — Москва : Наука, 1993. — 752 с. — Текст : непосредственный.

2. Варлакова, Т. В. Речевая провокация как объект судебной лингвистической экспертизы / Т. В. Варлакова // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2013. — № 4(51). — С. 33–36. — EDN RTAAIF.

3. Иссерс, О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге / О. С. Иссерс // Русский язык в научном освещении. — 2009. — № 2(18). — С. 92–104. — EDN MTBBID.

4. Кузнецов, В. О. «Провокация» как экспертное понятие в судебной лингвистической экспертизе / В. О. Кузнецов // Теория и практика судебной экспертизы. — 2020. — Т. 15, № 3. — С. 6–18. — DOI 10.30764/1819-2785-2020-3-6-18. — EDN KNQHPD.

5. Малышкина, И. Г. Метод провокации в исследованиях взаимоотношений аудитории и средств коммуникации / И. Г. Малышкина // Медиа. Информация. Коммуникация. — 2013. — № 4. — С. 20–22. — EDN TGRRIR.

6. Назарова, Е. А. Значение провокации в средствах массовой коммуникации: мнение экспертов / Е. А. Назарова // Провокация: экспертное измерение. — Москва : Новый хронограф, 2017. — С. 70–85. — EDN VKGEIX.

7. Никонова, Ж. В. Речевая провокация как основной инструмент коммуникативного воздействия в современной мировой политике / Ж. В. Никонова // Международные отношения и общество. — 2019. — Т. 1, № 4. — С. 29–33. — EDN CKAKJF.

8. Никонова, Ж. В. Речевая провокация как основной инструмент коммуникативного воздействия в современной мировой политике / Ж. В. Никонова // Международные отношения и общество. — 2019. — Т. 1, № 4. — С. 29–33. — EDN CKAKJF.

9. Самсонова, А. А. Речевая провокация в научно-популярных телепередачах / А. А. Самсонова // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации. — Санкт-Петербург : Медиапапир, 2022. — С. 121–130. — EDN JUHXIW.

10. Сараскина, Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение / Л. И. Сараскина. — Москва : Сов. писатель, 1990. — 478 с. — EDN ZMPVTR.

11. Середухина, Т. А. Провокация как коммуникативная неудача / Т. А. Середухина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2013. — № 10. — С. 314–323. — EDN RTEHZH.

12. Смелова, М. В. Провокационные стратегии в рекламной коммуникации / М. В. Смелова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2017. — № 1. — С. 168–172. — EDN YLGGCP.

13. Солодухо, А. С. Провокативность в интернет-коммуникации: проблема определения понятия / А. С. Солодухо, А. В. Лозовский // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. — 2019. — № 1. — С. 104–109. — EDN YXCTEL.

14. Степанов, В. Н. Категория провокативности и пиар-дискурс / В. Н. Степанов // Актуальные процессы современной социальной и массовой коммуникации : сборник научных трудов. — Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2009. — Т. 1. — С. 116–123. — EDN WCOWUT.

15. Степанов, В. Н. Провоцирование в рекламной коммуникации / В. Н. Степанов // Организационная психолингвистика. — 2019. — № 2(6). — С. 3. — EDN NNVFTP.

16. Степанов, В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации : монография / В. Н. Степанов ; В. Н. Степанов. — Санкт-Петербург : Роза мира, 2008. — 268 с. — ISBN 5-85574-223-4. — EDN QXSPRP.

17. Степченкова, В. Н. Манипулятивные стратегии Петра Верховенского в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» / В. Н. Степченкова // Проблемы исторической поэтики. — 2023. — Т. 21, № 1. — С. 91–113. — DOI 10.15393/j9.art.2023.12022. — EDN DLUSZC.

18. Шацкая, М. Ф. Комическая провокация и провокация комизмом: две стороны одного коммуникативно-прагматического явления / М. Ф. Шацкая, Т. В. Черницына // Terra Linguistica. — 2024. — Т. 15, № 3. — С. 81-98. — DOI 10.18721/JHSS.15308. — EDN OJNQZE.

19. Шипова, И. А. Языковые приемы речевой манипуляции адресатом в художественном тексте анализа (на материале новеллы Э. Т. А. Гофмана «Песочный человек») / И. А. Шипова // Язык. Коммуникация. Общество. — 2023. — № 1(1). — С. 28–41. — EDN HLWXXG.

20. Штеба, А. А. Лингвистические признаки провокации / А. А. Штеба // Litera. — 2017. — № 1. — С. 120–128. — EDN YJJVCJ.

MATERIALS

1. Dostoyevskiy, F.M. (2010). Besy = Demons. Moscow: Eksmo, 608 p.

REFERENCES

1. Bulgakov, S. N. (1993). Sochineniya v dvukh tomakh = The essay in two volumes. Vol. 2. Moscow: Nauka, 752 p.

2. Varlakova, T. V. (2013). Rechevaya provokatsiya kak ob′yekt sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy = Speech provocation as the object of forensic linguistic expertise. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, *4*(51), 33–36.

3. Issers, O. S. (2009). Strategiya rechevoy provokatsii v publichnom dialoge = The strategy of speech provocation in public dialogue. *Russian Language and Linguistic Theory*, *2*(18), 92–104.

4. Kuznetsov, V. O. (2020). «Provokatsiya» kak ekspertnoye ponyatiye v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize = “Provocation” as an expert term in forensic linguistics. *Theory and Practice of Forensic Science*, *15*(3), 6–18. DOI 10.30764/1819-2785-2020-3-6-18.

5. Malyshkina, I. G. (2013). Metod provokatsii v issledovaniyakh vzaimootnosheniy auditorii i sredstv kommunikatsii = Provocative techniques in researches of interaction between an audience and means of communication. *Media. Information. Communication*, *4*, 20–22.

6. Nazarova, E. A. (2017). Znacheniye provokatsii v sredstvakh massovoy kommunikatsii: mneniye ekspertov = The importance of the provoc ation in the mass media: the opinion of experts. *Provocation: an expert dimension,* 70–85. Moscow: Novyy khronograf.

7. Nikonova, Z. H. (2019). Rechevaya provokatsiya kak osnovnoy instrument kommunikativnogo vozdeystviya v sovremennoy mirovoy politike = Speech provocation as the main tool of communicative influence in modern world politics. *International relations and society, 1*(4), 29–33.

8. Prokof'yeva, L. P., Mikhaylova, O. E. (2024). Rechevoye vozdeystviye i manipulyatsiya v khudozhestvennom tekste (na materiale rasskazov A. P. Chekhova) = Speech impact and manipulation in an artistic text (based on the A. P. Chekhov’s stories). *Communication studies*, *11*(3), 584–598. DOI 10.24147/2413-6182.2024.11(3).584-598.

9. Samsonova, A. A. (2022). Rechevaya provokatsiya v nauchno-populyarnykh teleperedachakh = Speech provocation in popular science TV shows. *Dialogue is a dispute in popular science communication,* 121–130. St. Petersburg: Mediapapir.

10. Saraskina, L. I. (1990). “Besy”: roman-preduprezhdeniye = “Demons”: a warning novel. Moscow: Sov. pisatel, 478 p.

11. Seredukhina, T. A. (2013). Provokatsiya kak kommunikativnaya neudacha = The provocation as the communicative failure. *Herald of Chelyabinsk state pedagogical university*, *10*, 314–323.

12. Smelova, M. V. (2017). Provokatsionnyye strategii v reklamnoy kommunikatsii = The provocative strategies of advertising communication. *Herald of Tver state university. Series: Philology*, *1*, 168–172.

13. Solodukho, A. S., Lozovskiy, A. V. (2019). Provokativnost′ v internet-kommunikatsii: problema opredeleniya ponyatiya = Provocativeness in internetcommunication: the problem of concept defining. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology, 1*, 104–109.

14. Stepanov, V. N. (2009). Kategoriya provokativnosti i piar-diskurs = The category of provocation and PR discourse. *Current processes of modern social and mass communication, 2,*116–123. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

15. Stepanov, V. N. (2019). Provotsirovaniye v reklamnoy kommunikatsii = Provoking in advertising. *Organizational psycholinguistics, 2*(6), 45–61.

16. Stepanov, V. N. (2008). Provotsirovaniye v sotsial′noy i massovoy kommunikatsii = Provocation in social and mass com-

munication. St. Petersburg: Roza mira, 268 p.

17. Stepchenkova, V. N. (2023). Manipulyativnyye strategii Petra Verkhovenskogo v romane F. M. Dostoyevskogo «Besy» = Manipulative strategies used by Pyotr Verkhovensky in F. M. Dostoevsky's novel "Demons". *The Problems of Historical Poetics*, *21*(1), 91–113. DOI 10.15393/j9.art.2023.12022.

18. Shatskaya, M. F., Chernitsyna T. V. (2024). Komicheskaya provokatsiya i provokatsiya komizmom: dve storony odnogo kommunikativno-pragmaticheskogo yavleniya = Comic provocation and provocation by comedianism: two sides of one communicative and pragmatic phenomenon. *Terra Linguistica*, *15*(3), 81–98. DOI 10.18721/JHSS.15308

19. Shipova, I. A. (2023). Yazykovyye priyemy rechevoy manipulyatsii adresatom v khudozhestvennom tekste analiza (na materiale novelly E. T. A. Gofmana «Pesochnyy chelovek») = Linguistic techniques of speech manipulation by the addressee in the literary text of the analysis (based on the material of E. T. A. Hoffman's short story "The Sandman"). *Language. Communication. Society, 1*(1), 28–41.

20. Shteba, A. A. (2017). Lingvisticheskiye priznaki provokatsii = Linguistic signs of provocation. *Litera, 1*, 120–128.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.112.2'373
ББК Ш143.24-31 *ГРНТИ 16.21.51, 16.21.21* *Код ВАК 5.9.8*

Зайнета Руслановна Хачмафова[1]✉, Сусанна Рашидовна Макерова[2]✉

[1,2] Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия
[1] zaineta@nextmail.ru✉, SPIN-код: 1429-0827, https://orcid.org/0000-0003-4645-0683
[2] susanna04@rambler.ru✉, SPIN-код: 8288-6698, https://orcid.org/0000-0003-4726-8437

Кластерное моделирование концепта «Агрессия»: когнитивно-семантический подход (на материале корпуса немецкого языка DWDS)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена выявлению и описанию когнитивно-семантической структуры кластерной модели концепта «Агрессия» на материале немецкого языка. В качестве методологической основы предлагается кластерный подход, основанный на концепции Дж. Лакоффа о сложных категориях как «пучке» радиально связанных когнитивных моделей и интегрирующий теорию прототипов Э. Рош и когнитивно-грамматическую теорию Р. Лангакера. Кластерный подход постулирует множественность и гетерогенность принципов категоризации, что позволяет непротиворечиво совмещать разнородные аспекты концепта «Агрессия» в рамках единой модели. Эмпирическую базу составили около 2800 микроконтекстов, извлеченных методом сплошной выборки из корпуса немецкого языка DWDS. Для установления внутренней организации концепта «Агрессия» как системы макрокластеров и субкластеров с прототипическим ядром, периферией и сетью радиальных связей были применены следующие методы: компонентный анализ словарных дефиниций для установления инвариантного семантического ядра кластеров и субкластеров; дистрибутивный и контекстуальный анализ коллокационных профилей ключевых лексем-репрезентантов с использованием инструмента DWDS-Wortprofil и коэффициента logDice для выявления типовых дискурсивных реализаций и имплицитных когнитивных признаков. Ядерно-периферийная организация устанавливалась на основе формализованных квантитативных критериев: абсолютной частотности, дистрибутивной универсальности и семантической нейтральности единиц.*

В ходе анализа выделены три кластера — «Физическая / деструктивная агрессия», «Эмоциональная агрессия / враждебность» и «Вербальная агрессия», в составе которых дифференцированы 9 субкластеров: «нападение», «военная агрессия», «насилие», «деструктивное повреждение объектов», «аффективная агрессия», «враждебные установки», «оскорбление и диффамация», «угрозы и принуждение», «кибер-агрессия и преследование». Охарактеризованы основные принципы кластерного моделирования: конвергенция гетерогенных когнитивных моделей, прототипическая ядерно-периферийная организация и открытость границ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *когнитивная семантика, концептосфера, концепты, агрессия, кластерное моделирование, кластерный подход, субкластер, немецкий язык, прототипическая структура, коллокационный профиль.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Хачмафова Зайнета Руслановна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой французской и немецкой филологии, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия, email: zaineta@nextmail.ru.*

Макерова Сусанна Рашидовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия, email: susanna04@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Хачмафова, З. Р.* Кластерное моделирование концепта «Агрессия»: когнитивно-семантический подход (на материале корпуса немецкого языка DWDS) / З. Р. Хачмафова, С. Р. Макерова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 21-28.

Zayneta R. Khachmafova[1]✉, Susanna R. Makerova[2]✉

[1,2] Adygea State University, Maikop, Russia
[1] zaineta@nextmail.ru✉, SPIN code: 1429-0827, https://orcid.org/0000-0003-4645-0683
[2] susanna04@rambler.ru✉, SPIN code: 8288-6698, https://orcid.org/0000-0003-4726-8437

Cluster Modeling of the Concept of "Aggression": A Cognitive-Semantic Approach (Based on the German DWDS Corpus)

ABSTRACT. *The article reveals and describes the cognitive-semantic structure of the cluster model of the concept "Aggression" based on the German language material. The methodological framework involves the cluster approach, developed in G. Lakoff's conception of complex categories as a "cluster" of radially related cognitive models and integrates E. Rosch's prototype theory and R. Langacker's Cognitive Grammar theory. The cluster approach postulates a multiplicity and heterogeneity of categorization principles, thus enabling heterogeneous aspects of the concept "Aggression" to be consistently integrated within a single model. The empirical base comprises approximately 2,800 micro-contexts extracted via continuous sampling from the German language corpus DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache). To discover the internal organization of the concept of "Aggression" as a system of macro-clusters and subclusters with a prototypical core, periphery, and a network of radial connections, the following methods are employed: componential analysis of dictionary*

© Хачмафова З. Р., Макерова С. Р., 2026

definitions to determine the invariant semantic core of clusters and subclusters; distributional and contextual analysis of the collocational profiles of key lexical representatives using the DWDS-Wortprofil tool and the logDice coefficient to identify typical discourse realizations and implicit cognitive features. The core-periphery organization is discovered on the basis of formalized quantitative criteria: absolute frequency, distributional versatility, and semantic neutrality of units.

The analysis singles out 3 clusters — "Physical / Destructive Aggression", "Emotional Aggression / Hostility", "Verbal Aggression" — within which 9 subclusters were differentiated: "attack", "military aggression", "violence", "destructive damage to objects", "affective aggression", "hostile attitudes", "insult and defamation", "threats and coercion", "cyber-aggression and stalking". The article characterizes the main principles of cluster modeling: the convergence of heterogeneous cognitive models, prototypical core-periphery organization, and openness of boundaries.

KEYWORDS: *cognitive semantics, conceptosphere, concepts, aggression, cluster modeling, cluster approach, subclaster, German language, prototypical structure, collocation profile.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Khachmafova Zayneta Ruslanovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of French and German Philology, Adygea State University, Maykop, Russia.*

Makerova Susanna Rashidovna, Doctor of Philology, Head of Department of English Philology, Adygea State University, Maykop, Russia.

FOR CITATION: *Khachmafova Z. R., Makerova S. R*. (2026). Cluster Modeling of the Concept of "Aggression": A Cognitive-Semantic Approach (Based on the German DWDS Corpus). In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 21-28. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В когнитивной лингвистике актуальным остается вопрос поиска адекватной аналитической единицы для анализа концептов, прежде всего абстрактных и социально-оценочных, отличающихся многомерностью и динамичностью. Значительным методологическим потенциалом обладает кластерный подход, восходящий к идеям Дж. Лакоффа [Lakoff 1987] и его модели категоризации, демонстрирующей, что сложные категории конституируются как «пучок» когнитивных моделей. Настоящее исследование опирается на принципы теории прототипов Э. Рош [Rosch 1978], объясняющей внутреннюю структуру категорий через градуальность элементов и выделяющей прототипические как более типичные и периферийные как менее типичные представители. В отличие от классической теории прототипов кластерная модель постулирует множественность принципов категоризации, которые могут быть гетерогенными. В рамках кластерного подхода это означает, что каждый выделяемый субкластер располагает ядерными и периферийными единицами.

Для объяснения механизмов, связывающих разноуровневые элементы кластера, целесообразно обратиться к когнитивно-грамматической теории Р. Лангакера [Langacker 1987]. Согласно его модели, лексика и грамматика образуют континуум символических структур, а языковое значение трактуется как концептуализация, осуществляемая говорящим. Данная модель релевантна для анализа внутренней организации субкластеров, поскольку позволяет показать, каким образом ядерные значения связаны с периферийными посредством отношений расширения, в том числе реализующихся в форме метафорических и метонимических переносов.

В современной лингвистике кластер рассматривается как динамическое ассоциативно-тематическое объединение лексических единиц, связанных общим концептуальным ядром [Хроленко 2009], включающее в себя не только ядерные синонимы, но и периферийную лексику, связанную с концептом отношениями смежности, ситуативной принадлежности, ассоциации и деривации [Буянова 2023]. Важным свойством кластера является его открытость и изменчивость границ [Хорошева, Мадей 2023], что особенно актуально для социально-оценочного концепта агрессии, чье наполнение эволюционирует вместе с общественным сознанием. Кластер трактеуется как когнитивно-идентификационный понятийный феномен в терминологическом процессе [Новосельская 2024]. Как отмечают Т. А. Гридина и Н. И. Коновалова, в основе кластерного анализа лежит процедура классификации материала на произвольном основании [Гридина, Коновалова 2015]. Кластерный анализ лексики служит эффективным инструментом таксономии, позволяя обнаруживать закономерности категоризации [Картавцева, Хачмафова 2025], а также является продуктивным для исследования фоносемантической экспрессивности слова в отрыве от лексического значения [Ваулина 2025]. Как отмечает Юе Сюе, метод кластерного анализа ключевых слов применительно к исследованию политико-культурных концепций дает возможность объективно реконструировать имплицитную смысловую структуру политических текстов [Юе Сюе 2025].

С опорой на изложенные теоретические основания кластер определяется как когнитивно-семантическая единица, репрезентирующая один из аспектов сложного концепта, характеризующаяся: 1) объединением элементов на основе конвергенции нескольких когнитивных моделей, например, физическое

действие, эмоциональное состояние, речевой акт; 2) прототипической организацией с ядерными и периферийными элементами; 3) открытостью границ, что позволяет включать новые единицы по мере эволюции концепта.

Выбор концепта «Агрессия» в качестве объекта кластерного моделирования обусловлен прежде всего его структурной сложностью и многомерностью, поскольку данный феномен охватывает физические действия, эмоциональные состояния, речевые акты и социальные явления. Ни один из этих аспектов не может быть признан единственно определяющим, что позволяет представить его в виде пучков признаков-моделей. Учитывая многоаспектную природу агрессии как сложного психосоциального явления, следует опираться на классические и современные теории, разработанные в психологии и социологии [Buss 1961; Берковиц 2001; Лоренц 2009]. В лингвистической науке накоплен значительный опыт анализа особенностей категоризации и концептуализации агрессии на всех уровнях языка [Воронцова 2006; Кошкарова 2008; Плотникова 2017; Петрова, Рацибурская 2022; Шейгал 2004 и др.]. Интегративная многофакторная модель агрессии на материале разносистемных языков, предложенная Л. Р. Комаловой [Комалова 2022], объединяет лексико-семантический, дискурсивный и просодический уровни. Агрессия, как один из самых деструктивных, но при этом повсеместно распространенных феноменов в современном социуме и дискурсе, вызывает интерес в научных исследованиях, что объясняется его структурной сложностью, социальной и коммуникативной значимостью.

Научная ценность кластерного моделирования видится в возможности непротиворечивого совмещения в рамках одной модели принципиально разнородных аспектов агрессии, что соответствует природе феномена агрессии как сложного психосоциального и коммуникативного ментального образования.

Цель статьи — выявить и описать когнитивно-семантическую структуру кластерной модели концепта «Агрессия» на примере немецкого языка.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования были применены следующие методы:

1) компонентного анализа словарных дефиниций ключевых лексем-репрезентантов концепта «Агрессия» для установления инвариантного семантического ядра, установления минимального набора интегральных сем, образующих прототипическую основу каждого субкластера;

2) дистрибутивного анализа, включающего анализ коллокационных профилей ключевых лексем с помощью инструмента *DWDS-Wortprofil* для установления статистически значимых синтагматических партнеров и типовых контекстов и контекстуальный анализ корпусных конкордансов, направленный на выявление актуализированных в дискурсе когнитивных признаков;

3) когнитивно-семантического анализа для когнитивной интерпретации полученных семантических и контекстуальных данных и построения кластерной структуры концепта.

Материалом исследования послужили лексические единицы, объективирующие концепт «Агрессия». Источником языкового материала послужил корпус немецкого языка *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (DWDS). Выбор данного корпуса продиктован его репрезентативностью, значительным объемом, а также наличием развитого инструментария для поиска коллокаций и построения семантических профилей слов. Объем эмпирического материала, подвергнутого ручной семантической разметке и контекстуальному анализу, составил около 2800 микроконтекстов. С помощью инструмента *DWDS-Wortprofil* проанализированы коллокационные профили ключевых лексических единиц, репрезентирующих концепт «Агрессия» в немецком языке. Средний logDice по 20 коллокатам служил мерой дистрибутивной универсальности. Анализ коллокационных профилей позволил реконструировать типовые дискурсивные реализации и установить имплицитные семантические компоненты, не всегда фиксируемые словарными дефинициями.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепт «Агрессия» репрезентируется как категория, организованная по кластерному принципу и характеризующаяся прототипической структурой внутри субкластеров. Каждый выделенный субкластер анализируется с точки зрения его внутренней прототипической организации, что позволяет эксплицировать иерархию когнитивных признаков. Для объективации ядерно-периферийной структуры кластеров и устранения субъективизма в оценках в исследовании использовались квантитативные данные корпуса DWDS. В качестве критериев прототипичности лексической единицы были приняты абсолютная частотность в корпусе, коэффициент дистрибутивной универсальности и семантическая нейтральность единицы. На основании анализа коллокационных профилей, дистрибутивной сочетаемости и семантической структуры лексем-репрезен-

тантов концепта «Агрессия» в немецком языке выделены три макрокластера, каждый из которых репрезентирует отдельную когнитивную модель агрессии. Внутри каждого макрокластера на базе более частных инвариантных признаков сформированы субкластеры, объединяющие группы лексем с общей ментальной моделью и обладающие собственной ядерно-периферийной структурой.

1. **Кластер «Физическая / деструктивная агрессия»** репрезентирует прототипическую модель агрессии как целенаправленного деструктивного действия, сопряженного с применением физической силы и причинением материального или физического вреда. Установлены следующие субкластеры:

1. **Субкластер «нападение**» объединяет лексемы, номинирующие прямое деструктивное воздействие субъекта на объект, и включает единицы *Angriff, Überfall, Offensive, Attacke*. Прототипическим ядром выступает лексема *Angriff*, которая репрезентирует базовую модель целенаправленного деструктивного действия. Ключевые адъективные коллокаты фиксируют характер воздействия (*tätlich* (7.6), *bewaffnet* (6.6), *tödlich* (6.5)), субъектную отнесенность (*russisch* (7.5), *israelisch* (7.2), *terroristisch* (7.0)), интенциональность (*gezielt* (6.8), *feindlich* (6.7)) и связь с вербальной сферой (*verbal* (6.4)). Глагольные коллокаты a*bwehren* (8.1), *starten* (6.1), *verüben* (5.3) и предложные конструкции *auf Zivilist* (5.9), *auf Infrastruktur* (5.1) подтверждают прототипический сценарий физической атаки. Периферию субкластера формируют лексемы, конкретизирующие ядерную модель. Лексема *Überfall* является гипонимом и актуализирует семы «внезапность» и «криминальный характер». Профиль лексемы определяют коллокаты *erbeuten bei* (9.5), *auf Geldtransporter* (8.3), *brutal* (8.3), связывающие нападение с корыстной мотивацией. Лексема *Offensive* актуализирует «масштабность», «планомерность» и «стратегическую цель» (*großangelegt* (6.2), *militärisch* (5.5)), а субъектные коллокаты *Regierungstruppe* (6.6) и *Armee* (5.8) эксплицируют институциональный характер агрессора. Лексема *Attacke* демонстрирует внутрикатегориальный сдвиг к модели «вербальная атака», о чем свидетельствуют коллокаты *verbale Attacke* (8.7), *Attacke reiten* (8.0); прямое физическое значение (*terroristische Attacke* (6.9), *tödliche Attacke* (6.8)) оттесняется на дальнюю периферию. Коллокации *heftige Attacke* (6.7) и *wütende Attacke* (6.0) фиксируют метонимический перенос с эмоционального состояния субъекта на действие, что маркирует радиальный переход к кластеру «Эмоциональная агрессия / враждебность».

2. **Субкластер «военная агрессия»** объединяет лексемы, объективирующие когнитивную модель агрессии как вооруженного насилия, направленного на захват территории, установление контроля или подчинение противника: *Krieg, Invasion, Okkupation, Annexion*. *И*нвариантным признаком выступает «применение военной силы для территориальной или политической экспансии», а прототипическим ядром и гиперонимом служит лексема *Krieg*, отличающаяся широкой дистрибутивной сочетаемостью и широкой синтагматической вариативностью. Лексический профиль *Krieg* включает коллокаты, репрезентирующие типологизацию (*kalt* (10.77), *dreißigjährig* (8.30), *heilig* (7.89), *total* (6.54), *gerecht* (6.23)), интенсивность (*blutig* (5.92)), фазовость (*ausbrechen* (6.53), *beenden* (7.48)) и деструктивную семантику (*toben* (6.33), *zerstören* 4.38)). Координативные связи (*Friede* (8.01), *Gewalt* (5.52), *Terror* (5.31), *Konflikt* (5.01), *Vertreibung* (4.90), *Zerstörung* (4.48), *Bürgerkrieg* (4.79)) показывают, что лексема *Krieg* занимает центральное звено, соединяющее физическую деструкцию с макросоциальными деструктивными процессами. Периферию субкластера формируют лексемы *Invasion*, *Okkupation* и *Annexion*. Адъективные коллокаты *Invasion* фиксируют субъектную отнесенность (*russisch* (7.14), *alliiert* (7.03)), масштаб (*großangelegt* (5.57)) и противоправность (*völkerrechtswidrig* (5.89)); глагольные коллокаты *abwehren* (5.71), *zurückschlagen* (4.75) и *stoppen* (4.12) маркируют лексему *Invasion* как внезапную угрозу, требующую отражения. Лексема *Okkupation* манифестирует устойчивую историко-идеологическую маркированность, фиксируемую коллокатами *sowjetisch* (5.94), f*aschistisch* (5.34), *nationalsozialistisch* (4.95), занимает дальнюю периферию субкластера. Лексема *Annexion* репрезентирует формально-правовое закрепление военного захвата, что подтверждается высокими показателями признака противоправности (völkerrechtswidrig (9.87)) и юридической семантикой коллокатов: *anerkennen* (5.74), *legitimieren* (4.53), *verurteilen* (3.51).

3. **Субкластер «насилие»** объединяет лексемы, репрезентирующие когнитивную модель агрессии как применения физической и/или психологической силы, отличающегося высокой интенсивностью и в экстремальных формах направленностью на систематическое уничтожение или устрашение: *Gewalt, Terrorismus, Völkermord*. Прототипическим ядром и гиперонимом является лексема *Gewalt*, которая демонстрирует наиболее широкую дистрибутивную сочетаемость. Ее коллокационный профиль фикси-

рует основные концептуальные измерения: физическое (*körperliche Gewalt* (7.74), *physische Gewalt* (7.22)), сексуальное (*sexuelle Gewalt* (9.11), *sexualisierte Gewalt* (8.66)), домашнее (*häusliche Gewalt* (9.71)), политическое (*militärische Gewalt* (7.75), *staatliche Gewalt* (6.32)) и дискриминационное (*rassistische Gewalt* (6.01)). Коллокат *verbale Gewalt* (5.78) маркирует радиальное расширение категории в сферу коммуникативной агрессии.

Периферию субкластера образуют лексемы, конкретизирующие экстремальные и систематические формы коллективного насилия. У лексемы *Terrorismus* наиболее сильные коллокаты репрезентируют идеологическую основу (*islamistischer Terrorismus* (9.43), *internationaler Terrorismus* (7.71)), дискурс борьбы (*Bekämpfung* (9.64), *Kampf gegen* (9.11)) и координацию с другими социально деструктивными явлениями (*Kriminalität* (6.96), *Extremismus* (6.73)). Крайнюю периферию занимает лексема *Völkermord*, объективирующая предельную форму коллективного насилия — систематическое уничтожение этнической, национальной или религиозной группы. Данные DWDS фиксируют высокие показатели logDice для коллокатов, указывающих на конкретные жертвы (*an Armenier* (10.52), *an Tutsi* (8.03), *an Herero* (7.62), *an Sinto* (7.42), *an Jude* (7.01)). Морально-правовая маркированность концепта подтверждается устойчивыми коллокациями со значением отрицания и признания (*Leugnung* (7.72), *anerkennen* (5.33)), а также координативными связями с *Kriegsverbrechen* (8.05) и *Verbrechen* (7.11). Лексема *Völkermord* объективирует преступление против человечности как физическую и институциональную агрессию.

4. **Субкластер «деструктивное повреждение объектов»** репрезентирует когнитивную модель агрессии как намеренного разрушения или повреждения материальных объектов, не сопряженного с прямым физическим насилием над личностью: *Vandalismus*, *Sachbeschädigung*, *Zerstörung*. Прототипическим ядром выступает лексема *Vandalismus*, которая по дистрибутивной универсальности и семантической нейтральности превосходит остальные единицы субкластера. Коллокационный профиль лексемы *Vandalismus* обнаруживает наиболее тесные синтагматические связи с единицами, репрезентирующими имущественный ущерб и хулиганские действия: *Graffito* (5.64), *Vermüllung* (5.52), *Schmiererei* (5.42), *Verschmutzung* (5.22), *Sachbeschädigung* (5.13). Периферию формируют лексемы *Sachbeschädigung, Zerstörung.* Коллокационный профиль лексемы *Sachbeschädigung* показывает, что она выступает формально-правовым коррелятом прототипического ядра. Наиболее высокие показатели logDice зафиксированы у коллокатов, манифестирующих правовую квалификацию деяния: *gemeinschädlich* (9.12), *Tatbestand* (6.29), *Straftatbestand* (5.33). Это подтверждается также координативными связями: *Hausfriedensbruch* (7.61), *Körperverletzung* (6.62), *Landfriedensbruch* (6.25), *Volksverhetzung* (5.64), *Brandstiftung* (5.56), *Nötigung* (5.44). Лексема *Zerstörung* демонстрирует существенно более широкий коллокационный профиль, охватывающий как антропогенные, так и природные виды деструкции. Наивысшие показатели logDice зафиксированы у коллокатов, обозначающих масштаб разрушения (*Ausmaß* (7.71), *total* (6.15), *vollständig* (5.24)), а координативные связи (Plünderung (5.41), Wiederaufbau (5.32), Vernichtung (5.21), Vertreibung (5.01)) интегрируют агрессию в парадигму масштабных деструктивных процессов. Данный субкластер эксплицирует важный аспект агрессивного поведения — направленность на внешний предметный мир.

2. **Кластер «Эмоциональная агрессия / враждебность»** репрезентирует когнитивную модель агрессии как внутреннего негативного эмоционального состояния или устойчивой враждебной диспозиции, служащих мотивационной основой деструктивного поведения. В структуре кластера выделены два субкластера — «аффективная агрессия» и «враждебные установки», — различающиеся по параметру временной устойчивости.

1. **Субкластер «Аффективная агрессия»** объединяет лексемы, номинирующие кратковременные, остро протекающие негативные эмоциональные состояния, характеризующиеся высоким психофизиологическим возбуждением: *Wut, Zorn, Empörung, Entrüstung.* Прототипическим ядром субкластера выступает лексема *Wut* по частотности дистрибутивной универсальности и семантической нейтральности. Ее коллокационный профиль наиболее полно репрезентирует психофизиологическую природу аффективной агрессии: процессуальный аспект разрядки аффекта представлен глагольными коллокатами *entladen* (7.99), *auslassen* (7.37), *packen* (6.45). Высокая координативная связь с лексемой *Hass* (6.87) эксплицирует восприятие ярости в немецком языковом сознании как кратковременного, но сопоставимого по деструктивной силе аффективного коррелята ненависти. Ближнюю периферию субкластера формирует лексема *Zorn.* Корпусные данные фиксируют высокие показатели logDice для каузативных колло-

катов (*Zorn erregen* (7.91), *Zorn zuziehen* (9.12)), коллокатов со значением сдерживания (*Zorn besänftigen* (6.42)), что помещает ее в зону контролируемых аффектов. Дальнюю периферию образуют лексемы *Empörung* и *Entrüstung*, репрезентирующие публичный, морально мотивированную аффективную агрессию. Высокие показатели logDice для метафорических коллокатов (*Sturm der Entrüstung* (10.26), *Welle der Empörung* (8.32), *Aufschrei der Empörung* (8.61)) и каузативных конструкций (*Empörung auslösen* 8.75, *Empörung hervorrufen* 8.51)) моделируют моральное возмущение как стихийную, коллективную силу, возникающую в ответ на публичные нарушения норм. Тем самым данные единицы формируют переходную зону между эмоциональным переживанием и символической/вербальной агрессией.

2. **Субкластер «враждебные установки»** объединяет лексемы, номинирующие устойчивые негативные состояния и диспозиции генерализованного характера, обладающие интенцией к нанесению вреда объекту: *Hass*, *Feindseligkeit*, *Groll*, *Verachtung*. Прототипическое ядро образует лексема *Hass*, коллокационный профиль которой аккумулирует максимальную интенсивность и иррациональность и демонстрирует наиболее широкую дистрибутивную сочетаемость. Данные DWDS фиксируют адъективные коллокаты *blinder Hass* (6.34), *blanker Hass* (7.68), *abgrundtiefer Hass* (6.43), эксплицирующие неконтролируемый характер чувства. Глагольные коллокаты *schüren* (8.72), *säen* (7.78), *predigen* (6.64) репрезентируют активную деструктивную направленность. Устойчивые координативные связи с лексемами *Gewalt* (7.12) и *Rache* (6.23) объективируют статус ненависти как ведущего мотивационного фактора агрессивного поведения.

Ближнюю периферию формируют лексемы *Feindseligkeit*, *Groll*, *Verachtung*, каждая из которых акцентирует определенный модус враждебности. Для лексемы *Feindseligkeit* коллокаты *sprungbereit* (6.43), *latent* (5.76) и *umschlagen in* (6.08) фиксируют готовность к внезапной эскалации, моделируя враждебность как потенциально взрывоопасное состояние. Лексема *Groll* объективирует подавленную, длительно накапливаемую злобу (*Groll hegen* (9.11), *aufgestauter Groll* (6.12)). Лексема *Verachtung* репрезентирует устойчивую морально-оценочную установку с компонентом превосходства (*mit Verachtung strafen* (8.85), *abgrundtiefe Verachtung* (6.58)) и имеет координативные связи с лексемой *Hass* (5.31).

3. **Кластер «Вербальная агрессия»** репрезентирует когнитивную модель агрессии как речевого или коммуникативного акта, направленного на умаление достоинства, разрушение социальной репутации, психологическое давление или унижение объекта без применения физической силы.

1. Субкластер «оскорбление и диффамация» объединяет лексемы с инвариантным признаком «прямое или опосредованное умаление достоинства лица или группы, направленное на разрушение социального статуса, репутации или самоуважения»: *Beleidigung, Beschimpfung, Verleumdung, Rufmord, Schmähung, Verunglimpfung, Diffamierung*. Прототипическим ядром является лексема *Beleidigung,* коллокационный профиль которой эксплицирует ключевые параметры оскорбления: *rassistische Beleidigung* (8.51), *antisemitische Beleidigung* (5.82), *sexistische Beleidigung* (5.79), *homophobe Beleidigung* (5.47).

Периферию субкластера формируют лексемы, конкретизирующие эту модель по параметрам экспрессивности, публичности и направленности. Лексема *Beschimpfung* репрезентирует интенсивную, эмоционально несдержанную форму оскорбления, характеризующуюся употреблением грубой, табуированной или обсценной лексики. Наивысшие показатели logDice демонстрируют адъективные коллокаты *wüste Beschimpfung* (10.31), *unflätige Beschimpfung* (7.91), *üble Beschimpfung* (7.34), а также метафорические модели, уподобляющие брань стихийному вербальному удару: *Schwall von Beschimpfungen* (4.91), *überschütten mit Beschimpfungen* (4.82).

Лексемы *Verleumdung* и *Rufmord* актуализируют модус косвенной агрессии, направленной на репутацию объекта перед третьими лицами. Коллокационный профиль лексемы *Verleumdung* фиксирует ядерный признак «распространение заведомо ложных, порочащих сведений»: *böswillige Verleumdung* (7.51), *infame Verleumdung* (6.24), *niederträchtige Verleumdung* (5.52). Лексема *Rufmord* объективирует метафорическую модель репутационного уничтожения, что подтверждается коллокатами *postumer Rufmord* (4.69) и *versuchter Rufmord* (4.64). Лексема *Schmähung* репрезентирует публичное унижение, часто с интенцией диффамации: *überhäufen mit Schmähungen* (6.33), *überziehen mit Schmähungen* (5.47).

Лексемы *Verunglimpfung* и *Diffamierung* занимают дальнюю периферию субкластера. Координативные связи с лексемами *Diffamierung* (5.72), *Beleidigung* (5.48), *Verleumdung* (4.92) и *Schmähung* (3.96) эксплицируют принадлежность данной единицы к единой парадигме репутационной агрессии. Лексема

Diffamierung, в свою очередь, обладает еще более широким координационным профилем. Наиболее сильные связи фиксируются с лексемами *Verleumdung* (5.84), *Diskreditierung* (5.31), *Verunglimpfung* (5.22), *Stigmatisierung* (5.22), *Herabwürdigung* (5.11), *Rufmord* (5.01). Показательно, что лексема *Diffamierung* чаще связывается с общественно-политическим контекстом (*Andersdenkende* (5.83), *Berufsstand* (5.43), *Protestierende* (3.45), *Friedensbewegung* (3.06)) и используется для номинации целенаправленной кампании по подрыву репутации.

2. **Субкластер «угрозы и принуждение»** объединяет лексемы с инвариантным признаком «вербальное или символическое обещание причинить вред с целью принуждения или запугивания»: *Drohung*, *Erpressung*, *Nötigung*. Прототипическим ядром выступает лексема *Drohung*, демонстрирующая широкую дистрибутивную сочетаемость. Ключевые адъективные коллокаты фиксируют параметры угрозы: степень открытости / скрытости (*unverhohlene Drohung* (7.04), *versteckte Drohung* (6.23), *anonyme Drohung* (6.24)), интенсивность (*massive Drohung* (6.21) и сферу реализации (*nukleare Drohung* (6.03), *militärische Drohung* (5.77)). Координативные связи с лексемами *Beschimpfung* (5.61), *Einschüchterung* (5.51), *Erpressung* (5.41), *Beleidigung* (5.31), *Gewalt* (4.33) и *Nötigung* (4.16) показывают, что лексема *Drohung* опосредует переход от вербальной агрессии к физической, занимая в этом процессе центральное место.

Периферию субкластера формируют лексемы, конкретизирующие мотивационный и правовой аспекты ядерной модели угрозы. Лексема *Erpressung* репрезентирует экономически мотивированную форму принуждения, связанную с требованием имущественной выгоды под угрозой разглашения компрометирующей информации или насилия. Наиболее высокие показатели logDice зафиксированы у коллокатов, указывающих на криминальный характер и корыстную цель: *räuberische Erpressung* (11.74), *versuchte Erpressung* (9.51), *Erpressung von Schutzgeld* (6.81), *Erpressung von Lösegeld* (6.71). Координативные связи с лексемами *Nötigung* (6.61), *Körperverletzung* (6.42), *Menschenraub* (5.54), *Geiselnahme* (4.94) и *Entführung* (4.98) связывают *Erpressung* с парадигмой тяжких преступлений против личности. Лексема *Nötigung* функционирует как термин, обозначающий принуждение к действию, бездействию или допущению вопреки воле жертвы посредством насилия или угрозы. Координативные связи с лексемами *Erpressung* (6.61) и *Drohung* (4.16) подтверждают ее принадлежность к данному субкластеру.

3. **Субкластер «киберагрессия и преследование»** (*Cybermobbing*, *Stalking*) объективирует модель агрессии, опосредованной цифровыми технологиями или проявляющейся в систематическом преследовании, и объединяется инвариантным признаком «коммуникативное или поведенческое действие, вызывающее у жертвы перманентный страх, унижение или социальную изоляцию посредством цифровых каналов или систематического вторжения в личную сферу». Данный субкластер находится на дальней периферии макрокластера вербальной агрессии в силу сравнительно невысоких показателей частотности и дистрибутивной универсальности.

Лексема *Cybermobbing* репрезентирует модель систематической агрессии, осуществляемой посредством цифровых коммуникационных технологий и направленной на запугивание, унижение или социальную изоляцию жертвы. Корпусные данные фиксируют ее связь с подростковой средой и сексуализированными формами насилия: *Cybergrooming* (7.41), *Sexting* (7.21). Лексема *Stalking* актуализирует модель систематического преследования, вызывающего перманентное состояние страха, и отмечена сильными коллокациями гендерной направленности (*Frauenberatung über Stalking* (6.27)), координационными связями с лексемами *Mobbing* (3.36), *Nötigung* (3.37), *Belästigung* (3.17), *Bedrohung* (1.71), что помещает его в широкий спектр систематического психологического насилия.

ВЫВОДЫ

Выявлена и описана когнитивно-семантическая структура кластерной модели концепта «Агрессия» на материале данных корпуса немецкого языка DWDS, проявляющаяся в объединении лексических репрезентантов концепта в кластеры и субкластеры с ядерно-периферийным устройством и сетью радиальных связей между ними.

Кластер определяется как когнитивно-семантическая единица, репрезентирующая отдельную когнитивную модель в составе сложного концепта и характеризующаяся прототипической организацией с радиальными связями значений.

Выделены 3 кластера — «Физическая / деструктивная агрессия», «Эмоциональная агрессия / враждебность» и «Вербальная агрессия», в составе которых дифференцированы 9 субкластеров: «нападение», «военная агрессия», «насилие», «деструктивное повреждение объектов», «аффективная агрессия», «враждебные установки»,

«оскорбление и диффамация», «угрозы и принуждение», «киберагрессия и преследование». Для каждого субкластера на основе формализованных корпусных показателей (абсолютная частотность, средний показатель logDice, семантическая нейтральность) установлена ядерно-периферийная организация, что обеспечивает воспроизводимость и доказательность описания. Установлена сеть радиальных связей, реализующихся через метонимические и метафорические переносы и обеспечивающих целостность всей кластерной модели.

Представленная в статье методика кластерного моделирования когнитивно-семантической структуры концепта «Агрессия» может быть применена к описанию других сложных и многомерных концептов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия, контроль / Л. Берковиц. — Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2001. — 512 с. — ISBN 978-5-93878-295-2.

2. Ваулина, И. А. Метод кластерного анализа как способ исследования фоносемантической экспрессивности слова / И. А. Ваулина // Филологический класс. — 2025. — Т. 30, № 1. — С. 74–83. — DOI 10.26170/2071-2405-2025-30-1-74-83. — EDN WLRKOR.

3. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство / Т. А. Воронцова. — Ижевск ; Челябинск : Удмуртский государственный университет, 2006. — 250 с.

4. Гридина, Т. А. Креативные стратегии текстопорождения как отражение процессов кластеризации (экспериментальные данные) / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. — 2015. — № 1. — С. 55–63. — EDN VHUKNN.

5. Картавцева, Ю. В. Кластерный подход к описанию молодежного сленга в интернет-коммуникации / Ю. В. Картавцева, З. Р. Хачмафова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2025. — № 9 (903). — С. 45–52. — EDN ZROHRL.

6. Комалова, Л. Р. Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии / Л. Р. Комалова. — Москва : Спутник+, 2017. — 275 с. — ISBN 978-5-9973-4127-5. — EDN YKMIPP.

7. Комалова, Л. Р. Лексико-семантическая модель перцептивного образа акта агрессии: опыт конструирования тематического словаря / Л. Р. Комалова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2025. — Т. 24, № 3. — С. 43–53. — DOI 10.15688/jvolsu2.2025.3.4. — EDN JPHDVV.

8. Лоренц, К. Агрессия (так называемое зло) / К. Лоренц ; пер. с нем. Г. Швейник. — Москва : Римис, 2009. — 352 с. — ISBN 978-5-9650-0058-6.

9. Новоселецкая, Д. И. Кластеризация как когнитивно-идентификационный процесс: терминологический аспект / Д. И. Новоселецкая // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2024. — № 3. — С. 215–223. — DOI 10.53531/25420747_2024_3_215. — EDN GCJOOG.

10. Плотникова, А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики / А. М. Плотникова. — Екатеринбург ; Москва : ТХТ, 2017. — 197 с. — ISBN 978-5-7584-0269-6.

11. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с. — ISBN 5-7333-0144-9. — EDN QODCTF.

12. Юе, Сюе. Кластерный анализ политико-культурных концепций в текстах глобальных инициатив Китая: на материале ГИР, ГИБ, ГИЦ / Юе Сюе // Политическая лингвистика. — 2025. — № 5 (113). — С. 226–239. — EDN VLBYTZ.

13. Berkowitz, L. Aggression: Its Causes, Consequences, and Control / L. Berkowitz. — New York : McGraw-Hill, 1993. — 520 p. — ISBN 0-07-004874-6.

14. Buss, A. H. The Psychology of Aggression / A. H. Buss. — New York : Wiley, 1961. — 307 p.

15. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. — Chicago : University of Chicago Press, 1987. — ISBN 0-226-46804-6.

16. Langacker, R. W. The Foundations of Cognitive Grammar. Volume I: Theoretical Prerequisites / R. Langacker. — Stanford, 1987. — 540 p. — ISBN 9780804738514.

17. Rosch, E. Principles of Categorization / E. Rosch // Cognition and Categorization / ed. by E. Rosch, E. Lloyd. — Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. — P. 27–48.

REFERENCES

1. Berkovits, L. (2001). Agressiya: prichiny, posledstviya, kontrol' = Aggression: Causes, Consequences, Control. St. Petersburg: Praym-Evroznak, 512 p.

2. Vaulina, I. A. (2025). Metod klasternogo analiza kak sposob issledovaniya fonosemanticheskoy ekspressivnosti slova = Cluster analysis method as a way to study phonosemantic expressiveness of a word. *Philological Class*, *30*(1), 74–83.

3. Vorontsova, T. A. (2006). Rechevaya agressiya: vtorzhenie v kommunikativnoe prostranstvo = Speech Aggression: Intrusion into Communicative Space. Izhevsk; Chelyabinsk: Udmurt State University, 250 p.

4. Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2015). Kreativnye strategii tekstoporozhdeniya kak otrazhenie protsessov klasterizatsii (eksperimental'nye dannye) = Creative strategies of text generation as a reflection of clustering processes (experimental data). *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity*, *1*, 55–63.

5. Kartavtseva, Yu. V., Khachmafova, Z. R. (2025). Klasternyy podkhod k opisaniyu molodezhnogo slenga v internet-kommunikatsii = Cluster approach to the description of youth slang in Internet communication. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, *9*(903), 45–52.

6. Komalova, L. R. (2017). Agressogennyy diskurs: tipologiya mul'tilingval'noy verbalizatsii agressii = Aggressogenic Discourse: Typology of Multilingual Verbalization of Aggression. Moscow: Sputnik+, 275 p.

7. Komalova, L. R. (2025). Leksiko-semanticheskaya model' pertseptivnogo obraza akta agressii: opyt konstruirovaniya tematicheskogo slovarya = Lexico-semantic model of the perceptual image of an act of aggression: experience of constructing a thematic dictionary. *Science Journal of Volgograd State University*. *Linguistics*, *24*(3), 43–53.

8. Lorents, K. (2009). Agressiya (tak nazyvaemoe zlo) = Aggression (the So-called Evil). Moscow: Rimis, 352 p.

9. Novoseletskaya, D. I. (2024). Klasterizatsiya kak kognitivno-identifikatsionnyy protsess: terminologicheskiy aspekt = Clustering as a cognitive identification process: terminological aspect. *Bulletin of Pyatigorsk State University*, *3*, 215–223.

10. Plotnikova, A. M. (2017). Konfliktnaya kommunikatsiya v aspekte sudebnoy lingvistiki = Conflict Communication in the Aspect of Forensic Linguistics. Ekaterinburg, Moscow: TXT, 197 p.

11. Sheygal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse. Moscow: Gnozis, 324 p.

12. Yue, S. (2025). Klasternyy analiz politiko-kul'turnykh kontseptsiy v tekstakh global'nykh initsiativ Kitaya: na materiale GIR, GIB, GITs = Cluster analysis of political and cultural concepts in the texts of China's global initiatives: based on the Global Development Initiative, Global Security Initiative, and Global Civilization Initiative. *Political Linguistics*, *5*(113), 226–239.

13. Berkowitz, L. (1993). Aggression: Its causes, consequences, and control. McGraw-Hill.

14. Buss, A. H. (1961). The psychology of aggression. Wiley.

15. Lakoff, G. (1987). Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. University of Chicago Press.

16. Langacker, R. W. (1987). The foundations of cognitive grammar: Vol. I. Theoretical prerequisites. Stanford.

17. Rosch, E. (1978). Principles of categorization. *Cognition and categorization (Eds. E. Rosch, E. Lloyd)*, 27–48. Lawrence Erlbaum Associates.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33* *Код ВАК 5.9.8*

Елизавета Владимировна Шустрова[1]✉, Анатолий Прокопьевич Чудинов[2]✉

[1] Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, shustrovaev2@bk.ru✉, SPIN-код: 6690-1583, https://orcid.org/0000-0002-5923-5264
[2] Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, ap_chudinov@mail.ru✉, SPIN-код: 4516-4166, https://orcid.org/0000-0001-5436-5273

Постель как контейнерная концептуальная метафора в поликодовом тексте английской политической карикатуры XVIII — начала XIX века

АННОТАЦИЯ. *Рассматриваются способы репрезентации королевской и парламентской власти как концептуальной метафоры контейнера (в типологии Дж. Лакоффа). Цель статьи — показать применение комплекса когнитивно-дискурсивных методик к анализу сложного поликодового материала, построенного на концептуальных метафорических моделях и их лингвокультурных трансформациях, и определить наиболее типичные способы оформления лингвокультурно маркированного иноязычного текста. В данном случае таким тестом выступал англо-саксонский поликодовый текст, а именно британская политическая карикатура конца XVIII – начала XIX в. В качестве конкретных художников были выбраны наиболее известные карикатуристы этой поры — Дж. Гилрей, И. Крукшенк, Т. Роуландсон. Одним из наиболее типичных проявлений контейнерной концептуальной метафоры становятся образы спальни и постели. Они должны были передавать многочисленные проблемы, связанные с властными структурами и продиктованные как личным поведением конкретных лиц, так и кризисом управления страной в целом. Эти проблемы изображались в виде графической концептуальной метафоры ночных кошмаров, болезней, в редких случаях они уподоблялись тихому, мирному сну, который очень легко нарушить.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, когнитивная лингвистика, языковые средства, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, концептуальные метафоры, метафорические единицы, способы манифестации, английская карикатура, поликодовые тексты, графические метафоры, контейнерные метафоры, политическая карикатура, политические деятели.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, email: shustrovaev2@bk.ru.*

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Шустрова, Е. В.* Постель как контейнерная концептуальная метафора в поликодовом тексте английской политической карикатуры XVIII — начала XIX века / Е. В. Шустрова, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 29-37.

Elizaveta V. Shustrova[1]✉, Anatoly P. Chudinov[2]✉

[1] Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, shustrovaev2@bk.ru✉, SPIN code: 6690-1583, https://orcid.org/0000-0002-5923-5264
[2] Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, ap_chudinov@mail.ru✉, SPIN code: 4516-4166, https://orcid.org/0000-0001-5436-5273

Bed as Container Cognitive Metaphor in Polycode Text of English Political Cartoon in the End of XVIII — beginning of XIX c.

ABSTRACT. *The article focuses on the ways of royal and Parliamentary power representation as a container cognitive metaphor (according to G. Lakoff). The aim of the article is to demonstrate a complex of methods, typical for cognitive and discourse studies. These methods are applied to the decoding and analysis of multimodal (polycode) text, which is based on cognitive metaphors and their linguocultural transformations. Yet another target is to illustrate the most frequent ways for constructing images and meanings in an Anglo-Saxon text, which is rich in linguocultural phenomena. As illustrative examples we chose British political cartoon belonging to the end of the XVIII – the beginning of the XIX c., namely works by J. Gillray, I. Cruikshank, T. Rowlandson. Being represented in images of bedroom and bed, container metaphor in Anglo-Saxon political cartoon serves to target multiple problems of power and reign, both in connection with a certain personality and the kingdom as a unity. These problems are metaphorically shown as nightmares, disease, and only in rare cases they may become a quiet, peaceful dream, which may easily be interrupted.*

© Шустрова Е. В., Чудинов А. П., 2026

KEYWORDS: *political discourse, political texts, cognitive linguistics, language means, political metaphor studies, metaphorical modeling, metaphorical models, conceptual metaphors, metaphorical units, ways of manifestation, British cartoon, polycode texts, graphic metaphors, container metaphor, political cartoon, politicians.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of German Philology, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Chudinov Anatoly Prokopyevich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Cross-Cultural Communication, Rhetoric and Russian as Foreign Language, Institute of Philology, Culture Studies and Cross-Cultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Shustrova E. V., Chudinov A. P*. (2026). Bed as Container Cognitive Metaphor in Polycode Text of English Political Cartoon in the End of XVIII — beginning of XIX c. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 29-37. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Одна из проблем современной лингвистики состоит в изучении факторов, влияющих на лингвокультурные аспекты восприятия и сбои в коммуникации. Н. Н. Болдырев отмечает, что «любая информация, которой обмениваются участники коммуникации, будь то прямое или опосредованное общение, подвергается ими определенной интерпретации в соответствии с имеющейся у них системой знаний, ее стандартизацией на индивидуальном уровне и в рамках конкретной культуры. Различия в структуре и содержании индивидуальных концептуальных систем, если они не учитываются в процессе общения, приводят к нарушению концептуального взаимодействия и, соответственно, к противоречиям в интерпретации конкретных сообщений… это, в свою очередь, становится причиной различных речевых конфликтов и недопонимания на языковом уровне, как внутри одной и той же культуры, так и в процессах межкультурной коммуникации» [Болдырев 2024a: 13–14]. На процессы понимания или непонимания также может влиять уровень общей культуры реципиента, который может просто не знать о существовании подобных культурных смыслов и мифологем [ср. Болдырев 2023a, 2023b, 2024b; Болдырев, Федяева 2023].

Кроме этого, на процессы кодирования и декодирования информации оказывает влияние желание транспонировать знакомые мотивы и образы, намеренное пародирование и высокая интертекстуальность. Сбои в коммуникации проявляются не только на вербальном уровне. Еще более сложными для адекватного декодирования становятся комплексные семиотические системы, в частности креолизованный, мультимодальный или поликодовый текст. Поликодовый текст, проблема трансформаций его жанров и образов, в том числе в цифровой среде, регулярно становятся объектом анализа [ср., например, Бородулина, Воякина, Макеева 2024; Бородулина, Гливенкова, Макеева 2025; Зыкова 2023; Киосе, Леонтьева, Агафонова, Петров 2024; Креолизованный текст 2020; Таймур 2021[1] и др.]. Это связано с постоянными изменениями семиотических систем в целом, появлением новых возможностей. Так, Е. А. Кожемякин и Т. В. Дубровская описывают семиотические трансформации жанра научной статьи в современных журналах, в частности преобразование аннотаций, появление гиперссылок и т. д. [Кожемякин, Дубровская 2024]. А. В. Бабук, анализируя речевой жанр угрозы, отмечает, что «особым экстралингвистическим приемом в угрозе, типичной для интернет-коммуникации, выступает визуализация» [Бабук 2024: 180]. Также автор считает, что «для речевого жанра угрозы в современной интернет-коммуникации характерно также использование специфических семиотических элементов — графем, эмотиконов и эмодзи, которые выполняют просодическую, эмоционально-экспрессивную, интенсифицирующую, провокационную, эллиптическую, ироническую и другие функции в тексте» [Бабук 2024: 180]. Н. М. Дугалич определяет карикатуру как жанр, имеющий черты креолизации. Анализируя политическую карикатуру на арабском и французском языке, в качестве основных критериев Н. М. Дугалич выделяет тему, персонаж, проблему, технику исполнения. Также внимание уделяется соотношению текста и графики; использованию цвета; использованию подписей и заголовков; изменениям кегля; использованию прецедентных феноменов; отсутствию синонимов, антонимов, омонимов, гипонимов и гиперонимов; использованию символов разных типов; апелляции к женским образам [Dugalich 2020]. М. Зарифиан на основе количественного анализа литературоведческих исследований политической карикатуры в Scopus (2017–2022 гг.) выявляет в качестве основных критериев отдельные черты

[1] Таймур, М. П. Смешанная метафора как лингвокультурный феномен (на материале английского языка) : дис. … канд. филол. наук / Таймур М. П. — Москва, 2021. — 173 с. — EDN RMATTV.

поликодовости, способы их конкретной реализации и соотношение с ситуацией. Также он отмечает «функциональный кризис жанра, связанный с развитием медиапространства и новыми вызовами» [Zarifian 2023: 147].

Однако, анализируя новый материал, мы должны принять во внимание, что за современными образами часто стоит традиция. Учет этой традиции и использование данных анализа гораздо более ранних форм позволят иначе посмотреть на реалии современного поликодового текста, в том числе и в цифровой среде. Это особенно актуально, учитывая степень влияния и манипулятивного потенциала поликодовых текстов [ср., например: Болдырев 2024а; Коммуникации в условиях цифровой трансформации современного российского общества 2023; Лату 2024; Полонский 2021; Потехин, Киосе 2024]. В отношении стыка физиологической и контейнерной концептуальной метафоры, реализуемого через образ спальни и постели, проблематика обусловлена давней традицией использования таких образов в политической агитации и пропаганде. Хорошо известно, что подобные образы в риторике А. Гитлера и Г. Геббельса подкреплялись соответствующими агитационными плакатами. В современной политической карикатуре западных стран такие образы обладают высокой частотностью и, по нашим наблюдениям, неизменно демонстрируют очередной пик во время предвыборных кампаний.

Также подобные образы становятся своеобразными триггерами [ср. Копнина 2025] при реализации определенных дискурсивных тактик и стратегий. Так, в американском медиа- и политическом дискурсе активно применяется так называемая стратегия Shame & Blame, когда на потенциальную жертву диффамации, обычно влиятельного белого гетеросексуального мужчину, обрушивается поток описаний якобы постыдных эпизодов жизни, в первую очередь сексуального характера. Эти приемы в современной политической аргументации англосаксонских стран имеют давнюю традицию, отдельные черты которой мы покажем ниже. Такие стратегии и образы, которые они призваны вызвать, также связаны с феноменом политики памяти, когда в дискурсе разных типов начинают активно использоваться мифологемы прошлого, прогнозируемо создающие нужные когнитивные связи.

Учитывая эти признаки и гипотезы, мы представим наш опыт работы с поликодовым текстом, в частности карикатурой как одним из его жанров. Более конкретный объект нашего описания связан с так называемой контейнерной концептуальной метафорой, или метафорой контейнера [Lakoff, Johnson 1980]. В зависимости от национальных особенностей она может получать различное наполнение и иметь отличительные черты, связанные с типом дискурса, эпохой, видом искусства и проч. В поликодовом тексте есть свои особенности использования контейнерной концептуальной метафоры. Так, изображения закрытого пространства не всегда соотносятся с метафорой или метонимией, что может быть продиктовано доминированием другой образной составляющей, в то время как замкнутое пространство выступает только фоном. В то же время контейнерная концептуальная метафора — частотное явление в графике разных типов, включая политическую карикатуру. С одной стороны, контейнерная концептуальная метафора в английской политической карикатуре в целом демонстрирует устойчивые черты, которые можно считать универсальными. С другой стороны, безусловно, в каждый исторический период возникают свои особенности, продиктованные политикой и экономикой, конкретными историческими событиями, модой, отдельными личностями и событиями в их жизни. В статье мы обратимся к наиболее частому воплощению контейнерной концептуальной метафоры в английской политической карикатуре конца XVIII в., в частности спальни и постели.

Цель статьи — показать лингвокультурные особенности сложного поликодового материала, построенного на концептуальных метафорических моделях и их лингвокультурных трансформациях, и определить наиболее типичные способы оформления лингвокультурно маркированного иноязычного текста. Материал был получен сплошной и репрезентативной выборкой из коллекций английской политической карикатуры конца XVIII — начала XIX в., поскольку именно на этих образцах часто идет воспроизводство концептуальных моделей и мифологем в современном англосаксонском поликодовом политическом тексте.

2. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Контейнерная концептуальная метафора в англосаксонской литературе в целом демонстрирует очень высокую частотность и обычно передает состояния, в первую очередь внутренние, эмоциональные. В зависимости от периода, литературного течения, авторского идиостиля могут выбираться различные способы оформления. К числу наиболее частотных и развернутых, по нашим наблюдениям, можно отнести сад, часто ассоциируемый с Эдемом, дом, комнату и кухню как метонимические составляющие

дома, одежду и обувь, посуду, иногда крону дерева, чашечку цветка. Концептуальная метафора постели в англосаксонской литературной традиции — это как эмоциональные, так и физические состояния. Мы рассмотрим конкретные способы ее образного наполнения на примере карикатуры конца XVIII — начала XIX в. В качестве конкретных авторов были выбраны ведущие карикатуристы того времени — Дж. Гилрей, И. Крукшенк, Т. Роуландсон.

Стоит отметить, что карикатурное искусство в Англии этого времени представляет собой ту откровенную, порой слишком прямолинейную составляющую искусства, которая не была присуща литературе. Сатира в литературе Англии той поры безусловно была, особенно это верно в отношении политической сатиры и памфлета. Тем не менее в англосаксонской литературе XVIII — начала XIX в. физиологическая составляющая и морбиальная метафорика эксплицитно не выражены. В то время как карикатура даже на вполне безобидные социальные сюжеты, напротив, изобилует физиологическими образами. Одна из возможных причин может быть связана с неявным заказом общества на такие сюжеты, в то время как театр и литература давали благопристойные образцы. Вторая причина могла быть продиктована отсутствием жесткой цензуры на карикатуру, хотя на печатные произведения она была достаточно суровой. Достаточно вспомнить, каким гонениям и наказаниям подвергался Д. Дефо, чтобы понять, насколько рискованно было просто критиковать власть, не говоря уже о создании более откровенных произведений, связанных одновременно и с политикой. Третья причина — это непосредственно реалии жизни, та развращенность, которая была присуща позднему периоду правления Ганноверской династии, ощущение опасности такого положения. Все это требовало выражения, и если не в высоком искусстве, то в пародии, потому что смех помогает разрядить ситуацию, создать иллюзию того, что все поправимо. Таким образом, табуизация сексуальных тем и сюжетов в английской литературе той поры активно компенсировалась в карикатуре, в том числе в образе спальни и постели, совмещающих контейнерную и физиологическую концептуальные метафоры. Постель в карикатуре Англии XVIII — начала XIX в. — это развращенность власти, чревоугодие, алчность, несбывшиеся надежды, болезнь и одноименно надежда на изменения.

Обратимся к конкретным примерам. На рис. 1 репродукция одной из самых известных карикатур того времени «The Lover's Dream». Она создана 24 января 1795 г. и посвящена предстоящей официальной помолвке принца Уэльского Георга, будущего Георга IV, и Каролины Брауншвейгской. Рисунок содержит несколько символических контейнерных метафор. Во-первых, как основной контейнер воспринимается спальня принца, которая темным бархатным балдахином кровати делится на две части — прошлое и будущее. В прошлом должны остаться многочисленные внебрачные связи и незаконный брак принца, его карточные долги и возлияния. Все они уносятся прочь, вводя компонент nightmare — «ночной кошмар». Слово содержит основу mare — «кобыла» и этимологически восходит к скакунам страха, поэтому изображение на заднем плане всадников может дать несколько линий: ночного кошмара, скачек как азартных увлечений принца, и Всадников Апокалипсиса, часто сопровождавших изображения принца в карикатурах Дж. Гилрея. Все это должно покинуть разум и жизнь принца, а потенциально и страны. В будущем, к которому обращено лицо спящего принца, его ждет прелестная супруга, свет Гименея и райское блаженство. Во-вторых, это непосредственно сама постель и покрывало. Они связаны с теперешним положением принца, его состоянием ожидания, счастливого сна, возможностью начать новую жизнь. Учитывая дородность персонажей карикатуры, их собственное тело воспринимается как своеобразный контейнер. Третья часть более мелких контейнерных метафор представлена тремя весьма прозаичными объектами, образующими треугольник, антипод Святой Троице. Ближе всего к зрителю находится бочонок с портвейном, на котором в образе Бахуса сидит постоянный собутыльник принца и член оппозиции граф Дерби. Второй значимый контейнер финансового благополучия находится уже в руках короля. Георг III держит мешок, на котором написано «150.000 ежегодного содержания». Это была та цена, за которую принц согласился вступить в брак после долгих семейных скандалов, уговоров со стороны Парламента, лично премьер-министра У. Питта и торга. Третий, уже совсем низменный контейнер, — это ночной горшок на полу, над которым и реет фигура Каролины. В горшке стоит бутылка со снадобьем от венерических заболеваний. Подпись к основному названию построена на аллюзии к пьесе-маске Дж. Милтона «Комус»: «A Thousand Virtues seem to lackey her, Driving far off each thing of Sin & Guilt» — «Кажется, тысячи добродетелей служат ей, прогоняя прочь любой Грех и Стыд».

Рис. 1. Карикатура Дж. Гилрея «The Lover's Dream»

Интересно, что сам Комус — это бог пиршеств и веселья и сын Диониса. В основе сюжете Дж. Милтона — путешествие по лесу двух братьев и леди, их сестры. В конце происходит счастливое воссоединение детей и их благородных родителей. В данном случае Дж. Гилрей очень иронично использует исходный текст для создания отсылок к разгульному образу жизни королевских детей, особенно двух старших сыновей, что причиняло большие огорчения Георгу III и королеве Шарлотте. Понимая опасность такого положения, королевская чета постоянно старалась примириться с принцами, замять многочисленные скандалы. Этот рисунок Дж. Гилрея завершал серию карикатур, посвященных добрачной жизни принца Уэльского, эпизоды которой помещены в закрытое пространство его спальни, постели и разума, полного воспоминаний и сновидений.

К большому сожалению короля, в жизни принца после брака мало что изменилось. Брак распался практически сразу, и принц продолжил свою прежнюю жизнь Греха и Стыда. Известно, что карикатуры часто создавались по заказу, например кабинета министров, и не всегда политическая сатира действительно была таковой. Скорее всего, по заказу двора с желанием предостеречь принца и вынудить его вести более скромную жизнь, воссоединившись с законной супругой, создается карикатура «Призрак герцога Уильяма» (7 мая 1799 г., рис. 4). На ней та же спальня, та же постель и снова сон, но уже пьяного принца. В кошмаре ему является дух его дяди с песочными часами в руках. Герцог скончался от повторного инсульта в 44 года. Принцу Уильяму исполнилось 39 лет, и ему нужно было менять свои привычки. Эта карикатура дает пример оригинального совмещения театральной и контейнерной концептуальной метафоры. Стоит учесть, что сцена — это тоже замкнутое пространство, и в англосаксонской литературной традиции сцена, сад, пространство вокруг дома, опушка в лесу, берег реки с поднимающимся на другой стороне туманом, который ограничивает пространство, часто появляются вместе, дополняя друг друга. Поэтому в данном случае это тоже следование уже устоявшемуся литературному образцу. Одновременно это совмещение прослеживается и на уровне вербального компонента. Напомним, что карикатура называется «Duke William's Ghost», что дает аллюзию на призрак отца Гамлета. На уровне графического компонента место Каролины занимает массивное тело покойного герцога.

Одновременно эта карикатура дает отсылку к серии работ Г. И. Фюсли «Ночные кошмары» (рис. 2), на которых прекрасную женщину во сне душит злобный демон Мара (в славянской традиции Морок или Змора). Дж. Гилрей сохраняет балдахин, напоминающий занавес, но саму постель делает еще больше похожей на сцену. Слепую лошадь, выглядывающую из складок полога на картине Г. И. Фюсли, Дж. Гилрей убирает. Но сюжет и картина стали к тому моменту прецедентными, поэтому лошадь здесь тоже легко угадывается. Изображать ее на этой карикатуре было уже слишком рискованно — отсылки и так очень прямолинейны, а слепая лошадь (на картинах Г. И. Фюсли их две — белая и вороная) была бы воспринята как ослепшая и сумасшедшая белая лошадь правящего дома Ганноверов. Учитывая печальное состояние когнитивных функций Георга III, ослепленность своими желаниями и страстями его сыновей, тяжелое положение во внутренней и внешней политике, слепая лошадь на этой карикатуре заставила бы трагизм пересилить сатирическое начало. Дополняют картину пьяного кошмара многочисленные пустые бутылки у кровати.

Рис. 2. Репродукция серии картин Г. Фюсли «Ночные кошмары», конец XVIII в.

Рис. 3. Репродукция картины Г. Фюсли «Ночной кошмар», 1790–1791 гг.

Рис. 4. Карикатура Дж. Гилрея «Duke William's Ghost»

Рис. 5. Карикатура Дж. Гилрея «Political Dreamings! — Visions of Peace! — Perspective Horrors!»

Рис. 6. Карикатура Дж. Гилрея «Comfort of a Bed of Roses»

Рис. 7. Карикатура Т. Роуландсона «Filial Piety»

Рис. 8. Карикатура Дж. Гилрея «The Nursery»

Мотив ночных кошмаров и образа постели как места их появления продолжает серия карикатур Дж. Гилрея, И. Крукшенка, Т. Роуландсона. На них в качестве основного действующего лица изображен или король Георг III, или один из многочисленных премьеров, военных министров. На рис. 5 в качестве жертвы ночных кошмаров изображен У. Уиндхэм, министр по военным делам. Его спальня полна скелетов, предателей из его партии вигов, премьер-министра У. Питта, урезающего расходы, Наполеона и его союзников. Похожие кошмары одолевают Ч. Фокса, на тот момент ставшего премьер-министром (рис. 6). Для Георга III худший кошмар — это поведение его сыновей (рис. 7). Пожалуй, единственный образ спокойной спальни и колыбели создан в карикатуре Дж. Гиллрея «The Nursery — with Britannia reposing in Peace» (рис. 8). Учитывая, что в огромной колыбели под щитом спит существо весьма внушительных размеров, а вокруг в лице трех нянек находятся политики, чьи взгляды на войну и заключение мира весьма различны, долго этот покой не продлится.

Анализируя контейнерную метафору в английской карикатуре этого периода в целом, отметим постоянное использование иных контейнеров. Из них наиболее частотными становятся корабли и ночные горшки, которые тоже связаны с концептуальной метафорой постели. Если образ корабля обычно вводит линию спасения и брачной модели, то ночной горшок в этот период давал устойчивую ассоциацию с беспутством принцев, и в частности с актрисой и куртизанкой Доротеей Джордан, поскольку ее фамилия полностью совпадала с названием этого предмета, а ее связь с принцем Вильгельмом была предметом постоянного обсуждения. Кстати, в отдаленной перспективе плодом этого союза стал бывший премьер-министр Джеймс Кэмерон. Также к числу характерных черт таких концептуальных метафор можно отнести параллельное введение демоноидной составляющей, в частности образа ведьмы.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим, что основными линиями развертывания контейнерной концептуальной метафоры в английской политической карикатуре XVIII — начала XIX века становятся беспокойство за судьбу страны, ощущение неправильности и греховности текущей ситуации, опасности, неотвратимо-

сти потерь и наказания. Одновременно может появляться образ ладьи и корабля как спасительного начала, но столь же часто этот образ сопровождается аллюзиями на классические произведения и античные мифы, где корабль попадает в бурю и, скорее всего, обречен. Метонимические образы сосудов (бутылок, стаканов, кружек, колб, реторт, горшков и т. д.) вводят или мотивы разгула и алкоголизма, или болезни отдельной личности и общества в целом. Причины столь частого обращения к подобным образам продиктованы как политической и экономической ситуацией в Англии и мире, так и литературной традицией, сложившейся к этому периоду.

ИСТОЧНИКИ

1. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/image/46625001 (Сайт Британского музея, дата обращения: 15.05.2026).

2. URL: https://homsk.com/martin/nochnoy-koshmar-angliyskogo-zhivopistsa-genri-fyuzeli (Сайт Британского музея, дата обращения: 15.05.2026).

3. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-12520 (Сайт Британского музея, дата обращения: 15.05.2026).

4. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/image/75437001 (Сайт Британского музея, дата обращения: 15.05.2026).

5. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/image/143930001 (Сайт Британского музея, дата обращения: 15.05.2026).

6. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/image/47334001 (Сайт Британского музея, дата обращения: 15.05.2026).

7. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/image/146888001 (Сайт Британского музея, дата обращения: 15.05.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабук, А. В. Речевой жанр криминальной угрозы в интернет-коммуникации / А. В. Бабук // Жанры речи. —2024. — Т. 19. — № 2 (42). — С. 174–182. — DOI 10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-174-182. — EDN ZIVPLQ.

2. Болдырев, Н. Н. Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием / Н. Н. Болдырев // Манипуляция и социум: язык, сознание, культура. — Калининград, 2023a. — С. 5–8. — EDN RGWKBR.

3. Болдырев, Н. Н. Принцип бесконфликтности языковой коммуникации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2023b. — № 3. — С. 5–15. — DOI 10.20916/1812-3228-2023-3-5-15. — EDN GGGTYO.

4. Болдырев, Н. Н. Бесконфликтная коммуникация в свете теории языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Англистика в третьем тысячелетии: новые подходы и пути развития : тезисы докладов Междунар. науч. конф. — Минск, 2024a. — С. 13–14. — EDN HKOFZR.

5. Болдырев, Н. Н. Когнитивная основа бесконфликтной языковой коммуникации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2024b. — № 3. — С. 5–19. — DOI 10.20916/1812-3228-2024-3-5-19. — EDN HRASXM.

6. Болдырев, Н. Н. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ / Н. Н. Болдырев, Е. В. Федяева // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 686–703. — DOI 10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703. — EDN LVSSMM.

7. Бородулина, Н. Ю. Трансфер культурных кодов в современные цифровые медиа (на примере басенных сюжетов) / Н. Ю. Бородулина, Е. Ю. Воякина, М. Н. Макеева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2024. — № 2. — С. 50–62. — DOI 10.20916/1812-3228-2024-2-50-62. EDN EESWQE.

8. Бородулина, Н. Ю. Когнитивно-дискурсивное исследование языка сетевой коммуникации (на материале русского, английского и французского языков) / Н. Ю. Бородулина, О. А. Гливенкова, М. Н. Макеева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2025. — № 2. — С. 5–18. — DOI 10.20916/1812-3228-2025-2-5-18. — EDN KDNHBB.

9. Зыкова, И. В. Ноницепция и ее лингвокреативный потенциал в художественно-эстетической репрезентации / И. В. Зыкова // Вестник Волгоградского государственного университета. — Сер. 2. Языкознание. — 2023. — Т. 22. — № 1. — С. 65–80. — DOI 10.15688/jvolsu2.2023.1.6. — EDN FVMXWJ.

10. Киосе, М. И. Когнитивно-прагматическая роль рекуррентных жестов установления контакта в мультимодальном диалоге / М. И. Киосе, А. В. Леонтьева, О. В. Агафонова, А. А. Петров // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2024. — № 4. — С. 74–90. — DOI 10.20916/1812-3228-2024-4-74-90. — EDN VJQLAM.

11. Кожемякин, Е. А. Жанр научной статьи в Интернете: структурно-семиотическая трансформация / Е. А. Кожемякин, Т. В. Дубровская // Жанры речи. — 2024. — Т. 19. — № 1 (41). — С. 66–78. — DOI 10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-66-78. EDN BZOWWQ.

12. Коммуникации в условиях цифровой трансформации современного российского общества. — Москва : Русайнс, 2023. — 446 с. — ISBN 978-5-466-03523-0. — EDN EKLLFF.

13. Копнина, Г. А. Триггерность как коммуникативная категория медийного дискурса и ее роль в информационно-психологических войнах / Г. А. Копнина // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2025. — № 2. — С. 42–52. — DOI 10.20916/1812-3228-2025-2-42-52. — EDN MUQRIU.

14. Креолизованный текст. Смысловое восприятие : коллективная моногр. / Е. Ф. Тарасов, А. А. Нистратов, М. О. Матвеев. — Москва : Институт языкознания РАН, 2020. — 206 с. — ISBN 978-5-6045633-1-1. — EDN LYUYMP.

15. Лату, М. Н. Сетевые паттерны смысловой структуры сообщений и вариативность их реализации в конфликтных поликодовых текстах / М. Н. Лату // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2024. — № 2. — С. 12–23. — DOI 10.20916/1812-3228-2024-2-12-23. — EDN QKVARB.

16. Полонский, А. В. Язык в контексте новых медийных технологий / А. В. Полонский // Медиалогия современного языкознания. — 2021. — № 3. — С. 187–199. — EDN FZQOUB.

17. Потехин, В. О. Полимодальная концептуализация иммерсивного визуального искусства: дискурсивные схемы в языке, жесте и глазодвигательном поведении / В. О. Потехин, М. И. Киосе // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2024. — №3. — С. 20–32. — DOI 10.20916/1812-3228-2024-3-20-32. — EDN UYNNJX.

18. Dugalich, N. M. Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages / N. M. Dugalich // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11. — № 3. — С. 479–495. — DOI 10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495. — EDN MJCZZE.

19. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press ; London, 1980. — 242 p. — ISBN 0-226-46801-1.

20. Twenge, J. M. Trends in U. S. Adolescents' media use. 1976—2016: The rise of digital media, the decline of TV, and the (near) demise of print / J. M. Twenge, G. N. Martin, B. H. Spitzberg // Psychology of Popular Media Culture. — 2019. — Vol. 8. — № 4. — P. 329–345. — DOI 10.1037/ppm0000203.

21. Zarifian, M. Literary studies of political caricature: a quantitative analysis of publications indexed in the Scopus / M. Zarifian // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2023. — Т. 28. — №1. — С. 146–156. — DOI 10.22363/2312-9220-2023-28-1-146-156. — EDN LARRGB.

MATERIALS

1. British Museum (n.d.). Available at May 15, 2026 from https://www.britishmuseum.org/collection/image/46625001.

2. British Museum (n.d.). Available at May 15, 2026 from https://homsk.com/martin/nochnoy-koshmar-angliyskogo-zhivopistsa-genri-fyuzeli.

3. British Museum (n.d.). Available at May 15, 2026 from https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-12520.

4. British Museum (n.d.). Available at May 15, 2026 from https://www.britishmuseum.org/collection/image/75437001.

5. British Museum (n.d.). Available at May 15, 2026 from https://www.britishmuseum.org/collection/image/143930001.

6. British Museum (n.d.). Available at May 15, 2026 from https://www.britishmuseum.org/collection/image/47334001.

7. British Museum (n.d.). Available at May 15, 2026 from https://www.britishmuseum.org/collection/image/146888001.

REFERENCES

1. Babuk, A. V. (2024). Rechevoy zhanr kriminal′noy ugrozy v internet-kommunikatsii = Speech genre of criminal threat in online communication. *Speech genres*, *19*(2[42]), 174–182. DOI 10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-174-182. EDN ZIVPLQ.

2. Boldyrev, N. N. (2023a). Vtorichnaya interpretatsiya mira kak sposob yazykovogo manipulirovaniya soznaniem = Secondary interpretation of the world as a way of linguistic manipulation of consciousness. *Manipulation and society: language, consciousness, culture*, 5–8. Kaliningrad. EDN RGWKBR.

3. Boldyrev, N. N. (2023b). Printsip beskonfliktnosti yazykovoy kommunikatsii = The principle of conflict-free linguistic communication. *Issues of cognitive linguistics*, *3*, 5–15. DOI 10.20916/1812-3228-2023-3-5-15. EDN GGGTYO.

4. Boldyrev, N. N. (2024a). Beskonfliktnaya kommunikatsiya v svete teorii yazykovoy interpretatsii = Conflict-free communication in light of the theory of linguistic interpretation. *English studies in the third millennium: new approaches and ways of development. Abstracts of reports of the Int. scientific conf*., 13–14. Minsk. EDN HKOFZR.

5. Boldyrev, N. N. (2024b). Kognitivnaya osnova beskonfliktnoy yazykovoy kommunikatsii = Cognitive basis of conflict-free linguistic communication. *Issues of cognitive linguistics*, *3*, 5–19. DOI 10.20916/1812-3228-2024-3-5-19. EDN HRASXM.

6. Boldyrev, N. N., Fedyaeva, E. V. (2023). Kognitivnye metody issledovaniya v lingvistike: kontseptual′no-inferentsionnyy analiz = Cognitive Research Methods in Linguistics: Conceptual-Inferential Analysis. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*, *14*(3), 686–703. DOI 10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703. EDN LVSSMM.

7. Borodulina, N. Yu., Voyakina, E. Yu., Makeeva, M. N. (2024). Transfer kul′turnykh kodov v sovremennye tsifrovye media (na primere basennykh syuzhetov) = Transfer of Cultural Codes to Modern Digital Media (Based on Fable Plots). *Issues of Cognitive Linguistics*, *2*, 50–62. DOI 10.20916/1812-3228-2024-2-50-62. EDN EESWQE.

8. Borodulina, N. Yu., Glivenkova, O. A., Makeeva, M. N. (2025). Kognitivno-diskursivnoe issledovanie yazyka setevoy kommunikatsii (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov) = Cognitive-discursive study of the language of online communication (based on Russian, English and French). *Issues of Cognitive Linguistics*, *2*, 5–18. DOI 10.20916/1812-3228-2025-2-5-18. EDN KDNHBB.

9. Zykova, I. V. (2023). Notsitseptsiya i ee lingvokreativnyy potentsial v khudozhestvenno-ehsteticheskoy reprezentatsii = Nociception and its lingua-creative potential in artistic and aesthetic representation. *Bulletin of Volgograd State University. Ser. 2. Linguistics*, *22*(1), 65–80. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.1.6. EDN FVMXWJ.

10. Kiose, M. I., Leont′eva, A. V., Agafonova, O. V., Petrov, A. A. (2024). Kognitivno-pragmaticheskaya rol′ rekurrentnykh zhestov ustanovleniya kontakta v mul′timodal′nom dialoge = Cognitive-pragmatic role of recurrent gestures of establishing contact in multimodal dialogue. *Issues of cognitive linguistics*, *4*, 74–90. DOI 10.20916/1812-3228-2024-4-74-90. EDN VJQLAM.

11. Kozhemyakin, E. A., Dubrovskaya, T. V. (2024). Zhanr nauchnoy stat′i v Internete: strukturno-semioticheskaya transformatsiya = Genre of scientific article on the Internet: structural-semiotic transformation. *Speech genres*, *19*(1[41]), 66–78. DOI 10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-66-78. EDN BZOWWQ.

12. Kommunikatsii v usloviyakh tsifrovoy transformatsii sovremennogo rossiyskogo obshchestva (2023) = Communications in the Context of the Digital Transformation of Modern Russian Society. Moscow: Rusayns, 446 p. ISBN 978-5-466-03523-0. EDN EKLLFF.

13. Kopnina, G. A. (2025). Triggernost′ kak kommunikativnaya kategoriya mediynogo diskursa i ee rol′ v informatsionno-psikhologicheskikh voynakh = Triggerability as a Communicative Category of Media Discourse and Its Role in Information and Psychological Warfare. *Issues of Cognitive Linguistics*, *2*, 42–52. DOI 10.20916/1812-3228-2025-2-42-52. EDN MUQRIU.

14. Tarasov, E. F., Nistratov, A. A., Matveev, M. O. (2020). Kreolizovannyy tekst. Smyslovoe vospriyatie = Creolized Text. Semantic Perception. Collective Monograph. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, 206 p. ISBN 978-5-6045633-1-1. EDN LYUYMP.

15. Latu, M. N. (2024). Setevye patterny smyslovoy struktury soobshcheniy i variativnost′ ikh realizatsii v konfliktnykh polikodovykh tekstakh = Network Patterns of the Semantic Structure of Messages and the Variability of Their Implementation in Conflicting Polycode Texts. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, *2*, 12–23. DOI 10.20916/1812-3228-2024-2-12-23. EDN QKVARB.

16. Polonskiy, A. V. (2021). Yazyk v kontekste novykh mediynykh tekhnologiy = Language in the Context of New Media Technologies. *Medialogy of Modern Linguistics*, *3*, 187–199. EDN FZQOUB.

17. Potekhin, V. O., Kiose, M. I. (2024). Polimodal′naya kontseptualizatsiya immersivnogo vizual′nogo iskusstva: diskursivnye skhemy v yazyke, zheste i glazodvigatel′nom povedenii = Polymodal Conceptualization of Immersive Visual Art: Discursive Schemas in Language, Gesture, and Oculomotor Behavior. *Issues of Cognitive Linguistics*, *3*, 20–32. DOI 10.20916/1812-3228-2024-3-20-32. EDN UYNNJX.

18. Dugalich, N. M. (2020). Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages = Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*, *11*(3), 479–495. DOI 10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495. EDN MJCZZE.

19. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press; London, 242 p. ISBN 0-226-46801-1.

20. Twenge, J. M., Martin, G. N., Spitzberg, B. N. (2019). Trends in U. S. Adolescents' media use. 1976—2016: The rise of digital media, the decline of TV, and the (near) demise of print. *Psychology of Popular Media Culture*, *8*(4), 329–345. DOI 10.1037/ppm0000203.

21. Zarifian, M. (2023). Literary studies of political caricature: a quantitative analysis of publications indexed in the Scopus. *Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Literary Criticism. Journalism*, 28(1), 146–156. DOI 10.22363/2312-9220-2023-28-1-146-156. EDN LARRGB.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.161.1'373+811.133.1'373
ББК Ш141.12-3+Ш147.11-3 *ГРНТИ 16.21.47* *Код ВАК 5.9.8*

Ирина Брониславовна Андиш[1]✉, Марина Константиновна Борисова[2,3]✉, Дарья Сергеевна Каданцева[2,4]✉

[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, andish.irina@mail.ru✉, SPIN-код: 1757-7503
[2] Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
[3] Пятигорский медико-фармацевтический институт — Филиал Волгоградского государственного медицинского университета Минздрава России, Пятигорск, Россия, borisovamk@list.ru✉, SPIN-код: 3182-3426
[4] dariakadantseva@mail.ru✉, SPIN-код: 1331-4080

Основные критерии выделения терминов в области экономической безопасности в русском и французском языках

АННОТАЦИЯ. *Целью настоящей статьи является анализ ключевых критериев выделения терминосистемы экономической безопасности как самостоятельной лексической подсистемы в рамках терминологической лексики русского и французского языков. К рассматриваемым характеристикам, обладающим дифференцирующей значимостью в контексте изучаемой терминосистемы, мы отнесли: возраст, размер, структурный состав терминосистемы, среднюю длину термина. В статье также приведены определения понятия «экономическая безопасность» не только ряда отечественных, но и зарубежных ученых. Несмотря на то что разные научные коллективы изучают разные стороны экономики, само понятие «экономическая безопасность» появилось лишь во времена Великой депрессии и тогда еще не выделялось в отдельную категорию. Сегодня оно стало фундаментом устойчивого роста, внутренней эффективности и глобальной конкурентоспособности государства. Под давлением санкций и прочих угроз обеспечение этой безопасности превратилось в общенациональный приоритет, который нельзя игнорировать в современном мире. В ходе исследования были выявлены общие закономерности, а также специфические особенности формирования терминосистемы в сфере экономической безопасности на материале русского и французского языков, рассмотрены два способа пополнения лексики: аббревиация и заимствования.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *экономическая безопасность, терминоведение, терминосистемы, терминология, термины, терминологические единицы, русский язык, лексикология русского языка, французский язык, лексикология французского языка, аббревиация, заимствование слов.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Андиш Ирина Брониславовна, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия, email: andish.irina@mail.ru.*

Борисова Марина Константиновна, старший преподаватель кафедры европейских языков, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия; старший преподаватель кафедры менеджмента и экономики, Пятигорский медико-фармацевтический институт — Филиал Волгоградского государственного медицинского университета Минздрава России, г. Пятигорск, Россия, email: borisovamk@list.ru.

Каданцева Дарья Сергеевна, старший преподаватель кафедры европейских языков, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия, email: dariakadantseva@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Андиш, И. Б.* Основные критерии выделения терминов в области экономической безопасности в русском и французском языках / И. Б. Андиш, М. К. Борисова, Д. С. Каданцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 38-47.

Irina B. Andish[1]✉, Marina K. Borisova[2,3]✉, Dar′ya S. Kadantseva[2,4]✉

[1] Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, andish.irina@mail.ru✉, SPIN code: 1757-7503
[2] Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
[3] Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute – Branch of Volgograd State Medical University, Pyatigorsk, Russia, borisovamk@list.ru✉, SPIN code: 3182-3426
[4] dariakadantseva@mail.ru✉, SPIN code: 1331-4080

On Criteria for Defining Terms in the Sphere of Economic Security in Russian and French

ABSTRACT. *The aim of this article is to analyze the key criteria for distinguishing the terminological system of economic security as an independent lexical subsystem within the terminological vocabulary of the Russian and French languages. The characteristics under consideration that have differentiating significance in the context of this terminological system include: age, size, structural composition of the terminological system, and the average length of the term. The article also provides definitions of the*

© Андиш И. Б., Борисова М. К., Каданцева Д. С., 2026

concept of "economic security" not only by a number of domestic but also foreign scholars. Despite the fact that different research teams study different aspects of economics, the very concept of "economic security" appeared only during the Great Depression and was not yet singled out into a separate category. Today, it has become the foundation of sustainable growth, internal efficiency and global competitiveness of the state. Under the pressure of sanctions and other threats, ensuring this security has become a national priority that cannot be ignored in the modern world. The study has revealed general patterns, as well as specific features of the formation of the terminological system in the field of economic security based on the material of the Russian and French languages, and has considered two ways of vocabulary replenishment: abbreviation and borrowings.

KEYWORDS: *economic security, terminological studies, terminological systems, terminology, terms, terminological units, Russian language, Russian lexicology, French language, French lexicology, abbreviation, word borrowing.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Andish Irina Bronislavovna, Associate Professor of Department of English Language and Professional Communication, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

Borisova Marina Konstantinovna, Senior Lecturer of Department of European Languages, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia; Senior Lecturer of Department of Management and Economics, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute – Branch of Volgograd State Medical University, Pyatigorsk, Russia.

Kadantseva Dar'ya Sergeevna, Senior Lecturer of Department of European Languages, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

FOR CITATION: *Andish I. B., Borisova M. K., Kadantseva D. S*. (2026). On Criteria for Defining Terms in the Sphere of Economic Security in Russian and French. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 38-47. (In Russ.).

Изучение понятия «экономическая безопасность» стало актуальным в реалиях современного мира. Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых: Л. И. Абалкина [Абалкин 1994], А. И. Архипова, А. Е. Городецкого, Б. П. Михайлова [Архипов, Городецкий, Михайлов 1994], А. И. Илларионова [Илларионов 1998], С. В. Гринев-Гриневича [Гринев-Гриневич 2008], А. М. Фомина [Фомин 2010], В. В. Морунова [Морунов 2011], А. Н. Климоновой [Климонова 2014], М. К. Борисовой [Борисова 2015, 2016], Т. Ю. Феофиловой, Е. В. Радыгина, А. А. Евграфова [Феофилова, Радыгин, Евграфов 2017], Н. В. Дементьева [Дементьев 2011], О. М. Толмачева, А. В. Тигай [Толмачев, Тигай 2018], J. Fontanel [Fontanel 2010], S.Mahjoub[1] (2015).

Впервые термин «экономическая безопасность», точнее «national economic security» был упомянут в 1934 г., в период Великой депрессии. Он был использован для обоснования необходимости государственного регулирования экономики. По инициативе президента США Франклина Рузвельта был создан комитет для борьбы с кризисом, который носил название «Комитет по экономической безопасности» [Толмачев, Тигай 2018: 14].

Экономическая безопасность получила развитие в ответ на торговые конфликты, возникающие из-за проблем, связанных с доступом к рынкам и обороной, а также с растущей конкуренцией. Таким образом, доктрины экономической безопасности возникли в контексте экономического кризиса, где столкновения между предприятиями и государствами по поводу защиты стратегических и экономических интересов стали более частыми. Экономическая безопасность привела к обновлению международных отношений и переориентации дипломатии, где коммерческие соображения постепенно начинают преобладать над политическими вопросами. Экономические факторы, как правило, определяют дипломатическую практику между государствами и правительствами в условиях, когда заключение контрактов уже не сводится к простому согласованию спроса и предложения, а межгосударственные отношения играют важную роль[2].

Так, термин «экономическая безопасность» недавно вновь приобрел актуальность во Франции в связи с созданием в декабре 2004 г. национального подразделения по экономической безопасности, призванного оказывать помощь компаниям, считающимся инновационными. Это подразделение было подчинено Министерству внутренних дел. Для проверки системы на всей территории страны были выбраны девять регионов. Внедрение системы экономической безопасности представляется необходимым условием не только для экономического развития, но и для прогресса, который может быть достигнут страной (в социальной сфере и т. д.). Более того, это демонстрирует понимание конфликта, присущего экономическим отношениям на национальном и международном уровнях, конфликта, который необходимо эффективно урегулировать в рамках всеобъемлющей программы развития[3].

[1] Mahjoub, S. La sécurité économique à l'épreuve de la mondialisation. Thèse de doctorat en Science politique, à Lyon 3, 2015, p. 53. URL: http://www.theses.fr/ (date of access: 15.03.2026).

[2,3] Portail de l' intelligence économique. URL: https://www.portail-ie.fr/ressources/lexique/securite-economique/ (дата обращения: 15.04.2026).

В конкретных терминах экономическая безопасность проявляется в обеспечении сохранности информационных активов, принадлежащих предприятиям и государственным органам, а также в определении и защите суверенного периметра. Во Франции за координацию этих действий отвечают префекты. Интенсификация международной конкуренции побудила некоторые государства внедрять меры экономической безопасности для защиты своих технологических активов и ноу-хау в целом. Это также включает защиту секторов, связанных с обороной, и защиту территориальной целостности. Наконец, экономическая безопасность может проявляться в поддержке компаний в их усилиях по завоеванию новых рынков[1].

Понимание термина «экономическая безопасность» требует предварительного анализа понятия «безопасность» как его базового компонента. В данном исследовании мы опираемся на определения, представленные в словарях, а также в работах отечественных и зарубежных ученых, чтобы обосновать методологический подход к раскрытию сущности экономической безопасности.

Так, во французском словаре «Glossaire professionnel» дается следующее определение: **«**безопасность — это совокупность человеческих, организационных и технических ресурсов, объединенных для противодействия спонтанным или продуманным действиям, направленным на причинение вреда или ущерба с целью получения психологической и/или финансовой выгоды (*здесь и далее перевод наш — И. А., М. Б., Д. К.)*»[2].

В другом словаре французских терминов под экономической безопасностью понимается «воплощение государственной политики, направленной на защиту и продвижение стратегических интересов страны. В оборонительном аспекте экономическая безопасность включает в себя следующие виды деятельности: защиту наследия, определение критически важных промышленных и технологических зон и противодействие деятельности иностранной экономической разведки. В перспективе речь идет, в частности, о поддержке международного развития бизнеса»[3].

Одним из первых отечественных ученых, который ввел понятие «экономическая безопасность» в область экономики, является академик Л. И. Абалкин. По его мнению, «экономическая безопасность» представляет собой «…совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию» [Абалкин 1994: 4–16].

А. И. Архипов, А. Е. Городецкий, Б. П. Михайлов полагают, что экономическая безопасность должна обеспечиваться эффективностью деятельности государства, т. е. сам процесс развития экономики должен обеспечивать ее безопасность [Архипов и др. 1994: 38–44]. В этом подходе важна взаимосвязь между развитием и безопасностью, где сам процесс экономического роста служит гарантом безопасности.

А. И. Илларионов дает следующее определение: «…под экономической безопасностью понимается такое сочетание экономических, политических и правовых условий, которое обеспечивает в долгосрочной перспективе производство максимального количества экономических ресурсов на душу населения наиболее эффективным способом» [Илларионов 1998: 49]. В его концепции выделяется необходимость интеграции элементов безопасности в различные сферы общественной жизни для обеспечения устойчивости.

В. В. Морунов считает, что «экономическая безопасность — это определенное состояние экономики, при котором в условиях экономического (внутреннего и внешнего) суверенитета и наличия конкурентной среды субъектами экономических отношений (в том числе органами управления и хозяйствующими субъектами) обеспечивается устойчивый (постоянный) экономический рост и устойчивое развитие экономики в целом…» [Морунов 2014: 89]. Данное определение подчеркивает важность обеспечения стабильности и конкурентной среды для сохранения и приумножения экономической безопасности.

Все ученые сходятся во мнении, что экономическая безопасность — это условие, обеспечивающее устойчивое развитие экономики, при этом важную роль играют эффективность деятельности государства, правовые и политические условия, а также устойчивость и конкуренция.

В глоссарии терминов под экономической безопасностью понимается «состояние экономики, при котором обеспечивается достаточно высокий и устойчивый экономический рост; эффективное удовлетворение экономических потребностей; контроль госу-

[1,3] Portail de l' intelligence économique. URL: https://www.portail-ie.fr/ressources/lexique/securite-economique/ (дата обращения: 15.04.2026).

[2] Glossaire professionnel. URL: https://ieesse.org/glossaire/?e-filter-df81659-categorie-de-mots=surete.

дарства за движением и использованием национальных ресурсов; защита экономических интересов страны на национальном и международном уровнях. Составная часть национальной безопасности, ее фундамент и материальная основа. Объектом экономической безопасности выступает как экономическая система, взятая в целом, так и ее составляющие элементы: природные богатства, производственные и непроизводственные фонды, недвижимость, финансовые ресурсы, людские ресурсы, хозяйственные структуры, семья, личность»[1].

Французский ученый Жак Фонтанел (Jacques Fontanel) под экономической безопасностью понимает: «совокупность рисков, связанных с функционированием экономической и социальной жизни. В более общем смысле, она предлагает экономический взгляд на информацию, предотвращение и управление нестабильностью в экономических и политических системах, затрагивающих как частный, так и государственный секторы, как легальный, так и нелегальный» [Fontanel 2020].

Еще один зарубежный ученый Саад Махжуб (Saad Mahjoub) полагает, что «экономическая безопасность — это способность отдельного человека, домохозяйства или сообщества устойчиво и достойно удовлетворять свои основные потребности. Эти потребности могут различаться в зависимости от физических условий, окружающей среды и преобладающих культурных норм. Еда, жилье, одежда и гигиена считаются основными потребностями, влекущими за собой неизбежные расходы; ресурсы, необходимые для заработка, а также расходы, связанные со здравоохранением и образованием, также считаются основными потребностями»[2].

Множественность существующих определений безопасности приводит к тому, что само понятие *«экономическая безопасность»* остается предметом дискуссий. Это подчеркивает существенные различия в значимости и приоритетности различных подходов к его интерпретации. При этом само понятие не ограничивается исключительно экономической сферой в узком смысле слова.

Таким образом, экономическая безопасность означает способность нации защищать и поддерживать стабильность и рост своей экономики путем повышения ее устойчивости перед лицом как внутренних, так и внешних угроз. Это понятие, которое не определено точно и которое пересекается с более широким понятием национальной безопасности. После череды экономических кризисов и периодов политической напряженности, последовавших друг за другом в последние десятилетия, масштабы рисков, угрожающих экономической безопасности, на которые нацелены политики, возросли.

Исходя из вышесказанного, понятие «экономическая безопасность» следует рассматривать с разных точек зрения: финансовой, информационно-цифровой, торгово-инвестиционной, продовольственной, собственно экономической и др. Анализ теоретических трактовок понятия «экономическая безопасность», а также различного рода глоссариев, в которых собраны термины, относящиеся к данной сфере, позволяет построить схематически представленную ниже тематическую классификацию соответствующей терминосистемы. В данной классификации, полагаем, отражено тематическое своеобразие нашей лексической подсистемы, и такое своеобразие можно трактовать как первый критерий вычленения терминосистемы экономической безопасности (см. рис. 1).

Отечественный ученый Н. В. Дементьев выделяет два критерия, по которым рассматривает экономическую безопасность: пространственный критерий и социально направленный. Пространственный критерий имеет 4 уровня: мировой, государственный, региональный, локальный. Социально направленный подразумевает 3 составляющие: экономическая безопасность государства, экономическая безопасность общества и экономическая безопасность личности [Дементьев 2011: 79].

Экономическую безопасность мы подразделяем на 5 уровней: международная безопасность, национальная (государственная), региональная, безопасность предприятия и безопасность личности (см. рис. 2).

[1] Обеспечение экономической безопасности в сфере управления бюджетными средствами. Глоссарий терминов.

[2] Mahjoub, S. La sécurité économique à l'épreuve de la mondialisation, Thèse de doctorat en Science politique, à Lyon 3, 2015, p53. URL: http://www.theses.fr/ (date of access: 15.03.2026).

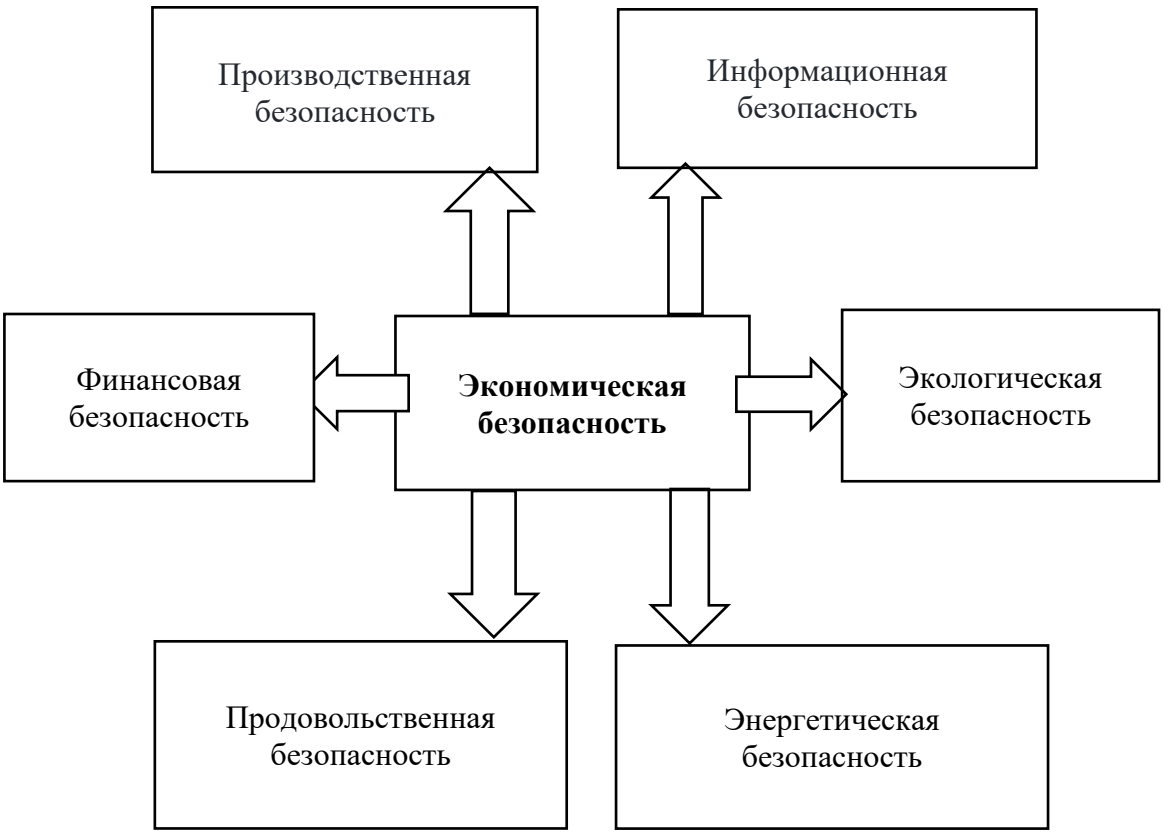


Рис. 1. Составные структурные компоненты экономической безопасности

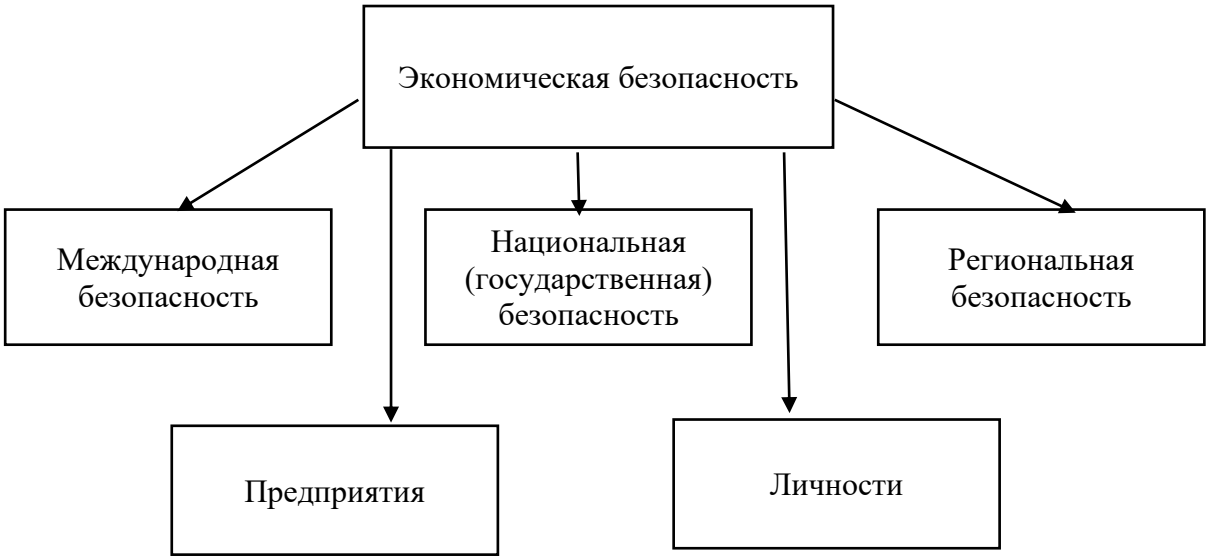


Рис. 2. Уровни экономической безопасности

Все эти уровни экономической безопасности взаимосвязаны между собой, поскольку ситуация, например, в отдельной компании будет зависеть от обстановки в регионе и на мировом рынке. Однако экономическая безопасность отдельных людей и организаций все же носит локальный характер, так как ответственность за ее обеспечение во многом лежит на самих субъектах. Если говорить об экономической безопасности предприятий, то она подразумевает стабильное функционирование, оптимальное использование имеющихся ресурсов и предотвращение всевозможных угроз, которые могут привести к финансовому ущербу[1].Таким образом, среди основных аспектов

[1] Solar. Экономическая безопасность. URL: https://rt-solar.ru/services/jsoc/blog/3964/.

экономической безопасности можно отметить защиту стратегических секторов и цепочек поставок, поддержание торговых и инвестиционных потоков, а также кибербезопасность. По сути, экономическая безопасность является неотъемлемой частью национальной безопасности, поскольку общая способность страны защищать и продвигать свои интересы в быстро меняющихся глобальных условиях должна опираться на сильную и стабильную экономику. Некоторые риски для экономической безопасности в последнее время получили широкий резонанс в общественных дебатах: сбои в цепочках поставок, отмеченные во время пандемии COVID-19, последовавшие за этим перебои в поставках критически важного сырья, энергии, фармацевтических препаратов, полупроводников и других товаров подорвали экономическую, медицинскую или военную безопасность стран. Многие из этих аспектов приобрели еще большее значение в контексте растущей геополитической напряженности, настоятельной необходимости инициировать экологический переход, чтобы избежать драматических последствий изменения климата, и ускорения цифровой трансформации экономики. Вот почему многие правительства в настоящее время работают над расширением и углублением инструментов государственной политики и мер, которые они могут предпринять с целью обеспечения экономической и стратегической безопасности своих стран[1].

Подводя итог анализа термина «экономическая безопасность», стоит сказать, что это состояние защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее устойчивый рост и развитие.

Свое исследование терминов сферы экономической безопасности мы будем проводить, опираясь на три основные группы характеристик терминосистемы, предложенные С. В. Гринев-Гриневичем. Так, он выделяет: **исторические характеристики, которые** включают такие параметры, как возраст терминологической системы, ее происхождение, исконность, модель образования терминов, степень замкнутости, родство с другими терминосистемами, устойчивость и наличие исторического ядра; **формальные характеристики,** охватывающие количественные и структурные аспекты терминологии: размер терминосистемы, ее структурный состав, среднюю длину терминов, а также мотивированность терминологических форм; **семантические характеристики,** определяющие содержательные и концептуальные свойства терминологии: предметную отнесенность, полноту охвата понятий, семантическую целостность, стратифицированность, понятийную изоморфность, степень абстрактности, категориальное соотношение и структурированность [Гринев-Гриневич 2008: 66–77].

Системный подход к анализу терминологии позволяет комплексно оценивать состояние и эволюцию терминологических систем в различных научных и профессиональных областях.

Итак, одним из ключевых критериев дифференциации терминосистемы является возраст терминов. На наш взгляд, терминология сферы экономической безопасности относится к молодым и недостаточно изученным лексическим системам. Об этом свидетельствуют два ключевых признака.

Во-первых, наблюдается интенсивный рост терминологического корпуса: за последнее десятилетие появилось значительное количество новых терминов, большинство из которых представляют собой сложные, многокомпонентные конструкции, отражающие усложнение экономических и правовых реалий.

Во-вторых, до сих пор отсутствуют авторитетные и всеобъемлющие лексикографические источники, систематизирующие и стандартизирующие терминологию данной области. Отсутствие таких справочников свидетельствует о незрелости системы и ее находящемся в стадии формирования состоянии.

Следующий критерий, на основе которого проводится исследование, — это структурное своеобразие терминологических единиц. Нами был проанализирован корпус лексических единиц терминосистемы экономической безопасности в количестве 350 единиц в русском и французском языках.

Свое исследование мы начнем с русского языка. Мы рассмотрели соответствующий корпус терминов в количестве **300** лексических единиц. Подчеркнем, что в анализируемом языке отмечается явное преобладание многокомпонентных лексических единиц. В частности, **однокомпонентные** термины представлены 73 терминами: *контрабанда, мошенничество, лжепредпринимательство, клонирование, финансирование, импорт, экспорт, экономика;* **двухкомпонентных** терминов насчитывается 106 единиц: *отмывание денег, транснациональная преступность, финансовая преступность, экономическая преступность, криминальные ин-*

[1] Portail de l' intelligence économique. URL: https://www.portail-ie.fr/ressources/lexique/securite-economique/ (дата обращения: 15.04.2026).

вестиции, международные преступления, криминальная экономика; **трехкомпонентных** терминов — 89 единиц: *незаконная банковская деятельность, нелегальный экспорт капитала, тактика обеспечения безопасности, преступления международного характера, транснациональная бизнес-преступность, признаки организованной преступности, признаки экономической преступности, стратегия экономической безопасности, угроза безопасности предпринимательства;* **четырехкомпонентных** терминов — 18 единиц: *угрозы экономической безопасности предпринимательства, мошенничество с использованием банков (Prime Bank Fraud;)* **пятикомпонентных** терминов — 9 единиц: *методы интеграции преступно полученных доходов, фундаментальные детерминанты криминальной экономической деятельности;* **шестикомпонентных** терминов — 1 единица: *комплексная система обеспечения экономической безопасности предпринимательства;* **семикомпонентных** терминов — 3 единицы: *объект комплексной системы обеспечения экономической безопасности предпринимательства, цель комплексной системы обеспечения экономической безопасности предпринимательства, субъекты комплексной системы обеспечения экономической безопасности предпринимательства;* **восьмикомпонентных** терминов — 1 единица: *методы размещения преступных доходов через нетрадиционные финансовые учреждения*.

Следует отметить, что в русском языке преобладают двухкомпонентные термины. Таким образом, терминология экономической безопасности стремится к точности и полноте, что характерно для правовых, научных и государственных документов в сфере экономической безопасности. Длинные термины часто являются нормативными определениями, например, в законах, стандартах Федеральной монопольной службы или Центрального Банка Российской Федерации (см. диаграмму на рис. 3).

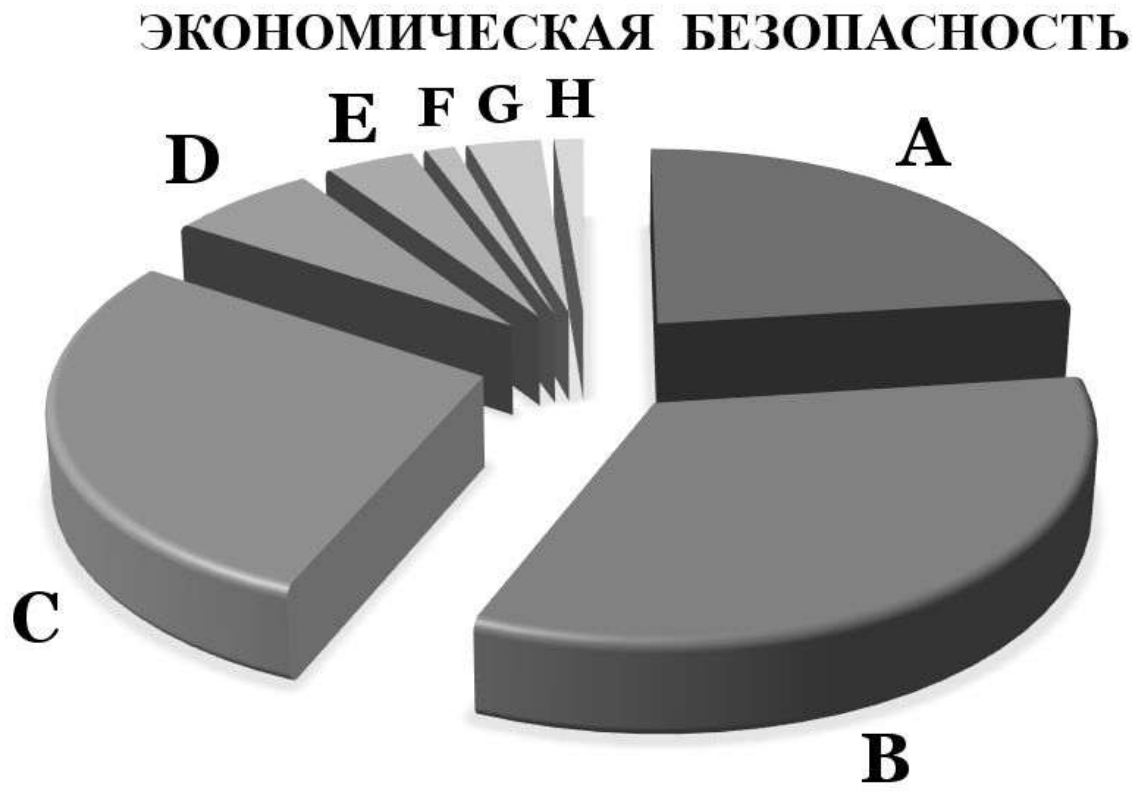


Рис. 3. Процентное соотношение терминов экономической безопасности по количеству компонентов в русском языке

Прим. A — 1-компонентные (23 %), B — 2-компонентные (34 %), C — 3-компонентные (28 %), D — 4-компонентные (6 %), E — 5-компонентные (4 %), F — 6-компонентные (1 %), G — 7-компонентные (3 %), H — 8-компонентные (1%)

На материале французского языка выборка составила 50 лексических единиц. В частности, **однокомпонентные** термины представлены 7 единицами: *authentification, autoprotection, biométrie, identification;* **двухкомпонентных** терминов насчитывается 22 единицы: *actif condamné, autonomie monétaire, dominance budgétaire, finance climatique, finance verte,jeton identifiant (JID), obligation climatique, obligation verte, transformation numérique, entrepôt relais;* **трехкомпонентных** — 12 единиц: *validation de bloc, encre de Sécurité, gestion des accès, sas d'accès, contrôle d'accès* (стоит отметить, что предлог «de» или «d '» во французском языке используется для образования принадлежности, что в русском языке соответствует родительному падежу [Борисова 2015 56]); **четырехкомпонентных** — 5 единиц: *paiement fractionné en ligne;* **пятикомпонентных** — 4 единицы: *vendeur en ligne sans stock, vendeuse en ligne sans stock, vente en ligne sans stock preuve par l'enjeu.*

По нашему мнению, причина преобладания двух- и трехкомпонентных терминов во французском заключается в их синтаксической структуре, где для точности часто требуется дополнительное слово (например, предлог или определение), тогда как в русском языке аналогичные понятия компактно выражаются за счет грамматических форм — в частности, падежных окончаний, позволяющих объединять два элемента в одну устойчивую единицу (см. диаграмму на рис. 4).

Таким образом, экономическая безопасность как область знаний использует преимущественно сложные, многокомпонентные термины, отражающие точность, юридическую строгость и системный подход. Терминология не стремится к простоте — она стремится к полноте.

Стоит отметить тот факт, что во французском языке почти отсутствуют глоссарии по терминологии экономической безопасности, что является, на наш взгляд, показателем малоизученности этой области и необходимости создания словаря на французском языке, содержащего основные термины данной сферы.

Итак, проведя анализ структур терминов экономической безопасности на материале русского и французского языков, следует отметить, что в двух анализируемых языках преобладают двухкомпонентные термины. При этом однокомпонентных, трехкомпонентных и пятикомпонентных терминов наблюдается больше в русском языке, что свидетельствует о его большей терминологической вариативности и тенденции к более детальной номинации понятий в данной сфере (см. диаграмму на рис. 5).

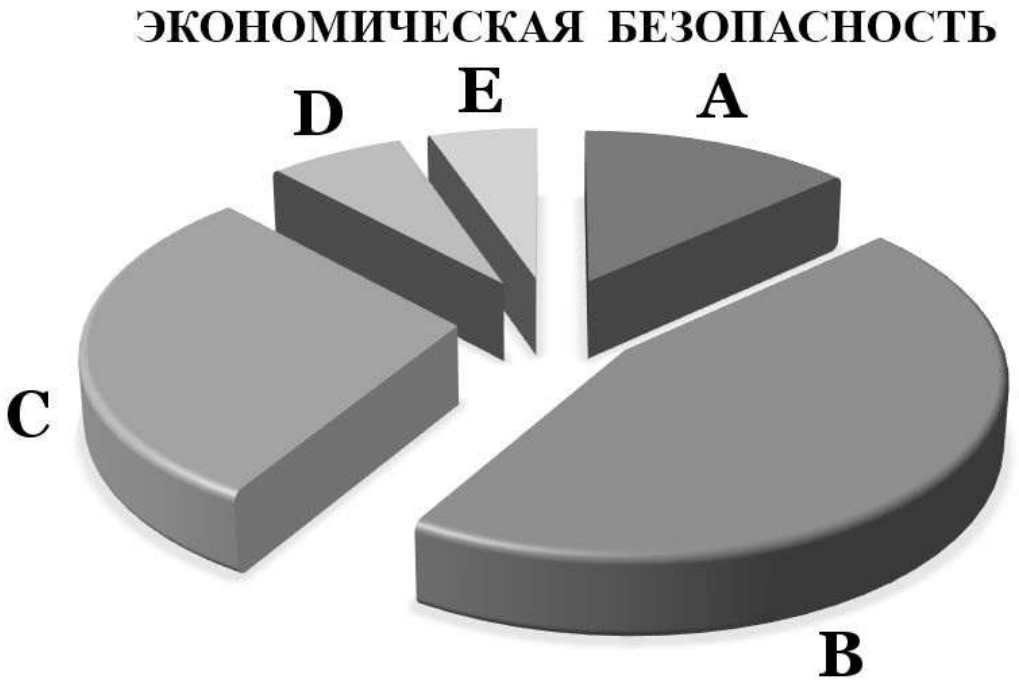


Рис. 4. Процентное соотношение терминов экономической безопасности по количеству компонентов во французском языке

Прим. A — 1-компонентные (15 %), B — 2-компонентные (46 %), C — 3-компонентные (29 %), D — 4-компонентные (6 %), E — 5-компонентные (4 %)

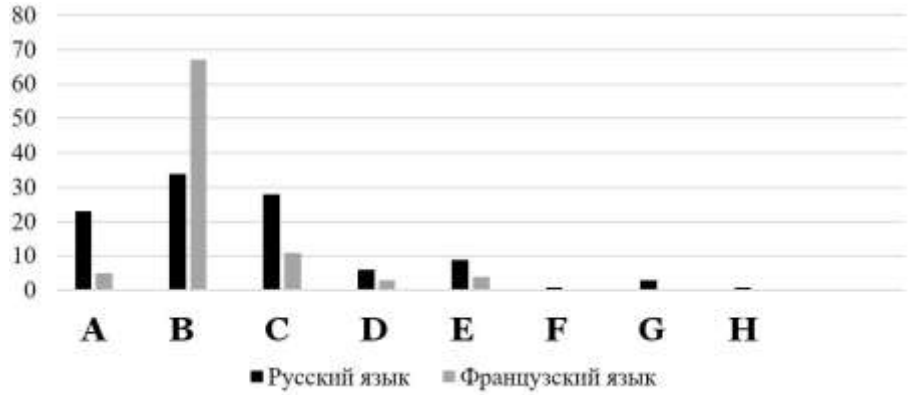


Рис. 5. Сравнительное распределение терминов по количеству компонентов в русском и французском языках

A — 1-компонентные, B — 2-компонентные, C — 3-компонентные, D — 4-компонентные, E — 5-компонентные, F — 6-компонентные, G — 7-компонентные, H — 8-компонентные

Эти различия могут быть обусловлены как лингвистическими особенностями русского языка, так и спецификой формирования терминологии экономической безопасности в русском языке, где акцент делается на более точную и расширенную классификацию.

Необходимо подчеркнуть факт наличия в данной терминосистеме заимствований из английского языка, как в русском, так и во французском языках. В русском языке заимствования относятся к международным схемам: *Pump&dump* — схема *«увеличить и сбросить»* (вид манипуляции на рынке ценных бумаг, заключающейся в извлечении прибыли за счет продажи ценных бумаг, спрос на которые был искусственно сформирован); *The «Risk — free» Frau — схема «надежного» вложения капитала* (заключается в распространении через Интернет инвестиционных предложений с низким уровнем риска и высоким уровнем прибыли. Как правило, это предложение несуществующих, но очень популярных проектов); *layering* — расслоение (стадия процесса отмывания денег, направленная на отрыв незаконных доходов от их источников путем сложной цепи финансовых операций, направленных на маскировку проверяемого следа этих доходов); *Prime Bank Fraud* — мошенничество с использованием банков.

Так, во французский из английского языка пришли следующие термины: *drop shipper, drop-shipper,* или *dropshipper; drop shipping, drop-shipping,* или *dropshipping* (в этих терминах представлены три варианта написания), а также аббревиации *SPAC — special purpose acquisition company, PoS — proof of stake, RFID — Radio-Frequency Identification, NFT non-fungible token.*

Таким образом, терминология экономической безопасности имеет разнообразные способы терминообразования, такие как аббревиации и заимствования. Проведенное исследование подтверждает, что сравнительно-сопоставительный анализ терминологических систем позволяет выявить не только общие закономерности, но и специфические особенности формирования терминосистемы в области экономической безопасности.

Подводя итог, можно констатировать, что на сегодняшний день не существует полноценных глоссариев по терминологии экономической безопасности в русском и французском языках. Этот факт подчеркивает значительную нишу в лингвистической и терминологической практике, которая требует особого внимания как со стороны лингвистов, так и специалистов в области экономики и безопасности. Создание специализированных глоссариев по данной тематике является важнейшей задачей для развития терминоведения и межъязыковой коммуникации. Такие лингвистические ресурсы способствуют унификации и стандартизации терминологии, что важно для повышения уровня профессионального межгосударственного сотрудничества, укрепления информационной безопасности и формирования общего информационного пространства. Отсутствие глоссариев затрудняет обмен знаниями и научное взаимодействие между русскоязычными и франкоязычными специалистами. Стоит отметить, что развитие данной области — это не только вклад в лингвистику, но и важный шаг к укреплению мира и сотрудничества на международном уровне, повышающий уровень понимания в вопросах экономической безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абалкин, Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л. И Абалкин // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 4–16. — EDN SJOVDJ.

2. Архипов, А. И. Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения / А. И. Архипов, А. Е. Городецкий, Б. П. Михайлов // Вопросы экономики. —1994. — № 12. — С. 38–44. — EDN SHGXLJ.

3. Архипова, Л. С. Аналитические аспекты оценки экономической безопасности регионов в контексте устойчивого развития / Л. С. Архипова // Экономические отношения. — 2020. — Т. 10, № 3. — С. 699–718. — DOI 10.18334/eo.10.3.110748. — EDN OOIGGP.

4. Борисова, М. К. Критерии отграничения терминосистемы международной безопасности в системе специальной лексики современного английского, французского и русского языков / М. К. Борисова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 5-1 (47). — С. 52–59. — EDN TQADKB.

5. Борисова, М. К. Анализ структуры терминов международной безопасности на примере французского языка / М. К. Борисова // Университетские чтения — 2016 : материалы научно-методических чтений ПГЛУ, Пятигорск, 14–15 янв. 2016 г. — Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016. — Ч. 5. — С. 107–112. — EDN WJBVJR.

6. Гринев-Гриневич, С. В. Терминоведение : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С. В. Гринев-Гриневич. — Москва : Академия, 2008. — 304 с. — ISBN 978-5-7695-4951-9. — EDN VRDUHV.

7. Дементьев, Н. В. Экономическая безопасность в структуре национальной безопасности современной России / Н. В. Дементьев // Социально-экономические явления и процессы. — 2011. — № 5-6 (27-28). — С. 76–82. — EDN OJLGOF.

8. Илларионов, А. Критерии экономической безопасности / А. Илларионов // Вопросы экономики. — 1998. — № 10. — С. 35–58.

9. Климонова, А. Н. Основные подходы к исследованию понятий «экономическая безопасность» и «экономическая безопасность государства» / А. Н. Климонова // Социально-экономические явления и процессы. — 2014. — Т. 9, № 8. — С. 54–60. — EDN SOAREV.

10. Морунов, В. В. Теоретические подходы к определению сущности экономической безопасности / В. В. Морунов // Вестник экономики, права и социологии. — 2011. —№ 4. — С. 87–89. — EDN QJIOFH.

11. Толмачев, О. М., Тигай, А. В. Генезис и эволюция понятия «экономическая безопасность» / О. М. Толмачев, А. В. Тигай // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. — 2018. — №1. — С. 14-22. DOI 10.18384/2310-6646-2018-1-14-22. — EDN YSYMQY.

12. Феофилова, Т. Ю. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации как фактор развития теории и методологии экономической безопасности / Т. Ю. Феофилова, Е. В. Радыгин., А. А. Евграфов // Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Уфа, 04 июля 2017 г.). — Уфа : Агентство международных исследований, 2017. — С. 150–154. — EDN YTUVTB.

13. Фомин, А. М. Экономическая безопасность государства / А. М. Фомин // Международные процессы. — 2010. — Т. 8. — № 3 (24). — С. 118–133. — EDN PXAPBF.

14. Fontanel, J. Une croissance économique sans progrès humain / J. Fontanel. — Post-Print 2020. — hal-03709037. — URL: https://ideas.repec.org/p/hal/journl/hal-02043679.html (date of access: 11.04.2026).

15. Fontanel, J. Un concept élargi de la sécurité économique // Économie politique de la sécurité internationale, l'Harmattan. — 2010. — P. 15–56. — (La Librairie des humanités). — ISBN 978-2-296-11341-1. — URL: https://ideas.repec.org/p/hal/journl/hal-02043679.html (date of access: 11.04.2026).

16. Pardini, G. Introduction à la sécurité économique / G. Pardini. — Paris : Lavoisier, 2009. — 124 p. — ISBN 978-2-7430-1207-6. — URL: https://www.veillemag.com/Introduction-a-la-securite-economique-par-Gerard-Pardini-aux-Editions-Tec-Doc-Lavoisier_a1396.html (date of access: 15.04.2026).

REFERENCES

1. Abalkin, L. I. (1994). Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i ikh otrazhenie = Economic Security of Russia: Threats and Their Reflection. *Issues of Economics*, *12*, 4–16. EDN SJOVDJ.

2. Arkhipov, A. I., Gorodetskiy, A. E., Mikhaylov, B. P. (1994). Ekonomicheskaya bezopasnost': otsenki, problemy, sposoby obespecheniya = Economic Security: Assessments, Problems, and Methods of Ensuring. *Issues of Economics*, *12*, 38–44. EDN SHGXLJ.

3. Arkhipova, L. S. (2020). Analiticheskie aspekty otsenki ekonomicheskoy bezopasnosti regionov v kontekste ustoychivogo razvitiya = Analytical Aspects of Assessing the Economic Security of Regions in the Context of Sustainable Development. *Economic Relations*, *10*(3), 699–718. DOI 10.18334/eo.10.3.110748. EDN OOIGGP.

4. Borisova, M. K. (2015). Kriterii otgranicheniya terminosistemy mezhdunarodnoy bezopasnosti v sisteme spetsial'noy leksiki sovremennogo angliyskogo, frantsuzskogo i russkogo yazykov = Criteria for Delimiting the Terminology of International Security in the System of Specialized Lexicons of Modern English, French, and Russian. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, *5-1*(47), 52–59. EDN TQADKB.

5. Borisova, M. K. (2016). Analiz struktury terminov mezhdunarodnoy bezopasnosti na primere frantsuzskogo yazyka = Analysis of the Structure of International Security Terms Using the Example of the French Language. *University Readings — 2016. Proceedings of the Scientific and Methodological Readings at Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, January 14–15, 2016. Part V*, 107–112. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University. EDN WJBVJR.

6. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). Terminovedenie = Terminology. A textbook for students of higher educational institutions. Moscow: Akademiya, 2008. 304 s.

7. Dement'ev, N. V. (2021). Ekonomicheskaya bezopasnost' v strukture natsional'noy bezopasnosti sovremennoy Rossii = Economic Security in the Structure of National Security of Modern Russia. *Socio-Economic Phenomena and Processes*, *5-6*, 76–82.

8. Illarionov, A. (1998). Kriterii ekonomicheskoy bezopasnosti = Criteria of Economic Security. *Issues of Economics*, *10*, 49–59.

9. Klimonova, A. N. (2014). Osnovnye podkhody k issledovaniyu ponyatiy «ekonomicheskaya bezopasnost'» i «ekonomicheskaya bezopasnost' gosudarstva» = Main Approaches to the Study of the Concepts of "Economic Security" and "Economic Security of the State". *Socio-economic phenomena and processes*, *9*(8), 54–60. EDN SOAREV.

10. Morunov, V. V. (2011). Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu sushchnosti ekonomicheskoy bezopasnosti = Theoretical Approaches to Defining the Essence of Economic Security. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, *4*, 87–89. EDN QJIOFH.

11. Tolmachev, O. M., Tigay, A. V. (2018). Genezis i evolyutsiya ponyatiya «ekonomicheskaya bezopasnost'» = Genesis and Evolution of the Concept of "Economic Security". *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Economy*, *1*, 14–22. DOI 10.18384/2310-6646-2018-1-14-22. EDN YSYMQY.

12. Feofilova, T. Yu., Radygin, E. V., Evgrafov, A. A. (2017). Strategiya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii kak faktor razvitiya teorii i metodologii ekonomicheksoy bezopasnosti = Strategy of Economic Security of the Russian Federation as a Factor in the Development of the Theory and Methodology of Economic Security. *Collection of articles following the results of the International Scientific and Practical Conference (Ufa, July 4, 2017)*, 150–154. Ufa: Agency for International Research. EDN YTUVTB.

13. Fomin, A. M. (2010). Ekonomicheskaya bezopasnost' gosudarstva = Economic Security of the State. *International Processes*, *8*(3[24]), 118–133. EDN PXAPBF.

14. Fontanel, J. (2020). Une croissance économique sans progrès humain. hal-03709037. Available at Apr. 11, 2026 from https://ideas.repec.org/p/hal/journl/hal-02043679.html.

15. Fontanel, J. (2010). Un concept élargi de la sécurité économique. *Économie politique de la sécurité internationale*, 15–56. l'Harmattan, La Librairie des humanités. ISBN 978-2-296-11341-1. Available at Apr. 11, 2026 from https://ideas.repec.org/p/hal/journl/hal-02043679.html.

16. Pardini, G. (2009). Introduction à la sécurité économique. Paris: Lavoisier. Available at Apr. 15, 2026 from https://www.veillemag.com/Introduction-a-la-securite-economique-par-Gerard-Pardini-aux-Editions-Tec-Doc-Lavoisier_a1396.html.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.23.43; 16.21.27* *Код ВАК 5.9.6*

Мария Александровна Гаевская
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, gaevskaia.m.a@hse.ru, SPIN-код: 5734-0942

Конфликтное поведение языковой личности в политическом дискурсе (на примере речи К. Стармера)

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматривается конфликтное коммуникативное взаимодействие в политическом дискурсе. Тема работы посвящена специфике конфликтного поведения языковой личности в современных дебатах в британском парламенте на материале выступлений К. Стармера. Цель заключается в выявлении когнитивных сценариев речевого конфликта конкретной языковой личности, установлении факторов выбора прагматических стратегий, реализующих эти сценарии, и описании их лингвистического оформления. Методология исследования базируется на интегрированном когнитивно-дискурсивно-прагматическом подходе, сочетающем дискурсивный анализ, когнитивную теорию сценариев и концепцию стратегий вежливости/невежливости. Анализ проводится по четырехшаговому алгоритму на материале верифицированных транскриптов парламентских дебатов с участием Кира Стармера. В результате выделены три базовых сценария («Блицкриг», «Развивающийся конфликт», «Защита»), выбор которых детерминирован институциональным статусом говорящего, динамикой инициативы и ментальными установками говорящего. Лингвистическая актуализация сценариев обеспечивается конвергенцией эпистемической модальности, коннотативной лексики, риторических вопросов и дейксиса «свой — чужой». Область применения результатов охватывает политическую лингвистику и лингвистическую конфликтологию. Выводы исследования подтверждают, что конфликтное поведение языковой личности функционирует как динамичная рационально-агрессивная система, в которой когнитивный сценарий и прагматическая стратегия взаимно обусловливают выбор языковых средств, обеспечивая максимальную эффективность коммуникации в условиях регламентированного политического противостояния.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, политические деятели, парламентаризм, языковая личность, лингвопенрсонология, речевой конфликт, агональность, парламентские дебаты, коммуникативные сценарии, конфликтное поведение, политические речи, речевая деятельность.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Гаевская Мария Александровна, преподаватель, аспирант, Школа иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, email: gaevskaia.m.a@hse.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Гаевская, М. А.* Конфликтное поведение языковой личности в политическом дискурсе (на примере речи К. Стармера) / М. А. Гаевская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 48-55.

Mariya A. Gaevskaya
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, gaevskaia.m.a@hse.ru, SPIN code: 5734-0942

Conflict Behavior of Linguistic Personality in Political Discourse (on the Material of Keir Starmer's Speeches)

ABSTRACT. *The article explores conflict communicative interaction in political discourse. It focuses on the specific features of conflict behavior of a linguistic personality in contemporary British parliamentary debates, using Keir Starmer's speeches as empirical material. The aim of the study is to identify cognitive scenarios of speech conflict of a particular linguistic personality, to discover the factors governing the choice of pragmatic strategies realizing these scenarios, and to describe their linguistic expression. The research methodology is based on an integrative cognitive-discourse-pragmatic approach, combining the methods of discourse analysis, cognitive scenario theory, and the theory of polite/impolite interaction strategies. The analysis follows a four-step algorithm applied to verified parliamentary debate transcripts featuring Keir Starmer. The study results in identifying three core scenarios: "Blitzkrieg", "Escalating Conflict", and "Defense". Their selection is determined by the institutional status of the speaker, communicative initiative dynamics, and the speaker's attitude and mental predisposition. The linguistic actualization of these scenarios is achieved through the convergence of epistemic modality, connotative vocabulary units, rhetorical questions, and the "OWN — ALIEN" deixis. The findings of the research are applicable to political linguistics and linguistic conflictology. The conclusions confirm that conflict behavior of a linguistic personality functions as a dynamic rational-aggressive system in which cognitive scenarios and pragmatic strategies mutually determine the choice of linguistic means, thus ensuring maximum communicative effectiveness within the framework of regulated political confrontation.*

KEYWORDS: *political discourse, political texts, politicians, parliamentarism, linguistic personality, linguopersonology, speech conflict, agonality, parliamentary debates, communicative scenarios, conflict behavior, political speeches, speech.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gaevskaya Mariya Aleksandrovna, Senior Lecturer, Post-Graduate Student of the School of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.*

© Гаевская М. А., 2026

FOR CITATION: *Gaevskaya M. A.* (2026). Conflict Behavior of Linguistic Personality in Political Discourse (on the Material of Keir Starmer's Speeches). In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 48-55. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

По прошествии четверти XXI века в науке продолжает главенствовать антропоцентрическая парадигма. Это означает, что науке, в частности лингвистике, до сих пор интересна роль человека в формировании и осмыслении реальности. С точки зрения теории, человек интересен как «точка отсчета» и центр, вокруг которого аккумулируется знание. В методологическом аспекте доминирование антропоцентризма знаменуется предпочтением меж-, поли- и трансдисциплинарных подходов к исследованиям, что манифестирует принцип холизма [Князева 2011: 193–195]. Холистический подход подразумевает целостный взгляд на проблему, что и достигается посредством интегрирования в лингвистические исследования теоретических знаний и методов анализа эмпирического материала из других дисциплин.

В данной работе в качестве объекта используется конфликтное коммуникативное взаимодействие, или конфликтная коммуникация, в политическом дискурсе. Политический дискурс остается актуальным источником эмпирического материала, так как регулярно пополняется свежими примерами. Более того, политический дискурс удобен в исследовании, потому что о его специфике известно довольно много.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Языковая личность в политике

Так как человек, как было сказано ранее, является точкой отсчета любого анализа, а неотъемлемую составляющую человеческой сущности составляет сознание, не удивительно, что с внедрением антропоцентрических нарративов в науку большое внимание стало уделяться когнитивному аспекту коммуникативных исследований. Современная лингвистика базируется на антропоцентрической парадигме, где человек является центральной категорией исследования [Кубрякова 2004; Болдырев 2018]. В последние десятилетия в научном дискурсе в обиход вошли такие термины, как когниция, познание, концепт, фрейм, сценарий, языковая личность, что подтверждает высказанный тезис [Демьянков 1994; Карасик 2002; Кубрякова 2004; Hart 2023]. Динамика публикаций по данной теме наглядно показывает, что когнитивное направление коммуникативных исследований продолжает активно развиваться.

Одним из ключевых понятий исследования является «языковая личность», которую мы вслед за Ю. Н. Карауловым определяем как «личность, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 2010: 38]. Языковая личность говорящего актуализируется в дискурсе через выбор конкретных языковых средств, что позволяет реконструировать ее в когнитивном аспекте. В политическом дискурсе языковая личность реализуется через свою институциональную роль, актуализируя индивидуально-авторские черты (идиостиль). Для нашего исследования важно понимание языковой личности не как статичного набора характеристик, а как динамической системы, выбирающей стратегии в зависимости от коммуникативной цели [Stepanova 2012: 171–173; Никитина 2023: 1]. Другими словами, в фокусе исследования оказывается мотивационный уровень языковой личности.

Специфика политического конфликта

В рамках исследования политический дискурс трактуется как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников дискурса и формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов 2004: 7–8]. Он отличается иерархичностью, полемичностью, манипулятивностью и конфликтогенностью. Среди прочих основополагающих особенностей политического дискурса выделяют ритуальность, институциональность, явную и скрытую оценочность [Алёшина 2015: 27–28]. Указанные особенности источника материала определяют характер порождаемых высказываний.

Дебаты в парламенте являются регламентированным институциональным событием, где речевой конфликт рассматривается не как сбой коммуникации, а как стратегический ресурс борьбы за власть и влияния на электорат. Другими словами, речевая агрессия, характерная для конфликтного коммуникативного взаимодействия, признается нормой [Головина 2019: 206]. Действительно, среди прочих характеристик политического дискурса, таких как институциональность, эзотеричность, оценочность, редукционизм, политической коммуникации свойственен дуализм толерантности и агрессивности [Чудинов 2012: 59]. Это означает, что в период ожесточенной борьбы за власть или принятия особо судьбоносных решений степень конфликтогенности политического дискурса возрастает [Там же].

Когнитивный и прагматический аспекты конфликтной политической коммуникации

Для анализа конфликтных сценариев необходим когнитивный подход, позволяющий выявить устойчивые ментальные структуры, управляющие поведением говорящего [van Dijk 2010; Кубрякова 2012].

Когнитивный аспект исследования опирается на теорию сценариев, согласно которой повторяющиеся коммуникативные ситуации структурируют ментальные паттерны, предопределяющие выбор речевых действий [Schank 1977: 41]. Интеграция прагматического и когнитивного подходов, то есть стратегий и сценариев, позволяет объяснить, почему в определенных институциональных условиях говорящий актуализирует конкретные лингвистические средства.

Прагматический анализ, с одной стороны, базируется на теории речевых стратегий О. С. Иссерс [Иссерс 2008]. С другой стороны, исследование опирается на принцип вежливости П. Браун и С. Левинсон, а также концепцию невежливости Дж. Калпепера [Brown 1987; Culpeper 2010]. Такой подход позволяет установить и обосновать выбор определенных речевых стратегий в зависимости от контекста и институциональных правил политического дискурса.

Синтез теоретических обоснований исследования формирует целостное представление о политическом дискурсе как об особом поле взаимодействия между коммуникантами в силу своих имманентных характеристик и правил. Эти характеристики и правила задают определенный тон и характер коммуникативного взаимодействия, проявляющийся в реализации предсказуемых сценариев с использованием контекстуально и личностно обусловленных языковых средств.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу исследования составили транскрипции (стенограммы) речевого взаимодействия Кира Стармера со своими политическими оппонентами в рамках парламентских дебатов, верифицированные по официальным архивам *Hansard*. Материал отобран методом целевой выборки с учетом вариативности институциональных и коммуникативных ролей объекта исследования и типа оппонента.

Методология исследования основана на интегрированном когнитивно-дискурсивно-прагматическом подходе, который сочетает критический анализ дискурса для определения контекста каждого конкретного речевого взаимодействия и его институциональных рамок, когнитивный анализ, необходимый для реконструкции сценариев конфликтного взаимодействия, а также прагмалингвистический анализ, который демонстрирует, как сценарии актуализируются в языке.

Триангуляция обозначенных методов позволяет холистически проанализировать такой комплексный объект анализа, как фрагмент дискурса, диалог на нескольких уровнях, согласно четырехшаговому алгоритму. Этот алгоритм включает: 1) контекстуализацию (установление ролей и пресуппозиций); 2) когнитивно-мотивационный анализ (реконструкцию целей и ментальных установок говорящего); 3) анализ стратегий говорящего (выявление стратегии, которую выбрал говорящий, и тактик, использованных для ее реализации на каждом речевом ходе); 4) лингвистическое маркирование сценария (описание языковых средств, вербализующих коммуникативную интенцию говорящего по мере развития сценария). Таким образом, дедуктивным путем устанавливается связь между прагматическим и когнитивным уровнями коммуникативного взаимодействия.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Кир Стармер, лидер Лейбористской партии, на момент апреля 2026 года остается действующим премьер-министром Великобритании. Применение обоснованного в предыдущем разделе подхода к анализу эмпирического материала позволило реконструировать сценарии его конфликтного взаимодействия и выявить зависимость выбора речевых стратегий от институционального контекста и коммуникативных ролей.

В ходе исследования были выделены три устойчивых когнитивных сценария, реализуемых говорящим.

1. Сценарий «Блицкриг»: реализуется в условиях очевидного превосходства говорящего и характеризуется подавляющей инициативой с его стороны. Сам термин мотивирован сходством с одноименной военной тактикой, суть которой заключается в нанесении молниеносной серии ударов для быстрого подавления противника.
2. Сценарий «Развивающийся конфликт»: характерен для ситуаций относительно равного статуса коммуникантов, где степень агрессии говорящих и обострения конфликта нарастает с каждым новым его витком.
3. Сценарий «Защита»: активируется при вынужденной защите говорящего, характеризуется зацикленностью речевых шагов, мотивированной поиском уязвимости противника.

Далее представлено детальное описание и анализ реализации обозначенных сце-

нариев.

Сценарий «Блицкриг»

Наглядным примером данного сценария является речевое взаимодействие Кира Стармера с Лиз Трасс на дебатах осенью 2022 года.

1. ***Контекстуализация*.** Представляя разные политические партии (К. Стармер от лейбористов и Л. Трасс от консерваторов), обозначенные политики вступают в речевое противостояние как идеологические противники. На момент случившегося конфликта Лиз Трасс являлась премьер-министром Великобритании, а Кир Стармер представлял оппозицию. Последний поднял вопрос о состоятельности Лиз Трасс как главного лица государства, обвиняя ее в некомпетентности. Публичный характер дебатов и принадлежность к идеологически враждебным лагерям предопределяют высокую степень конфликтогенности, где речевая агрессия выступает легитимным инструментом борьбы за власть.

2. ***Когнитивно-мотивационный анализ.*** Говорящие вступают в конфликтное взаимодействие с разными целями. Цель Кира Стармера заключается в дискредитации Лиз Трасс как некомпетентного лидера. Лиз Трасс, находясь в позиции «ответчика», наоборот стремится защититься и отстоять свои границы.

3. ***Анализ стратегии говорящего.*** Установив контекст взаимодействия, а также цель и мотив говорящего, приходим к выводу, что Кир Стармер использует типичную для сложившейся ситуации стратегию дискредитации, выбирая агрессивную форму речевого взаимодействия. Сценарий разворачивается по модели: упреждающий удар (ирония) → аргументация (фактология) → последний удар (риторический вопрос).

Речевое противостояние начинается с ироничной языковой игры*: «A **book** is being written about the **Prime Minister's time** in office. **Apparently, it's going to be out by Christmas. Is that the release date or the title?»*. Высказывание направлено на нарушение принципа вежливости и нанесение ущерба лицу оппонента прежде, чем оппонент сделает свой речевой ход.

Когда Л. Трасс также вступает в речевое противостояние, К. Стармер применяет тактику апелляции к фактам с использованием эпистемической модальности, которая на морфологическом уровне выражена в обильном использовании глаголов прошедшего времени в изъявительном наклонении: *«…last week the Prime Minister **ignored**…», «last week the Prime Minister **stood** there and **promised** absolutely no spending reductions… This week the chancellor **announced** a new wave of cuts»*. Эффект от использования эпистемической модальности усиливается благодаря использованию параллелизма и лексического повтора: *«…45p tax cut — **gone**, corporation tax cut — **gone**, 20p tax cut — **gone**, two-year energy freeze — **gone**, tax-free shopping — **gone**, economic credibility — **gone**. And her supposed best friend the former Chancellor… He's **gone** as well. They're all **gone**»*. Таким образом, вся информация в аргументах К. Стармера подается и воспринимается как неоспоримые факты.

Завершается речевой конфликт К. Стармера с помощью риторического вопроса: *«So, why is she still here?».* Обозначенный речевой акт подрывает уверенность Лиз Трасс в речевом противостоянии, из-за чего ответа на претензию не следует.

4. ***Лингвистические маркирование сценария***. Вербализация сценария осуществляется посредством конвергенции ряда языковых средств. На этапе инициации конфликта используются ирония и языковая игра. Для создания более весомой аргументации использованы параллелизм и лексический повтор. Наконец, переход на личностный уровень конфликта осуществляется посредством риторического вопроса, адресованного личности оппонента, а не проблеме.

При похожих обстоятельствах произошло столкновение Кира Стармера с Борисом Джонсоном в марте 2022 года. Почти идентичные условия предопределяют использование того же агрессивного наступательного сценария. Деталью, которая отличает данный сценарий от предыдущего, является использование высмеивания на этапе аргументации: *«**Cut the nonsense** and treat the British people with respect; Is that **cutting taxes or raising taxes**? **I can only hope** that this police questionnaire was **a bit more convincing than that**; "The tough decisions" … give me a break»*.

Достойной внимания деталью, которая также доказывает, что в обеих ситуациях используется один и тот же сценарий, является фраза, которая возникает как в первом, так и во втором споре: *«Why is she/he still here?»*. Этот риторический провокационный вопрос используется на этапе последнего удара и призван подорвать авторитет оппонента.

Сценарий «Развивающийся конфликт»

В ситуациях, когда Кир Стармер находится в относительно равных позициях с оппонентом, сценарий блицкрига не используется. В подобных обстоятельствах доминирует сценарий развивающегося конфликта,

характер которого становится более агрессивным с каждым новым витком диалога (парой реплика-стимул/реплика-реакция). Примером реализации этого сценария являются дебаты Кира Стармера с Риши Сунаком в 2022 году.

1. ***Контекстуализация.*** Дебаты характеризуются относительным институциональным равенством коммуникантов: Риши Сунак на тот момент только что занял пост премьер-министра Великобритании, а Кир Стармер выступает как представитель оппозиции. Он критикует его первые решения в качестве премьер-министра (в частности, назначение на должность секретаря человека, допустившего утечку важных данных) и избранный им политический курс.

2. ***Когнитивно-мотивационный анализ***. Мотив Кира Стармера заключается в демонстрации непоследовательной политики нового правительства. Когнитивная установка говорящего предполагает, что степень агрессии должна возрастать пропорционально попыткам оппонента уйти от ответа.

3. ***Анализ стратегии говорящего***. Как и в предыдущем примере, Кир Стармер использует стратегию дискредитации. Она реализуется через экспозицию противоречий. Сценарий, по которому реализуется стратегия, имеет поступательно нарастающую динамику: постановка проблемы (выдвижение проблемного вопроса как предмета обсуждения на дебатах) → атака (череда аргументов, наглядно демонстрирующая несовпадение слов и дел оппонента) → обвинения (переход с политики оппонента на его личность, обострение конфликта) → провокация (провокационный вопрос или тезис, который выводит оппонента из равновесия и наносит его лицу сильный урон).

В отличие от сценария «блицкрига», здесь наблюдается постепенное снятие ограничений вежливости. Изначальное приветствие *«And may I welcome the Prime Minister...»* резко контрастирует с последующим вопросом *«Was his Home Secretary right to resign last week for a breach of security?»,* который и является постановкой проблемы.

По мере развития диалога К. Стармер переходит от критики политики с использованием эпистемической модальности *«**Yesterday** the Prime Minister **stood** on the steps of Downing Street and **promised** integrity, professionalism, and accountability but **then** with his first act he **appointed**…»* к атаке на личные качества, используя лексику с негативной коннотацией *«…he's so **weak**, he's done a **grubby deal**…»*. Завершающий этап сценария включает использование прецедентного феномена *«That's why the **only** time he ran in a **competitive** election he got trounced by **the former prime minister who herself got beaten by a lettuce**»*, что служит созданию комического эффекта и снижению статуса оппонента в глазах электората. В контексте речевого противостояния эта реплика является провокацией, в ответ на которую Р. Сунак предпочитает промолчать.

4. ***Лингвистическое маркирование сценария***. В силу реализации аналогичной стратегии, даже если она основана на другом сценарии, выбор языковых средств схож. Наиболее часто говорящий использует эпистемическую модальность для апелляции к фактам. По мере развития конфликта эмоциональное противостояние обостряется, что проявляется в использовании коннотативной лексики. Это приводит к гиперболизации и обобщению, совмещенному с противопоставлением: *«…**as always** with them: **party first, country second**»*. Таким образом, позиции сторон еще сильнее поляризуются, что позволяет отделить союзников от противников. Провокация, реализованная за счет использования прецедентного феномена, завершает противостояние К. Страмера и Р. Сунака победой первого.

Сценарий «Защита»

Отдельного внимания заслуживают ситуации, в которых говорящий вынужден защищаться, а не нападать. Причиной возникновения таких обстоятельств может быть инициатива соперника, когда тактика быстрого нападения впервые используется оппонентом, или провокационный вопрос, на который Кир Стармер вынужден ответить.

Подобная ситуация произошла в дебатах с Кеми Баденок в октябре 2025 года, когда последняя задала Киру Стармеру неудобные вопросы о внутриполитическом курсе, который он выбрал.

1. ***Контекстуализация.*** Кир Стармер является премьер-министром Великобритании, а его оппонент представляет оппозицию. В данной ситуации инициативу берет Кеми Баденок, из-за чего К. Стармер вынужден занять обороняющуюся позицию.

2. ***Когнитивно-мотивационный анализ***. Сценарий защиты имеет двойную направленность. Первичная цель говорящего состоит в защите своего лица путем оправдания в ответ на обвинения оппонента, вторичная цель направлена на перехват инициативы. Другими словами, когнитивный сценарий строится на обнаружении «уязвимого места» в аргументации оппонента для перехода в контратаку.

3. ***Анализ стратегии говорящего***. В силу утраченной инициативы Киру Стармеру приходится реализовывать стратегию защи-

ты. Сценарий защиты, лежащий в основе реализуемой стратегии, разворачивается по модели: оправдание ↔ обвинение → последний удар. В силу комплексной цели говорящего, защитный сценарий имеет более сложную, цикличную структуру. Пытаясь найти уязвимость своего оппонента, говорящий переходит от оправдания к обвинению, развивая конфликт и ожидая возможности перейти в нападение.

В начале конфликта К. Стармер в ответ на обвинение в неудачной политике прибегает к тактике дистанцирования, что проявляется в использовании страдательного залога и эксплицитном указании на предыдущее правительство: *«**The substantive evidence was provided** <…> **by the previous government. The substantive evidence was written and submitted** <…> **under the last government**».* В данной реплике повтор способствует закреплению тезиса. По мере нарастания давления со стороны обвинения говорящий использует более агрессивные тактики речевого взаимодействия, вплоть до перехода на личности: «***She**'s **clearly not** a **lawyer** or a **leader**»; «This is a **red herring**, a **completely scurrilous allegation** made by **the leader of the opposition**».* Использование коннотативной лексики, слов-усилителей, прямая референция к личности оппонента, а также номинативное отрицание ее политических ролей свидетельствуют о переходе к агрессивному речевому взаимодействию, которое, тем не менее, на этапе оправдания смягчится: *«I will double check…»*. Речевое противостояние завершается противопоставлением деятельности текущего правительства и бездействия предыдущего, что разрывает цикл конфликта в пользу говорящего: *«**Had they done** it more quickly, this case **would have proceeded**. It was **their failure**, and **they're** just **slinging up**. **Meanwhile, we**'re getting on with **renewing** our country, **new** planning reforms, including online hospitals for waiting lists, **new** opportunities for young people. **Labour's** building a **better future**. **They** can't even come to terms with their **past**»*. В данном случае актуализируется дейксис «свой — чужой», причем аспекты дейксиса сопровождаются лексическими единицами с определенным семантическим полем. Когда речь идет о партии говорящего, используются лексемы *renewing, new, better future*, однако в случае с оппозицией используются лексемы *failure, slinging up, past*. Реплика носит провокационный характер и сигнализирует, что конфликт зашел в тупик и не имеет какого-либо мирного разрешения.

4. ***Лингвистические маркирование сценария***. В силу комплексности сценария, на языковом уровне он конструируется разнообразными языковыми средствами. Так, для акцентирования внимания на ответственности предшественников и закрепления позиции, которую говорящий собирается отстаивать, используется лексический повтор и параллелизм. В актах оправдания присутствует страдательный залог для отделения личности говорящего от претензии, которую ему вменяют. Речь Кира Стармера более эмоциональна за счет использования коннотативной лексики: *red herring, scurrilous allegation*. Кроме того, в речи говорящего активно актуализируется дейксис «свой — чужой» как за счет обильного использования личных местоимений *we*, *they*, так и семантически противоположной лексики, группированной по полярностям дейксиса: *failure / renewing, past / future*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило, что конфликтное поведение языковой личности в современном британском политическом дискурсе представляет собой динамичную когнитивно-прагматическую систему, формируемую под влиянием институционального контекста, коммуникативных ролей и индивидуально-авторских ментальных установок. На материале парламентских дебатов К. Стармера реконструированы три устойчивых когнитивных сценария речевого конфликта: «Блицкриг», «Развивающийся конфликт» и «Защита».

Установлена прямая корреляция между типом сценария и выбираемой прагматической стратегией. Сценарий «Блицкриг» реализуется через стратегию мгновенной дискредитации и подавления инициативы оппонента. В рамках сценария «Развивающийся конфликт» происходит постепенная эскалация с последовательным снятием ограничений вежливости и переходом на личностный уровень конфликта. Сценарий «Защита», в свою очередь, имеет циклическую структуру, где чередуются тактики оправдания и поиска уязвимостей для последующей контратаки. Важнейшим фактором, детерминирующим выбор сценарно-стратегической модели, выступает институциональный статус коммуниканта. Находясь в позиции атакующего, К. Стармер демонстрирует интенсивную, опережающую агрессию, тогда как в роли обороняющейся стороны он прибегает к конфронтационным техникам лишь после этапа защиты, соблюдая принцип вежливости. Выявлена также когнитивная закономерность: чем менее устойчива позиция говорящего в конфликте, тем более разверну-

тую ментальную цепь он выстраивает для перехвата инициативы и легитимации своей позиции.

Лингвистическая актуализация конфликтных интенций осуществляется посредством конвергенции разноуровневых языковых средств. Эпистемическая модальность, выраженная глаголами прошедшего времени в изъявительном наклонении, синтаксический параллелизм и лексический повтор служат для придания аргументации статуса неоспоримых фактов, в то время как использование иронии, риторических вопросов, коннотативной лексики и упоминания прецедентных феноменов являются проявлением не логоса, а пафоса. Таким образом, как на оппонента, так и на аудиторию оказывается эмоциональное воздействие в обход рационального начала. Особую роль в конфликтном взаимодействии играет дейксис «свой — чужой», поляризующий дискурс и закрепляющий групповую идентичность через семантически противоположные лексические единицы.

Таким образом, результаты исследования доказывают положение о том, что речевое поведение политика в ситуации конфронтации функционирует как рационально-агрессивная система, где выбор вербальных средств обусловлен определенным сценарием, который реализуется конкретной стратегией. Данное сочетание обеспечивает максимальную эффективность коммуникативного воздействия в условиях институционально регламентированного политического конфликта. Перспективы исследования связаны с расширением эмпирической базы и переходом от анализа идиолекта конкретного политика к выявлению универсальных когнитивных механизмов речевой конфликтологии в различных национально-культурных и институциональных традициях политического дискурса.

ИСТОЧНИКИ

1. Keir Starmer’s best ever PMQs performance? // PoliticsJOE. — 2022. — URL: https://youtu.be/fvJu4Ai2iao?si=jETSZTqc342Q_BLa (date of access: 17.03.2026).

2. HIGHLIGHTS: Keir Starmer and Kemi Badenoch in furious clash over China spy scandal at PMQs // PoliticsJOE. — 2025. — URL: https://youtu.be/7NIgYmNRfAE?si=Crqo6pNEeGcAMg74 (date of access: 10.04.2026).

3. ‘Why is she still here?’: Liz Truss and Keir Starmer’s fiery exchange an PMQs // Guardian News. — 2022. — URL: https://youtu.be/iYe6gxXFQNs?si=op7-ecZ3St8R8Ant (date of access: 10.04.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алёшина, Е. Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации / Е. Ю. Алешина. — Москва : Прометей, 2015. — 220 с. — ISBN 978-5-9907453-5-3. — EDN YSFWJL.

2. Баранов, А. Н. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. — Москва : ИНДЕМ, 2004. — 94 с. — ISBN 5-902204-09-7.

3. Болдырев, Н. Н. Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — 2018. — №32. — С. 26–35. — EDN XOTAGD.

4. Головина, Н. М. Парламентские «непарламентские выражения»: речевая агрессия как риторическая стратегия в парламентском дискурсе / Н. М. Головина // Вопросы психолингвистики. — 2019. — №3-41. — С. 200–215. — EDN IRBZPN.

5. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1994. — №4. — С. 17–33. — EDN SCKGRB.

6. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-382-00698-7. — EDN UFGTFJ.

7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.

8. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с. — EDN RTDQLX.

9. Князева, Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е. Н. Князева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2011. — №10-112. — С. 193–201. — EDN OJQDNT.

10. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. — Москва : Знак, 2012. — 208 с. — ISBN 978-5-9551-0461-4. — EDN RFKRHN.

11. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8. — EDN SUQHIP.

12. Никитина, А. Ю. Коммуникативные стратегии языковой личности Екатерины Второй / А. Ю. Никитина, О. А. Петрова, А. Г. Абрамова // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — №4-40. — С. 1–5. — DOI 10.18454/RULB.2023.40.6. — EDN DYDFRY.

13. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2. — С. 53–59. — EDN PCAVQP.

14. Brown, P. Politeness: some universals in language usage / P. Brown, S. C. Levinson. — New York : Cambridge University Press, 1987. — 345 p. — ISBN 9780521313551.

15. Culpeper, J. Conventionalised impoliteness formulae / J. Culpeper // Journal of Pragmatics. — 2010. — №42. — P. 3232–3245. — DOI 10.1016/j.pragma.2010.05.007.

16. Dijk, T. Van. Discourse and context: a sociocongnitive approach / T. Van Dijk. — New York : Cambridge University Press, 2010. — 284 p. — ISBN 9780521130301.

17. Hart, Ch. Frames, framing and framing effects in cognitive CDA / Christopher Hart // Discourse Studies. — 2023. — Vol. 25. — № 2. — P. 247–258. — DOI 10.1177/14614456231155071. — EDN UWDNGO.

18. Schank, R. C. Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structures / R. C. Schank, R. P. Abelson. — New York : Psycology Press, 1977. — 248 p. — ISBN 9780470990339.

19. Stepanova, Yu. V. Linguistic personality and the aspects of its analysis / Yu. V. Stepanova // Tyumen State University Herald. — 2012. — P. 170–176. — EDN QBARVJ.

MATERIALS

1. PoliticsJOE (2022). Keir Starmer’s best ever PMQs performance? Available at March 17, 2026 from https://youtu.be/fvJu4Ai2iao?si=jETSZTqc342Q_BLa.

2. PoliticsJOE (2025). HIGHLIGHTS: Keir Starmer and Kemi Badenoch in furious clash over China spy scandal at PMQs. Available at Apr. 10, 2026 from https://youtu.be/7NIgYmNRfAE?si=Crqo6pNEeGcAMg74.

3. Guardian News (2022). ‘Why is she still here?’: Liz Truss and Keir Starmer’s fiery exchange an PMQs. Available at Apr. 10, 2026 from https://youtu.be/iYe6gxXFQNs?si=op7-ecZ3St8R8Ant.

REFERENCES

1. Alyoshina, Ye. Yu. (2015). Publichniy politicheskiy diskurs konfliktnoy situatsii = Public political discourse of a conflict

situation. Moscow: Prometei, 220 p.

2. Baranov, A. N., Mikhaylova O. V., Satarov G. A., Shipova E. A. (2004). Politicheskiy diskurs: metody analiza tematicheskoy struktury i metaforiki = Political discourse: theme structure and metaphoric system analysis methods. Moscow: INDEM, 94 p.

3. Boldyrev, N. N. (2018). Antropotsentrizm prostranstva i vremeni kak form yazikovogo soznaniya = Anthropocentricity of space and time as forms of linguistic construal of the world. *Cognitive studies of language*, *32*, 26–35.

4. Golovina, N. M. (2019). Parlamentskiye "neparlamentskiye virazheniya": rechevaya agressiya kak ritoricheskaya strategiya v parlamentskom diskurse = Parliamentary "nonparliamentary language": verbal aggresiveness as a rhetoric strategy in the parliamentary discourse. *Journal of Psycholinguistics*, *3*(41), 200–215.

5. Demyankov, V. Z. (1994). Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda = Cognitive linguistics as a variety of an interpreting subcode. *Topics in the Study of Language, 4*, 17–33.

6. Issers, O. S. (2008). Kommunikativnie strategii i taktiki russkoy rechi = Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: Izdatelstvo LKI, 288 p.

7. Karasik, V. I. (2002). Yazikovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Linguistics circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 477 p.

8. Karaulov, Yu. N. (2010). Russkiy yazyk i yazikovaya lichnost' = Russian language and linguistic personality. Moscow: Izdatelstvo LKI, 264 p.

9. Knyazeva, Ye. N. (2011). Transdistsiplinarniye strategii issledovaniy = Transdisciplinary research strategies. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, *10*(112), 193–201.

10. Kubryakova, Ye. S. (2012). V poiskakh sushchnosti yazika: kognitivnie issledovaniya = Pursuing the essence of language: cognitive studies. Moscow: Znak, 208 p.

11. Kubryakova, Ye. S. (2004). Yazik i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazike: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya = Language and knowledge: Getting knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. Moscow: Yaziki slavyanskoi kulturi, 560 p.

12. Nikitina, A. Yu., Petrova, O. A., Abramova, A. G. (2023). Kommunikativniye strategii yazikovoi lichnosti Yekateriny vtoroy = The communicative strategies of the linguistic personality of catherine the great. *Russian Linguistic Bulletin*, *4*(40), 1–5.

13. Chudinov, A. P. (2012). Diskursivniye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii = Discoursive characteristics of political communication *Political Linguistics*, *2*, 53–59.

14. Brown, P., Levinson, S. C. (1987). Politeness: some universals in language usage. New York: Cambridge University Press, 345 p.

15. Culpeper, J. (2010). Conventionalised impoliteness formulae. *Journal of Pragmatics*, *42*, 3232–3245.

16. Dijk, T. Van (2010). Discourse and context: a sociocognitive approach. New York: Cambridge University Press, 284 p.

17. Hart, Ch. (2023). Frames, framing and framing effects in cognitive CDA. *Discourse Studies*, *25*(2), 247–258.

18. Schank, R. C., Abelson, R. P. (1977). Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structures. New York: Psycology Press, 248 p.

19. Stepanova, Yu. V. (2012). Linguistic personality and the aspects of its analysis. *Tyumen State University Herald*, 170–176.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 808.51+81'25+81'27
ББК Ш143.21-55+Ш118+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55* *Код ВАК 5.9.8*

Ольга Николаевна Злобина
Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, onyakov@gmail.com

Проблемы перевода лингвостилистических особенностей речи публичного деятеля в контексте англоязычного политического дискурса

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена рассмотрению проблем перевода речи публичных деятелей, а именно президента США Дональда Трампа, в контексте английского политического дискурса. В статье анализируются особенности английского политического дискурса как многоаспектной языковой системы, выявляются ключевые экспрессивные средства и стилистические приемы, используемые в речи политических деятелей. Особое внимание уделяется стратегиям перевода, применяемым при адаптации публичных речей на язык перевода. Цель исследования заключалась в выработке эффективных стратегий перевода речи публичных деятелей на русский язык с учетом специфики политического дискурса и необходимости сохранения имиджа и репутации оратора. В качестве методологической основы исследования использовался анализ речевой практики Д. Трампа, лингвистический анализ, сопоставление исходного и переведенного текста, а также предложены собственные варианты перевода для тех случаев, когда в русском языке не представлены официальные переводы отдельных выступлений Д. Трампа. В ходе исследования выявлены специфические особенности английского политического дискурса, такие как употребление метафор, специфических выразительных средств. Предложены конкретные стратегии перевода, включая тактики сохранения иконической и лексико-грамматической структуры, а также реконструкции риторической силы высказываний.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, политическая риторика, политические речи, публичные выступления, публичные речи, речевые жанры, американские президенты, политическая коммуникация, выразительные средства, стилистические приемы, языковая личность, лингвоперсонология, английский язык, переводоведение, стратегии перевода, политический перевод.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Злобина Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), Удмуртский государственный университет; г. Ижевск, Россия, email: onyakov@gmail.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Злобина, О. Н.* Проблемы перевода лингвостилистических особенностей речи публичного деятеля в контексте англоязычного политического дискурса / О. Н. Злобина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 56-65.

Ol′ga N. Zlobina
Udmurt State University, Izhevsk, Russia, onyakov@gmail.com

Linguo-Stylistic Specificity of the Speech of a Public Figure in the Context of English Political Discourse: Translation Issues

ABSTRACT. *The article focuses on the challenges of translating the speeches of public figures, and specifically U.S. President Donald Trump, within the context of English-language political discourse. It analyzes the characteristic features of political discourse in English as a multifaceted linguistic system and identifies the key expressive tools and stylistic devices employed in the speeches of political figures. Special attention is given to translation strategies used to adapt public speeches to the target language. The aim of the research is to develop effective translation strategies for the speeches of public figures into Russian, taking into account the specificity of political discourse and the need to preserve the speaker's image and reputation. The methodological foundation of the study involves analysis of Trump's speech practices, linguistic analysis, and comparison of the source and target texts, and suggests translation variants of certain Trump's speeches official translations of which are not available in Russian. In the course of the study, the author identifies specific features of English-language political discourse, such as the use of metaphors and unique expressive means. The article suggests several translation strategies, including the tactics of preserving iconic and lexico-grammatical structure, as well as reconstructing the rhetorical power of utterances.*

KEYWORDS: *political discourse, political texts, political rhetoric, political speeches, public speeches, public addresses, speech genres, American presidents, political communication, expressive means, stylistic devices, linguistic personality, linguopersonology, English language, translation studies, translation strategies, political translation.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zlobina Ol'ga Nikolaevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Translation and Applied Linguistics (English and German Languages), Udmurt State University, Izhevsk, Russia.*

FOR CITATION: *Zlobina O. N.* (2026). Linguo-Stylistic Specificity of the Speech of a Public Figure in the Context of

© Злобина О. Н., 2026

English Political Discourse: Translation Issues. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 56-65. (In Russ.).

Политический дискурс и его разновидность — публичная политическая речь — с давних времен представляют собой интерес для многих научных дисциплин. Публичные речи политических деятелей выступают в качестве инструмента формирования общественного мнения при помощи языковых элементов, делающих имидж политика уникальным и неповторимым. Кроме того, политический дискурс и публичная политическая речь — это то, что при помощи вербального воспроизведения идей позволяет реализовывать основные функции политической коммуникации в рамках картины мира оратора.

Актуальность предпринятого исследования заключается в том, что в нем предлагаются решения существующих проблем перевода в области выступлений англоязычного деятеля. Оно затрагивает лингвистику, переводоведение, политику и межкультурную коммуникацию. Выступления лидеров одной страны активно переводятся и обсуждаются в других государствах, поэтому точность и адекватность перевода напрямую влияют на восприятие политика за рубежом. Ошибки перевода могут привести к искажению смысла, политическим недоразумениям или усилению межкультурных барьеров. Исследование предлагает конкретные тактики, помогающие сохранить иконичность, лексико-грамматическую структуру и риторическую силу высказываний.

Автор ставил перед собой цель изучить публичное политическое выступление как разновидность политического дискурса, выявить лингвостилистические особенности и проанализировать трудности перевода при их передаче на русский язык.

Исследование построено на междисциплинарном подходе, объединяющем методы лингвистики, переводоведения и политической коммуникации. В статье сочетаются лингвистический анализ текстов публичных выступлений, дискурсивный подход, сравнительно-сопоставительный метод и прагматический подход, т. е. учет целей высказывания и воздействия на аудиторию. Методология исследования сочетает качественные методы (лингвистический и контекстуальный анализ) с прикладными переводческими стратегиями. Это позволяет не только выявить проблемы перевода политического дискурса, но и предложить практические решения для сохранения его экспрессии, прагматики и культурно-специфических элементов.

Теоретическая значимость исследования заключается в изучении специфических моментов англоязычного политического дискурса и публичной речи как его жанра, а также анализе роли лингвостилистических особенностей публичной политической речи и способов их передачи на русский язык. Полученные результаты можно использовать для подготовки специалистов в области политической и межкультурной коммуникации и для совершенствования практики перевода публичных выступлений политических деятелей.

Понятие «политический дискурс» по своей сути считается многогранным и междисциплинарным. Будучи продуктом речевой деятельности, он представляет особый интерес для современного языкознания и смежных с лингвистикой областей знания — психологии, социологии, культурологии [Карасик 2002: 189]. При проведении исследований в области знания о политическом дискурсе каждая наука при анализе опирается на специфические особенности своего предмета и, таким образом, дает свое определение этому понятию.

Для начала представляется важным рассмотреть понятие «политическая коммуникация». Н. Б. Зазаева дает следующее определение: «Политическая коммуникация — это массовая коммуникация, осуществляемая в такой специфической сфере общества, как политика» [Зазаева 2007: 179]. Следовательно, политическая лингвистика занимается изучением специфической коммуникации, ограниченной сферой применения — политикой.

Политический дискурс занимает центральное положение в политической лингвистике и представляет особый интерес для ученых, специализирующихся на изучении языковой политической деятельности. Вопросами изучения политического дискурса занимались такие исследователи, как А. Н. Баранов, С. Б. Верещагин, Т. А. ван Дейк, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и другие. Так, в современной политической лингвистике существует множество определений политического дискурса.

Так, А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич рассматривают политический дискурс как «совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях, правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов 1991: 6].

Е. И. Шейгал отмечает важность обсуждения политических тем «в самых разных

[1] Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : 10.02.01, 10.02.19 : дис. … д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2005. — С. 35.

ракурсах — бытовом, художественном, публицистическом»[1]. Исходя из этого, она определяет политический дискурс как политическую коммуникацию, включающую «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики»[1] или, как добавляют Э. В. Будаев и А. П. Чудинов, «в котором имплицитно присутствует борьба за социальные ресурсы» [Будаев 2008: 193].

Политический дискурс, «как разновидность персуазивного дискурса отмечен манипулятивной спецификой» [Акопова 2013: 1]. Это означает, что сам по себе политический дискурс содержит языковые элементы, нацеленные на убеждение реципиента и побуждение его к совершению определенных действий или, наоборот, к отказу от них. Все зависит от изначальной коммуникативной цели политического деятеля. Достижение преследуемых в речи политическим деятелем целей становится возможно благодаря набору специальных стратегий и тактик, формирующих политический дискурс и делающих его наиболее эффективным.

Искусство выступать перед огромной аудиторией очень развито в англоязычных странах, поэтому публичная речь зарубежных политиков является актуальным направлением в современной лингвистике, позволяя раскрыть их языковой образ. Исследованию аспектов английского политического дискурса посвящена статья М. Ш. Алдиевой «Английский политический дискурс как объект лингвистического исследования», где автор утверждает, что «язык должен рассматриваться и изучаться как политический феномен, а политика должна рассматриваться и изучаться как дискурсивный феномен» [Алдиева 2021].

Американский когнитивный лингвист Дж. Лакофф изучал метафоры в политическом дискурсе. В своих работах он показал, как метафоры формируют политические концепты и влияют на общественное мнение. Он утверждал, что анализ метафор в речах политиков помогает понять, как строятся политические аргументы и создаются идеологические рамки [Lakoff 1991].

Лингвокультурологическому анализу англоязычного политического дискурса посвящена монография С. А. Абрамяна «Англоязычный политический дискурс в межкультурном аспекте». Автор исследует концептуальные и целостные картины мира, характерные для англоязычной лингвокультуры, а также их влияние на речевые стратегии и тактики в политическом дискурсе. Особое внимание он уделяет средствам персуазивности и лингвостилистическим особенностям [Абрамян 2016].

Н. В. Тищенко изучал особенности британского национального характера и ключевые концепты, важные для понимания английской культуры, провел анализ речей современных британских политиков с целью выявления национально-культурных черт в политическом дискурсе [Тищенко 2017].

Исследования английского политического дискурса часто фокусируются на таких аспектах, как лингвостилистические особенности (использование терминологии, клише, метафор, оценочной лексики (Е. Д. Павлычева)); национально-культурная специфика (Н. В. Тищенко); прагматические стратегии убеждения и манипуляции (Г. Н. Парастаев); роль дискурса в формировании идеологии и общественного мнения (О. В. Тоцкая и др.); анализ речей конкретных политиков (В. А. Борисенко и др.).

Важно отметить, что политический дискурс создается для адресата. Как правило, в качестве адресата чаще всего выступают политические единомышленники, политические оппоненты или избиратели. Строение политического дискурса во многом зависит от того, кто является адресатом того или иного высказывания.

Так, например, А. П. Чудинов предлагает использовать классификацию жанров политического дискурса, учитывая количественный критерий. Он выделяет следующие жанры:

1) жанр массового адресата, к которому можно отнести ритуальные жанры (инаугурационное обращение, радиообращение), ориентационные жанры (доклады, указы, соглашения) и агональные жанры (лозунг, рекламная речь);

2) жанр группового адресата, к которому относятся обращения, листовки, выступления на митингах;

3) жанр индивидуального адресата, примерами которого могут послужить телеграммы и письменные обращения граждан к политику или в СМИ, а также ответы на эти письма. Этот жанр встречается достаточно редко [Чудинов 2006: 76].

Е. И. Шейгал, используя подход М. М. Бахтина, разделяет тексты на первичные и вторичные жанры. Так, в политическом дискурсе она выделяет институциональную коммуникацию, играющую «истинно-политическую» роль в первичном политическом дискурсе (партийные программы, политические речи, инаугурационные речи и т. д.) а также вторичный политический дискурс, к которому она относит интервью, политические статьи, мемуары и т. д.[2]

[1] Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : 10.02.01, 10.02.19 : дис. … д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2005. — С. 193.

[2] Шейгал, Е. И. Указ. соч. С. 316–317.

Поскольку статья посвящена исследованию первичных жанров политического дискурса, а именно изучению публичного политического выступления или публичной политической речи, представляется необходимым выяснить, являются ли термины «публичная речь» и «публичное выступление» взаимозаменяемыми.

В онлайн-версии толкового словаря С. И. Ожегова дается следующее определение рассматриваемого нами термина: «публичное выступление — это выступление, осуществляемое в присутствии публики, открытое»[1]. Публичная речь представляет собой речевой акт, который предусматривает установление двухстороннего контакта, иными словами публичность. Так, мы можем сделать вывод о том, что термины синонимичны и могут заменять друг друга в политическом контексте.

Отличительная черта публичного выступления заключается в том, что оно всегда открыто, обладает своей аудиторией, а также всегда произносится в официальной обстановке. Его можно представить в виде схемы: адресант (производитель речи) — публичная речь — адресат (реципиент).

И. В. Селиванова выделяет следующие характеристики публичного политического выступления: однонаправленность, четкая композиция, логическое развитие и точность изложения, развернутость, непрерывность, оценочность, прагматизм, индивидуальность или проявление личности оратора, планомерность речи, ориентированность на адресата[2].

При подготовке публичной речи обязательно учитывается целевая аудитория: сколько человек будет присутствовать на мероприятии, их пол, возраст, социальный статус и заинтересованность в предмете разговора. Это еще раз подтверждает, что публичная политическая речь, как и политический дискурс в целом, создается с ориентацией на адресата.

В зависимости от цели высказывания различают информационные, агитационные и эпидейктические типы публичных речей [Галюк 2016: 7–8]. Для информационной речи характерно повествование о проблеме, событии, решении и т. д., а также последующая дискуссия с целью поиска истины или компромиссного выхода из сложившейся ситуации. Цель агитационной речи заключается в том, чтобы побудить аудиторию к совершению определенных действий и убедить ее в истинности того, что говорит оратор. Эпидейктической публичной речи свойственно создание определенной психологической атмосферы и эмоционального состояния у слушателей — например, чувство гордости, негодования, гнева, радости и др.

В исследованиях, посвященных политической лингвистике, основную цель политического дискурса определяют по-разному, что также взаимосвязано с существованием большого количества определений настоящего термина и подходов к исследованию. В данном исследовании автор руководствовался точкой зрения Е. И. Шейгал, которая объединяет все эти идеи и считает, что коммуникационная цель и содержание политического дискурса сводятся к комплексу из трех пунктов: ориентация (разъяснение позиции, распознавание, разделение на «своих» и «чужих»), интеграция (поиск единомышленников, отделение от «чужих»), агональность (вербальная борьба с «чужими»)[3].

Публичная политическая речь — это мощный инструмент воздействия на избирателя, мастерское владение которым может существенно поменять результаты любого политического голосования. Помочь достигнуть поставленной цели помогает грамотное использование в речи выразительных средств и стилистических приемов. Выразительные средства — это морфологические, синтаксические и словообразовательные формы языка, которые используются с целью экспрессивного или логического усиления высказывания [Гальперин 2010: 47]. Под стилистическим приемом, вслед за И. Р. Гальпериным, мы понимаем обобщенное, типизированное использование характерных черт нормы языка в различных стилях речи [Гальперин 2010: 46]. И. Р. Гальперин на основе уровневого подхода выделил три группы выразительных средств и стилистических приемов — фонетические, лексические и синтаксические [Гальперин 2010: 28–29].

К фонетическим выразительным средствам и стилистическим приемам И. Р. Гальперин относит ономатопею, аллитерацию, рифму и ритм.

Среди лексических выразительных средств и стилистических приемов выделяются выразительные средства и стилистические приемы, основанные на взаимодействии:

[1] Толковый словарь Ожегова. — URL: https://slovarozhegova.ru/about.php (дата обращения: 30.12.2025).

[2] Селиванова, И. В. Реализация линвопрагматического потенциала публичного дискурса в речах испанского монарха Филиппа VI : дис. … канд. филол. наук / Селиванова И. В. — Москва, 2022. — С. 36–37.

[3] Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : 10.02.01, 10.02.19 : дис. … д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2005. С. 152.

1) словарных и контекстуальных лексических значений (метафора, метонимия и ирония);

2) основных и производных (включая несвободные) предметно-логических значений (полисемантический эффект, зевгма, игра слов);

3) предметно-логических и эмоциональных значений (эпитет, оксиморон, междометия);

4) предметно-логических и назывных значений (антономазия);

5) усилении интенсивности определенной характеристики объекта или явления (сравнение, перифраз, эвфемизм, гипербола);

6) специфическом использовании идиоматических выражений (речевые клише, пословицы и поговорки, цитирование, аллюзия, прием разложения фразеологических единиц).

Синтаксические выразительные средства и стилистические приемы были разделены И. Р. Гальпериным на три группы:

1) изменение традиционного порядка слов в предложении (стилистическая инверсия);

2) стилистическое использование особенностей синтаксиса устной речи (вопросительные предложения);

3) использование вопросительной и отрицательной структуры предложения (риторический вопрос, литота, параллельные конструкции, хиазм, нарастание, ретардация, антитеза, лексический повтор, синонимический повтор, плеоназм) [Гальперин 2010].

Вышеуказанные лингвостилистические особенности публичных выступлений англоязычных политиков требуют особого внимания со стороны переводчика. Проанализируем трудности перевода выразительных средств и стилистических приемов на материалах речей американского президента Дональда Трампа. При этом мы воспользуемся как готовыми переводами речей политика, которые имеются в свободном доступе, так и предложим свои варианты перевода для тех выступлений, которые не имеют официальных переводов. Поскольку рамки статьи не позволяют рассмотреть все приемы, описанные выше, остановимся на самых интересных с точки зрения перевода примерах.

При работе с публичными выступлениями политических деятелей трудности перевода связаны с различными уровнями языковой системы. Так, на фонетическом уровне англоязычный политический дискурс характеризуется чередованием большой и небольшой слоговой длины, аллитерацией, ассонансом, эмфатическим ударением, выраженной паузацией, предпочтительно ступенчатой шкалой интонации и ниспадающим тоном. При передаче речи на русский язык сложно сохранить фонетические особенности, которые усиливают выразительность и эмоциональное воздействие. При переводе они могут быть утрачены, что снижает экспрессивность оригинала. Выходом из данной ситуации может быть компенсация утраты, например, аллитерации, за счет использования других слов.

*I want to also thank my **b**eautiful wife, Melania, First Lady, who has the num**b**er one **b**estselling **b**ook in the country*[1].

В данном примере содержится прием аллитерации, который выражается в повторении согласного звука [b] в словах ***b**eautiful*, *num**b**er*, ***b**estselling*, ***b**ook*. Для того, чтобы сохранить аллитерацию при переводе, мы решили использовать переводческий эквивалент «прекрасный» для слова *beautiful*, для слова *number* не было найдено варианта перевода со звуком [п], словосочетание *bestselling book* было переведено как «произведение-бестселлер». Недостающая аллитерация оригинала в тексте перевода была компенсирована за счет других вариантов перевода со звуком [п] — глагол *thank* был переведен словом «поблагодарить», словосочетание *First Lady* имеет в русском языке устойчивый эквивалент «первая леди», при переводе глагола *has* был использован прием модуляции, переводческая трансформация, подразумевающая смысловое развитие при переводе «написать». Кроме того, синтаксическая структура текста оригинала также претерпела изменение — сложноподчиненное предложение с определительным придаточным было заменено на причастный оборот с действительным причастием в прошедшем времени. Такое решение позволило сократить расстояние между аллитерацией в тексте ПЯ:

«Я также хочу *п*облагодарить мою *п*рекрасную жену, Меланию, *п*ервую леди, на*п*исавшую *п*роизведение-бестселлер номер один в стране».

Таким образом, прием аллитерации в анализируемом предложении был реализован с помощью замены аллитерации английского согласного звука [b] на аллитерацию согласного русского звука [п]. Если учитывать, что согласные звуки [b] и [п] являются схожими, а также образуют пару по звонкости — глухости, то выбор такого звука при

[1] Donald Trump's Victory Speech after Winning the 2024 Presidential Election // The Singju Post. — 2024. — Nov. 6. — URL: https://singjupost.com/full-transcript-donald-trumps-victory-speech-after-winning-the-2024-presidential-election/ (date of access: 30.12.2025).

переводе считается наиболее логичным. Не менее важно отметить, что принятые переводческие решения позволили количественно увеличить аллитерацию в языке перевода, а также расположить создающие ее слова максимально близко друг к другу.

Для лексического уровня политического дискурса характерны «высокие» (книжные) слова, клише и штампы, необразные устойчивые фразы, общепринятые авторские сокращения, аллюзии и цитаты, эмоциональная и оценочная лексика, различные тропические и аранжированные выразительные средства. Так, при переводе метафор и эпитетов переводчику необходимо учитывать контекст и стилистическую окраску слова для выбора варианта, который верно передаст смысл и эмоциональную нагрузку. Необходимо стремиться сохранить метафорический образ, переносное значение и способ описания ситуации. Для этого можно воспользоваться следующими способами перевода метафор: полным переводом, калькированием, контекстуальной заменой.

В речах Д. Трампа, как и в речах многих других политических деятелей, часто встречаются метафоры. Так, на Конференции политических консервативных действий, которая прошла в 2020 году, Д. Трамп во время публичного выступления использовал следующую авторскую метафору:

If Democrats want to unify our country, they should drop these partisan witch hunts…[1]

«Если демократы хотят объединить нашу страну, им следует прекратить эту партийную охоту на ведьм…»[2].

Проведем анализ оригинального теста и начнем со словосочетания *witch hunts*, с помощью которого создается основная смысловая и экспрессивная нагрузка в метафоре. Так, *witch hunts* имеет прямой эквивалент в русском языке «охота на ведьм», который появился в результате калькирования словосочетания с английского языка. Справочник по фразеологии предлагает следующее определение данному выражению: «охота на ведьм — о преследовании кого-либо по несправедливому обвинению, о поисках мнимых врагов. Данное выражение восходит к практике средневекового религиозного фанатизма, к судам инквизиции, на которых обвиняемых по ложным доносам в колдовстве женщин подвергали страшным испытаниям и приговаривали к сожжению на костре».

Данное словосочетание вводится в предложение глаголом *to drop*. Так, Оксфордский словарь дает следующее определение: «to stop doing or discussing something; to not continue with something»[3]. Исходя из данного значения, в русском языке можно подобрать следующие вариантные соответствия: «бросить», «прекратить», «остановить». Проанализировав частотность употребления этих глаголов с фразеологизмом «охота на ведьм», мы пришли к выводу, что в отличие от глагола «бросить», глаголы «прекратить» и «остановить» используются в данном контексте. Переводчик сделал выбор в пользу глагола «прекратить», потому что использование в переводе выражения «остановить охоту на ведьм» искажает смысловое содержание оригинала, поскольку в оригинале подразумевается, что охота на ведьм проводится не какой-то другой группой, а именно Демократической партией. Настоящая позиция подтверждается тем, что демократы не раз выдвигали обвинения против действующего американского президента, например, в подстрекательстве к мятежу и беспорядкам, сокрытии подарков от иностранных государств, сговоре с другими странами и т. д. Таким образом, с помощью этой метафоры Д. Трамп показывает ложность и противозаконность клеветнических заявлений, направленных против его личности.

Перейдем к анализу слова «partisan». В Кембриджском словаре дается следующая его дефиниция: «strongly supporting a person, principle, or political party, often without considering or judging the matter very carefully»[4]. Получается, что используя это прилагательное, Д. Трамп подчеркивает беспочвенность выдвинутых в его адрес обвинений. Возможные варианты перевода: «фанатичный», «слепо верящий». Из текста перевода видно, что переводчик использовал вариант «партийный», что не соответствует словарному значению. В данном случае переводчик применил переводческую трансформацию — модуляцию или смысловое развитие, в результате которой слово «partisan» было заменено единицей перевода на русском языке, значение которой переводчик логически вывел из значения исходной единицы с учетом контекста. Так, выбрав прилагательное «партийный»,

[1] Donald Trump's Speech at RNC 2024 // The Singju Post. — 2019. — Aug. 19. — URL: https://singjupost.com/full-transcript-donald-trumps-speech-at-rnc-2024/ (date of access: 30.12.2025).

[2] Селезнева, А. Завершить конфликт на Украине и прекратить «охоту на ведьм»: что пообещал Трамп / А. Селезнева // Рамблер/ новости. — 2024. — 19 июля. — URL: https://news.rambler.ua/world/53111747-zavershit-konflikt-na-ukraine-i-prekratit-ohotu-na-vedm-chto-poobeschal-tramp/ (дата обращения: 30.12.2025).

[3] Oxford Learner's Dictionaries. — URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (date of access: 30.12.2025).

[4] Cambridge Dictionary. — URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 30.12.2025).

переводчик хотел показать, что вся Демократическая партия, которую можно принять за толпу, слепо верящую в то, что им говорят, занимается преследованием одного человека. Такой вариант перевода имплицитно подразумевает фанатичность такого действия и дополнительно подчеркивает роль Демократической партии в репрессиях.

В своих публичных выступлениях из лексических выразительных средств и стилистических приемов Дональд Трамп очень часто использует эпитеты. Они являются неотъемлемой частью любого текста и показывают отношение автора к предмету, о котором он говорит в своей речи, через определение, которое чаще всего выражается прилагательным.

Как правило, самые яркие и известные эпитеты действующего президента США — это прозвища, которые он дает своим оппонентам и периодически использует в публичных выступлениях, особенно на митингах. Так, *Crooked Hillary*[1] — одно из самых известных прозвищ Хилари Клинтон, которое было дано Дональдом Трампом во время предвыборной кампании в 2016 году. С помощью этого эпитета Дональд Трамп подчеркивает, что Хилари Клинтон — коррумпированный человек, скрывающий правду ради собственной выгоды. В общем, она та, кому нельзя доверять. В онлайн-словаре *Oxford Dictionary* слово *crooked* полисемантично и имеет три дефиниции — 1) bent or twisted out of shape or out of place: 2) *informal* dishonest, illegal: 3) annoyed, exasperated[2].

В русском языке существуют следующие варианты перевода: «кривая Хилари», «жуликоватая Хилари»[3], «лживая Хилари»[4], «нечестная Хилари»[5]. Вариант «кривая Хилари» передает комичность, которая была заложена в оригинале, однако за счет отсутствия полисемантического эффекта в переводе теряется смысловое содержание этого эпитета. Остальные три варианта перевода реализуют второе значение данного прилагательного. Прилагательные «лживая» и «нечестная» стилистически нейтральны, а прилагательное «жуликоватая» является разговорным и имеет значение «склонный к жульничеству, мошенническим поступкам». На наш субъективный взгляд, вариант перевода «жуликоватая Хилари» успешно реализует смысловое содержание и комический эффект эпитета оригинала, несмотря на то, что прилагательное так или иначе утрачивает полисемантический эффект, но сохраняет регистр речи. Кроме того, вариант перевода «жуликоватая Хилари» встречается чаще, чем другие.

Проанализировав выступления Д. Трампа, мы заметили тенденцию к использованию политиком прилагательных *great*, *incredible*, *beautiful* и *tremendous* с существительными. Представим цепочку примеров с прилагательным *great*:

…*saving our auto industry and keeping my sacred pledge to our great American autoworkers*[6].

…спасая нашу автопромышленность и выполняя мое клятвенное обещание нашим великим американским автомобильным рабочим.

Ambition is the lifeblood of a great nation[7].

Амбиции — это жизненные соки великой нации[8].

… *they will be annihilated by this great momentum*[9].

---

[1] Jamieson, A. Trump calls Clinton ‘Crooked Hillary’ — should she ignore it or fight back? / A. Jamieson // The Guardian. — 2016. — May 25. — URL: https://www.theguardian.com/us-news/2016/may/25/donald-trump-crooked-hillary-clinton-nickname-ignore-fight (date of access: 30.12.2025).

[2] Oxford Learner’s Dictionaries. — URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (date of access: 30.12.2025).

[3] Пятницкая, С. «Это все жуликоватая Хиллари!»: Трамп насмешил сторонников шуткой про Клинтон / С. Пятницкая // Комсомольская правда. — 2020. — 21 окт.

[4] Бондарь, К. «Лживая Хилари». Трамп ответил на заявления Клинтон о причинах ее поражения / К. Бондарь // Lenta.ru. — URL: https://lenta.ru/news/2017/05/03/trump/ (дата обращения: 30.12.2025).

[5] Трамп: «Нечестная Хиллари Клинтон — худший лузер всех времен» // MKRU. — 2017. — 19 нояб. — URL: https://www.mk.ru/politics/2017/11/19/tramp-nechestnaya-khillari-klinton-khudshiy-luzer-vsekh-vremen.html (дата обращения: 30.12.2025).

[6] Trump’s 2025 inauguration speech in full: Watch the new president promise a ‘Golden Age’ for America // MailOnline. — 2025. — Jan. 20. — URL: https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/ (date of access: 30.12.2025).

[7] Trump’s 2025 inauguration speech in full: Watch the new president promise a ‘Golden Age’ for America // MailOnline. — 2025. — Jan. 20. — URL: https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/ (date of access: 30.12.2025).

[8] Я буду просто ставить Америку на первое место // Коммерсантъ — 2025. — 21 янв. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/7444290 (дата обращения: 30.12.2025).

[9] Trump’s 2025 inauguration speech in full: Watch the new president promise a ‘Golden Age’ for America // MailOnline. — 2025. — Jan. 20. — URL: https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/ (date of access: 30.12.2025).

… они будут уничтожены этим великим импульсом…[1]

… *and we're going to have a great four years*[2].

…и нас ждут прекрасные четыре года (Победная речь Дональда Трампа, 2024).

Проанализировав все эпитеты со словом *great*, которые встречаются в публичных выступлениях Дональда Трампа, мы пришли к выводу, что преимущественно в таких эпитетах прилагательное *great* будет переводиться вариантными соответствиями «великий», «прекрасный», «замечательный». Как правило, выбор слова зависит от контекста. Однако важно отметить тот факт, что Д. Трамп не просто так использует слово *great*, таким образом он отсылает к слогану своей президентской кампании *Make America Great Again*, который на русском языке имеет несколько вариантов перевода: «Вернем Америке былое величие» и «Сделаем Америку снова великой». Более того, прилагательное *great* в сочетании с существительным используется преимущественно тогда, когда Д. Трамп говорит о США, американских гражданах и достижениях страны. Именно поэтому мы отдельно выделим важность использования именно прилагательного «великий» при переводе эпитета с английского языка со словом *great*.

Таким образом, при выполнении перевода эпитетов переводчику необходимо узнать, является ли эпитет уникальным и существуют ли у него уже установившиеся переводческие соответствия в языке перевода. В случае, если эпитет не является таковым, то переводчику необходимо установить, не будет ли определенное прилагательное часто встречаться в тексте оратора и содержать в себе элемент слогана или девиза политического деятеля, произносившего речь. Если после анализа переводчик приходит к выводу, что эпитет является не авторским, а общеязыковым, то он должен перевести его, исходя из контекста и узуса языка перевода.

На грамматическом уровне для политического дискурса типичны атрибутивность разнообразных частей речи, частое использование относительных прилагательных, риторических вопросов, инверсии, асиндетона и полисиндетона, вводных конструкций, параллелизма и различных типов повтора. При их переводе необходимо попытаться сохранить структуру и функцию исходного высказывания. Так, например, при переводе риторического вопроса важно не только передать форму, но и сохранить его прагматическую цель — активировать внимание аудитории и подвести ее к определенным выводам.

Следующими важными составляющими частями публичных выступлений Д. Трампа являются синтаксические выразительные средства и стилистические приемы, благодаря которым его речь приобрела контрастность и узнаваемость на фоне других политических деятелей. В следующем примере наблюдаем использование риторического вопроса. Задавая вопрос и следом отвечая на него, оратор не только активирует особую концентрацию внимания на своих словах, но и стимулирует процесс размышления аудитории, подводя ее к определенным выводам. Такой стилистический прием является неотъемлемой частью политического дискурса Д. Трампа.

By the way, you know who's taking the jobs, the jobs that are created? One hundred and seven percent of those jobs are taken by illegal aliens[3].

В контексте этих двух предложений можно понять, что в качестве следствия миграционного кризиса выступает нехватка рабочих мест для граждан США, что, в свою очередь, ведет к росту безработицы в стране. Так, Д. Трамп, задав вопрос и приведя в ответе статистику, смог определенным образом воздействовать на аудиторию и побудить прийти к правильному выводу. Важно отметить, что многие СМИ утверждают, что процент нелегальных мигрантов, отнимающих рабочие места, не соответствует действительности, поэтому многие журналисты предполагают, что Д. Трамп озвучил громкую цифру, подходящую его риторике. Учитывая все это, можно выдвинуть предположение о том, что вопросительное предложение является эффективным инструментом, когда в политической речи есть необходимость выдать заведомо ложную информацию как правду.

Дополнительно важно отметить, что в анализируемом примере, помимо вопросительного предложения, используется лексический повтор слова *jobs* с определенным артиклем. Этот стилистический прием поз-

[1] Я буду просто ставить Америку на первое место // Коммерсантъ — 2025. — 21 янв. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/7444290 (дата обращения: 30.12.2025).

[2] Donald Trump's Victory Speech after Winning the 2024 Presidential Election // The Singju Post. — 2024. — Nov. 6. — URL: https://singjupost.com/full-transcript-donald-trumps-victory-speech-after-winning-the-2024-presidential-election/ (date of access: 30.12.2025).

[3] Read the Transcript of Donald J. Trump's Convention Speech // The New York Times. — 2024. — July 19. — URL: https://www.nytimes.com/2024/07/19/us/politics/trump-rnc-speech-transcript.html (date of access: 30.12.2025).

воляет оратору сконцентрировать внимание аудитории на ключевой мысли о том, что кто-то забирает работу у простых американцев, места, которые были созданы специально для них. Повтор усиливает эмоциональную окраску высказывания и способствует тому, что у слушателей усиливается чувство несправедливости.

При переводе данного высказывания необходимо полностью передать имеющуюся структуру английского предложения. Учитывая, что в переводимых нами предложениях имеются сразу несколько синтаксических особенностей, требующих обязательной реализации на языке ПЯ, для достижения максимально возможного семантико-структурного параллелизма воспользуемся простой (прямой) подстановкой. Кроме того, важно уделить внимание анализу словосочетания *illegal aliens*. Согласно словарю Merriam-Webster, оно имеет следующее значение: «a foreign person who lives in a country without having official permission to live there»[1]. Так, это человек, имеющий гражданство одной страны, который живет на территории другого государства без полученного на это разрешения. В русском языке имеется устойчивое словосочетание «нелегальные мигранты». Учитывая все вышесказанное, представляем свой вариант перевода:

«Кстати, а вы знаете, кто занимает рабочие места, те рабочие места, которые создаются? Сто семь процентов этих рабочих мест занимают нелегальные мигранты».

Итак, подводя итоги проведенному анализу использования в речи Д. Трампа выразительных средств и стилистических приемов и способов их передачи в языке перевода, можно сказать, что выразительные средства и стилистические приемы имеют важное значение для экспрессивности и выразительности текста. Использование синтаксических особенностей способствует расширению мысли и добавлению дополнительных оттенков фрагмента речи, которые требуют адекватной передачи в языке перевода. При переводе синтаксических особенностей переводчик может столкнуться со специфическими сложностями, обусловленными тем, что синтаксические выразительные средства и стилистические приемы чаще всего сочетаются с выразительными средствами и стилистическими приемами на фонетическом и лексическом уровнях.

Для решения возникших при переводе проблем переводчику необходимо принимать различные обоснованные переводческие решения. Использование переводческих трансформаций обуславливается лингвистическими, прагматическими и культурными факторами, затрудняющими или делающими невозможным достижение адекватного перевода публичного политического выступления. Главная задача переводчика при передаче публичной политической речи любого политического деятеля — это обеспечить адекватный и эквивалентный перевод смысла, стиля, прагматики и функциональной направленности текста. Перевод публичного политического выступления требует от переводчика не только наличия высокого уровня языковой компетенции, но и понимания политического контекста, страноведческой, исторической, идеологической и культурной специфики страны, от которой выступает политик, стилистических особенностей его речи и преследуемых им целей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамян, С. А. Англоязычный политический дискурс в межкультурном контексте / С. А. Абрамян. — Ереван : Изд-во ЕГУ, 2016. — 534 с. — ISBN 978-5-8084-2165-3.

2. Акопова, Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса / Д. Р. Акопова // Вестник Нижегородского государственного университета. — 2013. — № 6. — С. 403–409. — EDN RUQMGD.

3. Алдиева, М. Ш. Английский политический дискурс как объект лингвистического исследования / М. Ш. Алдиева // Итоговая научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава, посвященная году науки и технологии (Грозный, 19 марта 2021 г.). — Грозный : Чеченский гос. ун-т, 2021. — С. 211–216. — DOI 10.36684/36-2021-1-211-216. — EDN DHZVPS.

4. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — Москва : Знание, 1991. — 64 с. — EDN PWFJSZ.

5. Борисенко, В. А. Характерные особенности политического дискурса Великобритании / В. А. Борисенко, Т. В. Бабиян, М. В. Самофалова // Современные научные исследования и инновации. — 2015. — № 12(56). — С. 1058–1063. — EDN VICVZR.

6. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2008. — 351 с. — ISBN 978-5-9765-0104-1. — EDN SDQJXZ.

7. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка : учеб. / И. Р. Гальперин. — 3-е изд. — Москва : URSS, 2010. — 332 с. — ISBN 978-5-397-01340-6.

8. Галюк, И. В. Культура публичной речи : учеб.-метод. пособие / И. В. Галюк. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (ф.) Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2016. — 92 с.

9. Зазаева, Н. Б. Политическая коммуникация: лекция / Н. Б. Зазаева // Философия и общество. — 2007. — № 4 (48). — С. 175–178. — EDN RNLHID.

10. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : моногр. / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.

11. Павлычева, Е. Д. Типология речевых портретов политиков в американском лингвистическом дискурсе / Е. Д. Павлычева // Евразийский союз ученых (ЕСУ). Филологические науки. — 2016. — № 31. — С. 84–87. — EDN XXDOUB.

12. Парастаев, Г. Н. Проблема манипуляции в американском политическом дискурсе (на примере публичных выступлений политических деятелей США) / Г. Н. Парастаев // Вестник Московского государственного гуманитарного уни-

[1] Merriam-Webster Dictionary. — URL: https://www.merriam-webster.com/ (date of access: 30.12.2025).

верситета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. — 2011. — № 3. — С. 97–103. — EDN OHIZRN.

13. Тищенко, Н. В. К вопросу о национально-культурной специфике англоязычного политического дискурса (на примере английского политического дискурса) / Н. В. Тищенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 3-2(69). — С. 170–175. — EDN XXZPLH.

14. Тоцкая, О. В. Специфика политического дискурса в газетных статьях (на материале современного английского языка) / О. В. Тоцкая, С. В. Бекетова, И. Б. Андиш // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — № 12 (48). — DOI 10.18454/RULB.2023.48.15. — EDN CDNXCZ.

15. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — ISBN 5-89349-897-6. — EDN SDQKXT.

16. Lakoff, G. Metaphor and War: The Metaphor System Used To Justify War In The Gulf / G. Lakoff // Word Press. — 1991. — URL: https://georgelakoff.files.wordpress.com/2011/04/metaphor-andwar-the-metaphor-system-used-to-justify-war-in-the-gulf-lakoff1991.pdf (date of access: 30.12.2025).

REFERENCES

1. Abrahamyan, S. A. (2016). Anglojazychnyj politicheskij diskurs v mezhkul'turnom kontekste = English-language political discourse in an intercultural context. Yerevan: YSU Publishing House, 534 p.

2. Akopova, D. R. (2013). Strategii i taktiki politicheskogo diskursa = Strategies and tactics of political discourse. *Bulletin of the National University of Economics*, *6*, 403–409.

3. Aldieva, M. S. (2021). Anglijskij politicheskij diskurs kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovanija = English political discourse as an object of linguistic research. *The final scientific and practical conference of the faculty dedicated to the Year of Science and Technology*, 211–216.

4. Baranov, A. N., Kazakevich, E. G. (1991). Parlamentskie debaty: tradicii i novacii = Parliamentary debates: traditions and innovations. Moscow: Znanie, 64 p.

5. Borisenko, V. A., Babiyan, T. V., Samofalova, M. V. (2015). Harakternye osobennosti politicheskogo diskursa Velikobritanii = Characteristic features of the political discourse of Great Britain. *Modern scientific research and innovation*, *12*, 1058–1063.

6. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2008). Zarubezhnaja politicheskaja lingvistika = Foreign political linguistics. Textbook. Moscow: Flinta, 351 p.

7. Galperin, I. R. (2010). Stilistika anglijskogo jazyka = Stylistics of the English language. Textbook. 3rd ed. Moscow: Higher School, 332 p. ISBN 978-5-397-01340-6

8. Galyuk, I. V. (2016). Kul'tura publichnoj rechi: uchebno-metodicheskoe posobie = Culture of public speech: an educational and methodological guide. Saint Petersburg: SPbU(f) RF, 92 p.

9. Zazaeva, N. B. (2007). Politicheskaja kommunikacija: lekcija = Political communication: a lecture. *Philosophy and Society*, *4*(48), 175–178.

10. Karasik, V. I. (2002). Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs: monografija = The linguistic circle: personality, concepts, discourse: a monograph. Volgograd: Peremena Publ., 477 p.

11. Pavlycheva, E. D. (2016). Tipologija rechevyh portretov politikov v amerikanskom lingvisticheskom diskurse = Typology of speech portraits of politicians in American linguistic discourse. *The Eurasian Union of Scientists (EUU). Philological sciences*, *31*, 84–87.

12. Parastaev, G. N. (2011). Problema manipuljacii v amerikanskom politicheskom diskurse (na primere publichnyh vystuplenij politicheskih dejatelej SShA) = The problem of manipulation in American political discourse (on the example of public speeches by US politicians). *Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M. A. Sholokhov. Philological sciences*, *3*, 97–103.

13. Tishchenko, N. V. (2017). K voprosu o nacional'no-kul'turnoj specifike anglojazychnogo politicheskogo diskursa (na primere anglijskogo politicheskogo diskursa) = On the question of the national and cultural specifics of English-language political discourse (on the example of English political discourse). *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, *3* (part 2) (69), 170–175.

14. Totskaya, O. V., Beketova, S. V., Andish, I. B. (2023). Specifika politicheskogo diskursa v gazetnyh stat'jah (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka) = The specifics of political discourse in newspaper articles (based on the material of modern English). *Russian Linguistic Bulletin*, *12*(48).

15. Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaja lingvistika = Political linguistics. Textbook. Moscow: Flinta, Nauka Publ, 256 p.

16. Lakoff, G. (1991). Metaphor and War: The Metaphor System Used To Justify War In The Gulf. *Word Press*. Available at December 30, 2025 from https://georgelakoff.files.wordpress.com/2011/04/metaphor-andwar-the-metaphor-system-used-to-justify-war-in-the-gulf-lakoff1991.pdf.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.111'42+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.33; 16.21.27* *Код ВАК 5.9.8*

Евгений Максимович Какорин
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ev.kakorin@gmail.com, SPIN-код: 6932-3296, https://orcid.org/0009-0001-6005-6984

Метафорическое моделирование образа Демократической партии в период предвыборной кампании 2024 г.

АННОТАЦИЯ. *Настоящая статья посвящена метафорическому образу Демократической партии США в ходе президентской предвыборной кампании в 2024 г. в дискурсе Республиканской партии. Предметом исследования являются метафорические словоупотребления, выявленные в текстах публичных выступлений и интервью республиканцев. Цель данной работы состоит в анализе метафорических моделей, которые задействуют представители Республиканской партии при характеристике физического и ментального состояния оппонентов-демократов. Описание метафор осуществляется с позиции Уральской школы политической метафорологии с опорой на теорию концептуальной метафоры и социокогнитивный подход к дискурс-анализу. Методика работы включает отбор контекстов, статистическую обработку, классификацию, анализ метафорических моделей. В ходе исследования было выявлено, что наиболее частотным разрядом метафор, задействованным при концептуализации физического и ментального состояния, является антропоморфная морбиальная метафора (фреймы «Состояние пациента», «Диагноз», «Пациенты и медицинский персонал», «Симптомы болезни», «Причины и возбудители болезней»). Метафоры субсфер «Артефакты», «Социум» и «Природа» являются вспомогательными. Анализ метафорических моделей показал, что представители Республиканской партии США используют образы физического и умственного упадка для дискредитации оппонентов, подчеркивая отсутствие агентности и непригодность к государственной службе. Подобная тактика выводит противника за рамки рационального политического диалога. Результаты работы расширяют представление об особенностях политической коммуникации в США на современном этапе и могут применяться в области политологии и политической лингвистики.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, концептуальные метафоры, метафорические единицы, метафорические образы, политические партии, Демократическая партия, Республиканская партия, предвыборный дискурс, политические метафоры, предвыборные кампании, английский язык.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Какорин Евгений Максимович, аспирант кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, email: ev.kakorin@gmail.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Какорин, Е. М.* Метафорическое моделирование образа Демократической партии в период предвыборной кампании 2024 г. / Е. М. Какорин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 66-75.

Evgeniy M. Kakorin
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ev.kakorin@gmail.com, SPIN code: 6932-3296, https://orcid.org/0009-0001-6005-6984

Metaphorical Modeling of the U.S. Democratic Party Image in the 2024 Presidential Election Campaign

ABSTRACT. *This article explores the metaphorical image of the U.S. Democratic Party in the discourse of the Republican Party during the 2024 presidential election campaign. The research object encompasses metaphorical word usages selected from the texts of public speeches and interviews by Republicans. The article aims to analyze the metaphorical models used by representatives of the Republican Party in characterizing the physical and mental state of their Democratic opponents. The metaphors are described from the perspective of the Ural School of Political Metaphorology, drawing on the conceptual metaphor theory and the socio-cognitive approach to discourse analysis. The methods include context selection, statistical processing, classification, and analysis of metaphorical models. The study has revealed that the most frequent category of metaphors involved in the conceptualization of the physical and mental state is an anthropomorphic morbial metaphor (frames "Patient's condition", "Diagnosis", "Patients and medical staff", "Symptoms of the disease", and "Causes and causative agents of diseases"). The metaphors of the subspheres "Artifacts", "Society" and "Nature" play a secondary role. The analysis of metaphorical models shows that the representatives of the U.S. Republican Party use images of physical and mental decline to discredit opponents, emphasizing their lack of agency and unsuitability for public service. Such tactic excludes the opponent from the rational political dialogue. These research results expand the understanding of the specific features of the contemporary political communication in the United States and can be applied in the field of political science and political linguistics.*

KEYWORDS: *political discourse, political texts, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, conceptual metaphors, metaphorical units, metaphorical images, political parties, Democratic party, Republican Party, pre-election discourse, political metaphors, election campaign, English language.*

© Какорин Е. М., 2026

AUTHOR'S INFORMATION: *Kakorin Evgeniy Maksimovich, Post-Graduate Student of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Kakorin E. M.* (2026). Metaphorical Modeling of the U.S. Democratic Party Image in the 2024 Presidential Election Campaign. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 66-75. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Основной функцией политической коммуникации является борьба за власть: своей речевой деятельностью политики стараются повлиять на распределение власти [Чудинов 2006: 6]. Особое значение данный функциональный аспект приобретает в периоды предвыборных кампаний, когда политические партии и политики, выдвигающие свои кандидатуры на государственные должности, активно проводят агитационные мероприятия. В предвыборном дискурсе Республиканской партии США в 2024 году образ их противников — Демократической партии — подвергся обширной метафоризации. Одним из основных объектом притяжения метафорических переносов стало физическое и ментальное состояние политиков-демократов, в особенности Джо Байдена.

Цель исследования — анализ метафорических моделей, реализуемых представителями Республиканской партии при характеристике физического и ментального состояния оппонентов-демократов в период предвыборной кампании 2024 г. В данной статье предпринимается попытка выявить и систематизировать метафорические словоупотребления, а также определить их прагматический и эмотивный потенциал. Результаты работы способствуют расширению знаний об особенностях современной политической коммуникации в США.

Американский политический дискурс традиционно привлекает внимание исследователей в сфере политической лингвистики. В рамках анализа предвыборного дискурса в последние годы повышенное внимание получил языковой портрет Д. Трампа, характеризующийся особой экспрессивностью и образностью [Малышкин 2023, Попова 2020]; фиксируется высокий уровень агрессии по отношению к оппонентам [Nacos 2020]. Исследователи отмечают существенные различия в речевых тактиках президентских кандидатов от Республиканской и Демократической партий в кампании 2024 г.: первые фокусируются на формировании образа сильного лидерства, а вторые — на вопросах социальной справедливости [Hamed 2025, Popova 2024]. Когнитивно-дискурсивные исследования медиаполитических текстов выявляют наличие негативного образа Джо Байдена в период, предшествующий выборам 2024 г. [Малагин 2023]. Обзор научной литературы указывает на недостаточное количество исследований, посвященных недавним президентским выборам в США, причем большинство научных исследований фокусируются на метафорическом моделировании в медиадискурсе и идиостиле конкретных политиков (в контексте выборов в США 2024 г. это Д. Трамп), а анализ метафорических образов концентрируется на политических лидерах без внимания к общепартийному образу.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили тексты выступлений на предвыборных ралли и интервью членов Республиканской партии США с января по ноябрь 2024 г., опубликованные в открытом доступе в сети Интернет на сайте компании «Rev.com». Всего было проанализировано 140 текстов. В них было выявлено 686 метафорических словоупотреблений, из которых около 68 % относятся к политическим оппонентам — представителям Демократической партии.

Исследование выполнено с позиции когнитивного подхода к изучению метафоры [Lakoff 2003], социо-когнитивного подхода к анализу политического дискурса [Van Dijk 1997, 2015] с опорой на достижения Уральской школы политической метафорологии [Будаев 2020; Чудинов 2013].

Методика анализа эмпирического материала в настоящем исследовании включает следующее: отбор контекстов, содержащих метафорические словоупотребления со сферой-мишенью «Демократическая партия США» и смежными сферами; обработка полученной выборки статистическими методами; классификация метафорических единиц; определение и анализ метафорических моделей, характеризующих физическое и ментальное состояние представителей Демократической партии, с целью выявления их эмотивного и прагматического потенциала.

Для установления теоретико-методологической основы исследования дадим определения ключевым терминам. Одно из центральных понятий в данной работе — политическая метафора. Под ней будет пониматься употребление слова или выражения, обозначающего класс объектов (явлений) в одной понятийной области, для характеристики или описания объектов (явлений) другого класса, принадлежащих к сфере политики, что, в свою

очередь, является когнитивно и прагматически значимым инструментом, используемым для осмысления, оценки и воздействия на политическую реальность посредством переноса характеристик из более конкретной или знакомой области в абстрактную сферу политики. В Уральской школе политической метафорологии выделяется ряд функций политических метафор, среди которых в рамках данной работы наибольшее значение представляет прагматическая функция (способность побуждать к политическим действиям; аргументативные свойства; влияние на отношение к описываемому объекту на эмоциональном уровне [Чудинов 2013: 23–24]).

Предметом исследования является метафорическая модель, определяемая как «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: X — это Y» [Чудинов 2013: 27].

Описываемые в данной работе элементы метафорических моделей включают: сферу-мишень (объект действительности, осмысление которого осуществляется при помощи метафоры), сферу-источник (понятийная область, структура которой проецируется на сферу-мишень) [Чудинов 2013: 28] и фреймы («структура данных для представления стереотипной ситуации»[1]).

Совокупности концептуально связанных между собой фреймов формируют понятийные сферы [Будаев 2020: 162], которые относятся к следующим разрядам: субсфера «Человек» (антропоморфная метафора: объекты действительности представляются в ассоциативной связи с человеческими характеристиками), субсфера «Социум» (социоморфная метафора: образцом для описания выступают сферы социальной жизни человека), субсфера «Природа» (природоморфная: установление ассоциативной связи с элементами живой и неживой природы) и субсфера «Артефакты» (артефактная: метафоризация через призму вещей, создаваемых в процессе трудовой деятельности человека) [Чудинов 2001]. Необходимо отметить, что в аналитической части исследования расширяется фреймовая структура описанных понятийных сфер, предлагаемая А. П. Чудиновым, что вызвано практическими потребностями в более подробном описании выявленных моделей.

Один из ключевых принципов изучения политической метафоры — примат дискурсивного подхода [Чудинов 2013: 84]. Так, описание метафор в политическом дискурсе осуществляется в контексте условий их возникновения и существования с учетом авторских установок и мировоззрения.

Далее определим понятие «дискурс». В российской науке широко принято понимание дискурса как «сложного коммуникативного явления, включающего кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов 1989: 8]. Н. Д. Арутюнова определяет дискурс следующим образом: «…текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова 1990: 136—137].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ материала показал, что среди отобранных для данного исследования метафорических словоупотреблений около 21 % приходится на метафоры, которые характеризуют ментальное и физическое состояние демократов. Из них абсолютное большинство метафорических единиц относится к субсфере «Человек» — 80 %. Вспомогательными являются субсферы «Артефакты» — 10 %, «Социум» — 2,5 %, «Природа» — 2,5 %.

Начнем описание результатов исследования с моделей, структурируемых фреймами самого частотного разряда метафор — антропоморфных. Метафорические словоупотребления данного разряда реализуют несколько моделей. Первой рассмотрим «ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ — ЭТО ФИЗИЧЕСКИ БОЛЬНЫЕ ЛЮДИ». Смысловое содержание модели состоит в том, что оппонент представляется как недееспособный субъект, находящийся в состоянии физического упадка.

В ходе предвыборной кампании 2024 г. представители Республиканской партии, в особенности Дональд Трамп (кандидат в президенты США), активно задействовали морбиальный фрейм «Состояние пациента» при характеристике Джо Байдена: ***Sleepy Joe***[2] (*Сонный Джо* — здесь и далее перевод автора — Е. К.); *His* ***weakness*** *is costing us our opportunity, our prosperity, our security,*

[1] Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац. — Москва : Издательство Московского государственного университета, 1996. — С. 188. — ISBN 5-89042-018-1.

[2] Trump Interview On The Joe Rogan Experience // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-interview-on-the-joe-rogan-experience (date of access: 07.11.2025).

our safety, each ***diminished*** *all in* ***decline****, just like the man in the Oval Office*[1] (*Его слабость стоит нам наших возможностей, нашего процветания, нашей безопасности, нашей защищенности, и все это увядает, точно так же, как человек в Овальном кабинете*).

Прозвище «Сонный (Вялый) Джо» было придумано Д. Трампом еще в 2019 г. и активно использовалось им и его сторонниками в ходе кампаний 2020 г. и 2024 гг. Используемые лексические единицы фрейма «Состояние пациента» подчеркивают физическую слабость противника, намекают на его неспособность выполнять обязанности президента.

Крайней формой реализации рассматриваемой метафорической модели стало проецирование на Джо Байдена статуса мертвеца: *It's true. And you hate to say it, but it is also true, is a fact, that you could take, I don't know, a mannequin, a* ***dead person****, and make him president*[2] (*Это правда. И вам неприятно это говорить, но это также правда, это факт, что вы могли бы взять, я не знаю, манекен, мертвого человека и сделать его президентом*); *America cannot afford four more years of a* ***weekend at Bernie's*** *presidency*[3] (*Америка не может позволить себе еще четыре года президенства в стиле Уик-энда у Берни*).

«Уик-энд у Берни» (*Weekend at Bernie's*) — американский фильм 1989 г., в котором двое подчиненных скрывают тот факт, что их начальник был *убит*[4]. Такая отсылка представляет собой яркий образ, а комедийной тон упоминаемого фильма указывает на абсурдность состояния текущей администрации.

Следующий фрейм, структурирующий модель «ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ — ЭТО ФИЗИЧЕСКИ БОЛЬНЫЕ ЛЮДИ», «Пациенты и медицинский персонал», также относится к концептуальной сфере «Болезнь». В 2024 г. Джо Байдену был 81 год, что послужило объектом атаки со стороны республиканцев. Фокус аргументации против кандидатуры противника сводился не к критике политических взглядов, а к указанию на его физическую неполноценность: *So they can run Biden from the* ***nursing home***[5] (*Чтобы они могли вести предвыборную кампанию Байдена из дома престарелых*). Так, политический оппонент предстает как беспомощный человек, требующий особого ухода.

Проецирование образов физической слабости распространялось на всю демократическую администрацию Джо Байдена и Камалы Харрис (вице-президент). Морбиальная метафора фрейма «Симптомы болезни» провозглашает физический недуг как причину политических неудач оппонентов, имплицитно контрастируя это с собственной более удовлетворительной «физической формой»: *This comes in stark contrast to the* ***weak-kneed leadership*** *Americans have been forced to endure under the Harris-Biden administration over the last four years*[6] (*Это резко контрастирует с безвольным руководством, с которым американцы были вынуждены мириться при администрации Харрис и Байдена в течение последних четырех лет*). Приписываемая «слабость в коленях» также намекает на неспособность администрации к активным решительным действиям, что в сознании слушателей ставит под сомнение целесообразность их нахождения в должности.

Образ физической слабости и неполноценности Демократической партии подкрепляется морбиальной метафорой, относящейся к фрейму «Симптомы болезни»: Biden *is a weak, angry,* ***flailing*** *president. He's* ***flailing*** *and failing when you think of it*[7] (*Байден — слабый, злой, бьющийся в конвульсиях президент. Если вдуматься, он бьется в конвульсиях и проигрывает*). Так, движения (имплицитно — политика) президента и его партии характеризуются как некоординированные, неконтролируемые, свидетельствующие о нездоровом физическом состоянии.

[1] Katie Britt Speaks at RNC 2024 Night One // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/katie-britt-speaks-at-rnc-2024-night-one (date of access: 06.11.2025).

[2] Tucker Carlson Speaks at RNC 2024 Night Four // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/tucker-carlson-speaks-at-rnc-2024-night-four (date of access: 06.11.2025).

[3] Ron DeSantis Speaks at RNC 2024 Night Two // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/ron-desantis-speaks-at-rnc-2024-night-two (date of access: 06.11.2025).

[4] Weekend at Bernie's // IMDb. URL: https://www.imdb.com/title/tt0098627/ (date of access: 06.11.2025).

[5] Matt Gaetz Speaks at RNC 2024 Night Three // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/matt-gaetz-speaks-at-rnc-2024-night-three (date of access: 06.11.2025).

[6] House Republican News Briefing on 12/10/24 // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/house-republican-news-briefing-on-12-10-24 (date of access: 02.10.2025).

[7] Trump Campaigns in Georgia and Responds to the SOTU Address // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-campaigns-in-georgia-and-responds-to-the-sotu-address (date of access: 06.11.2025).

Описанная выше метафорическая модель «ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ — ЭТО ФИЗИЧЕСКИ БОЛЬНЫЕ ЛЮДИ» обладает значительным прагматическим и эмотивным потенциалом. Прагматический эффект заключается в ее аргументативной и дискредитирующей силе. Проекция концепта «Болезнь» на политического оппонента активизирует ряд импликаций, таких как неспособность к эффективному управлению, угрозу для работоспособности политического «организма» страны, а также необходимость лечения противника-пациента, ухода за ним. Подобная модель выводит критику демократов из рациональной, исключительно политической плоскости.

В эмоциональном плане данная модель вызывает сильные негативные ассоциации: страх, жалость, презрение. Состояние слабости, увядания вызывает чувство превосходства и снисходительного пренебрежения, лишая уважения объект метафоризации. Политические оппоненты Республиканской партии маркируются как неполноценные и недееспособные, что провоцирует в сознании адресата чувство тревоги за будущее страны, побуждая его к выбору в пользу более «здоровой» стороны, которой в данном случае выступают Д. Трамп и Республиканская партия.

Далее рассмотрим реализацию метафорической модели «ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ — ЭТО ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫЕ ЛЮДИ». Она действует совместно с предыдущей. Формируемый образ заключается в том, что оппонент не просто физически слаб, а его психическое состояние является неуравновешенным, его действия иррациональны, непредсказуемы и угрожают общественному порядку.

Болезненное ментальное состояние — наиболее общая характеристика политических структур, находящихся под контролем демократов: *We got to get him out, his radical left lunatics, the entire* ***sick*** *political establishment in our nation's capital*[1] (*Мы должны убрать его, его левых радикалов-психов, весь больной политический истеблишмент в столице нашей страны*).

Основу реализуемой метафорической модели составляют лексические единицы, во фреймовой структуре относящиеся к «Диагнозу»: *We have a man who is totally corrupt and the worst president in the history of our country, who is* ***cognitively impaired***[2] (*Он худший президент в истории нашей страны, совершенно коррумпированный, еще и умственно отсталый*); *Crooked Joe Biden is the* ***demented*** *tyrant. He's the* ***demented*** *tyrant who is trying to destroy our democracy*[3] (*Мошенник Джо Байден — безумный тиран. Он безумный тиран, который пытается уничтожить нашу демократию*); *Under these* ***demented*** *and self-destructive Kamala Harris policies, Pennsylvania electricity prices are up 50% and are projected to rise by another 50% this year*[4] (*В рамках этой безумной и саморазрушительной политики Камалы Харрис цены на электроэнергию в Пенсильвании выросли на 50 % и, по прогнозам, вырастут еще на 50 % в этом году*); *The greatest people in the world at misinformation and disinformation are the* ***radical-left crazy Democrats***[5] (*Первые в мире по части дезинформации — это сумасшедшие леворадикальные демократы*); *The guy's a* ***nut job***[6] *(Этот парень просто чокнутый); I will not sit by and accept this reckless* ***insanity*** *when I am in the White House*[7] (*Я не буду сидеть сложа руки и мириться с этим безрассудным безумием, когда окажусь в Белом доме*); *We have to put them into energy and effort in defeating Biden and all of these radical left* ***lunatics***[8] (*Мы должны направить их энергию и усилия на то, чтобы победить Байдена и всех этих левых радикалов-*

[1] Donald Trump Holds Final Rally Before N.H. Primary // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-holds-final-rally-before-n-h-primary-transcript (date of access: 06.11.2025).

[2] Donald Trump Delivers Speech in South Carolina // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-delivers-speech-in-south-carolina-transcript (date of access: 06.11.2025).

[3] Donald Trump Rally in Schnecksville, Pennsylvania // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-rally-in-schnecksville-pennsylvania (date of access: 06.11.2025).

[4] Trump Rally In Scranton, Pennsylvania // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-scranton-pennsylvania (date of access: 07.10.2025).

[5] Trump Holds Campaign Rally in New Hampshire with Vivek Ramaswamy Transcript // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-holds-campaign-rally-in-new-hampshire-with-vivek-ramaswamy-transcript (date of access: 06.11.2025).

[6] Trump Town Hall on The Ingraham Angle 2/20/24 Transcript // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-town-hall-on-the-ingraham-angle-2-20-24-transcript (date of access: 06.11.2025).

[7] Trump Speaks at Rally in the Bronx // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-speaks-at-rally-in-the-bronx (date of access: 06.11.2025).

[8] Trump Holds Campaign Rally in New Hampshire with Vivek Ramaswamy Transcript // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-holds-campaign-rally-in-new-hampshire-with-vivek-ramaswamy-transcript (date of access: 06.11.2025).

безумцев). Комбинация медицинских диагнозов с яркой, резкой и оскорбительной лексикой ставит под сомнение в сознании адресата когнитивные способности представителей руководящей партии. Их политические решения лишаются рациональности, осмысленности и здравого смысла.

Состояние психической неуравновешенности и умственного упадка демократов, в частности Джо Байдена, в дискурсе республиканцев подтверждается наличием «симптомов»: *And Biden can't do it. He* ***doesn't know*** *he's* ***alive***[1] (*И Байден не справится. Он даже не понимает, жив он или мертв*). Приписываемое отсутствие осознанности в восприятии реальности усиливает негативный образ умственно увядающего президента.

Метафорическая модель «ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ — ЭТО ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫЕ ЛЮДИ» реализуется также морбиальными метафорами фрейма «Пациенты и медицинский персонал»: ***Bedlam****? I think you look at Joe Biden, it's* ***bedlam***[2] (*Бедлам? Я думаю, посмотрите на Джо Байдена, это бедлам*); *The* ***inmates*** *are running the* ***asylum***[3] (*Пациенты заправляют лечебницей*). Бедлам — это ставшее именем нарицательным название психиатрической лечебницы в Англии. Данная метафора активизирует образы хаоса и неразберихи в рядах Демократической партии и администрации Байдена. Описываемая ситуация, когда пациенты руководят психиатрической лечебницей, актуализирует представление о потенциально опасной ситуации, требующей решительного вмешательства.

Реализация описанной выше модели имеет значительный дискурсивный потенциал. Проецирование образа психически больного человека на оппонента является одним из наиболее стигматизирующих средств в политической риторике. Такая тактика выполняет функцию демонизации оппонента. Прагматический потенциал заключается в абсолютной дискредитации: политические взгляды и действия маркируются как проявление иррациональности, недееспособности и недопустимого отклонения от нормы, а не как обоснованная альтернативная позиция; соперник лишается компетентности и рассудка, что делает его опасным выбором. Данная метафорическая модель исключает оппонента из поля рационального диалога.

Эмотивный эффект модели опирается на глубоко укорененные в сознании адресата страхи, связанные с психическими расстройствами. Она провоцирует комплекс негативных эмоций: страх, отвращение, моральное превосходство. Политические оппоненты предстают опасными, непредсказуемыми; обосновывается необходимость их «изоляции» от сферы политики. Таким образом, модель служит инструментом эмоциональной мобилизации сторонников, сплачивая их вокруг образа «здорового», «разумного» лагеря республиканцев. Дополнительно данная модель обесценивает аргументы и политику оппонентов, а также отвергает необходимость дебатов, совместной работы, попыток договориться, так как позиция безумца не заслуживает внимания разумного человека. В случае успеха на выборах подобная риторика может служить основанием для агрессивных действий в отношении лагеря противника.

Сферой-мишенью метафорической экспансии в дискурсе Республиканской партии выступает также и левая идеология, которой придерживается Демократическая партия. Далее опишем реализацию модели «ИДЕОЛОГИЯ ДЕМОКРАТОВ — ЭТО БОЛЕЗНЬ». Общий смысл состоит в том, что идеология, политика и руководство оппонентов действуют как патоген, поражающий «организм» страны.

Морбиальные метафоры фрейма «Причины и возбудители болезней» применяются республиканцами для характеристики идеологии демократов: *The* ***woke mind virus*** *is dead, and Florida is a solid Republican state*[4] (*Вирус воук-идеологии мертв, и Флорида — полноценный республиканский штат*). Воук (*woke*) — это термин, популяризированный в американской политике левыми движениями за социальное равенство, однако в последние годы зачастую используется саркастически политиками правого крыла, как уничижительное выражение. Негативные коннотации, следующие за проецированием образа вируса на политические взгляды противника, обуславливают необходимость борьбы с «источником болезни». Эффект от такого метафорического образа может усиливаться за счет близости во времени с пандемией

[1] Trump Speaks at Rally in the Bronx // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-speaks-at-rally-in-the-bronx (date of access: 06.11.2025).

[2] Iowa Town Hall with Donald Trump 1/10/24 // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/iowa-town-hall-with-donald-trump-1-10-24-transcript (date of access: 06.11.2025).

[3] Mike Johnson Speaks at Columbia University // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/mike-johnson-speaks-at-columbia-university (date of access: 06.11.2025).

[4] Ron DeSantis Speaks at RNC 2024 Night Two // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/ron-desantis-speaks-at-rnc-2024-night-two (date of access: 06.11.2025).

COVID-19, оказавшей существенное негативное влияние на сферы экономики и здравоохранения в США и в мире.

Представители Республиканской партии ставят «диагноз», утверждая, что «безумие» левой идеологии ведет себя как раковая опухоль, которая распространяется по «организму» школьного образования: *Insanity* ***spreads like a cancer*** *in our schools*[1] (*Безумие распространяется в наших школах подобно раковой опухоли*). В общественном сознании рак — это серьезная болезнь, представляющая опасность для жизнеспособности организма. Потенциально опасный характер такой «болезни» в государственном «организме» обосновывает принятие решительных и порой радикальных мер со стороны республиканцев.

Описанная нами модель «ИДЕОЛОГИЯ ДЕМОКРАТОВ — ЭТО БОЛЕЗНЬ» представляет собой важный стратегический инструмент метафорической репрезентации противника в дискурсе Республиканской партии США. Использование концептуальной сферы «Болезнь» в качестве источника осмысления абстрактного идеологического конструкта оказывает комплексное негативное воздействие на восприятие Демократической партии населением США. Прагматический потенциал модели заключается в осуществлении аргументативной и дискредитирующей функций метафоры. Так, эксплицитно выражается патологическое, разрушительное начало идеологических установок оппонентов. Имплицитные смыслы выражают необходимость немедленного «лечения», «изоляции» от здорового «политического организма» страны, в особенности системы образования. Политики-республиканцы и их идеи, следовательно, выступают в качестве «здорового» выбора. Борьба с «заразой» может служить оправданием давления на оппозиционные СМИ, продвижения радикальных программ в образовательных учреждениях и культурных институтах.

С точки зрения эмоционального воздействия рассматриваемая модель, как и в предыдущих примерах, эксплуатирует базовые, архетипические страхи, связанные с заражением и смертью. Такая риторика вызывает эмоции тревоги и отвращения, направляя их не на самих политиков, а на идеи, которые они олицетворяют. Внутриполитическое противостояние трансформируется в борьбу за выживание страны, что способствует мобилизации сторонников, которые начинают воспринимать себя как «иммунную систему» общества.

Возможное объяснение нерациональной политики демократов предлагается в рамках реализации метафорической модели «ДЕМОКРАТЫ — ЭТО НАРКОМАНЫ». Так, физиологические метафоры фрейма «Физиологические действия», выявленные в дискурсе Республиканской партии, описывают состояние их противников как наркотическое опьянение: *And you have the now very unpopular governor of this state, this guy,* ***he's got to be on something***[2] (*А теперь — к очень непопулярному губернатору этого штата, этот парень, он, должно быть, под чем-то*); […] *he was* ***high as a kite***[3] ([…] *он был укуренный в стельку*). Употребление наркотиков традиционно связанно с маргинальностью и низким уровнем социальной ответственности, что дискредитирует оппонента и дисквалифицирует его как потенциального кандидата на государственную должность. Модель служит инструментом эмоциональной мобилизации и сплочения сторонников вокруг образа «трезвой», «здравомыслящей» и ответственной политической силы — Республиканской партии.

В метафорическом моделировании образа физического и ментального состояния представителей Демократической партии США вспомогательной является субсфера «Артефакты», в рамках которой также реализуется несколько метафорических моделей.

Модель «ДЖО БАЙДЕН — ЭТО НЕИСПРАВНЫЙ МЕХАНИЗМ» направлена на лишение объекта метафорического переноса человеческой гибкости и глубины. Она указывает на то, что Байден функционирует с перебоями, имеет ограниченный ресурс и низкую эффективность.

Структурирует данную модель фрейм «Механизмы»: *His speeches last for about three minutes because* ***his gasoline*** *sort of* ***runs out*** *a little bit.* ***It's a little bit like an electric car, isn't it?*** *It doesn't go far. It doesn't go far. Got a couple of problems. Doesn't go far now*[4] (*Его выступления длятся около трех минут, потому что у него заканчивается бензин.*

[1] Kimberly Guilfoyle Speaks at RNC 2024 Night Three // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/kimberly-guilfoyle-speaks-at-rnc-2024-night-three (date of access: 06.11.2025).

[2] Trump Speaks after Winning New Hampshire Primary Transcript // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-speaks-after-winning-new-hampshire-primary-transcript (date of access: 06.11.2025).

[3] Donald Trump Speaks at NRA Convention // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-speaks-at-nra-convention (date of access: 06.11.2025).

[4] Ron DeSantis Speaks at RNC 2024 Night Two // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/ron-desantis-speaks-at-rnc-2024-night-two (date of access: 06.11.2025).

Это немного похоже на электромобиль, не так ли? На нем далеко не уедешь. На нем далеко не уедешь. Есть пара проблем. Далеко не ездит). В прагматическом и эмотивном плане уподобление Байдена дефективному автомобилю функционирует как самостоятельно, так и в комбинации с образами моделей субсферы «Человек». С одной стороны, модель отрицает эффективность и саму агентность Джо Байдена. Высшее должностное лицо в стране редуцируется до уровня нефункционирующего механизма. Апеллируя к прагматизму, данная метафорическая проекция внушает необходимость замены на более работоспособную «модель». С другой стороны, образ автомобиля, который не может ездить на дальние расстояния, подкрепляет идею о физическом увядании, выдвинутую средствами морбиальных метафор.

Дальнейшая атака на Байдена как политика осуществляется в результате реализации модели «ДЖО БАЙДЕН — ЭТО НЕЖИВОЙ ПРЕДМЕТ». Структурирующий фрейм — «Элементы декора»: *Biden is just a* ***figurehead***[1] (*Байден — всего лишь подставное лицо*); *It's true. And you hate to say it, but it is also true, is a fact, that you could take, I don't know, a* ***mannequin****, a dead person, and make him president*[2] (*Это правда. И вам неприятно это говорить, но это также правда, это факт, что вы могли бы взять, я не знаю, манекен, мертвого человека и сделать его президентом*). Использование в номинативной функции слова *figurehead* со стертым метафорическим значением приписывает Байдену статус «украшения» на носу «корабля» Демократической партии. Имплицитно утверждается наличие скрытой руководящей силы, стоящей за ним. Сравнение с манекеном лишает объект статуса живого, обесценивает его, усиливая образ мертвеца, о котором говорилось ранее.

В структуре рассматриваемой модели выделяется фрейм «Инструменты»: *He's a* ***tool*** *for imposing a leftist agenda on the American people*[3] (*Он инструмент навязывания левой программы американскому народу*). В приведенном примере видно, что за фигурой Джо Байдена отрицается наличие собственной воли: он не личность, предлагающая свои идеи, а проводник для чужих.

Дополнительно подкрепляет данную идею социоморфная театральная метафорическая модель «ДЖО БАЙДЕН — ЭТО МАРИОНЕТКА». Так, он представляется как часть театрального реквизита: *That's what these people are rooting for, is playing to say long enough so the Reid Hoffmans and the ugly Democratic George Soros Juniors, who are funding the lawsuits against Trump, can prop up their* ***puppet***[4] (*Вот за что болеют эти люди, это за то, чтобы они играли достаточно долго, чтобы Рид Хоффманс и уродцы-демократы вроде Джорджа Сороса — младшего, которые финансируют судебные процессы против Трампа, могли поддержать свою марионетку*). Прагматический эффект модели состоит в том, что она оспаривает легитимность и автономность политика, закрепляя за ним статус пассивного объекта, лишенного собственной воли и управляемого скрытыми силами («кукловодами»). В сознании публики формируется недоверие к личности Байдена.

После того, как Джо Байден снял свою кандидатуру на пост президента и выразил свою поддержку Камале Харрис, именно она стала основным объектом критики со стороны республиканцев. При концептуализации политики демократов и К. Харрис во многом использовались те же образы ментального упадка, что и до этого. Идея о зависимом положении Харрис от неких внешних сил также стимулируется в сознании публики, но уже метафорами субсферы «Природа»: *Now, let's go back in time a few years and just remember the formula of* ***Kamala Harris and her handlers*** *and what it wrecked*[5] (*А теперь давайте вернемся на несколько лет назад и просто вспомним формулу Камалы Харрис и ее дрессировщиков и то, что они разрушили*).

В приведенном примере реализуется зооморфная метафора, актуализирующая модель «КАМАЛА ХАРРИС — ЭТО ДРЕССИРОВАННОЕ ЖИВОТНОЕ». Данная модель структурно представляется следующим образом: сфера-источник — «Царство животных», фрейм — «Обращение с животными». Автор эксплицитно заявляет, что Камала Харрис —

[1] Ron DeSantis Speaks at RNC 2024 Night Two // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/ron-desantis-speaks-at-rnc-2024-night-two (date of access: 06.11.2025).

[2] Tucker Carlson Speaks at RNC 2024 Night Four // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/tucker-carlson-speaks-at-rnc-2024-night-four (date of access: 06.11.2025).

[3] Ron DeSantis Speaks at RNC 2024 Night Two // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/ron-desantis-speaks-at-rnc-2024-night-two (date of access: 06.11.2025).

[4] Trump Speaks after Winning New Hampshire Primary Transcript // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-speaks-after-winning-new-hampshire-primary-transcript (date of access: 06.11.2025).

[5] J.D. Vance holds Rally in Michigan on 8/27/24 // Rev. — URL: https://www.rev.com/transcripts/j-d-vance-holds-rally-in-michigan-on-8-27-24 (date of access: 07.11.2025).

не самостоятельный политический субъект, она «надрессирована» исполнять чужие команды. Происходит дегуманизация образа, а разумное рациональное мышление заменяется примитивным животным послушанием. В эмоциональном плане данная модель провоцирует чувство презрения как к низшему существу и, следовательно, чувство превосходства. Эта модель также формирует смысловую общность с метафорами психических болезней, так как тоже отрицает возможность объекта метафоризации мыслить самостоятельно и рационально.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый в настоящем исследовании анализ метафорических моделей, формирующих представление о физическом и ментальном состоянии представителей Демократической партии в предвыборном дискурсе Республиканской партии в период предвыборной кампании 2024 г., позволяет заключить следующее:

1. Антропоморфные метафоры (субсфера «Человек») — наиболее частотный разряд среди выявленных метафорических словоупотреблений — около 80 %. Метафорические модели, актуализированные фреймами, относящимися к субсферам «Социум», «Артефакты» и «Природа», исполняют вспомогательную роль.

2. Наиболее продуктивные метафорические модели — «ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ — ЭТО ФИЗИЧЕСКИ БОЛЬНЫЕ ЛЮДИ» и «ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ — ЭТО ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫЕ ЛЮДИ».

3. Политики-республиканцы формируют крайне негативный образ своих оппонентов-демократов. Общая черта всех реализуемых моделей — лишение агентности: в рассмотренных примерах демократы (в особенности президент Джо Байден) предстают как физически слабые, увядающие или даже мертвые люди, которые не способны к эффективному руководству страной. Данный образ усиливается через использование артефактных метафор. Разумная рациональная политика со стороны Демократической партии провозглашается невозможной в силу фундаментального «безумия» их идеологии и когнитивного упадка их лидеров. В качестве подтверждения психической несостоятельности республиканцы указывают на наличие скрытой силы, контролирующей лидеров-демократов, обращаясь к образам «марионетки» и «дрессированного животного». В совокупности данная тактика выводит межпартийное противостояние за рамки борьбы между равноправными политическими силами.

Развитие исследования в данном направлении представляется в анализе комплиментарного образа Республиканской партии с использованием метафор физического и ментального здоровья в рамках реализации оппозиции «СВОИ — ЧУЖИЕ», а также в анализе метафорического моделирования других характеристик Демократической партии и их политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 136–137. — ISBN 5-85270-031-2. — EDN RXSTYX.

2. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : моногр. / Э. В. Будаев. — Санкт-Петербург : Наукоемкие технологии, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-6044793-2-2. — EDN EJLKDK.

3. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Язык. Познание. Коммуникация. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 5–11. — ISBN 5-80157-202-3.

4. Малагин, Д. В. Метафорическое моделирование образа президента США Джо Байдена в англоязычном политическом медиадискурсе / Д. В. Малагин, И. А. Курбанов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2023. — № 6. — С. 55–65. — EDN LKPSPU.

5. Малышкин, К. Ю. Языковой портрет президента США Дональда Трампа в политическом дискурсе / К. Ю. Малышкин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2023. — № 11-1. — С. 133–136. — EDN CLNUFZ.

6. Попова, Т. Г. Вербально-речевой уровень языковой личности (на материале выступлений Д. Трампа) / Т. Г. Попова, К. А. Кокорина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2. — С. 105–110. — EDN JLPGAF.

7. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : УрГПУ, 2013. — 176 с. — ISBN 978-5-7186-0504-4. — EDN QZIQHH.

8. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — ISBN 978-5-907946-64-4. — EDN PKZLZH.

9. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : УрГПУ, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8. — EDN QCNXBJ.

10. Hamed, D. M. Impact vs. vision: a critical discourse analysis of Trump and Harris' leadership rhetoric in the 2024 presidential election / D. M. Hamed, N. Alqurashi // Frontiers in Communication. — 2025. — № 10. — P. 1541513. — DOI 10.3389/fcomm.2025.1541513. — EDN QELTPX.

11. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — University of Chicago Press, 2003. — 242 p. — ISBN 978-0226468013.

12. Nacos, B. L. Donald Trump: Aggressive Rhetoric and Political Violence / B. L. Nacos, R. Y. Shapiro, Y. Bloch-Elkon // Perspectives on Terrorism. — 2020. — Vol. 14, Iss. 5. — P. 2–25. — ISSN 2334-3745.

13. Popova, E. A. Speech Strategies in the Political Discourse of Donald Trump and Kamala Harris in the Framework of the 2024 Election Campaign / E. A. Popova, A. A. Ivanova // Global Scientific Potential. — 2024. — № 10. — P. 338–340. — EDN GUOGOL.

14. Van Dijk, T. A. Critical discourse studies: A Sociocognitive approach / T. A. van Dijk // Methods of critical discourse studies. — London : SAGE Publications, 2015. — P. 62–86. — DOI 10.1075/z.184.79dij. DOI 10.1075/z.184.79dij.

15. Van Dijk, T. A. What is Political Discourse Analysis? / T. A. van Dijk // Belgian Journal of Linguistics. — 1997. — № 1. — P. 11–52. — DOI 10.1075/bjl.11.03dij. EDN FNPYWD.

REFERENCES

1. Arutjunova, N. D. (1990). Diskurs = Discourse. *Linguistic Encyclopedic Dictionary (Ed. V. N. Jarceva)*, 136–137. Soviet Encyclopedia. ISBN 5-85270-031-2. EDN RXSTYX.

2. Budayev, E. V. (2020). Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya = Comparative Political Metaphorology. Monograph. St. Petersburg: Naukoyemkiye tekhnologii, 464 p. ISBN 978-5-6044793-2-2. EDN EJLKDK.

3. Karaulov, Yu. N., Petrov, V. V. (1989). Ot grammatiki teksta k kognitivnoy teorii diskursa = From text grammar to the cognitive discourse theory. T. *A. Van Dijk. Language. Cognition. Communication*, 5–11. Moscow: Progress. ISBN 5-80157-202-3.

4. Malagin, D. V., Kurbanov, I. A. (2023). Metaforicheskoe modelirovanie obraza prezidenta SShA Dzho Baydena v angloyazychnom politicheskom mediadiskurse = Metaphorical representation of the image of US President Joe Biden in the English-language political media discourse. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*, *23*(6), 55–65. DOI 10.37482/2687-1505-V305. EDN CLNUFZ.

5. Malyshkin, K. Yu. (2023). Yazykovoy portret prezidenta SShA Donal'da Trampa v politicheskom diskurse = Language portrait of US President Donald Trump in political discourse. *Modern Science: actual problems of theory and practice*. *Series "Humanities"*, *11*(1), 133–136. DOI 10.37882/2223-2982.2023.11.25. EDN CLNUFZ.

6. Popova, T. G., Kokorina, K. A. (2020). Verbal'no-rechevoy uroven' yazykovoy lichnosti (na materiale vystupleniy D. Trampa) = The verbal communication level of a linguistic personality (based on public speeches of D. Trump). *Political Linguistics*, *80*(2), 105–110. DOI 10.26170/pl20-02-11. EDN JLPGAF.

7. Chudinov, A. P. (2013). Ocherki po sovremennoj politicheskoj metaforologii = Essays in Modern Political Metaphorology. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 176 p. ISBN 978-5-7186-0504-4. EDN QZIQHH.

8. Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaja lingvistika = Political linguistics. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. ISBN 978-5-907946-64-4. EDN PKZLZH.

9. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000) = Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. ISBN 5-7186-0277-8. EDN QCNXBJ.

10. Hamed, D. M., Alqurashi, N. (2025). Impact vs. vision: a critical discourse analysis of Trump and Harris' leadership rhetoric in the 2024 presidential election. *Frontiers in Communication*, *10*, 1541513. DOI 10.3389/fcomm.2025.1541513.

11. Lakoff, G., Johnson, M. (2003). Metaphors We Live By. University of Chicago Press, 242 p. ISBN 978-0226468013.

12. Nacos, B. L., Shapiro, R. Y., Bloch-Elkon, Y. (2020). Donald Trump: Aggressive Rhetoric and Political Violence. *Perspectives on Terrorism*, *14*(5), 2–25. ISSN 2334-3745.

13. Popova, E. A., Ivanova, A. A. (2024). Speech Strategies in the Political Discourse of Donald Trump and Kamala Harris in the Framework of the 2024 Election Campaign. *Global Scientific Potential*, *163*(10), 338–340. EDN GUOGOL.

14. Van Dijk, T. A. (2015). Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach. *Methods for Critical Discourse Analysis. 3rd ed. (Eds. R. Wodak, M. Meyer)*, 62–86. SAGE Publications. DOI 10.1075/z.184.79dij. DOI 10.1075/z.184.79dij.

15. Van Dijk, T. A. (1997). What is political discourse analysis. *Belgian journal of linguistics*, *11*(1), 11–52. DOI 10.1075/bjl.11.03dij. EDN FNPYWD.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.111'42+811.111'38+811.111'373+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш143.21-3+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.47* *Код ВАК 5.9.8*

Юлия Николаевна Качанова
Военный университет им. князя А. Невского, Москва, Россия, research2021@mail.ru

Американские военно-политические неологизмы, относящиеся к иракскому и украинскому конфликтам, как элемент информационно-психологической войны

АННОТАЦИЯ. *Вербальная природа информационной войны обусловливает особую роль лингвистического творчества как одного из ключевых инструментов ее ведения. На примере иракского и украинского конфликтов представляется возможным выявить сходные тактики информационно-психологического воздействия, применяемые Соединенными Штатами. Объектом научного исследования избран военно-политический дискурс в аспекте вербального компонента гибридной агрессии. Предметную область исследования составляют номинативные единицы, демонстрирующие феномен неологизации в контексте американо-иракского конфликта (2003–2011 гг.) и специальной военной операции на Украине (2022 — наст. вр.). Исследование проведено на материале американской качественной прессы и сетевого военного форума на платформе «Reddit.com». Целью работы ставится анализ прагматического потенциала неологизмов. Рассмотренные лексемы исходили от политических деятелей и распространялись через средства массовой информации; они отличались эмоциональной насыщенностью, лаконичностью и яркостью, что обеспечивало их высокую привлекательность для медиа. Военно-политические неологизмы нередко выступают в роли готовых семантических ярлыков, не требующих от реципиента критического анализа и упрощающих сложные геополитические реалии до моментально понимаемых адресатом конструкций. Также они могут служить эффективным инструментом формирования групповой идентичности и сплочения собственной аудитории. Это еще раз подтверждает утверждение о богатом опыте США в ведении информационной войны, в том числе против собственного населения.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *военно-политический дискурс, военно-политические неологизмы, информационно-психологическая война, лексика информационной войны, политическая конфликтология, военные конфликты, американо-иракский конфликт, СВО, специальная военная операция, российско-украинский конфликт, вербальная манипуляция, медиадискурс, медиатексты, средства массовой информации, американские СМИ, язык СМИ.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Качанова Юлия Николаевна, соискатель 32 кафедры (английского языка (основного)), Военный университет им. князя А. Невского, Москва, Россия, email: research2021@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Качанова, Ю. Н.* Американские военно-политические неологизмы, относящиеся к иракскому и украинскому конфликтам, как элемент информационно-психологической войны / Ю. Н. Качанова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 76-82.

Yuliya N. Kachanova
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, research2021@mail.ru

American Military-Political Neologisms in the Iraqi and Ukrainian Conflicts as an Element of Information and Psychological Warfare

ABSTRACT. *The verbal nature of information and psychological warfare determines the special role of linguistic creativity as one of the key tools of its conduct. Using the example of the Iraqi and Ukrainian conflicts, it seems possible to identify similar tactics of informational-psychological influence used by the United States. The scope of this research embraces military-political discourse as the verbal component of hybrid aggression. The object of the study encompasses nominative units demonstrating the phenomenon of neologization in the context of the U.S.-Iraqi conflict (2003-2011) and the special military operation in Ukraine (2022 — present). The study has been carried out on the material of the American quality press and the online military forum on the platform "Reddit.com". The aim of the work is to analyze the pragmatic potential of neologisms. The lexemes under consideration were used by political figures and were publicized through the media. They were distinguished by their emotional richness, conciseness and vividness, which ensures their high media frequency. Military-political neologisms often act as ready-made semantic labels that do not require critical analysis from the recipient and simplify complex geopolitical realities to instantly understandable constructions. They can also serve as an effective tool for forming group identity and consolidating their own audience. This once again confirms the idea about the rich experience of the United States in conducting information and psychological warfare, including against their own population.*

KEYWORDS: *military-political discourse, military-political neologisms, information and psychological warfare, vocabulary of information warfare, political conflictology, military conflicts, U.S.-Iraqi conflict, SMO, special military operation, Russia-Ukraine conflict, verbal manipulation, media discourse, media texts, mass media, American media, mass media language.*

© Качанова Ю. Н., 2026

AUTHOR'S INFORMATION: *Kachanova Yuliya Nikolaevna, Degree Applicant of Department 32 (English as the First Foreign Language), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Kachanova Yu. N.* (2026). American Military-Political Neologisms in the Iraqi and Ukrainian Conflicts as an Element of Information and Psychological Warfare. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 76-82. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Информационные войны — неотъемлемая составляющая политических коммуникаций в 21 веке. Современные вооруженные конфликты ведутся не только с применением военной силы, но и посредством информационно-психологического воздействия на противника. На государственном уровне реализуется комплекс мер, направленных на достижение превосходства в ментальной сфере. Благодаря развитию цифровых технологий, глобализации медиапространства и доступности средств массовой информации эффективность информационных операций существенно возросла. Завоевание территории или осуществление политического переворота стало возможным изнутри за счет манипуляции когнитивными процессами и, как следствие, поведением объекта манипулятивного воздействия. Мы в полной мере разделяем точку зрения Г. Г. Почепцова о том, что информационная война «занимает сегодня центральное место в политике, экономике и военном деле» [Почепцов 2015: 35]. Л. Н. Синельникова подчеркивает, что «в активной фазе политического противоборства система информации организуется таким образом, чтобы не просто влиять на мнения, эмоции и поведение людей, но и оказывать на них мощное психологическое воздействие» [Синельникова 2014: 97]. Стратегия информационно-психологической войны (далее также — ИПВ), применяемая США, нередко характеризуется как «умная сила» (smart power), сочетающая элементы «мягкой» [Nye 2009] и «жёсткой» силы [Al Taie 2016]. Таким образом, информационная война представляет собой актуальный, но до конца не изученный феномен современной геополитики.

В ходе ИПВ широко используются «методы несилового воздействия, различные приемы пропаганды, запугивания и дезинформации» [Гаврилов, Зарипов 2023: 119]. Учитывая вербальную сущность информационного противоборства, неудивительно, что оно закономерно становится источником возникновения военно-политических неологизмов. Именно посредством ярких, эмоционально окрашенных и многократно реплицируемых в медиапространстве новых лексем американские власти осуществляли целенаправленное воздействие на целевые аудитории. В рамках настоящего исследования проведен сравнительный анализ военно-политических неологизмов, возникших в период американо-иракского конфликта (2003—2011 гг.) США и российско-украинского конфликта, получившего широкое освещение не только в американской, но и мировой прессе.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Сопоставительный анализ информационно-психологических операций США в Ираке и на Украине позволяет выделить общую функциональную парадигму неологизмов. В обоих случаях новые номинативные единицы использовались как лингвистический инструмент для решения сходных задач: завоевать информационное пространство, обеспечить непрерывность трансляции нарративов, выгодных субъекту агрессии; легитимизировать действия агрессора (прогрессивные идеалы демократии, всеобщее благо западного мира, национальный интерес и т. п.), сформировать негативный образа противника, деморализовать оппонента, оказать манипулятивное (персуазивно-суггестивное) воздействие на население противника. Подкрепим наши выводы иллюстративным материалом.

Как широко известно, одним из ключевых приёмов ИПВ выступает формирование образа внешнего врага. Убеждая мировую общественность в существовании угрозы, исходящей от Ирака, Джордж Буш-младший проводил параллели между Саддамом Хусейном и Адольфом Гитлером; политики и журналисты называли иракского лидера "*the Butcher of Baghdad*" («багдадский мясник») [Lathem 2006], акцентируя внимание на его жестокости. В ежегодном обращении к Конгрессу 29 января 2002 г. президент США реанимировал метафорический образ времен Второй мировой войны "Axis of Evil" («Ось зла») в отношении режимов, якобы спонсирующих терроризм. Приводимый неологизм создал идеологическую предпосылку для оправдания военных действий американской коалиции против Ирака. Прагматика положительного дефинирования американских военнослужащих, отмечает А.С . Романов, «достигается за счет демонизации оппонирующей стороны» [Романов, Ангалева 2019: 150]. Еще одной лексемой, получившей широкое распространение в мировых СМИ как повод для ввода американских войск в Ирак, стало выражение «оружие

массового поражения» (Weapon of Mass Destruction, WMD). Беспочвенное обвинение было представлено мировыми СМИ как достоверный факт, став поводом для военной интервенции в Ирак. Свою позицию советник по вопросам национальной безопасности США К. Райс выразила так: «Мы не хотим, чтобы улика (прим. пер.: наличия ОМП в Ираке) предстала в виде грибовидного облака». Американское правительство использовало страх перед гипотетической, но так и не подтвержденной угрозой в качестве аргумента для превентивных военных действий.

В публичных выступлениях президент Дж. Буш неоднократно характеризовал войну в Ираке как «основной фронт в войне с террором», подчеркивая глобальный масштаб проблемы. В связи с этим в политический лексикон вошли термины, связанные с так называемой асимметричной войной: *asymmetric warfare* — «асимметричная война», *asymmetric conflict* — «асимметричный конфликт», *asymmetric tactic* — «асимметричная тактика», *asymmetric threat* — «асимметричная угроза». Неологизмы способствовали легитимации новых форм глобального военного вмешательства.

Аналогичная тактика применялась американской стороной и в ходе украинского конфликта. Как и в случае с Ираком, политические элиты целенаправленно демонизировали образ лидера противоборствующего государства для формирования ощущения угрозы, исходящей от всей нации. За президентом Российской Федерации в СМИ закрепился инвективный неологизм *Putler*, образованный сращением образующих неологизм лексических компонентов *Putin* + *Hitler*. Выбор одной из наиболее одиозных персоналий не случаен [Urbandictionary.com]. Перлокутивный эффект воздействия на адресанта достигается посредством мгновенной шокирующей ассоциации.

В 2024 г. официальные лица США ввели в оборот неологизм “*Axis of Upheaval*” («ось потрясений»/«ось нестабильности») в отношении России, Ирана, Китая и Северной Кореи. Новое понятие расширяет спектр воспринимаемых угроз, включая не только террористические, но и военно-политические, экономические и киберугрозы [Zakaria 2024], используя историческую аналогию времен Второй мировой войны (термином «ось» тогда обозначались Германия, Италия и Япония). Неологизмы редуцируют сложные геополитические реалии до упрощенного, легко воспринимаемого западной аудиторией образа коллективного врага. Образ противника конструируется СМИ не только на уровне государственного руководства, но и на уровне рядовых граждан. Так, в англоязычном сегменте интернета россиян нередко именуют *Rashists / Ruscists*, недвусмысленно намекая на связь внешней политики российского руководства с преступной и антигуманной идеологией фашизма [Urbandictionary.com]. Проведение параллели с фашизмом актуализирует в коллективной памяти реципиента устойчивую когнитивную модель «борьбы добра со злом», сформировавшуюся в период Второй мировой войны.

Еще одним неологизмом, направленным на конструирование образа врага и применяемым для характеристики российских военнослужащих, стала лексема “*Orcs*” («Орки»). Орки, заимствованные из фэнтези-вселенной Дж. Р. Р. Толкина, в массовой западной культуре ассоциируются с безликими, аморальными существами, движимыми исключительно агрессией и слепым повиновением «темному властелину». Таким образом, образ врага может конструироваться как на уровне политических элит (главы государства, органов власти, армии), так и на уровне речевого обихода (демонизация рядового гражданина или военнослужащего).

Деморализация противника представляет собой еще один распространенный прием ИПВ. Период непосредственного вторжения коалиционных сил в Ирак в марте 2003 года характеризовался интенсивным психологическим давлением на иракское население и попытками устрашения вооруженных сил противника. Как отмечает В. В. Бедрань, «психологическое давление осуществлялось посредством демонстрации военной мощи» [Бедрань 2012: 188]. В качестве средства устрашения и демонстрации собственного военного превосходства США применили мощнейшее в мире неядерное оружие, окрещенное западными журналистами как *Mother of All Bombs* (MOAB, «мать всех бомб»). Стилистическая окраска неологизма подчеркивала разрушительную силу американского оружия и была направлена на подавление воли к сопротивлению у иракской стороны. Впоследствии словосочетание-зачин “*Mother of all…*” перекочевало из предметной области военного дела в гражданский лексикон для обозначения чего-либо грандиозного и значимого (Dickson, 2003).

Одной из ключевых целей операции в Ираке являлось устранение руководства страны, что нашло отражение в лексике новостных изданий: *decapitation strike* — «обезглавливающий удар» или *decapitation strategy* — «обезглавливающая стратегия». Приводимый неологизм несет яркую эмоциональную коннотацию, направленную на психологическую дестабилизацию противни-

ка. Кроме того, в начальной фазе конфликта американская сторона применила военную доктрину «Шок и трепет» (“*Shock and Awe*”), целью которой являлось не только физическое, но и психологическое подавление личного состава вооруженных сил Ирака и общества в целом. Несколько отклоняясь от предметной области исследования, отметим, что аналогичная стратегия применяется Вашингтоном и по сей день в отношении неугодных режимов Венесуэлы, Ирана, Северной Кореи.

Тактика деморализации противника прослеживается и в освещении украинского конфликта в американских медиа, однако реализуется несколько иными лингвистическими средствами. В стремлении оказать психологическое давление на российскую общественность, в глобальном информационном пространстве западные СМИ активно культивируют образ несокрушимой украинской армии. Ярким символом данной кампании стало прозвище «киборги», обозначающее несгибаемую стойкость, выносливость и отвагу украинских солдат. Этот неологизм возник еще в 2015 г. в ходе боев за донецкий аэропорт. Следует также упомянуть неологизм «Призрак Киева» (“Ghost of Kyiv”), появившийся в первые дни украинского конфликта в феврале 2022 г. и получивший широкое распространение в американских СМИ. Мифический образ связан с безымянным летчиком-асом ВСУ, на счету которого якобы десятки сбитых российских самолетов [Beachum 2022].

В американской прессе встречаются ироничные неологизмы *emotional-support armour* — «броня для эмоциональной поддержки» и *cope cages* — дополнительный слой импровизированной бронезащиты на российских танках и бронемашинах (от сущ. *cope* — *мех*. кожух, карниз, навес) [Chivers 2024]. Приводимые неологизмы регистрируются, например, в онлайн-словаре Urban Dictionary. Номинативные единицы отражают скептицизм в отношении боевой эффективности российской военной техники. Примечательно, что впоследствии эффективность данных конструкций была подтверждена практикой боевых действий. Другой иллюстрацией служит словосочетание *tractor troops* — «тракторные войска», указывающее на непрофессионализм российских военнослужащих и уязвимость бронированных средств через ироничное сопоставление с сельскохозяйственной техникой [Reddit.com].

В. В. Бедрань справедливо указывает на то, что «в основу информационного воздействия на когнитивном уровне были положены базовые американские ценности — борьба за демократию, освобождение народов, угнетенных авторитарными режимами, поддержка свободы воли населения» [Бедрань 2012: 190], а также принципы защиты собственной территории и предотвращения угроз национальной безопасности. На этих идеологических постулатах выстраивалась аргументация проводимой политики США как в иракском конфликте, так и в рамках оказания военной помощи Украине. Американские политики активно использовали эвфемизм *regime change* — «смена режима» для обозначения так называемой либерализации Ирака и установления демократического строя. Джорджу Бушу принадлежит фраза “*freedom deficit*” — «дефицит свободы», указывающая на диктаторские режимы Ближнего Востока. Следует отметить, что доводы американской стороны не нашли единодушной поддержки в международном сообществе. Отказ Франции поддержать военную операцию в Ираке вызвал недовольство американских политиков, что привело к своеобразной лингвистической репрессии. В ряде официальных документов и публичных выступлениях прилагательное «французский» (French) было заменено на лексему «свобода» (freedom). Логика лексической замены имеет идеологическую основу, поскольку, по мнению американских властей, в Ираке были попраны свободы и ценности западного мира. Так, словосочетание *French fries* («картофель фри») получило политически ангажированное наименование *Freedom fries* («картофель свободы»).

В контексте украинского конфликта американскую аудиторию также стремятся убедить в том, что США защищают демократические ценности и право угнетенного народа на самоопределение, а также предотвращают будущие угрозы посредством сдерживания агрессора. Данная риторика служит моральным обоснованием для оказания военной и финансовой помощи Украине, а также введения санкций против России. Для выражения негативно-оценочной характеристики действий России в отношении Украины американские СМИ систематически используют такие лексемы, как *annexation* — «аннексия», *occupation* — «оккупация», *intervention* — «интервенция», *invasion* — «вторжение».

В 2022 г. в онлайн-словаре Urban Dictionary появился неологизм *to be Ukrained*. Лексикографический источник предлагает следующую дефиницию: «когда Россия вторгается в страну, а в ответ получает унижение на глобальном форуме» [Urban Dictionary.com, Bloodyblod, 2022]. Неологизм выражает осуждение агрессора на международном уровне за нарушение территориаль-

ной целостности независимого государства. Американские медиа подчеркивали поддержку демократии и свободы на Украине, характеризуя события 2014 г. как «Революция достоинства» (Revolution of Dignity) или «Евромайдан» (Euromaidan Revolution) [Verini 2022]. Политический термин «революция», в отличие от «государственного переворота», легитимизирует произошедшие события и ассоциируется у западной аудитории с массовым народным восстанием, борьбой за свободу и справедливость, тем самым оправдывая позицию американских властей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы в полной мере разделяем точку зрения М. Ю. Палажченко о том, что ИПВ ведется и языковыми средствами, «поскольку язык всегда был и остается инструментом политики и политического влияния» [Палажченко 2017]. Конфликты в различные исторические периоды породили многочисленные неологизмы, направленные на легитимацию военных действий, деморализацию противника, укрепление имиджа США. Как правило, лексические новообразования звучат из уст политических деятелей и распространяются через средства массовой коммуникации. Они отличаются эмоциональной насыщенностью, лаконичностью и яркостью, за счет чего обеспечивается их привлекательность для медиа и социальных сетей. Более того, неологизмы могут служить эффективным инструментом формирования групповой идентичности и сплочения собственной аудитории. Таким образом, утверждение о том, что «в США накоплен богатый опыт ведения информационной войны, в том числе в отношении собственного населения», представляется обоснованным [Кунакова 2012: 93].

Проведенное исследование подводит нас к следующим выводам.

1. Информационно-психологическая война является неотъемлемой частью современных политических коммуникаций, где вербальные инструменты (в частности, военно-политические неологизмы) используются для достижения превосходства в ментальной сфере наравне с военной силой. Язык оказывает мощное воздействие на мнения, эмоции и поведение людей.
2. Сравнительный анализ конфликтов в Ираке и на Украине выявляет общую стратегию США: новые номинативные единицы применяются как лингвистический инструмент для завоевания информационного пространства, легитимизации действий и непрерывной трансляции выгодных агрессору нарративов.
3. Ключевым приемом ИПВ является демонизация противника через яркие лексемы и исторические аналогии, что позволяет редуцировать сложные геополитические реалии до упрощенного образа коллективного зла и создать идеологическую предпосылку для военного вмешательства.
4. Специфическая лексика используется для подавления воли противника и одновременно для мифологизации собственных сил или союзников, а также для ироничного обесценивания военных возможностей оппонента.
5. Военно-политические неологизмы служат эффективным средством манипуляции общественным мнением и формирования групповой идентичности, закрепляя идеологические постулаты и выступая в роли готовых семантических ярлыков, не требующих от реципиента критического анализа.

ИСТОЧНИКИ

1. Al Taie, S. The 2003 War in Iraq. Purposes and Motivations — an analytical view. — 2016. — URL: https://www.researchgate.net/publication/304305299_The_2003_War_on_Iraq_Purposes_and_Motivations_An_Analytical_View (date of access: 11.02.2026).
2. Beachum, L. The ‘Ghost of Kyiv’ was never alive, Ukrainian air force says // Washington Post. — 2022. — URL: https://www.washingtonpost.com/world/2022/05/01/ghost-of-kyiv-propaganda/ (date of access: 11.02.2026).
3. Chivers, C. J. Drones weapons Ukraine war // The New York Times. — 2024. — URL: https://www.nytimes.com/2024/12/31/magazine/drones-weapons-ukraine-war.html (date of access: 10.02.2026).
4. Lathem, N. Saddam is the king of swing: bye-bye to butcher of Baghdad as diabolical dictator is hanged before dawn to delight of oppressed Iraqis // New York Post. — 2006. — URL: https://nypost.com/2006/12/30/saddam-is-the-king-of-swing-bye-bye-to-butcher-of-baghdad-as-diabolical-dictatoris-hanged-before-dawn-to-delight-of-oppressed-iraqis/ (date of access: 09.02.2026).
5. Reddit.com. Tractor troops. — URL: https://www.reddit.com/r/ukraine/comments/10j0mky/another_day_another_piece_of_russian_military/ (date of access: 04.02.2026).
6. Urbandictionary.com. Putler. — URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Putler (date of access: 13.02.2026).
7. Urbandictionary.com. Rashists. — URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Rashists (date of access: 13.02.2026).
8. Verini, J.In the Trenches of Ukraine’s Forever War // New York Times. — 2022. — URL: https://www.nytimes.com/2022/01/16/magazine/ukraine-war.html (date of access: 08.03.2026)
9. Zakaria, F. Biden's international achievements are Trump's opportunities: Can the incoming administration take full advantage of a set of weakened adversaries? // The Washington Post. — 2024. — URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/12/20/biden-foreign-policy-trump-opportunity/ (date of access: 10.02.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бедрань, В. В. Механизмы информационной войны США против Ирака в начале XXI в / В. В. Бедрань // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2012. — № 7(87). — С. 186–195. — EDN OZZCNP.
2. Гаврилов, Л. А. Язык массовой коммуникации и информационная война / Л. А. Гаврилов, Р. И. Зарипов. — Москва : Ленанд, 2023. — 216 с. — ISBN 978-5-9710-6675-0. — EDN PMRIBA.
3. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — Москва : ЮРАЙТ, 2000. — 344 с. — ISBN 5-88711-038-4. — EDN RNHSNV.

4. Карпович, О. Г. Практика проведения США операций информационной войны в сфере внешней политики / О. Г. Карпович // Национальная безопасность. — 2017. — № 3. — С. 112–125. — EDN XXICNP.

5. Кунакова, Л. Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) / Л. Н. Кунакова // Альманах современной науки и образования. — 2012. — № 6 (61). — С. 93–96. — EDN OZGEKF.

6. Михайлова, А. Г. Способы образования неологизмов военно-политических дискурсов / А. Г. Михайлова // Культура в фокусе научных парадигм. — 2023. — № 16. — С. 225–230. — EDN FWPALH.

7. Михайлова, А. Г. Средства эмоционального воздействия публицистического стиля современного английского языка / А. Г. Михайлова // Культура в фокусе научных парадигм. — 2022. — № 14-15. — С. 216–223. — EDN GOOBWC.

8. Назарова, Н. Е. Особенности паспортизации фразеологических неологизмов в военно-политическом дискурсе / Н. Е. Назарова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — № 7 (875). — С. 86–93. — DOI 10.52070/2542-2197_2023_7_875_86. — EDN EMVRXY.

9. Палажченко, М. Ю. Эвфемизация военно-политической лексики как способ ведения информационной войны / М. Ю. Палажченко // Государственное управление. Электронный вестник. — 2017. — Вып. 61. — С. 45–58. — EDN YRHFNX.

10. Пасечная, Л. А. К проблеме дефиниции нового слова в современной лингвистике / Л. А. Пасечная, Т. В. Попова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2005. — № 11(49). — С. 167–171. — EDN JVGNXH.

11. Пастухов, А. Г. Документация, оценка и классификация фасцинативных реакций в медиа / А. Г. Пастухов // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. научных трудов (Орел, 1 апреля 2013 г.) / отв. ред. А. Г. Пастухов. — Орел : Орловский государственный институт искусств и культуры, 2013. — Т. 11. — С. 159–174. — EDN QKYYUH.

12. Почепцов, Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики / Г. Г. Почепцов. — Москва : Алгоритм, 2015. — 255 с. — ISBN 978-5-4438-1027-0.

13. Романов, А. С. Вооруженные силы США в стереотипах американской периодики на примере метафорической модели «Military Service is Way / Road» / А. С. Романов, М. А. Ангалева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2019. — № 4. — С. 149–154. — EDN XOTFPW.

14. Романова, Т. В. Манипулятивные речевые технологии экстремистских текстов / Т. В. Романова // Respectus Philologicus. — 2008. — № 14. — С. 88–97. — EDN SMTWDF.

15. Сафонова, О. Ю. Неологизмы в военно-политическом дискурсе (на материале современных зарубежных СМИ) / О. Ю. Сафонова, Е. А. Цыцонков // E-Scio. — 2017. — № 10 (13). — С. 7–11. — EDN YMLDQI.

16. Синельникова, Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор / Л. Н. Синельникова // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48). — С. 95–101. — EDN SNACGZ.

17. Nye, J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. S. Nye. — [S.l.] : Hachette, 2009. — 208 p. — ISBN 9780786738960.

MATERIALS

1. Al Taie, S. (2016). The 2003 War in Iraq. Purposes and Motivations — an analytical view. Available at Feb. 11, 2026 from https://www.researchgate.net/publication/304305299_The_2003_War_on_Iraq_Purposes_and_Motivations_An_Analytical_View.

2. Beachum, L. (2022). The ‘Ghost of Kyiv’ was never alive, Ukrainian air force says. *Washington Post*. Available at Feb. 11, 2026 from https://www.washingtonpost.com/world/2022/05/01/ghost-of-kyiv-propaganda/.

3. Chivers, C. J. (2024). Drones weapons Ukraine war. *The New York Times*. Available at Feb. 10, 2026 from https://www.nytimes.com/2024/12/31/magazine/drones-weapons-ukraine-war.html.

4. Lathem, N. (2006). Saddam is the king of swing: bye-bye to butcher of Baghdad as diabolical dictator is hanged before dawn to delight of oppressed Iraqis. *New York Post*. Available at Feb. 9, 2026 from https://nypost.com/2006/12/30/saddam-is-the-king-of-swing-bye-bye-to-butcher-of-baghdad-as-diabolical-dictatoris-hanged-before-dawn-to-delight-of-oppressed-iraqis/.

5. Reddit.com (n.d.). Tractor troops. Available at Feb. 4, 2026 from https://www.reddit.com/r/ukraine/comments/10j0mky/another_day_another_piece_of_russian_military/.

6. Urbandictionary.com (n.d.). Putler. Available at Feb. 13, 2026 from https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Putler.

7. Urbandictionary.com (n.d.). Rashists. Available at Feb. 13, 2026 from https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Rashists.

8. Verini, J. (2022). In the Trenches of Ukraine’s Forever War. *New York Times*. Available at March 8, 2026 from https://www.nytimes.com/2022/01/16/magazine/ukraine-war.html.

9. Zakaria, F. (2024). Biden's international achievements are Trump’s opportunities: Can the incoming administration take full advantage of a set of weakened adversaries? *The Washington Post*. Available at Feb. 2, 2026 from https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/12/20/biden-foreign-policy-trump-opportunity/.

REFERENCES

1. Bedran', V. V. (2012). Mekhanizmy informatsionnoy voyny SShA protiv Iraka v nachale XXI v. = Mechanisms of the U.S. information warfare against Iraq in the early 21st century. *RSUH Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations. Foreign Regional Studies. Oriental Studies*, *7*(87), 186–195. EDN OZZCNP.

2. Gavrilov, L. A., Zaripov, R. I. (2023). Yazyk massovoy kommunikatsii i informatsionnaya voyna = Language of mass communication and information warfare. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 278 p.

3. Dotsenko, E. L. (2000). Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita = Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms, and defenses. Moscow: YURAYT, 344 p. ISBN 5-88711-038-4. EDN RNHSNV.

4. Karpovich, O. G. (2017). Praktika provedeniya SShA operatsiy informatsionnoy voyny v sfere vneshney politiki = U.S. practice of conducting information warfare operations in the sphere of foreign policy. *National security*, *3*, 112–125.

5. Kunakova, L. N. (2012). Informatsionnaya voyna kak ob"yekt nauchnogo analiza (ponyatie i osnovnye kharakteristiki informatsionnoy voyny) = Information warfare as an object of scientific analysis (concept and main characteristics of information warfare). *Almanac of Modern Science and Education*, *6*(61), 93–96.

6. Mikhaylova, A. G. (2023). Sposoby obrazovaniya neologizmov voenno-politicheskikh diskursov = Methods of forming neologisms in military-political discourses. *Culture in the focus of scientific paradigms*, *16*, 225–230. EDN FWPALH.

7. Mikhaylova, A. G. (2022). Sredstva ehmotsional′nogo vozdeystviya publitsisticheskogo stilya sovremennogo angliyskogo yazyka = Means of emotional impact in the journalistic style of modern English. *Culture in the focus of scientific paradigms*, *14-15*, 216–223. EDN GOOBWC.

8. Nazarova, N. E. (2023). Osobennosti pasportizatsii frazeologicheskikh neologizmov v voenno-politicheskom diskurse = Features of the Certification of Phraseological Neologisms in Military-Political Discourse. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, *7*(875), 86–93. DOI 10.52070/2542-2197_2023_7_875_86. EDN EMVRXY.

9. Palazhchenko, M. Yu. (2017). Evfemizatsiya voenno-politicheskoy leksiki kak sposob vedeniya informatsionnoy voyny = Euphemization of military-political vocabulary as a method of conducting information warfare. *Public Administration. Electronic Bulletin*, *61*, 45–58.

10. Pasechnaya, L. A., Popova, T. V. (2005). K probleme definitsii novogo slova v sovremennoy lingvistike = On the Problem of Defining a New Word in Modern Linguistics. *Bulletin of the Orenburg State University*, *11*(49), 167–171. EDN JVGNXH.

11. Pastukhov, A. G. (2013). Dokumentatsiya, otsenka i klassifikatsiya fastsinativnykh reaktsiy v media = Documentation, Assessment, and Classification of Fascinative Reactions in the Media. *Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse. Interuniversity Collection of Scientific Papers (Orel, April 1, 2013, Ed. A. G. Pastukhov)*, *11*, 159–174. Orel: Oryol State

Institute of Arts and Culture. EDN QKYYUH.

12. Pocheptsov, G. G. (2015). Informatsionnye voyny. Novyy instrument politiki = Information wars. A new instrument of politics. Moscow: Algoritm, 320 p.

13. Romanov, A. S., Angaleva, M. A. (2019). Vooruzhennyye sily SShA v stereotipakh amerikanskoy periodiki na primere metaforicheskoy modeli «Military service is way/road» = U.S. Armed Forces in the stereotypes of American periodicals using the metaphorical model «Military service is way/road». *Modern Science: Current Theory and Practice. Series: Humanities*, *4*, 149–154.

14. Romanova, T. V. (2008). Manipulyativnye rechevye tekhnologii ehkstremistskikh tekstov = Manipulative Speech Technologies of Extremist Texts. *Respectus Philologicus*, *14*, 88–97. EDN SMTWDF.

15. Safonova, O. Yu., Tsytsonkov, E. A. (2017). Neologizmy v voenno-politicheskom diskurse (na materiale sovremennykh zarubezhnykh SMI) = Neologisms in military-political discourse (based on modern foreign media). *E-Scio*, *10*(13), 7–11. EDN YMLDQI.

16. Sinel'nikova, L. N. (2014). Informatsionnaya voyna: Ukrainskiy vektor. Teoriya politicheskoy lingvistiki = Information warfare: Ukrainian vector. *Political Linguistics*, *2*(48), 95–101.

17. Nye, J. S. (2009). Soft Power: The Means to Success in World Politics. [S.l.]: Hachette, 208 p. ISBN 9780786738960.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33* *Код ВАК 5.9.8*

Вера Юрьевна Кузнецова[1,3]✉, Марина Владимировна Полубоярова[2,4]✉
[1,2] Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны России, Москва, Россия
[3] vera087@mail.ru✉, SPIN-код: 3742-7040
[4] Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, mvp1410@gmail.com✉, SPIN-код: 5540-4823

Нарративная эволюция образа Д. Трампа в вербально-визуальном медиадискурсе

АННОТАЦИЯ. *Представленная статья посвящена анализу нарративной эволюции образа 47-го президента США Д. Трампа в вербально-визуальном медиадискурсе. Актуальность исследования обусловлена ростом влияния вербально-визуальных форм (карикатура, мем, инфографика) в современной политической коммуникации, а также способностью медийных образов выступать самостоятельным инструментом идеологической борьбы, переформатируя восприятие сложных явлений через сжатые метафорические образы. Доказывается, что современное изучение медиадискурса требует синтеза положений медиалингвистики, когнитивной лингвистики, теории дискурса и семиотики культуры. В статье представлен многоаспектный анализ двух мультимодальных карикатур, взятых из журнала «The Economist», с целью определения смысловых якорей, доминирующих фреймов, политического и культурного контекста, семиотических кодов, а также смысловых центров, вокруг которых организуется восприятие и конструирование образа Д. Трампа. Ключевым механизмом смыслообразования в анализируемых карикатурах выступает развернутая визуальная метафора, переводящая абстрактные понятия в конкретные код. Принципиально значима для формирования критической позиции зрителя композиционная организация карикатуры в форме последовательного нарратива (от первого кадра к последнему). В рамках карикатуры подвергаются семантической перенастройке традиционные культурные архетипы, которые в норме ассоциируются с защитой, силой и доблестью, что становится механизмом дегероизации. Рассмотренные карикатуры эксплицируют критику персонализации государственной политики. Проведенный анализ подтверждает, что карикатура обладает мощным манипулятивным потенциалом, но направляет его не на скрытое внушение, а на критическое разоблачение.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, английские СМИ, язык СМИ, языковые средства, медиаобразы, американские президенты, политическая карикатура, нарративная эволюция, вербально-визуальный образ, фреймы, семиотический код, мультимодальность, смысловой якорь.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Кузнецова Вера Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент 33 кафедры, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны России, Москва, Россия, email: vera087@mail.ru.*

Полубоярова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой переводоведения и практики перевода английского языка, переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; доцент 33 кафедры, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны России, Москва, Россия, email: mvp1410@gmail.com

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Кузнецова, В. Ю.* Нарративная эволюция образа Д. Трампа в вербально-визуальном медиадискурсе / В. Ю. Кузнецова, М. В. Полубоярова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 83-92.

Vera Yu. Kuznetsova[1,3]✉, Marina V. Poluboyarova[2,4]✉
[1,2] Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia
[3] vera087@mail.ru✉, SPIN code: 3742-7040
[4] Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, mvp1410@gmail.com✉, SPIN code: 5540-4823

Narrative Evolution of D. Trump's Image in Verbal-Visual Media Discourse

ABSTRACT. *The presented article analyzes the narrative evolution of the image of the 47th President of the United States D. Trump in the verbal-visual media discourse. The relevance of the research can be attributed to the growing influence of verbal-visual forms (cartoon, meme, infographics) in modern political communication, as well as the ability of media images to act as an independent tool of ideological struggle, reformatting the perception of complex phenomena through compressed metaphorical images. It is argued that the modern study of media discourse requires a synthesis of the ideas of media linguistics, cognitive linguistics, theory of discourse, and semiotics of culture. The article presents a multidimensional analysis of two multimodal cartoons taken from The Economist in order to identify the semantic anchors, the dominant frames, the political and cultural context, the semiotic codes, as well as the semantic centers around which the perception and construction of the image of Trump is organized. A detailed visual metaphor that translates abstract concepts into a con-*

© Кузнецова В. Ю., Полубоярова М. В., 2026

crete code functions as the key mechanism of meaning formation in the cartoons under analysis. The compositional organization of a cartoon in the form of a continued narrative (from the first frame to the last) is fundamentally important for the formation of the viewer's critical position. Within the framework of a cartoon, traditional cultural archetypes that are normally associated with protection, strength and valor, are subject to semantic reconfiguration, which becomes a mechanism of deheroization. The considered cartoons explicate the criticism of personalization of public policy. The analysis confirms that the cartoon possesses a powerful manipulative potential, but directs it not at hidden suggestion, but at critical exposure.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, English media, mass media language, language means, media images, American presidents, political cartoon, narrative evolution, verbal-visual image, frames, semiotic code, multimodality, semantic anchor.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kuznetsova Vera Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department 33, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia.*

Poluboyarova Marina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Translation Studies and Practice of Translation of the English Language of the Faculty of Translation, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; Associate Professor of Department 33, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

FOR CITATION: *Kuznetsova V. Yu., Poluboyarova M. V.* (2026). Narrative Evolution of D. Trump's Image in Verbal-Visual Media Discourse. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 83-92. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Современный медийный дискурс выступает одной из ключевых площадок, на которых актуализируются и трансформируются образные модели осмысления социальной реальности. В условиях цифровизации, мультимедиализации и глобализации медиа именно здесь формируются новые сценарии и визуально-вербальные конструкции, определяющие коллективное видение мира [Абрамова 2014; Андреева 2025; Ковалев 2026]. Теоретическое осмысление эволюции образной парадигмы в медийном дискурсе требует синергии положений медиалингвистики, когнитивной лингвистики, теории дискурса и семиотики культуры [Abd Ali 2025].

Цель данной статьи — определить факторы и направления эволюции образных конструкций в современной медиасфере и показать, как медийный дискурс перераспределяет моделирующий потенциал образов.

Актуальность работы обусловлена, во-первых, ростом влияния визуально-вербальных форм (карикатура, мем, инфографика) в современной политической и экономической коммуникации; во-вторых, способностью медийных образов выступать самостоятельным инструментом идеологической борьбы, переформатируя восприятие сложных явлений (например, протекционизма) через сжатые метафоры; в-третьих, отсутствием междисциплинарной модели, объясняющей, как образы из разных сфер обретают иные политические смыслы в новых форматах (многопанельный комикс-нарратив).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В рамках медиалингвистики медийный (массмедийный) дискурс определяется как функционально обусловленный тип дискурса, понимаемый как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [Ковалев 2026]. Это не только тексты СМИ, но и совокупность контекстов их производства, распространения и восприятия, включающая участников коммуникации, каналы, институциональные условия, идеологические и культурные установки.

С опорой на структурный, функциональный и тематический подходы медийный дискурс рассматривается как система, в которой медиатекст выступает базовой дискретной единицей, а взаимодействие вербального и визуального кодов задает особые условия для формирования образности [Андреева 2025]. При этом медиатекст трактуется как актуализированное в определенном медиаформате сочетание вербальных и медиальных знаков, объединенных общим смыслом [Tsakona 2009].

Появление медиалингвистики как самостоятельного направления связано с осознанием принципиально новой роли СМИ в формировании языковой нормы и языковой картины мира, а также с необходимостью описывать язык в условиях его взаимодействия с иными семиотическими системами. Медиалингвистика ориентирована на комплексное изучение языка в медиа, его структурных, функциональных и культурных характеристик, а также на анализ медиатекста как поликодового образования.

В рамках медиалингвистики формируется медиальная парадигма исследований, смещающая фокус с чисто когнитивных и прагматических аспектов на анализ оформленности смыслов, то есть на медиальность как способ материальной выраженности информации и привязанность смысловыражения к определенному формату. Такой подход делает принципиально значимым вопрос

о том, как именно формат (телевидение, онлайн-платформа, социальная сеть, новостной портал и др.) влияет на характер образных решений.

Медиальность трактуется как универсальное свойство всех форм материального проявления знаков, а не только как технически осложненный канал передачи информации. Она описывает оформленность смысла, его закрепленность в определенном медиальном формате (печать, экран, звук, мультимедиальный комплекс) и обусловленную этим специфику кодирования и декодирования сообщений [Ковалев, 2026].

Современный этап развития лингвистики отмечен «медиальным поворотом», то есть смещением исследовательских акцентов от преимущественно прагматического анализа к изучению того, как медиальный формат влияет на порождение и интерпретацию смысла. Гетерогенность и гибридность медиатекстов, их поликодовый характер (слово — изображение — звук) усиливают роль визуального компонента в формировании образности и трансформируют традиционные вербальные тропы.

Поликодовость медийного дискурса создает условия для конструирования комплексных образов, в которых вербальный образ соотносится с визуальными метафорами и графическим оформлением [Van Leeuwen 2011]. В результате меняются и сами механизмы образной деривации: значимым становится не только перенос значения в рамках языка, но и взаимодействие разных знаковых систем в едином медиальном пространстве.

В современной когнитивной лингвистике образ рассматривается как результат работы фреймовых структур, базовой категоризации и апперцепции, то есть зависимого от предшествующего опыта восприятия предметов и явлений [Абрамова 2014]. Образ выполняет функцию систематизатора, параметра онтологии, поскольку через образные модели субъект структурирует пространство, время и социальную реальность.

Когнитивный механизм образа включает аппликацию фреймов по совпадающим слотам, когда разные тематические области сопоставляются на основе общей признаковой структуры. В медийном дискурсе эти модели получают массовое распространение и закрепляются в коллективном сознании, превращаясь в устойчивые медиаконцепты и стереотипные сценарии интерпретации событий.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках исследования были проанализированы 2 карикатуры, взятые из журнала *The Economist*. Анализ строился по следующему принципу: каждое изображение рассматривалось как мультимодальный нарратив.

Рассмотрим каждый пример подробнее.

Рис. 1. The Economist[1] (24.03.2025)

[1] https://www.economist.com/content-assets/images/20250208_WWD000.png (дата обращения: 03.05.2026).

Данная карикатура является ярким примером сюжетной динамики. Карикатура строится вокруг образа MAGA MAN. Интересно, что MAGA — это аббревиатура, означающая “Make America Great Again”. Дональд Трамп представлен псевдосупергероем. Уже в первом кадре столетний конфликт на Ближнем Востоке сводится к комиксной формуле «sounds like a job for… MAGA MAN», то есть историческая трагедия переводится в жанр супергеройского спасения. Главный сатирический ход в том, что супергерой здесь не спасает уязвимых, а предлагает насильственное «решение» через выметание двух миллионов палестинцев из Газы (второй кадр) и замену живого пространства на курортную «Riviera» (третий кадр), то есть гуманитарная катастрофа превращается в девелоперский проект.

Метафора работает в двух регистрах одновременно. С одной стороны, это пародия на американские истории о супергероях, которые прилетают и одним действием устраняют хаос; с другой — это критика бизнес-логики президента США, где территория мыслится не как дом людей, а как объект зачистки и перепрофилирования. Поэтому центральный образ карикатуры можно определить как **«**супергерой-девелопер», у которого моральная миссия полностью подменена логикой недвижимости, расчистки и монетизации пространства.

Композиционно изображение устроено как шестикадровый газетный комикс, где смысл рождается не из одного кадра, а из последовательности превращений: от размышления к героизации, от героизации к насилию, от насилия к самодовольному триумфу, а затем к ироническому обнулению всей сцены. Первый кадр дает крупный план лица Трампа в позе задумчивости, и это важно: карикатура начинает не с действия, а с ментального акта присвоения проблемы, показывая, что вмешательство рождается из самоуверенной фантазии субъекта. Во втором кадре фигура уже переходит в супергеройский режим, а огромная надпись “MAGA MAN” визуально захватывает пространство.

Третий кадр — композиционный центр всей карикатуры. Здесь Трамп показан в движении с гигантской щеткой или метлой, которой он буквально сметает маленькую массу людей, и именно масштабное несоответствие между огромной фигурой героя и «микроскопической» толпой создает эффект дегуманизации: палестинцы превращены в мусороподобный визуальный материал, который можно убрать одним жестом. Четвертый кадр продолжает эту логику, но переводит ее из языка вытеснения в язык застройки: герой указывает рукой на новую «Riviera», а внизу появляются здания, вода и курортная среда, так что насилие получает финальную форму через эстетику благоустройства.

Пятый кадр с репликами “Problem solved!” и “You’re welcome…” закрепляет образ самодовольного супергероя-спасителя. Но шестой кадр полностью меняет тональность: слоган “Remember… if you need a simple solution to your problems… call MAGA MAN!” имитирует рекламную мораль, после чего внизу следует короткий диалог: “Did you call him?” —“Nobody did…”. Именно эта концовка разрушает весь миф о героическом вмешательстве и показывает, что перед нами не ответ на запрос о помощи, а незваное, самоназначенное вторжение.

Образ Трампа построен как карнавальная гибридизация политика и супермена. У него есть плащ, маска и эмблема “M” на груди, но тело не героизировано классическим образом: оно грузное, массивное, с подчеркнутым животом и тяжелой походкой, поэтому фигура выглядит не благородным спасителем, а гротескным носителем грубой силы. Эта телесная форма важна, потому что она совмещает два кода — супергеройский и клоунский, из-за чего сила героя сразу приобретает оттенок нелепости и опасной самоуверенности.

Щетка в третьем кадре — один из самых сильных символов карикатуры. Это не оружие в военном смысле и не дипломатический инструмент, а бытовой предмет уборки, который переводит миллионы людей в разряд загрязнения, подлежащего выметанию. Тем самым карикатура показывает не просто жесткость решения, а именно его дегуманизирующий язык, где человеческая масса становится пылью, сором или мусором на территории, которую надо подготовить к новой функции.

Надписи работают как классические якоря смысла. Формулы “sweep two million Palestinians out of Gaza”, “replace them with the Riviera” и “Problem solved!” направляют интерпретацию так, чтобы зритель не мог прочитать сцену нейтрально: текст прямо связывает супергеройское действие с насильственным переселением, коммерческой заменой населения и самодовольной риторикой решения проблемы. Последняя реплика “Nobody did…” особенно важна, потому что она разрывает жанровую оболочку комикса и вводит критический голос свидетелей, показывая, что такой герой никому не нужен.

Карикатура конструирует фрейм «опасного упрощения**»**. В этом фрейме сложнейший колониальный, национальный, гумани-

тарный и военный конфликт описывается как управленческая задача, для которой достаточно решительного человека, грубого инструмента и коммерческого воображения. То есть картинка атакует не только конкретную политическую фигуру, но и сам тип мышления, в котором историческая трагедия редуцируется до проблемы «неэффективного использования территории».

Нарратив изображения движется по логике ложной эффективности. Сначала зрителю предлагают знакомую схему супергеройского спасения, затем демонстрируют действие, потом быстрый результат и благодарность, но финальный диалог показывает, что вся эта цепочка основана на самовольном присвоении права решать за других. В результате карикатура разоблачает популистскую модель лидерства: лидер не спрашивает, чего хотят затронутые люди, а сам определяет, что для них якобы является «простым решением».

Семиотически здесь сталкиваются два кода: код спасения и код вытеснения. Внешне Трамп оформлен как супергерой, но его реальные действия соответствуют не спасателю, а стороннику депортации и пространственной зачистки. Именно это расхождение создает сатирическое напряжение: чем сильнее карикатура подражает супергеройскому жанру, тем очевиднее становится, что под маской спасения скрывается насильственное инженерное мышление.

Политический смысл карикатуры связан с восприятием Трампа как лидера, склонного предлагать максимально прямолинейные, эффектные и медийные ответы на сложные международные кризисы. Изображение особенно едко связывает такую политику с девелоперским бизнес-мышлением: Газа в карикатуре понимается не как пространство страданий и выживания, а как прибрежная площадка, которую можно очистить и превратить в «Ривьеру». Тем самым критика направлена на коммерциализацию геополитики, когда право людей на место и историю стирается ради воображаемой экономической рентабельности.

Манипулятивный потенциал карикатуры высок, потому что она работает через резкие визуальные сокращения и эмоциональные контрасты. Маленькие безликие фигуры, которых сметают щеткой, мгновенно переводят зрителя на сторону жертвы, а самодовольная улыбка героя закрепляет моральную оценку происходящего как циничного и бесчеловечного. При этом финальная шутка “Nobody did…” не просто завершает сюжет, а делает из всей карикатуры предупреждение против харизматического вмешательства без запроса, согласия и признания субъектности тех, чью судьбу собираются «урегулировать».

Не менее интересна и вторая карикатура.

Рис. 2. The Economist[1] (17.01.2017)

[1] https://www.economist.com/img/b/595/407/90/sites/default/files/images/2017/01/articles/main/20170128_wwd000.jpg (дата обращения: 03.05.2026).

В основе карикатуры лежит развернутая визуальная метафора, в которой протекционизм репрезентируется как система рыцарских доспехов, надеваемых Дональдом Трампом в контексте риторики защиты национальных интересов. Данный образ переводит современную торгово-экономическую политику в архаический военно-феодальный код, тем самым подчеркивая анахроничность и демонстративную грубость предлагаемых методов. Протекционизм в этой логике предстает не как рациональный инструмент экономического регулирования, а как тяжеловесная оборонительная оболочка, которая символически обещает безопасность, но фактически ограничивает подвижность и адаптивность политического субъекта.

Смыслообразующим является и сам процесс облачения, показанный в форме последовательного комиксного нарратива. Карикатура не изображает уже готового героя, а акцентирует внимание на стадии сборки образа, что позволяет интерпретировать протекционистскую политику как искусственно сконструированный перформанс силы. Тем самым визуальная метафора строится не только на аналогии «доспех => защита», но и на идее политической инсценировки, в которой защита Америки оформляется как спектакль мобилизации.

Композиция карикатуры организована как последовательность, в которой нарастает визуальная тяжесть и уменьшается степень автономии центрального персонажа. Первый кадр сохраняет относительную близость к современному политическому образу: Трамп показан в костюме, а рядом располагается табличка “Fighting for America!”, задающая исходный патриотический фрейм. Однако в последующих кадрах фигура постепенно поглощается металлическими элементами (доспехи, шипы, щит, шлем), вследствие чего тело лидера США почти исчезает внутри символической оболочки.

Такое композиционное развитие имеет принципиальное значение. Карикатура движется не к героической кульминации, а к возрастающему абсурду, поскольку каждый новый элемент доспеха усиливает не способность к действию, а зависимость персонажа от внешней поддержки. Визуальная логика произведения строится на парадоксе: чем более защищенным выглядит герой, тем менее он оказывается самостоятельным.

Особую роль играет предпоследний кадр, где фигура Трампа подвешена на цепях. В этой сцене тело окончательно утрачивает черты активного субъекта и превращается в груз, который необходимо перемещать с помощью механизма. Тем самым протекционизм представлен как форма самопарализующей тяжести, а политический язык защиты переводится в образ технически обслуживаемой неподвижности.

В карикатуре Трамп представлен как средневековый рыцарь, однако этот образ не героизируется, а подвергается систематической дегероизации. Его фигура массивна, телесно перегружена и лишена пластичности, а доспех не организует тело, как это происходит в традиционной воинской иконографии, а, напротив, усиливает впечатление неповоротливости и механической тяжеловесности. В результате перед зрителем возникает не образ доблестного защитника, а образ правителя, который надевает на себя символы силы как политический костюм.

Значимым элементом является трансформация прически. Этот прием интегрирует его медийно узнаваемую внешность в структуру военного облачения и тем самым указывает на неразрывность политического действия и самобрендирования. Даже в момент максимальной милитаризации фигура не теряет своей персональной маркировки, что позволяет интерпретировать карикатуру как критику персонализации государственной политики.

Аналогичную функцию выполняет буква “T”, нанесенная на щит и корпус доспеха. Она переводит экономическую стратегию из плоскости институционального решения в плоскость индивидуального политического. Тем самым карикатура показывает, что политика защиты национальной экономики представлена не как безличный государственный курс, а как персонифицированный проект лидера.

Сопутствующие персонажи, изображенные в уменьшенном масштабе, выполняют функции оруженосцев и обслуживающего персонала. Они надевают на Трампа элементы брони, поддерживают его тело и обеспечивают саму возможность превращения в «героя», вследствие чего образ сильного лидера оказывается продуктом коллективного внешнего труда. Таким образом, карикатура подрывает миф о самодостаточности политического субъекта: чем внушительнее выглядит центральная фигура, тем очевиднее ее зависимость от подпорок и посредников.

Уменьшенный масштаб этих фигур имеет дополнительную семиотическую функцию. С одной стороны, он визуально увеличивает монументальность Трампа; с другой, делает сцену облачения почти театральной, превращая ее в ритуал сборки тяжелой декорации. В результате сила оказывается не естественным свойством героя, а эффектом постановки.

Особого внимания заслуживает шлем. Он завершает процесс милитаризации фигуры, но одновременно символизирует ограничение обзора, то есть когнитивную редукцию мира до узкой щели оборонительного восприятия. В таком прочтении протекционизм изображается не только как экономическая изоляция, но и как форма политической слепоты.

Финальная панель вводит образ быка с надписью “PROTECTIONISM”, на котором восседает Трамп. В семиотическом отношении этот образ является многослойным: бык может обозначать грубую силу, упрямство и прямолинейный напор, но также способен отсылать к экономическому символизму рынка и финансовой энергии. Карикатура использует эту амбивалентность для того, чтобы показать протекционизм одновременно как агрессивную политическую доктрину и как попытку оседлать саму экономическую динамику.

Однако надпись на попоне снимает возможную неоднозначность интерпретации. Животное выступает не просто средством передвижения, а воплощением самой идеологии, которая становится носителем политического движения вперед. Вместе с тем визуальная тяжесть быка и столь же тяжелая фигура всадника создают впечатление нестабильного и внутренне напряженного союза, в котором доктрина и лидер взаимно утяжеляют друг друга.

Текстовые элементы карикатуры выполняют функцию якорения интерпретации. Табличка “Fighting for America!” задает нормативный фрейм патриотической защиты, в рамках которого последующее облачение должно восприниматься как легитимная оборонительная мобилизация. Однако визуальный ряд последовательно подрывает этот фрейм, демонстрируя чрезмерность, театральность и функциональную сомнительность такой защиты.

Реплика “onward!” в финальном кадре также работает как иронический вербальный маркер. В отрыве от визуального контекста она могла бы означать решимость и наступательное движение, однако после сцен подвешивания, поддержки и сборки превращается в выражение самоуверенности, не подкрепленной реальной автономией. Тем самым слово вступает в напряжение с изображением и усиливает сатирический эффект.

Карикатура формирует фрейм архаизированной защиты, в рамках которого современная торговая политика представляется как возвращение к логике осады, брони и жесткого внешнего разграничения. Мир в этом фрейме мыслится как враждебное пространство, от которого необходимо физически экранироваться, тогда как торговля и взаимозависимость кодируются как источник угрозы. Карикатура, в свою очередь, демонстрирует внутреннюю несостоятельность такого подхода, показывая, что наращивание символических средств защиты ведет не к усилению, а к обездвиживанию.

Нарратив произведения строится по модели дегероизации. Исходный патриотический импульс постепенно разрушается последовательностью образов, в которых герой утрачивает самостоятельность, превращается в груз и лишь в финале получает видимость готовности к действию. Однако эта финальная готовность оказывается ложной, поскольку зритель уже видел, какой ценой она достигнута и насколько искусственной является ее материальная основа.

Политический контекст карикатуры связан с риторикой Дональда Трампа о защите американской промышленности, критикой свободной торговли, тарифной политикой и более широким лозунгом “America First”. Карикатура переводит эти установки в язык визуальной аллегории, представляя их как возврат к архаическим моделям обороны и силового самоограждения. В этом отношении изображение отражает характерную для либерально-глобалистской прессы критику протекционизма как политики, ограничивающей гибкость экономики и подменяющей сложные международные связи риторикой конфронтации.

Манипулятивный потенциал карикатуры связан с использованием легко считываемых культурных архетипов — рыцаря, щита, шлема, оруженосцев и быка. Эти символы изначально ассоциируются с защитой, силой и наступательным потенциалом, однако в рамках данного изображения они семантически перенастраиваются и начинают обозначать перегрузку, зависимость и политическую архаику. В результате карикатура не просто вербально критикует протекционизм, а визуально конструирует его как тяжелую броню прошлого, которую современная экономика способна нести лишь ценой собственной подвижности.

ВЫВОДЫ

В таблице 1 ниже обобщены ключевые категории, определяющие смысловую архитектонику представленных выше карикатур: смысловой якорь (центральная идея, удерживающая интерпретацию), доминирующие фреймы (когнитивные рамки осмысления), политический и культурный контекст, задействованные семиотические коды, а также смысловые центры, вокруг которых организуется восприятие.

Таблица 1

Критерий	Карикатура 1	Карикатура 2
Смысловой якорь	Ироничная критика упрощенного («супергеройского») решения сложного геополитического конфликта (век конфликта на Ближнем Востоке) через этнические чистки и псевдодевелопмент («Ривьера»). Абсурдное предложение «смести 2 миллиона палестинцев» ради курортного проекта.	Протекционизм как тяжеловесная оборонительная оболочка (архаичные доспехи), которая обещает безопасность, но ограничивает подвижность и адаптивность.
Фрейм	**1. Супергеройский фрейм** (пародия на комиксы про «супермена» => «MAGA Man»). 2. **Риэлторско-девелоперский фрейм** («Ривьера», замена населения на инфраструктуру). 3. **Фрейм «простого решения»** (одно действие решает вековой конфликт).	1 Архаизированной защиты / военно-феодальный (возврат к логике осады, брони и жесткого внешнего разграничения). 2 Перформанса силы / политической инсценировки («…политика защиты оформляется как спектакль мобилизации»). 3. Дегероизации (путь не к кульминации, а к абсурду и обездвиживанию).
Контекст	Современный политический дискурс (особенно ультраправый и изоляционистский дискурс, ассоциируемый с лозунгом «MAGA»). Отсылка к реальным предложениям по «зачистке» Газы и превращению ее в курортную зону, звучавшим в некоторых политических заявлениях. Контекстуально важно, что «никто не звал» такого героя.	Политическая риторика Дональда Трампа (лозунги «Fighting for America!», «America First»), тарифная политика и критика свободной торговли. Карикатура отражает критику протекционизма со стороны либерально-глобалистской прессы как политики, подменяющей сложные международные связи конфронтацией и ограничивающей гибкость экономики.
Семиотический код	**1. Визуально-риторический код** (имитация обложки комикса, динамичные глаголы, восклицания, типичные для панелей супергероев). 2. **Политический код** (MAGA => маркер конкретной идеологии; «Палестинцы» vs «Ривьера» => маркер колониального/девелоперского взгляда). 3. **Сатирический код** (преувеличение => «выметет», ироничное «problem solved», разрыв между ожидаемым решением и этической реальностью).	1. Визуально-аллегорический код (доспехи, шипы, щит, шлем, цепи, бык). 2. Архаический военно-феодальный код (рыцарь/оруженосцы => современная торговая политика). 3. Персоналистский код (буква «Т» на щите и корпусе; узнаваемая прическа Трампа =>экономическая стратегия как индивидуальный проект лидера). 4. Театрально-ритуальный код («ритуал сборки тяжелой декорации», уменьшенные фигуры обслуживающего персонала).
Смысловые центры	**1. «MAGA Man» является** пародийным центром ложного спасения и упрощения. 2. **«Смести 2 млн палестинцев» —** центр этического шока/насилия, спрятанного в рутину «работы героя». 3. **«Ривьера»** — центр потребительской утопии, которая должна заменить человеческую трагедию. 4. **«Nobody did...» —** центр реальности: запроса на такое «решение» нет, оно отвергается даже в логике мира комикса.	1. Фигура Дональда Трампа (от современного политика до обездвиженного груза на цепях и всадника на быке). 2. Доспехи / броня (символ протекционизма, самопарализующей тяжести и когнитивной редукции: «шлем ограничивает обзор»). 3. Процесс облачения / сборки (искусственная конструкция силы; зависимость сильного лидера от коллективного внешнего труда). 4. Бык с надписью “PROTECTIONISM” (амбивалентный символ грубой силы, упрямства, но также и экономической динамики, которую пытаются оседлать). 5. Цепи и подвешивание (утрата автономии, протекционизм как технически обслуживаемая неподвижность).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ двух карикатур из журнала *The Economist* позволяет сделать ряд выводов, значимых для понимания того, как современный медийный дискурс конструирует и трансформирует образные парадигмы политической реальности.

Во-первых, исследование показало, что ключевым механизмом смыслообразования в анализируемых карикатурах выступает развернутая визуальная метафора, переводящая абстрактные понятия в конкретный код.

Во-вторых, композиционная организация карикатуры в форме последовательного нарратива (от первого кадра к последнему) принципиально значима для формирования критической позиции зрителя.

В-третьих, анализируемый материал убедительно иллюстрирует механизм дегероизации средствами визуальной семиотики. Традиционные культурные архетипы, которые в норме ассоциируются с защитой, силой и доблестью, в рамках карикатуры подвергаются семантической перенастройке.

В-четвертых, карикатуры эксплицируют критику персонализации государственной политики.

В-пятых, проведенный анализ подтверждает, что карикатура обладает мощным манипулятивным потенциалом, но направляет его не на скрытое внушение, а на критическое разоблачение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамова, Е. С. Массмедийный дискурс: сущность и особенности / Е. С. Абрамова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 12-1(42). — С. 17–19. — EDN SYECAV.

2. Андреева, Е. Ю. Дональд Трамп в зеркале русскоязычных медиа: фреймирование, поляризация и формирование общественного мнения / Е. Ю. Андреева // Политическая лингвистика. — 2025. — № 5. — С. 19–24. — EDN TQWIAX.

3. Денисова, Г. Л. Категория времени в политической карикатуре / Г. Л. Денисова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2018. — № 53. — С. 51–69. — EDN YLAHLN.

4. Ковалев, Н. А. Концепт COLD WAR в визуальном англоязычном политическом дискурсе: семиотическая репрезентация и прагматика интернет-мемов и политической карикатуры (2020–2025 гг.) / Н. А. Ковалев // Филологические науки в МГИМО. — 2026. — Т. 12, № 1. — С. 8–28. — DOI 10.24833/2410-2423-2026-1-46-8-28. — EDN EWQLIW.

5. Новак, Д. В. Формирование медиаобраза политика / Д. В. Новак // Молодой ученый. — 2024. — № 17 (516). — С. 380–382. — EDN QKTJXF.

6. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2006. — 256 с. — ISBN 5-89349-897-6. — EDN SDQKXT.

7. Abd Ali, H. N. A Multi-modal Critical Discourse Analysis of Selected English Political Cartoons / H. N. Abd Ali // Journal of College of Education. — 2025. — Vol. 60. — № 2. — P. 613–630. — DOI 10.31185/eduj.Vol60.Iss2.4518.

8. Al-Momani, K. A semiotic analysis of political cartoons in Jordan in light of the Arab Spring / K. Al-Momani, M. A. Badarneh, F. Migdadi // Humor. — 2017. — Vol. 30. — № 1. — P. 63–95. — DOI 10.1515/humor-2016-0033.

9. Dugalich, N. M. Political cartoon as a genre of political discourse / N. M. Dugalich // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2018. — Vol. 9. — № 1. — P. 158–172. — DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172. EDN YVXKRO.

10. El Rafaie, E. Understanding visual metaphor: the example of newspaper cartoon / E. El Rafaie // Visual Communication. — 2003. — Vol. 2. — № 1. — P. 75–95. — DOI 10.1177/1470357203002001755.

11. Kress, G. Reading images: The grammar of visual design / G. Kress, T. van Leeuwen. — 2nd ed. — London : Routledge, 2006. — 321 p. — DOI 10.4324/9780203619728.

12. Merkouraki, M. Mapping the Trump-Harris First Presidential Debate: Narratives of Trumpism Propagation Rattle Voters' Ontological Security / M. Merkouraki, K. Tzioti // Journal of Social and Political Sciences. — 2024. — Vol. 7. — № 4. — P. 45–62. — DOI 10.31014/aior.1991.07.04.522. — EDN UFEVQP.

13. Mielczarek, N. The Trump Presidency in Editorial Cartoons / N. Mielczarek. — Lanham : Lexington Books, 2023. — 171 p. — ISBN 978-1-6669-1216-6.

14. Morales Dominguez, L. The treason of the Trump: analysis of the USA president's position on the Ukraine War during the first half of 2025 in the western political cartoon / L. Morales Dominguez, D. Fuenteferia Rodriguez // Revista de Comunicación. — 2026. — Vol. 25. — № 1. — P. 273–296. — DOI 10.26441/rc25.1-2026-4211. — EDN LIOEWK.

15. Negro Alousque, I. Visual metaphor and metonymy in French political cartoons / I. Negro Alousque // RESLA. — 2013. — Vol. 26. — P. 365–384.

16. Pavlina, S. Y. British and American Political Cartoons in Sociocultural Context / S. Y. Pavlina // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2025. — Vol. 16. — № 1. — P. 61–76. — DOI 10.22363/2313-2299-2025-16-1-61-76. — EDN PKSTWQ.

17. Pinar-Sanz, M. Humour and intertextuality in Steve Bell's political cartoons / M. Pinar-Sanz // The European Journal of Humour Research. — 2020. — Vol. 8. — № 3. — P. 16–39. — DOI 10.7592/EJHR2020.8.3.Pinar-Sanz. — EDN BWJWJU.

18. Seymour-Ure, C. What Future for the British Political Cartoon? / C. Seymour-Ure // Journalism Studies. — 2001. — Vol. 2. — № 3. — P. 333–355. — DOI 10.1080/14616700120062202.

19. Tsakona, V. Language and image interaction in cartoons: Towards a multimodal theory of humor / V. Tsakona // Journal of Pragmatics. — 2009. — Vol. 41. — № 6. — P. 1171–1188. — DOI 10.1016/j.pragma.2008.12.003.

20. Van Leeuwen, T. Multimodal Discourse Analysis / T. van Leeuwen // The Routledge Handbook of Discourse Analysis / eds. J. P. Gee, M. Handford. — London : Routledge, 2011. — P. 120–137. — DOI 10.4324/9780203809068.ch9.

REFERENCES

1. Abramova, E. S. (2014). Massmediynyy diskurs: sushchnost' i osobennosti = Mass media discourse: essence and features. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, *12*(42), Part I, 17–19.

2. Andreeva, E. Yu. (2025). Donald Tramp v zerkale russkoyazychnykh media: freymirovanie, polyarizatsiya i formirovanie obshchestvennogo mneniya = Donald Trump in the mirror of Russian-language media: framing, polarization and formation of public opinion. *Political linguistics*, *5*, 19–24.

3. Denisova, G. L. (2018). The category of time in political cartoons. *World of Linguistics and Communication*, *3*, 51–69. EDN YLAHLN.

4. Kovalev, N. A. (2026). Kontsept COLD WAR v vizual'nom angloyazychnom politicheskom diskurse: semioticheskaya reprezentatsiya i pragmatika internet-memov i politicheskoy karikatury (2020–2025 gg.) = The concept of COLD WAR in visual English-language political discourse: semiotic representation and pragmatics of internet memes and political cartoons (2020–2025). *Philological sciences in MGIMO*, *12*(1), 8–28.

5. Novak, D. V. (2024). Formirovanie mediaobraza politika = Formation of the media image of a politician. *Young scientist*, *17*(516), 380–382. EDN QKTJXF.

6. Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaya lingvistika = Political linguistics. Textbook. Moscow: Flinta, 256 p. ISBN 5-89349-897-9.

7. Abd Ali, H. N. (2025). A Multi-modal Critical Discourse Analysis of Selected English Political Cartoons. *Journal of Col-*

lege of Education, *60*(2), 613–630. DOI 10.31185/eduj.Vol60.Iss2.4518.

8. Al-Momani, K., Badarneh, M. A., Migdadi, F. (2017). A semiotic analysis of political cartoons in Jordan in light of the Arab Spring. *Humor*, *30*(1), 63–95. DOI 10.1515/humor-2016-0033.

9. Dugalich, N. M. (2018). Political cartoon as a genre of political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *9*(1), 158–172. DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172.

10. El Rafaie, E. (2003). Understanding visual metaphor: the example of newspaper cartoon. *Visual Communication*, *2*(1), 75–95. DOI 10.1177/1470357203002001755 (In English).

11. Kress, G., van Leeuwen, T. (2006). Reading images: The grammar of visual design. 2nd ed. London: Routledge. 321 p. DOI 10.4324/9780203619728.

12. Merkouraki, M., Tzioti, K. (2024). Mapping the Trump—Harris First Presidential Debate: Narratives of Trumpism Propagation Rattle Voters' Ontological Security. *Journal of Social and Political Sciences*, *7*(4), 45–62.

13. Mielczarek, N. (2023). The Trump Presidency in Editorial Cartoons. Lanham: Lexington Books. 171 p. ISBN 978-1-6669-1216-6.

14. Morales Dominguez, L., Fuenteferia Rodriguez, D. (2026). The treason of the Trump: analysis of the USA president's position on the Ukraine War during the first half of 2025 in the western political cartoon. *Revista de Comunicación*, *25*(1), 273–296. DOI 10.26441/rc25.1-2026-4211.

15. Negro Alousque, I. (2013). Visual metaphor and metonymy in French political cartoons. *RESLA*, *26*, 365–384.

16. Pavlina, S. Y. (2025). British and American Political Cartoons in Sociocultural Context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *16*(1), 61–76. DOI 10.22363/2313-2299-2025-16-1-61-76.

17. Pinar-Sanz, M. (2020). Humour and intertextuality in Steve Bell's political cartoons. *The European Journal of Humour Research*, *8*(3), 16–39. DOI 10.7592/EJHR2020.8.3.Pinar-Sanz.

18. Seymour-Ure, C. (2001). What Future for the British Political Cartoon? *Journalism Studies*, *2*(3), 333–355. DOI 10.1080/14616700120062202.

19. Tsakona, V. (2009). Language and image interaction in cartoons: Towards a multimodal theory of humor. *Journal of Pragmatics*, *41*(6), 1171–1188. DOI 10.1016/j.pragma.2008.12.003.

20. Van Leeuwen, T. (2011). Multimodal Discourse Analysis. *The Routledge Handbook of Discourse Analysis (Eds. J. P. Gee, M. Handford)*, 120–137. London: Routledge. DOI 10.4324/9780203809068.ch9.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 81'42+81'38+325
ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621 *ГРНТИ 16.31.02* *Код ВАК 5.9.8*

Наталья Васильевна Мамонова
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, natalya-mamonova@rambler.ru, SPIN-код: 9717-9727, https://orcid.org/0000-0002-3368-3632

Миграционный медиадискурс в условиях глобализации: когнитивно-лингвосинергетический аспект

АННОТАЦИЯ. *В условиях глобализации миграционный дискурс превратился в механизм формирования общественного сознания и социально значимых установок. Данная статья освещает когнитивно-лингвосинергетический анализ этого миграционного медиадискурса, объединяющий подходы когнитивной лингвистики, дискурс-анализа и синергетики. Автор показывает, как отрицательно заряженные метафоры «вторжения», «потока» и «нашествия» инициируют когнитивную схему «внешней угрозы» в сознании реципиентов, которая активирует страх и тревогу. Эмоционально заряженная лексика медиатекстов о миграции формирует устойчивые, но зависимые от этого потока когнитивные структуры (массмедийные концепты) и способствует усилению медиадискурсивных манипуляций. Когнитивно-лингвосинергетический подход рассматривает миграционный медиадискурс как самоорганизующуюся, нелинейную систему, устойчивую благодаря негативно окрашенным обратным связям и эмоциональной заряженности, генерируемых средствами массовой информации и алгоритмами социальных сетей. Особое внимание уделено роли глобализации в транснациональном распространении и формировании медиадискурсивных экосистем. В заключение предлагаются пути деэскалации: когнитивный рефрейминг метафор, развитие медиаграмотности и создание альтернативных, позитивно заряженных массмедийных концептов через диалог и инклюзивную коммуникацию. Автор приходит к выводу, что язык не просто описывает процессы миграции, язык конструирует их, и именно поэтому осознанное управление медиадискурсивными практиками становится ключом к построению гармоничных взаимоотношений в обществе.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *миграционный дискурс, миграция населения, миграционные потоки, журналистика, медиалингвистиква, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, тема миграции, когнитивная лингвосинергетика, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, глобализация, медиаграмотность.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Мамонова Наталья Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры теории и практики английского языка, доцент кафедры делового иностранного языка, факультет лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, email: natalya-mamonova@rambler.ru.*

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00134, https://rscf.ru/project/25-28-00134/.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Мамонова, Н. В.* Миграционный медиадискурс в условиях глобализации: когнитивно-лингвосинергетический аспект / Н. В. Мамонова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 93-97.

Natal′ya V. Mamonova
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, natalya-mamonova@rambler.ru, SPIN code: 9717-9727, https://orcid.org/0000-0002-3368-3632

Migration Media Discourse in the Context of Globalization: A Cognitive-Linguosynergetic Aspect

ABSTRACT. *In the context of globalization, migration discourse has turned into a mechanism of formation of social consciousness and socially significant attitudes. This article offers a cognitive-linguosynergetic analysis of this migration media discourse, combining the approaches of cognitive linguistics, discourse analysis and synergetics. The author shows how negatively charged metaphors of "invasion", "flow", and "incursion" initiate a cognitive scheme of "external threat" in the recipients' consciousness, which activates fear and anxiety. The emotionally charged vocabulary of media texts about migration forms stable cognitive structures (mass media concepts) that are dependent on this flow and contributes to the intensification of media discourse manipulations. The cognitive-linguosynergetic approach considers migration media discourse as a self-organizing, non-linear system, stable due to the negatively colored feedback and the emotional charge generated by mass media and social network algorithms. Special attention is paid to the role of globalization in the transnational dissemination and formation of media discourse ecosystems. The conclusion highlights the following ways of de-escalation: cognitive reframing of metaphors and development of media literacy and creation of alternative, positively charged media concepts through dialogue and inclusive communication. The author comes to the conclusion that language does not just describe migration processes, language constructs them, and that is why conscious management of media discursive practices becomes the key to building harmonious relationships in society.*

© Мамонова Н. В., 2026

KEYWORDS: *migration discourse, migration of population, migration flows, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, topic of migration, cognitive linguosynergetics, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, globalization, media literacy.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Mamonova Natal'ya Vasil'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Business Foreign Language, Senior Researcher of Department of the Theory and Practice of English, Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

ACKNOWLEDGMENTS. The research is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation grant № 25-28-00134, https://rscf.ru/project/25-28-00134/.

FOR CITATION: *Mamonova N. V.* (2026). Migration Media Discourse in the Context of Globalization: A Cognitive-Linguosynergetic Aspect. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 93-97. (In Russ.).

Глобализация, как масштабный исторический процесс, перекраивает не только экономику, политику и технологии, но и само наше представление о человеке, пространстве и идентичности. Одним из самых заметных и важных проявлений этого является миграция. Люди перемещаются через границы по собственному желанию или по принуждению, из-за экономических, экологических, военных, социальных или культурных факторов. В эпоху глобализации миграция вышла за рамки простого демографического явления и стала одним из ключевых элементов современного медиадискурса.

Миграционный медиадискурс выходит за рамки обычных высказываний о мигрантах. Как сложная, нелинейная система знаков и смыслов, миграционный медиадискурс определяет общественное мнение, политические приоритеты и индивидуальные взгляды в области миграции. Это неравновесная, неустойчивая система, в которой язык выступает не только как инструмент коммуникации, но и как механизм конструирования реальности. Миграционный медиадискурс формирует представления о «своих» и «чужих», о «безопасности» и «угрозе», о «гуманности» и «неприемлемости». Для полного осмысления этих процессов необходим междисциплинарный подход, объединяющий лингвистику, когнитивные науки, социологию, политологию и синергетику. Когнитивно-лингвосинергетический подход позволяет выявить, как миграционный дискурс не просто отражает действительность, но и активно ее конструирует, преобразует и закрепляет определенные представления в медиадискурсе.

Исследование миграционного медиадискурса в контексте глобализации предполагает применение когнитивно-лингвосинергетического анализа. Представляется целесообразным углубиться в изучение взаимосвязи языка и мышления в контексте восприятия миграции. Особое внимание уделяется анализу роли когнитивных схем, метафор и лингвистических структур в формировании медиаобразов мигрантов в языковом сознании реципиентов средств массовой информации. Для лучшего понимания процессов в миграционном медиадискурсе необходимо исследовать, как синергетические принципы объясняют динамику медиадискурса, обострение конфликтов и какие возможности существуют для снижения конфликтогенности через осознанное управление языком.

В когнитивной лингвистике язык не является нейтральным средством коммуникации, а скорее отражает структуры человеческого мышления [Лакофф, Джонсон 2004; Кубрякова, 2004; Болдырев 2004; Абакумова, Абрамова, Александрова и др. 2024]. Мышление опирается на метафоры, которые функционируют как когнитивные схемы, формирующие восприятие мира. В контексте миграционного медиадискурса эти схемы демонстрируют значительную эффективность в воздействии на аудиторию.

Метафорические конструкции имеют первостепенное значение в медиакоммуникациях. Их функционал включает оптимизацию передачи информации, усиление воздействия на целевую аудиторию и моделирование ее представлений о действительности [Будаев 2016; Чудинов, Будаев, Солопова 2020].

Восприятие мигрантов зачастую связанно с природными катастрофами, такими как наводнения или эпидемии [Fairclough 1995; van Dijk 1993]. Эти метафоры представляют одну из наиболее устойчивых и деструктивных метафор в миграционном дискурсе, представления о мигрантах как о «потоке» или «вторжении». Эта образность находит свое место в языке медиа и социальных сетей, где миграционные явления описываются как «волны», «потоки», «наводнения» и «инвазии».

Применение данных формулировок инициирует в сознании реципиентов когнитивную схему «внешней угрозы», которая имеет глубокие корни, связанные с защитой территории, ресурсов и генетической целостности. Исследования в области когнитивной семантики убедительно показывают, что метафоры «вторжения» и «наводнения» не являются нейтральным описанием миграционных процессов, а, напротив, эмоционально

нагружают их как катастрофические события, вызывая страх, отвращение и потребность в «защите» [Лакофф, Джонсон 2004; Charteris-Black 2005; Кушнерук 2025].

Существует также распространенная когнитивная модель, представляющая мигрантов как потребителей ресурсов, которые оказывают нагрузку на социальную систему [Шустова, Зубарева 2025]. Эта модель часто опирается на аналогию «государство как организм», где бюджет рассматривается как жизненно важная жидкость, а мигранты как фактор, нарушающий его нормальное функционирование. Такие формулировки запускают дихотомии «свой/чужой» и «чистый/нечистый», связанные с разного рода традициями, где мигрант воспринимается не просто как чужак, а как нечто нечистое, нарушающее социальную гармонию.

В противовес негативным стереотипам, существует альтернативная когнитивная схема, представляющая мигрантов как жертв обстоятельств, беженцев или как героев, стремящихся к свободе [Шустова, Малахова 2025]. Эта метафора, часто встречающаяся в гуманитарных кругах, оперирует понятиями «спасения» и «освобождения». Подобные медиадискурсивные практики могут непреднамеренно привести к депривации субъектности мигрантов. В результате они воспринимаются скорее как объекты сострадания, нежели как полноправные субъекты, обладающие правом на выбор и активное участие в собственной жизни.

Синергетика, изучающая, как сложные системы самоорганизуются, предлагает новый взгляд на миграционный медиадискурс, как на динамическую, адаптивную и непредсказуемую когнитивную систему. В этом контексте концепты, связанные с темой миграции, могут демонстрировать нелинейность: небольшие изменения в окружении (политика, эмоции) могут кардинально изменить восприятие самого явления, что в терминах когнитивной лингвосинергетики именуется «точками бифуркации». В контексте миграционного медиадискурса обратные связи действуют как спирали усиления. Начало этому процессу может положить негативное освещение мигрантов в средствах массовой информации, вызывая страх или негодование у населения. Это может подталкивать людей к поддержке радикальных политических сил. Получив такую поддержку, агрессивная риторика усиливается, что провоцирует средства массовой информации на еще более жесткое освещение темы. Таким образом формируется самоподдерживающаяся спираль, ведущая к увеличению конфликтогенного потенциала миграционного медиадискурса.

По И. Пригожину, сложные системы, чтобы существовать, должны быть далеки от равновесия [Prigogine 1980; Olizko, Mamonova, Samkova 2020]. Миграционный медиадискурс постоянно насыщается эмоционально заряженными медиатекстами, где формируются устойчивые, но зависимые от постоянного притока эмоционально заряженных медиатекстов когнитивные структуры (массмедийные концепты). Поэтому попытки объективно осветить тему миграции часто не могут конкурировать с эмоционально заряженными медиатекстами.

Влияние глобализации выходит за рамки простого увеличения миграционных потоков, трансформируя саму суть глобального общественного дискурса. Если ранее формирование общественного мнения было сосредоточено в руках традиционных медиа и политических элит, то сегодня эту роль перехватывают алгоритмы социальных сетей и платформ. Приоритет отдается медиаконтенту, генерирующему максимальную вовлеченность, а не его фактическую достоверность. Сенсационные, провокационные и эмоционально заряженные медиатексты получают непропорционально больший охват.

Процессы глобализации неизбежно приводят к культурной гибридизации, проявляющейся в синкретизме языков, социальных норм и ценностных ориентаций [Мамонова, Олизько 2025]. Для определенных социальных групп это порождает экзистенциальный кризис идентичности, выражающийся в вопросах самоопределения и этнокультурной принадлежности. В данном контексте миграционный медиадискурс трансформируется в механизм конструирования идентичности, основанный не на инклюзивном диалоге, а на эксклюзии.

Когнитивная рефрейминг-стратегия или трансформация метафорического языка предполагает целенаправленную замену метафор, несущих негативные или агрессивные коннотации, на более нейтральные или позитивные эквиваленты [Lakoff 2014]. В частности, предлагается использовать термины «переселение», «перемещение» или «взаимодействие» вместо «вторжение», а также «новый участник экономики» или «человек с навыками» вместо «паразит», «абу-бандит».

Развитие лингвистической рефлексии реализуется через формирование медиакомпетентности. Необходимость обучения граждан навыкам распознавания дискурсивных манипуляций в медиадискурсе является первостепенной задачей. Это включает в себя критический анализ следующих аспек-

тов: лексический выбор и его импликации, идентификация субъекта действия (агента), выявление скрытых пресуппозиций, оценка эмоционального воздействия сообщения. Данный комплекс навыков представляет собой новую парадигму гражданской медиаграмотности.

Когнитивно-лингвосинергетический механизм воздействия на миграционный медиадискурс фокусируется на формировании привлекательных альтернатив существующим негативно окрашенным массмедийным концептам. Создание позитивно окрашенных медиатекстов на тему миграции и ассимиляции мигрантов способствует формированию новой системы ценностей. Концепция «дискурсивной экологии» предлагает политику, направленную на создание благоприятной среды для сосуществования различных точек зрения, а не их подавления. Это достигается через прозрачное регулирование алгоритмов социальных сетей и платформ, поддержку медиа, продвигающих гуманистические ценности, внедрение в школах образовательных программ по медиаграмотности, создание площадок для диалога между мигрантами и местным населением.

Миграционный медиадискурс двойственен по своей природе. Он является как платформой для конфронтации, так и источником потенциала для развития. Миграционный медиадискурс в контексте глобализации выходит за рамки простой совокупности речевых актов. Это динамическая, самоорганизующаяся когнитивно-лингвосинергетическая система, которая активно конструирует наше мировосприятие, детерминирует политические решения, оказывает влияние на правовую базу и изменяет жизненные траектории миллионов людей. Миграционный медиадискурс является результатом социального конструирования и, следовательно, поддается деконструкции и реконструированию.

Когнитивно-лингвосинергетический анализ показывает неэффективность борьбы с отрицательно окрашенными смысловыми структурами миграционного медиадискурса как с антагонистами ввиду их высокой устойчивости, невозможность игнорирования этих структур ввиду их высокой значимости. Однако следует отметить возможность целенаправленного вмешательства в их структуру, изменения используемых метафор, перераспределения их эмоционального потенциала и формирования новых смысловых структур в виде массмедийных концептов.

Глобализация не нивелирует различия, а, напротив, делает их имманентными. Ключевой вопрос заключается не в «прекращении миграции», а в способах ее осмысления и вербализации. Важно осознавать, что язык не просто описывает действительность, но активно конструирует ее. Продолжая использовать риторику, которая изображает мигрантов как «вторжение», мы неизбежно способствуем формированию общества, охваченного тревогой и разобщенностью. Изменение риторики миграционного медиадискурса позволит воспринимать мигрантов как равноправных участников в построении новых моделей социально значимого поведения с помощью медиадискурсивных практик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18–36. — EDN OPVZUJ.

2. Будаев, Э. В. Метафора и социальный мир / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2016. — № 5 (59). — С. 172–175. — EDN XACHHF.

3. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры. — 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8. — EDN SUQHIP.

4. Кушнерук, С. Л. Индикаторы конфликтогенности межкультурного взаимодействия в телеграм-каналах: дискурсивный анализ визуальных фреймов / С. Л. Кушнерук // Terra Linguistica. — 2025. — Т. 16, № 4. — С. 74–91. — DOI 10.18721/JHSS.16405. — EDN ZQEYIE.

5. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00222-2. — EDN QRAADX.

6. Мамонова, Н. В. Культурно-ценностная матрица языкового сознания в условиях глобализации: когнитивно-лингвосинергетический аспект (1985–1987 гг.) / Н. В. Мамонова, Н. С. Олизько. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос.ун-та, 2025. — 170 с. — ISBN 978-5-7271-2099-6. — EDN YANWOI.

7. Межкультурная коммуникация как область научного исследования и академическая дисциплина / О. Б. Абакумова, Е. И. Абрамова, О. В. Александрова [и др.]. — Москва : Наука, 2024. — 560 с. — ISBN 978-5-907673-41-0. — EDN LNAUBL.

8. Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. — Москва : Флинта, 2020. — 234 с. — ISBN 978-5-9765-4326-3. — EDN GUGOYK.

9. Шустова, С. В. Концептуальное поле «Миграция»: опыт лингвистического моделирования / С. В. Шустова, Е. О. Зубарева. — Москва : Ленанд, 2025. — 180 с. — ISBN 978-5-9710-9184-4. — EDN IUORXE.

10. Шустова, С. В. Миграция в семантическом пространстве русского, китайского и английского языков / С. В. Шустова, Е. В. Малахова. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2025. — 189 с. — ISBN 978-5-7944-4270-0. — EDN CIVOBU.

11. Charteris-Black, J. Politicians and rhetoric: the persuasive power of metaphor / J. Charteris-Black. — Houndmills, Basingstoke, Hampshire : Palgrave Macmillan, 2005. — 256 p. — ISBN 1-4039-4689-2.

12. Dijk, van T. A. Elite Discourse and Racism / T.A. van Dijk. — Newbury Park ; London ; New Delhi : SAGE Publications, 1993. — 331 p. — (Sage Series on Race and Ethnic Relations ; Vol. 6). — ISBN 0-8039-5070-5.

13. Fairclough, N. Critical discourse analysis: the critical study of language / N. Fairclough. — London ; New York : Longman, 1995. — 279 p. — ISBN 0-582-21980-9.

14. Lakoff, G. The All New Don’t Think of an Elephant! /

G. Lakoff. — White River Junction, Vermont : Chelsea Green Publishing, 2014. — 164 p. — ISBN 9781603585941.

15. Olizko, N. Semiotic And Synergetic Methods Of Text Analysis / N. Olizko, N. V. Mamonova, M. A. Samkova // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS : Proceedings of the X International Conference, Chelyabinsk, 27–29 Apr. 2020 / Chelyabinsk State University. — Chelyabinsk : Челябинский государственный университет, 2020. — Vol. 86. — P. 1056–1063. — DOI 10.15405/epsbs.2020.08.123. — EDN WLZBJQ.

16. Prigogine, I. From Being to Becoming / I. Prigogine. — New-York : W.H.Freeman and company, 1980. — 273 p. — ISBN 0-7176-1107-9.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2004). Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoi lingvistiki = Conceptual space of cognitive linguistics. *Questions of cognitive linguistics*, *1*, 18-36. EDN OPVZUJ.

2. Budaev, E. V. (2016). Metafora i sotsial'nyi mir = The metaphor of this social world. *Political Linguistics*, *5*(59), 172–175. EDN XACHHF.

3. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanii o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira = Language and knowledge: on the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 560 p.

4. Kushneruk, S. L. (2025). Indikatory konfliktogennosti mezhkul'turnogo vzaimodeistviya v telegram-kanalakh: diskursivnyi analiz vizual'nykh freimov = Indicators of the conflictogenicity of intercultural interaction in telegram channels: a discursive analysis of visual frames. *Terra Linguistica, 16*(4), 74–91. DOI 10.18721/JHSS.16405. EDN ZQEYIE.

5. Lakoff, J., Johnson, M. (2004). Metafory, kotorymi my zhivem = The metaphors we live. Moscow: Editorial URSS, 256 p.

6. Mamonova, N. V., Olizko, N. S. (2025). Kul'turno-tsennostnaya matritsa yazykovogo soznaniya v usloviyakh globalizatsii: kognitivno-lingvosinergeticheskii aspekt (1985-1987 gg.) = The cultural and value matrix of linguistic consciousness in the context of globalization: the cognitive-linguistic-synergetic aspect (1985-1987). Chelyabinsk: Publishing House of the Chelyabinsk State University, 170 p. EDN YANWOI.

7. Abakumova, O. B., Abramova, E. I., Alexandrova, O. V. and others (2024). Mezhkul'turnaya kommunikatsiya kak oblast' nauchnogo issledovaniya i akademicheskaya distsiplina = Intercultural communication as a field of scientific research and an academic discipline. Moscow: Nauka Publishing House, 560 p. EDN LNAUBL.

8. Chudinov, A. P., Budaev, E. V., Solopova, O. A. (2020). Politicheskaya metaforologiya: Diskursivnyi povorot = Political Metaphorology: A Discursive Turn. Moscow: Flinta, 234 p. EDN GUGOYK.

9. Shustova, S. V., Zubareva, E. O. (2025). Kontseptual'noe pole «Migratsiya» : opyt lingvisticheskogo modelirovaniya = The conceptual field of Migration: The Experience of linguistic Modeling. Moscow: Lenand, 180 p. EDN IUORXE.

10. Shustova, S. V., Malakhova, E. V. (2025). Migratsiya v semanticheskom prostranstve russkogo, kitaiskogo i angliiskogo yazykov = Migration in the semantic space of Russian, Chinese and English languages. Perm: Perm State National Research University, 189 p. EDN CIVOBU.

11. Charteris-Black, J. (2005). Politicians and rhetoric : the persuasive power of metaphor. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 256 p.

12. Dijk, van T. A. (1993). Elite Discourse and Racism. Sage Series on Race and Ethnic Relations, Vol. 6. Newbury Park, London, New Delhi: SAGE Publications, 331 p.

13. Fairclough, N. (1995). Critical discourse analysis: the critical study of language. London, New York: Longman Group Limited, 279 p.

14. Lakoff, G. (2014). The All New Don’t Think of an Elephant! White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing, 164 p.

15. Olizko, N. S., Mamonova, N. V., Samkova, M. A. (2020). Semiotic And Synergetic Methods Of Text Analysis. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. EpSBS: Proceedings of the X International Conference, Chelyabinsk, 27—29 April 2020. Vol. 86*, 1056–1063. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. DOI 10.15405/epsbs.2020.08.123. EDN WLZBJQ.

16. Prigogine, I. (1980). From Being to Becoming. New York : W.H.Freeman and company, 273 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27; 16.41.21; 16.21.33* *Код ВАК 5.9.6*

Анна Евгеньевна Морозова
Томский государственный университет, Томск, Россия, ann.morozo@yandex.ru, SPIN-код: 8072-4990

Эволюция метафорических моделей Брекзита в дискурсе «The Guardian» (2016–2022)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу метафорического образа Брекзита в дискурсе «The Guardian» 2016–2022 гг. На материале публикаций указанной газеты (12 статей, 109 метафорических выражений) методом сплошной выборки выделены пять доминирующих метафорических моделей: DIVORCE (развод), WAR (война), JOURNEY (путь), ILLNESS (болезнь) и IMPRISONMENT (тюрьма/освобождение). С помощью квантитативного и качественного анализа показана эволюция моделей в соответствии с четырьмя хронологическими этапами (2016–2022): на этапе 1 доминирует IMPRISONMENT (38 %), на этапе 3 — WAR (50 %), на этапе 4 — ILLNESS (25 %). Модель JOURNEY присутствует на всех этапах со стабильной частотой (13–28 %), выполняя функцию сквозного нарратива. В отличие от предшествующих исследований, работа охватывает весь период активного брекзит-дискурса и включает историческую ретроспективу — сравнение с дискурсом о вступлении Великобритании в ЕЭС в 1970-е гг. Делается вывод, что конфликтные метафоры (война, тюрьма) являются специфической чертой именно брекзитовского дискурса и связаны с поляризацией общества. Кроме того, исследование показывает, что метафорический арсенал медиа зависит не только от событийного контекста, но и от идеологической позиции издания, что подтверждает тезис о дискурсивной природе политической поляризации.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая лингвистика, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, концептуальные метафоры, языковые единицы, языковые средства, Брекзит, метафорические образы, метафорические выражения, журналистика, медиалингвистиква, британские СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, дискурс-анализ.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Морозова Анна Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, преподаватель английского языка, кафедра международной деловой коммуникации, факультет исторических и политических наук, Томский государственный университет, Томск, Россия, email: ann.morozo@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Морозова, А. Е.* Эволюция метафорических моделей Брекзита в дискурсе «The Guardian» (2016–2022) / А. Е. Морозова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 98-107.

Anna E. Morozova
Tomsk State University, Tomsk, Russia, ann.morozo@yandex.ru, SPIN code: 8072-4990

The Evolution of Brexit Metaphorical Models in *The Guardian* Discourse (2016–2022)

ABSTRACT. *The article analyzes the metaphorical image of Brexit in the British press from 2016 to 2022. Based on a corpus of publications from The Guardian (12 articles, 109 metaphorical expressions), five dominant metaphorical models have been singled out through continuous sampling: DIVORCE, WAR, JOURNEY, ILLNESS, and IMPRISONMENT. Quantitative and qualitative analysis reveals the evolution of these models across four chronological stages (2016—2022): Stage 1 is dominated by IMPRISONMENT (38%), Stage 3 by WAR (50%), Stage 4 by ILLNESS (25%). The JOURNEY model remains stable across all stages (13—28%), functioning as an overarching narrative. Unlike previous studies, this work covers the entire active period of Brexit discourse and includes a historical retrospective — a comparison with the discourse on the UK's accession to the EEC in the 1970s. It is concluded that conflict metaphors (war, imprisonment) are a specific feature of the Brexit discourse and are linked to societal polarization. In addition, the study shows that the metaphorical arsenal of media depends not only on the event-driven context, but also on the ideological position of the publication, which confirms the thesis about the discursive nature of political polarization.*

KEYWORDS: *political linguistics, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, conceptual metaphors, linguistic units, linguistic means, Brexit, metaphorical images, metaphorical expressions, journalism, media linguistics, British media, mass media, media discourse, media texts, mass media language, discourse analysis.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Morozova Anna E., Candidate of History, Associate Professor of Department of International Business Communication, Faculty of History and Political Science, Tomsk State University, Tomsk, Russia.*

FOR CITATION: *Morozova A. E.* (2026). The Evolution of Brexit Metaphorical Models in *The Guardian* Discourse (2016–2022). In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 98-107. (In Russ.).

© Морозова А. Е., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящего исследования обусловлена значимостью политического дискурса как инструмента формирования общественного мнения и, в частности, той ролью, которую метафора играет в осмыслении сложных социально-политических процессов. Выход Великобритании из Европейского союза (Brexit), ставший одним из самых обсуждаемых событий европейской политики 2016–2022 гг., породил в британских средствах массовой информации интенсивную метафорическую репрезентацию. Как показали Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff & Johnson 2008], метафора — не просто риторическое украшение, но когнитивный механизм, структурирующий восприятие реальности. В политическом дискурсе она выполняет прагматическую функцию: позволяет журналистам и политикам навязывать определенную интерпретацию событий и мобилизовать эмоциональную поддержку аудитории.

Объектом исследования выступают метафорические модели, репрезентирующие процесс Брекзита в британской публицистике 2016–2022 гг. Предметом исследования являются частотность, эволюция и идеологическая маркированность этих моделей. Цель работы — выявить доминирующие метафорические модели и проследить их динамику от референдума до пост-брекзитовского периода.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Сформировать репрезентативный корпус текстов *The Guardian* за 2016—2022 гг.
2. Выделить и категоризировать метафорические выражения в соответствии со сферами-источниками.
3. Подсчитать абсолютную и относительную частотность каждой метафорической модели в целом по корпусу, а также в разрезе четырех хронологических этапов.
4. Проанализировать эволюцию моделей в связи с ключевыми политическими событиями (референдум, запуск статьи 50, парламентский кризис 2019 г., завершение переговоров).
5. Интерпретировать динамику метафорических моделей в связи с политическими событиями.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые:

- охвачен период Брекзита (2016–2022), а не только его начальный этап;
- прослежена эволюция метафорических моделей в дискурсе одного издания на всем протяжении Брекзита;
- включена историческая ретроспектива — сопоставление с дискурсом о вступлении Великобритании в ЕЭС в 1970-е гг., что позволяет оценить новизну конфликтных метафор современного этапа.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении представлений о динамике политической метафоры в условиях затяжного кризиса. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов в курсах по политической лингвистике, дискурс-анализу и медиаанализу.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Концептуальная метафора как инструмент политического дискурса

Исследование выполнено в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, согласно которой метафора понимается не только как риторический прием, но и как фундаментальный механизм мышления [Будаев 2007; Kövecses 2010; Semino 2008], структурирующий восприятие и оценку действительности. Основополагающая работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson 2008; Lakoff 2008] заложила теорию концептуальной метафоры, согласно которой абстрактные понятия (время, любовь, политика) осмысляются через более конкретные сферы-источники (путь, война, здание и др.). В российской науке эта теория была успешно адаптирована и развита в работах А. П. Чудинова [Чудинов 2007; Чудинов 2003], который применил её к анализу политического дискурса и выделил типичные метафорические модели (война, путь, болезнь, игра и др.), регулярно используемые в СМИ и публичной риторике.

Метафора в политическом дискурсе выполняет не только когнитивную, но и прагматическую функцию: она позволяет политикам и журналистам навязывать определенную интерпретацию событий, активировать нужные эмоциональные реакции и формировать общественное мнение. Как отмечает А. Масолф [Musolff 2016], метафорические сценарии в политике служат своего рода «фреймами», которые направляют понимание сложных явлений через знакомые бытовые ситуации (развод, путешествие, лечение).

2.2. Исследования политической метафоры в России

В российской лингвистике политическая метафора стала предметом систематического изучения благодаря работам Е. В. Будаева и А. П. Чудинова [Будаев, Чудинов 2008]. В учебном пособии «Зарубежная политическая лингвистика» обобщаются основные западные подходы — от критического дискурс-анализа до когнитивной теории метафоры — и предлагается методика анализа метафо-

рических моделей в публичной коммуникации [см. также: Зарипов 2024]. Эта методика, основанная на выделении доминирующих концептуальных метафор и подсчете их частотности, была использована в ряде эмпирических исследований российских и зарубежных политических событий.

Прямо к теме Брекзита обращается работа В. П. Новиковой [Новикова 2019], в которой на материале британских СМИ анализируются метафорические модели, использующиеся для концептуализации выхода Великобритании из ЕС. Автор выделяет спортивные, гастрономические, театральные и милитаристские метафоры, показывая их распределение в зависимости от политической ориентации издания. Данное исследование служит для нас отправной точкой, однако оно ограничивается материалом 2016–2018 гг. и не рассматривает эволюцию метафор на всем протяжении Брекзита (до 2022 г.), а также не включает историческую ретроспективу — сравнение с дискурсом о вступлении Великобритании в ЕЭС в 1970-е гг., что составляет новизну настоящей работы.

2.3. Международные исследования метафоры Брекзита

За рубежом метафора Брекзита привлекла внимание многих лингвистов и дискурс-аналитиков. Т. Джурович и Н. Силашки [Đurović T., Silaški 2018] провели детальный анализ метафорических моделей DIVORCE (развод) и WAR (война) в британской прессе 2016–2017 гг., показав, что доминирование той или иной модели коррелирует с позицией издания по отношению к Брекзиту. Авторы приходят к выводу, что метафора развода постепенно уступает место метафоре войны по мере углубления политического кризиса.

Особого внимания заслуживает исследование Д. Жаме и П. Роде [Jamet, Rodet 2022], посвященное метафорическому сценарию JOURNEY (путь) в речах трех британских премьер-министров — Д. Кэмерона, Т. Мэй и Б. Джонсона. Анализируя корпус парламентских выступлений, авторы показывают, как метафора пути (переход, перекресток, пункт назначения) использовалась для управления ожиданиями и легитимации политических решений. Хотя это исследование ограничено жанром политической речи, его методология (выделение метафорических сценариев) применима и к газетному дискурсу.

Систематическое изложение методов анализа политической метафоры представлено в монографии А. Масолфа [Musolff 2016], который вводит понятие метафорического сценария — развернутой последовательности образов, связанных с одной сферой-источником (например, «переговоры о Брекзите — это шахматная партия»). Этот подход позволяет анализировать не только изолированные метафоры, но и целые нарративы, что релевантно для нашего материала.

Наконец, в самой свежей работе В. Мартин де ла Роса [Martín De La Rosa 2023] исследуется роль образных схем (image schemas), в частности схем CONTAINER (контейнер) и FORCE (сила), в аргументации Брекзита (лозунг «Take back control»). Хотя эта работа выполнена в русле когнитивной семантики, а не дискурс-анализа, она подтверждает, что абстрактные гештальты (свой/чужой, контроль / потеря контроля) лежат в основе многих метафорических выражений о Брекзите.

2.4. Исследовательская лакуна и цель настоящей работы

Обзор литературы показывает, что метафора Брекзита достаточно изучена на материале начального периода (2016–2018) и преимущественно на небольших корпусах текстов (речи, одна газета). В то же время остаются недостаточно исследованными:

- **динамика метафор** на протяжении всего процесса Брекзита (2015–2022) с выделением этапов;
- **различия в метафорических предпочтениях** между левыми и правыми изданиями в один и тот же период;
- **историческая ретроспектива** — сравнение с дискурсом о вступлении Великобритании в ЕЭС в 1970-е гг.

Настоящая работа призвана восполнить этот пробел. Цель исследования — выявить доминирующие метафорические модели в британской публицистике о Брекзите и проследить их эволюцию от референдума до пост-брекзитовского периода, используя корпус публикаций *The Guardian* за 2015—2022 гг.

3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Материал исследования

Материалом исследования послужили публикации британской газеты *The Guardian*, посвященные процессу выхода Великобритании из Европейского союза (Brexit). Выбор издания обусловлен его репрезентативной левоцентристской позицией, значительным объемом аналитических материалов по проблематике Брекзита, а также доступностью полных текстов. Всего проанализировано 12 статей, включая редакционные передовицы (editorials), экономические обзоры и потребительские колонки.

Таблица 1. Этапы осмысления Брекзита в прессе

Этап	Период	Ключевое событие
Этап 1	Январь 2016 — июнь 2016	Агитационная кампания перед референдумом
Этап 2	Июль 2016 — март 2017	Запуск статьи 50 Лиссабонского договора
Этап 3	Апрель 2017 — декабрь 2020	Переговорный процесс и выход из ЕС
Этап 4	Январь 2021 — 2022	Пост-брекзитовский период

Хронологические рамки исследования охватывают период с **2016 по 2022 год** и делятся на четыре этапа, соответствующих ключевым политическим вехам Брекзита (табл. 1).

Из каждого этапа было отобрано по **3 текста** (всего 12 текстов). Тип текстов — **аналитические статьи и колонки** (opinion pieces, analysis, comment), поскольку именно в них метафорическое осмысление событий наиболее эксплицитно. Новостные заметки (news reports) в корпус не включались ввиду их преимущественно фактологического характера.

Объем корпуса составил **109 метафорических выражений**, идентифицированных методом сплошной выборки.

3.2. Методологическая рамка

Исследование выполнено в рамках **когнитивно-дискурсивной парадигмы**. Основой служит **теория концептуальной метафоры**, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, согласно которой метафора понимается не как троп, а как когнитивный механизм, структурирующий мышление и восприятие действительности.

Дополнительно применяется **дискурсивно-исторический подход** Р. Водак [Wodak 2009; см. также Wodak, Meyer 2015], позволяющий связать языковые явления с политическим и историческим контекстом. Это особенно важно для настоящего исследования, поскольку метафорическая динамика интерпретируется в привязке к конкретным событиям (референдум, парламентский кризис 2019 г., окончательный выход). Теоретической базой также послужили работы по критическому дискурс-анализу [Fairclough 2013; Hart 2014].

3.3. Методы анализа

3.3.1. Идентификация метафор

Метафоры выявлялись методом **сплошной выборки** на основе критериев, предложенных в работах А. П. Чудинова [Чудинов 2007: 45] и Э. В. Будаева [Будаев 2016]. Метафорическим признавалось слово или выражение, которое:

- используется в непрямом значении;
- имеет сферу-источник (source domain), отличную от сферы-мишени (target domain);
- может быть парафразировано через сравнение с указанием семантического переноса.

Пример: «The UK is filing for divorce from the EU» — сфера-источник: СЕМЬЯ / БРАК, сфера-мишень: ПОЛИТИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ.

3.3.2. Категоризация метафорических моделей

Каждое выявленное метафорическое выражение относилось к одной из метафорических моделей на основе сферы-источника. Выделенные и проанализированные модели обобщенно представлены в таблице 2.

В случае принадлежности выражения к нескольким моделям одновременно (например, «выйти из тюремного брака») использовался принцип **доминирующей сферы-источника** на основе контекстуальной интерпретации.

Таблица 2. Метафорические модели Брекзита по сфере-источнику

Модель	Сфера-источник	Пример
DIVORCE / БРАК	Семейные отношения	«divorce», «separation», «marriage»
WAR / БОРЬБА	Военные действия	«battle», «war cabinet», «surrender»
JOURNEY / ПУТЬ	Пространственное движение	«road», «destination», «crossroads»
ILLNESS / БОЛЕЗНЬ	Медицина	«poison», «infection», «cure»
IMPRISONMENT / ТЮРЬМА	Пространственные ограничения	«shackles», «prison», «break free»

3.3.3. Квантитативный анализ

Для каждой метафорической модели подсчитывалась:

- **абсолютная частотность** (общее количество употреблений);
- **относительная частотность** (доля от общего числа метафор в рамках одного этапа / одного издания).

Подсчет велся как в целом по всему корпусу, так и в разрезе **четырех хронологических этапов**.

3.3.4. Качественный анализ

Качественный анализ включал:

- **интерпретацию** наиболее частотных и показательных примеров;
- **анализ эволюции** каждой модели от этапа к этапу;
- **сравнение** метафорических предпочтений на разных хронологических этапах.

Особое внимание уделялось **метафорическим сценариям**, то есть развернутым последовательностям образов, создающим целостный нарратив (например, «Брекзит как освобождение из тюрьмы»).

3.4. Ограничения исследования

Исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, корпус ограничен одним качественным изданием *(The Guardian)* и не включает бульварную прессу, телевидение или социальные сети. Расширение корпуса за счет правых и центристских газет (*The Times*, *The Daily Telegraph*, *The Independent)* позволило бы в будущем провести полноценный сравнительный анализ идеологической маркированности метафорических моделей, что составляет перспективу дальнейших исследований. Во-вторых, анализ проводится преимущественно на вербальном уровне и не затрагивает мультимодальные аспекты (изображения, карикатуры). В-третьих, исследование не претендует на полный охват всех метафорических моделей, сосредотачиваясь на пяти наиболее частотных. Указанные ограничения могут быть преодолены в последующих работах.

Размер корпуса (12 статей, 109 метафорических выражений) обусловлен задачами качественно-количественного анализа. Как показано в исследованиях по корпусной лингвистике [Steen et al. 2010: 30–35; Charteris-Black 2004: 50–55], репрезентативные результаты могут быть получены на корпусах объемом от 100 метафорических выражений при условии равномерного распределения материала по исследуемым периодам. В настоящей работе это условие соблюдено: каждый из четырех этапов представлен тремя текстами. Дальнейшее расширение корпуса является перспективой последующих исследований.

3.5. Элемент исторической ретроспективы

В отличие от чисто синхронных лингвистических исследований, настоящая работа включает элемент **диахронического сравнения**. Для интерпретации метафор Брекзита привлекаются данные анализа парламентских дебатов (Hansard) и публикаций в британской прессе 1970–1975 гг., посвященных вступлению Великобритании в ЕЭС. Это позволяет оценить, какие метафорические модели являются новыми для дискурса о евроинтеграции (например, DIVORCE, IMPRISONMENT), а какие воспроизводят более ранние паттерны (например, JOURNEY). Исторический анализ проводится на основе архивных материалов, доступных через парламентский портал Великобритании: *https://hansard.parliament.uk*/.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном разделе представлены результаты анализа метафорических моделей, репрезентирующих процесс Брекзита в публицистике *The Guardian* за 2016–2022 гг. Всего в корпусе из 12 статей было выявлено **109 метафорических выражений**. Наиболее частотными оказались пять моделей, описанных ниже.

4.1. Общая частотность метафорических моделей

Распределение метафорических выражений по моделям представлено в таблице 3.

Таблица 3

Абсолютная и относительная частотность метафорических моделей (весь корпус, 2016–2022)

Метафорическая модель	Абсолютная частота	Относительная частота (%)
DIVORCE / БРАК	6	6%
WAR / ВОЙНА	32	29%
JOURNEY / ПУТЬ	24	22%
ILLNESS / БОЛЕЗНЬ	19	17%

Окончание таблицы 3

Метафорическая модель	Абсолютная частота	Относительная частота (%)
IMPRISONMENT / ТЮРЬМА	28	26%
Всего	**109**	**100%**

Примечание: в таблице учтены только метафоры, однозначно отнесенные к одной модели; случаи с двойной моделью (например, WAR/JOURNEY) распределены по доминирующей сфере-источнику.

Таблица 4. Тональность модели «JOURNEY»

Этап	Тональность	Пример
Этап 1	Оптимистическая / нейтральная	*"Britain's place in the world for the next 20 years"* — имплицитный путь
Этап 2—3	Трудная, неопределённая	*"Two-year countdown to Brexit"*, *"The preliminaries are over"*
Этап 4	Завершённая / итоговая	*"Visits to the EU"*, *"Return visa-free"*

4.2. Динамика метафорических моделей по этапам

Ниже приводится описание изменений для каждой модели.

4.2.1. Модель IMPRISONMENT / ТЮРЬМА («освобождение из тюрьмы»)

Модель IMPRISONMENT доминирует на **Этапе 1 (2016 — июнь 2016)**, составляя **38 %** всех метафор. Типичные примеры:

"Pull up the drawbridge" (21.01.2016)

"Retrieve the frozen thesis from its glacial prison" (15.06.2016)

"Liberate the nation from the EU's clammy grip" (15.06.2016)

На **Этапе 2 (июль 2016 — март 2017)** частота модели резко снижается до **9 %**, а на **Этапе 3 (апрель 2017 — декабрь 2020)** составляет **17 %**. Пик модели приходится на агитационный период перед референдумом, когда риторика «освобождения» была наиболее востребована сторонниками выхода. На **Этапе 4 (2021–2022)** доля модели составляет **15 %** и связана с описанием новых бюрократических ограничений для граждан (визы, правила поездок).

4.2.2. Модель WAR / ВОЙНА («борьба»)

Модель WAR демонстрирует **рост на протяжении первых трех этапов**, достигая пика на **Этапе 3 (2017–2020)** — **50 %** от всех метафор. Примеры:

"Triumph of fear over fear" (21.01.2016)

"Hair blown off her face as if riding into battle" (20.03.2017)

"Internal battle for control" (20.03.2017)

На **Этапе 4** частота снижается до **20 %**, однако модель остается второй по частотности. Пик WAR на Этапе 3 связан с парламентским кризисом 2019 года, когда в публицистике доминировала лексика войны («battle», «war cabinet», «surrender», «rebellion»), подчеркивающая антагонизм между правительством и парламентом, а также между Британией и ЕС.

4.2.3. Модель JOURNEY / ПУТЬ («путешествие»)

Модель JOURNEY — **единственная, которая присутствует на всех этапах со стабильной частотой** (от **13 %** до **28 %**). При этом меняется ее **тональность** (см. табл. 4).

Таким образом, метафора JOURNEY выполняет функцию **сквозного нарратива**, который адаптируется под политический контекст, но никогда не исчезает полностью.

4.2.4. Модель ILLNESS / БОЛЕЗНЬ («болезнь»)

Модель ILLNESS имеет низкую частотность на Этапах 1–3 (от **8 %** до **16 %**), но резко возрастает на **Этапе 4**, достигая **25 %**. Типичные примеры:

"Tip the UK into recession" (16.06.2016)

"A recipe for disenchantment" (20.03.2017)

"To heal distrust of the political class" (20.03.2017)

Рост модели ILLNESS на Этапе 4 отражает осмысление экономических последствий Брекзита (инфляция, рост цен, бюрократические барьеры) в пост-брекзитовский период.

4.2.5. Модель DIVORCE / БРАК («развод»)

Модель DIVORCE имеет **самую низкую частотность** среди всех пяти моделей (в среднем **6 %** по всему корпусу). Ее пик приходится на **Этап 2 (16 %)**, а на Этапе 1 она составляет лишь **4 %**. Примеры:

"Picking apart a 40-year relationship" (20.03.2017)

"Deep and special partnership" (Official letter, 29.03.2017)

Относительно низкая частотность модели DIVORCE в корпусе *The Guardian*, возможно, связана с идеологической позицией издания: левоцентристская газета, в целом критически настроенная к Брекзиту, могла реже прибегать к метафоре «развода», которая в равной степени использовалась как сторонниками, так и противниками выхода. Для проверки этого предположения требуется сравнительный анализ с правоцентристскими изданиями (например, *The Telegraph*), что составляет перспективу дальнейших исследований.

4.3. Краткое резюме результатов

1. **Наиболее частотные модели:** WAR (29 %), IMPRISONMENT (26 %), JOURNEY (22%).
2. **Эволюция по этапам:**

Этап 1: доминирует IMPRISONMENT (38 %) — риторика освобождения.

Этап 3: пик WAR (50 %) — парламентский кризис.

Этап 4: рост ILLNESS (25 %) — экономические последствия.

3. **Наиболее устойчивая модель:** JOURNEY, которая присутствует на всех этапах со стабильной частотой (13–28 %), меняя тональность от оптимистической к итоговой.
4. **Наименее частотная модель:** DIVORCE (6 % в среднем), что может отражать идеологическую позицию *The Guardian*.

5. ОБСУЖДЕНИЕ

5.1. Интерпретация динамики метафорических моделей

Полученные результаты позволяют утверждать, что эволюция метафорического образа Брекзита отражает не столько смену риторических предпочтений журналистов, сколько трансформацию самого политического процесса. Начальный этап (2016) характеризовался доминированием метафоры IMPRISONMENT, отражавшей риторику «освобождения из тюрьмы ЕС». На Этапе 2 (июль 2016 — март 2017) наблюдается пик метафоры DIVORCE (16 %), что объясняется логикой запуска статьи 50: избирателям и политикам нужно было осмыслить «разрыв» отношений с ЕС, и семейно-брачная метафора делала этот абстрактный политический выбор понятным через бытовую ситуацию. Однако после запуска статьи 50 в марте 2017 года переговоры стали реальностью, и образ «развода» оказался слишком статичным для описания длящегося конфликта. На смену ему пришла метафора WAR, пик которой пришелся на парламентский кризис 2019 года (отставки, вотумы недоверия, блокирование решений). В этот период лексика войны («battle», «war cabinet», «surrender», «rebellion») стала доминирующей, подчеркивая антагонизм между правительством и парламентом, а также между Британией и ЕС.

Устойчивость метафоры JOURNEY на всех этапах объясняется ее нарративным потенциалом. Модель пути позволяет описывать любой процесс как движение от начальной точки к конечной, что идеально подходило для затянувшегося Брекзита. Важно, что менялась не частота, а тональность метафоры: от оптимистической («путь к свободе») в 2016 году до усталой неопределенной («долгая извилистая дорога») в 2018–2019 гг. и, наконец, до итоговой («пункт назначения») после завершения переговоров.

5.2. Связь с политическими событиями

Результаты показывают прямую корреляцию между частотностью метафор и политическими событиями. Пик модели DIVORCE приходится на Этап 2 (июль 2016 — март 2017), что совпадает с периодом запуска статьи 50 Лиссабонского договора, когда процесс выхода приобрел юридическую форму. Пик модели WAR (сентябрь — октябрь 2019 г.) совпадает с периодом, когда парламент принял «Закон Бенна» (Benn Act), обязывающий правительство просить отсрочку Брекзита, а премьер-министр Б. Джонсон называл это «актом капитуляции». Присутствие метафоры JOURNEY на этапе 4 (2021–2022) связано с необходимостью осмысления уже совершившегося выхода: журналисты и аналитики подводили итоги и оценивали последствия, что естественно выражалось в метафорах завершенного пути.

5.3. Историческая ретроспектива (ключевое преимущество работы)

Сравнение с дискурсом о вступлении Великобритании в ЕЭС в 1970–1975 гг. выявляет разительные отличия. Анализ парламентских дебатов (Hansard) и публикаций в *The Times* и *The Guardian* за 1971–1975 гг. показывает, что доминирующей метафорой тогда была JOURNEY в ее оптимистическом варианте: «вступление в Европу» осмыслялось как «путь к процветанию», «открытие новых горизонтов». Метафоры DIVORCE, WAR (в применении к отношениям с ЕС) и IMPRISONMENT практически отсутствовали. Это позволяет утверждать, что конфликтные метафоры (война, тюрьма, болезнь) — не универсальная характеристика британского дискурса о Европе, а специфическая черта именно брекзитовского периода, связанная с глубокой поляризацией общества и эскалацией конфликта. Данный вывод не мог быть получен в рамках чисто синхронных исследований и составляет конкурентное преимущество настоящей работы, выполненной

на стыке лингвистики и истории.

5.4. Сравнение с предыдущими исследованиями

Наши результаты позволяют сделать выводы относительно наличия моделей DIVORCE, WAR, JOURNEY и ILLNESS. Однако, в отличие от работ, ограниченных периодом 2016–2018 гг., мы показываем эволюцию метафорического отображения действительности: снижение DIVORCE после 2017 г., пик WAR в 2019 г. и стабилизацию JOURNEY как сквозного нарратива. Согласие с выводами Д. Жаме и П. Роде о роли метафоры пути подтверждается на газетном материале, что свидетельствует об универсальности этой модели для разных жанров. Вместе с тем наше исследование впервые выявляет устойчивую эволюцию метафорических моделей на всем протяжении брекзит-дискурса (2016–2022).

5.5. Теоретические импликации

Полученные данные подтверждают теорию концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 2008] и ее применимость к анализу политического дискурса. Метафора предстает не как пассивное отражение событий, а как активный инструмент конструирования реальности: выбор метафорической модели (война vs путешествие) направляет восприятие читателя, создавая определенную эмоциональную и оценочную рамку. Кроме того, исследование показывает, что метафорический арсенал медиа зависит не только от событийного контекста, но и от идеологической позиции издания, что подтверждает тезис о дискурсивной природе политической поляризации.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

6.1. Основные выводы

Проведенное исследование метафорического образа Брекзита в британской публицистике 2016–2022 гг. позволяет сделать следующие выводы.

1. Выделены пять доминирующих метафорических моделей: DIVORCE (развод), WAR (война), JOURNEY (путь), ILLNESS (болезнь), IMPRISONMENT (тюрьма/освобождение). Каждая из них опирается на определенную сферу-источник (семья, военные действия, пространственное движение, медицина, пространственные ограничения).

2. Выявлена эволюция метафорических предпочтений внутри дискурса *The Guardian*: на Этапе 1 доминирует IMPRISONMENT (38 %), отражающая риторику освобождения из «тюрьмы ЕС»; на Этапе 3 на первый план выходит WAR (50 %), что связано с парламентским кризисом 2019 года; на Этапе 4 доминирует ILLNESS (25 %), фиксирующая экономические последствия Брекзита. Модель JOURNEY стабильно присутствует на всех этапах (13–28 %), меняя тональность от оптимистической к итоговой.

3. Модель JOURNEY — единственная, которая присутствует на всех этапах со стабильной частотой, меняя при этом тональность от оптимистической (2016) к усталонеопределенной (2018–2019) и затем к итоговой (2021–2022). Это позволяет рассматривать ее как сквозной нарратив Брекзита.

6.2. Подтверждение гипотезы

Таким образом, исходная гипотеза о том, что метафорический образ Брекзита трансформируется вместе с политическим процессом, полностью подтвердилась. Метафора не является статичным риторическим приемом, а динамично реагирует на события и служит инструментом идеологической борьбы.

6.3. Перспективы дальнейших исследований

Настоящее исследование открывает несколько направлений для дальнейшей работы. Во-первых, целесообразно расширить корпус за счет бульварной прессы (например, *The Sun*, *Daily Mail*) и социальных сетей, где метафорический язык может быть еще более экспрессивным. Во-вторых, перспективным представляется мультимодальный анализ, включающий визуальные метафоры в карикатурах и мемах. В-третьих, возможно сравнительное исследование метафорических репрезентаций Брекзита и других евроскептических движений в Европе (например, в Италии, Франции, Венгрии). Наконец, предложенная методика анализа может быть применена к другим политическим кризисам, сопровождающимся интенсивной медийной репрезентацией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора : материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва, 1991. — 256 с. — EDN PVZSQJ.

2. Будаев, Э. В. Дискурсивный подход к анализу политической метафоры / Э. В. Будаев // Культура и текст. — 2016. — № 1(24). — С. 5–19. — EDN VXDWUF.

3. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2008. — 248 с. — ISBN 978-5-02-034818-9. — EDN ZCJEHB.

4. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. — 2007. — № 1. — С. 16–32. — EDN PYCQCP.

5. Зарипов, Р. И. Когнитивное и метафорическое моделирование в медиадискурсе / Р. И. Зарипов // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 175–183. — EDN UTTXZA.

6. Кабанова, И. Н. Брексит как объект политической риторики (на материале современного англоязычного медийного дискурса) / И. Н. Кабанова, Н. А. Кохан // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. — 2018. — № 2 (31). — С. 91–98. — EDN BKWQGN.

7. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой

и русской лингвокультурах : моногр. / Н. А. Красавский. — Волгоград : Перемена, 2001. — 495 с. — ISBN 5-88234-515-4. — EDN TZVHED.

8. Кропотухина, П. В. Концептуальные метафоры кризисного дискурса Великобритании / П. В. Кропотухина // Политическая лингвистика. — 2017. — № 2(62). — С. 94–99. — EDN YNDHMZ.

9. Курц, М. А. Метафорическое моделирование в дискурсе СМИ (на материале статей, посвященных выходу Великобритании из ЕС в британской, немецкой и российской прессе) / М. А. Курц, Л. В. Быкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2020. — № 5-2. — С. 91–98. — DOI 10.37882/2223-2982.2020.05-2.11. — EDN ZOFCEP.

10. Новикова, В. П. Поле битвы — Брексит: лингвокогнитивный анализ / В. П. Новикова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 93–99. — DOI 10.26170/pl19-02-10. — EDN ZDSIQH.

11. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2003. — 248 с. — ISBN 5-7186-0127-5. — EDN QCNWUV.

12. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 2-е изд., испр. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 256 с. — ISBN 978-5-89349-897-4.

13. Шачкова, И. Ю. Брексит-метафоры в дискурсе СМИ / И. Ю. Шачкова, Т. Ю. Гурьянова // Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам : сборник материалов Всеросс. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 30 сент. 2019 г.). — Чебоксары : Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2019. — С. 45–53. — EDN CQZIPT.

14. Charteris-Black, J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis / J. Charteris-Black. — [S. l.] : Springer, 2004. — 278 p. — ISBN 9780230000612.

15. Charteris-Black, J. Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor / J. Charteris-Black. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. — ISBN 1-4039-4689-2.

16. Đurović, T. The end of a long and fraught marriage: Metaphorical images structuring the Brexit discourse / T. Đurović, N. Silaški // Metaphor and the Social World. — 2018. — Vol. 8, Iss. 1. — P. 25–39. — DOI 10.1075/msw.17010.dur.

17. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language / N. Fairclough. — 2nd ed. — London : Routledge, 2013. — 608 p. — ISBN 9781317864646.

18. Hart, C. Discourse, Grammar and Ideology: Functional and Cognitive Perspectives / C. Hart. — London : Bloomsbury, 2014. — 256 p. — ISBN 9781441101358.

19. Jamet, D. How is Brexit Linguistically Conceptualized? The Brexit is a journey metaphor scenario in David Cameron's, Theresa May's and Boris Johnson's Speeches / D. Jamet, P. Rodet // Observatoire de la société britannique. — 2022. — No. 28. — P. 133–155. — DOI 10.4000/osb.5658. — EDN FDWFMM.

20. Kövecses, Z. Metaphor: A Practical Introduction / Z. Kövecses — 2nd ed. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2010. — 375 p. — ISBN 9780195374940.

21. Lakoff, G. The Political Mind: Why You Can't Understand 21st-Century Politics with an 18th-Century Brain / G. Lakoff. — New York : Viking, 2008. — 292 p. — ISBN 9780670019274.

22. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 2008. — 308 p. — (Original work published 1980). — ISBN 9780226470993.

23. Martín De La Rosa, V. Taking back control: The role of image schemas in the Brexit discourse / V. Martín De La Rosa // Russian Journal of Linguistics. — 2023. — Vol. 27, No. 2. — P. 276–296. — DOI 10.22363/2687-0088-31509. — EDN KQNMHU.

24. Musolff, A. Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios / A. Musolff. — London : Bloomsbury Academic, 2016. — 194 p. — ISBN 9781441198174.

25. Semino, E. Metaphor in Discourse / E. Semino. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2008. — 247 p. — ISBN 9780521867306.

26. Steen, G. J. A Method for Linguistic Metaphor Identification: From MIP to MIPVU / G. J. Steen, G. Steen, A. G. Dorst [et al.]. — Amsterdam : John Benjamins, 2010. — 238 p. — ISBN 9789027239044.

27. Wodak, R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual / R. Wodak. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. — 252 p. — ISBN 9780230018815.

28. Wodak, R. Methods of Critical Discourse Studies / eds. R. Wodak, M. Meyer. — 3rd ed. — London : Sage, 2015. — 272 p. — ISBN 9781473934252.

REFERENCES

1. Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. (1991). Russkaya politicheskaya metafora : materialy k slovaryu = Russian Political Metaphor. Materials for a Dictionary. Moscow, 256 p. EDN PVZSQJ.

2. Budaev, Eh. V. (2016). Diskursivnyy podkhod k analizu politicheskoy metafory = A Discursive Approach to the Analysis of Political Metaphor. *Culture and text*, *1*(24), 5–19. EDN VXDWUF.

3. Budaev, Eh. V., Chudinov, A. P. (2008). Metafora v politicheskoy kommunikatsii = Metaphor in Political Communication. Moscow: Flinta, 248 p. ISBN 978-5-02-034818-9. EDN ZCJEHB.

4. Budaev, Eh. V. (2007). Stanovlenie kognitivnoy teorii metafory = Formation of the cognitive theory of metaphor. *Lingvoculturology*, *1*, 16–32. EDN PYCQCP.

5. Zaripov, R. I. (2024). Kognitivnoe i metaforicheskoe modelirovanie v mediadiskurse = Cognitive and metaphorical modeling in media discourse. *Political Linguistics*, *4*(106), 175–183. EDN UTTXZA.

6. Kabanova, I. N., Kokhan, N. A. (2018). Breksit kak ob″ekt politicheskoy ritoriki (na materiale sovremennogo anglo-yazychnogo mediynogo diskursa) = Brexit as an object of political rhetoric (based on modern English-language media discourse). *Theory and practice of linguistic description of colloquial speech*, *2*(31), 91–98. EDN BKWQGN.

7. Krasavskiy, N. A. (2001). Ehmotsional′nye kontsepty v nemetskoy i russkoy lingvokul′turakh = Emotional Concepts in German and Russian Linguistic Cultures. Monograph. Volgograd: Peremena, 495 p. ISBN 5-88234-515-4. EDN TZVHED.

8. Kropotukhina, P. V. (2017). Kontseptual′nye metafory krizisnogo diskursa Velikobritanii = Conceptual Metaphors of the Crisis Discourse of Great Britain. *Political Linguistics*, *2*(62), 94–99. EDN YNDHMZ.

9. Kurts, M. A., Bykova, L. V. (2020). Metaforicheskoe modelirovanie v diskurse SMI (na materiale statey, posvyashchennykh vykhodu Velikobritanii iz es v britanskoy, nemetskoy i rossiyskoy presse) = Metaphorical Modeling in Media Discourse (Based on Articles on Brexit in the British, German, and Russian Press). *Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, *5-2*, 91–98. DOI 10.37882/2223-2982.2020.05-2.11. EDN ZOFCEP.

10. Novikova, V. P. (2019). Pole bitvy — Breksit: lingvokognitivnyy analiz = Battlefield — Brexit: Lingvocognitive Analysis. *Political Linguistics*, *2*(74), 93–99. DOI 10.26170/pl19-02-10. EDN ZDSIQH.

11. Chudinov, A. P. (2003). Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii = Metaphorical mosaic in modern political communication. Monograph. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 248 p. ISBN 5-7186-0127-5. EDN QCNWUV.

12. Chudinov, A. P. (2007). Politicheskaya lingvistika = Political linguistics. Textbook. 2nd ed., rev. Moscow: Flinta, Nauka, 256 p. ISBN 978-5-89349-897-4.

13. Shachkova, I. Yu., Gur′yanova, T. Yu. (2019). Breksit-metafory v diskurse SMI = Brexit Metaphors in Media Discourse. *Intercultural Communication and Professionally Oriented Teaching of Foreign Languages. Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conf. (Cheboksary, September 30, 2019)*, 45–53. Cheboksary: Chuvash State University named after I. N. Ulyanov. EDN CQZIPT.

14. Charteris-Black, J. (2005). *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. ISBN 1-4039-4689-2.

15. Charteris-Black, J. (2004). *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. S.l.: Springer, 278 p. ISBN 9780230000612.

16. Đurović, T., Silaški, N. (2018). The end of a long and fraught marriage: Metaphorical images structuring the Brexit discourse. *Metaphor and the Social World*, *8*(1), 25–39. DOI 10.1075/msw.17010.dur.

17. Fairclough, N. (2013). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. 2nd ed. London: Routledge, 608 p.

ISBN 9781317864646.

18. Hart, C. (2014). *Discourse, Grammar and Ideology: Functional and Cognitive Perspectives.* London: Bloomsbury, 256 p. ISBN 9781441101358.

19. Jamet, D., Rodet, P. (2022). How is Brexit Linguistically Conceptualized? The Brexit is a journey metaphor scenario in David Cameron's, Theresa May's and Boris Johnson's Speeches. *Observatoire de la société britannique*, *28*, 133–155. DOI 10.4000/osb.5658. EDN FDWFMM.

20. Kövecses, Z. (2010). *Metaphor: A Practical Introduction*. 2nd ed. Oxford: Oxford Univ. Pr., 375 p. ISBN 9780195374940.

21. Lakoff, G. (2008). The Political Mind: Why You Can't Understand 21st-Century Politics with an 18th-Century Brain. New York: Viking, 292 p. ISBN 9780670019274.

22. Lakoff, G., Johnson, M. (2008). *Metaphors We Live By*. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 308 p. (Original work published 1980). ISBN 9780226470993.

23. Martín De La Rosa, V. (2023). Taking back control: The role of image schemas in the Brexit discourse. *Russian Journal of Linguistics*, *27*(2), 276–296. DOI 10.22363/2687-0088-31509. EDN KQNMHU.

24. Musolff, A. (2016). *Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios*. London: Bloomsbury Academic, 194 p. ISBN 9781441198174.

25. Semino, E. (2008). *Metaphor in Discourse*. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 247 p. ISBN 9780521867306.

26. Steen, G. J., Steen G., Dorst A. G., et al. (2010). *A Method for Linguistic Metaphor Identification: From MIP to MIPVU.* Amsterdam: John Benjamins, 238 p. ISBN 9789027239044.

27. Wodak, R. (2009). *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 252 p. ISBN 9780230018815.

28. Wodak, R., Meyer, M. (Eds.) (2015). *Methods of Critical Discourse Studies*. 3rd ed. London: Sage, 272 p. ISBN 9781473934252.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27* *Код ВАК 5.9.8*

Наталия Васильевна Пешкова[1]✉, Диана Сергеевна Шипилова[2]✉

[1] Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, peschkoffa@gmail.com✉, SPIN-код: 3618-1122
[2] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, dianashipilov@yandex.ru✉, SPIN-код: 5309-5884

Манипулятивно-дискредитирующая риторика в современной зарубежной медиасфере

АННОТАЦИЯ. *Настоящая статья посвящена изучению манипулятивно-дискредитирующего феномена как инструмента идеологического воздействия в пространстве современной зарубежной медиасферы. Сегодняшняя трансформация информационного ландшафта обуславливает использование деструктивной риторики как средства делегитимизации политических оппонентов и формирования заданных общественных аттитюдов. Особое внимание уделяется двум основным приемам — сближению образов и сближению идеологий. Материалом исследования стали статьи, отобранные методом сплошной выборки, из британского журнала «The Guardian» за период февраль — март 2022 г., посвященные внешнеполитической деятельности Российской Федерации (около 40 статей). В ходе исследования методами контент- и дискурс-анализа было установлено, что доминирующими средствами данной риторики выступают метафоризация, исторические аллюзии, лексические повторы и гипербола. Показано, что данные приемы обеспечивают не только оценочную характеристику политического субъекта, но и формируют у адресата устойчивую негативную интерпретацию происходящих событий. За счет эмоционального воздействия (страха и гнева), блокирующего рациональный анализ, создается иллюзия правдоподобия. Полученные результаты демонстрируют, что манипулятивное воздействие реализуется посредством эрозии объективной модальности и эксплуатации когнитивных искажений аудитории. В результате повторяющиеся аллюзии и оценочные характеристики формируют фрейм, определенным образом организующий восприятие информации.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, английские СМИ, язык СМИ, языковые средства, политическая дискредитация, речевая манипуляция, отрицательный образ, прагматический прием сближения, политическая идеология, когнитивно-прагматический анализ.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Пешкова Наталия Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия, email: peschkoffa@gmail.com.*

Шипилова Диана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, email: dianashipilov@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Пешкова, Н. В.* Манипулятивно-дискредитирующая риторика в современной зарубежной медиасфере / Н. В. Пешкова, Д. С. Шипилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 108-117.

Nataliya V. Peshkova[1]✉, Diana S. Shipilova[2]✉

[1] Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, peschkoffa@gmail.com✉, SPIN code: 3618-1122
[2] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, dianashipilov@yandex.ru✉, SPIN code: 5309-5884

Manipulative-Discrediting Rhetoric in Modern Foreign Media Sphere

ABSTRACT. *This article explores the manipulative-discrediting phenomenon as an instrument of ideological influence in the space of the modern foreign media sphere. The modern transformation of the information landscape leads to the use of destructive rhetoric as a means of delegitimizing political opponents and forming predetermined public attitudes. Special attention is paid to two main techniques — the convergence of images and the convergence of ideologies. The practical research material consists of articles selected by the continuous sampling method from the British magazine The Guardian for the period February — March 2022, devoted to the foreign policy activities of the Russian Federation (about 40 articles). In the course of the research, using the methods of content and discourse analysis, it has been found that metaphorization, historical allusions, lexical repetitions and hyperbole are the dominant expressive means of this rhetoric. It is shown that these techniques not only provide an evaluative characteristic of a political subject, but also form a stable negative interpretation of events by the addressee. Due to the emotional impact (fear and anger) that blocks rational analysis, an illusion of plausibility is created. The results obtained demonstrate that manipulative influence is realized through the erosion of objective modality and the exploitation of cognitive distortions of the audience. As a result, recurrent allusions and evaluative characteristics form a frame that organizes the perception of information in a certain way.*

KEYWORDS: *political discourse, political texts, journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, English media, mass media language, language means, political discreditation, speech manipulation, negative image, pragmatic technique of convergence, political ideology, cognitive-pragmatic analysis.*

© Пешкова Н. В., Шипилова Д. С., 2026

AUTHOR'S INFORMATION: *Peshkova Nataliya Vasil'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages #1, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.*

Shipilova Diana Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Intercultural Communication and Methods of Teaching Foreign Languages, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

FOR CITATION: *Peshkova N. V., Shipilova D. S*. (2026). Manipulative-Discrediting Rhetoric in Modern Foreign Media Sphere. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 108-117. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня российское общество сталкивается с системной дискредитирующей кампанией беспрецедентного масштаба. Геополитические процессы и стремительное технологическое развитие привели к качественным изменениям в информационном пространстве. Так, согласно исследованию Российской академии народного хозяйства и государственной службы, количество недостоверных материалов о России в западных СМИ выросло в 2022–2023 г. по сравнению с предыдущими годами[1].

Современная медиасфера западных стран характеризуется высокой степенью риторической поляризации, усиливающей влияние манипулятивных практик на общественное мнение. В условиях цифровых медиаландшафтов информация распространяется с огромной скоростью, что приводит к появлению гибридных форм коммуникации, где медиадискурс становится ключевым инструментом формирования когнитивных установок аудитории. Одной из наиболее распространенных форм речевого воздействия выступает манипулятивно-дискредитирующая риторика, которая представляет собой совокупность языковых и прагматических средств, целенаправленно создающих негативные репрезентации политических, идеологических или культурных оппонентов. В подобных условиях манипуляция маскируется под репортаж, новостное сообщение, анализ или экспертное мнение, что делает ее трудно идентифицируемой [Фомина 2019].

Социологические опросы демонстрируют эффективность подобной риторики. Так, в странах Евросоюза негативное восприятие России выросло с 42 % в 2021 году до 78 % в 2023 году, при этому основным источником формирования негативного мнения респонденты отмечают медиасферу [ВЦИОМ]. В связи с этим возникает необходимость в систематическом анализе механизмов вербального влияния, лежащих в основе манипулятивно-дискредитирующей риторики в современных зарубежных медиа. Таким образом, целью настоящей статьи является анализ манипулятивно-дискредитирующей риторики в современной зарубежной медиасфере с точки зрения дискурс-анализа. Для достижения цели исследования необходимо: 1) определить ее основные приемы, 2) выявить способы реализации приемов, 3) описать роль этих приемов при создании негативного политического имиджа РФ.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В условиях политической поляризации, геополитических конфликтов и глобальных кризисов манипулятивная риторика приобретает повышенную значимость, поскольку современные медиатексты формируют образы государства, политических акторов и общественных событий. Внимание отечественных исследователей сейчас обращено к тому, как в зарубежной медиасфере функционирует манипулятивно-дискредитирующая риторика, направленная на искажение представлений адресата, подрыв доверия к оппоненту и формирование стереотипизированного негативного образа «чужого».

Масштабы манипулятивно-дискредитирующего феномена подтверждаются данными медиамониторинга. По информации Аналитического центра при Правительстве РФ, в 2023–2024 годах в топ-100 мировых СМИ было опубликовано свыше 47 тысяч материалов, содержащих элементы дискредитации России, что в среднем составляет около 130 публикаций ежедневно [Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации]. Так, подобная риторика перестала служить инструментом отдельных изданий и превратилась в системную политику западных государств, конструируя «враждебную реальность» и навязывая адресатам готовые оценки, эмоциональные реакции и поведенческие установки.

Отправной точкой для анализа манипулятивно-дискредитирующего потенциала медиасферы является классическое представление медиасферы как инструмента формирования общественного сознания и управления мнением. Джордж Оруэлл в своей работе «1984» обратил внимание на роль языка

[1] Царик, В. С. Формирование системы противодействия «российской информационной угрозе» на Западе (2014–2019 гг.): концептуальный и институциональный аспекты : дис. … канд. полит. наук / Царик Владимир Станиславович. — 2023. — 364 с. — EDN IQLTAD.

в политической пропаганде, показав, как лексические и синтаксические средства способны трансформировать мышление масс. В зарубежной традиции проблема манипулятивно-дискредитирующей риторики рассматривается в рамках критического дискурс-анализа (Т. Ван Дейк, Н. Ферклоу, Р. Водак, Дж. Вершурен, Л. Чулиараки), социальной риторики и репутационно-дискредитирующих практик (Я. Бломмарт, Э. Ричардсон, М. Райф, Р. Гриффин, Т. Добровольская), когнитивной лингвистики (Ч. Форсвилл, В. Коллер, Ж. Фоконье, Дж. Литтлмор) и медиадискурса (Дж. Дин, З. Папахарисси, Д. Бойд). В рамках данных направлений риторика в медиапространстве рассматривается как идеологически и манипулятивно окрашенная практика, в ходе которой реальные события трансформируются в семантические и риторические конструкции, где факты подменяются интерпретациями, политические акторы описываются через негативные номинации, а общественное мнение формируется на основе готовых образов врага, агрессора или диктаторского режима.

Современный политический дискурс является идеологически нагруженным, поскольку в нем создаются и реализуются скрытые формы манипуляции [Fairclough 2012]. Манипуляция понимается как скрытый способ воздействия, при котором адресат не осознает процесса корректировки своего мнения за счет лингвистических и риторических приемов [Копнина 2014]. Манипулятивная практика в политическом медиадискурсе базируется на селекции и ретушировании фактов, использовании эмоционально окрашенных маркеров, модальности, а также характеризуется нарушением хронологии и акцентированием отдельных деталей [Blommaert 1996]. Лингвисты отмечают, что манипуляция реализуется не только на уровне лексико-семантических приемов, но и на уровне структуры дискурса, выбора фактологического материала (намеренном умалчивании ключевых фактов) и композиции текста [Wodak 2005]. Следует отметить, что для политических медиатекстов характерными являются: 1) стратегии идеологического упрощения и селективности, что подразумевает акцентирование отдельных событий, усиление эмоциональности за счет специализированных маркеров, игнорирование противоположной точки зрения, а также дискредитация языковыми средствами статуса оппонента [Van Dijk T. 1998]; 2) стратегии маркирования и не-маркирования, при которых происходит атрибуция вины и демонизация аут-групп [Wodak 2009]; 3) стратегии диспропорции, где формируются образы «своих» и «чужих», где «чужим» приписываются негативные характеристики и происходит их маргинализация в общественном сознании [Blommaert 1998]; 4) специфическая риторика, которая заключается в выборе референциальных формул, топических и синтаксических структур, ведущих к положительной или негативной репрезентации акторов [Bell 1991; Richardson 2017]. Для усиления манипулятивно-дискредитирующего воздействия широко используется визуальный материал (инфографика, фото и видеоряд), яркие заголовки, примеры и лиды (leading paragraph) [Forceville 2024; Koller 2009].

Современные исследования манипулятивно-дискредитирующей риторики в западных онлайн-СМИ указывают на сочетание пропагандистского упрощения и эмоционального накала [Geeraerts 2009; Media, communication and the struggle… 2018; Griffin 2007], что ведет к радикализации общественного сознания и усилению социальной поляризации. Л. Чулиараки и Р. Гилл отмечают роль манипулятивно-дискредитирующей риторики в формировании эмоциональных государств («emotional states», где эмоции используются в политике и медиа для управления общественным мнением) и включенности аудитории в политические и военные конфликты [Chouliaraki 2013; Gill 2007].

Следует отметить, что манипулятивно-дискредитирующая риторика не ограничивается единичными текстами, а выстраивается целенаправленно в рамках устойчивых дискурсивных и риторических паттернов, воспроизводимых в новостных сюжетах, аналитических статьях, комментариях и интервью. Медиадискурс использует визуальные и риторические сценарии враждебности [Hariman, Lucaites 2016; Wodak 2015], ведущие к постепенному изменению общественного видения событий. Исследователи отмечают, что виртуализация традиционных СМИ позволяет расширить масштабы распространения манипулятивно-дискредитирующей риторики, создавая в онлайн-среде целые дискурсивные «эхо-камеры» (ситуации, где определенные идеи/убеждения усиливаются или подкрепляются путем передачи сообщений внутри замкнутой системы), в рамках которых негативные образы или ярлыки воспроизводятся и усиливаются за счет репостов, комментариев, мемов и визуальных ресурсов [Dean 2019; Boyd 2010]. Ж. Фоконье и Ж. Литтлмор подчеркивают, что подобная риторика воздействует не только на эмоциональное, но и на когнитивное пространство, формируя определенную картину мира, которая навязывает готовые сценарии интерпретации событий, делая «чужих» менее человечными, более опасными и менее до-

стойными [Fauconnier 1997; Littlemore 2021].

Таким образом, манипулятивно-дискредитирующая риторика в медиасфере представляет собой сложный дискурсивный и риторический феномен, в рамках которого языковые и мультимодальные ресурсы используются для целенаправленного формирования враждебной реальности и доминирования на политической арене.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для настоящего исследования послужили статьи, отобранные методом сплошной выборки, из британского журнала «The Guardian» за период февраль — март 2022 г., посвященные внешнеполитической деятельности Российской Федерации. Выборка включала около 40 статей, объем текста не менее 1000 слов, англоязычный оригинал. В качестве методов исследования нами были выбраны метод контент-анализа, качественный дискурс-анализ и прагматический анализ. Используемые методы обеспечили многоуровневый анализ англоязычного медиадискурса. Контент-анализ позволил квантифицировать доминирующие прагматические приемы, выявить паттерны повторяемости лексем и подтвердить системность приемов, что исключило субъективные интерпретации. Качественный дискурс-анализ раскрыл микроуровень манипулятивно-дискредитирующей риторики — семантические переносы, слияние морфем, умолчание, — обеспечив деконструкцию имплицитных смыслов. Прагматический анализ позволил объяснить рецептивный эффект, а именно как эмоции активируют когнитивные схемы адресанта, усиливая дискредитацию.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования нами было обнаружено, что в зарубежной медиасфере наиболее распространенными способами манипулятивно-дискредитирующей риторики являются:

1) прием сближения исторических деятелей В. В. Путина и А. Гитлера;

2) прием сближения современной российской идеологии и идеологии фашисткой Германии.

Рассмотрим первый прием подробно. Образ А. Гитлера воплощает фашистские идеи, и его ассоциация с кем-либо подразумевает приверженность тоталитаризму. Например, в статье «The Guardian» утверждается: «*The **Russian despot** should know this as well as anyone. As a child, he **grew up on a diet of stories about German atrocities** and **Russian bravery in the siege of Leningrad**. He is now producing similar stories, but casting himself in the **role of Hitler**»* [The Guardian www]. Здесь лексема «**despot**» («a leader with great power, especially one who uses it in a cruel way» [Oxford Dictionary www]) усиливает параллель, а метафора «diet» переносит значение «ограниченного рациона пищи» на «пресыщение пропагандой», противопоставляя исторические жертвы русских (блокада Ленинграда) нынешним ролям: Россия как агрессор, Украина как жертва. Автор статьи имплицитно подрывает советский нарратив о Великой Отечественной войне, сравнивая украинских военных и граждан, блокирующих танки, с ленинградцами, тем самым возвышая украинское сопротивление: «***the soldiers from Snake Island** who told a Russian warship to "**go fuck yourself**"; the civilians who tried to stop Russian tanks by sitting in their path. This is the stuff nations are built from*» [The Guardian www].

Данный прием сближения образов проявляется в прямых сравнениях: «*We have a **new Hitler in Russia**» или «**What Putin has in common with Hitler** … is a mystical belief in a nation stretching beyond his country's current borders*» [The Guardian www]. Иногда журналисты прибегают к перифразу, называя А. Гитлера «dictator of the mid-20th century», чтобы провести параллель с «поведением В. В. Путина»: «*Putin himself calls the Ukrainians Nazis, as if this unprovoked aggression is somehow a rerun of the Soviet people's self-defence in the second world war. That accusation is disgusting, but it's harder to dismiss the parallels between **Putin's own behaviour** and **those of the dictators of the mid-20th century***» [The Guardian www].

Рассмотрим еще один пример сближения двух личностей: «*Hitler's Germany found its way out of the vicious circle of **dictatorship**. Germans learned a lot about dealing with the past and **coming to terms with guilt**, and were able to build a **democratically oriented society***» [The Guardian www]. Журналист противопоставляет диктатуру демократическому государству: гитлеровская Германия нашла выход из диктатуры путем признания вины через поражение («*The rebirth of their nation was predicated on total, crushing military defeat*»), Нюрнбергский процесс и de-Nazification, в то время как Россия должна пройти эти этапы и нуждается в *de-Stalinisation* и *de-Putinisation*: «*There was no **de-Stalinisation** in Russia and there were no Nuremberg trials for the Communist party. Now Russia's fate depends on **de-Putinisation***» [The Guardian www]. Лексемы «***de-Stalinisation***» и «***de-Putinisation***» образованы морфологическим способом: de+Stalin+isation, de+Putin+isation и представляются прямым намеком на риторику «денацификации» Украины, навязывая идею

о том, что Путин = Гитлер, а значит, Россия нуждается в такой же «очистке».

Рис. Фотография, сопровождающая статью «The Antisemitism animating Putin's claim to 'denazify' Ukrane» [The Guardian www]

В некоторых статьях авторы акцентируют связь В. В. Путина с философом И. А. Ильиным, приветствовавшим Гитлера и мечтавшим о «великом фюрере» для России: «*In his articles, Ilyin hoped that, after the fall of Bolshevism, Russia would have its own* ***great führer****, who would* ***bring the country up from its knees***» [The Guardian www]. Имплицитно читателя подталкивают к мысли о том, что идеи И. А. Ильина равняются идеям А. Гитлера. Далее журналист привлекает внимание выражением «***bring the country up from its knees»*** и вспоминает, что подобная мысль была высказана В. В. Путиным: «*Indeed, "Russia rising from its knees" is the preferred slogan of Putin and of his* ***Putinists***». При помощи словообразовательного способа образована лексема *Putinists*: *Putin+ist*. В результате такого изменения происходит переход слова из имени собственного в нарицательное. Лексема приобретает значение «последователи В. В. Путина» и содержит негативный оттенок.

Наконец, даты подчеркивают фатальность событий, указывая, что 24 февраля 2022 г. — аналог 22 июня 1941 года: «*It may be that* ***Putin's 24 February 2022*** *will turn out to be* ***like Hitler's 22 June 1941*** *— the day he invaded Russia,* ***doomed*** *himself and Germany to destruction*» [The Guardian www], но с иронией, так как Гитлер погиб «героически» в бункере (*by* ***Heldentod*** *suicide in his bunker*), а судьба президента РФ «быть разочарованным старцем в изгнании» («*He will die a disappointed old nuisance in exile somewhere*»). Журналист проводит связь между А. Гитлером и В. В. Путиным, которые обрекли («doomed») свою страну на разрушение. Следует также отметить, что прием сближения исторических деятелей подкрепляется визуально, где В. В. Путин изображается в образе Гитлера.

Перейдем к анализу второго способа формирования отрицательного авторитетного образа — сближение идеологий. Здесь российская идеология приравнивается к фашистской через идеи доминации: «The Ukrainian war has made clear, if clarity were needed, how **Russian nationalists** view **eastern Slavs** with the impertinence to reject them. **Russian official media explained that Ukrainians (and by extension) Belarusians were really Russians.** If they rejected Russian identity and said they had their own cultures and histories that existed before the Russian empire, they proved only that they were **"Nazis"**. **No form of human life could be lower**. The Russian state had a duty to kill them or send them to labour camps; to take their children from them and crush their country and their culture» [The Guardian www]. Так, украинцы, отвергающие «русскость», — «нацисты», подлежащие искоренению («No form of human life could be lower**»**).

Интерес представляет следующий отрывок из статьи от 28.02.2022: «**Putin's dream of rebuilding the Russian empire** has always rested on the **lie** that Ukraine isn't a real nation, that Ukrainians aren't a real people, and that the inhabitants of Kyiv, Kharkiv and Lviv yearn for Moscow's rule. **That's a complete lie** — Ukraine is a nation with more than a thousand years of history, and **Kyiv was already a major metropolis when Moscow was not even a village**. But the Russian despot has told **his lie** so many times that he apparently believes it himself» [The Guardian www]. Следует отметить сближение фашистской и российской идеологий, где правителями движет мысль о воссоздании империи. Синтаксический параллелизм подчеркивает ложный российский нарратив: «Ukraine isn't a real nation… That's a complete lie», с историческим ревизионизмом (Киев — метрополия до Москвы как деревни). Так, история двух государств разделяется и переписывается. Украина именуется «Little Russia» — провинцией, где автономия считается предательством и рассматривается как нацизм («At best, "**Little Russia**" is a **province** that is entitled to its own picturesque traditions. But **autonomy** equals disloyalty. Those who seek it are "**Nazis**"» [The Guardian www]). Гибербола усиливает идею, что Украина «продалась НАТО», а весь мир — «марионетки США» («He says that Ukraine is an enemy that is **historically part of Russia but sold itself to Nato, or that everyone in the world is the US's puppet»** [The Guardian www]).

Иногда сближение понятий может происходить при помощи употребления лексических синонимов: «He also described the war as sacred». «**The defense of the motherland**, when its fate was being decided, has always been sacred, Putin said, speaking of the second world war». «And now, **you are fighting for our people in the Donbas**. **For the security of our homeland — Russia**» [The Guardian www]. Журналист подчеркивает, что русские

солдаты сражаются за родину («The **defense of the motherland**»), за своих людей на Донбассе («**you are fighting for our people in the Donbas**»), за безопасность России («**For the security of our homeland — Russia**»). В предложении данные словосочетания становятся синонимами. Писатель имплицитно утверждает, что раз Россия сражается «за своих» на Украине, значит, и сама Украина является «своей» для российского лидера.

Статья под названием «The Antisemitism animating Putin's claim to 'denazify' Ukrane» [The Guardian www] посвящена сравнению идеологии фашистов и современной России. Вначале автор выделяет основные характеристики фашизма:

1) культ лидера («Fascism is a cult of the leader»);

2) идея национального единения («national restoration»);

3) лидер заявляет о принижении целой нации («The fascist leader claims the nation has been humiliated and its masculinity threatened by these forces»);

4) обещает вернуть стране былую славу («It must regain its former glory (and often its former territory with violence»).

Далее идут рассуждения о европейском фашизме, который тесно связан с религией: «Fascist antisemitism is racial rather than religious in origin, targeting Jews as a corrupt stateless race who seek global domination...In the west, fascism presents itself as the defender of **European Christianity** against these forces. Fascism in the west is thus increasingly hard to distinguish from **Christian nationalism**» [The Guardian www].

После таких рассуждений журналист заявляет, что современная России представляет собой идеологию фашизма, потому что:

1) президент России считает себя лидером русского христианского национализма («the leader of Russian Christian nationalism») и рассматривает себя в качестве всемирного лидера христианского национализма («the global leader of Christian nationalism»);

2) писатель утверждает, что Александр Дугин и Александр Проханов являются основными идеологами современной России. Они рассматривают Украину как угрозу своим целям («both Dugin and Prokhanov viewed an independent Ukraine as an existential threat to their goal»), заключающимся в воссоздании СССР («which Timothy Snyder, in his 2018 book The Road to Unfreedom, describes as “a desire for the return of Soviet power in fascist form”»);

3) автор статью указывает на то, что В. В. Путин руководствовался желанием воссоздать СССР при вторжении на Украину («It is easy to recognize, in Putin’s invasion of Ukraine, the roadmap laid out in recent years by Dugin and Prokhanov»);

4) нападение на Украину было продиктовано необходимость защиты христиан от либерализма («proponents of the view that a Christian nation needs protection and defense against liberalism, “globalism”»).

В конце статьи отмечается, что в современной мире Россия представляет собой центр идеологии христианского национализма («There are broader morals here. The attack on liberal democracy in the west comes from a global fascist movement, whose **center is Christian nationalism**» [The Guardian www]). Автор приходит к выводу, что именно это и послужило причиной начала специальной военной операции («The attack on liberal democracy in the west comes from a global fascist movement, whose center is Christian nationalism» [The Guardian www]).

Автор данной статьи приравнивает идеологию фашисткой Германии и Российской Федерации. Это происходит в результате подробного описания особенностей каждой из них. Сначала журналист подробно описывает особенности первой идеологии. Потом он переходит на современные российские реалии. Однако автор использует прием умолчания, указывая только ту информацию, которая выгодна именно ему. Например, при рассуждении, что обе идеологии связаны с религией, не говорится о различиях течений христианской церкви: протестантства, католицизма и православия. Также автор не отделяет понятия патриотизма и фашизма, которые имеют некоторые сходства, а также кардинальные отличия. Автор сближает понятия, которые резко противоположные Однако умалчивание некоторых деталей и особенностей, помогает ему высказать ту мысль, которая выгодна именно ему.

В другом примере автор рассуждает о геноциде украинского народа. Журналист рассказывает о том, что, по его мнению, российские власти отвергают существование самобытного украинского народа, а именно что всех, кто себя идентифицируют как «украинцы», Кремль рассматривает как «нацистов», то есть снова просматривается намек на фашистскую идеологию: «Kremlin leadership and Russian state media commentators have consistently denied the existence of a distinct Ukrainian identity, “implying that those who self-identify as Ukrainian threaten the unity of Russia or are Nazis, and are therefore deserving of punishment» [The Guardian www]. Пишущий говорит о том, что власть не воспринимает украинский народ, считает его

«недолюдьми»: «It also looked at the language used by Russian officials depicting Ukrainians as somehow subhuman, with terms like **“zombified”**, **“bestial”** or **“subordinate”**, or as **diseased** or **contaminated**, using words like **“scum”** and **“filth”**». Слова **“zombified”**, **“bestial”**, **“subordinate”**, **“diseased contaminated”**, **“scum”** и **“filth”** становятся синонимами в данном контексте. Синонимический ряд помогает автору подчеркнуть близость идей фашизма со взглядами российской власти по отношению к независимому народу.

В следующем отрывке используют гиперболу для изображения наивысшей степени проявления геноцида по отношению к украинцам: «“What they’re saying is: **if you’re Ukrainian you’re a Nazi**, and therefore we’re going to kill you,” Domi said. they are pursuing Ukrainians and the Ukrainian state for **the purposes of elimination and destruction**.”» [The Guardian www].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ выявляет системную манипулятивно-дискредитирующую риторику, направленную на снижение геополитического имиджа Российской Федерации. Манипулятивно-дискредитирующая риторика реализуется через ассоциативные параллели (сближение лидеров стран: Гитлер — Путин, сближение идеологий: фашизм — российская идеология), где зарубежные СМИ активно эксплуатируют негативный культурный архетип фашизма, знакомый каждому. Это создает иллюзию правдоподобия за счет эмоционального воздействия (страха и гнева), обходя рациональный анализ. Частая отсылка к подобным ассоциациям повышает воспринимаемую истину, поэтому у людей создается устойчивая связь Россия = зло.

Прагматический эффект манипулятивно-дискредитирующей риторики заключается не только в имплицитном убеждении западной аудитории в тоталитарной природе современной российской политики, но и в формировании устойчивого негативного внешнеполитического имиджа России как государства, чья внешняя и внутренняя политика интерпретируется через призму исторических ассоциаций с фашизмом. Следует отметить, что данная риторика строится на отборе тех смысловых элементов, которые усиливают негативную оценку, и на сознательном умалчивании различий, которые могли бы ослабить проводимую параллель. Так, сходство России с фашистской Германией намеренно гиперболизируется, а различия в идеологических и политических категориях выводятся за пределы внимания. Такое смещение акцентов позволяет создать эффект доказательности, в то время как является лишь выгодной интерпретацией событий.

Подобная интерпретация способствует не столько объективному описанию политической ситуации, сколько созданию заранее заданной смысловой рамки, в пределах которой действия российской стороны воспринимаются как заведомо агрессивные, идеологически опасные и морально неприемлемые. Так, метафоры, исторические аллюзии, повторяющиеся номинации и оценочные характеристики формируют фрейм, который организует восприятие таким образом, чтобы преподносимая информация казалась правдивой и убедительной. В результате у адресата формируется не нейтральное, а эмоционально окрашенное восприятие событий, при котором рациональная оценка подменяется готовой интерпретацией. Именно поэтому можно утверждать о наличии манипулятивно-дискредитирующей риторики, конструирующей политическую реальность, которая направлена на усиление поляризации общественного мнения и закрепление односторонней оценки событий.

ИСТОЧНИКИ

1. Oxford Learner’s Dictionaries. Despot. — URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/despot?q=despot (date of access: 02.04.2026).

2. Oxford Learner’s Dictionaries. Diet. — URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/diet_1?q=Diet (date of access: 02.04.2026).

3. The Guardian. As a Russian, I don’t know how to live with the shame of Putin’s aggression. — URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/24/russian-vladimir-putin-ukraine (date of access: 02.04.2026).

4. The Guardian. History replays like a half-forgotten song, but once we remember, it’s far too late. — URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/06/history-repeats-itself-like-half-forgotten-song-once-we-remember-too-late (date of access: 02.04.2026).

5. The Guardian. How do we solve a problem like Putin? Five leading writers on Russia have their say. — URL: https://www.theguardian.com/world/2022/mar/20/solve-problem-like-putin-writers-russia-ukraine-oliver-bullough-peter-pomerantsev (date of access: 02.04.2026).

6. The Guardian. ‘I am filled with hate’: Kharkiv battle evokes memories of second world war. — URL: https://www.theguardian.com/world/2022/may/08/ukraine-kharkiv-battle-evokes-memories-second-world-war (date of access: 02.04.2026).

7. The Guardian. Neither Nato nor Ukraine can de-Putinise Russia. We Russians must do it ourseoves. — URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/28/nato-ukraine-vladimir-putin-russia-democratic-national-guilt (date of access: 02.04.2026).

8. The Guardian. Putin has ignited a new anti-colonial struggle. This time, Moscow is the target. — URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/apr/23/putin-ignited-new-anti-colonial-struggle-this-time-moscow-target (date of access: 02.04.2026).

9. The Guardian. Putin ties Ukraine invasion to second world war in Victory Day speech. — URL: https://www.theguardian.com/world/2022/may/09/putin-ties-ukraine-invasion-second-world-war-victory-day-speech-russia (date of access: 02.04.2026).

10. The Guardian. Russia is guilty of inciting genocide in Ukraine, expert report concludes. — URL: https://www.

theguardian.com/world/2022/may/27/russia-guilty-inciting-genocide-ukraine-expert-report (date of access: 02.04.2026).

11. The Guardian. The antisemitism animating Putin's claim to 'denazify' Ukraine. — URL: https://www.theguardian.com/world/2022/feb/25/vladimir-putin-ukraine-attack-antisemitism-denazify (date of access :02.04.2026).

12. The Guardian. The solace for young Russians like me is that Putin is also digging his own grave in Ukraine. — URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/01/young-russians-putin-digging-his-own-grave-ukraine-sanctions (date of access: 02.04.2026).

13. The Guardian. The west knows the cost of appeasement. We can't rule out any option for stopping Putin. — URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/22/west-appeasement-putin-russia-ukraine (date of access: 02.04.2026).

14. The Guardian. Ukraine soldiers told Russian officer 'go fuck youself' before they died on island. — URL: https://www.theguardian.com/world/2022/feb/25/ukraine-soldiers-told-russians-to-go-fuck-yourself-before-black-sea-island-death (date of access: 02.04.2026).

15. The Guardian. Vladimir Putin sits atop a crumbling pyramid of power. — URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/27/vladimir-putin-russia-ukraine-power (date of access: 02.04.2026).

16. The Guardian. 'We have a new Hitler in Russia': Pussy Riot's Maria Alyokhina on Putin's crimes and her years of resistance. — URL: https://www.theguardian.com/world/2022/jul/11/pussy-riot-maria-alyokhina-putin-crimes-hitler-years-of-resistance (date of access: 02.04.2026).

17. The Guardian. Why Vladimir Putin has already lost this war. — URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/28/vladimir-putin-war-russia-ukraine (date of access: 02.04.2026).

18. ВЦИОМ. — URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-evropa-na-raskhodjashchikhsja-kursakh (дата обращения: 16.05.2026).

19. Информационные угрозы и дискредитация Российской Федерации в зарубежном медиапространстве (2023–2024 гг.) : аналитический доклад / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. — Москва : АЦ при Правительстве РФ, 2024. — URL: https://ac.gov.ru (дата обращения: 16.05.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аблеев, С. Р. Манипуляции массовым сознанием: политическая мифология и стратегия демонизации / С. Р. Аблеев, С. И. Кузьминская // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 5. — С. 172–176. — EDN TTZMKT.

2. Аронсон, Э. Современные технологии влияния и убеждения : эпоха пропаганды / Эллиот Аронсон, Энтони Пратканис ; [пер. Е. Волков, И. Волкова]. — 3-е изд.. — Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2008. — 543 с. — (Психология — лучшее : проект). — ISBN 978-5-93878-718-6. — EDN QXVMQB.

3. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Эксмо, 2008. — 862 с. — ISBN 978-5-699-10826-8.

4. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование : учебное пособие / Г. А. Копнина. — 5-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2014. — 170 с. — ISBN 978-5-9765-0060-0.

5. Фомина, Т. А. Манипулятивные приемы дезинформации как средство реализации антироссийской пропаганды в заголовках англоязычных СМИ (на примере освещения «дела Скрипалей» в период с марта по октябрь 2018 года) / Т. А. Фомина, Е. Д. Буцык // Филологические науки в МГИМО. — 2019. — № 3(19). — С. 50–58. — DOI 10.24833/2410-2423-2019-3-19-50-58. — EDN HZYPZU.

6. Bell, A. The Language of News Media / A. Bell. — Oxford : Blackwell, 1991. — 300 p. — ISBN 0-631-16435-9.

7. Blommaert, J. Debating Diversity: Analysing the Discourse of Tolerance / J. Blommaert, J. Verschueren. — London ; New York : Routledge, 1998. — 254 p. — ISBN 0-415-19137-8.

8. Blommaert, J. Language planning as a discourse on language and society: on the linguistic ideology of a scholarly tradition / J. Blommaert // Language Problems & Language Planning. — 1996. — Vol. 20, Iss. 3. — P. 199–222. — DOI 10.1075/lplp.20.3.01blo.

9. Boyd, D. Tweet, tweet, retweet: Conversational aspects of retweeting on Twitter / D. Boyd, S. Golder, G. Lotan // Proceedings of the 43rd Hawaii International Conference on System Sciences. — [S.l.], 2010. — DOI 10.1109/HICSS.2010.412.

10. Chouliaraki, L. Introduction: Cosmopolitanism and the new news media / L. Chouliaraki, B. Blaagaard // Journalism Studies. — 2013. — Vol. 14, Iss. 2. — P. 150–155. — DOI 10.1080/1461670X.2012.718542.

11. Media, communication and the struggle for social progress / N. Couldry, C. Rodriguez, G. Bolin [et al.] // Global Media and Communication. — 2018. — Vol. 14, No. 2. — P. 173–191. — DOI 10.1177/1742766518776679. — EDN YBIEMH.

12. Dean, J. Comrade: An Essay on Political Belonging / Jodi Dean. — New York: Verso, 2019. — 176 p. — ISBN 9781788735018.

13. Dijk, T. A. Van. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. Van Dijk. — London ; Thousand Oaks ; New Delhi : Sage, 1998. — 384 p. — ISBN 0-7619-5654-9.

14. Fairclough, I. Political discourse analysis: A method for advanced students / I. Fairclough, N. Fairclough. — London ; New York : Routledge, 2012. — 1992 p. — ISBN 978-0-415-49922-4. — DOI 10.4324/9780203137888.

15. Fauconnier, G. Mappings in thought and language / G. Fauconnier. — Cambridge : Cambridge University Press, 1997. — 205 p. — ISBN 9780521599535.

16. Forceville, C. Identifying and interpreting visual metaphors in political cartoons / C. Forceville // Metaphor in Social-Political Contexts: Current Crises / Ed. Manuela Romano. — Berlin : De Gruyter, 2024. — P. 255–278. — DOI 10.1515/9783111001364-011.

17. Geeraerts, D. Theories of Lexical Semantics / D. Geeraerts. — Oxford : Oxford University Press, 2010. — 368 p. — ISBN 9780191572531.

18. Gill, R. Postfeminist media culture. Elements of a sensibility / R. Gill // European Journal of Cultural Studies. — 2007. — Vol. 10, No. 2. — P. 147–166. — DOI 10.1177/1367549407075898. — EDN JRNIWF.

19. Griffin, R. Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler / R. Griffin. — [S.l., s.d.], 470 p. — DOI 10.1057/9780230596122. — EDN KSYDOP.

20. Hariman, R. The Public Image: Photography and Civic Spectatorship / R. Hariman, J. L. Lucaites. — Chicago : University of Chicago Press, 2016. — 352 p. — ISBN 978-0226343099.

21. Koller, V. Brand Images: Multimodal Metaphor in Corporate Branding Messages / V. Koller // Multimodal Metaphor / ed. by C. Forceville, E. Urios-Aparisi. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2009. — P. 45—72. — DOI 10.1515/9783110215366.2.45.

22. Littlemore, J. Unpacking Creativity: The Power of Figurative Communication in Advertising / J. Littlemore, S. Ford, P. Pérez-Sobrino. — Cambridge : Cambridge University Press, 2021. — 322 p. — ISBN 9781108473538. — DOI 10.1017/9781108562409.

23. Maslow, A. H. A Theory of Human Motivation / A. H. Maslow // Psychological Review. — 1943. — Vol. 50, Iss. 4. — P. 370–396.

24. Richardson, J. E. Analysing Newspapers: An Approach from Critical Discourse Analysis / J. E. Richardson. — [S.l.] : Bloomsbury Publishing, 2017. — 280 p. — ISBN 978-0230209688.

25. Wodak, R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual / R. Wodak. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. — 252 p. — ISBN 9780230018815.

26. Wodak, R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean / R. Wodak. — London : Sage, 2015. — ISBN 9781446247006. — DOI 10.4135/9781446270073.

27. Wodak, R. Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism / R. Wodak, M. Reisigl. — London ; New York : Routledge, 2005. — 312 p. — ISBN 978-1134579570.

MATERIALS

1. Oxford Learner's Dictionaries (n.d.). Despot. Available at Apr. 2, 2026 from www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/despot?q=despot.

2. Oxford Learner's Dictionaries (n.d.). Diet. Available at Apr. 2,

2026 from www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/diet_1?q=Diet.

3. The Guardian (n.d.). As a Russian, I don't know how to live with the shame of Putin's aggression. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/24/russian-vladimir-putin-ukraine.

4. The Guardian (n.d.). History replays like a half-forgotten song, but once we remember, it's far too late. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/06/history-repeats-itslelf-like-half-forgotten-song-once-we-remember-too-late.

5. The Guardian (n.d.). How do we solve a problem like Putin? Five leading writers on Russia have their say. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/world/2022/mar/20/solve-problem-like-putin-writers-russia-ukraine-oliver-bullough-peter-pomerantsev.

6. The Guardian (n.d.). 'I am filled with hate': Kharkiv battle evokes memories of second world war. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/world/2022/may/08/ukraine-kharkiv-battle-evokes-memories-second-world-war.

7. The Guardian (n.d.). Neither Nato nor Ukraine can de-Putinise Russia. We Russians must do it ourseoves. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/28/nato-ukraine-vladimir-putin-russia-democratic-national-guilt.

8. The Guardian (n.d.). Putin has ignited a new anti-colonial struggle. This time, Moscow is the target. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/apr/23/putin-ignited-new-anti-colonial-struggle-this-time-moscow-target.

9. The Guardian (n.d.). Putin ties Ukraine invasion to second world war in Victory Day speech. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/world/2022/may/09/putin-ties-ukraine-invasion-second-world-war-victory-day-speech-russia.

10. The Guardian (n.d.). Russia is guilty of inciting genocide in Ukraine, expert report concludes. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/world/2022/may/27/russia-guilty-inciting-genocide-ukraine-expert-report.

11. The Guardian (n.d.). The antisemitism animating Putin's claim to 'denazify' Ukraine. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/world/2022/feb/25/vladimir-putin-ukraine-attack-antisemitism-denazify.

12. The Guardian (n.d.). The solace for young Russians like me is that Putin is also digging his own grave in Ukraine. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/01/young-russians-putin-digging-his-own-grave-ukraine-sanctions (date of access: 02.04.2026).

13. The Guardian (n.d.). The west knows the cost of appeasement. We can't rule out any option for stopping Putin. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/22/west-appeasement-putin-russia-ukraine.

14. The Guardian (n.d.). Ukraine soldiers told Russian officer 'go fuck youself' before they died on island. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/world/2022/feb/25/ukraine-soldiers-told-russians-to-go-fuck-yourself-before-black-sea-island-death.

15. The Guardian (n.d.). Vladimir Putin sits atop a crumbling pyramid of power. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/27/vladimir-putin-russia-ukraine-power.

16. The Guardian (n.d.). 'We have a new Hitler in Russia': Pussy Riot's Maria Alyokhina on Putin's crimes and her years of resistance. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/world/2022/jul/11/pussy-riot-maria-alyokhina-putin-crimes-hitler-years-of-resistance.

17. The Guardian (n.d.). Why Vladimir Putin has already lost this war. Available at Apr. 2, 2026 from https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/28/vladimir-putin-war-russia-ukraine.

18. VTsIOM (n.d.). Available at May 16, 2026 from https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-evropa-na-raskhodjashchikhsja-kursakh.

19. Analytical Center under the Government of the Russian Federation (2024). Information threats and discrediting of the Russian Federation in the foreign media space (2023–2024). Analytical report. Moscow: Analytical Center under the Government of the Russian Federation. Available at May 16, 2026 from https://ac.gov.ru.

REFERENCES

1. Ableev, S. R., Kuz′minskaya, S. I. (2015). Manipulyatsii massovym soznaniem: politicheskaya mifologiya i strategiya demonizatsii = Manipulation of Mass Consciousness: Political Mythology and Strategy of Demonization. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, *5*, 172–176. EDN TTZMKT.

2. Aronson, E., Pratkanis, E. (2008). Sovremennye tekhnologii vliyaniya i ubezhdeniya : ehpokha propagandy = Modern Technologies of Influence and Persuasion: The Age of Propaganda (Transl. E. Volkov, I. Volkova). 3rd ed. (Psychology is the Best: project). St. Petersburg: Praym-Evroznak, 543 p. ISBN 978-5-93878-718-6. EDN QXVMQB.

3. Kara-Murza, S. G. (2008). Manipulyatsiya soznaniem = Manipulation of Consciousness. Moscow: Ehksmo, 862 p. ISBN 978-5-699-10826-8.

4. Kopnina, G. A. (2014). Rechevoe manipulirovanie = Speech Manipulation. Study Guide 5th ed. Moscow: Flinta, Nauka, 170 p. ISBN 978-5-9765-0060-0.

5. Fomina, T. A., Butsyk, E. D. (2019). Manipulyativnye priemy dezinformatsii kak sredstvo realizatsii antirossiyskoy propagandy v zagolovkakh angloyazychnykh SMI (na primere osveshcheniya «dela Skripaley» v period s marta po oktyabr′ 2018 goda) = Manipulative Disinformation Techniques as a Means of Implementing Anti-Russian Propaganda in English-Language Media Headlines (Based on Coverage of the "Skripal Case" from March to October 2018). *Philological Sciences at MGIMO*, *3*(19), 50–58. DOI 10.24833/2410-2423-2019-3-19-50-58. EDN HZYPZU.

6. Bell, A. (1991). The Language of News Media. Oxford: Blackwell, 300 p. ISBN 0-631-16435-9.

7. Blommaert, J., Verschueren, J. (1998). Debating Diversity: Analysing the Discourse of Tolerance. London, New York: Routledge, 254 p. ISBN 0-415-19137-8.

8. Blommaert, J. (1996). Language planning as a discourse on language and society: on the linguistic ideology of a scholarly tradition. *Language Problems & Language Planning*, *20*(3), 199–222. DOI 10.1075/lplp.20.3.01blo.

9. Boyd, D., Golder, S., Lotan, G. (2010). Tweet, tweet, retweet: Conversational aspects of retweeting on Twitter. *Proceedings of the 43rd Hawaii International Conference on System Sciences*. DOI 10.1109/HICSS.2010.412.

10. Chouliaraki, L., Blaagaard, B. (2013). Introduction: Cosmopolitanism and the new news media. *Journalism Studies*, *14*(2), 150–155. DOI 10.1080/1461670X.2012.718542.

11. Couldry, N., Rodriguez, C., Bolin, G., et al. (2018). Media, communication and the struggle for social progress. *Global Media and Communication*, *14*(2), 173–191. DOI 10.1177/1742766518776679. EDN YBIEMH.

12. Dean, J. (2019). Comrade: An Essay on Political Belonging. New York: Verso, 176 p. ISBN 9781788735018.

13. Dijk, T. A. Van (1998). Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage, 384 p. ISBN 0-7619-5654-9.

14. Fairclough, I., Fairclough, N. (2012). Political discourse analysis: A method for advanced students. London, New York: Routledge, 1992 p. ISBN 978-0-415-49922-4. DOI 10.4324/978-0203137888.

15. Fauconnier, G. (1997). Mappings in thought and language. Cambridge: Cambridge University Press, 205 p. ISBN 978-0521599535.

16. Forceville, C. (2024). Identifying and interpreting visual metaphors in political cartoons. *Metaphor in Social-Political Contexts: Current Crises (Ed. Manuela Romano)*, 255–278. Berlin: De Gruyter. DOI 10.1515/9783111001364-011.

17. Geeraerts, D. (2010). Theories of Lexical Semantics. Oxford: Oxford University Press, 368 p. ISBN 9780191572531.

18. Gill, R. (2007). Postfeminist media culture. Elements of a sensibility. *European Journal of Cultural Studies*, *10*(2), 147–166. DOI 10.1177/1367549407075898. EDN JRNIWF.

19. Griffin, R. (2007). Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler. 470 p. DOI 10.1057/9780230596122. EDN KSYDOP.

20. Hariman, R., Lucaites, J. L. (2016). The Public Image: Pho-

tography and Civic Spectatorship. Chicago: University of Chicago Press, 352 p. ISBN 9780226343099.

21. Koller, V. (2009). Brand Images: Multimodal Metaphor in Corporate Branding Messages. *Multimodal Metaphor (Ed. by C. Forceville, E. Urios-Aparisi)*, 45–72. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009. DOI 10.1515/9783110215366.2.45.

22. Littlemore, J., Ford, S., Pérez-Sobrino, P. (2021). Unpacking Creativity: The Power of Figurative Communication in Advertising. Cambridge: Cambridge University Press, 322 p. ISBN 9781108473538. DOI 10.1017/9781108562409.

23. Maslow, A. H. (1943). A Theory of Human Motivation. *Psychological Review*, *50*(4), 370–396.

24. Richardson, J. E. (2017). Analysing Newspapers: An Approach from Critical Discourse Analysis. [S.l.]: Bloomsbury Publishing, 280 p. ISBN 9780230209688.

25. Wodak, R. (2009). The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 252 p. ISBN 978-0230018815.

26. Wodak, R. (2015). The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean. London: Sage. ISBN 9781446247006. DOI 10.4135/9781446270073.

27. Wodak, R., Reisigl, M. (2005). Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism. London, New York: Routledge, 312 p. ISBN 9781134579570.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.25; 16.21.55* *Код ВАК 5.9.8*

Анна Владимировна Пушкина[1]✉, Людмила Бабаян[2]✉

[1,2] Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
[1] pushkina4@yandex.ru✉, SPIN-код: 8533-0182
[2] lyudmilababayan11@mail.ru✉

Лексические средства текстов предвыборных дебатов как один из способов коммуникативного воздействия на электорат на примере дебатов Д. Трампа и К. Харрис

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматриваются лексические и стилистические средства, применяемые кандидатами на пост президента США — Дональдом Трампом, Камалой Харрис — в ходе предвыборных дебатов. Цель работы заключается в выявлении языковых приемов, формирующих политический имидж кандидатов и воздействующих на восприятие образа политического деятеля электоратом. Для достижения этой цели был проведен лексический и стилистический анализ текстов предвыборных дебатов Д. Трампа и К. Харрис. Методология работы заключается в лингвистическом анализе, который позволяет определить, как различные языковые средства усиливают или ослабляют посыл информации, создают образы, активируют настроения аудитории. Также уделялось внимание контексту употребления выражений.*

Результаты демонстрируют, что Д. Трамп, К. Харрис использовали схожие приемы, но с разными акцентами. Трамп обращался к агрессивной, гиперболизированной лексике, создавая контрасты. Эта манера речи способствовала формированию образа решительного лидера, способного противостоять угрозам. Камала Харрис акцентировала внимание на моральных ценностях, справедливости, применяя сдержанную, но в то же время эмоционально насыщенную лексику. Она стремилась продемонстрировать свою гуманность, приверженность социальным переменам.

Сведения, которые будут отражены в работе, представляют интерес для специалистов в области политической лингвистики, риторики, медиаполитики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, политические деятели, американские президенты, выборы президента, предвыборные дебаты, политическая риторика, политические речи, лексикология английского языка, лексические единицы, стилистика, манипулятивное воздействие, электорат, Д. Трамп, К. Харрис, языковые средства, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Пушкина Анна Владимировна, доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.*

Бабаян Людмила, аспирант кафедры иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия, email: lyudmilababayan11@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Пушкина, А. В.* Лексические средства текстов предвыборных дебатов как один из способов коммуникативного воздействия на электорат на примере дебатов Д. Трампа и К. Харрис / А. В. Пушкина, Людмила Бабаян. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 118-127.

Anna V. Pushkina[1]✉, Ludmila Babayan[2]✉

[1,2] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia
[1] pushkina4@yandex.ru✉, SPIN code: 8533-0182
[2] lyudmilababayan11@mail.ru✉

Lexical Means of Election Debate Texts as a Way of Communicative Influence on the Electorate (On the Example of Debates between Donald Trump and Kamala Harris)

ABSTRACT. *The article examines the lexical and stylistic means used by the U.S. presidential candidates, Donald Trump and Kamala Harris, during their election debates. The aim of the study is to identify the linguistic techniques that shape the political image of the candidates and influence the electorate's perception of the political figure. To achieve this aim, the authors conduct a lexico-stylistic analysis of the texts of the election debates between Trump and Harris. The methodology of the study draws on linguistic analysis, which allows the researchers to find out how different linguistic means strengthen or weaken the message, create images, and activate the mood of the audience. Attention is also paid to the context of the use of expressions.*

The results show that Trump and Harris used similar techniques, but with different emphases. Trump utilizes aggressive, hyperbolic vocabulary, creating contrasts. This manner of speech contributed to the formation of the image of a decisive leader capable of confronting threats. Harris emphasized moral values and justice, using restrained but emotionally charged vocabulary. She sought to demonstrate her humanity and commitment to social change.

© Пушкина А. В., Бабаян Л., 2026

The information presented in the article may be of interest to specialists in the field of political linguistics, rhetoric, and media policy.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, politicians, American presidents, presidential election, election debates, political rhetoric, political speeches, English lexicology, lexical units, stylistics, manipulative influence, electorate, D. Trump, K. Harris, language means, communicative strategies, communicative tactics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Pushkina Anna Vladimirovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia.*

Babayan Ludmila, Post-Graduate Student of Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia.

FOR CITATION: *Pushkina A. V., Babayan L*. (2026). Lexical Means of Election Debate Texts as a Way of Communicative Influence on the Electorate (On the Example of Debates between Donald Trump and Kamala Harris). In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 118-127. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Предвыборные дебаты представляют собой элемент политической кампании, предоставляющий кандидатам возможность обратиться к избирателям, сформировать публичный образ. Одним из аспектов успешного выступления является использование лексических и стилистических средств, влияющих на восприятие электоратом личности участников в предвыборных дебатах. Язык дебатов отражает политические взгляды, становится средством воздействия на эмоции, установки, предпочтения аудитории. Политическая лексика представляет собой пласт, который используется преимущественно в сфере общественно-политических отношений и играет важную роль в процессе манипуляции общественным мнением[1].

Рост интереса к взаимосвязи языка и политики, а именно применяемым риторическим стратегиям с целью воздействия на электорат, обосновывает актуальность работы. Предвыборные дебаты превращаются в арену для использования различных языковых средств выразительности: метафор, гипербол, антитез, повторений, а также других лексических и стилистических средств.

Цель работы заключается в выявлении языковых приемов, формирующих политический имидж кандидатов и воздействующих на восприятие политического деятеля электоратом.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В последние годы наблюдается возросший интерес к анализу политического дискурса. Данный факт подтверждается рядом научных работ, посвященным особенностям использования языковых средств в политическом контексте, где форма высказывания определяется целью и ситуацией [Борисенко 2017: 70–73].

Н. Н. Равочкин при определении термина «политический дискурс» описывает всю совокупность взаимоотношений на уровне «человек — общество». Это смешение содержаний порождает новое содержание. Вполне очевидным представляется, что политический дискурс всегда будет выступать активным преобразователем окружающей действительности, участником сферы политической борьбы за завоевание, удержание и использование политической власти [Равочкин 2018: 244-250].

Е. И. Шейгал в своем исследовании предлагает полевой подход к анализу структуры дискурса политики и считает дискурс политическим, если к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание речевого произведения [Шейгал 2000: 121–130].

Проанализировав мнения вышеупомянутых исследователей, можно отметить, что политический дискурс представляет собой сложное явление, отражающее систему взаимоотношений на уровне «человек — общество», влияющее на формирование мировоззрения электората. Политическая речь, представляющая собой конкретный акт публичной коммуникации с использованием лексических и стилистических приемов для воздействия на аудиторию, является эмпирическим воплощением более широкого политического дискурса, который, будучи совокупностью структурированных идеологических и знаковых практик, формирует рамки и контексты политического взаимодействия, таким образом обеспечивая взаимное проникновение и конституирование смысла в каждой конкретной речевой стратегии. В данной статье при определении термина «политический дискурс» мы будем придерживаться комплексного подхода, принимая во внимание указанные взгляды, чтобы глубже исследовать природу и особенности политического дискурса.

[1] Election 2024: Did the Harris-Trump Debate Reset the Presidential Race? — Текст : электронный — URL: https://www.cfr.org/blog/election-2024-did-harris-trump-debate-reset-presidential-race.

Рассмотрим лингвистические аспекты политического дискурса. Необходимо отметить, что ряд исследований акцентирует внимание именно на когнитивно-семантических характеристиках политического дискурса как объекта лингвистического анализа. Так, Т. И. Краснова при анализе политического дискурса прибегает к интегративному подходу и анализирует когнитивно-семантические аспекты политического дискурса, подчеркивая его характер как объекта лингвистического анализа. В работе акцентируется внимание на социальной и ментальной обусловленности процессов формирования идеологических значений, проявляющихся в структурах политической коммуникации. Автор подчеркивает, что дискурс следует понимать не столько как речевую практику, сколько как непрерывный ментальный поток, включающий образы, интенции и внутренние состояния сознания, лишь фрагментарно фиксируемые в языке. При этом дискурс раскрывается как множественный и двойственный феномен, способный одновременно выражать разные, зачастую противоречивые смыслы — от аффективных реакций до рациональных высказываний. Ключевую роль в конструировании смысла играет модализация, выступающая как идеологически мотивированный механизм, формирующий отношение говорящего к высказыванию и накладывающий на дескриптивное содержание оценочную рамку. Эта рамка тесно связана с идеологической оценкой, которая становится не внешней характеристикой, а внутренним компонентом когнитивного процесса, опирающимся на установки «приятия» или «неприятия». В качестве ядра политического дискурса выступает языковая картина мира, трансформируемая модализованным сознанием и приобретающая оппозитивную структуру. Важным аспектом является также процесс переконцептуализации, в ходе которого происходит переосмысление устоявшихся понятий и значений под влиянием идеологических установок. Наконец, значимость внутреннего контекста и пресуппозиций — скрытых допущений, стереотипов и социальных норм — подчеркивает, что смысл высказывания формируется не только на уровне явного содержания, но и за счет глубинных когнитивных и социальных механизмов, предшествующих самому акту речи. Автор показывает, что дискурс — это не просто язык, а сложный когнитивно-семантический процесс, в котором сознание, идеология, эмоции и язык взаимодействуют, формируя множественные, динамичные и идеологически окрашенные смыслы. Понимание дискурса требует анализа не только текста, но и глубинных психических и онтологических оснований, лежащих в основе его порождения [Краснова 2013: 46–54].

О. В. Спиридовский в статье «Категория выразительности в президентской коммуникации» рассматривает роль средств в речи политических лидеров. Автор анализирует, как такие средства помогают воздействовать на аудиторию в условиях политической борьбы. В работе делается вывод, что определенная выраженность речи служит не только эстетическим целям, но и влияет на восприятие избирателей, способствует формированию политического образа [Спиридовский 2013: 168–173].

Ж. Багана и Э. А. Бочарова рассматривают предвыборные дебаты как жанр с определенной ролевой структурой. Авторы анализируют особенности высказываний с высоким уровнем эмоциональной напряженности, официальности, а также призывами к действию, с выражением четкой позиции, попыткой установить связь с аудиторией. На основании выявленных характеристик исследователи приходят к выводу, что данные риторические стратегии являются не только отражением жанровых особенностей предвыборных дебатов, но и эффективным инструментом формирования имиджа кандидата, мобилизации электората и влияния на политическую повестку, подчеркивая тем самым значимость жанрового подхода в анализе политической коммуникации [Багана, Бочарова 2012: 121–125].

К. Г. Борисенко отмечает, что среди стилистических средств, используемых в политическом дискурсе, выделяются метафоры, эпитеты, гиперболы, анафоры, антитезы, риторические вопросы. И именно они играют важную роль в восприятии сообщения, формируя эмоциональное и когнитивное воздействие на аудиторию [Борисенко 2017: 70–73].

А. Р. Рюков анализирует употребление лексических средств языка в политических текстах с целью воздействия на аудиторию. В результате анализа выдвигается гипотеза о том, что данные механизмы выступают не только в роли инструмента передачи информации, но и как стратегически выверенный комплекс средств манипуляции общественным мнением. Автор приходит к выводу, что осознанное использование позволяет формировать эмоционально окрашенный нарратив, посредством которого политические акторы не только передают свое видение действительности, но и активно влияют на интерпретацию политических событий аудиторией, что, в свою очередь, способствует консолидации власти и легитимации политических позиций [Рюков 2021: 1087–1093].

В свою очередь, М. А. Семкин говорит о важности не только содержания, но и формы выступления политика. Выбор соответствующего лексического средства, стилистического приема помогает формировать определенные образы, которые влияют на восприятие аудитории. Именно лексико-семантический анализ в данном случае позволяет выявить, как конкретные слова, фразы используются для выстраивания коммуникации с избирателями, направляют внимание на те вопросы, которые хотел донести оратор [Семкин 2012: 209–215].

Е. А. Уразова отмечает, что речевые обороты, содержащие метафоры, противопоставления, выделительные конструкции, создают контрасты между положительными и отрицательными образами. Выражения, такие как «будущее» или «ошибки», «страна» или «хаос», фокусируют внимание на аспектах предвыборной программы, подчеркивают ключевые проблемы, которые беспокоят избирателей [Уразова 2017: 170–175]. Анафора, метонимия, эпитеты придают речи выразительность, усиливают ее воздействие. Повторение слов «мы», «страна», «будущее» создает ощущение уверенности, сплоченности с кандидатом. В свою очередь, включение статистических данных подтверждает компетентность кандидата, его готовность решать существующие задачи[1].

Для проведения настоящего исследования необходимо уточнить, что мы будем понимать под лексическими и стилистическими средствами выразительности.

Лексические средства — это слова и фразы, которые помогают сделать речь выразительной, передать эмоции, акцентировать важные идеи. К ним можно отнести: 1) эмоциональную и эмоционально-оценочную лексику; 2) негативно окрашенные эпитеты; 3) антитезы; 4) лексические повторы; 5) специальную лексику, в данном случае связанную с экономикой и технологиями; 6) грубоватые выражения; 7) гиперболизирующие прилагательные.

Стилистические средства — это языковые единицы, приобретающие или видоизменяющие стилистические коннотации в высказывании при реализации некоторого экспрессивного задания, установки на определенный стилистический эффект[2]. Сюда можно отнести: 1) риторические вопросы; 2) гиперболы; 3) склонность к сарказму и иронии; 4) повтор на уровне синтаксиса; 5) экспрессию, эмоциональные восклицания и эмоциональные нападки; 6) контрастные образы; 7) использование стереотипов; 8) метафоры.

С учетом вышеизложенной информации для достижения цели данной работы и проведения анализа речей кандидатов на пост президента США нами были выбраны следующие методы исследования: метод сплошной выборки, метод лексического анализа, метод стилистического анализа, описательный метод, метод сравнительного анализа.

Для проведения лексического и стилистического видов анализа мы прибегли к следующему алгоритму: выявили стиль (публицистический), на какую сферу общения и ситуацию ориентирован текст (предвыборные дебаты), важные функции (воздействие), форму (устная). Далее выделили в тексте примеры использования лексических и стилистических средств в соответствии с вышеописанными определениями и произвели дальнейший сравнительный анализ.

Далее перейдем непосредственно к анализу используемых лексических и стилистических средств выразительности в текстах дебатов кандидатов на пост Президента США: Дональда Трампа и Камалы Харрис.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

С помощью метода сплошной выборки в речи Камалы Харрис было выявлено 200 лексических и 96 стилистических средств, в речи Дональда Трампа — 387 лексических и 180 стилистических средств. Анализ охватывал как эмоционально-оценочную лексику, так и разнообразные риторические приемы, включая повторы, эпитеты, риторические вопросы и другие фигуры, активно задействованные политиками для усиления аргументации и привлечения внимания аудитории.

Результаты представлены в графиках на рис. 1 и 2.

С точки зрения лексического анализа, как Камала Харрис, так и Дональд Трамп демонстрируют устойчивую тенденцию к использованию эмоционально окрашенной и эмоционально-оценочной лексики, что свидетельствует о стратегической ориентации их риторики на эмоциональное вовлечение аудитории. Данная лексическая стратегия способствует усилению экспрессивности высказываний и формированию субъективной оценки обсуждаемых явлений, что характерно для политического дискурса, направленного на мобилизацию и убеждение.

[1] Крекотень, П. А. Использование выразительных средств языка в политическом дискурсе / П. А. Крекотень. — URL: https://school-science.ru/7/3/40388.

[2] Винокур, Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. — Москва, 1980.

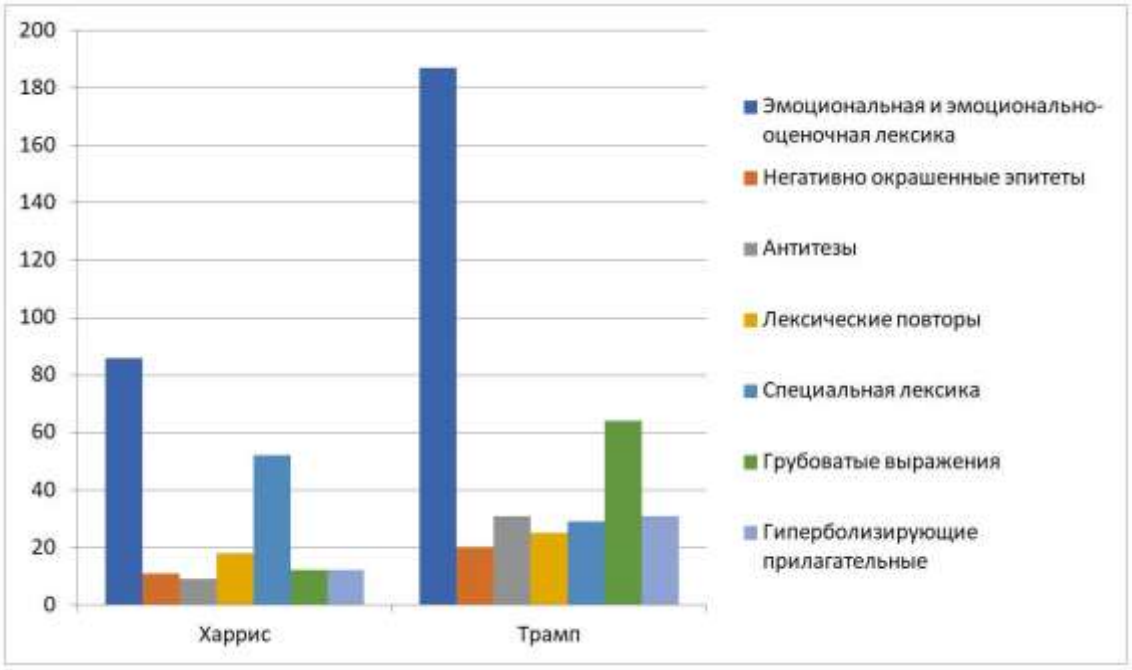


Рис. 1. Лексические средства (график)

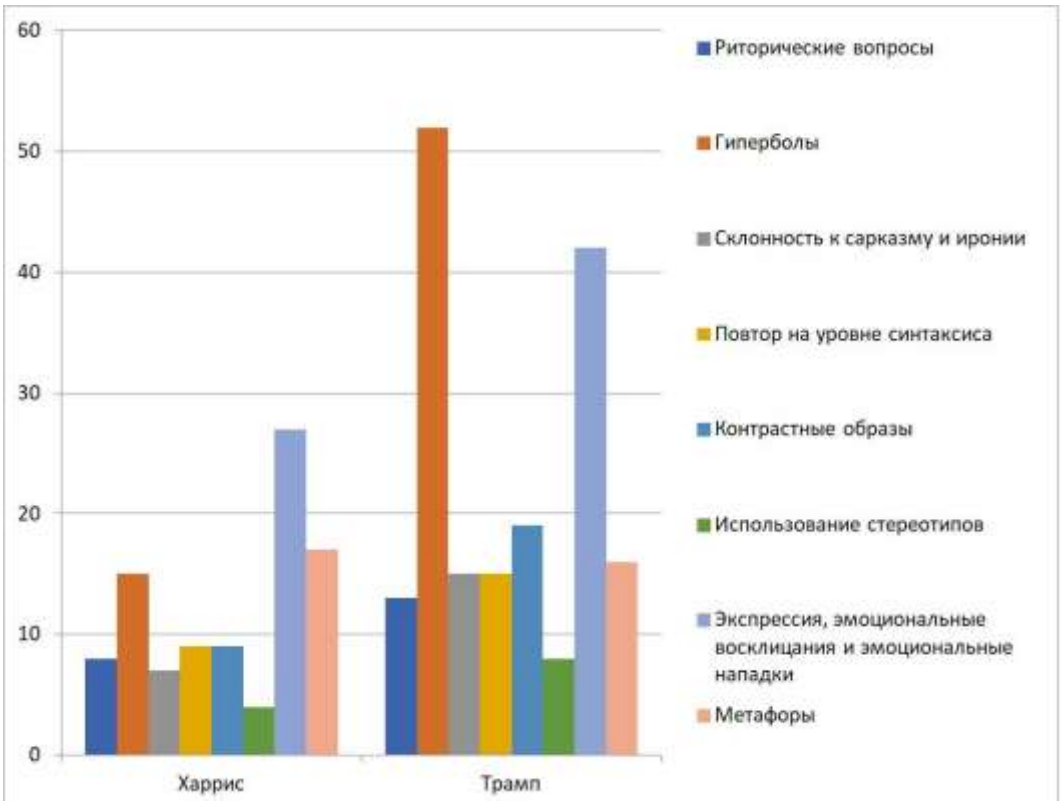


Рис. 2. Стилистические средства (график)

Анализ графика позволяет сделать вывод о том, что Камала Харрис в своей риторике чаще прибегает к экспрессивным средствам и метафорическим конструкциям, тогда как Дональд Трамп демонстрирует склонность к использованию гиперболизации и экспрессивных форм, зачастую усиливающих эмоциональное воздействие высказывания. Таким образом, в стилистическом профиле каждого политика прослеживается доминирование определенных тропов, отражающих индивидуальные стратегии риторического воздействия.

Лексические средства, используемые К. Харрис, Д. Трампом

В выступлениях Камалы Харрис выявлена насыщенная эмоционально-оценочная

лексика, помогающая формировать необходимое впечатление об обсуждаемых проблемах и оппоненте. Так, словосочетания «the worst public health epidemic in a century» — «самая страшная эпидемия общественного здравоохранения за столетие», «a bunch of lies» — «куча лжи» или «dangerous plan» — «опасный план» имеют яркую экспрессивную окраску и акцентируют серьезность заявлений. При этом выбор лексики нередко переходит в разряд сниженно-разговорного стиля, как видно на примере выражения «куча лжи», где резкое прямолинейное высказывание подчеркивает несогласие с оппонентом. Помимо общих эмоционально окрашенных слов, Харрис регулярно использует отрицательно заряженные эпитеты вроде «опасный план» или метафорическую характеристику «горячая точка экономики», позволяя заострить внимание на проблемных точках. Также в ее речи систематически встречается прием антитезы, когда противопоставляются такие элементы, как «право женщин» — «запрет для женщин» или «поддерживать — разрушать», что помогает показать разные векторы политических позиций. Существенной чертой риторики Харрис являются лексические повторы, придающие дополнительную убедительность утверждениям: она часто повторяет термин «план» или словосочетание «an opportunity economy» — «экономика возможностей». Параллельно с этим она обращается к специальной лексике, связанной с экономикой и технологиями: «дефицит бюджета», «рецессия», «искусственный интеллект» и «квантовые вычисления»; такого рода словоупотребление создает впечатление компетентного и аналитического подхода. Итоговая совокупность лексических средств у Харрис оценивается в двести примеров.

Если говорить о Дональде Трампе, то в его высказываниях обилие эмоционально-оценочной лексики более заметно. Он часто прибегает к жестким и экспрессивным конструкциям: «a terrible economy» — «ужасная экономика», «worst inflation» — «худшая инфляция», «they're destroying our country» — «они разрушают нашу страну» и пр. При этом речь изобилует сниженными, грубоватыми выражениями, благодаря которым возникает эффект прямолинейной, иногда агрессивной манеры общения со сторонниками и оппонентами. Подобные фразы, как «They threw him out of a campaign like a dog» — «Его вышвырнули из кампании, как собаку», показывают привычку к жестким оценкам, создающим образ «сильного лидера», не стесняющегося в высказываниях. Количество негативно окрашенных эпитетов, сопровождаемых повторениями и антитезами, оказывается выше по сравнению с речью Харрис. Трамп часто выстраивает открытый контраст («великая экономика — разрушенная экономика»), усиливающий конфронтационную тональность диалога. Кроме того, характерен прием лексического повтора, в котором он многократно говорит «большой», «самый большой», «огромный», а также употребляет другие гиперболизирующие прилагательные в последовательных фразах, чтобы закрепить впечатление о масштабности обсуждаемых успехов или бедствий. При этом он активно использует экономические термины, такие как «дефицит», «инфляция», «пошлина», но в основном в политизированном, эмоционально-насыщенном ключе. Общая совокупность лексических средств у Трампа насчитывает триста восемьдесят семь.

На рисунке 3 представлено количество лексических средств, использованных каждым из кандидатов в ходе предвыборных дебатов.

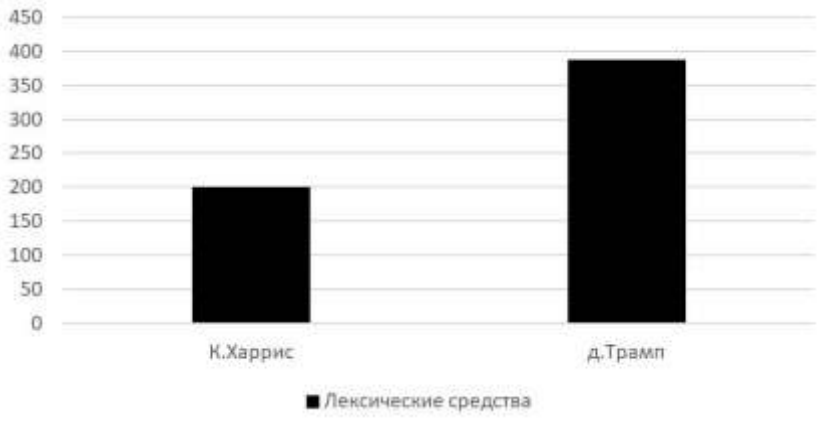


Рис. 3. Использование кандидатами в предвыборных дебатах лексических средств (составлено авторами)

Стилистические средства, используемые К. Харрис, Д. Трампом

К. Харрис использует целый спектр риторических приемов, которые усиливают эмоциональную вовлеченность слушателя и подчеркивают значимость обсуждаемых тем. Среди них заметны риторические вопросы, адресованные аудитории: «And what we have done is clean up Donald Trump's mess». — «И все, что мы сделали, — это убрали беспорядок, оставленный Дональдом Трампом» и «Do you believe…» — «Считаете ли вы, что…?», которые стимулируют внутренний диалог и поддерживают напряженность дискуссии. В тексте встречаются и гиперболы, когда Харрис говорит о «куче лжи» или о том, что «Donald Trump left us the worst unemployment» — «Дональд Трамп оставил нам самый высокий уровень безработицы», фактически усиливая эмоциональный фон и вызывая у слушателя ощущение масштабности проблем. Важным элементом речи являются эпитеты («страшная эпидемия», «аморальный»), придающие дополнительный эмоциональный вес. Прямые обращения к аудитории, вроде «Я обещаю вам…» или «Я скажу вам всем…», способствуют более тесному психологическому контакту, а повторы на уровне фраз (пример: «Я верю в амбиции…», «Я верю в мечты…») создают ритмичность и повышают запоминаемость ключевых тезисов. У Харрис можно заметить иронические и саркастические интонации, хотя по интенсивности они уступают тем, что наблюдаются в выступлениях ее оппонента. По результатам подсчетов, совокупное число стилистических (риторических) средств в ее речи составляет девяносто шесть, что подтверждает активное использование экспрессивно-речевых стратегий при взаимодействии со слушателями.

Стилистическая сторона выступления Трампа не менее примечательна: он широко применяет гиперболу, ссылаясь на «самую высокую инфляцию в истории» и «миллионы и миллионы преступников». Такие формулировки зачастую не имеют конкретной фактологической базы, но усиливают впечатление катастрофичности положения. Несмотря на то, что риторические вопросы у Трампа встречаются реже в чистом виде, чем у Харрис, он всё же активно их использует, задавая их аудитории и ведущим, а затем часто сам же предлагает ответ. В речи Трампа явно заметна склонность к сарказму и иронии: он высмеивает оппонента, обрывает оппонента или ведущего короткими ремарками, обзывает противника или принижает его заслуги. Прием повтора на уровне синтаксиса (например, «Они захватывают города. Они захватывают здания. Они действуют жестоко») усиливает эффект внушения, а эпитеты вроде «слабый, жалкий человек» или «ужасная ситуация» добавляют резкого эмоционального фона. Итоговое количество стилистических приемов в речи Трампа оценивается в сто восемьдесят примеров, что подтверждает его активную склонность к публичной экспрессии и прямым эмоциональным нападкам.

На рисунке 4 представлено количество стилистических средств, использованных каждым из кандидатов в ходе предвыборных дебатов.

Таким образом, можно отметить, что Трамп активно использует как лексические, так и стилистические средства, при этом его речь характеризуется ярко выраженной тенденцией к эмоционально агрессивному и гиперболизированному стилю. В то же время речь Харрис отличается меньшим количеством экспрессивных приемов, она более структурирована и носит официальный характер, с акцентом на изложении программных положений. Однако и в ее речи присутствуют такие элементы, как оценочные суждения, эпитеты, сарказм и повторы.

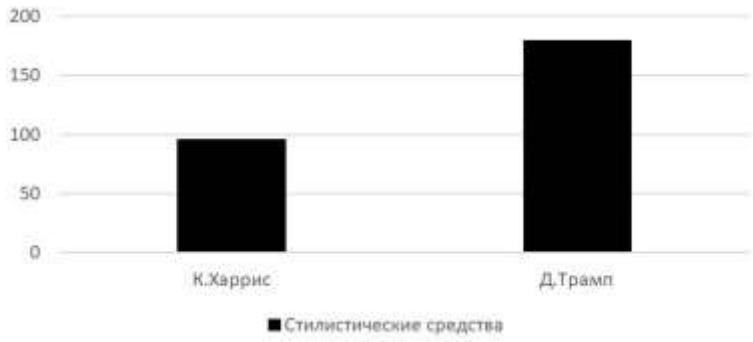


Рис. 4. Использование кандидатами в предвыборных дебатах стилистических средств (составлено авторами)

Стоит также рассмотреть, как кандидаты дополняют свои выступления другими риторическими инструментами, такими как статистика, контрастные образы и метафоры, которые помогают им акцентировать внимание на ключевых проблемах и формировать определенное отношение у аудитории.

Так, применение статистических показателей, как в случае с инфляцией: «We have inflation like very few people have ever seen before. Probably the worst in our nation's history. We were at 21%». — «У нас инфляция, которую мало кто когда-либо видел. Возможно, худшая в истории нашей страны. Мы достигли уровня в 21%» — обнажает ключевые экономические проблемы, провоцируя тревогу, заставляя думать о мерах, направленных на исправление ситуации. Такие данные создают напряжение, усиливая впечатление о масштабах экономического кризиса[1].

Контрастные образы, например, «The values I bring to the importance of home ownership knowing not everybody got handed $400 million on a silver platter and then filed bankruptcy six times, is a value that I bring to my work to say we are going to work with the private sector and home builders to increase 3 million homes, increase by 3 million homes by the end of my first term». — «Мои ценности, связанные с важностью владения жильем, основаны на понимании, что не всем в жизни дают 400 миллионов долларов на блюдечке с голубой каемочкой, а потом они шесть раз становятся банкротами. Именно это я привношу в свою работу: мы будем работать с частным сектором и застройщиками, чтобы увеличить количество домов на 3 миллиона к концу моего первого срока» представляют Трампа как человека, получившего $400 млн «на блюдечке с голубой каемочкой», а затем шесть раз объявившего себя банкротом, демонстрируют его связь с элитой, а также неспособность эффективно управлять. Образ Харрис, связанный с трудящимися, противопоставляется Трампу, создавая некую грань между ними[2].

Использование стереотипов, таких как «марксистка», позволяет создать у избирателей отрицательное восприятие оппонента. Это выражение настраивает на восприятие программы как угрозы рыночной экономике, а также существующим демократическим ценностям.

Эмоциональные восклицания, риторические вопросы также играют свою роль. Когда Трамп обвиняет Харрис в ненависти к Израилю («She hates Israel. If she's president, I believe that Israel will not exist within two years from now». — «Она ненавидит Израиль. Если она станет президентом, я уверен, что через два года Израиль исчезнет»), это воздействует на чувства сторонников, провоцируя страх, враждебность. Подобные выражения используют для формирования негативного образа оппонента, подталкивая аудиторию к определенному выбору[3].

Риторические вопросы, например, утверждение Харрис о том, что «мировые лидеры смеются над Трампом», подрывают доверие к его лидерским качествам, создают у избирателей ощущение его неподготовленности к должности представителя страны на мировой арене.

Метафоры, такие как «Израиля не будет через два года», усиливают восприятие угрозы, подчеркивая необходимость немедленных действий.

Противопоставление кандидатов через риторические средства, такие как антитезы, гиперболы, помогает выделить их отличия, на фоне которых показать свою персону подходящей народу. Что формирует мнение избирателей о том, что один из кандидатов компетентен, честен, другой — менее подходящий для руководства страной[4].

Таким образом, на основании изложенного следует отметить, что выбор слов формирует у слушателей определенные эмоции, будь то уверенность в будущем, стремление к переменам, протест против существующей власти. Яркие контрасты, эмоциональная насыщенность речи призваны не только передать информацию, но и вовлечь избирателей, побуждая их в последующем проголосовать за кандидата на выборах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе анализа стратегий, применённых Дональдом Трампом, Камалой Харрис в дебатах, было выявлено, что оба кандидата активно использовали риторические средства для формирования политического имиджа, воздействия на избирателей. Язык дебатов, наполненный метафорами, контрастными структурами, эмоциональными выражениями, служил необходимым

[1] READ: Harris-Trump presidential debate transcript. — URL: https://abcnews.go.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Election 2024: Did the Harris-Trump Debate Reset the Presidential Race? — URL: https://www.cfr.org/blog/election-2024-did-harris-trump-debate-reset-presidential-race.

инструментом влияния на общественное мнение.

Дональд Трамп придерживался агрессивной, поляризующей лексики, создавая образ решительного лидера, противопоставляя себя «слабым» противникам, «неамериканским» угрозам. Камала Харрис сосредоточила внимание на гуманизме, справедливости, подчеркивая моральные ценности, использовав мягкие, эмоционально насыщенные выражения.

Применялись стилистические приемы: повторение ключевых фраз, антитезы, гиперболы. Эти средства усиливали контраст между кандидатами, вызывали эмоциональную реакцию зрителей. Оба кандидата использовали язык для создания полярных образов, что стало основой риторической стратегии. Употребление этих приемов зависело от целей избирательной кампании каждого из кандидатов.

Результаты проведенного анализа подтверждают, что лексика, стилистика имеют значение в политической коммуникации. Языковые средства служат не только для передачи политических идей, но и для формирования имиджа, воздействия на настроения избирателей.

ИСТОЧНИКИ

1. Обменялись оскорблениями: как прошли дебаты Трампа и Харрис. — URL: https://iz.ru/1757314/elizaveta-gritcenko/obmenialis-oskorbleniiami-kak-proshli-debaty-trampa-i-kharris (date of access: 12.05.2026).

2. READ: Harris-Trump presidential debate transcript. — URL: https://abcnews.go.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542 (date of access: 12.05.2026).

3. Election 2024: Did the Harris-Trump Debate Reset the Presidential Race? — URL: https://www.cfr.org/blog/election-2024-did-harris-trump-debate-reset-presidential-race (date of access: 12.05.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Багана, Ж. Предвыборный политический дискурс как особая сфера коммуникации / Ж. Багана, Э. А. Бочарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2012. — № 1. — С. 121–125. — EDN OQPEHN.

2. Бондаренко, И. В. Лингвопрагматический потенциал метафоры в политическом выступлении / И. В. Бондаренко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2019. — № 2. — С. 52–60. — EDN VVMCBJ.

3. Борисенко, К. Г. Стилистические приемы как средство усиления прагматического эффекта текста (на материале предвыборных выступлений Барака Обамы) / К. Г. Борисенко // Филология и лингвистика. — 2017. — № 2 (6). — С. 70–73. — EDN YSPLMT.

4. Боташева, А. К. Специфика политических дебатов в рамках политической коммуникации в предвыборный период / А. К. Боташева, И. С. Миллер // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2019. — № 2(59). — С. 62–68. — DOI 10.21672/1818-510X-2019-59-2-062-068. — EDN SKRYRU.

5. Игнатов, Д. В. Экспрессивно-выразительные средства языка в политическом дискурсе (на материале текстов выступлений Х. Клинтон и Д. Трампа) / Д. В. Игнатов // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации : сборник научных трудов. — Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. — С. 88–97. — EDN YWHMQV.

6. Краснова, Т. И. Анализ политического дискурса: подходы и категории / Т. И. Краснова // Политическая лингвистика. — 2013. — № 2 (44). — С. 46–54. — EDN QBNHSJ.

7. Лагутина, А. В. Лексические и стилистические средства текстов предвыборных дебатов как один из способов коммуникативного воздействия на электорат / А. В. Лагутина, Т. И. Лалова // Филология: научные исследования. — 2020. — № 6. — С. 42–51. — DOI 10.7256/2454-0749.2020.6.32977. — EDN RZDKKR.

8. Перельгут, Н. М. О структуре понятия «политический дискурс» / Н. М. Перельгут, Е. Б. Сухоцкая // Вестник Нижневартовского государственного университета. — 2013. — № 2. — С. 35–41. — EDN QCEMZP.

9. Равочкин, Н. Н. Особенности политического дискурса / Н. Н. Равочкин // Вестник Костромского государственного университета. — 2018. — Т. 24. — № 3. — С. 244–250. — EDN YOIOIH.

10. Рюкова, А. Р. Языковые средства воздействия в политическом дискурсе / А. Р. Рюкова // Вестник Башкирского университета. — 2021. — Т. 26. — № 4. — С. 1087–1093. — DOI 10.33184/bulletin-bsu-2021.4.41. — EDN GSQJIM.

11. Селиверстова, Л. Н. Политический слоган как речевой жанр с точки зрения прагмалингвистики / Л. Н. Селиверстова // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2014. — № 1 (19). — С. 48–51. — EDN SHTVXL.

12. Семкин, М. А. Стилистические средства в дискурсе политического комментария / М. А. Семкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2012. — № 2. — С. 209–215. — EDN OZONUD.

13. Спиридовский, О. В. Категория выразительности в президентской коммуникации / О. В. Спиридовский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 2. — С. 168–173. — EDN RBOGIN.

14. Уразова, Е. А. Особенности использования метафоры в политическом дискурсе / Е. А. Уразова // Вестник Московской международной академии. — 2017. — № 1. — С. 170–175. — EDN ZEFWTT.

15. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва ; Волгоград : Перемена, 2000. — 367 с. — EDN NLROTZ.

MATERIALS

1. Iz.ru (n.d.). Exchanging insults: How the Trump-Harris debate went. Available at May 12, 2026 from https://iz.ru/1757314/elizaveta-gritcenko/obmenialis-oskorbleniiami-kak-proshli-debaty-trampa-i-kharris.

2. READ: Harris-Trump presidential debate transcript (n.d.). Available at May 12, 2026 from https://abcnews.go.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542.

3. Election 2024: Did the Harris-Trump Debate Reset the Presidential Race? (n.d.). Available at May 12, 2026 from https://www.cfr.org/blog/election-2024-did-harris-trump-debate-reset-presidential-race (date of access: 12.05.2026).

REFERENCES

1. Bagana, Zh., Bocharova, E. A. (2012). Predvybornyj politicheskij diskurs kak osobaya sfera kommunikacii = Pre-election political discourse as a special sphere of communication. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics*, *1*, 121–125.

2. Bondarenko, I. V. (2019). Lingvopragmaticheskij potencial metafory v politicheskom vystuplenii = Lingvopragmatic potential of metaphor in political speech. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, pedagogy, psychology*, *2*, 52-60.

3. Borisenko, K. G. (2017). Stilisticheskie priemy kak sredstvo usileniya pragmaticheskogo effekta teksta (na materiale predvybornyh vystuplenij Baraka Obamy) = Stylistic devices as a means of enhancing the pragmatic effect of the text (based on Barack Obama's pre-election speeches). *Philology and Linguistics*, *2*(6), 70–73.

4. Botasheva, A. K., Miller, I. S. (2019). Specifika politicheskih debatov v ramkah politicheskoj kommunikacii v predvybornyj period = Specifics of Political Debates within the Framework of Political Communication during the Pre-Election Period.

Caspian Region: Politics, Economics, Culture, *2*(59), 62–68.

5. Ignatov, D. V. (2017). Ehkspressivno-vyrazitel′nye sredstva yazyka v politicheskom diskurse (na materiale tekstov vystupleniy Kh. Klinton i D. Trampa) = Expressive means of language in political discourse (based on the texts of speeches of Khrushchev and Donald Trump). *World cultural-linguistic and political space: innovations in communication. Collection of scientific papers*, 88–97. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2017. EDN YWHMQV.

6. Krasnova, T. I. (2013). Analiz politicheskogo diskursa: podhody i kategorii = Analysis of political discourse: approaches and categories. *Political Linguistics*, *2*(44), 46–54.

7. Lagutina, A. V., Lalova, T. I. (2020). Leksicheskie i stilisticheskie sredstva tekstov predvybornyh debatov kak odin iz sposobov kommunikativnogo vozdejstviya na elektorat = Lexical and Stylistic Means of Pre-Election Debate Texts as One of the Methods of Communicative Influence on the Electorate. *Philology: Scientific Research*, *6*, 42–51.

8. Perelgut, N. M., Sukhotskaya, E. B. (2013). O strukture ponyatiya «politicheskiy diskurs» = On the structure of the concept of "political discourse". *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, *2*, 35–41.

9. Ravochkin, N. N. (2018). Osobennosti politicheskogo diskursa = Features of political discourse. *Bulletin of Kostroma State University*, *24*(3), 244–250.

10. Ryukova, A. R. (2021). Yazykovye sredstva vozdeystviya v politicheskom diskurse = Linguistic means of influence in political discourse. *Bulletin of the Bashkir University*, *26*(4), 1087–1093.

11. Seliverstova, L. N. (2014). Politicheskij slogan kak rechevoj zhanr s tochki zreniya pragmalingvistiki = Political Slogan as a Speech Genre from the Point of View of Pragmalinguistics. *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, *1*(19), 48–51.

12. Semkin, M. A. (2012). Stilisticheskie sredstva v diskurse politicheskogo kommentariya = Stylistic Means in the Discourse of Political Commentary. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*, *2*, 209–215.

13. Spiridovskij, O. V. (2013). Kategoriya vyrazitel'nosti v prezidentskoj kommunikacii = The Category of Expressiveness in Presidential Communication. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, *2*, 168–173.

14. Urazova, E. A. (2017). Osobennosti ispol'zovaniya metafory v politicheskom diskurse = Features of the Use of Metaphor in Political Discourse. *Bulletin of the Moscow International Academy*, *1*, 170–175.

15. Sheigal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Moscow; Volgograd: Peremena, 367 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.161.1'42+811.163.41'42+81'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.64-51+Ш105.551.5 *ГРНТИ 16.21.27, 16.31.41* *Код ВАК 5.9.8*

Михаил Александрович Рудаков
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай, mihail.rudakov.93@mail.ru, SPIN-код: 5589-8203, https://orcid.org/0009-0000-6697-4201

Концепты *корупција* и *коррупция* в сербском и русском медиадискурсах

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена изучению структуры концептов* ***коррупция*** *в русском и* ***корупција*** *в сербском медиадискурсах в социокультурном и собственно лингвистическом аспектах. Исследование проводится в свете теории метафоры А. Н. Баранова. Объектом исследования являются концепты* ***коррупция*** *и* ***корупција*** *в контексте политического дискурса. Методом работы послужил качественный дискурс-анализ с элементами концептуального и метафорического анализа. Объект анализа — контексты употребления концептов в текстах СМИ на русском и сербском языках. Предметом исследования является функционирование указанных концептов, а также межъязыковые связи между соответствующими лексемами на лексикологическом уровне. Материалом исследования служат тексты ведущих печатных изданий на сербском и русском языках, опубликованные на официальных сайтах медиаизданий, а также данные толковых словарей русского и сербского языков, теоретические работы российских и сербских лингвистов. В исследовании доказывается гипотеза о нетождественности периферийной структуры концептов на родственных языках. Результатом настоящего исследования стала сеть метафорических значений, характерных для русского и сербского медийных дискурсов. Настоящее исследование имеет практическую значимость для исследования теории метафоры, сопоставительного славянского языкознания, в синхроническом и диахроническом изучении медийного дискурса.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, российские СМИ, сербские СМИ, язык СМИ, языковые средства, концептосфера, концепты, семантическое поле, концептуальные метафоры, коррупция.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Рудаков Михаил Александрович, преподаватель, Центр русского языка, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, Китай, email: mihail.rudakov.93@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Рудаков, М. А.* Концепты *корупција* и *коррупция* в сербском и русском медиадискурсах / М. А. Рудаков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 128-136.

Mikhail A. Rudakov
MSU-BIT University, Shenzhen, China, mihail.rudakov.93@mail.ru, SPIN code: 5589-8203, https://orcid.org/0009-0000-6697-4201

The Concepts of '*Коррупция*' vs '*Корупција*' (*Corruption*) in Russian and Serbian Media Discourses

ABSTRACT. *This article investigates the structure of the concepts "****коррупция****" in Russian vs "****корупција****" in Serbian (both mean corruption) in media discourses from a sociocultural and linguistic proper perspective. The study draws on A.N. Baranov's theory of metaphor. The research focuses on the concepts of "****коррупция****" (corruption) and "****корупција****" (corruption) in the context of political discourse. The complex research method combines qualitative discourse analysis and elements of conceptual and metaphorical analysis. The contexts of the usage of these concepts in Russian and Serbian media texts make up the object of analysis. The scope of the study covers the functioning of these concepts and the interlingual ties between the corresponding lexemes at the lexicological level. The practical research material comprises texts from the leading Serbian and Russian-language print media, published on the official websites of these media outlets, as well as data from explanatory dictionaries of the Russian and Serbian languages, and theoretical works by Russian and Serbian linguists. This study confirms the hypothesis that the peripheral structure of the concepts in the related languages is not identical. This research has discovered a network of metaphorical meanings characteristic of Russian and Serbian media discourses. This study has a practical significance for the theory of metaphor, comparative Slavic linguistics, and the synchronic and diachronic investigation of media discourse.*

KEYWORDS: *political discourse, political texts, journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, Russian media, Serbian media, mass media language, language means, conceptosphere, concepts, semantic field, conceptual metaphors, corruption.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Rudakov Mikhail Aleksandrovich, Teacher, Russian Language Center, MSU-BIT University, Shenzhen, China.*

FOR CITATION: *Rudakov M. A.* (2026). The Concepts of '*Коррупция'* vs '*Корупција*' (*Corruption*) in Russian and Serbian Media Discourses. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 128-136. (In Russ.).

© Рудаков М. А., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Лексема *коррупция* носит концептуальное значение в текстах СМИ, что отражается в ее вербализации на лингвистическом (лексикографическом и концептологическом) и экстралингвистическом уровнях. В этой связи интересна дифференциация лингвокультур *родственных* языков.

Цель исследования заключается в разработке сравнительной иерархической парадигмы актуализаций значений внутри лексем-концептов *коррупция* и *корупција* как единиц реализации сербского и русского медиадискурса. В настоящей работе нами были поставлены следующие исследовательские вопросы:

1. Каково лексическое наполнение ядерной зоны концептов на русском и сербском языках?
2. Какие метафорические модели репрезентируют периферийную зону?
3. Каким образом данные модели организованы?
4. Какова разница в актуализации метафорических моделей между русским и сербским дискурсами?

В рамках исследования мы выдвигаем гипотезу: родство языков (русского и сербского) не отождествляет концептуальные структуры массмедийных дискурсов, организованные по сетевому принципу. Социокультурные различия и политические факторы определяют как конфигурацию концептов, так и объем и характер периферийных зон.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической основой работы главным образом послужили труды по концептологии и теории метафоры.

С. Б. Куцый определяет концепт как «образование, значимое для данной культуры, отраженное в коллективном сознании, закрепленное за определенной областью действительности»[1]. Сопоставительный анализ концептов — фиксация различий семантических признаков, актуализируемых в медиадискурсе двух лингвокультур. По Ю. Е. Прохорову концепт понимается как преференция способов и средств организации общения [Прохоров 2004: 188]; в рамках нашей работы — культурно маркированная преференция. В лексико-семантическом плане важно сопоставить характер коннотации, связанный с лексемами, обозначающими исследуемые политические понятия.

Медиадискурс осуществляет «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве» [Кожемякин 2010: 18]. В нашей работе мы исследуем суггестивную, информативную и экспрессивную и магическую (убеждающую) функции данного явления вслед за Т. Грейдиной [Грейдина 2012].

В юридическом понимании термин *коррупция/корупција* на обоих языках также объединен семой ***власть*** и может включаться в семантическое макрополе ***власть***: он трактуется ФЗ «О противодействии коррупции» (редакция от 06.02.2023)[2], как «злоупотребление *служебным положением,* дача взятки, получение взятки, злоупотребление *полномочиями,* коммерческий подкуп» (курсив мой — М. Р.)

В лингвистической науке феномен коррупции как концепта исследовался А. Н. Барановым. Рабочим в свете конвенциональных метафор является суждение о том, что «структура метафор дискурса отражает „языковое бессознательное“ членов социума» [Баранов 2005: 25]. Обращение к дискурсу СМИ продиктовано тем, что он «представляет собой сиюминутный срез языкового и культурного состояния общества, (…) отражает как языковое, так и культурное статус-кво социума» [Иванова 2008: 29].

Метафора как способ выработки авторского взгляда на окружающую действительность «выполняет и функцию мышления» [Koller 2004: 2]. Один контекст может содержать разные по своим основаниям сравнения, которые, в свою очередь, привносят в семантическое поле различные по своей установке и степени выраженности оценки коннотации.

В лингвистической науке активно исследуется феномен метафоризации в массмедийном дискурсе, однако, на основании проведенного анализа существующей научной литературы по данной теме, можно сделать следующий вывод: метафоризация оказывается недостаточно изученной в компаративном аспекте применительно к лингвокультурам родственных языков.

---

[1] Куцый, С. Б. Лингвокультурная специфика концептов «богатство» и «бедность» (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Куцый С. Б. — Ставрополь, 2003. С. 9.

[2] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили тексты ведущих печатных медиаизданий на русском и сербском языках в период с 2019 по 2026 г. Предпочтение в рамках исследования отдавалось текстам федеральных/республиканских изданий, опубликованным на их интернет-порталах. Корпус примеров составлялся путем поиска лексем «коррупция» и «корупција» в поисковой строке сайтов медиаизданий.

Отбор источников осуществлялся по следующим критериям: 1) издание является федеральным (русские СМИ) / республиканским (сербские СМИ) с ежедневной или еженедельной периодичностью; 2) имеет официальный сайт с открытым архивом публикаций; 3) регулярно освещает социально-политическую тематику, 4) многолетняя (от 30 лет) история публикации.

Метод исследования — качественный дискурс-анализ с элементами концептуального и метафорического анализа. Объект анализа — контекст употребления лексемы *коррупция / корупција* (от словосочетания до абзаца).

Отбор контекстов осуществлялся методом направленной выборки: анализировались все случаи прямого значения или метафорического переноса. Общий объем проанализированного материала составил 300 контекстов (150 русских и 150 сербских).

Классификация метафор проводилась на основе дескрипторной теории метафоры А. Н. Баранова [Баранов 2005; Баранов 2014]. Выделялись метафорические модели по области-источнику: «болезнь», «животное / чудовище», «растение», «смерть», «ограничение / преграда» на основании ключевых лексем-маркеров.

В русскую выборку вошли издания «Коммерсантъ», «Ведомости», «Российская газета», «РБК», в сербскую — «Политика», «Данас», «Вечерње новости», «Нови стандард».

Настоящее исследование имеет ограничения, характерные для дискурс-анализа. В корпус примеров на русском языке вошли проправительственные официальные издания, что ограничивает возможность сопоставления по политическому признаку. Также метод направленной выборки не позволяет утверждать репрезентативность материала в статистическом смысле.

АНАЛИЗ ЯДЕРНОЙ ЗОНЫ КОНЦЕПТОВ

С целью выделения ядерных сем, входящих в структуру концепта *коррупция*, необходимо обратиться к лексикографическим данным. «Моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами»[1]. «КОРРУПЦИЯ (…) Подкуп, соблазнение, развращение взятками (должностных лиц)»[2]. Лексема *подкуп* толкуется так: «привлечь, склонить на свою сторону деньгами, подарками»[3].

Из приведенных толкований видно, что семы *передача денежных средств, моральная испорченность, незаконность, подкуп, должностное лицо* будут являться определяющими для поля. Предполагаем, что совокупность коннотаций, возникающих в процессе употребления лексем в медийном дискурсе, будет связана (прямо или косвенно) с актуализацией данных сем. Актуализация иных сем, не связанных с указанными выше элементами, будет формировать периферийное пространство поля.

В «Словаре матицы сербской» дано следующее определение лексемы *корумпирати*: «морално искварити подмићивањем, новцем, морално се искварити под утицајем корупције»: «морально разложиться путем взяточничества, посредством денег, под влиянием коррупции[4]. Лексема *корупција* толкуется посредством синонимического ряда «подмићивање, потплаћивање, поткупљивање, уопште морална искварeност»: «дача взятки, подкуп, в целом моральная испорченность»[5]. Лексемы *корупција* и *подмићивање*, переводимое словосочетанием *дача взятки*, отождествляются сербскими лексикографами. Как видим, в сербском языке актуализируются те же семы, что и в русском языке.

Вместе с тем, специфика лексической и семантической валентности лексемы *корупција* позволяет говорить о значительном

[1] Ожегов, С. И. Толковый словарь современного русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — Москва : ИТИ Технологии, 2003. — С. 307.

[2] Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Д. Н. Ушаков. — Москва : Советская энциклопедия : ОГИЗ, 1935–1940.

[3] Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Д. Н. Ушаков. — Москва : Советская энциклопедия : ОГИЗ, 1935–1940.

[4] Вујанић, М. Речник српскога језика / М. Вујанић и др. — Нови Сад : Матица српска, 2011. — С. 558.

[5] Вујанић, М. Речник српскога језика / М. Вујанић и др. — Нови Сад : Матица српска, 2011. — С. 558.

расширении ядерной структуры поля именно в медийном дискурсе. Ядро семантического поля *корупција* состоит из двух элементов. Следующие взаимосвязанные по своей природе актуализации семы будут считаться ядерными для обоих дискурсов:

1) преступные действия: „Traže se i jasne i stroge kazne za funkcionere koji zloupotrebljavaju položaj ili budžetska sredstva i zaštitu uzbunjivača koji prijavljuju korupciju“ (Danas, 09.03.2026). Маркер актуализации семы — юридический термин *кривично дело* (*уголовное преступление*). К данной группе принадлежит также актуализация семы *превышать полномочия,* zloupotrebljavati položaj». «Ассоциация „Союз дорожников Кубани“ и фонд „Моя Кубань“ оказались в центре внимания в связи с расследованием уголовного дела о масштабной коррупции в дорожно-строительной отрасли Краснодарского края» (Коммерсант, 26.03.2026). Клише *расследование + чего* имеет сильную валентность с клише *уголовное дело о + чём*;

2) коррупция как объект борьбы: „Koalicija Niš, moj grad pozvala je danas nadležne institucije da hitno preduzmu konkretne korake u borbi protiv korupcije i pokažu da je ona stvarni prioritet, a ne samo politička parola“: «Сегодня коалиция „Ниш, мой город“ призвала компетентные органы срочно предпринять конкретные шаги в борьбе с коррупцией и показать, что это реальный приоритет, а не просто политический лозунг» (Danas, 09.03.2026). Наблюдается включение изучаемой лексемы в официально-деловое клише *borba protiv korupcije*, *борьба с коррупцией.* Контекст примечателен наличием других штампов медийного дискурса: *preduzmu konkretne korake* ‘*предпринять конкретные шаги*’, *nadležne institucije* ‘*уполномоченные органы’*. Штампы вводят представление о коррупции как о части государственной и общественной системы, что углубляется постановкой оппозиции *stvarni prioritet ‘реальный приоритет’ — politička parola 'политический лозунг'* в конце данного контекста. Широко представлено употребление лексемы *корупција (коррупция)* в составе публицистического штампа *борба против корупције (борьба с коррупцией)*. Две указанные лексемы образуют клише, и ядерные компоненты образуют смысловое единство.

Актуализации семы *преступление* способствует вхождение лексемы *коррупция* в состав синтагмы *коррупция и криминал*, а соединение лексем сочинительным союзом *и* указывает на гипо-гиперонимическую взаимозависимость понятий. Актуализации семы *борьба* способствует употребление формы 1 л. мн. ч. глагола *усилить*, которая, уменьшая расстояние между адресатом и адресантом медиатекста, является элементом прагматического уровня, так как обладает ярко выраженной суггестивной функцией.

Ядро поля *корупција* характеризуется соответствием употребления лексемы в медийном тексте словарному значению, в языковом смысле отсутствием метафоричности, обилием официально-деловых клише, сложностью синтаксиса, характерной для текстов официального-делового стиля (обилие МСП, СПП). Очевидно, что в данных группах контекстов ведущей является установка автора статьи на информативность. «У наставку борбе против корупције и финансијског криминала (…), ухапсили су А. Ћ. (1983) и Н. Н. (1996), због постојања основа сумње да су извршили кривично дело превара у обављању привредне делатности» (Вечерње новости, 02.04. 2025): использованы клише административного дискурса: *постојање основа сумње* ‘наличие оснований в подозрении’, *извршити кривично дело* ‘совершить уголовное преступление’, *обављање привредне делатности* ‘осуществление хозяйственной деятельности’.

На основании дискурс-анализа можно сделать следующий вывод: ядерная семантика обоих концептов включает семы *деньги*, *злоупотребление служебным положением*, *уголовное преступление*, *незаконное обогащение*, что согласуется с данными толковых словарей, за исключением субъективного компонента *моральная испорченность*. Данная сема встречается на периферии концепта в медиадискурсе, ее функционирование анализируется в рамках теории метафоры.

Ядерное наполнение лексемы-концепта в русском и сербском медиадискурсах предельно схоже. Оба дискурса демонстрируют тенденцию к соединению нескольких клишированных оборотов в рамках одной синтагмы. В современном медиадискурсе на русском языке отчетлива тенденция к расширению ядра концепта *коррупция* и утрате яркой метафоризации лексемы в контексте массмедийных СМИ, особенно федерального уровня («Коммерсант», «Ведомости»), что будет показано ниже.

АНАЛИЗ ПЕРИФЕРИИ КОНЦЕПТОВ НА РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

Рассмотрим основные типы метафоризации лексемы *корупција* с точки зрения выражения в ней непрямых смыслов. Так, коррупцию сравнивают с болезнью, отождествляют с источником страдания: „**Korupcija muči** čitavu državu, kao i svaku državu koju zapad drži u neokolonijalnom statusu“ (Južne vesti, 19.10.2025). Коррупция одушевляется

журналистами (глагол *мучити ‘мучить’)*, используется прием олицетворения и отождествления явления коррупции с коллективным Западом. Частотна сочетаемость с глаголом *разарати* ‘разрушить’: „Корупција разара Украјину“ (Danas, 29.07.2023): «Коррупция разрушает Украину».

Контексты, в которых проявляется указанная метафоризация, многочисленны. «Država i društvo bili potpuno oboljeli od korupcije, kriminala i podmukle fašizacije» (Вијести, 02.05.2024) («Государство и общество полностью больны коррупцией, криминалом и фашизмом») — из интервью политолога Б. Граховца об Украине. Такие метафоры относятся к модели болезни по семантическому компоненту ‘общие компоненты, составляющие заболевания — то, что инициирует заболевания — последствия заболевания’. Коррупция чаще всего сравнивается с раком. См. реализацию данного постулата в статье, посвященной стрельбе в школе «Владислав Рибникар» в Белграде: „Све што се дешавало после 3. маја, па и протести 'Србија против насиља', показало је колико је корупција дубоко ушла у ткиво друштва“ (Глас јавности, 2023). Оборот *дубоко ушла у ткиво друштва* ‘проникла в ткань общества’ реализует критическую фунцию и привносит олицетворение в метафору по модели: *коррупция = рак — отмывание денег = проникновение метастаз*. Аналогичные примеры многочисленны: „Država u kojoj korupcija metastazira, zanemaruje ili uopšte ne obraća pažnju na socijalnu pravdu“: «Страна, где коррупция дает метастазы, игнорирует или вообще не обращает внимания на социальную справедливость» (Danas, 21.03.2021) — в оппозиционном издании данная метафоризация выполняет критическую функцию по отношении к властям Сербии.

В русском проправительственном медиадискурсе метафора болезни также присутствует, однако она чаще реализуется через лексемы с менее агрессивной семантикой («пандемия», «зараза») и нередко сопровождается указанием на меры противодействия («лекарство от коррупции», «профилактика»), что снижает оценочный потенциал. «В СФ рассказали о пандемии коррупции в Европе» (Сенат информ, 05.12.2025). Важно отметить, что метафора не олицетворяется: *коррупция = болезнь — распространение взяточничества = пандемия*.

Примечательно, что коррупцию метафорически сравнивают также со *смертью*: „Korupcija cveta, nigde “živih” para“ («Коррупция процветает: „живых“ денег нигде нет») (Danas, 03.01.2021). Употребление лексемы *живой* вкупе со смысловым противопоставлением ПП, входящих в состав данного БСП, формирует указанное скрытое сравнение. Примечательно, что оппозиция *живой — мёртвый* видна на уровне семантического противопоставления глагола *cvetati* ‘цвести’ и конструкции *nigde živih para*. Метафоризация лексемы *коррупция* двойная, опосредованная, то есть конечное сравнение коррупции со смертью осуществляется посредством употребления глагола *cvetati* ‘цвести’, метафорически обозначающего жизнь. Вместе с тем, лексема *pare* ‘деньги’ употребляется с прилагательным *živi* ‘живой’: *живыми* являются деньги, которые функционируют вне коррупционных схем. Так проявляется негативное отношение автора к коррупции и положительное к легальной финансовой политике.

К группе деструктивной метафоризации относятся метафоры *продовольственной* тематики, которые сравнивают коррупцию с едоком, внося в контекст негативную семантику *уничтожения*; см. глагол *(по)јести, хранити (се) — есть, питаться*. Например, „Kako je korupcija pojela život“ (Bez cenzure, 05.11.2024): «Как коррупция „съела“ жизнь». «Држава мора да престане да смета привреди регулативом која храни корупцију» (Правда, 20.09.2023): олицетворяются нормативные акты (*регулативе*) = ИСТОЧНИК КОРМЛЕНИЯ (*хранити корупцију* ‘*кормить коррупцию*’). Метафора вскармливания раскрывает коррупцию как внутренний продукт, порождение государственной системы. Так реализуется инвективная направленность текста: медиатекст имплицитно возлагает ответственность за масштабы коррупции на власть. Необходимо также отметить семантическое единство двух контекстов (коррупция как едок и как объект питания), что служит сращению метафор *продовольствие* и *живое существо*, *чудовище* в сербской языковой картине мира, для которой актуальна метафора КОРРУПЦИЯ = ЧУДОВИЩЕ + ЕДОК + ЕДА.

Между продовольственными метафорами и метафорами разрушения (соответствующие семы *еда* и *притеснение*) возможно установить прагматическую связь, поскольку данные метафоры имеют общую деструктивную природу: финитивное семантико-грамматическое значение видовой приставки *по-* в слове *појести* 'съесть'.

Сербские журналисты подчеркивают системность явления коррупции, вследствие чего на периферии лексемы *корупција* возможно выявить актуализацию сем *образ жизни* и *системность*. Данный тип метафоризации также носит ограничительный характер. Примечательно, что сема *власть*,

актуализирующаяся в подобных контекстах, также служит олицетворению коррупции и выполняет дискредитирующую функцию (коррупция признается формой власти): „Novinar Srđan Škoro izjavio je danas da je Srbija duboko podeljeno društvo, s razorenim institucijama u kojem jedino slobodno caruje korupcija“; „U Srbiji je samo korupcija slobodna“ (Вести, 31.01.2022): «Журналист Срджан Шкоро сегодня заявил, что Сербия — это глубоко расколотое общество с разрушенными институтами, где царит лишь коррупция»; «В Сербии лишь коррупция свободна»; „Nismo bespomoćni nego ljuti na okruženje u kojem vlada korupcija“: «Мы не беспомощны, но злы на окружение, в котором властвует коррупция» (Banja Luka.com, 06. 12.2022). Дискредитирующая функция реализуется с помощью глагольной метафоры (лексемы *владати, царовати — властвовать, царить*).

Метафорическое сравнение *контролёр, царь* в данном примере связано одновременно как с собственно группой метафор власти и с группой метафор ограничительного типа. В сербском медиадискурсе типичны метафоры так называемого ограничительного типа: «…метафоры *барьер, бремя, грань, ограниченное пространство, паутина, сито, фильтр* объединены в метафорическую модель более широкого уровня… ограничительная метафора… на основании семантического следствия ‘ограничение, сужение чего-л.’ — деятельности субъекта, прозрачности источника света, пространства'» [Баранов 2006]. Коррупция в сербском медийном дискурсе на переносном уровне сужает пространство, сковывает действия правовых субъектов, затрудняет функционирование системы управления: „Korupcija urušava i koči sveobuhvatan napredak države“ (Вијести, 10.12.2024): «Коррупция разрушает и тормозит развитие государства». Ограничительная семантика реализуется благодаря семантике торможения (метафора вербализована через глагол *kočiti — тормозить*) в клише массмедийного дискурса *тормозить развитие.*

„Korupcija dosegla vrhunac koordinacija svih problema“ (Bljesak info, 18.02.2026): *«Коррупция достигла своей вершины при координации всех проблем»*. Данные контексты указывают на метафорическое понимание коррупции и взяточничества как «вертикального явления». Вышеуказанный пример содержит введение метафоры *верх — низ,* что соответствует ключевому постулату теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что пространственные ориентиры «верх» и «низ» являются базовыми для осмысления абстрактных понятий: «хорошее» концептуализируется как находящееся наверху, а «плохое» — внизу (GOOD IS UP; BAD IS DOWN) [Лакофф, Джонсон 2004: 14–17].

Семантика давления, притеснения, сравнение коррупции с разрушающей силой позволяют говорить о построении метафоры по предложенному образцу — в сербских СМИ коррупция «осуществляет давление» (см. оборот, выделенный курсивом; курсив мой — М. Р.): „Ta ista drzavna *korupcija vrši pritisak* da ispunimo zahtev kolektivnog zapada da kopamo i filtriramo litijum“ (Нови стандард, 06.02.2025).

„Paukova *mreža korupcije* i zlostavljanja u ovoj kompaniji bila je neverovatna i vrlo mračna.“ (Blic, 19.04.2024): «Паутина коррупции и оскорблений в этой компании была невероятно мрачной» — о сексуальном насилии над женщинами со стороны главы египетской компании; „Prvaci BS-a... guraju svoju zemlju u ralje korupcije i kriminalnih klanova „*Србија у раљама* корупције“ (Vijesti, 11.04.2023): «Сербия в пасти коррупции». Данные примеры характеризуются наличием персонифицированной метафоры (сравнение неживого с живым; абстрактного явления с диким животным, хтоническим чудовищем). Введение метафоры *раља ‘пасть’* вносит сему *смерть* в пространство периферии поля *корупција* на ассоциативном уровне. Метафора *paukova mreža* является смежной, входя в соответствии со своей семантикой одновременно в группы *животные* и *ограничительные метафоры (сеть — животное).* Показателен выбор лексемы *паук* в качестве основания для метафоры.

Ярко выраженная метафоризация анализируемой единицы с добавлением негативной коннотации также присутствует в русском медиадискурсе, но в последние годы наблюдается тенденция к нейтрализации негативных коннотаций в СМИ либо использования инвективных коннотаций при характеристике политики Запада. Это яркая отличительная черта медиадискурса на русском языке. В русском дискурсе коррупция также сравнивается с болезнью либо с явлениями деструктивного характера, как в следующих контекстах, где очевидна яркая негативная коннотация при употреблении лексемы *коррупция*: «Коррупция разъела и сам Пентагон со всеми его спецорганами контроля» (Завтра, 02.08.2024). В примере метафора направлена на формирование отрицательного образа США. Негативная коннотация метафоры КОРРУПЦИЯ = КОРРОЗИЯ усиливается использованием клише *спецорганы контроля,* ассоциирующего читателя с государством.

Многочисленны примеры метафоры

КОРРУПЦИЯ = РАСТЕНИЕ, однако в современных примерах эмотивность данной метафоры снижается; вероятно, в российском медиадискурсе такая метафора всё больше воспринимается как устойчивый оборот. «Благодаря кому в высоких кабинетах народной столицы Дальнего Востока расцвела коррупция» (Daily Storm, 21.07.2020).

Примечательно, что «сопоставление коррупции с „гидрой“, „чудовищем“, „монстром“, „чудищем“, „драконом“ и другими существами образуют метафорическую модель „сверхъестественное существо“» [Барабаш 2016: 227] Более того, вслед за замечанием А. Н. Баранова можем установить частотность метафорического сравнения коррупции с «саморазвивающимся организмом» [Баранов 2014]. Частотны метафоры роста (по Лакоффу — Джонсону) — как *вширь*, так и *ввысь*: 1) «вширь»: «Создается ощущение, что региону требуется серьезная чистка и что коррупция серьезно разрослась и поразила если не всех чиновников, то заметную часть» (МК, 16.04.2021) — глагол *разрастись* актуализирует семантику распространения явления на плоскости, к тому же мы видим развернутую двухкомпонентную метафору: КОРРУПЦИЯ = РАСТЕНИЕ + КОРРУПЦИЯ = БОЛЕЗНЬ (глагол *поразить*); 2) «ввысь»: «Через всю бесплатную медицину России фактически проросла коррупция» (Регнум, 11.03.2019) — аналогия с растением заложена в глаголе *прорасти*. В дополнение к вышеприведенным примерам КОРРУПЦИЯ = ЧУДОВИЩЕ + ЕДОК + ЕДА в данном случае в сербских СМИ встречаем пример развернутой метафоры: „Skoro neprimetno i tiho, kapilarno i postepeno, korupcija se uvukla u svaki deo društva i države“ (Bez cenzure, 05.11.2024) — в данном примере с помощью лексем *uvući se* «проникнуть», *postepeno* «постепенно», *kapilarno* «капиллярно = по капиллярам» разворачивается метафора коррупция = живой организм и коррупция = манипулятор.

Немногочисленны примеры с использованием продовольственной метафоры и метафоры *зверь, чудовище.* Пример метафоризации встречаем в цитате*:* «Одним из грехов Киева является коррупция, и она „жрет Украину изнутри“. Об этом заявил пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков» (Ведомости, 12.11.2025). Эмотивная лексема с продовольственной семантикой приводится в контексте цитаты, однако сам журналист не использует данную лексему, что говорит о тенденции к опосредованной эмотивности в русском медиадискурсе. Экспрессивный глагол *жрать* вводит двойную метафоризацию: КОРРУПЦИЯ = ЖИВОТНОЕ; КОРРУПЦИЯ = ЕДОК. В сербском дискурсе в аналогичном значении используют развернутые метафоры: „Korupcija proždire naš grad i naše društvo, a guta i živote građana“ (Danas, 24.12.2024): «Коррупция прожирает наш город, наше общество и проглатывает жизни граждан». В данном контексте семы *чудовище* и *смерть* сопряжены.

В сербском медиадискурсе возможно установить больший объем периферийного пространства и актуализацию большего числа периферийных значений. Соответственно, объем ядерной структуры семантического поля *коррупция* гораздо больше аналогичного сербского семантического поля *корупција*. Формирование периферийной оценочной актуализации происходит благодаря метафоризации лексем *коррупция* и *корупција* в изучаемых медиадискурсах.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выявленные в ходе исследования факты позволяют сделать следующие выводы:

1) русский медиадискурс характеризуется большей степенью формализованности описания феномена коррупции: в СМИ на русском языке используется больше штампов из официально-делового стиля речи, из правового дискурса; сама лексема *коррупция* входит в большое количество стандартных оборотов массмедийного и правового дискурсов;

2) в русском проправительственном медиадискурсе в последние годы наблюдается уменьшение периферийной зоны концепта *коррупция*, нейтрализация контекстов с использованием этого слова-концепта;

3) концепт *корупција* как единица сербского медиадискурса отличается большим объемом периферии в сравнении с концептом русского медиадискурса *коррупция,* следовательно, концепт *корупција* более системно, нежели его русскоязычный аналог, регистрирует оценочные семы;

4) и русский, и сербский медиадискурс используют метафорический перенос как основное средство выражения эмоционально-оценочной семантики;

5) сербский медиадискурс отличается большей яркостью, оригинальностью и большим многообразием сем, образованных метафорическим переносом; русский медиадискурс по сравнению с сербским чаще использует «стертые» метафоры;

6) в русском проправительственном медиадискурсе официальной направленности контексты с ярко выраженной негативной семантикой встречаются в основном в составе цитат с интервьюируемым лицом, а также в текстах, оценивающих политику западных стран; в сербском медиадискурсе — в текстах, описывающих внутреннюю поли-

тику в оппозиционных изданиях;

7) в сербском медиадискурсе последовательно проводится олицетворение образа коррупции как живого существа, метафоры в русском медиадискурсе реализуются с использованием лексем с менее агрессивной семантикой;

8) оценочная коннотация на периферии семантического поля *коррупция* присутствует, однако выражение оценки в данном случае зависит от такого экстралингвистического фактора, как политическая направленность редакции медиаисточника на русском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доказано, что концепты *коррупция* и *корупција* с метафорическим компонентом организуются по сетевому принципу: об этом свидетельствует пересечение нескольких метафорических значений в одном контексте. Выявлено соединение метафорических значений *власть — зверь — низ*; *сеть — зверь*; *болезнь — продовольствие* через семантику разрушения. Такая организация периферии возникает вследствие многообразия сем оценочного свойства в структуре периферии лексем-концептов. В обоих дискурсах с разной частотностью зафиксировано регулярное пересечение метафорических моделей «болезнь — разрушение — ограничение», а также «живое существо — пища — власть», что свидетельствует о высокой степени концептуальной интеграции и эмотивной насыщенности.

Сравнительный анализ позволяет утверждать, что сербский медиадискурс демонстрирует более высокую степень метафорической креативности и оценочной маркированности по отношению к концепту *корупција*. На периферии данного концепта выявляется широкий спектр негативно-коннотативных сем (*смерть, мука, чудовище, едок, паутина, грязь*), которые регулярно актуализируются через развернутые и оригинальные метафоры. Русский медиадискурс, напротив, тяготеет к нейтрализации оценки, формализации и сокращению периферийной зоны концепта *коррупция*.

В российских СМИ актуализация негативной периферии прямо коррелирует с политической ориентацией издания: оппозиционные СМИ используют метафоры критической направленности, проправительственные избегают их. В сербском медиадискурсе оценочная периферия присутствует в изданиях разного политического спектра.

Проведенное сопоставительное исследование позволяет утверждать, что гипотеза о нетождественности конфигураций концептов на родственных языках доказана.

ИСТОЧНИКИ

А. На русском языке

1. «Газета.ру» : сайт. — URL: http://www.gazeta.ru (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
2. «Завтра» : сайт. — URL: https://zavtra.ru/ (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
3. «Комсомольская правда» : сайт. — URL: http://kp.ru (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
4. «Коммерсант» : сайт. — URL: http://kommersant.ru (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
5. РБК : сайт. — URL: https://www.rbc.ru/ (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
6. «Регнум» : сайт. — URL: https://regnum.ru (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
7. «Сенат информ» : сайт. — URL: https://senatinform.ru/ (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
8. «Новая газета» : сайт. — URL: http://www.novaya gazeta.ru (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
9. «Правда» : сайт. — URL: http://gazeta-pravda.ru (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
10. «Ведомости» : сайт. — URL: http://vedomosti.ru (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
11. «Daily Storm» : сайт. — URL: https://dailystorm.ru/ (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).

Б. На сербском языке

12. „Вести” : сайт. — URL: http://vesti.rs (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
13. „Вечерње новости” : сайт. — URL: http://novosti.rs (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
14. „Нови стандард” : сайт. — URL: https://standard.rs (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
15. „Политика” : сайт. — URL: http://politika.rs (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
16. „Правда” : сайт. — URL: http://www.pravda.rs (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
17. „Република” : сайт. — URL: https://www.republika.rs (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
18. „Bez censure” : сайт. — URL: https://bezcenzure.rs/ (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
19. Blic : сайт. — URL: https://blic.rs/ (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
20. „Bljesak.info” : сайт. — URL: https://bljesak.info/ (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
21. „Danas” : сайт. — URL: http://danas.rs (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
22. „Glas javnosti” : сайт. — URL: http://www.glas-javnosti.rs (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
23. „Južne vesti” : сайт. — URL: https://www.juznevesti.com (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
24. „Vijesti” : сайт. — URL: http://www.vijesti.me (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барабаш, О. В. Концепт «коррупция» и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка / О. В. Барабаш // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 223–229. — EDN YMJXRO.

2. Баранов, А. Н. Феномен коррупции в метафорах двух дискурсов / А. Н. Баранов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Междунар. конф. «Диалог-2005». — Москва, 2005. — С. 25–30. — EDN RGQPPZ.

3. Баранов, А. Н. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафорики / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Е. А. Шипова. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006. — 84 с. — URL: https://indem.ru/anti-corr/AWBreport/RUTXT/142.htm (дата обращения: 10.04.2026). — EDN PVXYPV.

4. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — (Studia philologica). — ISBN 978-5-9905856-7-6.

5. Воронцова, Ю. А. Концепт КОРРУПЦИЯ в русской языковой картине мира: прагматический аспект / Ю. А. Воронцова, Е. Ю. Хорошко // Когнитивные исследования языка. — 2017. — № 30. — С. 713–716. — EDN ZMQJBL.

6. Герасимова, А. В. Морбиальная природа концепта «коррупция» в современном дискурсе СМИ / А. В. Герасимова // Studium juvenis : межвузовский сборник трудов молодых уче-

ных. – Челябинск : СИМАРС, 2014. — Вып. 7. — С. 9–14. — EDN XFUMPJ.

7. Грейдина, Н. Л. Политическая коммуникация в системе СМИ (контекст событий юго-востока Украины) / Н. Л. Грейдина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — Владикавказ, 2016. — № 4 (24). — С. 13–18. — EDN XBEUXN.

8. Заурвайн, К. Х. Коррупция — возвращение «старого» мира в эпоху модерна? / К. Х. Заурвайн, В. Гиряева // Социологическое обозрение. — 2012. — Т. 11, № 3. — С. 105–119. — EDN PXBXSJ.

9. Иванова, С. В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2008. — Вып. 1 (24). — С. 29–33. — EDN JVZAPT.

10. Караулов, Ю. Н. Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. — 1972. — № 1. — С. 57–68. — EDN OKBZFC.

11. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — Вып. 11. — № 2 (73). — С. 13–21. — EDN MTXURN.

12. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Джордж Лакофф, Марк Джонсон ; перевод с английского ; под редакцией и с предисловием А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00222-2. EDN QRAADX.

13. Пинчук, А. Н. Коррупция в свете социологических теорий / А. Н. Пинчук // Горизонты гуманитарного знания. — 2019. — № 2. — С. 80–95. — DOI 10.17805/ggz.2019.2.6. — EDN TKJAKC.

14. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2004. — 204 с. — ISBN 5-98269-028-7. EDN MBMAVB.

15. Koller, V. Metaphor and Gender in Business Media Discourse / V. Koller. — New York : Pallgrave Macmillian, 2008. — 245 p. — ISBN 9780230217072.

MATERIALS

A. In Russian

1. Gazeta.ru. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from http://www.gazeta.ru.

2. Zavtra. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from https://zavtra.ru/.

3. Komsomolskaya pravda. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from http://kp.ru.

4. Kommersant. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from http://kommersant.ru.

5. RBK. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from https://www.rbc.ru/.

6. Regnum. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from https://regnum.ru.

7. Senat inform. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from https://senatinform.ru/.

8. Novaya gazeta. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from http://www.novayagazeta.ru.

9. Pravda. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from http://gazeta-pravda.ru.

10. Vedomosti. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from http://vedomosti.ru.

11. Daily Storm. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from https://dailystorm.ru/.

B. In Serbian

12. Vesti. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from http://vesti.rs.

13. Večernje novosti. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from http://novosti.rs.

14. Novi standard. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from https://standard.rs.

15. Politika. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from http://politika.rs.

16. Pravda. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from http://www.pravda.rs.

17. Republika. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from https://www.republika.rs.

18. Bez cenzure. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from https://bezcenzure.rs.

19. Blic. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from blic.rs/

20. Bljesak.info. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from https://bljesak.info.

21. Danas. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from http://danas.rs.

22. Glas javnosti. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from http://www.glas-javnosti.rs.

23. Južne vesti. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from https://www.juznevesti.com.

24. Vijesti. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from http://www.vijesti.me.

REFERENCES

1. Barabash, O. V. (2017). Kontsept “korruptsiya” i ego reprezentatsii v semanticheskom prostranstve russkogo yazyka = The concept of “corruption” and its representations in the semantic space of the Russian language. *Political Linguistics*, *6*, 223–229.

2. Baranov, A. N. (2005). Fenomen korruptsii v metaforakh dvukh diskursov = The phenomenon of corruption in the metaphors of two discourses. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference “Dialog 2005”, Moscow*, 25–30.

3. Baranov, A. N., Mikhailova, O. V., Shipova, E. A. (2006). Nekotorye konstanty russkogo politicheskogo diskursa skvoz' prizmu politicheskoy metaforiki = Some constants of Russian political discourse through the prism of political metaphorics. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 84 p. Available from https://indem.ru/anti-corr/AWBreport/RUTXT/142.htm?ysclid=mnspt6agcj35763778.

4. Baranov, A. N. (2014). Deskriptornaya teoriya metafory = Descriptor theory of metaphor. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 632 p. (Studia philologica).

5. Vorontsova, Yu. A., Khoroshko, E. Yu. (2017). Kontsept KORRUPTSIYA v russkoy yazykovoy kartine mira: pragmaticheskiy aspekt = The Concept of CORRUPTION in the Russian Linguistic Picture of the World: The Pragmatic Aspect. *Cognitive Studies of Language*, *30*, 713–716. EDN ZMQJBL.

6. Gerasimova, A. V. (2014). Morbial′naya priroda kontsepta «korruptsiya» v sovremennom diskurse SMI = The Morbid Nature of the Concept “Corruption” in Modern Media Discourse. *Studium juvenis. Interuniversity Collection of Works by Young Scientists*, *7*, 9–14. Chelyabinsk: SIMARS. EDN XFUMPJ.

7. Greydina, N. L. (2016). Politicheskaya kommunikatsiya v sisteme SMI (kontekst sobytiy yugo-vostoka Ukrainy) = Political communication in the media system (the context of the events in southeastern Ukraine). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, *4*(24), 13–18.

8. Zaurvayn, K. Kh., Giryaeva, V. (2012). Korruptsiya — vozvrashchenie «starogo» mira v ehpokhu moderna? = Corruption: A Return of the “Old” World to the Modern Era? *Sociological Review*, *11*(3), 105–119. EDN PXBXSJ.

9. Ivanova, S. V. (2008). Politicheskiy media-diskurs v fokuse lingvokul'turologii = Political media discourse in the focus of cultural linguistics. *Political Linguistics, 1*(24), 29–33.

10. Karaulov, Yu. N. (1972). Struktura leksiko-semanticheskogo polya = The structure of the lexical-semantic field. *Philological Sciences*, 1, 57–68.

11. Kozhemyakin, E. A. (2010). Massovaya kommunikaciya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniy = Mass communication and media discourse: Towards a methodology of research. *Scientific notes of Belgorod State University. Series: Humanities, 11*(2), 13–21.

12. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). Metafory, kotorymi my zhivem = Metaphors We Live By. (A. N. Baranov, Ed. & Trans.). Moscow: Editorial URSS, 256 p.

13. Pinchuk, A. N. (2019). Korruptsiya v svete sotsiologicheskikh teoriy = Corruption in Light of Sociological Theories. *Horizons of Humanitarian Knowledge*, *2*, 80–95. DOI 10.17805/ggz.2019.2.6. EDN TKJAKC.

14. Prokhorov, Yu. E. (2004). V poiskakh kontsepta = In search of the concept. Moscow: Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina, 204 p.

15. Koller, V. (2008). Metaphor and Gender in Business Media Discourse. New York: Pallgrave Macmillian, 245 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.33; 16.21.51* *Код ВАК 5.9.6, 5.9.9*

Евгений Владимирович Танков
Хакасский технический институт — филиал Сибирского федерального университета, Абакан, Россия, e.tankov@mail.ru, SPIN-код: 2272-1437

Фрейм «NARCISSISM»: понятийное содержание и актуализация в американском политическом дискурсе (на примере медийного образа Д. Трампа)

АННОТАЦИЯ. *В статье тематизируются семиотические особенности современной политики, характеризующейся разнообразием в использовании технологических средств и дискурсивных стратегий. В работе исследуются медикализация и психологизация дискурса как распространенные практики интерпретации поведения политического оппонента. Целью работы является рассмотрение понятийного содержание фрейма «NARCISSISM» в американском политическом дискурсе. В качестве объекта исследования выступает политический медийный образ действующего президента США Д. Трампа. В статье анализируется представление политика в массмедиа, интерпретирующих его поведение и деятельность как процессуальные модели, характерные для нарциссической личности. При этом отмечается актуализация в рассмотренных контекстах бинарной оппозиции «норма — отклонение/болезнь». В качестве основных методов исследования применяются лексикографический и контекстуальный анализ. Лексикографический материал собран на основании словарных статей американских и британских словарей. В контекстуальном анализе используются публикации американских средств массовой информации. В результате исследования определяются основные смысловые области фрейма и их семантическое наполнение. Выделяются два семантических ядра: характерологические особенности нарциссической личности и повышенная эмоциональность в процессе принятия решений. Фрейм «NARCISSISM» в этой связи может рассматриваться как аргументативный фрейм, который включается в стратегию критики, применяемую по отношению к политическим оппонентам. Полученные результаты могут быть использованы в рамках исследований по политической и когнитивной лингвистике.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, англоязычные СМИ, язык СМИ, языковые средства, медиаобразы, американские президенты, фреймы, нарциссизм, понятийное содержание.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Танков Евгений Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра прикладной информатики, естественно-научных и гуманитарных дисциплин, Хакасский технический институт — филиал Сибирского федерального университета, г. Абакан, Россия, email: e.tankov@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Танков, Е. В.* Фрейм «NARCISSISM»: понятийное содержание и актуализация в американском политическом дискурсе (на примере медийного образа Д. Трампа) / Е. В. Танков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 137-143.

Evgeniy V. Tankov
Khakassky Technical Institute — Branch of Siberian Federal University, Abakan, Russia, e.tankov@mail.ru, SPIN code: 2272-1437

The Frame NARCISSISM: Conceptual Content and Actualization in American Political Discourse (Based on the Media Image of Donald Trump)

ABSTRACT. *The article focuses on the semiotic features of modern politics, which is characterized by a variety of technological tools and discourse strategies. It explores the medicalization and psychologization of discourse as common practices of interpreting the behavior of political opponents. The aim of the study is to examine the conceptual content of the frame "NARCISSISM" in American political discourse. The scope of research covers the political media image of the current U.S. President, Donald Trump. The article analyzes the representation of the politician in the mass media, which interpret his behavior and activities as processual models typical of a narcissistic personality. In this context, the study highlights the binary opposition "norm — deviation/illness". The main research methods used are lexicographic and contextual analyses. The lexicographic material has been collected from the entries of American and British dictionaries. The contextual analysis involves publications from American media outlets. The study discovers the main semantic areas of the frame and describes their semantic content. Two semantic cores are distinguished: the characterological features of a narcissistic personality and increased emotionality in the decision-making process. In this regard, the "NARCISSISM" frame can be considered as an argumentative frame that is included in the strategy of criticism targeted at political opponents. The results obtained can be used in political and cognitive linguistics research.*

KEYWORDS: *political discourse, political texts, journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, English-language media, mass media language, language means, media images, American presidents, frames, narcissism, conceptual content.*

© Танков Е. В., 2026

AUTHOR'S INFORMATION: *Tankov Evgeniy Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Applied Informatics, Natural Sciences and Humanities, Khakassky Technical Institute — Branch of Siberian Federal University, Abakan, Russia.*

FOR CITATION: *Tankov E. V.* (2026). The Frame NARCISSISM: Conceptual Content and Actualization in American Political Discourse (Based on the Media Image of Donald Trump). In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 137-143. (In Russ.).

Медийные дискурсивные практики охватывают различные сферы жизнедеятельности людей. Эти практики, как правило, характеризуются взаимодействием различных семантических областей. Так, при представлении политика в рамках политического дискурса могут взаимосвязано употребляться рекламный, новостной, экономический дискурсы. В случае применения критического анализа по отношению к политическому деятелю может использоваться и медицинский дискурс. Ярким примером такой дискурсивной практики является создание негативного образа Д. Трампа в американских масс-медиа. В качестве медицинского фактора, «стигматизирующего» заболевания, предстает «нарциссизм» действующего президента США. Нарциссизм как социально-политический феномен вызывает интерес исследователей различных областей [см. Рубцов 2020, Renshon 2020]. Это связано также с тенденцией, проявляющейся в западных медийных средствах в последние десятилетия, которую можно обозначить как «психологизация» политики [см. Sinnott 2020, Pancer 1999]. Этот подход заключается в интерпретации моделей поведения политиков посредством использования клинических диагнозов. Нарциссизм, являясь диагностируемым состоянием, превращается в медийном пространстве в набор соответствующих характеристик: чрезмерное внимание к собственной персоне, потребность в постоянном восхищении, нетерпимость к критике и др. Тем самым в обществе создаются устойчивые модели восприятия «стигматизированного» политика, которые могут иметь в своей основе бинарную оппозицию «норма — отклонение/болезнь» [см. Танков 2020]. Этому способствует широкое обсуждение нарциссизма и связанных с ним проблем в американском обществе, что проявляется в освещении данной темы в масс-медиа и появлении многочисленной литературы, рассчитанной на широкий круг читателей [см. Malkin 2016, Durvasula 2024, Behary 2013].

С лингвистической точки зрения семантические средства актуализации феномена «нарциссизм» в рамках дискурсивной объективации могут быть представлены в виде соответствующего фрейма. В данной работе фрейм рассматривается как всегда структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними; это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации [Болдырев 2000: 61].

Для структурирования фрейма используются метод анализа словарных дефиниций, который позволяет определить основные семантические характеристики, отражающие смысловое наполнение фрейма, и метод контекстуального анализа, дающий возможность уточнить набор релевантных языковых средств.

Анализ англоязычных толковых словарей позволяет более точно очертить смысловые контуры понятия „narcissism“. Некоторые словари дают одно общее определение. Например, словарь Merriam-Webster отмечает: *narcissism: excessive interest in oneself* [Merriam-Webster 2026]. Аналогично словарь Cambridge указывает, что narcissism: *great interest in and pleasure at your own appearance and qualities* [Cambridge 2026]. И в одном и в другом случае речь идет о неком состоянии, привычке или интересе без патологических нюансов.

Словарь Collins дает дефиницию: *narcissism is the habit of always thinking about yourself and admiring yourself* [Collins 2026], указывая ниже: *formal, disapproval*. Таким образом, если первые два словаря фиксируют диалектичность понятия *narcissism*, то последний отмечает его негативную коннотацию. Кроме того словарь Collins приводит британский и американский варианты основных значений. Британский английский: 1. *an exceptional interest in or admiration for oneself*; 2. *sexual satisfaction derived from contemplation of one's own physical or mental endowments* [ibid.]. Американский вариант: 1. *inordinate fascination with oneself; excessive self-love; vanity*; 2. *Psychoanalysis, erotic gratification derived from admiration of one's own physical or mental attributes, being a normal condition at the infantile level of personality development* [ibid.].

В словаре Oxford представлены два значения: 1. *(formal, disapproving) the habit to admiring yourself too much, especially your appearance*; 2. (psychology) *a condition in which somebody is only interested in themselves and what they want, and has a strong need to be admired and a lack of understanding of other*

people's feelings [Oxford BE 2026]. Первое значение (дословно) отражено в американском варианте данного словаря без указания на особое психологическое значение рассматриваемого слова [Oxford AE 2026].

Словарь Webster's New World College дает три определения: 1. *excessive interest in one's own appearance, comfort, importance, abilities, etc*. 2. *a personality disorder characterized by an exaggerated sense of self-importance, a need for admiration, and a lack of empathy: also called: narcissistic personality disorder*. 3. *psychoanalysis arrest at or regression to the first stage of libidinal development, in which the self is an object of erotic pleasure* [Webster's New 2026].

В словаре Britannica представлено следующее определение: «N**arcissism,** *pathological self-absorption, first identified as a mental disorder by the British essayist and physician Havelock Ellis in 1898. Narcissism is characterized by an inflated self-image and addiction to fantasy, by an unusual coolness and composure shaken only when the narcissistic confidence is threatened, and by the tendency to take others for granted or to exploit them*» [Britannica 2026]. Указание на патологию и расстройство, а также эгоистичное утилитарное отношение к другим людям однозначно маркируют *narcissism* как негативное состояние.

Таким образом, словарные дефиниции по большей части определяют ***n**arcissism* как отрицательное явление, оставляя возможность и для его ситуативной положительной оценки.

Материалом для контекстуального анализа являются тексты американской прессы. В качестве объекта рассмотрения выступает политическая фигура и деятельность Д. Трампа.

В американских средствах массовой информации нарциссизму даются как краткие, адаптированные и ориентированные на широкую аудиторию определения, напр., «"narcissistic personality disorder", a pathology characterised by carelessness and an excessive need for admiration and attention» [Theodosiadis 2026], «Grandiose, entitled, arrogant, and hungry for admiration, Trump appears to many professional and amateur diagnosticians as the very embodiment of the malignant narcissist, a "world-class" exemplar of this miserable personality type…» [Lunbeck 2026], «Trump's lack of empathy is on regular display; it is legendary» [Goodman 2026], так и развернутые медицинские определения.

Понятие ***n**arcissism* применяется к различным аспектам в жизнедеятельности Д. Трампа. Оно соотносится с его подписью, напр., **«**Indeed, signature size is not only an indicator of status and self-esteem,.. . It is also, as recent studies suggest, an indicator of narcissistic tendencies — the kind that many argue are exhibited by Trump's big, bold signature. [Zweigenhaft 2026], анализом внутрисемейной жизни, напр., «Besides believing that her uncle fits the nine criteria of clinical narcissism, Mary Trump believes he also may suffer from antisocial personality disorder..» [Lippman 2026], «She (*авт. Mary Trump*) has no problem calling Donald Trump a narcissist, …» [Szalai 2026].

Очевидно, что к персоне главы государства предъявляются особые требования, поскольку последствия его решений распространяются на все сферы функционирования США. Политические соперники указывают, что подход Д. Трампа к решению политических проблем, который обусловлен его нарциссизмом, может иметь катастрофические последствия для его страны и мира в целом. Напр., «The nation, the Western Hemisphere and the world at large need to figure out how to place restrains on this ethically vacuous president, or we will all suffer continued and ever-worsening damage» [Edsall 2026]. Личное качество трансформируется, принимает более сложные и масштабные формы, прогрессирует. Напр., «…his well-documented narcissism and grandiosity has metastasized into notions of omnipotence, invincibility and infallibility» [Kruse 2025]. Это подразумевает непредсказуемость развития событий и политических действий, которые могут быть им предприняты. Маркерами негативного отношения к нарциссизму политика выступают утверждения о необходимости борьбы с ним, напр.: «But if we're to break out of the narcissistic cycle and solve the problems of which Trump is a symptom, we need to talk and think about it in the right way» [Theodosiadis 2026].

Следует отметить, что наличие нарциссизма у высшего должностного лица США в публикациях последних лет зачастую не обсуждается, а представляется как константа, напр.: «Now, Trump's pathological narcissism, a hard-to-treat personality disorder, is on full display [Goodman 2026]. Некоторые авторы отсылают к мнению специалистов, врачей, напр., «Although the American Psychiatric Association strongly discourages mental-health professionals from assigning mental-illness labels to public figures, some clinicians have even suggested that President Trump has narcissistic personality disorder, or NPD» [McAdams 2019].

При анализе причин нарциссизма речь идет не только об общих психологических механизмах, напр.: «From a psychoanalytic

perspective, his narcissism is malignant in the sense it is organized around a profound inner emptiness. Malignant narcissism is a combination of narcissism and psychopathology» [Edsall 2026]. В описание могут включаться сведения из области нейрохимии, напр., зависимость от власти (addiction to power) обосновывается следующим образом: «Its effects occur at the cellular and neurochemical level… The primary neurochemical involved in the reward of power that is known today is dopamine…» [ibid.].

Как человек, формирующий модели поведения в руководстве государства, президент США вызывает критику, поскольку, с точки зрения оппонентов, он способствует культивированию специфических личных качеств (loyalty/ верность, applause/*зд.* чинопочитание) у чиновников. За этими качествами может скрываться непрофессионализм. Напр., «Moreover, hyper-sensitivity to criticism places premiums on the narcissist's surrounding himself with sycophants. No wonder the narcissist needs courtiers around him» [Brenner 2026].

Положительные характеристики, которые может содержать понятие *narcissism*, отражают синонимические ряды, включающие такие лексемы, как *assurance/уверенность, pride/ гордость, self-confidence/ самоуверенность* [Thesaures 2026]. Это предполагает использование данного понятия с положительной коннотацией. Однако медийные контексты, если и отмечают эту особенность лексемы *narcissism*, то в критическом ракурсе, напр.: «What we need to do is acknowledge the often considerable charisma and charm that enable some high-functioning and successful narcissists to extract from adoring acolytes the admiration that sustains their sense of self» [Lunbeck 2026]; «a successful leader will be, by definition, narcissistic — capable of crafting a vision of change and transformation and charismatic enough to attract acolytes…» [ibid.] (на что указывает употребление лексемы *acolytes*).

Анализируя политическую стратегию Д. Трампа, авторы ряда публикаций отмечают, что нарциссизм как амбивалентная психологическая особенность может оказывать положительное воздействие на восприятие политика: «His narcissism is a resource for — not an impediment to — his electoral and political success» [Lunbeck 2026]; «Trump has been constantly violating the taboos of political correctness, in particular those around sexism and racism. This is a winning strategy on two fronts:…» [Theodosiadis 2026]. В качестве стратегического подхода может рассматриваться и использование определенного образа (например, мессии), который коррелирует с нарциссическими характеристиками (завышенная самооценка, чувство превосходства, грандиозные фантазии), напр.: «Other scholars and observers say he's an opportunist who also is a narcissist who also recognizes considerable political utility in wrapping himself in such a divine mantle [зд. мантия мессии]» [Kruse 2025]. Следует отметить, что на концептуальном уровне нарциссизм коррелирует с такими характеристиками мессианства, как масштабность планов, повышенный чувственно-эмоциональный фон, агрессивность, уникальность носителя идеи [см. Танков 2020].

Неприятие критики как один из симптомов нарциссизма часто попадает в фокус внимания его оппонентов. Конструктивная реакция на критику, уважительное отношение к политическим соперникам являются принципиально важными качествами для части избирателей, напр.: «In addition to being intoxicated by praise, Trump is hypersensitive to criticism. The fact that well educated people were less supportive of his three campaigns for the presidency probably fueled the attacks on institutions of higher learning…» [Goodman 2026].

Таким образом, лексикографический и контекстуальный анализы позволяют сделать вывод о том, что *narcissism* превращается из психологического и клинического термина в дискурсивный конструкт, используемый для критической оценки политического соперника. При анализе деятельности политика в фокусе внимания массмедиа оказываются психологические характеристики. Такой подход упрощает сложные политические процессы до личностных особенностей. Подобная интерпретация является спорной, поскольку клинический диагноз требует медицинского подтверждения, конфиденциальности, соблюдения норм профессиональной этики. Однако эта дискурсивная практика демонстрирует свою эффективность, вызывая интерес у аудитории, понижая уровень осмысления, апеллируя к устойчивому фрейму.

Анализ актуализации фрейма *Narcissism* в политическом дискурсе позволяет определить его как аргументативный фрейм, ментальный конструкт, который используется для обоснования поведения политического деятеля. К структурным элементам рассматриваемого фрейма относятся: ретроспекция (факты биографии в изложении близких и родственников, почерк и пр.) — диагностирование (нарциссизм vs мегаломания, явный и мнимый (симулируемый) нарциссизм, мнение экспертов и пр.) — кон-

статация нарциссизма — обоснование поведения через призму нарциссизма (аргументация, интерпретация фактов жизнедеятельности посредством понятия «нарциссизм») — проспекция (дальнейшее (негативное) развитие событий, (опасные) последствия действий, обусловленные нарциссизмом).

В понятийном содержании фрейма *Narcissism* можно выделить два семантических ядра. Во-первых, характерологические особенности нарциссической личности: завышенная самооценка, потребность в восхищении, чувство собственной значимости, отсутствие эмпатии, стремление к манипуляции другими людьми. Во-вторых, повышенная эмоциональность в процессе принятия решений: неприятие критики, слабая аналитическая составляющая, чрезмерная самоуверенность, спонтанность, интуитивность, нереалистичность планов.

Выявленные характеристики представляются как личностные качества, которые проявляются в профессиональной деятельности политика и реализуются в определенных моделях поведения (самовозвеличивание, эскалация отношений и др.).

Перспективным представляется определение языковых средств выражения семантики фрейма NARCISSISM и установление ситуативных моделей его актуализации.

ИСТОЧНИКИ

1. Brenner, M. J. Narcissism and Trump: The long story / M. J. Brenner. — URL: https://theglobalist.com/narcissism-and-donald-trump-united-states/ (date of access: 20.04.2026).
2. Britannica. — URL: https://www.britannica.com/science/narcissism (date of access: 20.04.2026).
3. Cambridge Dictionary. — URL: www.dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/narcissism (date of access: 20.04.2026).
4. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. — URL: www.collinsdictionary.com/dictionary/english/narcissism (date of access: 20.04.2026).
5. Edsall, T. Trump Unmusked / T. Edsall. — URL: https://www.nytimes.com/2026/01/13/opinion/trump-presidential-power-addiction.html (date of access: 20.04.2026).
6. Goodman, M. The NYT Times continues to normalize Trump / M. Goodman. — URL: https://www.counterpunch.org/2026/03/25/the-nyt-times-continues-to-normalize-trump/ (date of access: 20.04.2026).
7. Kruse, M. Does Trump actually think he's God? / M. Kruse. — URL: https://www.politico.com/news/magazine/2025/05/30/trump-god-messiah-assassination-attempt-00362322 (date of access: 20.04.2026).
8. Lippman, D. Psychological disorders and family squabbles: 9 details from the book by Donald Trump's niece / D. Lippman. — URL: https://www.politico.com/news/2020/07/07/nine-details-donald-trump-niece-book-350808 (date of access: 20.04.2026).
9. Lunbeck, E. The allure of Trunp's narcissism / E. Lunbeck. — URL: https://lareviewofbooks.org/article/the-allure-of-trumps-narcissism/ (date of access: 20.04.2026).
10. McAdams, Dan P. A theory for why Trump's base won't budge / Dan P. McAdams. — URL: https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2019/12/how-narcissists-wear-out-their-welcome/602446/ (date of access: 20.04.2026).
11. Merriam-Webster Dictionary. — URL: http://www.merriam-webster.com/thesaurus/ narcissism (date of access: 20.04.2026).
12. Oxford Dictionary BE. — URL: http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/narcissism (date of access: 20.04.2026).
13. Oxford Dictionary AE. — URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/narcissis (date of access: 20.04.2026).
14. Szalai, J. All in the family dynamics: Donald Trump's niece on the president's clan / J. Szalai. — URL: https://www.nytimes.com/2020/07/08/books/review-too-much-never-enough-mary-trump.html (date of access: 20.04.2026).
15. Theodosiadis, M. It's dangerous to flatter Trump's narcissism with too much attention / M. Theodosiadis. — URL: https://theconversation.com/its-dangerous-to-flatter-trumps-narcissism-with-too-much-attention-71854 (date of access: 20.04.2026).
16. Thesaurus.com. — URL: https://www.thesaurus.com/browse/narcissism (date of access: 20.04.2026).
17. Webster's New World College Dictionary. — URL: https://www.collinsdictionary.com/us/dictionary/english/narcissism (date of access: 20.04.2026).
18. Zweigenhaft, R. Signature size and narcissism — a psychologist explains a long ago discovery that helped establish the link / R. Zweigenhaft. — URL: https://theconversation.com/signature-size-and-narcissism-a-psychologist-explains-a-long-ago-discovery-that-helped-establish-the-link-267572 (date of access: 20.04.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Изд-во Тамбовского ун-та, 2000. — 123 с.
2. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. — 2-е изд., стер. — Москва : УРСС, 2005. — 286 с. — ISBN 5-354-01133-7. — EDN QRMWDT.
3. Добычина, В. В. Современный политический деятель: как соцмедиа формирует имидж / В. В. Добычина // Архонт. — 2024. — № 11(50). — С. 23–25. — EDN AFLKVF.
4. Какзанова, Е. М. Фреймовая объективация медицинских интернациональных терминов-эпонимов / Е. М. Какзанова // Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии : Материалы Всерос. конф. (Санкт-Петербург, 18–20 окт. 2016 г.) / гл. ред. С.Ф. Багненко. — Санкт-Петербург : Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И. П. Павлова, 2016. — С. 88–91. — EDN XSUWRT.
5. Рубцов, А. В. Нарцисс в броне. Психоидеология «грандиозного Я» в политике и власти / А. В. Рубцов. — Москва : Прогресс-Традиция, 2020. — 816 с. — ISBN 978-5-89826-585-4.
6. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : монография / Г. Г. Слышкин. — Волгоград : Перемена, 2004. — 340 с. — ISBN 5-88234-704-1. — EDN QRPAAV.
7. Танков, Е. В. Исследование политического дискурса: бинарные концептуальные оппозиции / Е. В. Танков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2020. — № 4-2. — С. 165–169. — DOI 10.37882/2223-2982.2020.04-2.32. — EDN DHGYJY.
8. Танков, Е. В. Концепт MESSIANISM в американском политическом дискурсе (на материале предвыборных речей Д. Байдена) / Е. В. Танков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2020. — № 12-2. — С. 191–195. — DOI 10.37882/2223-2982.2020.12-2.35. — EDN MTVGDW.
9. Чернобровкина, Е. П. Образ президента США Д. Трампа в американских печатных СМИ / Е. П. Чернобровкина // XV международные научные чтения (памяти Капицы С. П.). — Москва : Европейский фонд инновационного развития, 2017. — С. 58–61. — EDN ZOILYR.
10. Чистобаева, Л. В. К вопросу о классификации терминов-метафор медицинского профессионального дискурса по области-источнику метафорической экспансии / Л. В. Чистобаева // Актуальные вопросы науки и образования. — 2025. — № 1. — С. 139–142. — EDN WOPMTI.
11. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : мо-

ногр. / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — ISBN 5-7333-0144-9.

12. Юрлова, С. В. Противоречия в медиаобразе современного политика: случай Д. Трампа / С. В. Юрлова // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. — 2018. — Т. 13, № 4(182). — С. 59–65. — EDN VQUEAU.

13. Behary, W. T. Disarming the narcissist: surviving and thriving with the self-absorbed / W. T. Behary. — [S.l.] : New Harbinger Publications, 2013. — 224 p. — ISBN 978-1608827626.

14. Durvasula, R. It's not you: how to identify and heal from narcissistic people / R. Durvasula. — [S.l.] : Penguin, 2024. — 368 p. — ISBN 9780593492635.

15. Malkin, C. Rethinking Narcissism: the secret to recognizing and coping with narcissists / C. Malkin. — [S. l.] : Harper Perennial, 2016. — 256 p. — ISBN 9780062348111.

16. Pancer, M. Forming Impressions of Political Leaders: A Cross-National Comparison / M. Pancer, S. Brown // Political Psychology. — 1999. — Vol. 20. — No. 2. — P. 345–369. — DOI 10.1111/0162-895X.00148.

17. Renshon, S. A. The Real Psychology of the Trump Presidency / S. A. Renshon. — Cham : Palgrave Macmillan, 2020. — 555 p. — DOI 10.1007/978-3-030-45391-6.

18. Sinnott, J. The Psychology of Political Behavior in a Time of Change / J. Sinnott, J. Rabin. — [S.l.] : Springer International Publishing, 2020. — 637 p. — ISBN 978-3-030-38269-8. — DOI10.1007/978-3-030-38270-4.

MATERIALS

1. Brenner, M. J. (n.d.). Narcissism and Trump: The long story. Available at Apr. 20, 2026 from https://theglobalist.com/narcissism-and-donald-trump-united-states/.

2. Britannica (n.d.). Available at Apr. 20, 2026 from https://www.britannica.com/science/narcissism.

3. Cambridge Dictionary (n.d.). Available at Apr. 20, 2026 from www.dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/narcissism.

4. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary (n.d.). Available at Apr. 20, 2026 from www.collinsdictionary.com/dictionary/english/narcissism.

5. Edsall, T. (n.d.). Trump Unmusked. Available at Apr. 20, 2026 from https://www.nytimes.com/2026/01/13/opinion/trump-presidential-power-addiction.html.

6. Goodman, M. (n.d.). The NYT Times continues to normalize Trump. Available at Apr. 20, 2026 from https://www.counterpunch.org/2026/03/25/the-nyt-times-continues-to-normalize-trump/.

7. Kruse, M. (n.d.). Does Trump actually think he's God? Available at Apr. 20, 2026 from https://www.politico.com/news/magazine/2025/05/30/trump-god-messiah-assassination-attempt-00362322.

8. Lippman, D. (n.d.). Psychological disorders and family squabbles: 9 details from the book by Donald Trump's niece. Available at Apr. 20, 2026 from https://www.politico.com/news/2020/07/07/nine-details-donald-trump-niece-book-350808.

9. Lunbeck, E. (n.d.). The allure of Trunp's narcissism. Available at Apr. 20, 2026 from https://lareviewofbooks.org/article/the-allure-of-trumps-narcissism/.

10. McAdams, Dan P. (n.d.). A theory for why Trump's base won't budge. Available at Apr. 20, 2026 from https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2019/12/how-narcissists-wear-out-their-welcome/602446/.

11. Merriam-Webster Dictionary (n.d.). Available at Apr. 20, 2026 from http://www.merriam-webster.com/thesaurus/narcissism.

12. Oxford Dictionary BE (n.d.). Available at Apr. 20, 2026 from http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/narcissism.

13. Oxford Dictionary AE (n.d.). Available at Apr. 20, 2026 from https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/narcissis.

14. Szalai, J. (n.d.). All in the family dynamics: Donald Trump's niece on the president's clan. Available at Apr. 20, 2026 from https://www.nytimes.com/2020/07/08/books/review-too-much-never-enough-mary-trump.html.

15. Theodosiadis, M. (n.d.). It's dangerous to flatter Trump's narcissism with too much attention. Available at Apr. 20, 2026 from https://theconversation.com/its-dangerous-to-flatter-trumps-narcissism-with-too-much-attention-71854.

16. Thesaurus.com (n.d.). Available at Apr. 20, 2026 from https://www.thesaurus.com/browse/narcissism.

17. Webster's New World College Dictionary (n.d.). Available at Apr. 20, 2026 from https://www.collinsdictionary.com/us/dictionary/english/narcissism.

18. Zweigenhaft, R. (n.d.). Signature size and narcissism — a psychologist explains a long ago discovery that helped establish the link. Available at Apr. 20, 2026 from https://theconversation.com/signature-size-and-narcissism-a-psychologist-explains-a-long-ago-discovery-that-helped-establish-the-link-267572.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2001). Kognitivnaya semantika: Kurs lektsiy po angliyskoy filologii = Cognitive Semantics. A Course of Lectures on English Philology. Tambov: Tambov University Press, 123 p.

2. Dobrosklonskaya, T. G. (2005). Voprosy izucheniya mediatekstov: opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi = Issues in the Study of Media Texts: An Experience of Studying Contemporary English Media Speech. 2nd ed., ster. Moscow: URSS, 286 p. ISBN 5-354-01133-7. EDN QRMWDT.

3. Dobychina, V. V. (2024). Sovremennyy politicheskiy deyatel′: kak sotsmedia formiruet imidzh = Modern political figure: how social media shapes image. *Arkhont*, *11*(50), 23–25. EDN AFLKVF.

4. Kakzanova, E. M. (2016). Freymovaya ob″ektivatsiya meditsinskikh internatsional′nykh terminov-ehponimov = Frame Objectification of Medical International Eponymous Terms. *Methodological and Linguistic Aspects of Greco-Latin Medical Terminology. Proceedings of the All-Russian Conf. (St. Petersburg, October 18–20, 2016, ed. in chief S. F. Bagnenko)*, 88–91. St. Petersburg: First St. Petersburg State Medical University named after Academician I. P. Pavlov. EDN XSUWRT.

5. Rubtsov, A. V. (2020). Nartsiss v brone. Psikhoideologiya «grandioznogo Ya» v politike i vlasti = Narcissus in Armor. The Psychoideology of the "Grandiose Self" in Politics and Power. Moscow: Progress-Tradition, 816 p.

6. Slyshkin, G. G. (2004). Lingvokul′turnye kontsepty i metakontsepty = Linguocultural Concepts and Metaconcepts. Monograph. Volgograd: Peremena, 340 p. ISBN 5-88234-704-1. EDN QRPAAV.

7. Tankov, E. V. (2020). Issledovanie politicheskogo diskursa: biarnye kontseptual'nye oppozitsii = Research on Political Discourse: Binary Conceptual Oppositions. *Modern Science: Current Issues in Theory and Practice. Series: Humanities*, *4-2*, 165–169.

8. Tankov, E.V. (2020). Kontsept Messianism v amerikanskom politicheskom diskurse (na materiale predvybornykh rechey D. Baydena) = The Concept of Messianism in American Political Discourse (Based on the Material of D. Biden's Campaign Speeches). *Modern Science: Current Issues of Theory and Practice. Series: Humanities*, *12-2*, 191–195.

9. Chernobrovkina, E. P. (2017). Obraz prezidenta SSHA D. Trampa v amerikanskikh pechatnykh SMI = The Image of US President D. Trump in American Print Media. *XV International Scientific Readings (in memory of S. P. Kapitsa)*, 58–61. Moscow: European Foundation for Innovation Development. EDN ZOILYR.

10. Chistobaeva, L. V. (2025). K voprosu o klassifikatsii terminov-metafor meditsinskogo professional′nogo diskursa po oblasti-istochniku metaforicheskoy ehkspansii = On the Classification of Metaphorical Terms in Medical Professional Discourse by the Source Area of Metaphorical Expansion. *Current Issues in Science and Education*, *1*, 139–142. EDN WOPMTI.

11. Sheygal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse. Monograph. Moscow: Gnozis. ISBN 5-7333-0144-9.

12. Yurlova, S. V. (2018). Protivorechiya v mediaobraze sovremennogo politika: sluchay D. Trampa = Contradictions in the Media Image of a Modern Politician: the Case of D. Trump. *Bulletin of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, *13*(4[182]), 59–65. EDN VQUEAU.

13. Behary, W. T. (2013). Disarming the narcissist: surviving

and thriving with the self-absorbed. New Harbinger Publications, 224 p.

14. Durvasula, R. (2024). It's not you: how to identify and heal from narcissistic people. Vermilion, 333p.

15. Malkin, C. (2016). Rethinking Narcissism: the secret to recognizing and coping with narcissists. [S. l.]: Harper Perennial, 256 p. ISBN 9780062348111.

16. Pancer, M., Brown, S. (1999). Forming Impressions of Political Leaders: A Cross-National Comparison. *Political Psychology*, *20*(2), 366–369.

17. Renshon, S. A. (2020). The Real Psychology of the Trump Presidency. Cham: Palgrave Macmillan, 555 p.

18. Sinnott, J., Rabin, J. (2020). The Psychology of Political Behavior in a Time of Change. Springer International Publishing, 637 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.161.1'42+811.581'42+81'38+81'27
ББК Ш141.12-51++Ш171.1-51+Ш105.551.5+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27; 16.31.21* *Код ВАК 5.9.8*

Чэнь Сюе[1]✉, Тимур Беньюминович Радбиль[2]✉

[1] Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, chenxue2020@yandex.ru✉, SPIN-код: 3462-0690
[2] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, timur@radbil.ru✉, SPIN-код: 2835-0370

Инициатива «Один пояс, один путь» в русском и китайском политическом медиадискурсе: опыт корпусного анализа

АННОТАЦИЯ. *В статье представлен опыт корпусного анализа политического медиадискурса на материале публикаций четырех ведущих СМИ Китая и России об инициативе «Один пояс, один путь». Применяется метод тематического моделирования с использованием технологий обработки естественного языка для анализа по трем измерениям: страновому, пространственно-временному и идеологическому. Результаты исследования демонстрируют следующее: китайские СМИ концентрируются на семантических полях «сотрудничество», «развитие», «управление», «зелёное развитие» и «гуманитарные связи»; российские СМИ в большей степени освещают темы «спортивные мероприятия», «геополитика», «внутреннее правосудие» и «сотрудничество в сфере атомной энергетики», при этом фокус публикаций ориентирован на интересы и вопросы безопасности национальной аудитории. Объем публикаций в китайских СМИ прошел пять этапов — от формирования концепции до постпандемического роста; метафорическая парадигма текстов эволюционировала от «физического соединения» к «органической сети», что свидетельствует о зрелости дискурса инициативы. Делаются выводы о том, что динамика публикаций в российских СМИ демонстрирует траекторию «стабильность — спад — восстановление», причем в I квартале 2026 г. их объем впервые превысил китайский показатель. Это знаменует постепенный переход от «односторонней трансляции, инициированной Китаем» к «совместному российско-китайскому нарративу» в рамках инициативы «Один пояс, один путь», что имеет большую значимость для реконфигурации российско-китайских отношений и, соответственно, для ее отражения в политическом медиадискурсе Китая и России.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, российские СМИ, китайские СМИ, язык СМИ, языковые средства, китайские инициативы, корпусный анализ, метод тематического моделирования, политическая лингвистика.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Чэнь Сюе, аспирант III года обучения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, email: chenxue2020@yandex.ru.*

Радбиль Тимур Беньюминович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, email: timur@radbil.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Чэнь, С.* Инициатива «Один пояс, один путь» в русском и китайском политическом медиадискурсе: опыт корпусного анализа / Чэнь Сюе, Т. Б. Радбиль. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 144-155.

Chen Xue[1]✉, Timur B. Radbil[2]✉

[1] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, chenxue2020@yandex.ru✉, SPIN code: 3462-0690
[2] National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, timur@radbil.ru✉, SPIN code: 2835-0370

The Belt and Road Initiative in Chinese and Russian Political Media Discourse: An Experience of Corpus Analysis

ABSTRACT. *The article presents an experience of corpus analysis of political media discourse based on publications of four leading media outlets in China and Russia on the Belt and Road Initiative. The study uses the topic modeling method involving natural language processing technologies to conduct analysis across three dimensions: national, spatiotemporal, and ideological. The results show the following: Chinese media focus on the semantic fields of "cooperation," "development," "governance," "green development," and "humanitarian ties"; Russian media pay more attention to topics such as "sports events," "geopolitics," "domestic justice," and "nuclear energy cooperation," with their coverage oriented towards domestic audience interests and security concerns. The volume of Chinese media publications has gone through five stages — from concept formation to post-pandemic growth; the metaphorical paradigm of Chinese texts has evolved from "physical connectivity" to "organic network," indicating the maturation of the Belt and Road discourse. It is concluded that Russian media publication dynamics show a trajectory of "stability — decline — rebound," and in the first quarter of 2026, their volume surpassed that of Chinese media for the first time. This marks a gradual shift from "China-led unilateral transmission" to "joint Russian-Chinese narrative" within the Belt and Road Initiative framework, which is of great significance for the reconfiguration of Russian-Chinese relations and, accordingly, for its reflection in the political media discourse of China and Russia.*

© Чэнь Сюе, Радбиль Т. Б., 2026

KEYWORDS: *political discourse, political texts, journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, Russian media, Chinese media, mass media language, language means, Chinese initiatives, corpus analysis, topic modeling method, political linguistics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Chen Xue, Third-Year Post-Graduate Student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

Radbil Timur Benyuminovich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

FOR CITATION: *Chen Xue, Radbil T. B*. (2026). The Belt and Road Initiative in Chinese and Russian Political Media Discourse: An Experience of Corpus Analysis. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 144-155. (In Russ.).

0. ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена корпусному анализу политического медиадискурса на материале публикаций четырех ведущих СМИ Китая и России об инициативе «Один пояс, один путь». В последние годы в Китае стремительно развиваются междисциплинарные регионоведческие и страноведческие исследования, в основе которых лежит анализ политического медиадискурса[1]. Между медиарепрезентациями и регионоведческими исследованиями существует глубокая многоуровневая взаимосвязь: они выступают источниками данных и объектами анализа, совместно обеспечивая системное понимание конкретной страны или региона (см. **рис. 1**). Данная взаимосвязь раскрывается на следующих уровнях.

1. **Медиарепрезентации как «динамический корпус» для регионоведения**. Регионоведение требует целостного наблюдения за политической, экономической, социальной и культурной динамикой целевого региона [Чжан 2023]. Публикации СМИ (преимущественно новостные материалы, аналитические комментарии и редакционные статьи ведущих изданий) обладают уникальными характеристиками [Ван 2025: 247–249]: они отражают ключевые события, политические тенденции и общественные настроения в режиме реального времени, компенсируя временной лаг академических публикаций; долгосрочный массив материалов формирует «диахронический корпус», позволяющий отслеживать эволюцию дискурса по определенной проблематике (напр., «Пояс и путь»); материалы СМИ различной аффилиации (официальные / независимые, внутренние / зарубежные) реконструируют многогранный нарратив одного события, выявляя идеологический спектр региона [Лу 2018: 85–94].

2. **Регионоведение как «глубинная интерпретативная рамка» для медиаматериалов.** В силу фрагментарности и событийно-ориентированного характера новостей [Чжан 2015], теоретический инструментарий регионоведения позволяют провести их «вторичную аналитическую обработку». Интеграция конкретной публикации в макроконтекст политической системы, исторических традиций и культурно-психологических особенностей страны минимизирует риски вырывания из контекста [Чэнь 2017: 85–94] — например, интерпретация материалов российских СМИ о «Поясе и пути» требует соотнесения со стратегией Евразийского экономического союза и концепцией «Большого евразийского партнерства» [Ван 2025: 94–106]. Применение методов политической лингвистики и критического дискурс-анализа позволяет выявить имплицитные идеологические рамки, стратегии конструирования идентичности и властные отношения; кросскультурное сопоставление китайских и российских материалов об одном событии выявляет различия в нарративных стратегиях, ценностных ориентациях и интересах, раскрывая глубинную логику двусторонних отношений.

В наши дни в междисциплинарном лингвистическом регионоведении и страноведении используются традиционные для этой исследовательской области типологический и рефлексивно-аналитический подходы, которые демонстрируют определенную валидность в углублении понимания специфики отдельных регионов и стран [Ван 2023]. Однако в последнее время осознается необходимость в расширении научного инструментария лингвистического регионоведения и страноведения за счет инкорпорирования передовых компьютерных технологий обработки естественного языка, в частности мультимодального дискурс-анализа [Ли, Фэн, Дэн 2024].

[1] Синьхуа 新华社. «Программа развития образования сильной державы (2024–2035)» (Цзяо-юй цян-го цзянь-шэ гуй-хуа ган-яо (2024–2035 нянь) 教育强国建设规划纲要（2024–2035 年）). URL: https://t.o3v.cn/HaDCyP (дата обращения: 18.03.2026).

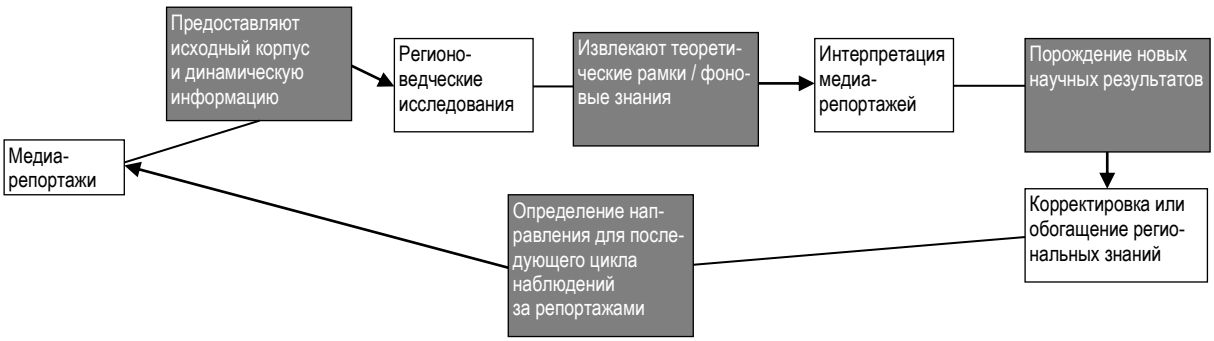


Рис. 1. Схема взаимосвязи между новостными публикациями и регионоведческими исследованиями

Таблица 1

Объем корпуса публикаций китайских и российских СМИ по теме «Один пояс, один путь»

Источники	Количество публикаций	Объем корпуса(слова)
«China Daily»	37215	252,200,000
«Globle Times»	5683	38,500,000
«РИА»	1294	8,770,000
«RT»	3523	23,880,000
Итог	47725	323,430,213

Это позволяет обосновать **цель** настоящего исследования — рассмотреть особенности освещения инициативы «Пояс и путь» в ведущих СМИ Китая и России посредством применения методов корпусного анализа и технологии тематического моделирования на основе латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA).

Проводится диалектическое сопоставление тематических акцентов медиа двух стран по трем измерениям, а также анализируется лежащая в их основе региональная идеология. Исследование направлено на ответы на следующие вопросы: 1) Каковы сходства и различия в фокусах внимания ведущих китайских и российских СМИ при освещении инициативы «Пояс и путь» на страновом, пространственно-временном и идеологическом уровнях? 2) Каковы основные причины, обуславливающие выявленные сходства и различия?

1. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическая база исследования. В настоящем исследовании с использованием скриптов на языке Python был осуществлен автоматизированный сбор всех новостных публикаций, посвященных инициативе «Пояс и путь», вышедших в период с 2007 года по I квартал 2026 года на площадках четырех ведущих китайских и российских СМИ: «China Daily», «Global Times», РИА «Новости» и «RT». Объем корпуса составил 47 715 статей и 323 430 213 словоупотреблений. Детальные характеристики корпуса приведены в ***Табл. 1.***

Предобработка текстов включала сегментацию (токенизацию) китайского корпуса с применением библиотеки jieba и фильтрацию бессодержательных служебных единиц на основе стандартного списка стоп-слов. Для повышения репрезентативности лексического ядра в анализируемый список были отобраны исключительно имена существительные, отглагольные существительные и имена собственные; глаголы, прилагательные, наречия и иные части речи исключены. Тематическое моделирование реализовано посредством библиотеки sklearn (Python) на базе алгоритма латентного размещения Дирихле (LDA) со следующими гиперпараметрами: n_features = 1000, α=η=1/8, max_iter = 50, learning_method = 'batch'. Для семантической интерпретации каждой латентной темы извлекались 10 ключевых слов с максимальным весовым коэффициентом.

Методы исследования. В исследовании используется тематическая модель латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA) [Ван 2025: 94–106]. LDA представляет собой вероятностную порождающую модель, основанную на трехуровневом байесовском фреймворке, которая оптимизирована для извлечения скрытых тем и анализа ассоциативных связей в текстовых данных [Ван 2017]. Базовое допущение модели заключается в том, что документ представляет собой смесь скрытых тем, а каждая тема характеризуется определенным распределением вероятностей над лексическими единицами. Применение модели LDA позволяет автоматически выявлять и анализировать латентные тематиче-

ские кластеры в корпусе, а также количественно оценивать взаимосвязи между темами и словами [Хуан 2019].

Сравнительный анализ медиарепрезентаций «Пояса и пути» в китайских и российских СМИ проводился последовательно по трем измерениям: страновому, пространственно-временному и идеологическому. Всего было выполнено 14 итераций моделирования на макро- и микроуровнях. Макроуровневый анализ выявил диахронические различия в тематических акцентах СМИ обеих стран. Микроуровневый анализ, выстроенный по хронологической шкале, позволил сопоставить синхронные фокусы внимания, динамику смены тематических кластеров и редакционные позиции в единых временных координатах.

2. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

2.1. Сравнительный анализ региональных и страновых аспектов освещения «Одного пояса, одного пути» в китайских и российских СМИ

Итеративное моделирование корпуса с использованием модели LDA выявило, что оптимальное количество тем для китайских и российских публикаций составляет 7 и 11 соответственно, при показателях тематической когерентности 0,44 и 0,43. На основе анализа ключевых слов темам были присвоены наименования, после чего они ранжированы по убыванию интенсивности (веса темы в корпусе): данные для китайских и российских СМИ представлены соответственно в ***Табл. 2*** и ***Табл. 3.***

Таблица 2

Результаты тематического моделирования репортажей китайских СМИ об инициативе «Один пояс, один путь»

№	Topic	Доля	Top 10 слов
1	Гуманитарные обмены	10,1 %	'cultural', 'exhibition', 'culture', 'narrative', 'Italy', 'art', 'event', 'heritage', 'expo', 'book'
2	Снежно-ледовый туризм	14 %	'snow', 'ice', 'tourism', 'winter', 'province', 'tourist', 'railway', 'city', 'park', 'Chongqing'
3	Зелёная энергетика	8%	'energy', 'carbon', 'green', 'export', 'product', 'vehicle', 'power', 'Kenya', 'port', 'SRI'
4	Безопасность на Ближнем Востоке	15%	'Saudi', 'Egypt', 'Pakistan', 'Arabia', 'Egyptian', 'Pakistani', 'Afghanistan', 'aerial', 'drone', 'Syria'
5	Экономическое и торговое развитие	16%	'trade', 'global', 'percent', 'growth', 'investment', 'market', 'development', 'BRI', 'economic', 'billion'
6	Социальная сфера и благосостояние народа	10,9%	'Xinjiang', 'SCO', 'Kazakhstan', 'Uzbekistan', 'Kyrgyzstan', 'student', 'education', 'poverty', 'university', 'medical'
7	Международное сотрудничество	23%	'cooperation', 'BRI', 'Africa', 'development', 'global', 'international', 'initiative', 'ASEAN', 'belt', 'economic'

Таблица 3

Результаты тематического моделирования репортажей российских СМИ об инициативе «Один пояс, один путь»

№	Topic	Доля	Top 10 слов
1	Пандемия и транспорт	8,7%	'поезд', 'инфекция', 'вирус', 'ФСБ', 'пострадать', 'заболевание', 'врач', 'район', 'устройство', 'погибнуть'
2	Исламские боевые турниры	13%	'Махачёв', 'Ислам', 'бой', 'Топурия', 'лёгкий', 'турнир', 'боец', 'чемпион', 'вес', 'Двалишвили'
3	Военная тематика Ирана	7,1%	'Иран', 'военный', 'иранский', 'боевой', 'Тегеран', 'войско', 'ВСУ', 'дрон', 'морской', 'минобороны'
4	Геополитическое противостояние	11%	'Трамп', 'Украина', 'Европа', 'европейский', 'пролив', 'США', 'Зеленский', 'Евросоюз', 'военный', 'Орбан'
5	Религиозные традиции	5%	'Христос', 'праздник', 'масло', 'святой', 'храм', 'великий', 'молитва', 'ребёнок', 'традиция', 'икона'
6	Боевые турниры	4%	'Чимаев', 'Стрикленд', 'бой', 'Плесси', 'Казахстан', 'икона', 'пострадать', 'вес', 'погибнуть', 'смертница'
7	Уголовное правосудие	6,4%	'ребёнок', 'штраф', 'сын', 'подросток', 'Анастасия', 'мужчина', 'уголовный', 'суд', 'банк', 'врач'
8	Боксёрские соревнования	17%	'Бивол', 'бой', 'вес', 'пенальти', 'чемпион', 'Бетербиев', 'победа', 'поединок', 'дыхательный', 'бпнуть'
9	Культурно-спортивные развлечения	7,6%	'фильм', 'матч', 'команда', 'режиссёр', 'кубок', 'Гагарин', 'тренер', 'игра', 'сезон', 'мяч'

Окончание таблицы 3

№	Topic	Доля	Top 10 слов
10	Российско-украинский конфликт	10%	'Украина', 'США', 'конфликт', 'Финляндия', 'отношение', 'мирный', 'НАТО', 'международный', 'украинский',
11	Спортивные соревнования	6,5%	'игра', 'мяч', 'турнир', 'сборная', 'Анкалай', 'спорт', 'олимпийский', 'тренер', 'чемпионат', 'матч'

Порядок убывания тематической интенсивности при сортировке тем сообщений китайских и российских СМИ дает следующие результаты: Китай: topic-7 > topic-5 > topic-4 > topic-2 > topic-6 > topic-1 > topic-3; Россия: topic-8 > topic-2 > topic-4 > topic-10 > topic-1 > topic-9 > topic-3 > topic-11 > topic-7 > topic-5 > topic-6.

Согласно результатам моделирования, фокусы внимания китайских СМИ концентрируются на следующих направлениях: международное сотрудничество и торгово-экономические связи (topic-5 и topic-7, 39 %). Лексическое ядро включает «cooperation», «initiative», «ASEAN», «Africa», «belt», что подчеркивает позиционирование инициативы как платформы многостороннего взаимодействия, с акцентом на партнерство со странами АСЕАН и Африки. Данная повестка полностью корреспондирует внешнеполитическому курсу КНР по продвижению «Глобальной инициативы развития» и концепции «сообщества единой судьбы человечества».

Тематическая повестка российских СМИ концентрируется преимущественно на спортивных событиях и культуре единоборств (topic — 8, 2, 11, 6, 9; совокупная доля > 42 %). Интеграция спортивных тем в дискурс о «Поясе и пути» используется медиа для демонстрации гуманитарных связей со странами маршрута (Ближний Восток, Центральная Азия) и укрепления национальной гордости, ассоциируемой с успехами в боевых искусствах. Второй по значимости кластер — геополитика и вопросы безопасности (topic — 4, 10, 3; 28 %). В контексте ухудшения российско-западных отношений после 2022 г. российские СМИ активно освещают расширение НАТО и санкционное давление. Одновременно военная динамика Ирана — союзника России — оказывает прямое влияние на условия безопасности реализации «Пояса и пути» в Ближневосточном регионе.

Кроме того, как китайские, так и российские медиа в освещении инициативы затрагивают социально-бытовые и культурно-гуманитарные темы, однако между ними наблюдаются существенные различия в тематических акцентах, ценностных ориентациях и нарративной логике. Ниже в ***Табл. 4*** представлены результаты сравнительного анализа.

Таблица 4

Анализ сходств и различий в фокусе освещения социальной тематики китайскими и российскими СМИ

Критерий сопоставления	**Китайские СМИ**	**Российские СМИ**
Ключевая тема	Народное благосостояние (10,9 %), гуманитарные обмены (10,1 %), зелёная энергетика (8 %)	Транспорт в условиях пандемии (8,7%), уголовное правосудие (6,4%), религиозные традиции (5%)
Направленность фокуса	Конструктивный характер: образование, сокращение бедности, сотрудничество в сфере здравоохранения, «зелёный» переход / зелёная трансформация, культурный экспорт	Предупредительный характер в отношении рисков: воздействие пандемии на логистику, уголовные преступления, юридические споры, защита религиозных традиций
Степень связи с инициативой «Один пояс, один путь»	Напрямую служит стратегическим целям «сближения народов» и «Зелёного шёлкового пути»	Косвенная связь: инициатива «Один пояс, один путь» используется скорее как фон, с акцентом на локальные социальные проблемы и культурную идентичность
Культурная ориентация	Секуляризация и современность: акцент на образовании, науке и технике, а также на охране окружающей среды	Религиозная традиция: акцент на православные праздники, храмы и молитвы, что отражает духовную идентификацию
Пространственный масштаб	Акцент на приграничных и сопредельных государствах (Синьцзян, Центральная Азия, ШОС).	Акцент на внутрироссийской социальной повестке (события на территории России) и безопасности инфраструктуры (на примере китайско-европейских железнодорожных грузовых перевозок / маршрута «Китай — Европа»)

Таким образом, в освещении социально-бытовой тематики китайскими и российскими СМИ выявляются как сходства, так и различия. Сходства проявляются в том, что обе медиасистемы стремятся увязать проблематику инициативы «Пояс и путь» с повседневной жизнью рядовых граждан, дистанцируясь от сугубо экономического или политического дискурса. Обе стороны признают наличие вызовов в процессе реализации инициативы.

Различия проявляются в четырех ключевых аспектах:

1) нарративная логика: «демонстрация достижений» vs «управление кризисными рисками». Китайские СМИ репрезентируют социально-бытовые темы как эмпирическое подтверждение успешности инициативы. Российские СМИ интерпретируют социально-бытовые вопросы через призму потенциальных угроз или экстраполяции внутренних проблем;

2) культурное содержание: «экспорт элитарной культуры» vs «массовые религиозные традиции». Китайские СМИ акцентируют внимание на выставках, объектах наследия, книгоиздании — формах высокой культуры, транслирующих образ китайской цивилизации. Российские СМИ фокусируются на православных праздниках, храмовой архитектуре, иконописи — религиозных практиках, укрепляющих национальную идентичность, что создает контраст со светским экономическим дискурсом «Пояса и пути»;

3) пространственная ориентация: «трансграничный / приграничный» vs «локальный / внутригосударственный». В китайских СМИ социально-бытовые публикации преимущественно охватывают Синьцзян, Казахстан, страны Центральной Азии — ключевые регионы маршрута инициативы. В российских СМИ представлены материалы о транспортном регулировании в период пандемии, уголовном судопроизводстве и т. п., локализованные внутри РФ (например, региональная преступность, банковские споры), где «Пояс и путь» выступает лишь косвенным контекстуальным фоном;

4) ценностные ориентации: «светский прогресс» vs «религиозно-нравственная безопасность». Китайские СМИ продвигают ценности модернизации — образование, здравоохранение, борьбу с бедностью, «зеленую» энергетику, что согласуется с концепцией «сообщества единой судьбы человечества». Российские СМИ акцентируют традиционные православные ценности и семейную этику.

2.2. Пространственно-временной сравнительный анализ тематического освещения инициативы «Один пояс, один путь» в китайских и российских СМИ

Для сопоставления сходств и различий в тематических акцентах китайских и российских медиа в различные хронологические периоды корпус публикаций был стратифицирован по четырем временным интервалам: 2007–2015, 2016–2018, 2019–2022, 2023–2026 (первый квартал). Критерии периодизации определены на основе логики эволюции официальной политики. Статистика ежегодного количества публикаций о «Поясе и пути» в СМИ обеих стран за 2007–2026 гг. представлена в ***Табл. 5***.

Таблица 5

Количество новостных публикаций об инициативе «Один пояс, один путь» в китайских и российских СМИ по годам и темпы их прироста по сравнению с предыдущим годом (2007–2026 гг.)

Год	Китай	Цепной темп прироста,%	Россия	Цепной темп прироста,%
2007	2	–	–	–
2008	2	0%	–	–
2009	1	–50%	–	–
2010		–100%	–	–
2011	2	-	–	–
2012	3349	+167350%	–	–
2013	4979	+48,7%	231	–
2014	4527	–9,1%	222	–3,9%
2015	707	–84,4%	237	+6,8%
2016	2453	+247,1%	227	–4,2%
2017	4634	+88,9%	237	+4,4%
2018	4935	+6,5%	139	–41,4%
2019	3486	–29,4%	2	–98,6%
2020	2811	–19,4%	–	–100%
2021	397	–85,9%	–	–
2022	337	–15,1%	308	–

Окончание таблицы 5

Год	Китай	Цепной темп прироста,%	Россия	Цепной темп прироста,%
2023	1912	+467,6%	283	–8,1%
2024	3762	+96,8%	478	+68,9%
2025	3779	+0,5%	1227	+156,7%
2026/Первый квартал	816	–	1314	–
Итог	42898		4817	

Как видим, динамика публикаций китайских СМИ прошла пять этапов: период экспоненциального роста (2012–2014) — выдвижение инициативы и ее первоначальное продвижение. В 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин официально провозгласил инициативу «Один пояс, один путь». Период корректировки (2015) — стабилизация после утверждения нормативной базы. Публикация в марте 2015 г. документа «Видение и действия» (ГКРР, МИД, Минкоммерции КНР) завершила формирование концептуального каркаса; медиа перешли от концептуальной экспансии к мониторингу конкретных проектов. Период подъема и пиковых значений (2016–2018) — прагматическое сотрудничество и проведение форумов высокого уровня. Период волатильности и снижения (2019–2022) — внешнее давление и внутренняя трансформация. Период повторного роста (2023–2025) — постпандемийный перезапуск и десятилетний юбилей инициативы. Динамика российских СМИ характеризуется тремя этапами: стабильный период (2013–2018) — среднегодовой объем 200–240 публикаций. Резкий спад (2019–2021) — практически полное отсутствие тематического освещения. Компенсаторный рост (2022–2026) — стратегическая переориентация после российско-украинского конфликта.

Важно, что в первом квартале 2026 г. объем публикаций в российских СМИ впервые превысил китайский показатель. При сохранении данной тенденции это ознаменует постепенный переход дискурсивной власти в рамках «Пояса и пути» от «односторонней трансляции под эгидой Китая» к «совместному российско-китайскому нарративу», что имеет существенные импликации для реконфигурации баланса дискурсивной власти в регионоведении и страноведении.

Далее проводится углубленный анализ тематических акцентов и ключевых лексем в публикациях СМИ обеих стран в различные периоды (см., соответственно, ***Табл. 6*** и ***Табл. 7***).

Таблица 6

Диахроническое корпусное моделирование репортажей китайских СМИ об инициативе «Один пояс, один путь»

Время	Количество Topic	Навание Topic	Доля	Ключевые слова
2007–2015	3	Городской транспорт	41%	'car', 'police', 'school', 'Beijing', 'child', 'student', 'company', 'driver', 'bus', 'accident'
2016–2018	11	Беспорядки в Сирии	15%	'car', 'police', 'accident', 'Syrian', 'kill', 'bus', 'vehicle', 'traffic', 'city', 'injure'
2019–2022	6	Глобальное экономическое и торговое сотрудничество	19%	'cooperation', 'development', 'global', 'international', 'economic', 'BRI', 'party', 'economy', 'trade', 'ASEAN'
2023–2026	6	Межрегиональное сотрудничество	21%	'cooperation', 'Africa', 'Kenya', 'ASEAN', 'BRI', 'Arab', 'Malaysia', 'Serbia', 'relation', 'forum'

Таблица 7

Диахроническое корпусное моделирование репортажей российских СМИ об инициативе «Один пояс, один путь»

Время	Количество Topic	Навание Topic	Доля	Ключевые слова
2007–2015	12	Юридические риски	12%	'Навальный', 'заложник', 'Сидней', 'суд', 'приговор', 'Алексей', 'Рош', 'кафе', 'ива', 'Австралия'
2016–2018	7	Культурно-спортивный обмен	18%	'бой', 'Ковалёв', 'Поветкин', 'Уорд', 'боксёр', 'чемпион', 'спорт', 'Украина', 'вес', 'бокс'
2019–2022	11	Культурно-спортивный обмен	15%	'Усик', 'Фьюри', 'Оливейра', 'Волкановск', 'Махачева', 'Махачёв', 'Ислам', 'Усман', 'Эдвардс', 'Джошуа'
2023–2026	7	Геополитика	28%	'Трамп', 'Украина', 'США', 'Европа', 'европейский', 'Зеленский', 'американский', 'ребёнок', 'военный', 'переговоры

Анализ эволюции тем по четырем временным срезам позволяет выявить глубинные трансформации дискурсивных стратегий, когнитивных рамок и механизмов смыслоконструирования в китайских медиа. Особый интерес представляет диахроническая эволюция семантики лексем *car* и *police*:

– 2007–2015: со-встречаемость с *school*, *child*, *driver*, *bus*, *accident* формирует фрейм безопасности городского транспорта (аварии с участием школьных автобусов, правоприменение в сфере дорожного движения);

– 2016–2018: со-встречаемость с *syrian*, *kill*, *injure*, *traffic*, *city* трансформирует семантику: *car* и *police* приобретают значения военной техники и военизированных формирований, *accident* — значение атаки. Фрейм смещается к городскому насилию в условиях военного конфликта.

Критически значимым является изменение метафорических моделей: от физического пространства к социальному организму.

2007–2015: транспортная метафора. Лексемы *car*, *bus*, *driver*, *traffic*, *accident* формируют систему метафор «дорога — движение — инцидент». Несмотря на прямую референцию к городскому транспорту, данные лексемы образуют скрытый изоморфизм с инфраструктурными концептами «путь», «пояс», «коридор» в рамках «Пояса и пути», создавая претекст для последующих метафорических проекций.

2016–2018: военная метафора. Лексемы *kill*, *injure*, *syrian* вводят фрейм «конфликт — ущерб — интервенция». «Пояс» концептуализируется как пространство, требующее защиты; медиа выполняют функцию риск-менеджмента.

2019–2026: метафора организма / сети. Лексемы *cooperation*, *development*, *relation*, *forum* формируют метафорическую сеть «рост — связность — координация». Сотрудничество воспринимается как органический процесс, форумы — как узлы нейросети, регионы (Африка, АСЕАН) — как функциональные органы.

Смена метафорических систем репрезентирует направляющую роль дискурса в когнитивном освоении аудитории: от понимания «Пояса и пути» как «инфраструктурного строительства» (физический проект) к «транснациональной сети сотрудничества» (социально-экологическая система), что повышает моральную легитимность инициативы.

Моделирование диахронического корпуса российских публикаций выявляет существенные особенности в динамике семантических полей, дискурсивной когерентности, фрейминге, метафорических моделях и стратегиях формирования повестки, контрастирующие с китайскими данными.

Ключевые тематические лексемы в российском корпусе практически не включают слова «сотрудничество», «развитие», «экономика», «инфраструктура» — ядро семантического поля «Пояса и пути». Доминируют лексические поля юридической ответственности и спортивных состязаний. Данное «семантическое несоответствие» свидетельствует о том, что российские медиа адаптируют контент под интересы национальной аудитории — спорт, развлечения, кризисная повестка. Преобладание имен собственных придает публикациям событийно-ориентированный, а не тематически устойчивый характер.

Тематическое распределение становится крайне волатильным: при изменении внешнего контекста темы мгновенно сменяются, препятствуя формированию когерентной дискурсивной системы. За 19 лет эволюции метафорическая модель в российских медиа трансформировалась от «спортивной арены» к «полю боя». Метафорический фрейм эскалирует от спортивного соперничества к военно-дипломатическому конфликту. В целом интеграция освещения «Пояса и пути» в геополитический фрейм безопасности представляет собой естественную «контекстуальную адаптацию»: продвижение любой транснациональной инициативы невозможно вне конкретного политико-безопасного контекста.

2.3. Сравнительный анализ источников тематического освещения инициативы «Один пояс, один путь» в китайских и российских СМИ

После четырехкратного тематического моделирования корпусов публикаций четырех СМИ Китая и России было выявлено значительное различие по количеству тем, их содержанию, интенсивности и ключевым лексемам. Результаты моделирования представлены в **Табл. 8–11.**

Таблица 8

Вероятностный вес (интенсивность) тем дискурсивной системы «China Daily» (2007–2026 гг.)

№	Topic	Доля	Top 10 слов
1	Торговля и промышленность	17%	'export', 'Kong', 'company', 'product', 'Hong', 'yuan', 'vehicle', 'fair', 'industry', 'service'
2	Глобальное совместное управление	19%	'ASEAN', 'modernization', 'security', 'peace', 'community', 'governance', 'mutual', 'shared', 'CPC', 'party'
3	Железнодорожная инфраструктура	9%	'railway', 'Lao', 'train', 'Uzbekistan', 'central', 'freight', 'Laos', 'Thailand', 'Europe', 'passenger'
4	Финансовые риски	7%	'agricultural', 'food', 'bank', 'russia', 'financial', 'risk', 'corridor', 'debt', 'financing', 'Australia'
5	Зелёная трансформация	10%	'green', 'climate', 'energy', 'carbon', 'bank', 'transition', 'south', 'financial', 'digital', 'Latin'
6	Гуманитарные обмены	12%	'Arab', 'cultural', 'university', 'Indonesia', 'student', 'language', 'culture', 'education', 'silk', 'heritage'
7	Трансграничное сотрудничество	6%	'Kong', 'Hong', 'Cambodia', 'Pakistan', 'mainland', 'Macao', 'legal', 'city', 'government', 'border'
8	Геоэкономика и торговля	9%	'Xinjiang', 'Malaysia', 'Pacific', 'Kazakhstan', 'western', 'globalization', 'tariff', 'Asia', 'island', 'bilateral'
9	Сотрудничество с Африкой	8%	'Africa', 'African', 'Saudi', 'Arabia', 'Egypt', 'Kenya', 'continent', 'debt', 'power', 'energy'

Таблица 9

Вероятностный вес (интенсивность) тем дискурсивной системы «Global Times» (2007–2026 гг.)

№	Topic	Доля	Top 10 слов
1	Ситуация на Ближнем Востоке	6%	'Iran', 'Gaza', 'Egypt', 'Saudi', 'embassy', 'Israeli', 'Palestinian', 'Israel', 'Arab', 'protest'
2	Культурный обмен	5%	'Italy', 'festival', 'dance', 'Shanghai', 'spring', 'art', 'music', 'performance', 'Italian', 'perform'
3	Глобальное сотрудничество	18%	'cooperation', 'development', 'trade', 'country', 'economic', 'global', 'international', 'governance', 'economy', 'initiative'
4	Стихийные бедствия	10%	'village', 'drone', 'province', 'aerial', 'police', 'width', 'screenshot', 'county', 'snow', 'flood'
5	Региональный обмен	3%	'ASEAN', 'exhibition', 'Myanmar', 'Thailand', 'Cambodia', 'Korea', 'art', 'Lao', 'museum', 'APEC'
6	Региональная безопасность	8%	'Pakistan', 'SCO', 'Russia', 'military', 'security', 'Kazakhstan', 'war', 'nuclear', 'Russian', 'attack'
7	Спортивные соревнования	7%	'game', 'team', 'race', 'sport', 'Olympic', 'football', 'player', 'match', 'win', 'league'
8	Культура и туризм	5%	'tourist', 'Hainan', 'ancient', 'heritage', 'tourism', 'province', 'cultural', 'visitor', 'northwest', 'spring'
9	Внутренняя экономика и торговля	7%	'Kong', 'Hong', 'Xia', 'Wuhan', 'Guangdong', 'Guangxi', 'mainland', 'Beijing', 'Zhuang', 'Shenzhen'
10	Технологические инновации	8%	'India', 'technology', 'energy', 'industry', 'robot', 'green', 'company', 'industrial', 'project', 'supply'
11	Политическая культура	7%	'Chinese', 'CPC', 'Taiwan', 'civilization', 'student', 'university', 'cultural', 'party', 'education', 'central'
12	Инфраструктурная связность	8%	'Xinjiang', 'railway', 'autonomous', 'port', 'train', 'province', 'southwest', 'region', 'rail', 'Nepal'

Таблица 10

Вероятностный вес (интенсивность) тем дискурсивной системы «РИА» (2007–2026 гг.)

№	Topic	Доля	Top 10 слов
1	Спортивные соревнования	8%	'Фьюри', 'Украина', 'бой', 'команда', 'Александр', 'спорт', 'чемпион', 'Киев', 'сборная', 'чемпионат'
2	Террористические атаки	5%	'Волгоград', 'Украина', 'смертница', 'бой', 'Бивол', 'взрыв', 'январь', 'пострадать', 'Киев', 'закон'

Окончание таблицы 10

№	Topic	Доля	Top 10 слов
3	Сотрудничество в области ядерной энергетики	8%	'Росатом', 'атомный', 'АЭС', 'команда', 'Украина', 'строительство', 'российский', 'ядерный', 'рынок', 'игра'
4	Безопасность ядерной энергетики	5%	'АЭС', 'банк', 'бой', 'Пакистан', 'Ковалёв', 'Росатом', 'атомный', 'ребёнок', 'боевик', 'евро'
5	Профессиональный бокс	9%	'бой', 'чемпион', 'рейтинг', 'вес', 'Поветкин', 'боксёр', 'Ковалёв', 'победа', 'поединок', 'титул'
6	Спортивные соревнования	8%	Поветкин', 'Сирия', 'бой', 'заложник', 'Париж', 'спорт', 'трое', 'Франция', 'боксёр', 'сирийский'
7	Боксёрские соревнования	10%	'бой', 'Джонс', 'боксёр', 'чемпион', 'Поветкин', 'спорт', 'бокс', 'поединок', 'вес', 'карьера'
8	Сотрудничество по прекращению огня	7%	Сирия', 'бой', 'российский', 'прекращение', 'огонь', 'Украина', 'международный', 'экономический', 'спорт', 'сотрудничество'
9	Юридические проблемы	9%	'Навальный', 'Рош', 'Ива', 'брат', 'рубль', 'Турция', 'приговор', 'погибнуть', 'Олег', 'Алексей'
10	Международные финансы	8%	'январь', 'США', 'российский', 'суд', 'банк', 'Владимир', 'международный', 'Путин', 'Греция', 'глава'
11	Взрывные атаки	9%	'Волгоград', 'смертница', 'Китай', 'теракт', 'тело', 'Турция', 'взрыв', 'пострадать', 'погибнуть', 'вокзал'
12	Новые года	6%	'праздник', 'новогодний', 'подарок', 'мороз', 'дед', 'ребёнок', 'российский', 'Путин', 'Австралия', 'безопасность'

Таблица 11

Вероятностный вес (интенсивность) тем дискурсивной системы «RT» (2007–2026 гг.)

№	Topic	Доля	Top 10 слов
1	Соревнования по смешанным единоборствам	20%	'Махачёв', 'вес', 'турнир', 'Ислам', 'поединок', 'победа', 'чемпион', 'Украина', 'россиянин', 'боец'
2	Геополитика	24%	'Украина', 'США', 'военный', 'Европа', 'Трамп', 'европейский', 'территория', 'Путин', 'Иран', 'российский'
3	Ситуация в Иране	21%	'Иран', 'ребёнок', 'пролив', 'путь', 'заболевание', 'область', 'российский', 'военный', 'поезд', 'США'
4	Профессиональный бокс	17%	'Бивол', 'соперник', 'раунд', 'Бетербиев', 'чемпион', 'вес', 'поединок', 'россиянин', 'титул', 'оппонент'
5	Культурно-спортивные мероприятия	15%	'фильм', 'Бивол', 'поединок', 'чемпион', 'музей', 'Фьюри', 'победа', 'Александр', 'тренер', 'спорт'

Прежде всего, наблюдается существенная разница в количестве тем у четырех СМИ: «China Daily» — 9 тем; «Global Times» и «РИА» — по 12 тем; «RT» — 5 тем. «China Daily», будучи официальной англоязычной газетой, фокусируется на позитивном нарративе об инициативе «Пояс и путь», вследствие чего тематическая структура публикаций отличается лаконичностью и цельностью. «Global Times», как многопрофильное издание, демонстрирует широкий тематический охват. Российские медиа (РИА и RT) не проявляют системного интереса к инициативе «Пояс и путь»: их тематика либо фрагментирована, либо характеризуется выраженной однобокостью. С точки зрения дискурсивной когерентности, чем более рассредоточены темы, тем сложнее сформировать единую дискурсивную систему вокруг инициативы «Пояс и путь». Скачкообразная смена тем в публикациях РИА и RT (спорт → взрывы → ядерная энергетика → судопроизводство) приводит к фрагментации образа инициативы.

На уровне лексического выбора и коллокационных сетей наблюдаются следующие особенности. Китайские СМИ обнаруживают преобладание абстрактных существительных; географические лексемы, указывающие на регионы сотрудничества. Российские СМИ демонстрируют преобладание конкретных существительных и имен собственных, наименований действий и событийных лексем. Китайские медиа преимущественно используют абстрактную лексику для построения макронарратива, что соответствует характеристикам официального дискурса. Рос-

сийские медиа, напротив, опираются на конкретные имена собственные и событийные лексемы, демонстрируя склонность к событийно-ориентированному стилю освещения.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование, опираясь на корпус публикаций четырех ведущих китайских и российских СМИ об инициативе «Пояс и путь» за период 2007–2026 гг. и применяя методы тематического моделирования LDA и дискурс-анализа, выявило различия и общие черты в освещении инициативы по трем измерениям: страновому, пространственно-временному и источниковому. Основные выводы представлены ниже.

1. **Страновой уровень**. Дискурсивные фокусы имеют свою специфику. Китайские СМИ фокусируются на семантических полях «сотрудничество», «развитие», «управление», «зеленая трансформация», «гуманитарные обмены», акцентируя экономические результаты кооперации и концепции глобального управления. Формируется позитивная нарративная система с ядром из «глобального совместного управления», «торгово-экономического развития», «зеленого перехода», «гуманитарных связей». Российские СМИ уделяют больше внимания темам «спортивные мероприятия», «геополитика», «внутреннее судопроизводство», «ядерно-энергетическое сотрудничество»; их ракурс освещения ориентирован на интересы и безопасностные озабоченности национальной аудитории. Российские медиа умело интегрируют инициативу «Пояс и путь» с национальными приоритетами (единоборства, ядерные технологии) и крупными международными событиями (региональная безопасность, отношения великих держав), формируя уникальную рамку освещения.

2. **Пространственно-временной уровень**. Эволюция публикаций синхронизирована с политикой и международной обстановкой. Динамика публикаций в китайских СМИ прошла пять этапов: концептуальное построение (2012–2014); корректировка после утверждения политики (2015); пик практического сотрудничества (2016–2018); волатильность из-за внешних факторов (2019–2022); постпандемийный рост к десятилетнему юбилею (2023–2025). Динамика российских публикаций демонстрирует траекторию «стабильность — спад — восстановление»: спад 2019–2021 гг. коррелирует с глобальной пандемией и фокусом внутренней повестки; после 2022 г. наблюдается значительный рост; в первом квартале 2026 г. объем публикаций впервые превысил китайский показатель. Неизменный фокус на вопросах национальных интересов и событийно-ориентированный характер освещения обеспечивают высокую актуальность публикаций.

3. **Источниковый уровень**. Четыре СМИ формируют взаимодополняющую дискурсивную экосистему. В «China Daily» (9 тем) представлена ориентация на международную аудиторию, трансляция институциональных результатов инициативы. «Global Times» (12 тем) отражает широкий тематический охват, баланс между сотрудничеством, безопасностью, технологиями, культурой. РИА (12 тем) охватывает такие темы, как спорт, взрывы, судопроизводство, ядерная энергетика, финансы; отражение широкого интереса к темам, ассоциированным с инициативой «Один пояс, один путь». В RT (5 тем) выраженный тематический профиль способствует привлечению внимания специфических аудиторных групп.

В целом различия четырех СМИ по количеству тем, содержательным акцентам и выбору ключевых лексем в совокупности формируют многомерное дискурсивное пространство вокруг инициативы «Пояс и путь» в Китае и России. Данное разнообразие предоставляет богатый материал для межкультурных сравнительных исследований в области междисциплинарного регионоведения и страноведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ван, И-цюнь. Цзи-юй LDA дэ Оу-мэн синь-си ми-у чжэн-цэ бао-гао чжу-ти ва-цзюй юй чжи-ли янь-цзюй (Исследование тематического выявления и управления политическими отчетами ЕС об информационном тумане на основе LDA) / Ван И-цюнь, Чэнь Чэн-синь // Ту-шу цин-бао гун-цзо (Библиотечное и информационное дело). — 2025. — Т. 69, № 5. — С. 94–106. = 王轶群, 陈成鑫. 基于LDA的欧盟信息迷雾政策报告主题挖掘与治理研究 / 王轶群, 陈成鑫 // 图书情报工作. — 2025. —Т. 69, № 5. — С. 94–106.

2. Ван, Ци-лун. Цюй-юй го-бэ сюэ ши вэнь (Десять вопросов к регионоведению и страноведению) / Ван Ци-лун // Вай-юй цзяо-сюэ (Преподавание иностранных языков). — 2023. — № 2. — С. 10–17. = 王启龙. 区域国别学十问 / 王启龙 // 外语教学. — 2023. — № 2. — С. 10–7.

3. Ван, Сюэ-мин. Цзи-юй чжу-ти цзянь-мо дэ до-мэй-ти вэнь-да янь-цзюй (Исследование мультимедийных вопросов и ответов на основе тематического моделирования) : дис. … д-ра тех. наук / Ван Сюэ-мин . — Нанкин : Нанкинский университет науки и техники, 2017. — 138 с. = 王学明. 基于主题建模的多媒体问答研究 / 王学明. — 南京理工大学, 2017. 138 с.

4. Ван, Чао. Ху-лянь-ван цюй-дун ся цзы-жань юй-янь чу-ли кэ-чэн цзы-юань-ку дэ до-вэй сюй-цю фэнь-си юй ши-сянь (Многомерный анализ потребностей и реализация ресурсной базы курса обработки естественного языка под влиянием интернета) / Ван Чао, Сунь Сяо-нин, Сунь Сун // Шу-цзы тун-синь ши-цзе (Мир цифровой коммуникации). — 2025. — № 7. — С. 247–249. = 王超, 孙晓宁, 孙松. 互联网驱动下自然语言处理课程资源库的多维需求分析与实现 / 王超, 孙晓宁, 孙松 // 数字通信世界. — 2025. — № 7. — С. 247–249.

5. Го, Сяо-цюн. Чжун-Э цзин-мао хэ-цзо: синь цзинь-чжань юй синь цю-ши (Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество: новые достижения и новые тенденции) / Го Сяо-цюн // Э-ло-сы сюэ-кань (Российский научный журнал). — 2020. — Т. 10, № 4. — С. 23. = 郭晓琼.

中俄经贸合作: 新进展与新趋势 / 郭晓琼 // 俄罗斯学刊. — 2020. — Т. 10, № 4. — С. 23.

6. Ли, Мэнцзе. оцзи до мотай хуаюй фэньси дэ цзиньчжань юй цяньянь (Прогресс и развитие международного мультимодального дискурс-анализа) / Ли Мэнцзе, Фэн Дэчжэн, Дэн И // Сяньдай Вайюй (Современные иностранные языки). — 2024. — № 3. — С. 419–430. = 李梦洁, 冯德正, 邓谊. 国际多模态话语分析的进展与前沿 / 李梦洁, 冯德正, 邓谊 // 现代外语. — 2024. — № 3. — С. 419–430.

7. Лу, Цзин. Чжун-го тэ-да го вай-цзяо хуа-юй ти-си гоуцзянь чу-и (К вопросу о формировании дискурсивной системы дипломатии Китая как великой державы) / Лу Цзин // Цзяо-сюэ юй янь-цзюй (Преподавание и исследования). — 2018. — Т. 52, № 9. — С. 85–94. = 卢静. 中国特大国外交话语体系构建刍议 / 卢静 // 教学与研究. — 2018. — Т. 52, № 9. — С. 85–94.

8. Сунь, Жуй-ин. Цзи-юй LDA чжу-ти мо-син дэ го-нэй чжихуэй юэ-ду янь-цзюй жэ-дянь цзи фа-чжань дао-сян янь-пань (Анализ исследовательских трендов и направлений развития отечественных исследований по интеллектуальному чтению на основе тематической модели LDA) / Сунь Жуй-ин, Чэнь И-хун // Ту-шу-гуань цзянь-шэ (Библиотечное строительство). — 2023. — №3. — С. 82–93, 103. = 孙瑞英, 陈宜泓. 基于LDA主题模型的国内智慧阅读研究热点及发展导向研判 / 孙瑞英, 陈宜泓 // 图书馆建设. — 2023. — № 3. — С. 82–93, 103.

9. Хуан, Цзя-цзя. Цзи-юй шэнь-ду сюэ-си дэ чжу-ти мосин янь-цзюй (Исследование тематических моделей на основе глубокого обучения) / Хуан Цзя-цзя и др. // Цзи-суань-цзи сюэ-бао (Журнал компьютерных исследований). — 2019. — № 5. — С. 827–855. = 黄佳佳等. 基于深度学习的主题模型研究 / 黄佳佳等 // 计算机学报 . — 2019. — № 5. — С. 827–855.

10. Чжан, Лили. Дан-дай Чжун-го вай-цзяо цзянь-ши (Краткая история современной китайской дипломатии) : моногр. / Чжан Ли-ли. — Шанхай : Шанхайское народное издательство, 2015. — 312 с. = 张历历. 当代中国外交简史 / 张历历. — 上海人民出版社, 2015. — 312 с.

11. Чжан, Лу-пэн. Э-ло-сы цзи-суань юй-янь-сюэ ши-юй ся дэ синь-син юй-ляо-ку се-ин (Избранные образцы новых корпусов в перспективе российской компьютерной лингвистики) / Чжан Лупэн, Сунь Шуан // Чжун-го э-юй цзяо-сюэ (Преподавание русского языка в Китае). — 2017. — Т. 36, № 1. — С. 77–81. = 张禄彭, 孙爽. 俄罗斯计算语言学视阈下的新型语料库撷英 / 张禄彭, 孙爽 // 中国俄语教学. — 2017. — Т. 36, № 1. — С. 77–81.

12. Чжан, Чжи-цзин. Цюй-юй го-бэ янь-цзю ши-юй ся гоцзи сюэ-шэн чуань-бо Чжун-го гу-ши дэ и-юань — цзи-юй цзи-хуа син-вэй ли-лунь дэ фэнь-си (Готовность международных студентов транслировать информацию о Китае в перспективе регионоведческих исследований: анализ на основе теории планируемого поведения) / Чжан Чжи-цзин, Чжао Вэй // Си-бэй да-сюэ сюэ-бао (чжэ-сюэ шэ-хуэй кэ-сюэ бань) (Журнал Северо-Западного университета. Издание по философии и социальным наукам). — 2023. — № 6. — С. 69–82. = 张知谅, 赵炜. 区域国别研究视域下国际学生传播中国故事的意愿—基于计划行为理论的分析 / 张知谅, 赵炜 // 西北大学学报（哲学社会科学版）. — 2023. — № 6. — С. 69–82.

13. Чэнь, Сяо-дин. Чжун-го чжоу-бянь вай-цзяо синь линянь дэ го-цзи хуа-юй цюань су-цзао (Формирование международного дискурсивного влияния новых концепций дипломатии Китая в отношении сопредельных стран) / Чэнь Сяо-дин // Шан-хай син-чжэн сюэ-юань сюэ-бао (Журнал Шанхайской административной академии). — 2017. — Т. 18, № 2. — С. 85–94. = 陈小鼎. 中国周边外交新理念的国际话语权塑造 / 陈小鼎 // 上海行政学院学报. — 2017. — Т. 18, № 2. — С. 85–94.

14. Чэнь, Янь-пин. Хань-го вай-цзяо хуа-юй чжун «цин-цю — цзюй-цзюэ» вэнь-да ху-дун дэ ли-чан янь-цзю (Исследование позиционирования в интерактивных вопросах и ответах «запрос — отказ» в корейском дипломатическом дискурсе) / Чэнь Янь-пин, Чэнь Цзюань // Вай-юй дао-кань (Путеводитель по иностранным языкам). — 2024. — Т. 47, № 3. — С. 92–101, 160. = 陈艳平, 陈娟. 韩国外交话语中“请求 — 拒绝”问答互动的立场研究 / 陈艳平, 陈娟 // 外语导刊. — 2024. — Т. 47, № 3. — С. 92–101, 160.

15. Donahue, R. Diplomatic Discourse: International Conflict at the United Nations — Addresses and Analysis / R. Donahue, M. Prosser. — London : Ablex Publishing Corporation, 1997. — XII, 385 p. — ISBN 1567502903, 1567502911.

REFERENCES

1. Van I-cjun', Chjen' Chjen-sin' (2025). Czi-juj LDA dje Oumjen sin'-si mi-u chzhjen-cje bao-gao chzhu-ti va-czjuj juj chzhili jan'-czjuj = A study on thematic detection and management of EU policy reports on information fog based on LDA. *Tu-shu cinbao gun-czo*, *69*(5), 94–106.

2. Van Ci-lun (2023). Cjuj-juj go-bje sjuje shi vjen' = Ten questions about regional studies and country studies. *Vaj-juj czjao-sjuje, 2*, 10–17.

3. Van Sjuje-min (2017). Czi-juj chzhu-ti czjan'-mo dje do-mjejti vjen'-da jan'-czjuj = A Study of Multimedia Questions and Answers Based on Topic Modeling. Thesis, Doctor of Engineering. Nanjing: Nanjing University of Science and Technology, 138 p.

4. Van Chao, Sun' Sjao-nin, Sun' Sun (2025). Hu-ljan'-van cjuj-dun sja czy-zhan' juj-jan' chu-li kje-chjen czy-juan'-ku dje do-vjej sjuj-cju fjen'-si juj shi-sjan' = Multidimensional needs analysis and implementation of a resource base for a natural language processing course under the influence of the Internet. *Shuczy tun-sin' shi-cze, 7*, 247–249.

5. Go Sjao-cjun (2020). Chzhun-Je czin-mao hje-czo: sin' czin'-chzhan' juj sin' cju-shi = Chinese-Russian trade and economic cooperation: new achievements and emerging trends. *Je-lo-sy sjuje-kan'*, *10*(4), 23.

6. Li Mengjie, Feng Dezheng, Deng Yi (2024). Goczi do motaj huajuj fjen'si dje czin'chzhan' juj cjan'jan' = Progress of International Multimodal Discourse Analysis Along. *Sjan'daj Vajjuj, 3*, 419–430.

7. Lu Czin (2018). Chzhun-go tje-da go vaj-czjao hua-juj ti-si gou-czjan' chu-i = On the Formation of a Discursive System of Chinese Diplomacy as a Great Power. *Czjao-sjuje juj jan'-czjuj*, *52*(9), 85–94.

8. Sun' Zhuj-in, Chjen' I-hun (2023). Czi-juj LDA chzhu-ti mo-sin dje go-njej chzhi-hujej juje-du jan'-czjuj zhje-djan' czi fachzhan' dao-sjan jan'-pan' = Analysis of research trends and development directions of domestic research on intelligent reading based on the LDA topic model. *Tu-shu-guan' czjan'-shje*, *3*, 82–93, 103.

9. Huan Czja-czja, et al. (2019). Czi-juj shjen'-du sjuje-si dje chzhu-ti mo-sin jan'-czjuj = Exploring topic models with deep learning. *Czi-suan'-czi sjuje-bao*, *5*, 827–855.

10. Chzhan Lili (2015). Chzhun-go Vai Czao Czan Shi = A Brief History of Modern Chinese Diplomacy. Shanhaj: Shanhaj Zhjen Min' Cu Ban' Shhje Publ., 312 p.

11. Chzhan Lu-pjen, Sun' Shuan (2017). Je-lo-sy czi-suan' jujjan'-sjuje shi-juj sja dje sin'-sin juj-ljao-ku se-in = Selected examples of new corpora in the perspective of Russian computational linguistics. *Chzhun-go je-juj czjao-sjuje*, *36*(1), 77–81.

12. Chzhan Chzhi-czin, Chzhao Vjej (2023). Cjuj-juj go-bje jan'-czju shi-juj sja go-czi sjuje-shjen chuan'-bo Chzhun-go gu-shi dje i-juan' — czi-juj czi-hua sin-vjej li-lun' dje fjen'-si = International students' willingness to share stories about China in an area studies perspective: An analysis based on the theory of planned behavior. *Si-bjej da-sjuje sjuje-bao (chzhje-sjuje shje-hujej kje-sjuje ban')*, *6*, 69–82.

13. Chjen' Sjao-din (2017). Chzhun-go chzhou-bjan' vaj-czjao sin' li-njan' dje go-czi hua-juj cjuan' su-czao = The formation of international discursive influence of new concepts of Chinese diplomacy towards neighboring countries. *Shan-haj sin-chzhjen sjuje-juan' sjuje-bao*, *18*(2), 85–94.

14. Chjen' Jan'-pin, Chjen' Czjuan' (2024). Han'-go vaj-czjao hua-juj chzhun “cin-cju — czjuj-czjuje” vjen'-da hu-dun dje lichan jan'-czju = A study on positioning in interactive request-refusal questions and answers in Korean diplomatic discourse. *Vaj-juj dao-kan'*, *47*(3), 92–101, 160.

15. Donahue, R., Prosser, M. (1997). Diplomatic Discourse: International Conflict at the United Nations — Addresses and Analysis. London: Ablex Publishing Corporation, 1997, XII, 385 p. ISBN 1567502903, 1567502911.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.111'42+811.161.1'42
ББК Ш143.21-51+Ш141.12-51 *ГРНТИ 16.21.61* *Код ВАК 5.9.8*

Светлана Викторовна Шермазанова
Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, Shermazanova@yandex.ru, SPIN-код: 1697-3258

Официальный регистр военного дискурса (на материале русского и английского языков)

АННОТАЦИЯ. *В предлагаемой вниманию статье представлен анализ жанрово-стилистического разнообразия текстов, принадлежащих официальному регистру военного дискурса. В рамках исследования дискурсивные практики профессии описаны с позиции феномена межрегистровой интерференции. Описаны структурно-функциональные характеристики официального регистра военного институционального дискурса.*

Объект исследования — военный институциональный (статусно ориентированный) дискурс как форма профессиональной коммуникации военного социума. Предметная область исследования — функционально-речевые характеристики жанровой палитры официального регистра военного дискурса. Целью работы ставится комплексное исследование жанрового поля военного дискурса с систематической классификацией как базовых жанров институциональной коммуникации, так и жанров, обладающих междискурсивными свойствами. Классификация жанров включает военные доктринальные правовые акты (система официальных взглядов и положений, определяющих политику государства в области обороны), акты военного управления (официальные документы для организации и регламентации повседневной деятельности войск), официальные выступления представителей Министерства обороны, техническую документацию военной техники, военную справочную литературу. К междискурсивным образованиям относятся произведения художественной литературы, военная публицистика, мемуары, строевая песня, военная рекламная продукция, застольные благопожелания (тосты).

Результаты исследования указывают на то, что военный дискурс функционирует как сложный механизм конструирования и поддержания социальной идентичности, властных отношений и культурной памяти в рамках военного института.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *военный дискурс, политический дискурс, политические тексты, межрегистровая интерференция, военнослужащие, жанровое своеобразие, официальный регистр, дискурсивные практики, русский язык, английский язык.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Шермазанова Светлана Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, email: Shermazanova@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Шермазанова, С. В.* Официальный регистр военного дискурса (на материале русского и английского языков) / С. В. Шермазанова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 156-163.

Svetlana V. Shermazanova
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, Shermazanova@yandex.ru, SPIN code: 1697-3258

The Official Register of Military Discourse (Based on the Material of Russian and English)

ABSTRACT. *The article presents an analysis of the genre and stylistic diversity of texts belonging to the official register of military discourse. Within the framework of the study, the discursive practices of the profession are described from the perspective of the phenomenon of interregistral interference. The article describes structural and functional characteristics of the official register of military institutional discourse.*

The scope of the research covers military institutional (status-oriented) discourse as a form of professional communication of military community. The object area of the research includes functional and speech characteristics of the genre variations of the official register of military discourse. The aim of the work is to carry out a complex study of the genre field of military discourse with a systematic classification of both the basic genres of institutional communication and the genres with inter-discursive properties. The classification of genres includes military doctrinal legal acts (a system of official views and ideas defining state policy in the field of defense), acts of military administration (official documents for organizing and regulating the daily activities of troops), official speeches by representatives of the Ministry of Defense, technical documentation of military equipment, and military reference literature. Inter-discursive formations include works of fiction, military journalism, memoirs, marching songs, military advertising products, and table greetings (toasts).

The results of the study indicate that military discourse functions as a complex mechanism of construction and maintenance of social identity, power relations, and cultural memory within a military institution.

KEYWORDS: *military discourse, political discourse, political texts, interregistral interference, military persons, genre specificity, official register, discursive practices, Russian language, English language.*

© Шермазанова С. В., 2026

AUTHOR'S INFORMATION: *Shermazanova Svetlana Victorovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Professor of Department of Foreign Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Shermazanova S. V.* (2026). The Official Register of Military Discourse (Based on the Material of Russian and English). In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 156-163. (In Russ.).

КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ВОЕННОГО ДИСКУРСА

Важнейшей характеристикой армии как институционального образования мыслится его *тотальность*. Здесь следует подчеркнуть, что свойство тотальности отражает не только степень социальной изоляции от внешнего мира, но и меру вовлеченности института в жизни своих агентов вне рамок профессиональной деятельности [Гоффман 2019: 32]. Отличительными признаками института, заключает Э. Гоффман, выступают авторитарная *идеология, иерархия, дисциплина и статусность* взаимоотношений внутри воинского коллектива. Военная организация функционирует как система тотального регулирования, формирующая специфический тип стандартизированных коммуникативных практик. Эти практики служат маркером социальной дифференциации, выделяя военнослужащих в особую профессионально-корпоративную общность, четко отделенную от иных социальных групп [Лурье, Нургалиева 2010: 101–102].

В современной отечественной социолингвистической литературе, отмечает В. П. Коровушкин, профессионально обособленные формы языка номинируются различным образом. Широко употребимы термины «профессиональный диалект, профессиональный язык, язык для специальных целей, язык сферы специальных коммуникаций, язык специальной коммуникации, специолект, язык профессиональной коммуникации, технолект, специальный язык, подъязык, специальный подъязык, субъязык» [Коровушкин 2009: 180–181]. В рамках настоящего исследования мы отдаем предпочтение термину «военный дискурс».

Военный дискурс (далее также ВД) как институциональный вид дискурса представляет собой специализированную форму профессиональной коммуникации, подчиненную строгим нормам и регламентам, присущим армии. Он функционирует в рамках четко выстроенной иерархии и субординации, обеспечивая эффективное управление, координацию и мобилизацию агентов института. Военный дискурс регулирует статусно-ролевое взаимодействие, наделен стратегическими, оперативными и идеологическими функциями. Концептуальное ядро дискурса составляют опорные концепты: «БЕЗОПАСНОСТЬ», «ВОЙНА /ВООРУЖЁННЫЙ КОНФЛИКТ», «СИЛА / МОЩЬ», «АРМИЯ / ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ», «УГРОЗА», «ГОСУДАРСТВО», «СУВЕРЕНИТЕТ» и др.

На лексико-семантическом уровне костяк военного дискурса составляет военная терминосистема, отражающая понятийный аппарат (тезаурус) военной науки. Терминология институционального дискурса, заключает В. Н. Шевчук, сопряжена с «формами и способами ведения войны, с вопросами стратегического использования вооруженных сил, а также оперативно-тактического применения объединений, соединений, частей и подразделений, с их организацией, вооружением и техническим оснащением»[1]. К уставной военно-профессиональной терминологии Б. Л. Бойко относит оперативно-тактические, командно-штабные, военно-технические и военно-дипломатические термины [Бойко 2020: 68–69].

Военный дискурс представляет собой сложную систему коммуникации, ориентированную на удовлетворение потребностей военного социума. Военный дискурс относится к институциональному (статусно ориентированному) типу дискурса. Под статусно ориентированным дискурсом В. И. Карасик понимает речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом в рамках статусно-ролевых отношений [Карасик 2002: 12]. Коммуникативные потребности армейской части общества как единства военно-профессиональной и военно-корпоративной деятельности военнослужащих обслуживаются системой общих и специальных понятий [Коровушкин 2003: 57].

Семиотический характер военного дискурса, полагает А. В. Олянич, находит выражение в «военной символике и эмблематике: языке военных символов (флагов, штандартов, знамен, военной амуниции, военного обмундирования)» [Олянич 2003: 120]. Эмблема — «изображение с однозначным объяснением и этим принципиально отличается от символа, допускающего множественную интерпретацию. Эмблемы нужны в тех коммуникативных ситуациях, где требуется моментальное узна-

[1] Шевчук, В. Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике: дис. … д-ра филол. наук / Шевчук В. Н. — Москва, 1985. — С. 97.

вание, и поэтому они превалируют в обиходном и рекламном дискурсах» [Карасик 2016: 88].

Институциональный дискурс, по мысли Ю. Н. Сдобновой, определяется как регламентированное речетворчество военного социума «в совокупности всех коммуникативных реализаций и в единстве с социокультурными, прагматическими, психологическими факторами»[1].

Ю. Ю. Дуброва приходит к выводу о том, что военному дискурсу присущи высокая степень информативности и семантической компрессии номинативных единиц, эксплицитность и однозначность выражения, интертекстуальность и стандартизация. Стандартизированные образцы текстов связаны со строгой регламентацией коммуникации в военной сфере[2].

ФЕНОМЕН МЕЖРЕГИСТРОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Отечественные и западные коллеги, исследующие статусно ориентированный дискурс военного социума, традиционно выделяют официальный и неофициальный виды (регистры). Особенность военного дискурса видится в межрегистровой интерференции — перекрестном бытовании означенных регистров.

Т. С. Юсупова выделяет формальный и неформальный виды военного дискурса. Официально-деловой ВД охватывает устное и письменное общение (включая язык официальных документов). Под неформальным военным дискурсом понимается обиходно-бытовое общение военнослужащих [Юсупова 2009: 1055].

Вслед за Е. Леви мы выделяем два регистра институционального дискурса: официально-деловой (соответствует литературному стандарту) и неофициальный (соответствует социолектному субстандарту). Диглоссия профессионального дискурса раскрывается через перекрестное бытование регистров официальной и обиходно-бытовой коммуникации военнослужащих [Levy 2012: 111]. Будучи одновременно индивидуальным и социальным атрибутом человека, речь выступает важнейшей из социальных характеристик [Бойко 2009: 6–8].

Официальный регистр — внешний контур коммуникативного узуса и предназначен не только для внутри-, но и межгруппового общения. «Регистр официоза нормативен, имеет преимущественно письменную форму выражения. Официоз отмечен обилием акронимов, тяжеловесных, однако максимально точных, формулировок[3]. Регистр делового общения используется для создания стандартных текстов военного дискурса: уставов, наставлений, директив, рапортов, отчетов, пресс-релизов. Литературный стандарт, отмечает Б. Л. Бойко, используется для составления военных энциклопедий и специализированных лексикографических источников, разработки уставов и наставлений, «штабных документов по организации и ведению боевых действий, применению систем оружия» [Бойко 2015: 45].

Неофициальный регистр обихода используется для повседневной коммуникации военнослужащих. Преимущественная форма реализации — устная. Неофициальный регистр, по А. С. Романову, имеет ряд признаков: «интертекстуальность, прецедентность, энигматичность (криптолаличность), метафорическая образность, сниженная коннотативность»[4]. Неофициальный регистр находит выражение в номинативных единицах профжаргона, армейском фольклоре, воинских ритуалах и традициях.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ РЕГИСТР. ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

Литературный язык — сложившаяся исторически разновидность национального (общенародного) языка, с присущими ей нормативностью, жанрово-стилистической вариативностью, полнотой форм реализации и видов речи (различают устную и письменную формы, монологический и диалогический виды), социальным престижем. К внелитературным вариантам национального языка отнесены территориальные и социальные диалекты, просторечие, жаргон [Матвеева 2010: 189–190].

Е. А. Кучинская и Е. В. Ларченкова выделяют первичные и вторичные жанры ВД. К дискурсивному ядру принадлежат официально-деловой субдискурс (военные документы и устные формулы) и научный субдискурс (научно-технический, научно-дидак-

[1] Сдобнова, Ю. Н. Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе Вооруженных сил Франции : дис. … канд. филол. наук / Сдобнова Ю. Н. — Москва, 2014. — С. 22.

[2] Дуброва, Ю. Ю. Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов (на материале военных документов) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Дуброва Ю. Ю. — Москва, 2015. — С. 11.

[3] Романов, А. С. Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): дис. … д-ра филол. наук / Романов А. С. — Москва, 2021. — С. 68–69.

[4] Романов, А. С. Указ. соч. С. 66–67.

тический и научно-популярный сегменты) [Кучинская, Ларченкова 2017: 115]. Взаимодействие армии с другими социальными институтами обусловлено функциональной спецификой военной сферы, ее вовлеченностью в политическую, экономическую, научную, образовательную, правовую и медийную сферы общества. Взаимосвязь военного дискурса с другими дискурсивными формациями можно проследить при внимательном анализе всех остальных его характеристик: жанров, дискурсивных формул, ценностей, прецедентных текстов [Шермазанова 2025: 123].

Регистр официальной коммуникации отвечает канонам литературного стандарта, а потому кодифицирован. Он используется для ведения документооборота и деловой корреспонденции, составления доктринальных и служебных документов. Анализ официального регистра институционального дискурса позволяет выделить основные жанры: *военные доктринальные правовые акты*, *акты военного управления* (служебные и боевые документы), *публичные выступления*, *техническую литературу*, *справочные издания*.

1. **Военные доктринальные правовые акты** (ВДПА) — система официальных взглядов и положений, определяющих политику государства в области обороны. «Основным инструментом правовой политики являются доктринальные правовые акты (концептуальные, программные, стратегические). Все эти документы имеют ряд общих характеристик: абстрактность, программность, целеполагающий характер, научную обоснованность, отсутствие выраженного регулятивного характера (определенных правил поведения, ответственности за неисполнение, предписывающего характера и т. д.)» [Малько, Гайворонская 2018: 7]. В современном российском законодательстве, указывают А. В. Малько и Я. В. Гайворонская, в практике современной правовой системы существуют доктрины, стратегии, основы государственной политики, концепции, принципы, программы, планы [Там же: 10–11].

Отечественные правоведы подчеркивают, что ни в науке, ни в законодательстве ВДПА не имеют устоявшегося общепринятого наименования. Более того, исследования этих актов весьма немногочисленны. Перечислим основные доктринальные акты стратегического планирования: *Конституция Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации, Основы государственной политики в области гражданской обороны Российской Федерации на период до 2030 года*, *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации.* К прочим нормативным правовым актам отнесем: федеральные конституционные законы, федеральные законы и указы Президента Российской Федерации, регулирующие вопросы обороны, военной службы и деятельности Вооруженных Сил. Эти документы формируют единую систему взглядов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации и определяют направления развития вооруженных сил.

В США действует многоуровневая система официальных документов, определяющих основы применения вооруженных сил: стратегический уровень — пакет военно-доктринальных документов; оперативно-стратегический уровень — документы, регламентирующие применение ВС в целом и их видов; тактический уровень — документы, определяющие применение воинских формирований. Основополагающими военно-доктринальными документами, отмечают М. Вильданов и О. Сухарева, определяющими основы военной политики в области применения ВС США, являются пять документов стратегического уровня: *Стратегия национальной безопасности* (National Security Strategy), *Стратегия национальной обороны* (National Defense Strategy), *Национальная военная стратегия* (National Military Strategy), *Обзор ядерной политики США* (Nuclear Posture Review) и *Обзор противоракетной обороны США* (Missile Defense Review). Как правило, они обновляются при очередной смене президента страны. У США, в отличие от других стран, отсутствует такой единый нормативный документ, как «Военная доктрина» [Вильданов, Сухарева 2021]. Фундаментальным документом, определяющим военную политику США, является *Стратегия национальной безопасности* (National Security Strategy).

2. **Акты военного управления (АВУ) —** официальные документы для организации и регламентации повседневной деятельности войск. В научной литературе отмечается, что рассматриваемая категория текстов институционального дискурса — правовые акты. Акты военного управления включают *служебные* и *штабные документы*. Структурная формализация АВУ вооруженных сил РФ и США может быть представлена следующим образом.

В Вооруженных Силах Российской Федерации создаются следующие основные виды *служебных документов*: приказы, директивы, приказания, указания, постановления, положения, руководства, наставления, инструкции, уставы, регламенты, представления, отчеты, доклады, донесения, догово-

ры (соглашения, контракты), планы, рапорты, перечни, протоколы, акты, справки, служебные письма, телеграммы, телефонограммы, факсограммы, заявки, расписания занятий, командировочные удостоверения, предписания, отпускные билеты и другие разработанные в установленном порядке документы (текстовые и графические) <…>[1].

В армии США *штабные документы* делятся на три основных вида: документы планирования, информационно-отчетные документы и документы управления войсками [Нелюбин 1971: 7–13]. Документы управления войсками — основные и наиболее важные. С их помощью штаб доводит до подчиненных решение командира и поставленные задачи [Там же: 14]. В каждой из перечисленных категорий выделяют документы, непосредственно связанные с боевой деятельностью войск. Эти документы именуются боевыми. *Боевые документы* подразделяются на боевые оперативные и боевые информационно-отчетные документы [Там же: 14].

3. **Официальные выступления представителей минобороны** — это публичные заявления, отражающие позицию оборонного ведомства и страны. В рассматриваемом жанре отражены вопросы обороны, безопасности, военной политики, состояния вооруженных сил и другие аспекты. Официальные выступления имеют высокую степень формализации.

К основным видам официальных выступлений отнесем доклады и отчеты о состоянии дел и планах, брифинги и пресс-конференции, публикации в СМИ и соцсетях (новости, репортажи, фото, видео), обращения к военнослужащим и гражданам (приказы, инструкции, разъяснения).

Жанр включает церемониальные и протокольные мероприятия (приемы, награждения). Сказанное подводит нас к выводу о том, что к этой категории могут быть причислены *эпидейктические тексты* (ритуалы, традиции) и *прецедентные тексты воинского этоса.* Корпоративный воинский этос, понимаемый как совокупность нравственных императивов военного социума, специфичен для каждого вида вооруженных сил или рода войск. Ключевые концепты воинских формирований запечатлены в клишированных речевых формулах, — официальных девизах воинских формирований[2].

Показательны в этом отношении прецедентные тексты американского военного дискурса: тексты воинской присяги для рекрутов-новобранцев и офицерского корпуса (*The Oath of Enlistment* и *The Oath of Office*), тексты воинского этоса (*Soldier's Code*, *The Army Values*, *Warrior Ethos*), кодекс поведения солдата армии США (*Code of Conduct*), кредо видовых компонентов армии США (*The Soldier's Creed*, *The Airman's Creed*, *The Sailor's Creed, The Creed of the United States Marine, The Creed of the United States Coast Guardsman*, *The Guardian Commitment*)[3].

4. **Техническая документация военной техники** — система документов, разрабатываемых и используемых в процессе проектирования, изготовления, эксплуатации и ремонта изделий (деталей, сборочных единиц, образцов, комплексов) военной техники. Техническая документация включает нормативно-техническую (НТД), конструкторскую (КД), технологическую (ТД) и другую документацию (авторские свидетельства на изобретения, описания патентов, пром. каталоги, прейскуранты с материалами и оборудованием и т. п.)[4]. Дискурс-периферия, связанная с научно-техническим дискурсом, обеспечивает терминологическую точность, стандартизированную стилистику и объективность [Шермазанова 2025: 126].

5. **Военная справочная литература** — научная литература (энциклопедии, словари, справочники, руководства, атласы), содержащая систематизированные знания о военном деле, истории войн, вооружении, тактике и военной терминологии. Справочные издания предназначены для быстрого поиска фактов, дат, определений и сведений, необходимых специалистам и интересующимся военным искусством. Справочная литература охватывает различные аспекты: от конкретных битв и биографий полководцев до устройства техники, нормативных документов и военно-научных исследований. Со-

[1] Приказ Министра обороны РФ от 4 апреля 2017 г. № 170 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации». — 55, 56. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71577384/ (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Романов, А. С. Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): дис. … д-ра филол. наук / Романов А. С. — Москва, 2021. — С. 66.

[3] Бабушкина, Е. В. Аксиологический ракурс медиальной стереотипизации военного социума: гендерный аспект (на языковом материале национальной прессы США) : дис. … канд. филол. наук / Бабушкина Е. В. — Москва, 2026. — С. 54.

[4] Балашов, Б. Г. Техническая документация // Военная энциклопедия РФ. — URL: https://военная-энциклопедия.рф/советская-военная-энциклопедия/Т/Техническая-документация (дата обращения: 15.01.2026).

держит краткие сведения, издается в удобной для пользователей форме (СПО, 1999).

К рассматриваемому жанру отнесем и документальные памятники военной истории. *Архивные документы* — совокупность документальных источников (приказы, отчеты, мемуары, карты, фотоматериалы), а также художественных произведений, основанных на реальных событиях, связанных с военным делом, войнами, вооружением и историей армий.

Завершая краткий обзор основных жанров официального регистра военного дискурса, рассмотрим далее междискурсивные образования. К последним отнесем *произведения художественной литературы*, *военную публицистику*, *мемуары*, *строевую песню*, *военную рекламную продукцию*, *застольные благопожелания* (тосты).

1. **Военная художественная проза** — это книги, романы, повести и рассказы, посвященные военной тематике, которые описывают воинский быт, битвы и подвиги, трагедию человеческой жизни на войне.

Проза (лат. *prosa*, от *prosa oratio* — прямая, свободно движущаяся речь) — устная или письменная речь без деления на соразмерные отрезки — стихи. В противоположность поэзии, ритм прозы, в случае его наличия, опирается на приблизительную соотнесенность синтаксических конструкций (предложений, периодов, абзацев). Проза может быть не только художественной, но и деловой, публицистической, научной, мемуарной и т. д.[1]

2. **Военная публицистика** — это жанр журналистики, освещающий актуальные вопросы, связанные с армией, обороной, вооруженными конфликтами и военной историей. Целеполагание жанра связано с информированием и воздействием на общественное мнение через комментарий, обозрение и интервью, аналитический обзор. Широко используются общественно-политическая лексика, эмоционально-экспрессивные речевые ресурсы, риторические фигуры и тропы. Публицистика придает военной тематике стилистическую адаптивность, используя эмоционально насыщенные прагматически обусловленные дискурсивные стратегии, художественно-выразительные средства и медиатехнологии [Шермазанова 2025: 126].

3. **Мемуары** (фр., от *memoire* — память) отражают исторические события через сознание и личную биографию современника, запечатленную в художественном тексте. Мемуары отражают, с одной стороны, хронологию происходящего, а с другой — выступают субъективной фиксацией взглядов и позиции автора[2].

4. **Военная реклама** — комплекс маркетинговых мероприятий, направленных на продвижение военной службы и формирование положительного имиджа вооруженных сил.

Военная реклама включает «информативно-образные, экспрессивно-суггестивные тексты однонаправленного и неличного характера»[3]. Объектами военной рекламы США, заключает И. А. Мурог, «могут выступать имидж вооруженных сил, военная служба по контракту, вооружение и военная техника, дополнительные возможности и льготы для военнослужащих»[4]. Военная реклама, заключают А. С. Романов и Б. Л. Бойко, «предоставляет исследователю добротный материал для анализа не только военной культуры, но и содержит референции к общенациональным символам, прецедентным событиям, социальной мифологии» [Романов, Бойко 2025: 757].

5. **Военная строевая песня** — ритмичная песня с четким маршевым ритмом, предназначенная для синхронизации движения солдат в строю (шага). Строевая песня, отмечает К. В. Петрачков, используется для «поддержания боевого духа, патриотического воспитания и выполнения воинских ритуалов <…>» [Петрачков 2013: 252]. Строевая песня, как правило, имеет куплетную форму, причем запев исполняется солистом, а припев — всеми хористами. Темп строевой песни определяется особенностью шагового режима военных. На марше он равняется 100 ударам в минуту [Там же: 253].

6. **Застольные благопожелания (тосты)** — короткие речевые формулы, тосты или напутствия, произносимые за столом для выражения добрых пожеланий, создания позитивной атмосферы и поддержания хо-

[1] Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба. — Москва : Флинта : Наука, 2004. — URL: https://literaturologiya.academic.ru/531/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B0 (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина. — Москва : Русский язык, 1998. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/42284/МЕМУАРЫ (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Мурог, И. А. Реализация персуазивной стратегии в военной рекламе: лингвопрагматический аспект (на материале современной англоязычной периодической печати) : дис. … канд. филол. наук / Мурог И. А. — Москва : Военный университет, 2017. — С. 33.

[4] Там же. С. 35–37.

роших отношений между присутствующими. Тосты часто имеют глубокие народные корни и связаны с ритуалами. Служат для создания психологического комфорта, выражения уважения и пожеланий благополучия в различных жизненных сферах.

ВЫВОДЫ

1. Коммуникативные потребности военного социума обслуживаются институциональным дискурсом. Язык военной службы предназначен главным образом для удовлетворения идеологических, воспитательных, коммуникативных и иных потребностей социального института вооруженных сил и его членов.

2. Военный дискурс функционирует как инструмент тотального регулирования, охватывающий не только профессиональную, но и личную жизнь военнослужащих. Его структура отражает авторитарную идеологию, иерархию и дисциплину, формируя социальную дифференциацию между военным социумом и другими группами.

3. Межрегистровая интерференция военного дискурса отражает динамику взаимодействия институциональных норм и корпоративной культуры. Военный дискурс характеризуется устойчивым разделением на два регистра (варианта): официально-деловой и неофициальный. Первый соотносится с литературной нормой, имеет преимущественно письменную форму реализации. Неофициальный регистр соотносится с социолектным субстандартом. Основная форма реализации — устная.

4. Основу официального регистра военного дискурса составляют пять ключевых жанровых групп: военные доктринальные акты (стратегические документы, регламентирующие военную политику); акты военного управления (приказы, директивы, штабные документы); публичные выступления; техническая документация (стандартизированные описания вооружений и систем); справочная литература (энциклопедии, словари).

Дискурсивная экспансия военного дискурса сопряжена с выходом за пределы традиционного институционального поля и усилением влияния в других типах дискурса. Военный дискурс взаимодействует с художественной литературой, публицистикой, рекламой и медиадискурсом. Палитра междискурсивных жанров представлена военной художественной прозой, публицистикой, мемуарами, песенным жанром, военной рекламой, тостами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бойко, Б. Л. Военная лексика в речевом общении / Б. Л. Бойко // Вопросы психолингвистики. — 2015. — № 25. — С. 44–53. — EDN UDLHCV.

2. Бойко, Б. Л. К проблеме образа мира российских военнослужащих // Профессиональная картина мира. Методология. Варианты. Практика : кол. моногр. / под общ. ред. С. В. Мыскина, Е. Ф. Тарасова. — Москва : Агентство социально-гуманитарных технологий, 2020. — С. 68–81. — EDN LXUHVV.

3. Вильданов, М. Система официальных документов, определяющих основы применения Вооруженных Сил США / М. Вильданов, О. Сухарева // Национальная оборона. — 2021. — 24 июня. — URL: borona.ru/product/vildanov-midyhat-petrovich/sistema-oficialnyh-dokumentov-opredelyayushchih-osnovy-primeneniya-vooruzhennyh-sil-ssha-42130.shtml (дата обращения: 14.01.2026).

4. Гоффман, Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / Э. Гоффман ; пер. с англ. А. С. Салина ; под ред. А. М. Корбута. — Москва : Элементарные формы, 2019. — 458 с. — ISBN 978-5-9500244-4-3.

5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 447 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.

6. Карасик, В. И. Эмблематика самопрезентации в рекламном дискурсе / В. И. Карасик // Рекламный дискурс и рекламный текст : кол. моногр. — С. 88–100. — Москва : Флинта, 2011. — (Глава 4). — EDN UYRDPZ.

7. Коровушкин, В. П. Нестандартная лексика в английском и русском военных подъязыках (понятийный аппарат социолексикологического описания) / В. П. Коровушкин // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2003. — № 4. — С. 53–59. – EDN VUQOXP.

8. Коровушкин, В. П. Теоретические основы контрастивной социолектологии : моногр. — Череповец : Череповецкий гос. ун-т, 2009. — 246 с. — ISBN 978-5-85341-360-3.

9. Кучинская, Е. А. К вопросу о жанрах военного англоязычного дискурса / Е. А. Кучинская, Е. В. Ларченкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 5-1 (71). — С. 113–117. — EDN YLPYKF.

10. Малько, А. В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики / А. В. Малько, Я. В. Гайворонская // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — № 1. — С. 4–25. — DOI 10.17323/2072-8166.2018.1.4.25. — EDN YVVQIY.

11. Олянич, А. В. Милитарный (военный) дискурс / А. В. Олянич // Дискурс-Пи. — 2015. — Т. 12. — № 2. — С. 165–167. — EDN UMRIIJ.

12. Петрачков, К. В. Военная строевая песня как специфический музыкальный жанр / К. В. Петрачков // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 4 (41). — С. 251–254. — EDN REFVTX.

13. Романов, А. С. Культурные коды военного рекламного текста / А. С. Романов, Б. Л. Бойко // Казанская наука. — 2025. — № 11. — С. 757–759. — EDN BLETQX.

14. Савченко, А. В. Специфика «языка военного обихода» и ее отражение в художественном тексте (русско-чешские параллели) / А. В. Савченко // Коммуникативные исследования. — 2022. — Т. 9. — № 2. — С. 358–378. — DOI 10.24147/2413-6182.2022.9(2).358-378. — EDN ARHELJ.

15. Уланов, А. В. История русского военного дискурса XIX — начала XX века : моногр. / А. В. Уланов. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2014. — 200 с. — ISBN 978-5-8149-1783-6.

16. Юсупова, Т. С. Структурные особенности военного дискурса / Т. С. Юсупова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11. — Вып. 4. — С. 1055–1057. — EDN MCLEDR.

17. Levy, E. Upper Echelons and Boots on the Ground: The Case for Diglossia in the Military / E. Levy // Warrior Ways: Explorations in Modern Military Folklore / ed. by Eric A. Eliason, Tad Tuleja. — Logan, Utah : Utah State University Press, 20212. — P. 98–115. — DOI 10.7330/9780874219043.c05.

REFERENCES

1. Boiko, B. L. (2015). Voyennaya leksika v rechevom obshchenii = Military lexicon in speech communication. *Issues of Psycholinguistics*, *25*, 44–53.

2. Boiko, B. L. (2020). K probleme obraza mira rossiyskikh voyennosluzhashchikh = On the issue of the worldview of Rus-

sian military personnel. *Professional Picture of the World. Methodology. Variants. Practice. Collective Monographs*, 68–81. Moscow: Agency for Social and Humanitarian Technologies.

3. Vil'danov, M., Sukhareva, O. Sistema ofitsial'nykh dokumentov, opredelyayushchikh osnovy primeneniya Vooruzhennykh Sil SSHA = The system of official documents determining the foundations of the application of the US Armed Forces. Available at Jan. 14, 2026 from borona.ru/product/vildanov-midyhat-petrovich/sistema-oficialnyh-dokumentov-opredelyayu shchih-osnovy-primeneniya-vooruzhennyh-sil-ssha-42130.shtml.

4. Goffman, E. (2019). Total'nye instituty: ocherki o sotsial'noy situatsii psikhicheski bol'nykh patsientov i prochikh postoyaltsev zakrytykh uchrezhdeniy = Total institutions: essays on the social situation of mentally ill patients and other inmates of closed institutions. Moscow: Elementarnye formy, 404 p.

5. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Linguistic sphere: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 447 p.

6. Karasik, V. I. (2011). Emblematika samoprezentatsii v reklamnom diskurse = Emblematics of self-presentation in advertising discourse. *Advertising Discourse and Advertising Text. Collected Monographs*, 88–100. Moscow: Flinta.

7. Korovushkin, V. P. (2003). Nestandartnaya leksika v angliyskom i russkom voyennykh pod"yazykakh (ponyatiynyy apparat sotsiolleksikologicheskogo opisaniya) = Non-standard lexicon in English and Russian military sublanguages (the conceptual apparatus of sociolinguistic description). *Bulletin of the Orenburg State University*, *4*, 53–59.

8. Korovushkin, V. P. (2009). Osnovy kontrastivnoy sotsiolektologii = Theoretical Foundations of Contrastive Sociolectology. Monograph. Cherepovets: Cherepovets State University, 246 p.

9. Kuchinskaya, E. V., Larchenkova, E. V. (2017). K voprosu o zhanrakh voyennogo angloyaznogo diskursa = On the issue of genres of military English-language discourse. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, *5*(71), Part 1, 113–117.

10. Mal'ko, A. V., Gayvoronskaya, Ya. V. (2018). Doktrinal'nye akty kak osnovnoy instrument pravovoy politiki = Doctrinal acts as the main instrument of legal policy. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, *1*, 4–25.

11. Olyanich, A. V. (2015). Militarnyy (voyennyy) diskurs = Military discourse. Diskurs-Pi, *12*(2), 165–167.

12. Petrachkov, K. V. (2013). Voyennaya stroevaya pesnya kak spetsificheskiy muzykal'nyy zhanr = Military marching song as a specific musical genre. World of Science, Culture, Education, *4*(41).

13. Romanov, A. S., Boyko, B. L. (2025). Cultural Codes in Military Advertising Text. *Kazan Science*, *11*, 757–760.

14. Savchenko, A. V. (2022). Spetsifika “yazyka voyennogo obikhoda” i eye otobrazheniye v khudozhestvennom tekste (russko-cheshskiye paralleli) = Specificity of the “language of military everyday life” and its reflection in literary text (Russian-Czech parallels). *Communicative studies*, *9*(2), 358–378.

15. Ulanov, A. V. (2014). Istoriya russkogo voyennogo diskursa XIX — nachala XX veka = History of Russian military discourse of the XIX — early XX centuries. Omsk: Izd-vo OmGTU, 200 pp.

16. Yusupova, T. S. (2009). Strukturnyye osobennosti voyennogo diskursa = Structural features of military discourse. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, *11*(4), 1055–1057.

17. Levy, E. (2012). Upper echelons and boots on the ground: The case for diglossia in the military. *Warrior ways: Explorations in modern military folklore*, 98–115. Logan, UT: Utah State University Press.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 821.111-311.6(Дойль А. К.)+811.161.1'42
ББК Ш33(4Вел)5-8,444+Ш141.12-51 *ГРНТИ 16.21.33; 16.21.55* *Код ВАК 5.9.8*

Илона Юрьевна Багдасарова[1,2,3]✉, Любовь Александровна Пониделко[4]

[1] Московский политехнический университет, Россия, artameli@mail.ru✉, SPIN-код: 6926-9191, https://orcid.org/0000-0002-7495-016X
[2] Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, Москва, Россия
[3] Российский университет дружбы народа им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
[4] Национальный исследовательский технический университет НИТУ МИСИС, Москва, Россия, lalaith@mail.ru, SPIN-код: 5728-2749, https://orcid.org/0000-0001-8936-2494

Речевые стратегии репрезентации христианского дискурса на примере англоязычного исторического романа и русскоязычной публичной видеолекции

АННОТАЦИЯ. *В статье проводится комплексный сравнительный анализ репрезентации христианского дискурса в двух разнородных источниках: англоязычном историческом романе «Белый отряд» (дата публикации романа — 1891 г.) Артура Конана Дойля и русскоязычной современной научно-популярной видеолекции «Инквизиция: разрушение „Черной легенды“» (дата публикации лекции на канале «Наука и философия» видеохостинга «ВКвидео» — 2020 г.) медиевиста, популяризатора философии Андрея Баумейстера. Предметом исследования являются коммуникативные и лингвостилистические стратегии, формирующие христианский дискурс; объектом — его эволюция в условиях исторической смены медиаформатов. Цель работы — выявление диахронических сходств и различий в репрезентации христианского дискурса в письменном художественном тексте и устной цифровой видеолекции. Методология исследования основана на сопоставительном диахроническом анализе двух корпусов текстов (общий объем проанализированного материала составляет 17 424 слова) с применением модельно-ориентированного подхода, сочетающего составление классификаций (тематической, стилевой, коммуникативной и функциональной) с последующим выявлением дискретных и континуальных признаков обоих анализируемых дискурсов. Результаты исследования выявили как значительные расхождения, так и сходства в дискурсивных стратегиях, несмотря на разницу форматов, языков и временной разрыв между сравниваемыми дискурсами. В романе Конана Дойля христианский дискурс реализуется через систему архаизированной лексики, сложные синтаксические конструкции и богатый инвентарь лингвостилистики, создающие эффект исторической достоверности. В видеолекции Андрея Баумейстера доминируют стратегии убеждения через риторические вопросы, контрастные сопоставления и прямые обращения к аудитории, с активным использованием современных разговорных элементов при сохранении терминологической точности.*

Ключевым выводом исследования является дозаказанная демонстрация трансформации христианского дискурса от художественно-символической репрезентации в литературе к научно-полемической в цифровых медиа. Несмотря на диахронический разрыв в 130 лет и различие языковых культур, оба типа дискурса сохраняют общее ядро — ориентацию на этическую рефлексию и интерпретацию религиозных концептов. Практическая значимость работы заключается в разработке аналитического инструментария для сравнительных исследований дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *христианский дискурс, лингвостилистический анализ, английская литература, английские писатели, литературные жанры, исторические романы, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, публичные видеолекции, христианские тексты, диахронический анализ, А. К. Дойль, А. Баумейстер, речевые стратегии, репрезентация христианского дискурса.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Багдасарова Илона Юрьевна (автор, ответственный за переписку), старший преподаватель кафедры иностранных языков, Московский политехнический университет, Москва, Россия; старший преподаватель кафедры теории, практики и лингводидактики перевода, Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, Москва, Россия; старший преподаватель, лаборант-исследователь, кафедра иностранных языков, экономический факультет, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия, email: artameli@mail.ru.*

Пониделко Любовь Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий, Научно-исследовательский технический университет НИТУ МИСИС, Москва, Россия, email: lalaith@mail.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Данная работа была поддержана Программой стратегического академического лидерства РУДН.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Багдасарова, И. Ю.* Речевые стратегии репрезентации христианского дискурса на примере англоязычного исторического романа и русскоязычной публичной видеолекции / И. Ю. Багдасарова, Л. А. Пониделко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 164-177.

© Багдасарова И. Ю., Пониделко Л. А., 2026

Ilona Yu. Bagdasarova[1,2,3]✉, Lyubov′ A. Ponidelko[4]

[1] Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia, artameli@mail.ru✉, SPIN code: 6926-9191, https://orcid.org/0000-0002-7495-016X

[2] University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow, Russia

[3] Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

[4] National University of Science and Technology MISIS, Moscow, Russia, lalaith@mail.ru, SPIN code: 5728-2749, https://orcid.org/0000-0001-8936-2494

Communicative Strategies of Representation of Christian Discourse: A Case Study of an English-Language Historical Novel and a Russian-Language Public Video Lecture

ABSTRACT. *The article presents an integrated comparative study of the linguistic and stylistic features and communicative strategies of Christian discourse in two texts that differ significantly in nature: Arthur Conan Doyle's historical novel "The White Company" (publication date 1891) and the contemporary popular science video lecture "The Inquisition: Debunking the 'Black Legend'" (publication date 2020) by medievalist philosopher Andrey Baumeister. The study focuses on the evolution of Christian discourse in the context of media format change, and the object of investigation covers the communicative and linguostylistic strategies that form Christian discourse. The aim of the study is to identify diachronic similarities and differences in the representation of Christian discourse in traditional written literary format and a digital oral media lecture. The research methodology is based on a comparative diachronic analysis of two corpora of texts totaling 17,424 words, employing an original model-oriented method that includes making topical, stylistic, communicative, and functional classifications and revealing discrete and continual characteristics of the texts under analysis. The results of the study demonstrate both significant divergences and similarities in discursive strategies despite the difference in format, language, and temporal gap between the discourses under comparison. In Conan Doyle's novel, Christian discourse is realized through a system of archaic vocabulary, complex syntactic constructions, and various linguostylistic means that create an effect of historical authenticity. In Baumeister's media lecture, persuasive strategies dominate, employing rhetorical questions, contrasting comparisons, and direct appeals to the audience, with active use of modern colloquial elements while maintaining terminological accuracy.*

The key conclusion of the study consists in the demonstration of the transformation of Christian discourse from artistic-symbolic representation in literature to scientific-polemical characterization in digital media. Despite the diachronic gap of 130 years and the differences in linguistic cultures, both types of discourse retain a common core: an orientation towards ethical reflection and the interpretation of religious concepts. The practical significance of the work lies in the development of analytical tools for comparative discourse explorations.

KEYWORDS: *Christian discourse, linguostylistic analysis, English literature, English writers, literary genres, historical novels, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, public video lectures, Christian texts, diachronic analysis, A. C. Doyle, A. Baumeister, speech strategies, representation of Christian discourse.*

CORRESPONDING AUTHOR'S INFORMATION: *Bagdasarova Ilona Yur'evna (Corresponding author) Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Moscow Polytechnic University; Senior Lecturer of Department of Translation Theory, Practice, and Linguodidactics, University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky; Researcher of Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ponidelko Lyubov' Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Communication Technologies, National University of Science and Technology MISIS, Moscow, Russia.*

ACKNOWLEDGMENTS. The study was supported by the Program of strategic academic leadership of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

FOR CITATION: *Bagdasarova I. Yu., Ponidelko L. A*. (2026). Communicative Strategies of Representation of Christian Discourse: A Case Study of an English-Language Historical Novel and a Russian-Language Public Video Lecture. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 164-177. (In Russ.).

В последние десятилетия наблюдается усиление значимости религиозных институтов в социальной, культурной и художественной практике. В контексте нашего общества процесс возрождения церкви после длительного периода делигитимации стал особенно заметен с начала 1990-х годов, когда произошло переформатирование государства. Вместе с возвращением религии в культурное пространство социума возникает интерес лингвистов к религиозному дискурсу, частным случаем которого является христианский дискурс[1].

[1] Казнина Е. Б. Концепт «вера» в диалогическом христианском дискурсе : дис. … канд. филол. наук. — М., 2004; Баймуратова У.С. Религиозный дискурс в художественном тексте как лингвистическая проблема // Полилингвиальность и транскультурные практики. — 2008. — №1. — С. 43–49.

Самые ранние работы по лингвистическому изучению религиозного дискурса как отдельного направления появляются в 1950-х годах вместе с введением термина «анализ дискурса» американским лингвистом Зеллигом Харрисом[1]. Еще на более раннем этапе работы, которые можно рассматривать как предтечу современного изучения религиозного дискурса, относятся к философии языка и герменевтики [Tamimy, Setayesh Zarei, Khaghaninejad 2022]. В частности, работы Фридриха Шлейермахера[2] в начале XIX века, имеющие прямое отношение к изучению религиозных текстов и учений, заложили основы понимания языка как посредника между миром и человеческим сознанием. Активное изучение религиозного дискурса как самостоятельного объекта — особенно в нашей стране — началось позже, с развитием лингвистики текста и прагмалингвистики[3,4].

Лингвостилистика, стилистика текста, текстология внесли и продолжают вносить свою лепту в сложный процесс дискурс-анализа и типологизацию дискурса[5]. Как отечественные, так и зарубежные исследователи предпринимают попытки предложить различные классификации дискурсов. В рамках данной статьи мы рассмотрим те из них, которые наиболее коррелируют с поставленными задачами нашего исследования.

При изучении дискурса, как и любого естественного феномена, встает вопрос классификации. Самое главное разграничение в этой области — противопоставление устного и письменного дискурса [Прокошенкова, Гецкина 2006; Chernyavskaya 2023]. В соответствии с этим, британский лингвист Дэвид Кристал различает два подхода в дискурс-анализе: с одной стороны, анализ дискурса (discourse analysis), который сосредотачивается на структуре естественной устной речи, встречающейся в интервью, беседах, комментариях и речах. С другой стороны, анализ текста (text analysis), фокусирующийся на структуре письменного языка, реализуемой в таких жанрах, как очерки, заметки и главы книг [Crystal 1994].

В настоящее время терминологическая классификация дискурсивного высказывания весьма неоднородна [Malyuga 2019]. Разные варианты типологии дискурса представлены в работах Б. Н. Головко, Г. Г. Почепцова, В. И. Карасика, Г. М. Яворской и др. В рамках нашего исследования наиболее интересной представляется классификация В. И. Карасика, предложившего следующую многоплановую типологию дискурса: персональный[6] (представленный в том числе художественным дискурсом) и институциональный[7], в котором выделяются множественные подвиды, включающие религиозный или христианский дискурс [Карасик 2002]

Для нашего исследования мысль Кристала о разделении дискурса на устный и письменный актуализируется в представленном в работе анализе устного христианского дискурса на примере видеолекции об Инквизиции и сравнении его с письменным дискурсом художественного текста исторического романа Конана Дойля. С другой стороны, в рамках классификации Карасика данное исследование рассматривает то, что ученый называет «бытийным» дискурсом в его художественном представлении и институциональным в виде «массово-информационном».

Теоретической основой лингвостилистического аспекта работы служат классические работы таких исследователей лингвостилистики, как Р. И. Гальперин [Гальперин 2014], И. В. Арнольд [Арнольд 2016], Ю. М. Скребнев [Скребнев 2000], Лейкофф, Джонсон [Lakoff & Johnson 2003] и других. Современная когнитивная стилистика [Tsur 1992; Stockwell 2002] обогащает постулаты функциональных стилей коммуникативным под-

[1] В 1952 году, в своей работе "Methods in Structural Linguistics", Зелиг Харрис ввел понятие дискурса в лингвистику, рассматривая его как "непрерывную последовательность слов, которые могут быть формально проанализированы".

[2] Его работы по герменевтике, особенно «Речи о религии к образованным людям, её презирающим» (1799) и «О религии: Речи к её культурным врагам» (1806), рассматриваются как важные шаги в формировании подхода к изучению религиозного опыта и его выражения в языке.

[3] Kellenbach, Katharina. (2001). Christian Discourses of Forgiveness and the Perpetrators. 10.1007/978-1-349-66019-3_110.

[4] Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации : коллективная монография / под общ. ред. Е. В. Плисова. Нижний Новгород : НИУ РАНХиГС, 2015. 210 с.

[5] Solntseva, E. (2025). Contextually Determined Coherence as a Backbone to Discourse Typology. Professional Discourse & Communication. 7. 9-33. 10.24833/2687-0126-2025-7-1-9-33.

[6] В персональном дискурсе Карасик выделяет два его подвида: бытийный и бытовой

[7] Сам институциональный дискурс ученый определяет как «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик 2002: 10]

ходом (В. Матезиус, Р. Якобсон, Я. Мукашовский), а также русским формализмом (Б. Эйхенбаум, В. Пропп, Б. Томашевский). Это позволяет использовать модельно-ориентированный подход для изучения фигуративных значений авторов дискурса [Ertner, Ulyanova 2023; Grishechko, 2023; Murashova, 2021].

Целью данного исследования является выявление диахронических сходств и различий между христианским дискурсом, вписанным в художественный текст исторического романа Конана Дойля «Белый отряд», и современной видеолекции о средневековом институте Инквизиции. Христианский дискурс является частью религиозного дискурса, который неоднократно становился объектом анализа лингвистов, литературоведов, философов. Например, имеются работы, посвященные методологическим основаниям изучения религиозного дискурса [Кожемякин 2011]; репрезентации символического в религиозном дискурсе [Колесов 1992]; коммуникативным стратегиям протестантского дискурса [Москвина 2021; Блувберг 2005]; специфике и составляющим протестантского дискурса [Блувберг 2007]. Лингвостилистические аспекты христианского дискурса затронуты в исследованиях, посвященных диахроническому анализу функционирования католического дискурса в газетной публицистике [Анисимова 2018; Popova 2018]; клерикальной протестантской прессе (Блувберг, 2009[1]).

Другим аспектом данного исследования является его диахроничность с попыткой представить собственную комплексную модель анализа христианского дискурса с позиций лингвистики текста и его дискретных и континуальных признаков. Опираясь на подход Ю. А. Москвиной, в рамках данного исследования под дискретными признаками дискурса понимаются дискурсивная рефлексия и прагматика (уровень формальности; эмоциональная окраска; диалогичность; языковая динамика). В свою очередь, к континуальным признакам дискурса мы относим характеристики, которые формируют проблемное поле, семантику языка, когнитивную структуру и специфическую лексику данного дискурса (функциональные характеристики; коммуникативные стратегии; лексические средства; синтаксические средства; стилистические тропы)[2]. Важно отметить, что исходная концепция Москвиной была адаптирована нами под специфику анализа христианского дискурса с акцентом на религиозную семиотику, этическую рефлексию и трансформацию религиозных концептов в условиях смены медиаформатов. Такая адаптированная модель анализа позволила выявить как инвариантное ядро христианского дискурса, сохраняющееся несмотря на 130-летний диахронический разрыв и смену медиаформатов, так и специфику его трансформации, обусловленную различием коммуникативных задач (художественная стилизация против научно-полемической аргументации), и представляет собой готовый аналитический алгоритм, апробированный на материале романа Конана Дойля и видеолекции Баумейстера, который может быть транслирован на другие типы религиозных и идеологических дискурсов в рамках дискурсологических исследований

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения трансформации христианского дискурса в условиях смены коммуникативных парадигм от классического литературного текста к современным цифровым медиа. Исторический роман Конана Дойля, созданный в эпоху позднего викторианства, отражает не только стилизацию под средневековый нарратив, но и имплицитные представления автора о религии как элементе национальной идентичности[3]. Современная видеолекция, напротив, демонстрирует адаптацию христианского дискурса к требованиям цифровой эпохи: клиповость, интерактивность, полемическую заостренность. Сравнительный анализ этих двух форм репрезентации позволяет выявить диахронические сдвиги в языковых средствах (архаизация vs. модернизация лексики); изменение коммуникативных стратегий (монологизм художественного текста vs. диалогичность медиа); трансформацию функций (художественно-символическая в литературе vs. просветительско-полемическая в медиа) [Опарина 2020].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Описание корпусов материалов исследования

В первый корпус в качестве примера англоязычного христианского дискурса вошли первые три главы исторического рыцарского

[1] Блувберг, С. В. Современный протестантский дискурс: на материале немецкой публицистики : дис. … канд. филол. наук / Блувберг С. В. — Москва, 2009. — 179 с.

[2] Москвина, Ю. А. Коммуникативные стратегии христианского протестантского дискурса в России (Советском Союзе) и США : дис. … канд. наук / Москвина Ю. А. — Москва, 2023. — С. 7.

[3] Шапкина, А. В. Романы А. К. Дойла «Белый отряд» и «Сэр Найджел»: проблема национальной идентичности : дис. … канд. филол. наук : 10.01.03 / Шапкина А. В. — Воронеж, 2008. — 184 с.

романа Артура Конана Дойля «Белый отряд», опубликованного в 1891 году. Критериями отбора литературного материала явились тематические и жанровые характеристики вступительных глав романа «Белый отряд». Под тематическими характеристиками мы подразумеваем то, что в этих главах действие романа происходит на территории католического монастыря Англии времен периода Столетней войны. Следует отметить, что сам автор считал этот роман знаковым и самым важным в своей литературной карьере в силу того, что он полностью отражает систему ценностей, присущую «английскому джентльмену», приверженцем которой являлся Конан Дойль, и «символом всего того, что является традиционно английским»[1]. Что касается жанровых и стилевых особенностей этого романа, необходимо сказать, что он представляет собой стилевую имитацию средневекового рыцарского романа, зародившегося в Западной Европе в XII–XIII веках и представленном в Англии в виде рыцарских эпопей и таких произведений, как «Сэр Парсеваль» и «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» — тексты, сочетающие элементы приключенческого повествования, рыцарского идеала, религиозной символики и моральных уроков. Это позволяет «Белому отряду» передать атмосферу и ценности средневековья через призму исторической прозы. Общий объем проанализированного текста составил 7602 слова или 41 152 печатных знака.

Во второй корпус в качестве примера современного русскоязычного христианского дискурса вошел текст лекции философа, историка-медиевиста, популяризатора философии, кандидата философских наук Андрея Олеговича Баумейстера «Инквизиция: разрушение „Черной легенды“» (дата публикации видеолекции 2015 г.), взятой с канала «Наука и философия» открытого видеохостинга «ВКвидео». Лекция представляет собой научно-популяризаторский контент, условно называемый «разоблачение мифов», нацеленный на широкую аудиторию, посвященный общей тематике переосмысления устоявшихся исторических концепций об инквизиции, сформированных на рубеже Нового времени и эпохи Просвещения историками и философами тех периодов. Данная лекция являет собой попытку представить широкой аудитории результаты исследований медиевистов конца 20-го, первой четверти 21-го века, которые вносят значительный диссонанс в представления современного человека о Средних веках, которые теми же историками Нового времени были названы «темными»[2]. Тема лекции — разбор адекватности распространенных идей о деятельности института, зародившегося в позднем Средневековье, названном католической церковью инквизиция[3]. Критерии выбора этого материала согласовывались с критериями выбора текста глав романа Конана Дойля: тематическая направленность и стилевые свойства, а именно популяризаторский стиль автора лекции и выбранная им тематика, создающая современный христианский дискурс, для самого широкого круга адресатов. Общий объем проанализированного текста составил 9822 слова или 65 647 печатных знаков.

Методология исследования

Для создания полноценного описания христианского дискурса с последующим сопоставлением его характеристик в диахроническом и лингвостилистическом аспектах был использован следующий комплексный

---

[1] Карр Дж Д Жизнь сэра Артура Конан Дойла Человек, который был Шерлоком Холмсом/ ДжД Карр. — Москва : Центрполиграф, 2001. — С 74; Шапкина, А. В. Романы А. К. Дойла «Белый отряд» и «Сэр Найджел»: проблема национальной идентичности : автореф. дис. … канд. филол. наук / Шапкина А. В. — Москва, 2008. — С. 4.

[2] Термин «Темные века» (лат. *saeculum obscurum* или *dark ages*) для обозначения Средневековья возник в эпоху Возрождения (Ренессанса), когда гуманисты воспринимали этот период как время упадка культуры и науки по сравнению с античностью. Одним из первых, кто использовал подобное выражение, был итальянский гуманист Франческо Петрарка (1304–1374), который называл Средние века «темными веками» из-за упадка знаний и культуры после падения Римской империи. Позже термин получил широкое распространение в европейской историографии XVII–XVIII веков, особенно в эпоху Просвещения, когда мыслители стремились противопоставить «светлое» время Разума «темному» периоду Средневековья.

Современные историки считают такой подход упрощенным и стереотипным, подчеркивая, что Средние века были сложным и разнообразным периодом с собственными достижениями и культурным развитием.

[3] От лат *inquisitio* — «расследование», «допрос» или «исследование».

методический подход, мотивированный целью исследования и сложившимися теоретическими разработками в классической стилистике[1] и теории дискурс-анализа[2].

Для выявления характеристик, присущих двум корпусам христианского дискурса, были составлены и проанализированы следующие их классификации: 1) тематическая; 2) стилевая; 3) коммуникативная; 4) функциональная.

Каждая из вышеперечисленных классификаций представлена в виде нескольких, входящих в нее подразделов. Итогом этого анализа явилось создание дискретных и континуальных характеристик обоих корпусов христианского дискурса, что позволило сделать обоснованные выводы о сходствах и различиях в функционировании художественного текста, содержащего христианский дискурс, написанный в конце 19-го века, и христианского дискурса современного цифрового формата.

Для анализа текстового материала в качестве эмпирической базы были отобраны первые три главы романа А. Конана Дойля «Белый отряд», полученные из открытого электронного архива проекта «Гутенберг». Текст был перенесен в текстовый редактор и подвергнут многоэтапному анализу в соответствии с заявленной методологией. В целях повышения надежности результатов анализ проводился обоими исследователями независимо друг от друга, с последующей сверкой выявленных единиц и их классификацией.

Для работы с видеолекцией, взятой с открытой платформы «ВКвидео» канала «Наука и философия», были проделаны следующие последовательные шаги. Ссылка на видеолекцию была загружена в приложение для отекстовывания аудио и видеофайлов *Speech2text*, которое преобразило аудиоматериал в формат Word-документа. Далее анализ производился по тому же алгоритму, который был выбран для анализа текста романа. Ввиду поликодовости материала, представленного в лекции в виде презентации, некоторые примеры, использованные для анализа в данном исследовании, брались со слайдов презентации автора лекции.

Ниже в таблице 1 представлены и аргументированы критерии отбора анализируемого материала.

Применение единой модели анализа обеспечивает сопоставимость результатов, несмотря на разницу в материале.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Ниже представлены результаты анализа христианского дискуса текста первых трех глав романа Конана Дойля «Белый отряд».

1.1. Тематическая классификация христианского дискурса романа Конана Дойля «Белый отряд»

1.1.1. Исторические аспекты:

А) Упоминания об исторических событиях. *Примеры:* the Battle of Bannockburn.

Б) Описание исторических личностей и их роли. *Пример:* “He would then come upon that part of France which is still in dispute, and he might hope to reach the famous city of Avignon, where dwells our blessed father, the prop of Christendom.”; William Ockham.

Таблица1. Критерии и аргументация отбора анализируемого материала

Критерий отбора	Обоснование
1. Тематическая релевантность	Оба корпуса фокусируются на христианском дискурсе в контексте Средневековья, что обеспечивает содержательное единство для сопоставления
2. Жанрово-стилевой контраст	Сознательное противопоставление художественного текста с его нарративной усложненностью и медийного формата, ориентированного на публичную аргументацию, позволяет выявить специфику речевых стратегий в разных коммуникативных средах
3. Диахронический аспект	Временной разрыв между текстами в 130 лет демонстрирует эволюцию дискурсивных практик, сохраняющих при этом общие смысловые ядра, такие как религиозная символика и этическая проблематика
4. Репрезентативность	1) роман Конана Дойля признан эталонным примером историко-религиозной прозы, где христианский дискурс интегрирован в художественную ткань (см.: Волкова, С. Б. Формирование концепта военной службы и особенности его репрезентации в англоязычном историческом художественном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. — Москва, 2011); 2) лекция Андрея Баумейстера отражает современные тенденции популяризации религиозной истории через цифровые медиа, сочетая академичность с публицистической экспрессией

[1] Гальперин, Г. А. Стилистика английского языка / Г. А. Гальперин. — Москва: Высшая школа, 1971. — 256 с.; Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон. — Москва: Наука, 1975. — 192 с.; Лакофф, Дж., Джонсон, М. Неявные модели / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва: Русские словари, 1998. — 320 с.

[2] Костомаров, В. А. Дискурс и его анализ / В. А. Костомаров. — Москва: Наука, 2001. — 256 с.; Ван Дейк, Т. А. News as Discourse / Т. А. Ван Дейк. — Хиллсдейл, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988.; Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. 220 с.

В) Описание географии мира. *Пример:* “Beyond that[1] is Jerusalem and the Holy Land, and the great river which hath its source in the Garden of Eden.”

1.1.2. Религиозные аспекты:

А) Религиозные институты. *Примеры:* indulgence, abbey, monastic order

Б) Церковные правила и указы. *Примеры:* Pope’s decree, rule of the order

В) Католические святые и мученики. *Примеры:* Laurence the martyr, the Blessed Benedict

Г) Этические и моральные вопросы. *Пример:* “Item, that after sundry japes and jokes the said brother John did lift up the said Mary Sowley and did take, carry, and convey her across a stream, to the infinite relish of the devil and the exceeding detriment of his own soul, which scandalous and willful falling away was witnessed by three members of our order.”

Д) Вопросы веры и правила монастырской жизни. *Пример:* “Hast forgotten that the five-and-thirtieth rule of the order is that in the presence of a woman the face should be ever averted and the eyes cast down?”

Е) Ссылки на Священное Писание и упоминания библейских событий. *Пример:* the “Slaying of the Innocents”.

1.2. Стилевая классификация христианского дискурса романа Конана Дойля «Белый отряд»

1.2.1. Лексические средства:

А) Архаизмы. *Примеры*: «morrow», «novice», «hath», «What hast thou to say?», «thee».

Б) Термины. *Примеры*: «refectory», «breviary», «choir», «monastic order».

В) Разговорные выражения. *Примеры*: «quotha», «ye», «marry come up».

1.2.2. Синтаксические средства:

А) Длинные сложные предложения. *Пример*: “The sentence appeared a terrible one to the older monks, who had become so used to the safe and regular life of the Abbey that they would have been as helpless as children in the outer world.”

Б) Вопросительные конструкции и риторические вопросы. *Пример*: “Hast forgot it, I say?”

В) Параллелизм. *Пример*: “That can I,” answered the accuser. “So too can brother Porphyry, who was with me, and brother Mark of the Spicarium, who hath been so much stirred and inwardly troubled by the sight that he now lies in a fever through it.”

Г) Повторы. *Пример:* «“Canst thou?” cried the Abbot, in a high, tempestuous tone. “Canst thou so?”» Анафора. *Примеры*: “Item, that... Item, that … Item, that…” “Never had the peaceful atmosphere of the old Cistercian house been so rudely ruffled. Never had there been insurrection so sudden, so short, and so successful”.

1.2.3. Стилевые фигуры:

А) Метафоры. *Пример*: “A light and a pattern to every novice[2]”.

Б) Эпитеты. *Примеры*: “a broad and portly priest, with dark mirthful eyes and a thick outgrowth of crisp black hair all round his tonsured head”.

В) Сравнения. *Пример*: “like the bark of the fir; But the novice was a strategist as well as a man of action”.

1.2.4. Фонетические средства:

А) Аллитерация. *Пример*: “bell of Beaulieu”.

Б) Ассонанс. *Пример*: “…a place full of stormings and strivings—comfortless, restless, and overshadowed by evil.”

1.3. Коммуникативные стратегии христианского дискурса романа Конана Дойля «Белый отряд»

1.3.1. Привлечение читателя. Вступительный абзац, создающий эффект саспенса: “The great bell of Beaulieu was ringing… Why should the great bell of Beaulieu toll when the shadows were neither short nor long?”

1.3.2. Создание контекста. Предложения, содержащие прямые или косвенные данные о периоде, когда происходят события романа. *Примеры:* “Charges brought upon the second Thursday after the Feast of the Assumption, in the year of our Lord thirteen hundred and sixty-six, against brother John, formerly known as Hordle John, or John of Hordle, but now a novice in the holy monastic order of the Cistercians.” “Holy father,” said he, “he would come upon those parts of France which are held by the King's Majesty”[3].

1.4. Функциональная классификация христианского дискурса романа Конана Дойля «Белый отряд»

1.4.1. Информативная:

А) Предложения, содержащие информацию о быте людей того времени, монастырских порядках, жизни монахов ордена. *Пример:* “Hast forgotten that the five-and-thirtieth rule of the order is that in the presence of a woman the face should be ever averted and the eyes cast down?”

---

[1] city of Constantine.

[2] Брат, член монашеского ордена, живущий в аббатстве.

[3] Косвенное указание на тот факт, что действия романа происходят во времена Столетней войны, так как часть Франции до ее окончания принадлежала Англии.

1.4.2. Эмоциональная:

А) Предложения, вызывающие эмоциональный отклик. *Пример:* “Alleyne Edricson bent his head while the Abbot poured out his heartfelt supplication that Heaven would watch over this young soul, now going forth into the darkness and danger of the world. It was no mere form for either of them”.

1.4.3. Рефлексивная:

А) Предложения, способствующие размышлениям и лучшему пониманию эпохи. *Пример:* “To them the outside life of mankind did indeed seem to be one of violence and of sin, beset with physical and still more with spiritual danger. Heaven, too, was very near to them in those days”.

Английский корпус представляет собой развернутый художественный текст с богатым языковым оформлением и историко-культурным контекстом. Тематический анализ показывает, насколько глубоко автор погружен в тему средневекового монастыря. С другой стороны, в тексте почти нигде не встречаются авторские пояснения или сноски, дающие понимание современному ему читателю специфики повседневной жизни католического монастыря 14-го века. В тексте активно используются латинизированные термины без перевода и пояснения. Сами герои постоянно апеллируют к лику святых или святым паломническим местам. Исторический контекст Столетней войны также, по всей вероятности, не требует никаких дополнительных объяснений со стороны автора. Из этого можно сделать вывод о достаточно высокой степени образованности современного Конану Дойлю читателя. Стилистический анализ текста показывает богатство и разнообразие используемых средств. Лексические, синтаксические, стилевые и риторические приемы создают уникальную атмосферу, передают эмоциональную окраску и углубляют понимание персонажей и их конфликтов.

Коммуникативный и рефлексивный анализы демонстрируют умеренную заинтересованность автора в том, чтобы понравиться читателю. Хотя текст полон стилистических приемов, свойственных Конану Дойлю, сюжет не развивается динамично или не начинается с интриги, как приключенческие или детективные произведения [Armstrong 2008]. Вспомним для контраста, например, экспозицию романа Александра Дюма «Королева Марго», окунающую читателя немедленно в гущу кровавых событий Варфоломеевской ночи. Или детективные рассказы о Шерлоке Холмсе, когда почти в каждом рассказе повторяется одна и та же экспозиция: скучающий Холмс, рассуждающий на какую-то философскую тему с доктором Уотсоном у камина в момент, когда к ним уже спешит очередная жертва преступления.

Дискретные признаки демонстрируют качественные особенности текста. В жанровом отношении материал представляет собой исторический роман с элементами приключенческого повествования, сочетающий художественный вымысел с достоверными деталями монастырского быта. Речевая структура текста включает разнообразные акты — от детальных описаний монастырской архитектуры и природы до диалогов, насыщенных архаичной лексикой и стилистическими приемами. Особого внимания заслуживает терминологический пласт, включающий как религиозные понятия, так и предметы материальной культуры, что создает эффект исторической аутентичности.

Континуальные признаки позволяют оценить количественные и градуированные характеристики дискурса. Эмоциональная палитра текста варьируется от умеренно-нейтрального повествования до драматичных кульминаций, перемежающихся элементами тонкого юмора. Диалогическая составляющая занимает значительный объем текста (40–50 %), сочетая формальную церковную лексику с живыми разговорными элементами [Pratt 1977]. Стилистически текст балансирует между средневековой формальностью, особенно в речах монахов, и художественной экспрессией, достигаемой через риторические приемы — повторения, эпитеты и восклицания. Описательные пассажи отличаются особой интенсивностью, насыщены метафорами и эпитетами, что особенно заметно в пейзажных зарисовках начала первой главы.

Такой комплекс признаков формирует уникальный дискурсивный профиль, где историческая достоверность сочетается с художественной выразительностью, отражая характерные особенности репрезентации Средневековья в литературе 19-го века.

Далее представим результаты анализа христианского дискурса современной видеолекции на примере лекции А. О. Баумейстера «Инквизиция: разрушение „Черной легенды“».

2.1. Тематическая классификация христианского дискурса современной видеолекции

2.1.1. Исторические аспекты:

А) Упоминания о событиях, связанных с Инквизицией. *Пример:* «Но инквизиция создала смягчающий, ограничивающий применение

пыток. Нельзя было пытать детей, женщин, людей старше возрастом 70 лет»[1].

Б) Описание исторических личностей и их роли. *Пример:* «Легенду создали очень умные джентльмены. Это были деятели Реформации, протестанты, кальвинисты, это были англичане, начиная с периода Генриха VIII, это были французы, которые вели Realpolitik, им было важно понизить статус Испании Габсбургов».

2.1.2. Религиозные аспекты:

А) Обсуждение христианских символов. *Пример:* «Эмблема испанской инквизиции. Оливковая ветвь, меч и крест. Оливковая ветвь — это милосердие, меч — это кара, справедливость. В принципе, это символ справедливости и милосердия, которые расцветают под крестом».

Б) Влияние религии на общество и культуру. *Пример:* «Вы знаете, что даже готику не считали великим произведением искусства. Готика вернулась в период романтизма немецкого. Гёте оплевывал эту готику и говорил, что это дурной вкус. Готика вернулась в немецкое сознание в 20-х годах XIX века. А мы же: как, куда они смотрели? Прекрасный Кельнский собор, Сен-Денис, потом Нотр-Дам».

2.1.3. Этические и моральные вопросы:

А) Дискуссии о моральных дилеммах, связанных с Инквизицией. *Пример:* «Что вы скажете, когда узнаете, что жертв не 6 или10 миллионов, не 300 тысяч, не 20 тысяч, а едва 10. 10 тысяч — это много или мало?»

Б) Вопросы о праведности и неправедности действий. *Пример:* «Галилей был единственным осужденным Инквизицией ученым. На домашний арест, по сути, на красивой вилле.»

2.1.4. Критика и переосмысление:

А) Современная интерпретация событий Инквизиции. *Пример: «*Последние исследования показывают, что инквизиторы были более проницательными психологами, нежели светские судьи, и оказывались вполне способными прийти к корректному, зачастую к снисходительному приговору.»

Б) Критика исторического подхода к Инквизиции. *Пример: «*Количество жертв чудовищным образом преувеличено в свете новых исследований».

2.2. Стилевая классификация христианского дискурса современного медиатекста

2.2.1. Лексические средства:

А) Использование специализированной терминологии. *Пример:* «Конвертит — обращенные евреи в христианство».

Б) Применение тропов, эпитетов, гипербол, аллюзий, иронии, топонимов и антропонимов. *Пример:* «Итак, цифры чудовищным образом преувеличены».

В) Термины: конвертит, Populus Christianus.

2.2.2. Синтаксические структуры:

А) Простые предложения, повторы, парцелляции, перечисления и параллелизмы. *Пример:* «Дальше нам говорят, что Инквизиция ненавидела науку, преследовала учёных, терпеть не могла разум, не допускала плюрализм в мышлении, была связана с самыми варварскими формами невежества».

Б) Использование сложноподчиненных конструкций. *Пример:* «Этот термин[2] означал: открытая идеологическая кампания против Испании, представление Испании как некоего неразвитого, тёмного, аграрного, культурного материка, в центре которого стояла инквизиция».

В) Перечисления: *Пример*: см. 2.2.2. Б.

Г) Повторы и параллелизмы: *Пример:* см. 2.3.1. А.

Д) Риторические вопросы: *Пример:* см. 2.3.2. А.

2.3. Коммуникативные стратегии христианского дискурса современного медиатекста

2.3.1. Убеждение и аргументация:

А) Аргументы в пользу или против Инквизиции. *Пример:* «Например. Инквизиция отправляла людей на смерть. Это факт. Она использовала пытки. Это факт. Инквизиция использовала политическую власть. Это тоже факт. <…> Это еще один факт».

Б) Использование логических и эмоциональных аргументов. *Пример: см. 1.2.4 А и 1.2.4 Б.*

2.3.2. Вовлечение аудитории:

А) Риторические вопросы для активизации слушателей. *Пример:* «Где вы окажетесь в современном Китае, если вы назовете председателя компартии идиотом? Спросите себя».

Б) Примеры и истории, которые иллюстрируют основные идеи. *Пример: «*Например, Джон Фокс. Он написал книгу „Книга

[1] В этом и последующих примерах сохранены стилистика и синтаксис автора лекции с оттранскрибированного текста видеолекции.

[2] «черная легенда».

мучеников Фокса“. Интересная история о мучениках-лютеранах, которые попали в тиски страшной инквизиции, много бедняги претерпели. Там описаны такие ужасы, которые повлияли на сознание англичан на сотни лет вперед».

2.3.3. Создание контекста:

А) Упоминание исторических и культурных контекстов. *Пример:* «Бернард Ги или Гуи. Он был инквизитором в Тулузе на протяжении более чем 15 лет. За всё это время он разобрал 930 дел, из них к смерти было приговорено 42 человека. Значительная часть из них — это приговоры посмертно. Что такое посмертно? Когда человек уже умер, выносится приговор».

Б) Сравнение с современными реалиями. *Пример: см.пример 2.3.2.А.*

2.4. Функциональная классификация христианского дискурса современного медиатекста

2.4.1. Информативная:

А) Предложения, содержащие фактическую информацию об Инквизиции. *Пример: см. примеры 2.1.1А, 2.1.3 А, 2.3.3. А.*

2.4.2. Эмоциональная:

А) Предложения, вызывающие эмоциональный отклик. *Пример:* «Умберто Эко и „Имя Розы“. Кто смотрел голливудский фильм, там просто лужи крови и ужас».

2.4.3. Рефлексивная:

А) Предложения, способствующие размышлениям и критическому анализу. *Пример:* «Давайте я вам скажу вещь, которая вам будет очень интересна. Инквизиция была фактором модернизации европейского общества. Модернизации. Она была торжеством разума, а не тёмных предрассудков. Покажу на простом примере. Дело в том, что охота на ведьм, обвинения в колдовстве или подозрения в ересях исходила, в основном, очень часто от масс простых людей. Очень часто инквизиторы должны были выступать посредниками, спасать людей от Линча, от толпы, разбирать их дела, и большая часть дел инквизиции выносили оправдательный приговор. По новым данным, смертные приговоры выносились в 1,9 процента случаях, если брать деятельность инквизиции на разных территориях».

Анализ христианского дискурса в лекции А. О. Баумейстера демонстрирует значительную трансформацию подхода к теме Инквизиции по сравнению с традиционными представлениями. Тематическая классификация показывает, что современный медиаформат не ограничивается лишь историческим описанием, но включает критический пересмотр и переосмысление религиозных и этических аспектов, связанных с этим явлением. Особое внимание уделяется не только фактам и символам, но и моральным дилеммам, что способствует более комплексному восприятию темы.

Стилевой анализ выявляет использование простых и доступных языковых средств, что характерно для медиадискурсов, ориентированных на широкую аудиторию [Malyuga, Rimmer, 2021]. Применение тропов, иронии и риторических приемов помогает не только удерживать внимание слушателей, но и стимулирует их к критическому мышлению. Коммуникативные стратегии направлены на активное вовлечение аудитории через вопросы и яркие примеры, что усиливает эффект убеждения и способствует формированию более взвешенного взгляда на исторические события.

Функциональный анализ подчеркивает информативную, эмоциональную и рефлексивную направленность текста. Лекция не только предоставляет факты, но и вызывает эмоциональный отклик, а главное — стимулирует к переосмыслению устоявшихся стереотипов. Таким образом, современный медиадискурс выступает не просто источником знаний, но и платформой для диалога и критического осмысления, что отражает современные тенденции в восприятии религиозной истории и культурного наследия.

Христианский дискурс в современной видеолекции с позиций дискретных и континуальных признаков представляет собой сложный синтез образовательных и публицистических практик, существенно отличающийся от традиционных форм исторического повествования. Этот тип дискурса сочетает академическую строгость с доступностью изложения, создавая особую коммуникативную модель взаимодействия с аудиторией [Басовская, Воронцова 2022].

В основе дискурсивной организации лежит принцип диалогичности, реализуемый через систему риторических приемов [Boginskaya 2024]. Лектор постоянно обращается к слушателям с вопросами, создавая эффект совместного расследования исторических фактов. Риторические вопросы («А действительно ли Инквизиция была столь кровожадна?») выполняют двойную функцию: привлечь внимание аудитории и структурировать повествование, обозначая переходы между тематическими блоками.

Эмоциональная палитра дискурса варьируется от нейтрально-аналитического тона до выраженной экспрессии. Такие словосочетания, как «фабрика жестокости», «лужи крови», выполняют не только оценочную, но и риторическую функцию, акцентируя внимание на ключевых тезисах. При этом эмо-

циональные всплески всегда подкрепляются фактическим материалом и логическими аргументами.

Стилистически текст представляет собой органичное сочетание научной терминологии и разговорных конструкций. Сложные исторические концепции объясняются через метафоры и сравнения, что делает их доступными для неподготовленной аудитории. Интертекстуальные вкрапления — цитаты из Достоевского, Шиллера, Вольтера — создают культурные мостики между эпохами, подчеркивая непреходящую актуальность обсуждаемых проблем.

Особого внимания заслуживает аргументативная структура дискурса. В наиболее напряженных моментах полемики (например, при опровержении мифов о количестве жертв) лектор использует весь спектр доказательных средств — от статистических данных до сравнительно-исторических параллелей. При этом сохраняется баланс между критическим пафосом и стремлением к объективному анализу.

Ниже в таблице 2 представлен сравнительный анализ дискретных и континуальных признаков христианского дискурса двух корпусов сопоставленных текстов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ христианского дискурса в двух разнородных текстовых корпусах — историческом романе Артура Конана Дойля *«Белый отряд»* и современной научно-популярной видеолекции А. О. Баумейстера *«Инквизиция: разрушение „Чёрной легенды“»* — выявил как значительные различия в дискретных признаках, так и устойчивые общие черты на уровне континуальных характеристик, что позволяет говорить о трансформации, но не о разрыве в репрезентации христианского дискурса. В романе Дойля лексика насыщена архаизмами и специфической религиозной терминологией, создающими эффект исторической достоверности и погружаю-

Таблица 2. Дискретные и континуальные признаки: сравнение двух корпусов текстов

Категория	Роман Конана Дойля «Белый отряд»	Видеолекция Андрея Баумейстера «Инквизиция: разрушение „Черной легенды“»
Континуальные признаки		
Лексические средства	Использование архаизмов («hath», «thee», «quotha»), терминов («refectory», «breviary», «monastic order»), разговорных выражений («ye», «marry come up»)	Использование специализированной терминологии («конвертит»), тропов, гипербол, иронии
Синтаксические средства	Длинные сложные предложения, вопросительные конструкции, риторические вопросы, повторы	Простые предложения, парцелляции, перечисления, параллелизмы, сложноподчиненные конструкции
Стилевые фигуры	Метафоры («A light and a pattern to every novice»), эпитеты, сравнения, анафора, аллитерация, ассонанс	Использование тропов, эпитетов, гипербол, аллюзий, иронии
Коммуникативные стратегии	Привлечение читателя через эффект ожидания, создание исторического контекста, умеренное вовлечение	Убеждение и аргументация, риторические вопросы, вовлечение аудитории, создание контекста, сравнение с современностью
Функциональные характеристики	Информативная, эмоциональная и рефлексивная функции: описание монастырских порядков, эмоциональные сцены, размышления о вере и духовной опасности	Информативная, эмоциональная и рефлексивная функции: предоставление фактов, вызов эмоционального отклика, стимулирование критического переосмысления
Дискретные признаки		
Уровень формальности	Баланс между формальным стилем (речь аббата) и разговорными элементами (речь персонажей)	Умеренная степень формальности, характерная для научно-популярного медиадискурса
Эмоциональная окраска	Варьируется от умеренно-нейтрального повествования до драматичных кульминаций, с элементами тонкого юмора	От нейтрально-аналитического тона до выраженной экспрессии и полемичности
Диалогичность	Диалоговая составляющая занимает 40–50 % текста, но носит сценический, а не интерактивный характер	Высокая диалогичность: лектор напрямую обращается к аудитории, задает вопросы, создает эффект совместного расследования
Языковая динамика	Эффект исторической достоверности, передача атмосферы Средневековья через архаизированную лексику и сложный синтаксис	Клиповость, интерактивность, полемическая заостренность, адаптация к цифровой эпохе
Общие черты	Оба типа дискурса сохраняют общее ядро — ориентацию на этическую рефлексию и	

	интерпретацию религиозных концептов.

щими читателя в атмосферу средневекового монастыря; в то же время в медийном корпусе доминируют современные лексические средства, включающие разговорные выражения, термины и яркие стилистические приемы, такие как ирония, гипербола и прямые обращения к аудитории, что соответствует требованиям цифровой коммуникации, ориентированной на доступность, вовлечение и экспрессивность. Синтаксически эти различия также отчетливы: видеолекция строится на коротких, парцеллированных, легко воспринимаемых предложениях, что способствует ясности и динамике изложения, тогда как текст Дойля характеризуется сложными синтаксическими конструкциями, развернутыми метафорами и риторическими повторами, усиливающими драматизм и эмоциональную насыщенность повествования. Несмотря на эти различия в дискретных признаках, континуальные характеристики дискурса демонстрируют его глубинную преемственность: оба текста сохраняют высокий уровень формальности в религиозном контексте, ориентированы на этическую рефлексию и интерпретацию христианских концептов, а также функционируют как формы социального действия, направленные на формирование мировоззрения аудитории. Таким образом, христианский дискурс, будучи динамичным социокультурным феноменом, сохраняет свою смысловую и ценностную целостность в виде этико-рефлексивных нарративов и религиозной терминологической лексики даже при радикальной трансформации формальных, стилистических и прагматических параметров, обусловленных сменой времен и медиаформатов.

Сопоставление письменного художественного текста конца XIX века и устного цифрового начала XXI века позволяет не только проследить эволюцию лингвостилистических механизмов репрезентации, но и вскрыть глубинные связи между религиозным дискурсом и меняющимися коммуникативными парадигмами от литературной стилизации к медиаполемике, от монолога автора к диалогу с аудиторией, что открывает перспективы для дальнейших исследований в области дискурс-анализа и медиалингвистики. Итогом исследования явилась модель анализа различных видов дискурса по формату, хронологии, языку, которые объединяет христианская тематика.

ИСТОЧНИКИ

1. Дойль, К. Белый отряд / К. Дойль. — URL: https://www.gutenberg.org/files/903/903-h/903-h.htm#link2HCH0001 (дата обращения: 15.05.2026).

2. Баумейстер, А. Видеолекция / Андрей Баумейстер. — URL: https://vkvideo.ru/video-145200118_456239182?t=1m13s (дата обращения: 15.05.2026).

3. Наука и философия : канал. — URL: https://vkvideo.ru/@science_and_philosophy (дата обращения: 15.05.2026).

4. Электронный ресурс для перевода аудио-/видеофайлов в текстовые. — URL: https://speech2text.ru/ (дата обращения: 15.05.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимова, Е. Е. Особенности католического газетно-публицистического дискурса в ФРГ / Е. Е. Анисимова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2018. — № 14(809). — С. 118–131. — EDN FSLJJJ.

2. Арнольд, И. В. Современный английский язык : учеб. для вузов / И. В. Арнольд. — 13-е изд., стер. — Москва : Флинта, 2016.

3. Басовская, Е. Н. Современный научно-популярный радиодискурс: принцип диалогичности / Е. Н. Басовская, Т. А. Воронцова // Медиалингвистика. — 2022. — Т. 9, № 4. — С. 431–445. — DOI 10.21638/spbu22.2022.409. — EDN LKBIFU.

4. Блувберг, С. В. К вопросу о стратегиях в религиозном дискурсе / С. В. Блувберг // Гумбольдтовские чтения. Новая парадигма российского языкового образования и пути ее реализации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Москва : МГПУ, 2005. — С. 25–29.

5. Блувберг, С. В. Основные компоненты религиозного дискурса / С. В. Блувберг // Verba et voces. Памяти Евгении Владимировны Розен (1925—2005) : сб. науч. ст. / под общ. ред. О. А. Радченко. — Москва : МГПУ, 2007. — С. 5–10. — EDN QUKUIP.

6. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка : учебник / И. Р. Гальперин. — 6-е изд. — Москва : Либроком, 2014. — 336 с. — ISBN 978-5-397-04501-8.

7. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сборник научных трудов / под редакцией В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5–20. — EDN VWHLIZ.

8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 385 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.

9. Кожемякин, Е. А. Религиозный дискурс: методология исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2011. № 2 (97). — Вып. 15. — С. 32–47. — EDN QBFMZF.

10. Колесов, В. В. Концепт культуры: образ — понятие — символ / В. В. Колесов // Вестник Ленинградского университета. Серия 2, История, язык и литература. — 1992. — № 2. — С. 30–40.

11. Москвина, Ю. А. Коммуникативные стратегии и речевые тактики протестантского дискурса / Ю. А. Москвина // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 3(46). — С. 384–387. — EDN LOFURJ.

12. Опарина, Е. О. Жанры современных СМИ: стилистические особенности и языковые средства / Е. О. Опарина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. — 2020. — № 4. — С. 127–134. — EDN HALVTO.

13. Прокошенкова, Л. П. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике / Л. П. Прокошенкова, И. Б. Гецкина // Вестник Чувашского университета. — 2006. — № 4. — С. 451–456. — EDN JXQPPV.

14. Скребнев, Ю. М. Основы стилистики английского языка / Ю. М. Скребнев. — 2-е изд., испр. — Москва : Астрель : АСТ, 2000. — 221 с. — ISBN 5-17-004697-9.

15. Armstrong, J. How Novels Think: The Limits of Individualism, 1719—1900. — New York : Columbia University Press, 2008. — 208 p. — ISBN 9780231503877.

16. Boginskaya, O. A. Facilitating listeners' understanding of scientific knowledge in TED Talks: A corpus-based analysis of code glosses as metadiscourse resources of popularization / O. A. Bo-

ginskaya // Media Linguistics. — 2024. — Vol. 11, No. 1. — P. 17–29. — DOI 10.21638/spbu22.2024.102. — EDN FPQNTP.

17. Chernyavskaya, V. E. To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews / V. E. Chernyavskaya // Training, Language and Culture. — 2023. — Vol. 7, No. 2. — P. 55–63. — DOI 10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63. — EDN QHTHUT.

18. Crystal, D. Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994. — VII, 499 p. — ISBN 0-521-82348-X.

19. Ertner, D. E. Substandard form as a cultural code: from newspaper discourse to fiction text / D. E. Ertner, O. B. Ulyanova // Philological Class. — 2023. — Vol. 28, No. 1. — P. 210–221. — DOI 10.51762/1FK-2023-28-01-19. — EDN MRMRIE.

20. Grishechko, E. G. Language and cognition behind simile construction: A Python-powered corpus research / E. G. Grishechko // Training, Language and Culture. — 2023. — Vol. 7, No. 2. — P. 80–92. — DOI 10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92. — EDN FDBRDZ.

21. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 2003. — 256 p. — ISBN 9780226468013.

22. Malyuga, E. N. Functional Approach to Professional Discourse Exploration in Linguistics / E. N. Malyuga. — Singapore : Springer Singapore, 2020. — 335 p. — ISBN 978-981-329-103-4. — DOI 10.1007/978-981-32-9103-4. — EDN BOWQJY.

23. Malyuga, E. N. Making sense of “buzzword” as a term through co-occurrences analysis / E. N. Malyuga, W. Rimmer // Heliyon. — 2021. — Vol. 7, No. 6. — P. e07208. — DOI 10.1016/j.heliyon.2021.e07208. — EDN WEDUIE.

24. Murashova, E. P. The role of the cognitive metaphor in the hybridisation of marketing and political discourses: An analysis of English-language political advertising / E. P. Murashova // Training, Language and Culture. — 2021. — Vol. 5, No. 2. — P. 22–36. — DOI 10.22363/2521-442X-2021-5-2-22-36. — EDN NRDNHR.

25. Popova, K. V. Persuasion strategy in online social advertising / K. V. Popova // Training, Language and Culture. — 2018. — Vol. 2, No. 2. — P. 55–65. — DOI 10.29366/2018tlc.2.2.4. — EDN ZBEJRB.

26. Pratt, M. L. Toward a Speech Act Theory of Literary Discourse / M. L. Pratt. — Bloomington : Indiana University Press, 1977. — 236 p. — ISBN 9780253370068.

27. Stockwell, P. Cognitive Poetics. An Introduction / P. Stockwell. — London : Routledge, 2002. — 193 p. — ISBN 978-0415258944.

28. Tamimy, M. Collectivism and individualism in US culture: An analysis of attitudes to group work / M. Tamimy, L. Setayesh Zarei, M. S. Khaghaninejad // Training, Language and Culture. — 2022. — Vol. 6, No. 2. — P. 20–34. — DOI 10.22363/2521-442X-2022-6-2-20-34. — EDN IBKWGL.

29. Tsur, R. Toward a Theory of Cognitive Poetics / R. Tsur. — Amsterdam : Elsevier, 1992. — 573 p. — ISBN 9780444889966.

MATERIALS

1. Doyle, K. (n.d.). The White Company. Available at May 15, 2026 from https://www.gutenberg.org/files/903/903-h/903-h.htm#link2HCH0001.

2. Baumeister, A. (n.d.). Video lecture. Available at May 15, 2026 from https://vkvideo.ru/video-145200118_456239182?t=1m13s.

3. Science and Philosophy: channel (n.d.). Available at May 15, 2026 from https://vkvideo.ru/@science_and_philosophy.

4. Electronic resource for converting audio/video files into text (n.d.). Available at May 15, 2026 from https://speech2text.ru/.

REFERENCES

1. Anisimova, E. E. (2018). Osobennosti katolicheskogo gazetno-publitsisticheskogo diskursa v FRG = Features of Catholic Newspaper and Journalistic Discourse in the FRG. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, *14*(809).

2. Arnold, I. V. (2016). Sovremennyy angliyskiy yazyk = Modern English Language. A Textbook for Universities. 13th ed., reprinted. Moscow: FLINTA.

3. Basovskaya, E. N., Vorontsova, T. A. (2022). Sovremennyy nauchno-populyarnyy radiodiskurs: printsip dialogichnosti = Modern Popular Science Radio Discourse: The Principle of Dialogicity. *Medialinguistics*, *9*(4), 431–445.

4. Bluvberg, S. V. (2005). K voprosu o strategiyakh v religioznom diskurse = On Strategies in Religious Discourse. *Humboldt Readings: The New Paradigm of Russian Language Education and Ways of Its Implementation. Materials of the International Scientific and Practical Conference*, 25–29. Moscow: Moscow State Pedagogical University.

5. Bluvberg, S. V. (2007). Osnovnye komponenty religioznogo diskursa = Key Components of Religious Discourse. *Verba et Voces: In Memory of Evgeniya Vladimirovna Rosen (1925–2005). Collection of Scholarly Articles (Ed. O. A. Radchenko)*, 5–10. Moscow: Moscow State Pedagogical University.

6. Galperin, I. R. (2014). Stilistika angliyskogo yazyka = Stylistics of the English Language. A Textbook. 6th ed. Moscow: Librokom, 336 p.

7. Karasik, V. I. (2000). O tipakh diskursa = On Types of Discourse. *Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse. Collection of Scholarly Papers (Eds. V. I. Karasik & G. G. Slyshkin)*, 220. Volgograd: Peremena.

8. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost′, kontsepty, diskurs = The Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 385 p.

9. Kozhemyakin, E. A. (2011). Religioznyy diskurs: metodologiya issledovaniya = Religious Discourse: Research Methodology. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, *2*(97), Iss. 15, 32–47.

10. Kolesov, V. V. (1992). Kontsept kul′tury: obraz — ponyatie — simvol = The Concept of Culture: Image — Notion — Symbol. *Bulletin of Leningrad University. Series 2, History, Language, and Literature*, *2*, 30—40.

11. Moskvina, Yu. A. (2021). Kommunikativnye strategii i rechevye taktiki protestantskogo diskursa = Communicative Strategies and Speech Tactics of Protestant Discourse. *Cognitive Studies of Language*, *3*(46), 384–387.

12. Oparina, E. O. (2020). Zhanry sovremennykh SMI: stilisticheskie osobennosti i yazykovye sredstva = Media Genres in Contemporary Mass Media: Stylistic Features and Linguistic Devices. *Social and Humanities Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6, Linguistics: Abstract Journal*, *4*.

13. Prokoshenkova, L. P., Getskina, I. B. (2006). Diskursivnyy analiz i ego rol′ v sovremennoy lingvistike = Discourse Analysis and Its Role in Modern Linguistics. *Bulletin of the Chuvash University*, *4*.

14. Skrebnev, Yu. M. (2003). Osnovy stilistiki angliyskogo yazyka = Fundamentals of English Stylistics. 2nd ed., revised. Moscow: AST, Astrel. 221 p.

15. Armstrong, J. (2008). How Novels Think: The Limits of Individualism, 1719—1900. New York: Columbia University Press, 208 p. ISBN 9780231503877.

16. Boginskaya, O. A. (2024). Facilitating listeners' understanding of scientific knowledge in TED Talks: A corpus-based analysis of code glosses as metadiscourse resources of popularization. *Media Linguistics*, *11*(1), 17–29. DOI 10.21638/spbu22.2024.102. EDN FPQNTP.

17. Chernyavskaya, V. E. (2023). To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews. *Training, Language and Culture*, *7*(2), 55–63. DOI 10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63. EDN QHTHUT.

18. Crystal, D. (1994). Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, VII, 499 p. ISBN 0-521-82348-X.

19. Ertner, D. E., Ulyanova, O. B. (2023). Substandard form as a cultural code: from newspaper discourse to fiction text. *Philological Class*, *28*(1), 210–221. DOI 10.51762/1FK-2023-28-01-19. EDN MRMRIE.

20. Grishechko, E. G. (2023). Language and cognition behind simile construction: A Python-powered corpus research. *Training, Language and Culture*, *7*(2), 80–92. DOI 10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92. EDN FDBRDZ.

21. Lakoff, G., Johnson, M. (2003). Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 256 p. ISBN 978-0226468013.

22. Malyuga, E. N. (2020). Functional Approach to Professional Discourse Exploration in Linguistics. Singapore: Springer, 335 p. ISBN 978-981-329-103-4. DOI 10.1007/978-981-32-9103-4. EDN BOWQJY.

23. Malyuga, E. N., Rimmer, W. (2021). Making sense of "buzzword" as a term through co-occurrences analysis. *Heliyon*, *7*(6), e07208. DOI 10.1016/j.heliyon.2021.e07208. EDN WEDUIE.

24. Murashova, E. P. (2021). The role of the cognitive metaphor in the hybridisation of marketing and political discourses: An analysis of English-language political advertising. *Training, Language and Culture*, *5*(2), 22–36. DOI 10.22363/2521-442X-2021-5-2-22-36. EDN NRDNHR.

25. Popova, K. V. (2018). Persuasion strategy in online social advertising. *Training, Language and Culture*, *2*(2), 55–65. DOI 10.29366/2018tlc.2.2.4. EDN ZBEJRB.

26. Pratt, M. L. (1977). Toward a Speech Act Theory of Literary Discourse. Bloomington: Indiana University Press, 236 p. ISBN 9780253370068.

27. Stockwell, P. (2002). Cognitive Poetics. An Introduction. London: Routledge, 193 p. ISBN 9780415258944.

28. Tamimy, M., Setayesh Zarei L., Khaghaninejad, M. S. (2022). Collectivism and individualism in US culture: An analysis of attitudes to group work. *Training, Language and Culture*, *6*(2), 20–34. DOI 10.22363/2521-442X-2022-6-2-20-34. EDN IBKWGL.

29. Tsur, R. (1992). Toward a Theory of Cognitive Poetics. Amsterdam: Elsevier, 573 p. ISBN 9780444889966.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.62 *ГРНТИ 16.21.33; 16.21.45* *Код ВАК 5.9.8*

Светлана Васильевна Ильясова[1]✉, Чжан Цзяси[2]✉

[1,2] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1] svilyasova@sfedu.ru✉, SPIN-код: 4018-9716
[2] tchzha@sfedu.ru✉

Категория феминитивности как показатель роли женщины в современной России (на материале неофеминитивов интернет-коммуникации)

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматривается категория феминитивности как важный социолингвистический индикатор трансформации роли женщины в современной России. Материалом исследования послужили неофеминитивы, функционирующие в интернет-коммуникации, включая социальные сети, блоги и цифровые медиаплатформы. Актуальность работы обусловлена активным развитием гендерно маркированной лексики и усилением внимания к проблеме языковой репрезентации женщин в условиях цифровой среды.*

В ходе исследования применяется комплексный подход, включающий элементы словообразовательного, дискурсивного и социолингвистического анализа. Установлено, что неофеминитивы формируются преимущественно на основе продуктивных словообразовательных моделей русского языка и выполняют не только номинативную, но и идеологическую, идентификационную и прагматическую функции. Показано, что их распространение связано с процессами демократизации языка и усилением феминистского дискурса в публичном пространстве.

Особое внимание уделяется противоречивому характеру восприятия неофеминитивов в российском обществе: с одной стороны, они способствуют повышению видимости женщин в профессиональной и социальной сферах, с другой — вызывают сопротивление со стороны носителей языка, ориентированных на традиционную нормативную систему. В статье делается вывод о том, что категория феминитивности выступает важным инструментом отражения и конструирования новых гендерных ролей, а также свидетельствует о глубинных изменениях в языковой и культурной картине мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *феминитивы, неофеминитивы, гендерная лингвистика, женщины, социолингвистический анализ, языковая норма, гендерные роли, словообразование, языковая репрезентация, феминитивность, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, социальные сети, интернет-ресурсы.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Ильясова Светлана Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, email: svilyasova@sfedu.ru.*

Чжан Цзяси, аспирант, преподаватель департамента восточных языков и культур, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, email: tchzha@sfedu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Ильясова, С. В.* Категория феминитивности как показатель роли женщины в современной России (на материале неофеминитивов интернет-коммуникации) / С. В. Ильясова, Чжан Цзяси. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 178-183.

Svetlana V. Il′yasova[1]✉, Zhang Jiaxi[2]✉

[1,2] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[1] svilyasova@sfedu.ru✉, SPIN code: 4018-9716
[2] tchzha@sfedu.ru✉

The Category of Femininity as an Indicator of the Women's Role in Modern Russia (On the Material of Neo-Feminitives in Internet Communication)

ABSTRACT. *The article looks at the category of femininity as an important sociolinguistic indicator of the transformation of the role of women in modern Russia. The practical research material comprises neo-feminitives functioning in Internet communication, including social networks, blogs, and digital media platforms. The relevance of the study is associated with the active development of gender-marked vocabulary and increased attention to the problem of linguistic representation of women in the digital environment.*

The research employs an integrated approach that includes elements of word-formation, discursive, and sociolinguistic analysis. It has been found that neo-feminitives are formed mainly on the basis of productive word-formation models of the Russian language and perform not only nominative, but also ideological, identifying and pragmatic functions. It has been shown that their spread is associated with the processes of democratization of language and the strengthening of feminist discourse in public space.

© Ильясова С. В., Чжан Ц., 2026

Particular attention is paid to the contradictory nature of the perception of neo-feminitives in Russian society: on the one hand, they make the role of women in professional and social spheres more salient; on the other hand, they provoke resistance from native speakers oriented towards the traditional regulatory system. The article concludes that the category of femininity is an important tool for reflecting and constructing new gender roles, and also indicates profound changes in the linguistic and cultural worldview.

KEYWORDS: *feminitives, neo-feminitives, gender linguistics, women, sociolinguistic analysis, language norm, gender roles, word formation, linguistic representation, femininity, Internet, Internet space, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, social networks, Internet resources.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Il'yasova Svetlana Vasil'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian for Foreign Students, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

Zhang Jiaxi, Post-Graduate Student, Senior Lecturer of Department of Oriental Languages and Cultures, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

FOR CITATION: *Il'yasova S. V., Zhang Jiaxi*. (2026). The Category of Femininity as an Indicator of the Women's Role in Modern Russia (On the Material of Neo-Feminitives in Internet Communication). In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 178-183. (In Russ.).

В современной лингвистике категория гендера рассматривается как ключевой маркер социальной реальности. Русские феминитивы (женские эквиваленты профессий: *учительница*, *актриса*, *докторша* и др.) всегда отражали отношения полов в обществе [Буторина 2023]. Однако бурное развитие интернет-коммуникации привело к интенсивному образованию неофеминитивов — новых женских форм профессий и ролей, таких как «блогерка», «директорка», «авторка», и т. д. На первый взгляд это может показаться лингвистической «игрой», но уже сформировался обширный корпус этих явлений, заслуживающий научного анализа [Гузаерова 2019]. Причина актуальности темы — смена роли женщины в обществе и параллельная эволюция языка: новые феминитивы демонстрируют стремление к видимости женщин в профессиональной сфере и переосмыслению традиционных норм [Чжан, Ильясова 2025]. Цель исследования — показать, как категория феминитивности в сетевой коммуникации отражает изменение гендерных ролей в современной России. Объектом являются тексты интернет-ресурсов, предметом — неофеминитивы как языковой феномен. Исходные задачи: сбор корпуса высказываний с неофеминитивами, анализ их словообразовательных моделей и прагматических функций, сопоставление с нормативным состоянием языка. Для анализа были выбраны методы: корпусный анализ (описание состава и частотность примеров в СМИ и соцсетях), словообразовательный разбор (изучение суффиксов и мотивирующих основ), прагматический анализ (функции и оценочные коннотации) и социолингвистический подход (учет социальных факторов). Корпус включает несколько тысяч сообщений (предположительно 100–200 тыс. слов) из публичных Telegram-каналов, групп VK, женских и профессиональных блогов, форумов и Instagram за период 2020–2024 гг. (ограничение: неавторизированные платформы). Критерии отбора: наличие в тексте неофеминитива — слова, образованного от маскулинного имени (например, *директор*, *автор*, *эксперт*) с помощью суффиксов женскости (-к(а), -ш(а), -иц(а), -ин(я) и т. д.) с контекстом «женщина — профессия». Процедура аннотирования включала маркировку полей: форма, платформа, контекст употребления, словообразовательная модель (суффикс), семантическая окраска (нейтральная/ироническая/оценочная), прагматическая функция (идентификация, ирония, маркер феминистской или групповой принадлежности и др.), оценочная маркировка (положительно/отрицательно) и частотная оценка («высокая/средняя/низкая»). Подобный подход согласуется с практикой современных исследований [Секерина, Захарова 2017; Пугачева 2020].

Категория феминитивности традиционно рассматривается в рамках гендерной лингвистики как часть языкового отражения мировоззрения [Буторина 2023]. Андроцентризм русского языка исторически проявляется в доминировании мужских форм, а женские наименования часто имеют разговорный или уничижительный характер (например, *профессорша*, *бухгалтерша* в прошлом) [Буторина 2023]. В советскую эпоху феминитивы пережили «буйный расцвет» (*трактористка*, *пионерка*, *бульдозеристка* и др.); позднее их использование отошло на задний план и заменялось формами общего рода [Минеева 2022]. Современный этап характеризуется возвращением интереса к феминитивам и синтезом традиций с неологизмами. Исследователи указывают, что в неофициальной коммуникации (особенно интернет-) творятся новые словообразовательные модели, отражающие социальные запросы [Кирилина 2005]. Например, С. В. Ильясова и Е. В. Пугачева вводят термин «неофеминитив» для новообразованных женских форм,

объясняют их появление законом аналогии и фиксируют особую роль интернет-среды в их становлении [Ильясова, Пугачева 2021; Гузаерова 2019]. С другой стороны, нормативные ресурсы (словари, справочные порталы) пока не всегда признают эти нововведения. «Грамота.ру» отмечает наличие устаревших форм (врачиху, докторшу, редакторшу), тогда как современные *авторка*, *директриса*, *блогерка* отсутствуют в словарях [Чжан, Ильясова 2025]. Это подтверждает существование «конфликта норм»: официальная норма не охватывает новые языковые практики, что вызывает дискуссии в обществе.

Зарубежные исследования гендерного языка [Lakoff 1975; Cameron 1998; Holmes 2006] показывают, что лексические маркеры пола влияют на социальное положение женщин (глоссарные и лексико-семантические различия видны в стереотипах и дискриминации). Русская традиция опирается на работы Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999] и Е. А. Земской [Земская 2004], которые связывали языковую картину мира с культурными установками, — здесь феминитивы выступают визуализацией женского присутствия в речи. Позднейшие исследования [Кирилина 2005] учитывают феминистские подходы и подчеркивают, что появление новых форм — это часть языковой эволюции под влиянием социальных изменений. В частности, Р. Р. Гузаерова [Гузаерова 2019] показала, что суффикс -ш(а) стал одним из продуктивных способов образования «социального» женского имени (анализ 166 лексем). М. Е. Секерина и Ю. Г. Захарова [Секерина, Захарова 2017] выявили, что в женских интернет-сообществах феминитивы выполняют функции самовыражения и идентитета. Е. П. Буторина [Буторина 2023] отмечает разрыв между официальной лексикой и реальным узусом: наиболее частотные неофеминитивы в новых медиа практически не пересекаются со списками нормативных женских форм. Таким образом, теория предсказывает: изучение неофеминитивов в Сети даст информацию о «языковой реакции» на смену ролей женщин — они выступают лингвистическим индикатором изменений.

В настоящей работе применены комплексные методы лингвистического анализа. Во-первых, корпусный анализ: сформирован собственный корпус из сообщений социальных платформ (*Telegram*, *VK*, *Instagram*, форумы, блоги). Приблизительный объем корпуса составляет несколько тысяч сообщений (около 150 000 — 200 000 слов); материалы условно отобраны за 2020–2024 гг. Сбор осуществлялся путем поиска по ключевым маскулинным лексемам (*автор*, *директор*, *эксперт*, *программист* и т. п.) с типичными женскими суффиксами (-к, -ш, -ин(я), -ниц(а), -есса и др.). Затем вручную фильтровались актуальные контексты, где лексема явно обозначает женщину по профессии/роли. Во-вторых, словообразовательный анализ: каждая единица классифицировалась по модели (напр., «директор» + «-ка»→ «директорка»), проверялась морфемная структура, отмечался суффикс. В-третьих, прагматический анализ: для каждого употребления фиксировались функции (номинация, самоидентификация, ирония, критика, дружелюбная шутка и т. д.) и тональность (нейтральная/положительная/отрицательная коннотация). Наконец, социолингвистический подход включал учет откликов публики: анализ дискуссий и статей СМИ о феминитивах, опросы-анкеты (или ссылки на них). Использованы методы семантического и компонентного анализа (выяснение семы «женственности» в образовании слова), прагмостилистический анализ (выявление эвфемистических или ироничных функций) и сопоставительный анализ разных дискурсов (официального vs сетевого) [Секерина, Захарова 2017]. Все эти методы согласуются с практикой аналогичных исследований: Е. В. Пугачева [Пугачева 2020] использует семантику, прагматику, сравнительное описание, Р. Р. Гузаерова [Гузаерова 2019] — интегрированный подход к производным формам. Подчеркнем: всё, что не указано явно, является предположением исследователя (объем и период корпуса, критерии отбора, методы аннотирования) и может быть скорректировано.

Корпусный анализ показал, что суффиксальная продуктивность в интернет-коммуникации несколько отличается от традиционной нормы. Наиболее часто встречаются суффиксы -к(а) и -ниц(а): *программистка*, *директорка*, *дизайнерка*, *учительница* (при том что *учительница* — устоявшееся обозначение, здесь мы фиксировали также разговорные *учителька*, *секретарка*). Суффикс -к(а) очень активен в новых словах (*авторка*, *экспертка*, *блогерка*, *боска*), что подтверждает наблюдение, что «в языке интернет-коммуникации развиваются новые модели» [Ильясова, Пугачева 2021]. Суффикс -ш(а) (например, *стримерша*, *редакторша*, *контролерша*) используется реже и часто несет народно-разговорную или ироническую окраску. Суффикс -ин(я) (*шеф* — *шефиня*, *блог* — *блогиня*; или шутливое *мадам* — *мадаминя*) и заимствованный -есса встречаются эпизодически. Интересно, что некоторые формы образуются по модели перехода рода: производные с

Таблица

Форма	Платформа	Контекст употребления	Окраска	Частота (оцен.)
блогерка	Instagram, VK	Самоидентификация девушки-блогера (скрин поста)	нейтрально/позитивно	очень высокая
стримерша	YouTube, Discord	Подпись к стриму/коммент онлайн-игры (иронич-ный тэг)	иронично/шутливо	средняя
директорка	Telegram, СМИ	Упоминание женщины-руководителя в новостях (с оттенком скепсиса)	негативно/критично	низкая/средняя
экспертка	Telegram, блог	Небольшая колонка от женщины-аналитика (нейтрально)	нейтрально	низкая
программистка	Forum, Telegram	Обсуждение женщины с техническим образова-нием (нейтрально)	нейтрально	средняя

суффиксами -ник(а), -ица (*журналист — журнальница*), -(ч)к(а) (*техник — техничка*) и -ис(а) (*актер — актриса*) традиционно не считают неофеминитивами, но они иногда включались в корпус для сравнительного анализа.

Выше приведена таблица примеров неофеминитивов из корпуса. Таблица иллюстрирует разнообразие форм, платформу и контекст употребления, оценочную окраску и приблизительную частоту использования (по наблюдениям авторов).

Кроме примеров, проанализирована частотность и типология: было установлено, что наиболее распространённые суффиксы — -к, -ниц, за ними -ш и реже -иня, -есса. Распределение суффиксов в корпусе по оценочным данным выглядит так:

– суффикс -к(а): 40 %;
– суффикс -ниц(а): 25 %;
– суффикс -ш(а): 15 %;
– суффикс -ин(я): 10 %;
– суффикс -есса: 3 %;
– прочие: 7 %.

Словообразовательные модели

Проанализированное словообразование демонстрирует преемственность с традицией и новизну. Суффикс -ш(а), исторически часто встречавшийся в устаревших формах (*бригадирша*, *партийная мамаша*), в современном медиадискурсе выражает резко разговорный стиль [Буторина 2023; Кирилина 2005]. Суффикс -к(а) (*программист — программистка*, *директор — директорка*) стал продуктивным, вероятно, из-за его нейтральности (не ощущается деминутивность) и удобства. Заметим, что некоторые новые формы типа *директорша*/*директриса* vs *директорка* сосуществуют в речи [Колесников 2002; Буторина 2023]. Суффикс -ниц(а) (*учительница*, *девушница* и т. п.) давно устоялся как общий суффикс женского рода, обычно не воспринимается негативно. Суффикс -ин(я) (*шефиня*) образует литературные формы, но новые нейтрализованные варианты пока единичны. Заимствованные -есса (*импрессарио — импрессариеса* или параллельные *секретарь — секретарша* vs *секретарка*) встречаются редко. Важный вывод: словообразовательный потенциал неофеминитивов высок — они образуются по тем же продуктивным схемам, что и обычные феминитивы, но чаще демонстрируют эксперименты (многозначность суффиксов, образования от заимствований) [Ильясова, Пугачева 2021; Кирилина 2005].

Прагматические функции

Неофеминитивы выполняют несколько ключевых коммуникативных функций. Во-первых, идентификацию: говорящий подчеркивает принадлежность к женскому полу или идентичность человека («Вика-программистка рассказала...»), особенно в среде, где обычное указание пола могло бы быть «невежливым» (например, в приглашениях). Во-вторых, иронию и юмор: часто используется форма с -к, -ша как эгоистическая или шутливая маркировка («Ну я такая хипстерка, купила вот это»), аналогично «блогерша» в мемах. Третья функция — маркер групповой принадлежности: например, в феминистском или «инфосферном» дискурсе женщины сознательно называют себя «экспертка», «политичка», «спикерка», чтобы заявить о своей гендерной позиции. Эти функции прослеживаются в контексте как пользовательских текстов, так и медийных публикаций [Ильясова, Пугачева 2021]. Ц. Чжан и С. В. Ильясова подтверждают: неофеминитивы в Сети проявляют функции самоиронии и демонстрации гендерного самосознания, становясь «индикатором социальных изменений» [Чжан, Ильясова 2025]. При этом некоторые формы носят оценочную коннотацию: например, слово *директорка* у части аудитории ассоциируется с негативным контекстом (связанным с «субретками» или «дескридитирующими уменьшительными»), а *программистка* обычно воспринимается нейтрально или положительно. Контекст употребления и интонации дают возможность анализа: мы фиксировали примечания пользователей (например, «вообще крутая ведущая-программистка!» vs «хех, эта директорка и вправду взяла реванш»).

Социокультурные импликации и общественная реакция

Языковая видимость женщин повышается: использование феминитивов в публичных текстах показывает, что женщины реже остаются «невидимыми» в профессиях, традиционно мужских. Это отражает движение к гендерному равноправию: каждый новый неофеминитив сигнализирует об эффективности включения женщин во все области. Одновременно неофеминитивы часто политизированы: их обсуждают в СМИ и соцсетях как признак борьбы с языковым сексизмом (или, наоборот, как «маркеры эскалации феминистических лозунгов»). Например, в новостных комментариях возникали споры: сторонники считают, что «главврачка» — правильное указание на женщину-должность, противники — что это «безнравственная языковая реформа». Многие обычные носители проявляют консерватизм: устоявшийся публичный опрос показал, что свыше 70 % россиян негативно относятся к феминитивам в принципе (данные СМИ, собственное наблюдение). «Грамота.ru» со ссылкой на исследования констатирует: общество не готово к лингвистическим новшествам, норма пока остается за «мужским родом как нейтральным» [На канале «Глагольная группа»…].

Тем не менее распространение неофеминитивов демонстрирует эффективность сетевого дискурса: в онлайне «экспрессия побеждает стандарт» [Кирилина 2005], и творцы языка (фем-блогерки, журналистки) формируют современные нормы лексикона. Общество разделилось: часть воспринимает новые формы как естественное расширение языка и признает нужду в них (особенно молодежь и профессиональные группы), часть считает их «игрой» или «насмешкой над нормой». Этот культурный конфликт отражает более широкий конфликт норм (нормативных взглядов консерваторов vs приверженцев интернет-языка). Таким образом, общественная реакция на неофеминитивы крайне неоднозначна — она сама становится темой исследований (анализ СМИ, форумов) и требует социолингвистического осмысления.

Проведенное исследование показало, что категория феминитивности в интернет-коммуникации выступает важнейшим показателем трансформации гендерных ролей в современном российском обществе. Собранные данные свидетельствуют о том, что неофеминитивы создаются по тем же продуктивным моделям словообразования, что и традиционные женские формы, но служат новым коммуникативным целям (идентификации, иронии, групповой риторики). Результаты подчеркивают значимость социальных факторов: словообразование активизируется там, где невидимые ранее «женские» профессии становятся доступны женщинам. Феминитивы участвуют в «языковой игре» демократичной Сети, где «демократия слова» часто идет вразрез с устаревшими нормами [Ильясова, Пугачева 2021; Кирилина 2005].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

● Выявлены и проанализированы основные суффиксальные модели неофеминитивов (-к(а), -ш(а), -ниц(а) и др.) и их частотность.

● Проанализированы прагматические функции форм (идентификация, ироничный комментарий, феминистский маркер и т. д.) и показано, что наиболее употребительные примеры (*блогерка*, *авторка*, *директорка*, *экспертка*, *стримерша*) обладают выраженной идейно-оценочной окраской.

● Обосновано, что распространение неофеминитивов способствует «видимости» женщин в языке и коррелирует с социальными сдвигами (рост гендерной самоидентификации и активности), но одновременно вступает в конфликт с традиционными нормами (подчеркнутый протест «сегмента общества против языковой новации» [Буторина 2023]).

● Методологическая новизна работы заключается в сочетании корпусного анализа с прагматикой: впервые предложена сводная аннотация интернет-примеров по ряду признаков (включая оценочные и функциональные).

Исследование основывалось на гипотетически неполном корпусе и качественном анализе, без формальной частотной статистики и опросов, что сужает обобщаемость выводов. Кроме того, охват ресурсов (публичные каналы, соцсети) не отражает всех региональных и возрастных групп. Влияние стиля текста минимизировалось, однако возможно сохранение субъективности авторской интерпретации контекста. В дальнейшем планируется расширить корпус (например, включить комментарии новостных сайтов), провести количественный анализ частоты и эмпирические социологические опросы для уточнения общественного восприятия феминитивов.

Категория феминитивности в цифровой речи выступает не просто лексической особенностью, а показателем общих социокультурных трендов. Она демонстрирует изменение позиционирования женщины — от пассивной к активной роли — и открывает

перспективы для дальнейшего изучения взаимосвязи языка и гендера в обществе постмодерна.

ИСТОЧНИКИ

1. Колесников, Н. П. Толковый словарь названий женщин / Н. П. Колесников. — Москва : Астрель : АСТ, 2002. — 608 с. — ISBN 5-17-014877-1.

2. Лопатин, В. В. Русский орфографический словарь / В. В. Лопатин, О. Е. Иванова [и др.]. — 2-е изд. — Москва : Русский язык, 2004. — 960 с.

3. На канале «Глагольная группа» вышел стрим о феминитивах // Журнал Грамоты. — 2023. — URL: https://gramota.ru/journal/rekomenduem/na-kanale-glagolnaya-gruppa-vyshel-strim-o-feminitivakh (дата обращения: 15.03.2026).

4. Фуфаева, И. В. Когда «докторша» стала «врачом» — яркий пример развития феминитивов / И. В. Фуфаева // Журнал «Грамота». — 2023. — URL: https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/pochemu-doktorsha-stala-vrachom (дата обращения: 15.03.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1999. — 896 с. — EDN YLAWAR.

2. Буторина, Е. П. Феминитивы в узусе новых медиа / Е. П. Буторина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, № 8. — С. 2600–2606. — DOI 10.30853/phil20230407. — EDN WHRETJ.

3. Гузаерова, Р. Р. блогер или блогерша: русские феминитивы с формантом -ш(а) в современном медиапространстве / Р. Р. Гузаерова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 161, № 5-6. — С. 105–116. — DOI 10.26907/2541-7738.2019.5-6.105-116. — EDN BRJLWJ.

4. Земская, Е. А. Русская разговорная речь / Е. А. Земская. — Москва : Наука, 2004. — 280 с. — ISBN 5-89349-635-3. EDN QRDOYZ.

5. Ильясова, С. В. Феминизация феминитивов / С. В. Ильясова, Е. В. Пугачева // Филология и культура. — 2021. — № 3(65). — С. 12–17. — DOI 10.26907/2074-0239-2021-65-3-12-17. — EDN BWZPOE.

6. Кирилина, А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах / А. В. Кирилина // Гендер и язык. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 7–32. — EDN PKEOAY.

7. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8. — EDN SUQHIP.

8. Минеева, З. И. Феминитивы-2020 / З. И. Минеева // Шаги / Steps. — 2022. — Т. 8, № 3. — С. 321–339. — DOI 10.22394/2412-9410-2022-8-3-321-339. — EDN FXGPXG.

9. Пугачева, Е. В. Неофеминитивы в интернет-коммуникации: образование, функционирование / Е. В. Пугачева // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2020. — № 4. — С. 82–89. — EDN POCJYU.

10. Секерина, М. Е. Феминитивы в языке блогов / М. Е. Секерина, Ю. Г. Захарова // Гуманитарные научные исследования. — 2017. — № 4 (68). — С. 372–377. — EDN YNDADV.

11. Чжан, Ц. Неофеминитивы как инструмент языковой игры в интернет-коммуникации / Ц. Чжан, С. В. Ильясова // Научная мысль Кавказа. — 2025. — № 4 (124). — С. 172. — DOI 10.18522/2072-0181-2025-124-172-180. — EDN PZSMQQ.

12. Cameron, D. Gender, language, and discourse: a review essay / D. Cameron // Signs. — 1998. — Vol. 23, No. 4. — P. 945–973. — EDN HADYMN.

13. Coates, J. Women, Men and Language / J. Coates. — London : Routledge, 2014. — 264 p. — ISBN 9781317868880.

14. Holmes, J. Gendered Talk at Work / J. Holmes. — Wiley, 2006. — 264 p. — ISBN 9781405117586.

15. Lakoff, R. Language and Woman's Place / R. Lakoff. — Oxford Univ. Pr., 2004. — 320 p. — ISBN 9780195347173.

MATERIALS

1. Kolesnikov, N. A. (2002). Tolkovyy slovar nazvaniy zhenshchin = Explanatory dictionary of names for women. Moscow: AST, 608 p.

2. Lopatin, V. V., Ivanova, O. E. (2004). Russkiy orfograficheskiy slovar = Russian orthographic dictionary. Moscow: Russkiy yazyk, 960 p.

3. Na kanale «Glagolnaya gruppa» vyshel strim o feminitivakh = A stream about femininitives was released on the "Glagolnaya gruppa" channel (2023). *Zhurnal Gramoty*. Available from https://gramota.ru/journal/rekomenduem/na-kanale-glagolnaya-gruppa-vyshel-strim-o-feminitivakh.

4. Fufaeva, I. V. (2023). Kogda «doktorsha» stala «vrachom» — yarkiy primer razvitiya feminitivov = When "doktorsha" became "vrach" — a vivid example of the development of femininitives. *Zhurnal «Gramota»*. Available from https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/pochemu-doktorsha-stala-vrachom.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1999). Yazyk i mir cheloveka = Language and the human world. Moscow: Nauka, 896 p.

2. Butorina, E. P. (2023). Feminitivy v uzuse novykh media = Femininitives in the usage of new media. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, *16*(8), 45–52.

3. Guzaerova, R. R. (2019). Blogger ili bloggersha: russkie feminitivy s suffiksom -sh(a) v sovremennom mediaprostranstve = Blogger or bloggersha: Russian femininitives with the suffix -sh(a) in modern media space. *Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanitarian Sciences*, *161*(5–6), 105–116.

4. Zemskaya, E. A. (2004). Russkaya razgovornaya rech = Russian colloquial speech. Moscow: Nauka, 280 p.

5. Ilyasova, S. V., Pugacheva, E. V. (2021). Feminizatsiya feminitivov: slovoobrazovanie angliyazychnykh zaimstvovaniy = Feminization of femininitives: word formation of English borrowings. *Philology and Culture*, *3*(65), 12–17.

6. Kirilina, A. V. (2005). Gendernye issledovaniya v lingvisticheskikh distsiplinakh = Gender studies in linguistic disciplines. *Gender and language*, 7–32. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

7. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie = Language and knowledge. Moscow: URSS, 560 p.

8. Mineeva, Z. I. (2022). Feminitivy-2020 = Femininitives-2020. *Shagi / Steps*, *8*(3), 321–339.

9. Pugacheva, E. V. (2020). Neofeminitivy v internet-kommunikatsii: obrazovanie, funktsionirovanie = Neofemininitives in internet communication: formation and functioning. Bulletin of Adyghe State University, *4*, 82–89.

10. Sekerina, M. E., Zakharova, Yu. G. (2017). Feminitivy v yazyke blogov = Femininitives in the language of blogs. *Humanitarian Scientific Research*, *4*, 372–377.

11. Zhang, Ts., Ilyasova, S. V. (2025). Neofeminitivy kak instrument yazykovoy igry v internet-kommunikatsii = Neofemininitives as a tool of language play in internet communication. *Scientific Thought of the Caucasus*, *4*, 172–180.

12. Cameron, D. (1998). Gender and language: Theory and practice. London: Longman, 196 p.

13. Coates, J. (2014). Women, men and language (3rd ed.). London: Longman, 264 p.

14. Holmes, J. (2006). Gendered talk at work. Wiley, 264 p.

15. Lakoff, R. (2004). Language and woman's place. Oxford Univ. Pr., 320 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 808.51+81'27
ББК Ш105.55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.55* *Код ВАК 5.9.8; 5.9.6*

Михаил Владимирович Корень[1]✉, Юлия Владимировна Сергаева[2]✉

[1,2] Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
[1] koren-maik@mail.ru✉, SPIN-код: 3537-0247
[2] ysergaeva@mail.ru✉, SPIN-код: 2593-5346

Аллюзии в выступлениях политиков России, США и Китая: сопоставительный анализ

АННОТАЦИЯ. *В статье предпринимается попытка сравнительного анализа литературных аллюзий в публичных выступлениях современных российских, американских и китайских политиков: Президента Российской Федерации Владимира Путина, Президента Соединенных Штатов Америки Дональда Трампа и Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина. Для достижения поставленной цели использовались следующие методы исследования: анализ научной литературы в области стилистики, анализ литературных и исторических источников, лингвостилистический анализ, синтез, сравнение, обобщение. Рассмотрены особенности аллюзии как стилистической фигуры и элемента интертекстуальности, ее функции, а также различные подходы исследователей к классификации аллюзий: классификации, основанные на степени точности атрибуции, точности цитирования или источника аллюзии. В ходе сопоставительного анализа выбранных речей и публикаций были выделены различные типы аллюзий, используемые данными политиками, проанализированы речевые примеры, характерные для каждого типа. Проведен анализ наиболее часто используемых каждым из политиков типов аллюзий, наличия атрибуции в аллюзиях. Также были проанализированы языковые личности политиков исходя из применения ими определенных типов аллюзий. На основе сопоставления использованных в речевых практиках аллюзий были выделены сходства и различия в подходах политиков к выбору и функциям данного средства создания интертекстуальности.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, политическая риторика, политические речи, речевые жанры, публичные речи, публичные выступления, политические деятели, лингвоперсонология, языковая личность, языковые средства, российские президенты, американские президенты, китайские политики, интертекстуальность, аллюзии, цитата, атрибуция, отсылка, сопоставительный анализ.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Корень Михаил Владимирович, студент 5 курса бакалавриата, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, email: koren-maik@mail.ru.*

Сергаева Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, email: ysergaeva@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Корень, М. В.* Аллюзии в выступлениях политиков России, США и Китая: сопоставительный анализ / М. В. Корень, Ю. В. Сергаева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 184-192.

Mikhail V. Koren′[1]✉, Yuliya V. Sergaeva[2]✉

[1,2] Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia
[1] koren-maik@mail.ru✉, SPIN code: 3537-0247
[2] ysergaeva@mail.ru✉, SPIN code: 2593-5346

Allusions in the Speeches of Russian, American and Chinese Politicians: A Comparative Analysis

ABSTRACT. *The article attempts to carry out a comparative analysis of literary allusions in the public speeches of modern Russian, American and Chinese politicians: President of the Russian Federation Vladimir Putin, President of the United States of America Donald Trump, and President of the People's Republic of China Xi Jinping. In order to achieve the set goal, the following research methods are used: analysis of scholarly literature in the field of stylistics, analysis of literary and historical sources, linguistic and stylistic analysis, comparison, and generalization. The article considers the specific features of allusion as a stylistic figure and element of intertextuality, its functions, as well as various approaches of researchers to the classification of allusions: classifications based on the accuracy of attribution and accuracy of quotation or source of allusion. The authors have chosen public speeches, allusions from which are to be used for comparative analysis. Various types of allusions used by these politicians have been identified, and the speech examples characteristic of each type have been analyzed. The study analyzes the most frequently used types of allusions by each politician and notes the presence of attribution in these allusions. The article also studies the politicians' linguistic personality in terms of their use of specific types of allusions. The research highlights the similarities and differences in the approaches of the politicians to the use of this means of creating intertextuality based on the comparison of allusions in their speech practices.*

© Корень М. В., Сергаева Ю. В., 2026

KEYWORDS: *political discourse, political texts, political rhetoric, political speeches, speech genres, public speeches, public addresses, politicians, linguopersonology, linguistic personality, language means, Russian presidents, American presidents, Chinese politicians, intertextuality, allusions, citation, attribution, reference, comparative analysis.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Koren' Mikhail Vladimirovich, 5th Year Undergraduate Student, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.*

Sergaeva Yuliya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of English Philology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

FOR CITATION: *Koren' M. V., Sergaeva Yu. V*. (2026). Allusions in the Speeches of Russian, American and Chinese Politicians: A Comparative Analysis. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 184-192. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современной геополитики, где противоборство понятий «свое» и «чужое» приобретает глобальный масштаб, стилисты и лексикологи проявляют повышенный интерес к статьям, публикациям, книгам, речам, объявлениям и обращениям политических деятелей. Эти материалы и выступления не только затрагивают актуальные проблемы, но и воплощают культуру, историю и политическую ориентацию государства — прежде всего через аллюзии, отсылающие реципиента к литературным произведениям, религиозным текстам, историческим событиям или цитатам других влиятельных политиков.

Представляется актуальным провести сопоставительный анализ выступлений и работ политиков России, США и Китая, так как каждая из этих стран обладает собственной уникальной культурой, социальными структурами, самобытной исторической траекторией и системой ценностей, которые напрямую определяют выбор аллюзий в речах и текстах их лидеров. Такой аспект сопоставительного анализа речей В. В. Путина, Д. Трампа и С. Цзиньпина ранее не становился предметом отдельного исследования лингвистами, что подчеркивает его новизну и ценность для стилистики, дискурсологии и, собственно, политической лингвистики, а полученные эмпирические данные имеют практическую значимость для изучения языковой личности политиков.

ОСНОВЫ ТЕОРИИ АЛЛЮЗИИ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ФИГУРЫ

В первую очередь следует уточнить, что собой представляет аллюзия с точки зрения стилистики.

И. В. Арнольд определяет аллюзию как «особый вид текстовой импликации, подключающий к передаче смысла другие семиотические системы, например живопись, историю, мифы и т. д.» [Арнольд 2002: 149]. Она полагает, что аллюзия как таковая является частью импликации, которая «в широком смысле есть наличие в тексте вербально не выраженных, но угадываемых адресатом смыслов» [Арнольд 2002: 148]. Профессор считает, что «строго разграничить импликацию, подтекст, аллюзию и другие виды подразумевания довольно трудно, поскольку они постоянно сопутствуют друг другу» [Арнольд 2002: 148]. И. Р. Гальперин, однако, не связывает аллюзию с понятием импликации и подтекста как глубинного скрытого смысла и отмечает ее функцию отсылки к фоновым знаниям: «an indirect reference, by word or phrase, to a historical, literary, mythological, biblical fact or to a fact of everyday life made in the course of speaking or writing» [Гальперин 2010: 187], т. е. это «косвенная отсылка, намёк через слово или словосочетание на исторический, литературный, мифологический, библейский факт или на факт повседневной жизни, сделанные в процессе устной или письменной речи» [Корень 2025: 104].

Аллюзия, будучи отсылкой к одному тексту в составе другого текста, является частью общего понятия интертекстуальности как маркера текстового диалогизма. И. В. Арнольд рассматривает интертекстуальность как «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [Арнольд 2002: 71–72]. Ю. С. Гаврикова, в свою очередь, акцентирует условия диалога текстов, определяя интертекстуальность не просто как включение текстов в другой текст, а как «диалогическое взаимодействие между текстами, при котором элементы текста-донора имеют соответствия с элементами текста-реципиента»[1].

Для того чтобы понимать сущность аллюзии и ее предназначение в стилистике, важно определить ее функции. Исследователь Н. Д. Белоножко рассматривает следующие функции аллюзии в тексте [Белоножко 2012: 17–18]:

1. Оценочно-характеризующая функция — данная функция отвечает за оценку поступков

[1] Гаврикова Ю. С. Интертекстуальность англоязычных антиутопий: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 10.02.04 / Гаврикова Юлия Сергеевна. — Воронеж, 2012. — 20 с.

и событий, а также раскрытие внутреннего мира персонажа, к которому относится аллюзия.

2. Окказиональная функция — аллюзия через ссылки на исторические факты и личности воссоздает дух описываемой эпохи, что помогает произвести нужный эффект на читателей или слушателей.

3. Текстоструктурирующая функция — согласно этой функции, аллюзия помогает в скреплении текста и одновременно вносит дополнительную информацию извне.

4. Предсказательная функция — данная функция проявляется в том, что дает читателю или слушателю подсказку о дальнейшем возможном развитии событий путем соотнесения описываемой ситуации с каким-либо другим событием, исход которого уже известен читателям или слушателям.

Аллюзия как стилистическая фигура обладает рядом особенностей, которые необходимо учитывать в исследовании. Одна из главных ее особенностей выделяется профессором В. П. Москвиным: аллюзия, как и другие средства интертекстуальности, может опираться либо на предшествующую часть текста, либо на другой текст, так называемый «претекст» [Москвин 2013: 55]. В работе Е. Р. Кибизовой и А. Д. Бакиной также утверждается, что аллюзия содержит в себе скрытую информацию и, соответственно, важную роль в полном раскрытии значения аллюзии будет играть ее «узнаваемость» [Кибизова 2020: 102]. Е. М. Дронова дополняет эту идею, подчеркивая, что употребление аллюзий в значительной степени определяется читателем и, «в отличие от более или менее произвольного употребления других стилистических приемов, является социально обусловленным»[1].

Исследователи предлагают различные подходы к классификации аллюзий.

Так, Н. А. Фатеева различает аллюзии по наличию в них ссылки на автора или оригинальный текст в том или ином виде — то есть атрибуции. Соответственно, в классификации исследователя выделяются так называемые атрибутированные и неатрибутированные аллюзии. Важную роль в классификации также играли «степень точности атрибуции и тождественности воспроизведения образца» [Фатеева 2012: 133–136].

Н. Ю. Новохачева предлагает «структурно-семантическую» классификацию, частично схожую с классификацией Н. А. Фатеевой — согласно ей, изначально аллюзии разделяются на те, что «претерпели изменения в результате перенесения в интертекст»[2], и те, что сохранили изначальную форму.

Д. Дюришин выделяет прямые (цитатные) и непрямые (косвенные) аллюзии. Прямая аллюзия, по его классификации, может быть «имплицитной» (в таковой отсутствует прямое указание на автора или произведение) или «эксплицитной» (в таковой присутствует прямое указание на автора или произведение) [Дюришин 1979: 154].

Также важно упомянуть, что в стилистике, в зависимости от источника, рассматриваются литературные, политические, исторические и прочие аллюзии. У данных терминов существуют различные трактовки, поэтому отдельное внимание стоит уделить их уточнению. В данной статье под литературными аллюзиями мы будем понимать именно аллюзии на литературные источники, а не аллюзии в литературном произведении, потому что в качестве материала для сопоставительного анализа в данной работе будут использованы выступления политиков или печатные сборники с таковыми. Политическими аллюзиями будут выступать ссылки на решения, принятые определенными политиками, политические движения и политическую терминологию, используемую в той или иной стране. Исторические аллюзии в то же время отсылают к определенным событиям, произошедшим в истории.

МАТЕРИАЛЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

На данный момент наибольший интерес для сопоставительного анализа представляют выступления Владимира Путина, действующего президента Российской Федерации, Си Цзиньпина, действующего председателя Китайской Народной Республики, и Дональда Трампа, действующего президента Соединенных Штатов Америки. Главы государств были выбраны, так как их руководящая позиция наиболее полным образом отражает как политический курс государства, так и его социальные нормы, культуру и историю — президенты обращаются к своим нациям, поэтому им важно быть понятыми и услышанными.

[1] Дронова, Е. М. Стилистический прием аллюзии в свете теории интертекстуальности : На материале языка англо-ирландской драмы первой половины XX века : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 2006. — 24 с.

[2] Новохачева, Н. Ю. Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX — начала XXI веков : специальность 10.02.01 «Русский язык"» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Новохачева Наталья Юрьевна. — Ставрополь, 2005. — 24 с. — EDN NIKDHX.

Для анализа аллюзий, используемых Владимиром Путиным, будут использоваться стенограммы его выступлений — как однократных, так и ежегодных:

1. Выступления на военных парадах в ознаменование годовщины Победы в Великой Отечественной войне с 2000 по 2025 год.
2. Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию (2000–2007, 2012–2016, 2018–2021 и 2023–2024 года).
3. Выступления на пленарных сессиях ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» с 2004 по 2025 год.
4. Выступления на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) с 2006 по 2025 год.
5. Выступление на 43-й Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 года.
6. Выступления в рамках Восточного экономического форума (ВЭФ) с 2015 по 2025 год.
7. Выступления в программе «Итоги года с Владимиром Путиным» с 2023 по 2025 год.

Стенограммы всех вышеуказанных выступлений были взяты для анализа с официального сайта Президента России (www.kremlin.ru). Для анализа аллюзий, используемых Си Цзиньпином, будет использоваться сборник «О государственном управлении», а именно с первого по четвертый тома сборника — в них включены выступления Си Цзиньпина с 2012 по 2022 год. У сборника имеются официальные версии на английском и русском языках — выдержки будут указываться на этих языках для удобства понимания.

Для анализа аллюзий, используемых Дональдом Трампом, будут использоваться различные веб-ресурсы с текстами его выступлений в течение первой президентской кампании и первого президентского срока (2017–2021 гг.).

АЛЛЮЗИИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВЛАДИМИРОМ ПУТИНЫМ

Наиболее частыми аллюзиями, которые использует Владимир Путин, являются исторические — Президент отсылает к событиям прошлого, как недавнего, так и далекого. Исторические аллюзии регулярно встречаются в выступлениях Президента на военных парадах в ознаменование годовщины Победы в Великой Отечественной войне — примером здесь выступает высказывание Президента на параде 9 мая 2022 года: «Защита Родины, когда решалась её судьба, всегда была священной. С такими чувствами подлинного патриотизма поднимались за Отечество ополченцы Минина и Пожарского, шли в атаку на Бородинском поле, бились с врагом под Москвой и Ленинградом, Киевом и Минском, Сталинградом и Курском, Севастополем и Харьковом»[1]. В данной цитате четко прослеживается указание на разгром польско-литовских интервентов войском Второго народного ополчения под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского в 1612 году, на битву под Бородино Отечественной войны 1812 года и на крупнейшие сражения Великой Отечественной войны. Данной аллюзией Президент напоминает слушателю о значительных победах в истории России.

Другой тип аллюзий, часто используемый Президентом, — культурные аллюзии, в частности литературные. В рамках пленарной сессии ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2013 году Владимир Путин использует литературную аллюзию в следующем высказывании: «Слишком часто в национальной истории вместо оппозиции власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России. Я уже вспоминал об этом. Пушкин сказал об этом»[2]. В этом высказывании Президент отсылает к статье «Александр Радищев» авторства Александра Пушкина, где писатель подвергает критике оппозицию и неуважение к власти. Данной аллюзией Владимир Путин подчеркивает, что его точку зрения поддерживает историческая фигура, известная всей стране.

Владимир Путин также использует и политические аллюзии. Насыщенным политическими аллюзиями было выступление Президента на 43-й Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 года. Одним из примеров политической аллюзии выступает следующая цитата: «Вместе с тем нельзя допустить появления новых дестабилизирующих высокотехнологичных видов оружия. Я уже не говорю о мерах по предупреждению новых сфер конфронтации, особенно в космосе. „Звездные войны“, как известно, уже не фантастика, а реальность»[3].

[1] Официальное интернет-представительство президента России : официальный сайт. — Россия, [2026]. — URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68366 (дата обращения: 17.02.2026).

[2] Официальное интернет-представительство президента России : официальный сайт. — Россия, [2026]. — URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243 (дата обращения: 17.02.2026).

[3] Официальное интернет-представительство президента России : официальный сайт. — Россия, [2026]. — URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 17.02.2026).

В данном случае аллюзией служит фраза «Звёздные войны», являющаяся отсылкой и к прецедентному названию киноэпопеи, и к объявленной американским президентом Рональдом Рейганом «Стратегической оборонной инициативе», включающей в себя создание элементов противоракетной обороны в космосе.

С точки зрения частоты использования аллюзий, в выступлениях Владимира Путина присутствует определенная закономерность: на выступлениях более делового формата (например, пленарные заседания ПМЭФ и ВЭФ, большинство пленарных сессий клуба «Валдай» и т. п.) аллюзии встречаются редко — 1–2 аллюзии, либо таковые не используются совсем. Однако на выступлениях с менее формальной обстановкой (например, выступления в программе «Итоги года с Владимиром Путиным» и т. п.) аллюзии используются значительно чаще и они более разнообразные.

Также важно отметить, что источником большинства аллюзий у Владимира Путина служат объекты культуры или события, легко узнаваемые большинством слушателей — труды российских писателей, значимые события в истории России и всего мира. Через высокую степень узнаваемости отсылок у оратора получается точнее и проще донести свою точку зрения до слушателя.

АЛЛЮЗИИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СИ ЦЗИНЬПИНОМ

Первым примером использования Си Цзиньпином литературных аллюзий является следующая выдержка из его книги: «We should be «unperturbed by the cloud that obscures our vision» and remain steadfast while «riotous clouds seep past» [Xi 2020: 264] — «Как говорится в стихах, „нестрашно, даже если плывущие облака застилают наш взор“, „(сосна) невозмутимо стоит, несмотря на хаотично плывущие облака перед ней“» [Си 2021: 336]. В данном тексте первой аллюзией выступает фраза «Unperturbed by the cloud that obscures our vision» — «не страшиться, даже если плывущие облака застилают наш взор». Данная аллюзия взята из поэмы «Поднимаясь на пик Фэйлай» Ван Аньши, государственного деятеля XI века. Второй аллюзивной отсылкой является фраза «while riotous clouds seep past» — «пока мятежные тучи проплывают мимо», она взята из «Пещеры богов» — семисловного четверостишия Мао Цзэдуна. В данном случае, Си Цзиньпин использовал в одном предложении отсылки сразу к двум источникам, объединенные образом облаков как препятствий на пути.

Другую аллюзию, взятую из поэтического произведения, можно встретить в следующей выдержке: «We do not need lavish praise from others. But we do welcome objective reporting and constructive suggestions, for this is our motto, «Not bent on praise for its bright colours, but on leaving its fragrance to all» [Xi 2020: 90] — «Нам не нужны красивые слова. Мы всегда приветствовали и приветствуем объективные репортажи и конструктивные предложения. Как говорится в известных строках, „Цветы сливы не требуют похвалы за свою красоту, они просто дарят всем людям свой аромат“» [Си 2021: 108]. Фраза, взятая в цитате в кавычки, встречается в поэме «Чернильная слива» Ван Мяня (1287–1359), китайского художника и поэта, работавшего во времена династии Юань. Данная отсылка подчеркивает стремление КНР к эффективности управления и открытость к конструктивной критике.

Некоторые из аллюзий, использованных Си Цзиньпином, отсылают к пословицам: «Our scientists and engineers should be «planters of trees» and «diggers of wells»…» [Xi 2020: 291] — «Необходимо… „садить деревья“ и „рыть колодцы…“» [Си 2021: 371]. Обе аллюзии отсылают к китайским пословицам: «前人栽树，后人乘凉» — «Предки посадили дерево, потомки наслаждаются тенью», «吃水不忘挖井人» — «Когда пьешь воду из колодца, не забывай, кто его выкопал». Данными пословицами Си Цзиньпин отмечает значимость труда китайских ученых ради будущих поколений.

Си Цзиньпином преимущественно используются литературные аллюзии, но также присутствуют и аллюзии политические, часто содержащие в себе политическую лексику. По мнению исследователей Ху Гумина и Юань Жунцзэ, политическая лексика, содержащаяся в сборнике «О государственном управлении», «является весьма современной, а также сжатой, популярной и информативной» [Ху 2023: 49], что только подчеркивает актуальность материала, используемого для исследования. К политическим аллюзиям Си Цзиньпина можно отнести, например, следующее высказывание: «We must uphold the Four Cardinal Principles, continue to reform and open up,…» [Xi 2020: 9] — «Партия должна твёрдо стоять на позиции четырёх основных принципов, продолжать проводить политику реформ и открытости…» [Си 2021: 16]. Four Cardinal Principles — «Четыре основных принципа» (кит. 四项基本原则) — положения, которые являются основой государственного строя Китайской Народной Республики: принцип отстаивания социалистического пути, принцип поддержа-

ния народно-демократической диктатуры, принцип поддержания лидерства Коммунистической партии Китая и принцип отстаивания идей Мао Цзэдуна и марксизма-ленинизма. Данные принципы были изложены Дэн Сяопином в марте 1979 года на конференции Коммунистической партии Китая (КПК) и закреплены в Конституции Китайской Народной Республики 1982 года.

Другую интересную политическую аллюзию содержит следующая цитата: «The Red Boat sparked the flame of the Chinese revolution and started the century-spanning voyage of the Party» [Xi 2020: 575] — «Маленькая „Красная лодка“ несла огромную тяжесть, она стала источником огня, из которого разгорелась китайская революция, открыв столетний путь КПК» [Си 2021: 732]. «The Red Boat» («Красная лодка») — отсылка к первому съезду Коммунистической партии Китая, который в 1921 году прошел на борту деревянной лодки.

Последней рассматриваемой выдержкой будет: «Prepare in advance against the unexpected, which is a basic principle of governing a country» [Xi 2020: 95] — «Быть готовым к непредвиденным осложнениям — основной принцип управления государством» [Си 2021: 115]. Данная аллюзия отсылает к труду «Основы управления в период Чжэньгуань» («贞观政要») авторства историка У Цзина (670–749), завершенному около 705 года.

В выступлениях Си Цзиньпина также присутствуют аллюзии и цитаты из трудов западных философов (в основном Карла Маркса и Фридриха Энгельса), однако они очень немногочисленные — приоритет всё равно отдается китайским философам и политикам.

В результате анализа источников и авторов аллюзий были выявлены определенные закономерности. В первую очередь важно отметить, что подавляющее большинство аллюзий, используемых Си Цзиньпином, являются литературными, при этом политические и исторические аллюзии тоже присутствуют, но используются гораздо реже.

Анализ литературных аллюзий, отсылающих к политическим трудам, также позволяет нам прийти к некоторым выводам: Си Цзиньпин в первую очередь обращается к трудам китайских политиков (Мао Цзэдун и Дэн Сяопин) и философов, и только потом прибегает к основополагающим трудам Маркса, Энгельса и Ленина. Подобная расстановка приоритетов объясняется политикой «Социализм с китайской спецификой», начатой Дэн Сяопином и продолженной Си Цзиньпином. Во главе угла данного политического курса стоит уникальный путь исторического развития Китая и необходимость адаптации учения марксизма с учетом особенностей страны. Исследователь Фэй Цзюньхуэй подтверждает данный вывод — по его мнению, рассматриваемый сборник произведений Председателя КНР Си Цзиньпина содержит «его основные идеи о социализме с китайской спецификой в современных условиях» и «данные идеи Си Цзиньпина базируются на положениях современного китайского марксизма и своеобразии классической китайской культуры» [Фэй 2019: 219]. Исследователь До Ли также отмечает, что сборники высказываний Си Цзиньпина, «О государственном управлении» в том числе, свидетельствуют о «богатом интеллектуальном тезаурусе» и демонстрируют «элитарную языковую личность» председателя [До 2015: 154].

АЛЛЮЗИИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДОНАЛЬДОМ ТРАМПОМ

Президент Трамп наиболее часто использует исторические аллюзии, которые зачастую отсылают к политическим, экономическим или военным неудачам предыдущих администраций — рассмотрим, например, заявление Дональда Трампа на предвыборном митинге своей президентской кампании 13 октября 2016 года: «Just look at what this corrupt establishment has done to our cities like Detroit and Flint, Michigan — and rural towns in Pennsylvania, Ohio, North Carolina and across our country»[1] — «Только посмотрите, что этот коррумпированный „истеблишмент“ сделал с такими нашими городами, как Детройт и Флинт, штат Мичиган, а также с сельскими городками в Пенсильвании, Огайо, Северной Каролине и по всей нашей стране» [Корень 2025: 107]. Аллюзией здесь выступает упоминание Детройта и других городов США — это намёк на экономический и демографический спад в этих городах, начавшийся в конце XX века. Подробное описание данной ситуации не требовалось от президента, вся страна знала о ней — для понимания отсылки было достаточно названий городов. Исследователи Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская, М. Л. Шуб отмечают, что Дональд Трамп, как и его предшественники Джордж Буш — младший и Барак Обама, стремится «обнулить прошлое» и построить «новую Америку», и

[1] Портал-архив “Internet Archive”: официальный сайт. — США, [2025]. — URL: https://archive.org/details/2016-10-13-Trump-Campaign-Rally-West-Palm-Beach-FLA (дата обращения: 10.05.2025).

настоящее время наименее выражено — оно скорее служит фоном для прошлого и будущего [Зубанова 2019: 152].

Другим частым типом аллюзий, к которым прибегает Дональд Трамп, являются политические аллюзии. Во время инаугурационной речи 2017 года Дональд Трамп сделал следующее заявление: «What truly matters is not which party controls our government, but whether our government is controlled by the people»[1] — «На самом деле, важно не то, воле какой партии подчиняется наше правительство, а то, подчиняется ли наше правительство воле народа» [Корень 2025: 108]. Фраза «by the people» («волей народа») является отсылкой к известной в США Геттисбергской речи президента Авраама Линкольна 1863 года: «…this nation, under God, shall have a new birth of freedom—and that government of the people, by the people, for the people, shall not perish from the earth»[2] — «…наша нация с Божьей помощью возродится в свободе и что власть народа волей народа и для народа не исчезнет с лица Земли»[3].

Другой интересной политической аллюзией является образ факела, передаваемого от поколения к поколению, словно олимпийский огонь — данный образ использовался Дональдом Трампом в выступлении на совместном заседании палат Конгресса в 2017 году: «Each American generation passes the torch of truth, liberty and justice — in an unbroken chain all the way down to the present»[4] — «Каждое американское поколение передает факел истины, свободы и справедливости — в непрерывной цепи вплоть до настоящего времени» [Корень 2025: 108]. В выступлении Трампа, «the torch of truth» является аллюзией на инаугурационную речь президента Джона Кеннеди в 1961 году, в которой также был использован образ факела, передаваемого от поколения к поколению: «Let the word go forth from this time and place, to friend and foe alike, that the torch has been passed to a new generation of Americans…»[5] — «Пусть с этого мгновения и из этого места, как среди друзей, так и среди врагов, разнесется весть о том, что факел был передан новому поколению американцев…» [Корень 2025: 108].

Следующая отсылка кроется в известном политическом слогане предвыборных кампаний Дональда Трампа в 2016 и 2024 годах — «Make America Great Again» («сделаем Америку снова великой»). Данный слоган является аллюзией на аналогичный слоган Рональда Рейгана во время предвыборной кампании 1980 года — «Let's make America great again» («Давайте сделаем Америку снова великой»). По мнению исследователя Т. А. Светоносовой, президенты США цитируют речи своих предшественников с целью продемонстрировать «преемственность в видении концепции развития страны», а также выразить «особый пиетет к труду и деятельности лидеров страны в прошлом» [Светоносова 2022: 24].

Одним из главных источников литературных аллюзий для Дональда Трампа служит Библия — прецедентный текст для американской культуры. Президент использует как цитатные аллюзии: «If a ruler listens to falsehood, all his officials will be wicked»[6] — «Если правитель слушает ложные речи, то и все служащие у него нечестивы»[7], так и косвенные аллюзии: «The Bible tells us how good and pleasant it is when God's people live together in unity»[8] — «Библия говорит нам, как хорошо и как приятно жить братьям вместе» [Корень 2025: 107]. По мнению исследователей А. В. Грицковой и О. Ю. Ситниковой, подобными аллюзиями Дональд Трамп, с одной стороны, сопоставляет президентскую гонку со «сражением сил добра и зла», а с другой — выстраивает образ «богобояз-

[1] Новостной портал "New York Times": официальный сайт. — США, [2025]. — URL: https://www.nytimes.com/interactive/2017/01/20/us/politics/donald-trump-inauguration-speech-transcript.html (дата обращения: 10.05.2025).

[2] Онлайн-портал "American Rhetoric": официальный сайт. — США, [2025]. — URL: https://www.americanrhetoric.com/speeches/gettysburgaddress.htm (дата обращения: 10.05.2025).

[3] Онлайн-портал «История США: материалы к курсу»: официальный сайт. — США, [2025]. — URL: https://ushistory.ru/populjarnaja-literatura/993-gettisbergskaja-rech-linkolna (дата обращения: 10.05.2025).

[4] Портал-архив "Internet Archive": официальный сайт. — США, [2025]. — URL: https://archive.org/details/28Feb.2017PresidentDonaldTrumpTheJointSessionOfCongress (дата обращения: 10.05.2025).

[5] Онлайн-портал "American Rhetoric": официальный сайт. — США, [2025]. — URL: https://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkinaugural.htm (дата обращения: 10.05.2025).

[6] Портал "Bible.com": официальный сайт. — США, [2025]. — URL: https://www.bible.com/bible/111/pro.29.12 (дата обращения: 10.05.2025).

[7] Православный портал «Азбука веры»: официальный сайт. — Россия, [2025]. — URL: https://azbyka.ru/biblia/?Prov.29&r (дата обращения: 10.05.2025).

[8] Новостной портал "New York Times": официальный сайт. — США, [2025]. — URL: https://www.nytimes.com/interactive/2017/01/20/us/politics/donald-trump-inauguration-speech-transcript.html (дата обращения: 10.05.2025).

ненного американца, который чтит Библию, уважает авторитетов в политике» [Грицкова 2018: 67].

Дональд Трамп является поклонником книг по самосовершенствованию, и в его инаугурационной речи 2017 года есть ссылка на одну из них: «Finally, we must think big and dream even bigger»[1] — «Наконец, мы должны мыслить масштабно и мечтать еще более грандиозно»[2]. Фраза «think big» («мыслить масштабно») выступает в качестве аллюзии на «The Power of Positive Thinking» («Сила позитивного мышления») — труд Нормана Винсента Пила 1952 года: «Think big, and you'll achieve big results. Think success, and you'll have success»[3] — «Мыслите масштабно, и вы достигнете больших результатов. Думайте об успехе, и вы добьетесь успеха» [Корень 2025: 107].

Таким образом, Дональд Трамп больше всего обращается к историческим и политическим аллюзиям — чаще всего они встречаются во время его предвыборной кампании и инаугурационной речи. Используя подобные отсылки, президент Трамп стремится выстроить положительный образ.

ВЫВОДЫ

На основе сопоставления использованных в речевых практиках аллюзий были выделены сходства и различия в подходах политиков к использованию в выступлениях данного средства создания интертекстуальности.

Во-первых, Си Цзиньпин и Дональд Трамп предпочитают цитатную аллюзию. Цитатная аллюзия, сохраняющая изначальный текст без изменений, необходима для того, чтобы точно передать идею и быть уверенным, что отсылка будет воспринята слушателями и произведет на них необходимый эффект. Владимир Путин в то же время не всегда использует цитатную аллюзию — для него иногда важно встроить аллюзию в собственную речь, в связи с чем формулировка аллюзии может меняться.

Во-вторых, у всех трех политиков аллюзии преимущественно не содержат эксплицитную атрибуцию к источнику. Атрибуция в используемых аллюзиях отсутствует с расчетом на их узнаваемость. В связи с этим стоит отметить, что аллюзия также выступает маркером адресованности, характеризующим реципиента выступлений политиков, так как отсылки должны быть узнаваемы, рассчитаны на определенный уровень, на общую культуру граждан.

В-третьих, все три политика обращаются к высказываниям и трудам деятелей своих стран, тем самым отдавая им дань уважения и подчеркивая уникальность истории своих государств.

Не менее важно понимать, что аллюзия служит чертой языковой личности политика: выбранные отсылки раскрывают его кругозор и предпочтения, а также то, что он считает значимым и общеизвестным. Владимир Путин чаще всего обращается к историческим аллюзиям для поддержания исторической памяти как о значимых событиях мировой истории, так и о достижениях и победах России. Его аллюзии обладают высокой степенью узнаваемости, что производит нужное впечатление на слушателя и позволяет четко донести до него свою позицию. Си Цзиньпин чаще обращается к литературным аллюзиям для создания образа начитанного, мудрого правителя, а также для популяризации философских текстов, тем самым поддерживая интерес к древней культуре Китая. Дональд Трамп же чаще обращается к историческим и политическим аллюзиям для создания образа лидера, вобравшего в себя всё самое лучшее от своих наиболее известных предшественников и вместе с этим готового исправить ошибки, допущенные предыдущими президентами. Он, тем не менее, использует литературные аллюзии, чтобы отдать дань уважения прецедентным текстам американской культуры, и выбирает наиболее узнаваемые аллюзии, чтобы точно произвести нужный эффект на зрителей.

Таким образом, аллюзии в выступлениях политиков обогащают текст интертекстуальными связями и позволяют гораздо точнее и эффективнее донести свои идеи до слушателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. — Москва : Флинта, 2002. — 384 с. — ISBN 5-89349-363-X. — EDN SDQJVR.

2. Белоножко, Н. Д. Аллюзия в стилистической конвергенции / Н. Д. Белоножко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2012. — Т. 7, № 2. — С. 15–24. — EDN PJVNMJ.

3. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка : учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков / И. Р. Гальперин. — 3-е изд. — Москва : URSS, 2010. —

[1] Новостной портал “New York Times”: официальный сайт. — США, [2025]. — URL: https://www.nytimes.com/interactive/2017/01/20/us/politics/donald-trump-inauguration-speech-transcript.html (дата обращения: 10.05.2025).

[2] Посольство и консульства США в Российской Федерации: официальный сайт. — США, [2025]. — URL: https://ru.usembassy.gov/ru/текст-инаугурационной-речи-президен/ (дата обращения: 10.05.2025).

[3] Портал-архив “Internet Archive”: официальный сайт. — США, [2025]. — URL: https://archive.org/details/positivethinking00peal (дата обращения: 10.05.2025).

331 с. — ISBN 978-5-397-01340-6

4. Грицкова, А. В. Цитация и аллюзия в американском политическом дискурсе (на материале предвыборных выступлений Д. Трампа и Х. Клинтон) / А. В. Грицкова, О. Ю. Ситникова // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 26–27 сент. 2018 г. — Самара : Самарский государственный социально-педагогический университет, 2018. — С. 63–69. — EDN YAHWHR.

5. До, Л. Категория интертекстуальности в сборниках высказываний председателя КНР Си Цзиньпина / Л. До // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 9-10 (104). — С. 153–157. — EDN VPIQXL.

6. Дюришин, Д. Теория сравнительного изучения литературы / Д. Дюришин ; перевод со словацкого и комментарии И. А. Богдановой ; автор предисловия: Ю. В. Богданов ; редактор Г. И. Насекина. — Москва : Прогресс, 1979. — 317, [3] с.

7. Зубанова, Л. Б. Лингво-темпоральный анализ инаугарационных выступлений глав США и России / Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская, М. Л. Шуб // Социологические исследования. — 2019. — № 4. — С. 150–154. — DOI 10.31857/S013216250004022-7. — EDN DSUJKV.

8. Кибизова, Е. Р. Семантические особенности библейских аллюзий и специфика их перевода / Е. Р. Кибизова, А. Д. Бакина // Форум молодежной науки. — 2020. — Т. 1, № 6. — С. 101–109. — EDN ZEBBZB.

9. Корень, М. В. Литературные аллюзии в выступлениях политиков США и Китая: сопоставительный анализ / М. В. Корень // Наукосфера. — 2025. — № 7-2. — С. 103–110. — DOI 10.5281/zenodo.16631524. — EDN MDXTNB.

10. Москвин, В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология / В. П. Москвин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2013. — № 6 (81). — С. 54–61. — EDN RCNUYN.

11. Светоносова, Т. А. Интертекстуальность как риторический прием инаугурационных речей американских политиков (функционально-лингвистический анализ) / Т. А. Светоносова // Дискурс профессиональной коммуникации. — 2022. — Т. 4, № 2. — С. 18–30. — DOI 10.24833/2687-0126-2022-4-2-18-30. — EDN TBARMY.

12. Си, Ц. О государственном управлении : в 5 томах / Ц. Си. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2021. — 847 с. : цв. ил., фот. — Предм. указ.: с. 818–838. — Т. 3. — ISBN 978-7-119-12485-8.

13. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. — 4-е изд. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 282 с. — EDN RTDQJF.

14. Фэй, Ц. О передаче культурной специфики китайского политического текста в переводе (на материале издания «Си Цзиньпин о государственном управлении») = On Conveying the Cultural Specificity of Chinese Political Texts in Translation (Based on the Edition “The Gorvernance of China”) / Ц. Фэй // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 219–224. — DOI 10.26170/pl19-06-28. — EDN WSIXVV.

15. Ху, Г. Перевод политической лексики с китайской спецификой на русский язык в свете теории функциональной эквивалентности (на примере третьего тома книги «Си Цзиньпин о государственном управлении») / Г. Ху, Ж. Юань // Мир русскоговорящих стран. — 2023. — № 2 (16). — С. 45–65. — DOI 10.20323/2658_2023_2_16_45. — EDN CRGLKI.

16. Xi, J. The Governance of China : 5 volumes / J. Xi. — Beijing : Foreign Languages Press, 2020. — 650 p. — Vol. 3. — ISBN 978-7-119-09057-3.

REFERENCES

1. Arnold, I. V. (2002). Stilistika. Sovremennyj anglijskij yazyk = Stylistics. Modern English. Flinta. (Original work published 1973).

2. Belonozhko, N. D. (2012). Allyuziya v stilisticheskoj konvergentsii = Allusion within stylistic convergence. *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*, *7*(2), 15–24.

3. Galperin, I. R. (2010). Stilistika anglijskogo yazyka = English Stylistics. URSS. (original work published 1981).

4. Gritskova, A. V. (2018). Tsitatsiya i allyuziya v amerikanskom politicheskom diskurse (na materiale predvybornykh vystuplenij D. Trampa i Kh. Klinton) = Quotation and allusion in American political discourse (based on the pre-election speeches of D. Trump and H. Clinton). *Higher humanitarian education of the XXI century: issues and perspectives. Proceedings of the XIII international scientific and practical conference*, 63–69. Russia.

5. Do, L. (2015). Kategoriya intertekstualnosti v sbornikakh vyskazyvanij predsedatelya KNR Xi Jinping = The Category of Intertextuality in the Collections of Statements by the Chairman of the PRC Xi Jinping. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University, 9-10*(104), 153–157.

6. Dyurishin, D. (1979). Teoriya sravnitelnogo izucheniya literatury = Theory of Comparative Literature (G. I. Nasekina, Ed.). Progress.

7. Zubanova, L. B. (2019). Lingvo-temporalnyj analiz inaugaratsionnykh vystuplenij glav SShA i Rossii = Linguo-Temporal Analysis of the Inaugural Speeches of the Heads of the USA and Russia. *Sociological Studies, 4*, 150–154. DOI 10.31857/S013216250004022-7.

8. Kibizova, E. R. (2020). Semanticheskie osobennosti biblejskikh allyuzij i spetsifika ikh perevoda = Semantic Features of Biblical Allusions and the Specifics of Their Translation. *Youth Science Forum*, *1*(6), 101–109.

9. Koren, M. V. (2025). Literaturnye allyuzii v vystupleniyakh politikov SShA i Kitaya: sopostavitel′nyj analiz = Literary allusions in the speeches of US and Chinese politicians: comparative analysis. *Naukosfera*, *7*(2), 103–110. DOI 10.5281/zenodo.16631524. EDN MDXTNB.

10. Moskvin, V. P. (2013). Intertekstualnost: kategorialnyj apparat i tipologiya = Intertextuality: Categorical Apparatus and Typology. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University, 6*(81), 54–61.

11. Svetonosova, T. A. (2022). Intertekstualnost kak ritoricheskij priem inauguratsionnykh rechej amerikanskikh politikov (funktsionalno-lingvisticheskij analiz) = Intertextuality as a Rhetorical Device in American Politicians’ Inaugural Addresses (Functional-Linguistic Analysis). *Discourse of Professional Communication*, *4*(2), 18–30. DOI 10.24833/2687-0126-2022-4-2-18-30.

12. Xi, J. (2021) O gosudarstvennom upravlenii (tom 3) = The Governance of China (Vol. 3). Beijing: Foreign Languages Press.

13. Fateeva, N. A. (2012). Intertekst v mire tekstov : Kontrapunkt intertekstualnosti = Intertext in the World of Texts: Counterpoint of Intertextuality. Knizhnyj dom “LIBROKOM”. (Original work published 2000).

14. Fei, Q. (2019). O peredache kulturnoj spetsifiki kitajskogo politicheskogo teksta v perevode (na materiale izdaniya “Xi Jinping o gosudarstvennom upravlenii”) = On Conveying the Cultural Specificity of Chinese Political Texts in Translation (Based on the Edition “Xi Jinping on State Governance”). *Political Linguistics, 6*(78), 219–224. DOI 10.26170/pl19-06-28.

15. Hu, G., Yuan, R. (2023). Perevod politicheskoj leksiki s kitajskoj spetsifikoj na russkij yazyk v svete teorii funktsional′noj ekvivalentnosti (na primere tretego toma knigi “Xi Jinping o gosudarstvennom upravlenii”) = Russian translation of political vocabulary with Chinese specificity: functional equivalence theory (based on the book Xi Jinping: The Governance of China (III). *The World of Russian-Speaking Countries*, *2*(16), 45–65. DOI 10.20323/2658_2023_2_16_45.

16. Xi, Jinping (2020). The Governance of China. (Vol. 3). Beijing: Foreign Languages Press.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.161.1'42+808.51+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.62 *ГРНТИ 16.21.33* *Код ВАК 5.9.8*

Елена Владимировна Никифорова
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, sldrrsl@gmail.com, SPIN-код: 6553-4000

Аксиологема «историческая память» в российском политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию особенностей функционирования аксиологемы «историческая память» в политическом дискурсе России. Материалом исследования выступают новогодние обращения российских политиков — речи Б. Н. Ельцина, Д. А. Медведева и В. В. Путина. В ходе исследования определяются специфические черты репрезентации аксиологемы «историческая память» в политическом дискурсе России в разные временные периоды, а также устанавливаются основания выявленных черт. При помощи метода моделирования и фреймового анализа формируется инвариантно-вариативная модель аксиологемы, актуальная для данного вида дискурса. В результате исследования выявляются инвариантные (субфреймы «исторические события и их участники» и «эмоциональная составляющая исторической памяти») и вариативные элементы модели (субфреймы «формы сохранения исторической памяти» и «виды исторической памяти»), а также делается вывод о зависимости содержания субфреймов от внеязыковой действительности. Выявляются лингвоперсонологические особенности языковых личностей президентов России: речи В. В. Путина являются более детализированными, обращения Д. А. Медведева характеризуются наиболее высокой степенью эмоциональности, поздравлениям Б. Н. Ельцина свойственна наиболее частая актуализация исторических событий. Изложенные в работе выводы могут найти применение в сфере политической лингвистики, а также лингвоаксиологии, лингвоперсонологии и лингвокультурологии.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, политическая риторика, политические речи, речевые жанры, публичные речи, публичные выступления, политические деятели, лингвоперсонология, языковая личность, языковые средства, российские президенты, новогодние обращения, новогодние поздравления, лингвоаксиология, аксиологемы, ценностная картина мира, фреймовый анализ, историческая память, лингвокультурология.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Никифорова Елена Владимировна, аспирант кафедры стилистики и риторики, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; ассистент кафедры стилистики и риторики, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, email: sldrrsl@gmail.com.*

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02695, https://rscf.ru/project/25-28-02695/.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Никифорова, Е. В.* Аксиологема «историческая память» в российском политическом дискурсе / Е. В. Никифорова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 193-198.

Elena V. Nikiforova
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, sldrrsl@gmail.com, SPIN code: 6553-4000

The Axiologeme “Historical Memory” in Russian Political Discourse

ABSTRACT. *The article studies the specific functional features of the axiologeme “historical memory” in the political discourse of Russia. The practical research material includes the New Year's addresses of Russian politicians — speeches by B. Yeltsin, D. Medvedev and V. Putin. The study reveals the specific features of representation of the axiologeme “historical memory” in the political discourse of Russia in different time periods, as well as establishes the basis of the identified features. Using the modeling method and frame analysis, the study forms an invariant-variable model of the axiologeme that is relevant for this type of discourse. As a result of the research, the author singles out invariant (subframes “historical events and their participants” and “emotional constituent of historical memory”) and variable elements of the model (subframes “forms of preservation of historical memory” and “types of historical memory”) and draws a conclusion about the dependence of the content of subframes on the non-linguistic reality. The article reveals the linguopersonological characteristics of the linguistic personalities of the presidents of Russia: the speeches of V. Putin are more detailed; D. Medvedev's addresses are characterized by the highest degree of emotionality; and B. Yeltsin's congratulations are characterized by the most frequent actualization of historical events. The conclusions presented in the article can be applied in the field of political linguistics, linguoaxiology, linguopersonology and linguoculturology.*

KEYWORDS: *political discourse, political texts, political rhetoric, political speeches, speech genres, public speeches, public addresses, politicians, linguopersonology, linguistic personality, language means, Russian presidents, New Year’s addresses, New Year’s congratulations, linguoaxiology, axiologemes, value-based worldview, frame analysis, historical memory, linguoculturology.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Nikiforova Elena Vladimirovna, Post-Graduate Student of Department of Stylistics and Rhetoric, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University; Assistant Lecturer at Department of Stylistics and Rhetoric, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

© Никифорова Е. В., 2026

ACKNOWLEDGMENTS. The research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 25-28-02695, https://rscf.ru/project/25-28-02695/.

FOR CITATION: *Nikiforova E. V.* (2026). The Axiologeme “Historical Memory” in Russian Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 193-198. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Изучение ценностей находилось в центре внимания исследователей начиная со времен Античности, поскольку анализ ценностной системы общества позволяет не только выстроить его портрет в конкретный исторический период, но и спрогнозировать путь развития этого общества в будущем [Елишев 2011: 82]. Ценностные ориентации изучаются с позиций различных научных направлений, в том числе и лингвистики: с точки зрения лингвоаксиологии язык выполняет роль инструмента формирования, а также фиксатора и вечных, фундаментальных, и актуальных в данную эпоху ценностей носителей определенного языка [Муфазалова 2021: 343; Гибатова 2011: 129].

Материалом для лингвоаксиологических исследований становятся тексты, функционирующие в разных сферах жизни общества: так, например, рассматриваются тексты дипломатического, научного, учебного, юридического, политического дискурсов. Говоря об области политической лингвистики, отметим возрастающую актуальность исследований, выполненных в рамках нескольких направлений одновременно: например, работ, связанных с определением аксиологических доминант лингвокультур [Иванова 2025], выявлением ценностной составляющей образа разных субъектов политического процесса [Васильева 2025; Будаев 2023; Михневич 2025], а также аксиологического потенциала лексем в рамках политической коммуникации [Букина 2024].

Что касается данного исследования, целью является определение особенностей функционирования аксиологемы «историческая память» в рамках российского политического дискурса, а также выявление детерминант, обусловливающих наличие данных особенностей. Поставленная цель достигается за счет анализа новогодних обращений президентов России (Б. Н. Ельцина, Д. А. Медведева, В. В. Путина) в различные временные периоды (1993–1999 гг., 2008–2011 гг., 2021–2023 гг.). Наше исследование включает изучение материала с позиций лингвоаксиологии, лингвоперсонологии, а также лингвокультурологии, что проявляется в рассмотрении новогодних обращений не только как текстов, направленных на удержание власти, но и как носителей культурной информации и особенностей, свойственных разным языковым личностям. В настоящее время существует большое количество работ, посвященных анализу идиостилей политических лидеров, выявлению характерных черт президентского дискурса, определению способов проявления культурной специфики в политических речах [Никифорова 2019: 117; Чудинов 2018: 16–17; Гаврилова 2018: 122], однако данная работа представляет комплексное исследование, в рамках которого проводится анализ материала с точки зрения нескольких научных направлений. Кроме того, при изучении текстов учитываются и особенности, связанные с диахроническим аспектом анализа, поскольку изменения в области политического языка в большинстве случаев происходят под влиянием трансформаций политической реальности [Чудинов 2001: 12].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования выступают новогодние обращения президентов России. Так, анализируются речи Б. Н. Ельцина, произнесенные в 1993 г., 1996 г., 1997 г. и 1999 г. (общий объем — 1804 слова); обращения Д. А. Медведева 2008 г., 2009 г., 2010 г. и 2011 г. (общий объем — 898 слов) и В. В. Путина 2021 г., 2022 г. и 2023 г. (общий объем — 1944 слова). Отбор материала обусловлен социально-политическим фактором: анализируемые речи созданы и произнесены в разные временные периоды, отличающиеся идеологической обстановкой в России и мире, организацией правовой и политической систем, ценностными ориентирами государства, свойственными отдельному периоду, что оказывает влияние на восприятие категории исторической памяти и ее отражение в политическом дискурсе.

Вслед за исследователями, использующими инструменты когнитивной лингвистики для изучения ценностных ориентаций различных субъектов политического процесса [Будаев 2020: 53–54], мы также считаем применение одного из метода когнитивной лингвистики — метода фреймового анализа — наиболее приемлемым в нашей работе. Обращение к понятиям «фрейм» и «слот», предложенным М. Минским [Minsky 1975: 212–213], позволяет придать информации, связанной с категорией «историческая память» и находящей отражение в политическом дискурсе, более структурированный вид. Кроме того, представление данной информации в виде фреймовой структуры дает

возможность подчеркнуть вариативность представления о понятии [Карасик 2002: 155–156], что является особенно важным в рамках нашего исследования.

Помимо метода фреймового анализа также используется метод моделирования. Так, методология нашего исследования сводится к построению общей фреймовой модели аксиологемы «историческая память» для политического дискурса и дальнейшему выявлению ее инвариантных и вариативных компонентов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Фреймовая модель аксиологемы «историческая память»

В результате анализа материала нами создана инвариантно-вариативная фреймовая модель аксиологемы «историческая память», актуальная для политического дискурса. Представим данную модель и кратко опишем каждый из ее элементов.

1. Субфрейм «формы сохранения исторической памяти». Необходимость защиты и сохранения исторической памяти предполагает упоминание форм, в которых историческая память может быть закреплена. Так, выделяются следующие элементы данного субфрейма:
   1) слот «материальные формы сохранения исторической памяти»;
   2) слот «нематериальные формы сохранения исторической памяти».
2. Субфрейм «виды исторической памяти». Помимо форм, существуют и различные виды исторических знаний и памяти о прошлом.
3. Субфрейм «исторические события и их участники». Для актуализации рассматриваемого понятия необходимо обращение к конкретным историческим событиям. Данный субфрейм включает следующие слоты:
   1) слот «исторические события»;
   2) слот «участники исторических событий».
4. Субфрейм «эмоциональная составляющая исторической памяти». Одним из способов освещения вопроса сохранения исторической памяти является обращение к эмоциям и чувствам адресата. Таким образом, в субфрейме выделяются два слота:
   1) слот «морально-этические категории»;
   2) слот «оценка исторического процесса».

Аксиологема «историческая память» в новогодних обращениях президентов России

Опираясь на представленную модель, проанализируем новогодние обращения российских президентов. Вначале обратимся к речам Б. Н. Ельцина.

1. Субфрейм «исторические события и их участники»:
   1) слот «исторические события»: выступая с новогодними обращениями к населению России, Б. Н. Ельцин ссылается на события, происходящие в стране в различные периоды российской истории. Такими событиями являются гражданская война 1993 г. («*В этот непростой год **гражданская война** чуть было не опалила наши дома…*»), принятие новой Конституции («*В уходящем году были и важные обретения. **Вступила в силу новая Конституция России**, принятая всенародным голосованием…*»), президентские выборы 1993 и 1996 гг. («*Я благодарен вам за то, что вы **поверили мне и поддержали на президентских выборах***»), а также перенос празднования Нового года на январь («*Почти 300 лет назад, **в 1699 году**, царь Пётр I **повелел праздновать Новый год не в сентябре, а в январе***»);
   2) слот «участники исторических событий»: данный слот представлен в обращениях упоминанием имен выдающихся деятелей российской истории *(«…я подписал Указ о возложении обязанностей Президента России на Председателя Правительства **Владимира Владимировича Путина**»;* «*Почти 300 лет назад, в 1699 году, **царь Пётр I** повелел праздновать Новый год не в сентябре, а в январе*»*).*
2. Субфрейм «эмоциональная составляющая исторической памяти»:
   1) слот «оценка исторического процесса»: речи Б. Н. Ельцина также включают эмоциональное воздействие на адресата, что выражается в выражении собственной оценки событий, происходящих в России («*Это [президентские выборы] было **очень важно** для России. Мы создаём **важнейший** прецедент…*»).

Далее перейдем к новогодним обращениям Д. А. Медведева.

1. Субфрейм «исторические события и их участники»:
   1) слот «исторические события»: обращаясь к событиям российской истории, Д. А. Медведев ссылается на актуальные на соответствующий временной период события — годовщину Победы в Великой Отечественной войне («*Наступает год **65-летия Великой Победы***»), образование Российской Федерации в 1991 г. («*Ровно 20 лет назад мы **в первый раз встречали Новый год в стране с именем Россия***»);
   2) слот «участники исторических событий»: во время выступлений политический лидер упоминает участников Великой Отечественной войны, подчеркивая важность

сохранения памяти о них («*Наш общий долг — заботиться о* ***тех, кто воевал за нашу свободу***»).

2. Субфрейм «эмоциональная составляющая исторической памяти»:

1) слот «морально-этические категории»: говоря о ветеранах Великой Отечественной войны, Д. А. Медведев вводит понятие морального долга, акцентируя внимание на необходимости каждого помогать участникам военных действий («*Наш общий* ***долг*** *— заботиться о тех, кто воевал за нашу свободу*»).

Наконец, рассмотрим обращения В. В. Путина.

1. Субфрейм «формы сохранения исторической памяти»:

1) слот «материальные формы сохранения исторической памяти»: в речах российского президента упоминается одна материальная форма закрепления памяти о прошлом — исторические территории, на которых сейчас применяются меры для защиты россиян *(«…защищаем наших людей на наших же* ***исторических территориях*** *в новых субъектах Российской Федерации»).*

2. Субфрейм «виды исторической памяти»: среди видов исторической памяти глава государства выделяет память предыдущих поколений — память об отцах и предках *(«…нет такой силы, которая способна нас разобщить, заставить забыть* ***память и веру отцов****…»)*, а также типы исторических знаний, отличающиеся по масштабу рассмотрения *(«Ведь из* ***истории каждой семьи*** *складывается* ***история*** *нашей огромной, прекрасной и любимой* ***Родины****»)*.

3. Субфрейм «исторические события и их участники»:

1) слот «исторические события»: в тексте новогодних обращений В. В. Путина присутствуют наименование конкретных дат, знаменующих события, имеющие большое значение для России *(«С* ***2014 года****, после крымских событий…»)*, годовщин («*…с благодарностью и признательностью отметили* ***75-летие Великой Победы****»)*, упоминание знаковых событий мировой истории *(«Да,* ***новый опасный вирус изменил, перевернул привычный образ жизни****…»).*

4. Субфрейм «эмоциональная составляющая исторической памяти»:

1) слот «морально-этические категории»: в число нравственных категорий включается историческая правота, находящаяся на стороне России *(«****Нравственная, историческая правота*** *— на нашей стороне»);*

2) слот «оценка исторического процесса»: политический лидер представляет и собственную оценку исторических этапов и событий, называя определенные события тяжелейшими в истории *(«Западные элиты годами лицемерно заверяли всех нас в своих мирных намерениях, в том числе по разрешению* ***тяжелейшего*** *конфликта на Донбассе»).*

Таким образом, все компоненты модели аксиологемы «историческая память» представлены только в новогодних обращениях В. В. Путина, в то время как в речах Б. Н. Ельцина и Д. А. Медведева репрезентованы только два элемента — субфреймы «исторические события и их участники» и «эмоциональная составляющая исторической памяти». Основываясь на количественных данных, отметим, что ядерным в модели аксиологемы в обращениях всех президентов является субфрейм «исторические события и их участники».

Сопоставление новогодних обращений политиков

При анализе новогодних обращений российских политиков также получены количественные данные, позволяющие сделать выводы о специфике речей: абсолютная и относительная частота употреблений репрезентантов субфреймов модели аксиологемы «историческая память». Отметим: относительная частота употреблений рассчитана для совокупности обращений одного субъекта речи; таким образом, сумма относительных частот в рамках речей одного президента равна 100 %. Обратимся к сводной таблице.

Таблица 1

Репрезентация фрейма «историческая память» в новогодних обращениях президентов России

Субфрейм	Субъект речи	Абсолютная частота употребления репрезентантов субфрейма	Относительная частота употребления репрезентантов субфрейма
Формы сохранения исторической памяти	В. В. Путин	1 употребление	7,69%
Виды исторической памяти	В. В. Путин	2 употребления	23,08%
Исторические события и их участники	Б. Н. Ельцин	9 употреблений	81,82%
	Д. А. Медведев	4 употребления	57,14%
	В. В. Путин	6 употреблений	46,15%

Окончание таблицы 1

Субфрейм	Субъект речи	Абсолютная частота употребления репрезентантов субфрейма	Относительная частота употребления репрезентантов субфрейма
Эмоциональная составляющая исторической памяти	Б. Н. Ельцин	2 употребления	18,18%
	Д. А. Медведев	3 употребления	42,86%
	В. В. Путин	3 употребления	23,08%

При сравнительном анализе политических речей можно отметить следующие особенности:

1. В речах Б. Н. Ельцина, Д. А. Медведева и В. В. Путина реализуются субфреймы «эмоциональная составляющая исторической памяти» и «исторические события и их участники», что обусловливается несколькими факторами. Во-первых, принадлежность анализируемых текстов к политическому дискурсу предопределяет апелляцию к эмоционально-оценочному аспекту феномена исторической памяти. Воздействие на эмоции адресата выступает инструментом установления контакта с населением, средством формирования особого отношения к объекту, обсуждаемому в речи, а также политическому деятелю, произносящему данную речь, что служит достижению цели любого политического текста — получению или удержанию власти. Во-вторых, немаловажную роль играет и принадлежность текстов к жанру новогоднего обращения, одной из характерных черт которого является ссылка на уже произошедшие события: упоминание исторических событий выполняет консолидирующую и легитимирующую функции — основные функции политической речи. Жанровая специфика текстов обусловливает и то, что в речах политиков ядерным является субфрейм «исторические события и их участники».

2. Несмотря на сходства в наборах реализованных субфреймов, выявляются содержательные различия: например, каждый политик упоминает события из истории России, особо актуальные на момент создания речи. Так, в период с 1993 по 1999 г. наиболее важными являлись гражданская война и вступление в силу новой Конституции; в речах 2008–2011 гг. акцент ставился на годовщине Великой Победы и 20-летии образования Российской Федерации; наиболее актуальными событиями в обращениях 2021–2023 гг. представлены эпидемия коронавируса, крымские события 2014 г. и начало специальной военной операции в 2022 г. Таким образом, тесная связь политических текстов и экстралингвистической действительности также является одним из основных факторов, обусловливающих выявленные содержательные различия.

3. Помимо внеязыковой реальности на специфику репрезентации аксиологемы оказывают влияние и характеристики языковой личности субъекта речи. Так, вариативными компонентами модели аксиологемы «историческая память» являются субфреймы «виды исторической памяти» и «формы сохранения исторической памяти», реализованные лишь в новогодних обращениях В. В. Путина, что позволяет сделать следующий вывод: языковой личности президента свойственна бóльшая детализированность высказываний в сравнении с другими политическими деятелями. При сопоставлении количественных показателей обнаруживается более высокая степень эмоциональности обращений Д. А. Медведева, что также позволяет сделать вывод о личностных особенностях политика, проявляющихся в рамках текста. Говоря о речах Б. Н. Ельцина, отметим тенденцию к наиболее частому упоминанию исторических событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа новогодних обращений президентов России выявлены особенности репрезентации аксиологемы «историческая память» в российском политическом дискурсе, а также определены факторы, обусловливающие наличие данных специфичных черт: так, содержание рассматриваемой единицы, а также частотность ее репрезентации детерминированы принадлежностью текстов к определенному виду дискурса и жанру, социально-политической обстановкой в государстве на момент произнесения речи, а также характеристиками языковой личности субъекта речи.

Перспективой исследования представляется рассмотрение способов репрезентации аксиологемы «историческая память» в новогодних обращениях, созданных в советский период. Расширение количества анализируемых речей позволит дополнить модель упомянутой единицы в российском политическом дискурсе; расширить список факторов, предопределяющих вариативность репрезентации аксиологемы, а также сопоставить речевые портреты политических деятелей СССР и российских президентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будаев, Э. В. Аксиологический портрет белорусской милиции в комментариях к YouTube-каналу Nexta / Э. В. Будаев, Е. С. Афанасьева // Политическая лингвистика. — 2023. — № 6. — С. 47–56. — EDN WHKUZI.

2. Будаев, Э. В. Введение в политическую лингвистику : учеб. пособие / Э. В. Будаев. — Санкт-Петербург : Наукоемкие технологии, 2020. — 168 с. — ISBN 978-5-6044793-7-7. — EDN PPUERC.

3. Букина, Т. Г. Лексема *вакцинация* в современном русском языке: функционально-аксиологический аспект / Т. Г. Букина, Т. А. Кутенева // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3. — С. 49–59. — EDN CRZDXE.

4. Васильева, Ю. О. Аксиологическая составляющая медиаобраза Китая в контексте политической конфронтации (на материале американских СМИ) / Ю. О. Васильева, Л. В. Коцюбинская // Политическая лингвистика. — 2025. — № 1. — С. 46–53. — EDN KPQICO.

5. Гаврилова, М. В. Российская политическая лингвистика: основные направления и перспективы развития / М. В. Гаврилова // Политика развития, государство и мировой порядок : материалы VIII Всерос. конгресса политологов, Москва, 06–08 дек. 2018 г. — Москва : Аспект Пресс, 2018. — С. 122–123. — EDN VVBJFX.

6. Гибатова, Г. Ф. Аксиология в языке / Г. Ф. Гибатова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2011. — № 2 (121). — С. 127–132. — EDN NMVBNT.

7. Елишев, С. О. Изучение понятий «Ценность», «Ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте / С. О. Елишев // Ценности и смыслы. — 2011. — № 2 (11). — С. 82–96. — EDN NYGXHB.

8. Иванова, С. В. Аксиогенный потенциал прецедентных феноменов со сферой-источником «американская политика» / С. В. Иванова, Г. А. Вильданова, И. В. Кожухова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 3 (111). — С. 59–72. — EDN WWCDEW.

9. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — EDN UGQAMP.

10. Михневич, О. И. Образ президента Турции Р. Эрдогана в метафорическом зеркале российских СМИ: аксиологический аспект / О. И. Михневич // Политическая лингвистика. — 2025. — № 4. — С. 71–79. — EDN BGNEZR.

11. Муфазалова, Ю. С. Аксиологическая парадигма в современной лингвистике / Ю. С. Муфазалова // Заметки ученого. — 2021. — № 2. — С. 341–344. — EDN LGIIGT.

12. Никифорова, М. В. Лингвополитическая персонология: векторы развития / М. В. Никифорова, А. П. Чудинов // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. и круглого стола, Сочи, 09–11 апр. 2019 г. — Москва : Перо, 2019. — С. 117–123. — EDN UKZUSG.

13. Чудинов, А. П. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров / А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9. — № 1. — С. 14–31. — DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31. — EDN YVXKOU.

14. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. — 238 с. — EDN QCNXBJ.

15. Minsky, M. A framework for representing knowledge / M. Minsky // The psychology of computer vision. — New York : McGraw-Hill Book, 1975. — P. 211–277.

REFERENCES

1. Budaev, E. V. (2020). Vvedeniye v politicheskuyu lingvistiku: uchebnoye posobiye = Introduction to Political Linguistics: A Textbook. St. Petersburg: Scientific Technologies, 168 p.

2. Budaev, E. V., Afanasyeva, E. S. (2023). Aksiologicheskiy portret belorusskoy militsii v kommentariyakh k YouTube-kanalu Nexta = An Axiological Portrait of the Belarusian Militia in the Comments Published on the Nexta YouTube Channel. *Political Linguistics, 6,* 47–56. EDN WHKUZI.

3. Bukina, T. G., Kuteneva, T. A. (2024). Leksema *vaktsinatsiya* v sovremennom russkom yazyke: funktsionalno-aksiologicheskiy aspekt = The Lexeme *vaktsinatsiya* in the Modern Russian Language: A Functional-Axiological Aspect. *Political Linguistics, 3,* 49–59. EDN CRZDXE.

4. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000) = Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 238 p. EDN QCNXBJ.

5. Chudinov, A. P., Nakhimova, E. A., Nikiforova, M. V. (2018). Rossiyskaya lingvopoliticheskaya personologiya: issledovaniye diskursa politicheskikh liderov = Russian Linguopolitical Personology: A Study of Political Leaders' Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 9*(1), 14–31.

6. Elishev, S. O. (2011). Izucheniye ponyatiy "Tsennost", "Tsennostnyye oriyentatsii" v mezhdistsiplinarnom aspekte = The study of the concepts "Value", "Value orientations" in an interdisciplinary aspect. *Values and Meanings, 2*(11), 82–96. EDN NYGXHB.

7. Gavrilova, M. V. (2018). Rossiyskaya politicheskaya lingvistika: osnovnyye napravleniya i perspektivy razvitiya = Russian Political Linguistics: Main Directions and Prospects for Development. *Development Policy, the State and the World Order: Proceedings of the 8th All-Russian Congress of Political Scientists (Moscow, December 6—8, 2018)*, 122–123. Moscow: Aspekt Press.

8. Gibatova, G. F. (2011). Aksiologiya v yazyke = Axiology in language. *Bulletin of Orenburg State University, 2*(121), 127–132. EDN NMVBNT.

9. Ivanova, S. V., Vildanova, G. A., Kozhukhova, I. V. (2025). Aksiogennyy potentsial pretsedentnykh fenomenov so sferoy-istochnikom "amerikanskaya politika" = Axiogenic Potential of Precedent Phenomena from the Source Domain "American Politics". *Political Linguistics, 3*(111), 59–72. EDN WWCDEW.

10. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs = The linguistic circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 477 p. EDN UGQAMP.

11. Mikhnevich, O. I. (2025). Obraz prezidenta Turtsii R. Erdogana v metaforicheskom zerkale rossiyskikh SMI: aksiologicheskiy aspekt = The Image of the Turkish President R. Erdogan in Russian Media: An Axiological Aspect. *Political Linguistics, 4,* 71–79. EDN BGNEZR.

12. Mufazalova, Yu. S. (2021). Aksiologicheskaya paradigma v sovremennoy lingvistike = Axiological paradigm in modern linguistics. *Researcher's Notes, 2,* 341–344. EDN LGIIGT.

13. Nikiforova, M. V., Chudinov, A. P. (2019). Lingvopoliticheskaya personologiya: vektory razvitiya = Linguopolitical Personology: Vectors of Development. *Socio-Political and Historical-Cultural Aspects of the Current Geopolitical Situation: Proceedings of the 3rd International Scientific-Practical Conference and Round Table (Sochi, April 9—11, 2019),* 117–123. Moscow: Pero.

14. Vasilyeva, Yu. O., Kotsyubinskaya, L. V. (2025). Aksiologicheskaya sostavlyayushchaya mediaobraza Kitaya v kontekste politicheskoy konfrontatsii (na materiale amerikanskikh SMI) = The Axiological Constituent of the Media Image of China in the Context of Political Confrontation (On the Material of American Mass Media). *Political Linguistics, 1,* 46–53. EDN KPQICO.

15. Minsky, M. (1975). A framework for representing knowledge. *The psychology of computer vision,* 211–277. New York: McGraw-Hill Book.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.112.2'367.625+811.161.1'367.625+811.222.1'367.625
ББК Ш141.12-22+Ш143.24-22+Ш152.131.2-22 *ГРНТИ 16.21.39; 16.21.43* *Код ВАК 5.9.8*

Фариза Зохировна Саидова
Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан, fssaidova@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-3360-9969

Структурно-семантические особенности девербативных конструкций в системе разноструктурных языков

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена сопоставительному анализу структурно-семантических особенностей предложений, в которых позиции подлежащего или дополнения занимают отглагольные процессуальные существительные (девербативы). Исследование проводится на материале разноструктурных языков: немецкого, русского и таджикского. Эмпирическую базу исследования составила репрезентативная выборка контекстов, извлеченная из электронных национальных корпусов трех языков, что обеспечило достоверность и аутентичность анализируемого материала. Общий объем проанализированного материала составил более 1500 контекстуальных единиц, отобранных методом сплошной выборки по критерию наличия девербатива в позиции подлежащего или дополнения. Автор рассматривает данные конструкции как неизосемические модели, в которых лексическое значение процесса вступает во взаимодействие с категориальным значением синтаксической позиции. В работе выявляется влияние синтаксического статуса девербатива на семантическую организацию и коммуникативную функцию высказывания. Так, монопропозитивные предложения с девербативом-подлежащим представлены бытийными со значением существования или осуществления процесса или события и предложениями со значением характеризации процесса. Доказывается, что взаимодействие различных языковых аспектов при функционировании одной и той же лексической единицы в разных позициях является определяющим фактором в создании итогового смысла предложения. Несмотря на типологические различия немецкого, русского и таджикского языков, механизм взаимодействия формально-грамматического и семантического аспектов в неизосемических моделях демонстрирует общую закономерность: «свертывание» пропозиции в девербатив позволяет языковой системе более гибко и емко кодировать сложные смыслы. При этом специфика каждого языка проявляется в наборе морфосинтаксических средств, компенсирующих неизосемичность конструкции.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *девербатив, отглагольное существительное, подлежащее, дополнение, неизосемичность, синтаксическая деривация, семантическая структура предложения, сопоставительное языкознание, немецкий язык, русский язык, таджикский язык, девербативные конструкции, контекстуальные единицы.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Саидова Фариза Зохировна, преподаватель немецкого языка, кафедра романо-германских языков, Российско-Таджикский (Славянский) университет, г. Душанбе, Республика Таджикистан, email: fssaidova@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Саидова, Ф. З.* Структурно-семантические особенности девербативных конструкций в системе разноструктурных языков / Ф. З. Саидова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 199-206.

Fariza Z. Saidova
Russian-Tajik Slavonic University, Dushanbe, Tajikistan, fssaidova@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-3360-9969

Structural-Semantic Specificity of Deverbative Constructions in the System of Structurally Different Languages

ABSTRACT. *The paper deals with a comparative analysis of the structural-semantic features of sentences in which verbal procedural nouns (deverbatives) occupy the positions of the subject or object. The study is conducted on the material of structurally different languages: German, Russian and Tajik. The empirical research corpus consists of a representative sample of contexts extracted from the electronic national corpora of three languages, which ensured the reliability and authenticity of the material under analysis. The total volume of the analyzed material amounts to more than 1,500 contextual units, selected via the continuous sampling method according to the criterion of the presence of a deverbative in the position of the subject or object. The author considers these constructions as non-isosemic models in which the lexical meaning of the process interacts with the categorical meaning of the syntactic position. The paper reveals the influence of the syntactic status of the deverbative on the semantic organization and communicative function of the utterance. Thus, monopropositive sentences with a deverbative subject are represented by existential sentences with the meaning of existence or implementation of a process or event and sentences with the meaning of characterization of a process. The study argues that the interaction between different linguistic aspects in sentences, in which the same lexical unit functions in different syntactic positions, is a determining factor in creating the final meaning of the sentence. Despite the typological differences between German, Russian, and Tajik, the mechanism of interaction between the formal-grammatical and semantic aspects in non-isosemic models demonstrates a common pattern: the "folding" of a proposition into a deverbative allows the language system to encode complex meanings more flexibly and succinctly. At the same time, the specificity of each language is manifested in a set of morphosyntactic means that compensate for the non-isosemic nature of the construction.*

© Саидова Ф. З., 2026

KEYWORDS: *deverbative, verbal noun, subject, object, non-isosemic nature, syntactic derivation, semantic structure of the sentence, comparative linguistics, German language, Russian language, Tajik language, deverbative constructions, contextual units.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Saidova Fariza Zokhirovna, Senior Lecturer of German Language, Department of Romance and Germanic Languages, Russian-Tajik Slavonic University, Dushanbe, Tajikistan, email: fssaidova@mail.ru.*

FOR CITATION: *Saidova F. Z.* (2026). Structural-Semantic Specificity of Deverbative Constructions in the System of Structurally Different Languages. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 199-206. (In Russ.).

Теоретико-методологическая база исследования статьи сформирована на основе синтеза классических и современных концепций в области общего, сопоставительного и частного языкознания. В основу работы легли следующие научные подходы.

Исследование опирается на положения о многомерности синтаксической структуры, разработанные В. А. Белошапковой [Белошапкова 1977], и теорию семантической структуры предложения И. П. Сусова [Сусов 1973]. Важное значение для анализа «смысла» высказывания имеют идеи В. М. Солнцева [Солнцев 1976] о глубинных структурах и порождении смысла, а также подход Н. Н. Арват [Арват 1975] к изучению лексического наполнения структурных схем предложения, что позволяет связать лексическую семантику девербатива с его синтаксической ролью. Методология сравнительного анализа немецкого и русского языков базируется на трудах Б. А. Абрамова [Абрамов 1999], в которых заложены принципы сопоставительной типологии грамматических систем. Теоретический фундамент описания немецкого языка составили работы Г. Хельбига и Й. Буши [Helbig, Buscha 1976] (функциональная грамматика), а также исследования В. Хартунга [Hartung 1971] в области грамматики немецкого предложения.

Современный взгляд на эволюцию и типологию номинализаций (девербативов) представлен концепцией Ст. Хартманна [Hartmann 2014], рассматривающего диахронические изменения моделей номинализации.

Базовым компонентом исследования таджикского материала послужили труды Ш. Рустамова [Рустамов 1972], определившие систему морфологических категорий имени существительного и закономерности словообразования в таджикском языке. Терминологический и деривационный анализ дополняется работами С. Хоркашева [Хоркашев 2010] и У. Сулаймона [Сулаймон 2006], посвященными вопросам калимасози (словообразования) и лингвистической терминологии. В качестве эмпирического материала и примеров узкоспециальной лексики учтены исследования Р. Сангиновой [Сангинова 2005].

Таким образом, использование комплексного подхода, сочетающего методы семантического, структурного и сопоставительного анализа, позволило автору детально изучить функционирование девербативов в трех разноструктурных языковых системах.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу исследования составила репрезентативная выборка контекстов, извлеченная из электронных национальных корпусов трех языков, что обеспечило достоверность и аутентичность анализируемого материала. В частности, источниками послужили:

– Национальный корпус русского языка (https://ruscorpora.ru/) — использовался для анализа функционирования отглагольных имен в различных функциональных стилях современного русского языка, включая художественные, публицистические и научные тексты;

– Национальный корпус таджикского языка (http://tajik-corpus.org/) — послужил основным источником примеров современного таджикского литературного языка, позволив выявить специфику синтаксического употребления девербативов в таджикской лингвистической традиции;

– Мангеймский корпус немецкого языка (Deutsches Referenzkorpus — DeReKo), базирующийся в Институте немецкого языка (IDS Mannheim, http://www.ids-mannheim.de/) — крупнейшее собрание текстов, на материале которого исследовались особенности синтаксической деривации и функционирования имен действия в немецком языке.

Общий объем проанализированного материала составил более 1500 контекстуальных единиц, отобранных методом сплошной выборки по критерию наличия девербатива в позиции подлежащего или дополнения.

В данной статье рассматриваются предложения в немецком, русском и таджикском языках, в которых девербативы (имена существительные, образованные от глаголов) выполняют функции подлежащего и дополнения. Анализируются структурные особенности данных предложений, их семантика и синтаксические связи.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что проблемы лингвистики текста выдвинулись в настоящее вре-

мя на передний план, предложение продолжает оставаться главным объектом лингвистической теории. Признание предложения сложной, многоаспектной единицей обусловило правомерность разных подходов к изучению предложения, каждый из которых оказался достаточно плодотворным. Выделение отдельных уровней (аспектов) предложения — формально-структурного, семантического, коммуникативного — и изучение предложения в одном из этих аспектов позволили глубже проникнуть в сущность предложения, осознать исключительную сложность этой единицы.

В настоящее время перед лингвистами встала новая задача вскрыть процессы взаимодействия уровней (аспектов) предложения в создании смысла предложения, его семантического содержания, включающего когнитивный и коммуникативный компоненты. От указаний на необходимость синтезирующего описания предложения современная лингвистика перешла к решению этой задачи. Появились общетеоретические работы, в которых рассматривается вопрос о соотношении семантической и формальной сторон предложения [Абрамов 1999: 23; Арват 1975: 15], членов предложения и семантических актантов [Солнцев 1976: 45]. Вместе с тем значительный интерес представляет анализ конкретных разновидностей соотношения между формально-грамматическим и семантическим аспектами предложения.

В настоящей работе взаимодействие формально-грамматического и семантического аспектов рассматривается на примере предложений, в которых в качестве подлежащего или в качестве дополнения выступают отглагольные процессуальные существительные. В таких предложениях девербатив, сохраняя процессуальное значение глагола, занимает вследствие синтаксической деривации позиции, присущие существительным с конкретно-предметным значением. Модель таких предложений является неизосемической, так как в них категориально-семантическое значение лексических единиц не соответствует категориальному значению синтаксических позиций, которые они занимают. Благодаря неизосемичности взаимодействие разных аспектов в подобных предложениях проявляется более выпукло, ярко, чем в изосемических моделях, где уровни изоморфно соотнесены.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

При сопоставлении предложений с девербативом-подлежащим и девербативом-дополнением исходными для нас являются два момента: различие синтаксических позиций и одинаковость категориально-лексического значения языковых единиц при их заполнении. При таком ракурсе рассмотрения мы имеем возможность выявить, как взаимодействуют различные языковые средства при отражении неязыкового содержания, как позиция девербатива влияет на семантическую структуру предложения, как взаимодействие различных аспектов при функционировании одной и той же лексической единицы в предложении — ее синтаксический статус, ее роль в семантической организации предложения, а также ее коммуникативная функция — влияют на структуру и семантическую организацию предложения в целом, а в конечном итоге на создание смысла предложения.

Отсутствие изосемии между синтаксической и семантической структурами предложения и, соответственно, между семантической ролью и синтаксическим статусом лексической единицы в предложении делает необходимым описание данных структур в терминах компонентов, специфичных для каждого из аспектов. Так, понятие синтаксической позиции [Сусов 1973: 23] позволяет определять члены предложения только на основании собственно синтаксических критериев (функциональных и дистрибутивных), независимо от роли, выполняемой в семантической структуре предложения [Белошапкова 1977: 132]. Семантическая структура предложения, а также семантическая роль его компонентов интерпретируются в терминах семантических компонентов предложения. Данные два ряда терминов используются нами при интерпретации предложений с девербативом в позиции подлежащего и в позиции дополнения.

Предикатная (пропозитивная) семантика девербатива обуславливает наличие общих черт, присущих как предложениям с девербативом-подлежащим, так и предложениям с девербативом-дополнением. Для тех и других характерно семантическое усложнение формально простой структуры, наличие сдвига между семантической и синтаксической структурами, а также семантические ограничения на лексическое заполнение остальных синтаксических позиций предложения. Однако предложения с девербативом-подлежащим и девербативом-дополнением существенно различаются как по своей общей семантике, так и по характеру и степени сдвига между его семантической и синтаксической структурами.

Покажем это различие на примере монопропозитивных предложений. Под монопропозитивными предложениями мы понимаем

предложения, в семантическую структуру которых входит только одна пропозиция и, следовательно, только один семантический предикат. Единственным семантическим предикатом, представляющим собой ядро пропозиции, в данных монопропозитивных предложениях выступает девербатив.

Одно из существенных различий анализируемых структур состоит в различии видов предложений, в состав которых может входить девербатив-подлежащее и девербатив-дополнение. Монопропозитивные предложения с девербативом-подлежащим представлены следующими основными семантическими видами предложений: *бытийными со значением бытия или осуществления процесса или события и предложениями со значением характеризации процесса* в их многочисленных разновидностях. В синтаксической структуре бытийных предложений сказуемое всегда является простым глагольным, в то время как для синтаксической структуры предложений со значением характеризации более типичным является составное именное сказуемое, хотя возможно и глагольное. Рассмотрим подробнее каждый из названных видов предложений с девербативом-подлежащим в немецком и русском языках.

Материал для исследования был выбран из произведений художественной литературы и периодических изданий на немецком и русском языках.

В бытийных предложениях утверждается осуществление процесса или события, как правило, в связи с его локализацией в пространстве и/или времени.

Например:

*Wieder **Schüsse** in Serbien: Mindestens acht Tote — Polizei fasst Täter. — В Сербии снова произошла стрельба: по меньшей мере восемь человек погибли — полиция задержала преступников* [Мангеймский корпус].

Данное предложение является бытийным в соответствии с предложенным определением, поскольку оно утверждает осуществление события (стрельбы) в определенном месте (Сербии). Однако это нетипичный пример бытийного предложения, характеризующийся высокой информационной насыщенностью и использованием специфических синтаксических средств для объединения нескольких связанных сообщений.

*Nach dem **Angriff** mit acht Toten nahe Belgrad hat die Polizei den mutmaßlichen Täter festgenommen. Die **Festnahme** erfolgte in der Stadt Kragujevac in Zentralserbien rund 100 Kilometer vom Tatort entfernt, wie das staatliche Fernsehen RTS und die staatliche Nachrichtenagentur Tanjug unter Berufung auf eigene Quellen am Freitagmorgen berichteten. — После нападения, в результате которого восемь человек погибли недалеко от Белграда, полиция задержала предполагаемого преступника* [Мангеймский корпус].

В данном фрагменте текста на немецком языке отглагольными существительными (ОГС) являются: *Angriff* (нападение) — образовано от глагола *angreifen* (нападать). Хотя суффикса как такового нет, можно считать, что это слово образовано путем усечения основы глагола, и оно стало существительным. *Festnahme* (арест, задержание) — образовано от глагола *festnehmen* (арестовывать, задерживать). Здесь используется словосложение: *fest* (твердый, крепкий) + *Nahme* (взятие). *Nahme* является отглагольным существительным от *nehmen* (брать).

В русском переводе отглагольным существительным является только одно слово: *нападения* (в «После нападения...») — образовано от глагола *нападать* с помощью суффикса *-ени(j)-*.

В немецком языке отглагольные существительные часто образуются путем добавления приставок и суффиксов к глагольным основам, но в некоторых случаях (как с *Angriff*) происходит усечение основы.

В русском переводе не всегда удается сохранить отглагольные существительные из оригинала, так как в русском языке могут использоваться другие синтаксические конструкции для передачи того же смысла.

*Der Mann, der am Donnerstagabend auf eine Gruppe Menschen nahe Belgrad geschossen hatte, ist auf **der Flucht**. In früheren Meldungen hatte es geheißen, dass der Täter von der Polizei ausfindig gemacht und umstellt worden sei. Mit einem Großaufgebot fahndet die Polizei in Serbien nach dem 21-jährigen Täter, der in einem Dorf acht Menschen getötet hat. — Мужчина, который в четверг вечером застрелил группу людей недалеко от Белграда, находится в бегах. В предыдущих сообщениях говорилось, что преступник был обнаружен полицией и окружен. Полиция Сербии проводит расследование в отношении 21-летнего преступника, который убил восемь человек в деревне* [Мангеймский корпус].

В данном фрагменте текста на немецком языке отглагольными существительными (ОГС) является: *Flucht* (бегство, побег) — образовано от глагола *fliehen* (бежать, спасаться бегством).

В русском переводе отглагольных существительных нет.

***Flucht*:** *Der Mann, der am Donnerstagabend auf eine Gruppe Menschen nahe Bel-*

grad geschossen hatte, ist auf der Flucht. — Мужчина, который в четверг вечером застрелил группу людей недалеко от Белграда, находится в бегах [Мангеймский корпус].

Flucht обозначает состояние или процесс бегства; образовано от глагола *fliehen*. Другие слова, такие как *Meldungen* (сообщения), хотя и связаны с глаголом *melden* (сообщать), обозначают результат действия, а не сам процесс. Поэтому мы не включаем их в список ОГС. Слово *Großaufgebot* (большое количество сил), хотя и состоит из частей, которые могут быть связаны с глаголами, само по себе является сложным существительным, обозначающим предмет, а не процесс (*aufbieten — созывать, выставлять*).

Таким образом, в данном фрагменте текста только одно слово является отглагольным существительным: *Flucht.*

Ниже представлены примеры предложений с отглагольными существительными (ОГС), которые утверждают осуществление процесса или события, с локализацией в пространстве и/или времени в русском языке. Примеры взяты из художественной литературы и СМИ, и каждый из них будет проанализирован в соответствии с указанными критериями.

Пример 1: *В саду началось цветение яблонь, и воздух наполнился сладким ароматом* [НКРЯ]. ОГС: цветение (от *цвести*). Подтверждается факт осуществления *процесса цветения*. Локализация в пространстве: *В саду* (указание места, где происходит *цветение*). Локализация во времени: неявная, но подразумевается настоящее время (*началось*). Предложение полностью соответствует критериям бытийного, поскольку констатирует факт *цветения*, локализованный в определенном месте.

Пример 2: *В его душе происходила мучительная борьба между долгом и желанием* [НКРЯ]. ОГС: *борьба* (от *бороться*). Подтверждается факт осуществления процесса *борьбы*. Локализация в пространстве: *В его душе* (внутреннее пространство). Локализация во времени: неявная, но подразумевается продолжительное время (происходила). Предложение соответствует критериям бытийного, поскольку утверждает наличие внутреннего процесса, локализованного в сознании персонажа.

Пример 3: (СМИ): *В регионе продолжается активное строительство новых жилых комплексов* [НКРЯ]. ОГС: *строительство* (от *строить)*. Подтверждается факт осуществления процесса строительства. Локализация в пространстве: *В регионе* (указание места, где происходит строительство). Локализация во времени: *продолжается* (указание на длительность процесса). Предложение соответствует критериям бытийного, поскольку сообщает о текущем процессе *строительства*, локализованном в определенном регионе.

Приведенные примеры из художественной литературы и СМИ на немецком и русском языках демонстрируют, что отглагольные существительные часто используются в бытийных предложениях для утверждения осуществления процессов или событий, с указанием на их локализацию в пространстве и/или времени. Это позволяет авторам кратко и эффективно передавать информацию о происходящих изменениях, событиях и состояниях.

Предложения с ОГС в обоих типах текстов выполняют функцию констатации факта, но в художественной литературе акцент делается на создании образа и передаче эмоционального состояния, а в СМИ — на точной и оперативной передаче информации о событиях и явлениях.

Рассмотрим бытийные предложения на материале таджикского языка. Следующее предложение: «*Дар кӯча кӯдакон бозӣ доранд*» [НКТЯ] — является характерным образцом бытийного предложения в таджикском языке, утверждающего факт осуществления процесса или события в определенном пространственно-временном контексте.

Элемент *Дар кӯча* (на улице) представляет собой обстоятельство места, выраженное предложной конструкцией (*дар* — предлог места + *кӯча* — существительное «улица»). Этот элемент выполняет функцию локализатора, четко указывая на место, где происходит событие. Его наличие является ключевым для бытийных предложений, поскольку бытие чего-либо или осуществление процесса часто мыслится как привязанное к определенному месту или времени.

Глагольная конструкция *бозӣ доранд* (играют) описывает осуществляющийся процесс. Здесь *бозӣ* (игра) — отглагольное существительное, обозначающее действие, а *доранд* (имеют, обладают) — вспомогательный глагол, который в сочетании с отглагольным существительным формирует аналитическое сказуемое, обозначающее длительное или повторяющееся действие. Именно эта конструкция утверждает сам факт осуществления процесса. *Кӯдакон* (дети) — это субъект, который является носителем данного процесса, непосредственно участвующим в его осуществлении.

Семантическая и синтаксическая структура характерна для бытийного предложения. Утверждение бытия/осуществления —

основная функция этого предложения — не описание качеств детей или улицы, а констатация факта того, что процесс игры происходит, и его локализации. Зачастую, как и в данном примере, локализатор (*дар кӯча*) вынесен в начало предложения, выполняя функцию темы (известной информации или контекста), на фоне которой утверждается новое (рематическое) сообщение о происходящем. *Доштан* как маркер бытия/наличия: вспомогательный глагол *доштан* (иметь) в таджикском языке часто используется в бытийных конструкциях для выражения наличия чего-либо или осуществления процесса, что функционально сближает его с глаголом «быть» в других языках, но с оттенком «обладания» или «имения» данного состояния/действия.

Предложение *Дар кӯча кӯдакон бозӣ доранд* наглядно иллюстрирует модель бытийного предложения в таджикском языке, где утверждается осуществление процесса (*бозӣ доранд*) субъектом (*кӯдакон*) в конкретной пространственной локализации (*дар кӯча*). Это подтверждает, что в таджикском языке бытийные конструкции активно используют средства локализации и глаголы наличия/обладания для выражения факта существования или совершения события.

Пример из СМИ.

Дар вилояти Суғд якчанд ҳодисаи ғайриқонунӣ ба қайд гирифта шуд. — *В Согдийской области было зарегистрировано несколько противоправных происшествий/инцидентов* [НКТЯ].

Данное предложение: *Дар вилояти Суғд якчанд ҳодисаи ғайриқонунӣ ба қайд гирифта шуд* — является ярким примером бытийного предложения, характерного для информационных сообщений в таджикских СМИ. Оно утверждает факт осуществления события (регистрация инцидентов) или существования ситуации (наличие инцидентов) в определенной пространственной локализации.

Элемент *Дар вилояти Суғд* (в Согдийской области) представляет собой обстоятельство места, выраженное предложной конструкцией (*дар* — предлог «в» + *вилояти Суғд* — имя собственное «Согдийская область»). Этот компонент функционирует как локализатор, четко определяя пространственные рамки, в которых утверждается бытие или осуществление события. В новостном дискурсе он часто выносится в начало предложения, выполняя роль темы или заданной информации, на фоне которой сообщается о новом событии.

Основное событие представлено именной группой *якчанд ҳодисаи ғайриқонунӣ* (несколько незаконных происшествий/инцидентов). Это является тем, что «было» или «зарегистрировалось». Предикативная группа *ба қайд гирифта шуд* (*было зарегистрировано*) выражает сам факт осуществления процесса регистрации или констатации наличия событий. Глагол *гирифта шуд* — это форма пассивного залога от *гирифтан* (*брать*), усиленная *шудан* (*становиться/быть*), что означает «быть взятым на учет», «быть зарегистрированным». Именно эта конструкция утверждает бытие или осуществление указанных событий.

Центральная функция этого предложения — констатация факта происшествий и их регистрации, а не описание их деталей или характеристик. Фокус делается на самом наличии и факте регистрации этих событий. Хотя глагол стоит в пассивной форме, подразумевается, что регистрация произведена соответствующими органами (полицией, прокуратурой), но сам агенс эксплицитно не называется, что типично для новостного стиля, где важен сам факт, а не его непосредственный исполнитель. В СМИ локализатор часто является ключевым для ориентирования читателя/слушателя, неся значительную информативную нагрузку и служа как тематическая рамка для последующего рематического сообщения о событии.

Данный пример из таджикских СМИ наглядно иллюстрирует, как бытийные предложения утверждают осуществление событий (*якчанд ҳодисаи ғайриқонунӣ*) через констатацию их факта (*ба қайд гирифта шуд*) в конкретной пространственной локализации (*Дар вилояти Суғд*). Это подчеркивает роль бытийных конструкций в информационном дискурсе для передачи фактических данных о происходящих явлениях, привязанных к пространственно-временным координатам.

Бытийные предложения наиболее отчетливо демонстрируют несоответствие семантической и синтаксической структур. Семантически одночленная структура таких предложений представлена в формально-грамматической структуре двумя синтаксическими позициями: семантический предикат, обозначая процесс, является подлежащим, а в позиции сказуемого выступает глагол, который в лингвистической литературе характеризуется как глагол-предикатор, так как его функция состоит в предикации «опредмеченного» действия, т. е. в выражении временных и модальных значений. Однако глагол-предикатор не функционирует исключительно как грамматическое средство оформления предикативности, о чем свидетельствует отсутствие делексикализованных глаголов, которые специализировались бы в этой функции.

ВЫВОДЫ

Проведенный сопоставительный анализ предложений с девербативом в позициях подлежащего и дополнения в немецком, русском и таджикском языках позволяет сделать следующие выводы.

Установлено, что использование отглагольных процессуальных существительных в роли главных или второстепенных членов предложения порождает неизосемические модели. В таких структурах наблюдается преднамеренный разрыв между динамическим категориально-лексическим значением девербатива (процесс) и статичным категориальным значением синтаксической позиции (предметность).

Доказано, что синтаксический статус девербатива (субъект или объект) является определяющим фактором в формировании семантической структуры высказывания. Позиция подлежащего в сопоставляемых языках способствует актуализации событийного компонента как логического субъекта, в то время как позиция дополнения смещает акцент на объектную детерминацию действия, что существенным образом влияет на коммуникативную организацию предложения.

Несмотря на типологические различия немецкого, русского и таджикского языков, механизм взаимодействия формально-грамматического и семантического аспектов в неизосемических моделях демонстрирует общую закономерность: «свертывание» пропозиции в девербатив позволяет языковой системе более гибко и емко кодировать сложные смыслы. При этом специфика каждого языка проявляется в наборе морфосинтаксических средств, компенсирующих неизосемичность конструкции.

Взаимодействие различных языковых уровней при функционировании одной и той же лексической единицы в разных позициях служит мощным инструментом создания смысла предложения. Это доказывает, что смысл высказывания не является простой суммой значений его компонентов, а возникает в результате сложного взаимодействия лексической семантики девербатива, его синтаксической функции и коммуникативной значимости.

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный корпус русского языка. — URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 20.10.2025).

2. Национальный корпус таджикского языка. — URL: http://tajik-corpus.org/ (дата обращения: 10.03.2025).

3. Мангеймский корпус немецкого языка. — URL: http://www.ids-mannheim.de/ (дата обращения: 05.10. 2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов, Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка: сопоставительная типология немецкого и русского языков / Б. А. Абрамов. — Москва : Владос, 1999. — 286 с. — ISBN 5-691-00333-X.

2. Арват, Н. Н. Об аспекте лексического наполнения структурной схемы предложения / Н. Н. Арват // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. — Ленинград : Наука, 1975.

3. Белошапкова, В. А. Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкова. — Москва : Высшая школа, 1977. — 248 с.

4. Маджидов, Х. Архаичные элементы в структуре слов и устойчивых сочетаний таджикского языка / Х. Маджидов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. — 2017. — № 4-1. — С. 3–13. — EDN ZAXYMZ.

5. Солнцев, В. М. К вопросу о глубинной структуре и порождении смысла предложения / В. М. Солнцев // Теория языка. Англистика. Кельтология. — Москва : Наука, 1976. — С. 114–125.

6. Сусов, И. П. Семантическая структура предложения / И. П. Сусов. — Тула : Тульск. гос. пед. ин-т, 1973. — 141 с.

7. Рустамов, Ш. Исм (категорияхои грамматикӣ, калимасозӣ ва мавқеи ИСМ дар системаи хассаҳои нутқ) / Ш. Рустамов ; Академияи Фанҳои РСС Тоҷикистон. — Душанбе : Дониш, 1981. — 218 с.

8. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Ш. Рустамов. — Душанбе : Дониш, 1972. — 80 с.

9. Сангинова Р. Истилохоти сохаи богдорӣ дар лахчаи Конибодом = Садоводческие термины в канибадамском говоре таджикского языка / Р. Сангинова // Суханвар (мачмуаи илмӣ) = Научный сборник / кафедра таджикского языка ТГПУ им. Садриддина Айни. — Душанбе, 2005. — С. 98–105.

10. Сулаймон, У. Фарханги истилохоти забоншиносӣ / У. Сулаймон. — Душанбе, 2006. — 67 с.

11. Хоркашев, С. Истилохоти калимасозӣ / С. Хоркашев. — Душанбе : Дониш, 2010.

12. Hartmann, S. The diachronic change of German nominalization patterns: An increase in prototypicality / Stefan Hartmann // Selected Papers from the 4th UK Cognitive Linguistics Conference. — 2014. — P. 52–171.

13. Hartung, W. Studia grammatica. Die Zusammengesetzten Sätze des Deutschen / W. Hartung. — Berlin, 1971. — 221 S.

14. Helbig, G. Kurze deutsche Grammatik für Ausländer / G. Helbig, J. Buscha. — Leipzig : Enzyklopaedie, 1976.

MATERIALS

1. National Corpus of the Russian Language (n.d.). Available at Oct. 20, 2025 from https://ruscorpora.ru/.

2. National Corpus of the Tajik Language (n.d.). Available at March 10, 2025 from http://tajik-corpus.org/.

3. Mannheim Corpus of the German Language (n.d.). Available at Oct. 5, 2025 from http://www.ids-mannheim.de/.

REFERENCES

1. Abramov, B. A. (1999). Teoreticheskaya grammatika nemeckogo yazyka: Sopostavitel'naya tipologiya nemeckogo i russkogo yazykov = Theoretical grammar of the German language: Comparative typology of German and Russian languages. Moscow: Flinta, 123 p.

2. Arvat, N. N. (1975). Ob aspekte leksicheskogo napolneniya strukturnoj skhemy predlozheniya = On the aspect of lexical content of the structural scheme of a sentence. *In: Theoretical problems of syntax of modern Indo-European languages*. Leningrad: Science.

3. Beloshapkova, V. A. (1977). Sovremennyj russkij yazyk. Sintaksis = Modern Russian language. Syntax. Moscow: Higher School, 248 p.

4. Madzhidov, H. (2017). Arhaichnye elementy v strukture slov i ustojchivyh sochetanij tadzhikskogo yazyka = Archaic elements in the structure of words and stable combinations of the Tajik language. *Bulletin of Tajik National University. Series of Philological Sciences*, *3*, 3–13.

5. Solncev, V. M. (1976). K voprosu o glubinnoj strukture i porozhdenii smysla predlozheniya = On the issue of the deep structure and generation of the meaning of a sentence. *Theory of Language. English studies. Celtology*, 114–125.

6. Susov, I. P. (1973). Semanticheskaya struktura predlozhe-

niya = Semantic structure of a sentence. Tula, 141 p.

7. Rustamov, Sh. (1981). Ism = Noun. Dushanbe: Donish.

8. Rustamov, Sh. (1972). Kalimasozii ism dar zaboni adabii hozirai tocik = Noun formation in the modern Tajik literary language. Dushanbe: Donish, 80 p.

9. Sanginova, R. (2005). Istilohoti sohai bogdorj dar lahchai Konibodom = In horticulture, horticultural terms are found in Konibadamsky lakhche. *Speaker (scientific collection)*, 98–105. Dushanbe.

10. Sulajmon, U. (2006). Farhangi istilohoti zabonshinosj = Culture of linguistic terms. Dushanbe, 67 p.

11. Horkashev, S. (2010). Istilohoti kalimasozj = Word formation of terms. Dushanbe: Donish, 2010.

12. Hartmann, St. (2014). The diachronic change of German nominalization patterns. An increase in prototypicality. *Selected Papers from the 4th UK Cognitive Linguistics Conference*, 52–171.

13. Hartung, W. (1971). Studia Grammatica. Die zusammengesetzten Sätze des Deutschen. Berlin, 221 S.

14. Helbig, G., Buscha, J. (1976). Kurze deutsche Grammatik für Ausländer. — Leipzig: Enzyklopaedie.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.581`373.6+811.161.1`373.6
ББК Ш171.1-323+Ш141.12-323 *ГРНТИ 16.21.25* *Код ВАК 5.9.8*

Цзюй Хайна[1]✉, Любовь Леонидовна Крючкова[2]✉

[1] Чжэцзянский океанический университет, Чжоушань, Китай, 509871631@qq.com✉
[2] Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия, llrr@mail.ru✉, SPIN-код: 8878-3876

У истоков слова *хунхуз*

АННОТАЦИЯ. *Хунхузы — члены организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), а также на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии во второй половине XIX века до победы народной революции в Китае в 1949 году. Существовало множество объяснений происхождения слова, но его история оставалась не до конца исследованной. С привлечением китайских источников, и в частности, труда Сюй Кэ, нам удалось установить, что слово* ***рыжий*** *(красный) появилось под влиянием фольклорного персонажа уйгуров «Рыжая борода» (红胡子), до сих пор фигурирующего в театральных постановках. Рыжая борода — это мифологический антигерой, олицетворяющий разрушительные силы природы. Образ возник в XV–XVIII веках, когда кочевые племена сталкивались с набегами разбойников и суровыми условиями жизни в степях. Образ многозначен, и в фольклоре мог служить олицетворением степного урагана. Слово хунхузы — транслитерация маньчжурского хунхуцзы («краснобородые»), которая пришла через маньчжурские хроники как китайский собирательный образ (红胡子 / hóng hú zi) для северных кочевников. Рыжебородыми, как можно предположить, стали называть и бандитов, действовавших на территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *этимология, лексикография, китайские источники, заимствование слов, разбойничество, хунхуз, транслитерация, история русского языка, история китайского языка, лексикология русского языка, лексикология китайского языка.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Цзюй Хайна, кандидат филологических наук, Чжэцзянский океанический университет, Чжоушань, провинция Чжэцзян, Китай, email: 509871631@qq.com.*

Крючкова Любовь Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия, email: llrr@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Цзюй, Х.* У истоков слова *хунхуз* / Цзюй Хайна, Л. Л. Крючкова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 207-212.

Ju Haina[1]✉, Lyubov′ L. Kryuchkova[2]✉

[1] Zhejiang Ocean University, Zhoushan, China, 509871631@qq.com✉
[2] Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia, llrr@mail.ru✉, SPIN code: 8878-3876

Tracing the Origins of the Word "*Khunkhuz*"

ABSTRACT. *The Khunkhuz were members of organized gangs that operated in Northeast China (Manchuria) as well as in adjacent territories of the Russian Far East, Korea, and Mongolia from the second half of the 19th century until the victory of the people's revolution in China in 1949. Numerous explanations of the origin of the term have existed, yet its history remained incompletely studied. By drawing on Chinese sources, and specifically the work by Xu Ke, the authors have found that the term "red/ginger-haired" emerged under the influence of the Uyghur folklore character "Red Beard" (红胡子). Red Beard is a mythological anti-hero embodying the devastating forces of nature. The image originated in the 15th-18th centuries, when nomadic tribes faced robber raids and harsh living conditions in the steppes. The image is multifaceted, and in folklore it could serve as the personification of a steppe hurricane. The term khunkhuz is a transliteration from the Manchu khunkhutsi – "red-bearded" – which originated through Manchu chronicles as a Chinese collective image (红胡子 hóng hú zi) for northern nomads. It can be inferred that the term "red-bearded" also came to refer to bandits operating in the territories of the Russian Far East, Korea, and Mongolia.*

KEYWORDS: *etymology, lexicography, Chinese sources, word borrowing, robbery, khunkhuz, transliteration, History of the Russian language, History of the Chinese language, Russian lexicology, Chinese lexicology.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ju Haina, Zhejiang Ocean University, Zhoushan, Zhejiang Province, China.*

Kryuchkova Lyubov' Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.

FOR CITATION: *Ju Haina, Kryuchkova L. L.* (2026). Tracing the Origins of the Word "*Khunkhuz*". In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 207-212. (In Russ.).

В русском языке имеется слово *хунхузы*, которое считается заимствованием из китайского языка.

В словарях русского литературного языка оно дается в значении: «*хунхузы* — члены организованных банд, действовавших в Се-

© Цзюй Хайна, Крючкова Л. Л., 2026

веро-Восточном Китае (Маньчжурии), а также на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии во второй половине XIX века до победы народной революции в Китае в 1949 году» [МАС 1999 : т. 4, с. 631].

В диалектных словарях имеются его вариантные формы. Например, в «Словаре русских говоров Приамурья» *фанфуз, фунфуз* — ‘разбойник, грабитель, хунхуз’ [АС-2: с. 476]. В «Словаре русских диалектов Сибири» А. Е. Аникина отмечены и иные значения: ‘профессиональный китайский разбойник’, ‘хунгузские банды’; ‘как ругательство: хунгус ты проклятый’ [Аникин 2000: 627].

В работе Ши Ся [Ши Ся 2007] почему-то слово *хунхуз* названо экстремистским, хотя разбойничество как социальное явление было известно у многих народов. Достаточно вспомнить башибузуков, которые были солдатами нерегулярных конных частей турецкого войска, существовавших в XVIII и XIX вв., а впоследствии за ненадобностью службы превратились в разбойников, головорезов [МАС: т. 1, с. 66]; или волжских ушкуйников — вольных людей, членов вооруженной дружины, которая снаряжалась новгородскими боярами и купцами (в XIV—XV вв.) для набегов и торгового промысла на Волге и Каме [МАС: т. 4, с. 545], а впоследствии ставших обыкновенными разбойниками; или мехачинов — разбойников, грабителей, головорезов, известных на территории Бурятии в XVII веке [Аникин 2000: 386].

Если история названных нами слов не вызывает сомнений (она описана в этимологических словарях), то этимология слова *хунхуз,* традиционно считающегося заимствованием из китайского языка, требует уточнений, несмотря на то что в русской истории и этнографии существует достаточно много работ, освещающих такое явление, как хунхузничество [см., например: Г. Т. Муров 1901; М. А. Соковнин 1903; В. Н. Кондратьев 1908; В. К. Арсеньев 1914; Г. А. Сухачева 1992, 2008; Д. В. Ершов 2010 и др.].

В значении ‘борода, усы’ оно вошло в «Этимологический словарь русских диалектов Сибири» А. Е. Аникина: «кит. хунхуцзы ‘хунхуз’, ср. хуцзы ‘борода, усы’ [Аникин 2000: 627]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера слово *хунхуз* объясняется как заимствование из китайского языка «hung-hu-tzu буквально ‘краснобородый’» [Фасмер 2003: 4, 284].

Цель данной статьи — сделать исторический, культурологический комментарий с привлечением китайских источников, чтобы внести некоторые уточнения в историю слова *хунхуз*.

Китайский исследователь истории «разбойничества» в Китае Сюй Кэ писал, что деятельность хунхузов впервые упоминается в период правления императора Сяньфэна (1851—1861) в приграничных районах Северо-Востока. Активная фаза пришлась на годы правления Гуансюя (1875—1908), особенно после Японско-китайской войны (1894). Появление хунхузов связано с отменой цинской политики «запретных территорий» и резким увеличением миграции из внутренних районов Китая. Пик активности пришелся на период Русско-японской войны 1904—1905 годов. Окончательно с хунхузами было покончено в 1947 году после китайской революции [Сюй Кэ 1916: 112].

Слово *хунхуз* употреблялось как узкоспециальный термин как для маньчжурских/китайских повстанцев периода Цин, так и для участников «боксёрского восстания» и даже для антияпонских партизан (в некоторых контекстах).

Хунхузы были настоящим бедствием для Приморского края, о чем писал этнограф, географ-краевед, путешественник и натуралист, писатель, всю свою жизнь посвятивший изучению Дальнего Востока, В. К. Арсеньев: «Не будет преувеличением утверждать, что на территории Российской империи любимым местом хунхузов всегда был Уссурийский край» <…> «Неся с собою смерть и ужас, шайки их бродят повсюду, нападая то на русские, то на китайские поселения. Везде, где околонизовались манзы (название китайцев в Приморье и в Уссурийском крае — *Ц. Х., Л. К.*), есть хунхузы, и — чем больше китайцев, тем больше хунхузов!» [Арсеньев 1914: 155]. Точное время их появления в Приморском крае установить трудно. Известно, что 1906 и 1907 годы были особенно беспокойными. Китайских разбойников в Уссурийском крае В. К. Арсеньев делил на две категории: 1) хунхузские шайки, приходящие из Маньчжурии, и 2) местные хунхузы [Арсеньев 2014: 154—155]. Их поддерживало местное население: тех, кто выдал хунхуза, ждала мучительная смерть от руки мстителя. На территории российского Дальнего Востока хунхузы гораздо охотнее нападали на своих соотечественников и представителей малых народов. Но и русское население Приамурья и Приморья также не было застраховано от хунхузских набегов [см.: Арсеньев 1914: 160—164].

Одни считали их «страшными китайскими разбойниками» [Ершов 2010: 4], другие — вполне благородными, смелыми, организованными. Вот что о них писал военный офи-

цер, служивший в конце XIX века в Северо-Восточном Китае (в Маньчжурии), В. Н. Кондратьев: «По характеру это активные, смелые люди. Основной закон взаимоотношений — закон дружбы. Они отличались строгой организованностью: у каждой группы был свой начальник.

Честно говоря, я не знаю, хорошие они или плохие. Потому что есть фильмы, в которых их показывают хорошими людьми. Хотя они жили грабежом, но деньги брали для жизни у плохих людей. Они даже создали свою армию, которая в китайско-японской войне оказывала помощь народу» [Кондратьев 1908].

Как видим, известно приблизительное время появления хунхузов и территория их обитания. Каково же происхождение слова *хунхуз*? Общеизвестно, что в переводе на русский язык оно означает «красноборо-дые». О том, что хунхузы — это красноборо-дые, писал и В. К. Арсеньев. Краснобородыми их называл русский офицер, пять лет проживший на юге Маньчжурии, В. Н. Кондратьев, но приводил китайское словосочетание *tǔ fěi/qiáng dào* [Кондратьев 1908], что в дословном переводе означает следующее: *tǔ fěi — tǔ* (земля/местный), *fěi* (бандит)/или / *qiáng dào — qiáng* (сильный/насильственный), *dào* — вор/грабитель), то есть «местный бандит»/или «сильный вор/грабитель».

Ши Ся, почему-то со ссылкой на Ю. С. Уфимцева, а не на китайские источники, подтверждает, что «хунхузы (от китайского *hóng hú zi* — «красная борода)» [Ши Ся 2007: 16]. «В буквальном переводе — „хунхуцзы“ означает „красно-“ или „рыжебородые“, где 红 — это „красный“, а 胡子 — „борода“» [Алексеев 2020: 113]. В. Д. Ершов считал, что искаженное китайское словосочетание *хун хуцзы* в буквальном переводе на русский означает «красная борода» или «краснобородый» [Ершов 2009: 4].

Казалось бы, вопрос исчерпан. Разночтения в заимствовании слова из китайского языка отсутствуют.

Но у В. Д. Ершова есть замечание-вопрос-недоумение: «…под „красным“ в данном случае подразумевается цвет рыжих человеческих волос». Если это так, то почему-то «с первых лет своего знакомства с китайскими разбойниками русские не переставали удивляться необычности этого прозвища. Действительно, трудно себе представить что-либо менее соответствующее облику китайца, чем рыжая борода» [Ершов 2010: 5].

На этот вопрос автор попробовал найти ответ: «Одни историки считают, что некогда китайские разбойники, отправляясь „на дело“, прицепляли к подбородку фальшивые бороды из пакли или волоса, выкрашенного в красный цвет. Маскируя внешность разбойника, такая борода одновременно помогала напугать жертву. Прообразом этого бандитского „аксессуара“ были фальшивые бороды, использовавшиеся в представлениях традиционного китайского театра. По другой версии, хунхузы обязаны своим прозвищем… иностранцам, и прежде всего русским». Это объяснение сделано со ссылкой на очеркиста Г. Мурова, в 1901 г. объехавшего тихоокеанские окраины России и описавшего свои странствия в книге «Люди и нравы Дальнего Востока»: «У китайцев не могло быть этого внешнего признака. У соседних с Китаем народов монгольской расы — тоже. Исключение составляют только наши русские, разные искатели приключений и легкой наживы, да английские авантюристы (те и другие — со светло-русыми и рыжими бородами), в течение многих десятков лет свирепствовавшие на обширной границе Китая, отнимая у него область за областью и уничтожая сотни сынов его. В течение этих лет выражение „красная борода“ в приложении к „лихому“ иноземцу становится общеупотребительным, а затем начинает применяться китайцами не к одним иноземным, но и к своим, китайским разбойникам» [Ершов 2010: 8].

Вряд ли эти объяснения можно считать правдоподобными. В них больше фантазии, чем правды. Другие объяснения не менее курьезны. Например, М. А. Соковнин, служивший с 1901 г. в должности российского военного комиссара в Хэйлунцзянской, а с 1907 г. — в Гиринской провинции Маньчжурии и не понаслышке знавший о хунхузах, происхождение слова объяснял так: «В старину китайские разбойники, чтобы замаскировать свое лицо и устрашить своим видом купцов и мирных поселян, прицепляли к подбородкам искусственные большие, красные бороды; отсюда и получилось название „хунхуз“. Эти красные бороды в настоящее время можно видеть у разбойников лишь на театральных подмостках» (не эту ли историю использовал В. Д. Ершов? — *Ц. Х., Л. К.)*. Он же отмечал, что «в официальной переписке слово „хунхуз“ не употребляется, взамен его пишется: „ху-фэй“ или „фэй-цзей“, то же и в разговорной речи, особенно среди чиновничества» [Соковнин 1903: 194].

Действительно, Г. А. Сухачева, исследовавшая историю хунхузов, привела ряд терминов, использовавшихся в официальных китайских документах для обозначения разбойников: *хуфэй* (кит. 胡匪, пиньинь *hú fěi* — «северные разбойники»), *даофэй* (кит. трад. 盜匪, упрощенный 盗匪, пиньинь *dàofěi* —

«воры»), *туфэй* (кит. 土匪, пиньинь *tǔ fěi* — «бандиты»), мацзэй (кит. трад. 馬賊, упрощенный 马贼, пиньинь *mǎ zéi* — «конные разбойники») [Сухачева 1992 : 92–102]. Добавим к данным словам и слово *фэй-цзей* (匪贼), отсутствующее в ее работе, — это обобщающий термин для обозначения разбойников, мятежников [Большой словарь китайского языка 1992: т. 9, с. 1085].

Еще одно объяснение происхождения слова *хунхуз* предложено У Цяо, который приводит свидетельство китайского чиновника, служившего в современном Чанчуне в начале XX века: «Местные удальцы когда-то любили украшать свои ружья красными шнурами и кистями. Когда целились — зажимали шнур в зубах, чтобы не мешал. Издали казалось, что у стрелка красные усы и борода» [У Цяо 1990].

Как видим, история слова *хунхуз*, несмотря на его известность, обрастала совершенно невероятными деталями, став частью народного культурного сознания. Но, увы, их нельзя считать научными. Только привлечение китайских источников может пролить свет на историю происхождения слова.

По нашему мнению, серьезный труд представляет исследование Сюй Кэ «Сборник исторических дневников „Цин бай лэй чао. Разбойники. Хузы“» (1916), в котором приводятся сведения о том, что первоначальное значение слова *хузы* (胡子) — «борода». Люди начали употреблять это слово в значении ‘разбойники’ во времена династии Мин (с 1368 по 1644 г.), когда северные национальные меньшинства уже назывались людьми «ху». Слово *ху* возникло еще раньше, в эпоху первой императорской династии Цинь (221 в. до н. э. — 206 в. до н. э.), о чем засвидетельствовано в известной книге этого времени «Анналы шести стран»: «<...> на севере строили великую стену, чтобы защищать себя от нашествия людей „ху“». К северным национальным меньшинствам принадлежали кочевники гунны, тюрки и другие народы.

Слово *рыжий (красный)*, по мнению Сю Кай, появилось под влиянием фольклорного персонажа уйгуров «Рыжая борода» (红胡子). Рыжая борода — это мифологический антигерой, олицетворяющий разрушительные силы природы. Согласно «Цин бай лэй чао», этот образ возник в XV—XVIII веках, когда кочевые племена сталкивались с набегами разбойников и суровыми условиями жизни в степях. Стоит заметить, что образ рыжей бороды многозначен: например, в сказании «Рыжая борода и пастух» он — олицетворение степного урагана. Пример: «Когда его борода краснеет — начинается засуха» [Сюй Кэ 1916: 89].

Уйгурское слово *рыжебородые — қизил сақал* (*qizil saqal*), по мнению Сюй Кэ, было воспринят многими народами. Так, Сюй Кэ приводит исторический факт: «В XIX веке уйгуры называли „рыжебородыми“ бандитов, грабивших караваны» [Сюй Кэ 1916: 112]. Сегодня образ используется в театральных постановках (например, спектакль «Тень рыжей бороды» в г. Чжанъе). Рыжебородыми, как можно предположить, стали называть и бандитов, действовавших на территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии: в позднемонгольском языке сохранились слова *хungхиҗа* ‘разбойник’, *хииҗа* ‘борода’ [Аникин 2000: 627]. А. Е. Аникин не исключает возможности заимствования слова русскими через посредство тунгусо-маньчжурских языков (например, через нанайский язык, где *хунхусэ* употреблялось в значении ‘разбойник, хунхуз’), но данное предположение следует исключить, приняв точку зрения Сюй Кэ, который доказал, что термин *рыжебородые* возник как китайский собирательный образ (红胡子 — *hóng hú zi*) для северных кочевников через маньчжурские хроники или архивы (например, «满文老档» — *mǎn wén lǎo dàng*, собрание официальных документов раннего периода династии Цин (начало XVII века), записанных на староманьчжурском языке). По его мнению, слово *хунхузы* — транслитерация от маньчжурского *хунхуцзы* — «краснобородые». Прямой перевод (红胡子), или сокращенная транслитерация — хузы — «разбойники» [Сюй Кэ 1916: 112]. И с этим объяснением трудно не согласиться.

Таким образом, слово *хунхузы* появилось под влиянием уйгурского эпоса, в котором был мифологический антигерой Рыжая борода. Термин *рыжебородые*, согласно Сю Кай, возник как китайский собирательный образ (红胡子 — *hóng hú zi*) для северных кочевников через маньчжурские хроники. Следовательно, истоки слова следует искать в маньчжурском языке. В китайском языке *хунхузы* — транслитерация от маньчжурского *хунхуцзы* — «краснобородые», которыми стали называть членов организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии).

ИСТОЧНИКИ

1. Аникин, А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири / А. Е. Аникин. — Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. — 768 с.

2. МАС = Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1999.

3. Муров, Г. Т. Люди и нравы Дальнего Востока: от Владивостока до Хабаровска : (Путевой дневник) / Г. Т. Муров. —

Томск : паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1901. — 161 с.

4. Словарь русских говоров Приамурья / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. — 544 с. — (АС-2).

5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. Н. А. Трубачева. — 4-е изд., стереотип. — Москва : Астрель : АСТ, 2003. — 860 с.

6. Сюй, Кэ. Сборник исторических дневников «Цин бай лэй чао. Разбойники. Хузы» / Сюй Кэ. — Шанхай : Шан У, 1916.

7. 《汉语大词典》（第9卷）[Z]. 上海：上海辞书出版社, 1992: 1450. = Большой словарь китайского языка. Т. 9. — Шанхай : Издательство лексикографической литературы, 1992. 1450 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арсеньев, В. К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический / В. К. Арсеньев. — Хабаровск : Тип. канцелярии Приамурского генерал-губенатора, 1914. — 204 с. — (Записки Приамурского отдела императорского Русского географического общества ; т. 10, вып. 1).

2. Дун, Ч. Адаптация китайских заимствований в речи россиян / Ч. Дун, С. Л. Савилова // Международное образование и межкультурная коммуникация: проблемы, поиски, решения : сборник трудов IV Междунар. науч. конф. (Томск, 26–27 окт. 2016 г.) / Томский политехнический университет. — Томск : Дельтаплан, 2016. — С. 116–119. — EDN XYDCLV.

3. Ершов, Д. В. Хунхузы. Необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке / Д. В. Ершов. — Москва : Центрполиграф, 2010. — 280 с. — ISBN 978-5-9524-4111-8.

4. Колмакова, В. В. Лексико-семантическая адаптация китайских заимствований в русском языке / В. В. Колмакова, П. Ю. Селезнева // Молодой исследователь Дона. — 2024. — Т. 9, № 3 (48). — С. 101–104. — EDN JVSPGY.

5. Кондратьев, В. Н. Современный Китай / В. Н. Кондратьев. — Благовещенск : Кн. маг. Бутряков, 1908. — 43 с.

6. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — Москва : Языки русской культуры, 1996. — С. 142–161. — EDN SIOENH.

7. Крысин, Л. П. Этапы освоения иноязычного слова / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. — 1991. — № 2. — С. 74–78. — EDN PZQSPF.

8. Линь, Г. Хунхуз в литературной рецепции / Г. Линь, Н. М. Солнцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2020. — Т. 25, № 1. — С. 82–90. — DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-82-90. — EDN GFAIMF.

9. Меряшкина, Е. В. Образ хунхуза в прозе писателей дальневосточного зарубежья / Е. В. Меряшкина // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2014. — № 4-3 (60). — С. 175–180. — EDN TELNQV.

10. Прошина, З. Г. Восточноазиатские заимствования в русском языке: лексикографический аспект / З. Г. Прошина // Русский язык в современном мире: настоящее и будущее : сборник статей / отв. ред., ред.-составитель М. Б. Раренко. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. — С. 109–124. — DOI 10.31249/ruslang/2021.00.07. — EDN KSPXNC.

11. Соковнин, М. А. Хунхузы Маньчжурии / М. А. Соковнин // Военный сборник. — Санкт-Петербург, 1903. — № 12. — С. 194–218.

12. Сухачева, Г. А. «Бич страны». Хунхузы в Маньчжурии и Приморье в 20-е гг. XX в. / Г. А. Сухачева // Россия и АТР. — 1992. — № 1. — С. 92–102. — EDN REMNBB.

13. Сухачева, Г. А. Борьба с хунхузничеством в Маньчжурии в конце XIX — первой трети XX в / Г. А. Сухачева // Россия и АТР. — 2008. — № 4(62). — С. 104–112. — EDN KNTZED.

14. Ши, Ся. «Хунхузы» и «хунвэйбины»: история двух китаизмов в русском языке / Ши Ся // Современные гуманитарные исследования. — 2007. — № 5 (18). — С. 153–157. — EDN JUEKYH.

15. 吴樵.《宽城随笔》[M]. 再版. 长春: 吉林省图书馆, 1990: 68. = У Цяо. Куаньчэн суйби (Очерки Куаньчэнцзы) / У Цяо. — Репринтное изд. — Чанчунь : Библиотека провинции Цзилинь, 1990. — 68 с.

MATERIALS

1. Anikin, A. E. (2000). Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia. Moscow; Novosibirsk: Nauka, 768 p.

2. Evgenieva, A. P. (ed.) (1999). MAS = Dictionary of the Russian language. In 4 volumes4th ed., ster. Moscow: Russian language.

3. Murov, G. T. (1901). *People and Customs of the Far East: From Vladivostok to Khabarovsk (A Travel Diary).* Tomsk: P. I. Makushin Steam Typographic Lithography, 161 p.

4. Galuza, O. Yu., Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (2007). Dictionary of Russian Dialects of Priamurye. 2nd ed., rev. and suppl. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 544 p. (AS-2).

5. Fasmer, M. (2003). Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 4 (Trans. from German and suppl. by N. A. Trubachev). 4th ed., stereotype. Moscow: Astrel Publishing House, AST Publishing House LLC, 860 p.

6. Xu, Ke (1916). Collection of Historical Diaries “Qing Bai Lei Chao. Bandits. Huzi”. Shang hai: Shang Wu Publishing House.

7. Han yu da ci dian = Great Chinese Dictionary (1992). Vol. 9. Shang hai: Shang hai Lexicographical Publishing House, 1450 p.

REFERENCES

1. Arsenyev, V. K. (1914). Kitaytsy v Ussuriyskom krae. Ocherk istoriko-ehtnograficheskiy = *The Chinese in the Ussuri Region: A Historical-Ethnographic Essay (Notes of the Priamurye Department of the Imperial Russian Geographical Society)*. Khabarovsk: Printing Office of the Priamurye Governor-General's Chancellery, 204 p.

2. Dong, Ch., Savilova, S. L. (2016). Adaptatsiya kitayskikh zaimstvovaniy v rechi rossiyan = Adaptation of Chinese Borrowings in the Speech of Russians. *International Education and Intercultural Communication: Problems, Searches, Solutions. Proceedings of the IV Int. Scientific Conf. (Tomsk, October 26–27, 2016)*, 116–119. Tomsk: Del′taplan. EDN XYDCLV.

3. Yershov, D. V. (2010). Khunkhuzy. Neob″yavlennaya voyna. Ehtnicheskiy banditizm na Dal′nem Vostoke = *Khunkhuzi: The Undeclared War. Ethnic Banditry in the Far East*. Moscow: Tsentrpoligraf, 280 p.

4. Kolmakova, V. V., Selezneva, P. Yu. (2024). Leksiko-semanticheskaya adaptatsiya kitayskikh zaimstvovaniy v russkom yazyke = Lexical and Semantic Adaptation of Chinese Borrowings in the Russian Language. *Young Researcher of the Don*, *9*(3[48]), 101–104. EDN JVSPGY.

5. Kondratyev, V. N. (1908). Sovremennyy Kitay = *Modern China*. Blagoveshchensk: Butryakov Bookstore, 43 p.

6. Krysin, L. P. (1996). Inoyazychnoe slovo v kontekste sovremennoy obshchestvennoy zhizni = The Foreign Word in the Context of Contemporary Social Life. *Russian at the End of the 20th Century (1985–1995)*, 142–161. Moscow: Yazyki russkoy kul′tury. EDN SIOENH.

7. Krysin, L. P. (1991). Ehtapy osvoeniya inoyazychnogo slova = Stages of Mastering a Foreign Word. *Russian Language at School*, *2*, 74–78. EDN PZQSPF.

8. Lin, G., Solntseva, N. M. (2020). Khunkhuz v literaturnoy retseptsii = Honghuz in Literary Reception. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Criticism. Journalism*, *25*(1), 82–90. DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-82-90. EDN GFAIMF.

9. Meryashkina, E. V. (2014). Obraz khunkhuza v proze pisateley dal′nevostochnogo zarubezh′ya = The Image of the Honghuz in the Prose of Writers of the Far Eastern Abroad. *Bulletin of Kemerovo State University*, *4-3*(60), 175–180. EDN TELNQV.

10. Proshina, Z. G. (2021). Vostochnoaziatskie zaimstvovaniya v russkom yazyke: leksikograficheskiy aspekt = East Asian Borrowings in Russian: Lexicographical Aspect. *Russian Language in the Modern World: Present and Future. Collection of Articles (Ed. and compiler M. B. Rarenko)*, 109–124. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences. DOI 10.31249/ruslang/2021.00.07. EDN KSPXNC.

11. Sokovnin, M. A. (1903). Khunkhuzy Man′chzhurii =

Khunkhuzi of Manchuria. Military Collection, *12*, 194–218. St. Petersburg.

12. Sukhacheva, G. A. (1992). «Bich strany». Khunkhuzy v Man′chzhurii i Primor′e v 20-e gg. XX v. = "The Scourge of the Country": Khunkhuzi in Manchuria and Primorye in the 1920s. *Russia and the Asia-Pacific Region*, *1*, 92–102.

13. Sukhacheva, G. A. (2008). Bor′ba s khunkhuznichestvom v Man′chzhurii v kontse XIX — pervoy treti XX v = The Fight Against Khunkhuzism in Manchuria from the Late 19th to the First Third of the 20th Century. *Russia and the Asia-Pacific Region*, *4*, 104–112.

14. Shi, Xia. (2007). «Khunkhuzy» i «khunvehybiny»: istoriya dvukh kitaizmov v russkom yazyke = "*Khunkhuzi" and "Hongweibings": The History of Two Chinese Loanwords in the Russian Language. Modern Humanities Research: A Scientific Journal*, *5*(18), 151–155.

15. Wu, Qiao (1990). *Kuan cheng Sui bi (Kuancheng Essays)* [M]. Reprint. Changchun: Jilin Provincial Library, 68 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.581'42+81'27
ББК Ш171.1-51+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.29; 16.21.51* *Код ВАК 5.9.8*

Янь Цюцзюй[1], Ирина Павловна Лысакова[2], Чжан Чуньсинь[3]✉

[1] Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай, qiuju.yan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0134-0966
[2] Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, lip1010@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3090-1187
[3] Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай, xiner_00@163.com✉, https://orcid.org/0009-0005-1572-6941

Уникальная китайская концепция культуры честности и ее языковое оформление

АННОТАЦИЯ. *Борьба с коррупцией и ее предупреждение имеют серьезное значение для правительств всех стран мира. Правительства достигли заметных успехов в борьбе с коррупцией и накопили ценный опыт в этой области. Китайское правительство постоянно усиливает работу по борьбе с коррупцией и после многолетних усилий успешно создало целостную систему пресечения и профилактики коррупции. В настоящее время Китай применяет традиционные меры к борьбе с коррупцией и активно исследует механизмы формирования культуры честности, учитывая китайскую специфику и ориентируясь на передовой мировой опыт антикоррупционной практики. В данной статье объектом исследования выступают антикоррупционная политика Китая и языковая структура культуры честности. Авторы раскрывают четыре этапа развития нормативно-правовой базы по противодействию коррупции. С опорой на теорию мультимодального метафорического анализа и модель соответствия проводится дедуктивный вывод скрытых смыслов, воплощенных в визуальных символах. Научная новизна исследования заключается в следующем: 1) на основе политических документов Коммунистической партии Китая и правительства систематизированы и обобщены исторические этапы формирования антикоррупционного курса КНР и его характерные политические особенности; 2) посредством мультимодального метафорического анализа проводится дедуктивное выявление скрытых смыслов языка культуры честности и ее архитектоники как целостной системы. Результаты исследования показали следующее. 1. С момента основания КНР антикоррупционная нормативно-правовая база прошла четыре ключевых этапа. Каждый этап характеризуется отчетливо выраженными особенностями политического дискурса, демонстрируя эволюционный переход от «нормативного определения» через «карательные меры» и «предупреждение» к модели «коллективного управления с участием общества». 2. В сфере противостояния коррупции Китай пережил смену парадигм: от карательной практики к формированию культуры честности. Языковые модели, будучи ключевыми носителями культуры, через насыщенные художественные метафоры тонко передают национальное своеобразие. Целенаправленное конструирование семиотических кодов визуально воплощает идеалы честности и неподкупности, выявляя три отличительных аспекта: истории о неподкупных чиновниках Китая; полный учет контекстуальных факторов, формирующих языковой ландшафт; опора на богатый материал китайских мифов, басен, историй из чэнъюй и других фольклорных источников.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, антикоррупционная политика, коррупция, борьба с коррупцией, культура честности, честное управление, честность власти, китайская специфика, органы государственной власти, государственное управление, языковая структура, языковой ландшафт, мультимодальный анализ, креолизованные тексты, национально-культурная специфика.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Янь Цюцзюй, кандидат педагогических наук, профессор, Институт европейских языков и культур, Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай, email: qiuju.yan@mail.ru.*

Лысакова Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор, кафедра межкультурной коммуникации, филологический факультет, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, email: lip1010@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ-КОРРЕСПОНДЕНТЕ: *Чжан Чуньсинь, доктор филологических наук, профессор, Научно-исследовательский центр русской филологии и культуры Хэйлунцзянского университета, Харбин, Китай, email: xiner_00@163.com.*

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья подготовлена при поддержке гранта Южно-Китайского исследовательского центра семиотики Коммерческого института Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли; а также при финансовой поддержке Национального фонда социальных наук — проект «Исследование истории русской лексикографии» (номер проекта: 19BYY208) и научного гранта 24-003A «Сравнительное исследование языковых ландшафтов Китая и России» (中俄语言景观对比研究).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Янь, Ц.* Уникальная китайская концепция культуры честности и ее языковое оформление / Янь Цюцзюй, И. П. Лысакова, Чжан Чуньсинь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 213-222.

© Янь Цюцзюй, Лысакова И. П., Чжан Чуньсинь, 2026

Yan Qiuju[1], Irina P. Lysakova[2], Zhang Chunxin[3]✉

[1] Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China, qiuju.yan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0134-0966
[2] Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, lip1010@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3090-1187
[3] Heilongjiang University, Harbin, China, xiner_00@163.com✉, https://orcid.org/0009-0005-1572-6941

A Unique Chinese Concept of Culture of Honesty and its Linguistic Expression

ABSTRACT. *Combating and preventing corruption is of critical importance for governments worldwide. Governments have achieved notable successes in fighting corruption and have accumulated valuable experience in this field. The Chinese government has continuously intensified its anti-corruption activity and, after years of effort, has successfully established a comprehensive system of curbing and preventing corruption. Currently, China employs traditional anti-corruption measures while actively exploring mechanisms of fostering the culture of honesty, taking into account China's special characteristics and orienting towards the advanced international anti-corruption practices. The scope of research of this article covers China's anti-corruption policy and the linguistic structure of the culture of honesty. The authors describe four stages of the development of the normative-legal framework aimed to combat corruption. The author deductively reveals the hidden meanings embodied in visual symbols using the theory of multimodal metaphorical analysis and the mapping correspondence model. The scientific novelty of the research lies in the following: 1) based on the political documents of the Communist Party of China and the government, the study systematizes and summarizes the historical stages of the formation of China's anti-corruption policy course and its characteristic political features; 2) through a multimodal metaphorical analysis, the article deductively reveals the hidden meanings within the language of the culture of honesty and its architectonics as a holistic system. The research results show that the normative-legal framework has undergone four key stages since the foundation of the People's Republic of China (PRC). Each stage is characterized by distinct political discourse features, demonstrating an evolutionary progression from "normative definition" through "punitive measures" and "prevention" to the model of "collective governance with public participation". In the field of combating corruption, China has experienced a paradigm shift: from punitive practices to the formation of the culture of honesty. As key vehicles of culture, linguistic models subtly convey national distinctiveness through rich artistic metaphors. The purposeful construction of semiotic codes visually embodies the ideals of honesty and incorruptibility, revealing three distinctive aspects: stories of China's incorruptible officials; comprehensive consideration of contextual factors shaping the linguistic landscape; and reliance on the rich material of Chinese myths, fables, chengyu stories, and other folklore sources.*

KEYWORDS: *political discourse, political texts, anti-corruption policy, corruption, fighting corruption, culture of honesty, honest government, honesty of power, Chinese characteristics, organs of state power, state government, language structure, language landscape, multimodal analysis, creolized texts, national-cultural specificity.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yan Qiuju, PhD in Education, Professor, Western culture and language college, South China Business College, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.*

Lysakova Irina Pavlovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

CORRESPONDENT AUTHOR'S INFORMATION: *Zhang Chunxin, Doctor of Philology, Professor, Scientific Research Center of Russian Philology and Culture, Heilongjiang University, Harbin, China*.

ACKNOWLEDGMENTS. The article was supported by a grant from the South China Semiotics Research Center of the Nanguo Commercial Institute at the Guangdong University of Foreign Languages and International Trade; as well as with the financial support of the National Foundation for Social Sciences "Research on the History of Russian Lexicography" (project number: 19BYY208) and the grant scientific 24-003A "Comparative Study of the linguistic Landscapes of China and Russia".

FOR CITATION: *Yan Qiuju, Lysakova I. P., Zhang Chunxin*. (2026). A Unique Chinese Concept of Culture of Honesty and its Linguistic Expression. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 213-222. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Предотвращение коррупции и борьба с ней представляют собой общемировую проблему. Как подчеркивает Председатель КНР Си Цзиньпин в труде «О самообновлении партии», «противодействие коррупции непосредственно определяет судьбу Партии и страны»[1]. В ходе продолжительной борьбы с коррупцией в мире выработаны разнообразные эффективные методы ее искоренения. При этом, опираясь на взаимное изучение международного опыта, страны активно адаптируют его к национальным особенностям, формируя и развивая уникальные антикоррупционные стратегии [Го Юн, Ли, Шанъи 2024: 15]. В глобальной антикоррупционной практике законодательные решения и создание контролирующих органов стали универсальными мерами.

[1] Си, Цзиньпин. О самообновлении партии. — Пекин : Центральное литературное издательство : Издательство по вопросам партийного строительства, март 2023. =习近平. 论党的自我革命[M]. 北京：中央文献出版社, 党建读物出版社, 2023.3.

Наряду с нормативными законодательными актами огромную роль играют идеологические установки, поведенческие нормы и социокультурные ценности. Однако по мере углубления этой работы обнаруживается, что одного лишь совершенствования нормативной базы недостаточно. Параллельно с социально-экономическим развитием антикоррупционный нарратив, воплощаясь в новых языковых формах, активно интегрируется в повседневность, занимая заметное место в публичном пространстве [Хэ Цзэнкэ 2022: 7–8].

ЧЕТЫРЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРИОДА ЭВОЛЮЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ КНР И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИХ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ЯДРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Китайская Народная Республика с момента основания в 1949 году прошла четыре этапа строительства системы борьбы с коррупцией, каждый из которых отражал характерные черты своей эпохи [Ли Сюэцинь]. Эти этапы можно охарактеризовать следующим образом.

На первом этапе, с 1949 по 1978 год, были приняты Правила Китайской Народной Республики под названием «Положение КНР о наказании за коррупционные преступления» (1952).

На втором этапе, совпавшем с периодом реформ и открытости Китая, были обнародованы документы «Руководящие принципы внутрипартийной политической жизни» (1980), «Временное положение о государственной гражданской службе» (1993), «Уголовный кодекс КНР» (пересмотренная редакция 1997 г.), где впервые были систематизированы коррупционные составы преступлений.

Третий этап, охватывающий период с 2005 по 2017 год, был сосредоточен на создании комплексной системы борьбы с коррупцией и ее предотвращением. Ключевыми документами стали «Программный документ по созданию триединой системы (воспитание — институты — надзор) предупреждения и пресечения коррупции» (2005), «План построения антикоррупционной системы на 2008–2012» (2008), «План развития системы на 2013–2017» (2013), «Решение ЦК КПК по вопросам построения гармоничного социалистического общества» (2015).

На четвертом этапе, в период развития культуры честности и неподкупности (с 2018 года по настоящее время), были опубликованы «Мнения об укреплении развития культуры честности и неподкупности в новую эпоху» (2022) и «Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая о дальнейшем всестороннем углублении реформ и продвижении китайской модернизации» (2024). При этом основные антикоррупционные мероприятия и нормативные акты, опубликованные на соответствующих этапах, отличаются уникальными особенностями использования политического языка. Глубокий анализ этой политической риторики позволяет комплексно понять ключевые ориентиры борьбы с коррупцией на разных стадиях, эволюцию политической мысли; векторы развития государственной стратегии (см. Таблицу).

Таблица

Анализ разных этапов антикоррупционной политики Китая и интерпретация ее политико-языковых характеристик

Этап	Политический анализ	Семиотический анализ политического языка
Ранний этап становления КНР (1949–1978)	Четко определены понятия «коррупционное преступление» и «стандарты назначения наказания».	Сосредоточиться на «коррупции», то есть использовании власти для незаконного получения выгоды.
Период реформ и открытости (1978–2004)	Включение преступлений коррупции и взяточничества в Уголовный кодекс заложило правовую основу для борьбы с коррупцией. Одновременно с этим борьба с коррупцией начала выходить на уровень кодекса поведения, охватывающего членов Коммунистической партии Китая и государственных служащих.	Стремление к привилегиям и личной выгоде считается «позором» для членов партии; «справедливость и честность» стали нормой поведения государственных служащих; «взяточничество» отделено от «коррупции» и квалифицируется как отдельное преступление, что обогатило содержание борьбы с коррупцией.
Период создания системы борьбы с коррупцией и ее предотвращения (2005—2017 гг.)	Полностью развернуть систему борьбы с коррупцией и ее предотвращения, распространив борьбу с коррупцией на все общество.	От борьбы с коррупцией и наказания коррупционеров к созданию «системы наказания и предотвращения коррупции», Коммунистическая партия Китая продвигает «политическую честность» внутри партии и развивает «культуру честности» в обществе.
Период формирования культуры честности и неподкупности (с 2018 года по настоящее время)	Развивать культуру честности и неподкупности, создавать здоровую политическую среду.	Преобразование культуры честного управления в культуру честности.

В апреле 1952 года Китай принял и ввел в действие «Положение о борьбе с коррупцией в Китайской Народной Республике», что ознаменовало появление первого с момента основания КНР государственного законодательства по борьбе с коррупцией. Историческим фоном для принятия этого закона послужила Корейская война, разразившаяся в 1950 году, которая потребовала от Китая огромных финансовых и людских затрат. Принятие и введение в действие этого закона фактически служило основной задаче увеличения производства и экономии, направленной на обеспечение достаточных ресурсов для ведения войны. В этот период основное внимание в борьбе с коррупцией уделялось уголовному преследованию и наказанию за коррупционные преступления, а в политическом дискурсе особо подчеркивалось различие между «расточительством» и «бюрократизмом». В декабре 1978 года Китай начал проводить политику внутренних реформ и открытости для внешнего мира, а также постепенно продвигал всестороннюю трансформацию рыночной экономики.

В период реформ и открытости китайская экономика быстро развивалась, а законодательство по борьбе с коррупцией было усовершенствовано. Еще более значимым стал тот факт, что борьба с коррупцией стала проводиться на уровне кодекса поведения: членам Коммунистической партии Китая было предписано исправить ошибочное представление о наличии особых прав, а государственным служащим — руководствоваться принципами честности и беспристрастности.

«Программа по созданию и совершенствованию системы наказания и предотвращения коррупции, уделяющая равное внимание образованию, институтам и надзору» является знаковым документом, который знаменует собой начало комплексного построения системы борьбы с коррупцией в Китайской Народной Республике с момента ее основания. С 2005 года Китай постепенно расширил работу по предотвращению коррупции и поощрению честности и неподкупности с Коммунистической партии Китая и государственных служащих на все общество и стал продвигать создание системы наказания и предотвращения коррупции, сосредоточив внимание на таких основных областях: просвещение и пропаганда, законодательство и нормативные системы, надзор и ограничение полномочий, реформа судебной и административной систем, построение партийной этики и честности, правоприменение и наказание. Эти меры также стали важной частью построения «гармоничного общества», продвигаемого на данном этапе.

Система борьбы с коррупцией и ее предотвращение были официально запущены в 2008 году и за десять лет были реализованы в два этапа. В течение последних пяти лет работа по реализации перешла от создания базовой структуры к усилению мер по борьбе с коррупцией и формированию стиля работы, основанного на честности и неподкупности. Следует отметить, что в этот же период с углублением международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции, в китайскую антикоррупционную политику и нормативно-правовую базу стали интегрироваться и новые политические термины. Например, в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции широко используется политический термин «конфликт интересов». Под «конфликтом интересов» понимается ситуация и поведение, когда государственные служащие в процессе выполнения своих обязанностей подвергаются влиянию личных интересов, что приводит к конфликту между личными и общественными интересами. В частности, с 1985 года, когда правительство Канады первым разработало «Положение о конфликте интересов», многие страны последовательно приняли аналогичные законы и нормативные акты [Тан Сяоцин 2011: 135]. Китай ратифицировал эту конвенцию в 2005 году, и 12 февраля 2006 года она официально вступила в силу в нашей стране.

В документе «Некоторые принципы честного и неподкупного поведения руководящих работников Коммунистической партии Китая», опубликованном и вступившем в силу в 2010 году, четко указано: «Не допускаются следующие действия: разрешение, поощрение супругов, детей и их супругов после регистрации в другом месте заниматься коммерческой деятельностью, вести предпринимательскую деятельность, которая может вступать в конфликт с общественными интересами, в пределах территории и сферы деятельности, находящейся под юрисдикцией данного лица» [Китайский издательский дом по правовым вопросам, 2011]. Из этого следует, что по мере углубления международного сотрудничества в области борьбы с коррупцией страны все больше заимствуют друг у друга не только виды деятельности, но и политическую терминологию, что отражает постепенное сближение идеологии.

В 2022 году публикация документа «Мнение об укреплении культуры честности и неподкупности в новую эпоху» ознамено-

Рис. 1. Языковой ландшафт с узором, содержащим на окне иероглиф «廉» (честность)

вала перенос акцента в антикоррупционной работе Китая на формирование «культуры». Внутри Коммунистической партии Китая продолжается работа по укреплению «честности и неподкупности», но ее основная задача изменилась от регулирования поведения и осуществления надзора к честности и самодисциплине. В то же время вне партии активно продвигается идея создания «культуры честности» в обществе в целом, которая рассматривается как неотъемлемая часть «китайской модернизации». В результате все больше в повседневную жизнь людей входят выражения, связанные с «культурой честности», направленные на формирование их сознания [Дун Цзюань 2024].

ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЧЕСТНОСТИ В КНР И ЕГО МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Путь построения культуры честности в Китае находится в процессе постоянного поиска и развития. Одним из ключевых направлений является интеграция концепции «честность» с традиционной китайской культурой, что стимулирует творческое преобразование и инновационное развитие выдающихся культурных традиций. В результате рождается множество новых языковых ландшафтов, освежающих восприятие общества.

Понятие языкового ландшафта было впервые введено канадскими исследователями Ландри и Бурьисом в 1997 году в их работе «Языковой ландшафт и этнолингвистическая жизнеспособность». Согласно их определению: «Языковой ландшафт представляет собой совокупность языковых элементов на публичных указателях, рекламных щитах, уличных и топографических названиях, вывесках коммерческих заведений, а также на правительственных зданиях» [Landry, Bourhis 1997].

В настоящее время среди ученых нет единого, общепризнанного определения термина «языковой ландшафт». Согласно трактовке Лю Лифэня, языковой ландшафт состоит из вербальных и/или невербальных символов, причем вербальные символы воплощаются в письменной форме в виде слов, а невербальные включают графику, изображения, диаграммы, цвета, освещенность, тип носителя и другие средства выражения смысла [Лю Лифэнь 2022]. В 2020 году китайский исследователь Чжан Тяньвэй постулировал: «Языковой ландшафт воплощает синергическое взаимодействие языка, социума, географии и визуальной коммуникации» [Чжан Тяньвэй 2020]. В рамках языкового ландшафта использование языка является не только инструментом коммуникации, но и средством трансляции культурной символики, идентичности и социальных структур [Gorter 2006]. В языковых ландшафтах культурные ресурсы охватывают множество аспектов: культурные символы, визуальные элементы, историческую память, пространственную организацию и физическую среду [Jaworski, Thurlow 2010].

На Рисунке 1 запечатлена крытая галерея в парке Сяоган (г. Гуанчжоу, пров. Гуандун, КНР). Данный языковой ландшафт демонстрирует искусный синтез китайского иероглифа 廉 (честность) с традиционным искусством вытинанки (декоративного вырезания из бумаги). Внутри внешней квадратной рамки расположен круглый орнамент, вырезанный из бумаги. Эта композиция воплощает классическую китайскую философскую концепцию «круглое небо — квадратная земля» (天圆地方), символизирующую гармонию мироздания.

В левой части композиции внутренний слой вытинанки ярко визуализирует иероглиф 廉 (Лянь, честность), тогда как в правой

части узор графическим контуром очерчивает лексему 廉政 (Ляньчжэн, честное управление). При этом кольцевой орнамент содержит изображение лотоса. В китайском языке слова «莲» (пиньинь: lián, лотос) и «廉» (пиньинь: lián, честность) являются омофонами, что символизирует чистоту и неподкупность. Внешний контур вытинанки обрамлён зеленой деревянной рамой в стиле классического китайского садового окна. Установленная в галерее, композиция создает эффект иллюзорного окна в стене, искусно направляя визуальный фокус зрителя к центральным иероглифам узора.

На Рисунке 2, также снятом в крытой галерее парка, в правом сегменте представлены иероглифы «扬清风» (ян цинфэн), написанные традиционной кистью. Эта надпись символизирует утверждение в обществе атмосферы честности и неподкупности.

С левой стороны подвешена картина в стиле китайской традиционной живописи *шаньшуй*, где отчетливо изображенные темно-зеленые горы и выносливые сосны символизируют дух нравственной чистоты и честности. Позади этих картин, в центре галереи, высажен бамбук, символизирующий стойкость моральных принципов и прямое благородство характера — традиционный китайский символ непреклонной честности. Каллиграфические произведения и живопись, находясь в гармоничном взаимодействии с бамбуковыми насаждениями парка, совместно воплощают глубинный символический смысл неподкупности и моральной чистоты.

Когда политический дискурс предстоит оформить как языковой ландшафт и предполагается его широкое общественное признание, главной задачей становится решение вопроса о том, каким образом визуализировать этот дискурс. Политико-культурная пропаганда, осуществляемая через языковой ландшафт, существенно отличается от подачи учебного материала через учебники в классе. Данный процесс во многом зависит от пространственного контекста (от окружающего пространства) и требует выявления точек соприкосновения между идеями, передаваемыми языком, и национальной культурой, интегрируя их в формы, принимаемые населением.) Тем самым политико-культурная пропаганда не только направляет аудиторию к глубокому осмыслению, но и пробуждает в ней чувство культурной самоидентификации и национальной сопричастности.

Фото 3 сделано у озера Цяньдэнху в городе Фошань (провинция Гуандун). Это место не только служит излюбленной зоной отдыха для местных жителей, но и окружено многочисленными оживленными торговыми районами. Данный языковой ландшафт воплощен в виде металлической скульптуры.

Рис. 2. Языковой ландшафт: каллиграфическая композиция «Ян Цинфэн» в технике живописи тушью шаньшуй

Рис. 3. Приозерный языковой ландшафт: символ «Сечжи — Честность»

Рис. 4. Модель анализа и мэппинга мультимодальной метафоры в языковом ландшафте «Се Че — Честность»

Применение проекционной модели мультимодального метафорического анализа позволяет глубже раскрыть и понять скрытое значение композиции. Концептуальная теория метафоры, предложенная Лакоффом и Джонсоном в их классическом труде «Метафоры, которыми мы живём» (1980 г.), постулирует, что метафора — не просто языковой троп, но фундаментальный когнитивный механизм человеческого мыш-

ления. Концептуальная метафора реализуется через презентацию исходной области (source domain), перенося ее характеристики на целевую область (target domain), что обеспечивает осмысление концепта целевой области [Lakoff, Johnson 1980]. Ранняя концепция теории метафоры ограничивалась изучением мономодальных метафор, фокусируясь преимущественно на механизмах проекции между языковыми единицами. В 1996 году Форсвилл и его коллеги расширили теорию концептуальной метафоры до сферы мультимодальных исследований, разработав метод анализа мультимодальных метафор. Форсвилл определяет «модальность» как тип знаковой системы, используемой для выражения метафоры, включающий различные символы — визуальные образы, звуки, вербальные знаки и т. д., — формируемые при восприятии мира через органы чувств (такие как зрение, слух, осязание и др.). [Forceville 2009].

На Рисунке 4 представлен комплексный анализ различных модальностей, составляющих языковой ландшафт, включая невербальные знаки (такие как узоры, цвет, форма и т. д.) и вербальные знаки. Цель анализа — исследование их соотнесения (мэппинга) и вклада в формирование значения целевой области.

В китайских мифах и легендах, когда между людьми возникали конфликты или споры, мифическое существо Се Че (獬豸), символ справедливости, своим рогом указывало на неправую сторону. Если же оно обнаруживало нечестивого чиновника, то немедленно сбивало его рогом. В языковом ландшафте «Се Че — Честность» мифическое существо Се Че (獬豸) застыло в торжественной позе, словно всевидящим взором оценивая, соблюдают ли люди перед ним принцип «самоограничения и служения обществу». А изображенные справа на нефритовом блюде благоприятные облака воплощают сакральное значение «Честности» и ее притягательные добродетели.

В целом данный языковой ландшафт не только создает торжественно-предостерегающую атмосферу, но и воплощает непоколебимую преданность благородным идеалам. Скульптурная композиция, гармонично сочетающаяся с окружением торгового района и природными пейзажами, усиливает эстетическое воздействие за счет взаимного дополнения.

Исследование креолизованных текстов в России началось в конце XX века. В 1990 году Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов предложили ставшее классическим определение: «Креолизованные тексты (КТ) — это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180–186]. В настоящее время существует обширный корпус исследований, посвященных креолизованным текстам. Значительное количество работ выполнено в русле функционального подхода к анализу текста: исследователи рассматривают роль вербального и визуального компонентов в создании целостного креолизованного текста, а также специфику реализации текстовых категорий на материале текстов различных стилей и жанров.

Опираясь на указанные теоретические предпосылки, в данной работе применяется многоступенчатая методика анализа креолизованных текстов, репрезентирующих культуру честности в Китае.

Анализ корреляции вербального и визуального компонентов

На данном этапе описывается характер связи между текстом и изображением. Используя классификацию, предложенную в работах А. Н. Баранова и П. Б. Паршина [Баранов, Паршин 2018: 6–15], мы выделяем типы взаимодействия кодов: автосемантические (изображение автономно по отношению к тексту) и синсемантические (изображение и текст взаимодополняют друг друга и не могут существовать раздельно). Для анализа китайской культуры честности ключевое значение имеет выявление синсемантических связей, при которых визуальный образ непосредственно отсылает к историческому нарративу или чэнъюй.

Анализ паралингвистических и семиотических средств

Данный этап предполагает детальную характеристику выразительных средств невербального компонента. В основе анализа лежат идеи И. Э. Клюканова[1] о параграфемных элементах, а также классификация невербальных средств (супраграфемика, топографемика, хромографемика), разработанная в теории креолизованных текстов [Анисимова 2003]. Детальный анализ хромографемики и графических метафор проводится с опорой на методику исследования креолизованных текстов, предложенную М. Б. Ворошиловой [Ворошилова 2007: 180–189]. В контексте китайской антикоррупционной

[1] Клюканов, И. Э. Структура и функции параграфемных элементов текста : автореф. … дис. канд. филол. наук / Клюканов Игорь Энгелевич. — Калинин, 1983.

символики особое внимание уделяется хромографемике (символике цветовых решений) и анализу графических метафор.

Выявление скрытых смыслов и мультимодальных метафор

На заключительном этапе осуществляется интерпретация выявленных средств с целью раскрытия имплицитных смыслов. Вслед за С. Л. Мишлановой и К. О. Ветровой [Мишланова, Ветрова 2022: 9–18], мы рассматриваем креолизованный текст как развернутую метафору. Это позволяет определить, какие культурные коды (исторические сюжеты о неподкупных чиновниках, мифологемы, чэнъюи) стоят за визуальными образами и формируют уникальную семиотику китайской культуры честности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Путем систематизации эволюции антикоррупционной политики после основания КНР и углубленного анализа политического языка нормативных документов на различных этапах, мы выявили поступательную трансформацию борьбы с коррупцией: от первичного определения понятий к карательно-правоприменительной фазе, затем к превентивным мерам, и наконец — к модели социального соуправления.

Соответственно, эволюционировала и используемая знаковая политическая лексика от «борьбы с казнокрадством» к «справедливости и чистоте», далее к «партийной морали и честности», и окончательно кристаллизовалась в концепт «культуры честности». Эта семантическая трансформация наглядно демонстрирует прогресс Китая в сфере антикоррупционной деятельности — от карательных мер к культурному строительству, отражая глубокие исторические сдвиги. Языковой ландшафт, как ключевой носитель и медиатор культуры, играет уникальную роль в данном процессе.

В заключение отметим, что языковые ландшафты культуры честности с китайской спецификой формируются как три взаимосвязанных типа:

1) жанр исторической дидактики. Создание языковых ландшафтов на основе биографий чиновников-аскетов традиционного Китая, визуализирующее их неподкупность и самодисциплину через скульптурные композиции и просветительские стенды. Эта форма обеспечивает интуитивную понятность моральных принципов, эффективно транслируя идеалы служения без коррупции;

2) учет окружающей среды, на фоне которой размещается языковой ландшафт и использование метафор, заложенных в элементах этой среды, позволяют выявлять идею честности и неподкупности. Например, в парке реализуется лингво-ландшафтная связка: за счет идентичного звучания 莲 lián («лотос») и廉 lián («неподкупность») и через форму бамбука с членистыми стеблями, называемыми jié («членик»; ассоциируемыми с моральной стойкостью и принципиальностью) отражается соблюдение принципов. Таким образом формируется тонкое отображение идеи. Подобные языковые ландшафты часто используют новаторские подходы, искусно интегрируя техники китайского нематериального культурного наследия (такие как традиционное ручное вырезание из бумаги, живопись тушью и керамические ремесла), чтобы живо воплотить метафорическое содержание;

3) опора на богатый материал китайских мифов, басен и историй, связанных с идиоматическими выражениями (чэнъюй), умело отобранными и глубоко интегрируемыми с классической китайской философией. Использование метафорических приемов в конкретной среде формирует у аудитории соответствующие ассоциации, которые затем направляют ее размышления к более глубокому осмыслению идей честности, порядочности и неподкупности.

Построение таких языковых ландшафтов требует не только использования мультимодальной метафоры для визуализации абстрактного политического понятия «честность, порядочность и неподкупность», но и инновационного интегрирования традиционной китайской культуры в сам процесс метафорического отображения, чтобы усилить чувство национальной идентичности и сопричастности. Создание языковых ландшафтов культуры неподкупности сопряжено с определенными трудностями, однако эти трудности открывают новые возможности для когнитивного развития общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимова, Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. — 1996. — № 5. — С. 74–85. — EDN XNPPTZ.

2. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. — Москва : Academia, 2003. — 122 с. — ISBN 5-7695-0961-9. — EDN YWOTPL.

3. Баранов, А. Н. О метаязыке описания визуализаций текста / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2018. — Т. 17, № 3. — С. 6–15. — DOI 10.15688/jvolsu2.2018.3.1. — EDN VMXGFM.

4. Ветрова, К. О. Креолизованный текст как метафора / К. О. Ветрова, С. Л. Мишланова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2022. — № 1. — С. 8–19. — DOI 10.15593/2224-9389/2022.1.1. — EDN FHUXGQ.

5. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2007. — № 1 (21). — С. 75–80. — EDN JVZALX.

6. Го, Юн. Высококачественное развитие дисциплины первого уровня «Исследования в области дисциплинарного контроля и надзора»: основные задачи, внутренние механизмы и пути продвижения / Го Юн, Ли Шанъи // Исследования в области честности и неподкупности. — 2024. — № 01. — С. 15–35, 230–231. = 过勇,李尚翼. 高质量建设纪检监察学一级学科：核心任务、内在机制与推进路径[J].廉政学研究, 2024,(01):15-35+230-231.

7. Дун, Цзюань. Введение в превосходную традиционную культуру чистоты и честности Китая / Дун Цзюань. — Гуанчжоу : Гуандунское народное издательство, 2024. = 董娟.中华优秀传统廉洁文化概论[M].广州：广东人民出版社, 2024.

8. Ли, Сюэцинь. Теоретические изыскания и рабочие исследования в области культуры чистого правительства и культуры чистоты / Ли Сюэцинь // Исследование культуры чистого управления. — 2022. — Т. 13, № 02. — С. 1–3. = 李雪勤.关于廉政文化与廉洁文化的理论探索和工作研究[J].廉政文化研究,2022,13(02):1-3.

9. Лю, Лифэнь. Семиотическая интерпретация лингвистического ландшафта / Лю Лифэнь, Чжан Ли // Китайский журнал социальных наук. — 2022. — № 3. — С. 2–8. = 刘丽芬,张莉. 语言景观符号学阐释[N]. 中国社会科学报,2022-02-08(003).

10. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — Москва : Ин-т языкознания РАН, 1990. — С. 180–186.

11. Тан, Сяоцин. Системы предотвращения конфликтов интересов: опыт и выводы из международных усилий по борьбе с коррупцией / Тан Сяоцин, Ян Шаохуа // Современный мир и социализм. — 2011. — № 02. — С. 135–139. = 唐晓清, 杨绍华.防止利益冲突制度:国际社会廉政建设的经验及启示 [J].当代世界与社会主义,2011,(02):135-139.

12. Форсвилл, К. Метафоры в рекламе: роль визуальных образов : пер. на кит. яз. / К. Форсвилл, Уриос-Апариси. — Лондон: Ратледж, 1996. = 福塞维尔.广告中的图画隐喻[M]. 伦敦：劳特利奇出版社,1996:37-156.

13. Хэ, Цзэнкэ. Создание культуры честности: важнейший путь к модернизации национального управления / Хэ Цзэнкэ // Исследования в области культуры честности. — 2022. — Т. 13, № 02. — С. 7–8. = 何增科.廉洁文化建设是国家治理现代化的重要途径[J].廉政文化研究, 2022,13(02):7-8.

14. Чжан, Тяньвэй. Новые пути, методы и теоретические достижения в исследовании лингвистического ландшафта / Чжан Тяньвэй // Исследования в области языковой стратегии. — 2020. — № 4. — С. 48–60. = 张天伟，语言景观研究的新路径、新方法与理论进展[J]. 语言战略研究, 2020(4):48-60.

15. Backhaus, P. Multilingualism in Tokyo: A look into the linguistic landscape / P. Blackhaus // International Journal of Multilingualism. — 2006. — Vol. 3, Iss. 1. — P. 52–66. — DOI 10.1080/14790710608668385.

16. Forceville, C. (Eds.). Multimodal metaphor / C. Forceville, E. Urios-Aparisi. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2009. — ISBN 9783110215366.

17. Gorter, D. Linguistic landscape: A new approach to multilingualism / D. Gorter. — Multilingual Matters Ltd., 2006. — 89 p. — ISBN 9781853599163.

18. Jaworski, A. Semiotic landscapes: Language, image, space / A. Jaworski, C. Thurlow. — New York : Bloomsbury Academic, 2010. — 298 p. — ISBN 9781847061829.

19. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press ; London, 1980. — 242 p. — ISBN 0-226-46801-1.

20. Landry, R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study / R. Landry, R. Bourhis // Journal of Language and Social Psychology. — 1997. — Vol. 16, Iss. 1. — P. 23–49. — DOI 10.1177/0261927X970161002.

REFERENCES

1. Anisimova, E. E. (1996). O tselostnosti i svyaznosti kreolizovannogo teksta (k postanovke problemy) = About the integrity and coherence of a creolized text. Towards the formulation of the problem. *Philological Sciences*, *5*, 67–75. Tambov: Gramota Publ.

2. Anisimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul′turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) = Text linguistics and intercultural communication (based on the material of creolized texts). Moscow: Academia, 107 p.

3. Baranov, A. N., Parshin, P. B. (2018). O metayazyke opisaniya vizualizatsiy teksta = On the metalanguage of text visualization description. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, *17*(3), 6–15.

4. Vetrova, K. O., Mishlanova, S. L. (2022). Kreolizovannyy tekst kak metafora = Creolized text as a metaphor. *Bulletin of PNRPU. Problems of linguistics and pedagogy*, *1*.

5. Voroshilova, M. B. (2007). Kreolizovannyy tekst: aspekty izucheniya = Creolized text: aspects of study. *Political linguistics*, *20*, 180–189.

6. Guo Yong, Li Shangyi (2024). High-Quality Development of the First-Level Discipline of Discipline Inspection and Supervision Studies: Core Tasks, Internal Mechanisms, and Advancement Pathways. *Research on Integrity Studies*, *01*, 15–35+230–231.

7. Dong Juan (2024). An Introduction to China's Outstanding Traditional Integrity Culture. Guangzhou: Guangdong People's Publishing House.

8. Li, Xueqin (2022). Theoretical Exploration and Practical Research on Integrity Culture and Clean Governance Culture. *Research on Integrity Culture*, *13*(02), 1–3.

9. Liu LiFen, Zhang Li (2022). Semiotic interpretation of linguistic landscape. *China Social Science Journal*, *02—08*(003).

10. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya = Creolized texts and their communicative function. *Optimization of speech impact*, 180–186. Moscow: Institute of Linguistics RAS.

11. Tang Xiaoqing, Yang Shaohua (2011). Systems for Preventing Conflicts of Interest: Experiences and Insights from International Anti-Corruption Efforts. *Contemporary World and Socialism*, *02*, 135–139.

12. Forceville, C. E. (1996). The picture metaphor in the advertisement. London: Routledge Press.

13. He Zengke (2022). Building a Culture of Integrity: A Key Pathway to Modernizing National Governance. *Research on Integrity Culture*, *13*(02), 7–8.

14. Zhang Tianwei (2020). New Pathways, Methods, and Theoretical Advances in Language Landscape Research. *Language Strategy Research*, *4*, 48–60.

15. Backhaus, P. (2006). Multilingualism in Tokyo: A look into the linguistic landscape. *International Journal of Multilingualism*, *3*(1), 52–66.

16. Forceville, C., Urios-Aparisi, E. (Eds.). (2009). Multimodal metaphor. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.

17. Gorter, D. (2006). Linguistic landscape: A new approach to multilingualism. Multilingual Matters Ltd.

18. Jaworski, A., Thurlow, C. (2010). Semiotic landscapes: Language, image, space. New York: Bloomsbury Academic.

19. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press; London, 242 p. ISBN 0-226-46801-1.

20. Landry, R., Bourhis, R. (1997). Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, *16*(1), 23–49.

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.161.1'42+81'27+808.51
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.33* *Код ВАК 5.9.5*

Ван Наньнань
Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, dlufl_wnn@163.com, https://orcid.org/0009-0003-1879-1883

Оценочные значения и способы их репрезентации в российском медийно-дипломатическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. *В данном исследовании проводится системный анализ оценочных значений в дискурсе ежегодных пресс-конференций министра иностранных дел России в течение 2004–2018 гг., с целью выявления особенностей выбора оценочных ресурсов в медийно-дипломатическом дискурсе и раскрытия идеологических аспектов, лежащих в основе оценочных высказываний. Исследование интегрирует теорию оценки Дж. Мартина (системы отношения, вовлеченности и градации) и семантическую классификацию оценочных значений Н. Д. Арутюновой, формируя аналитическую схему для изучения оценочного дискурса. На основе созданного корпуса и инструмента семантической аннотации «UAM Corpus Tool» проводится количественный и качественный анализ оценочных значений в монологическом (выступления министра) и диалогическом (вопросы журналистов и ответы министра) дискурсах. Результаты исследования показали: 1) преобладание нейтральных оценок в официальном дискурсе (52,12 % в выступлениях, 46,97 % в ответах), что отражает объективность и осторожность дипломатического языка. Примечательно, что негативные оценки в вопросах журналистов (37,18 %) значительно превышают таковые в выступлениях министра (15,62 %), демонстрируя различие в оценочных стратегиях медиа и официальных лиц; 2) преобладание оценки аппрециации (одобрения — 52,64 %) в монологических выступлениях министра, подчеркивающих значимость социальных ценностей, в то время как оценки суждения (45,26 %) доминируют в ответах министра, акцентируя внимание на нормах и морали; 3) более 80 % эксплицитных оценок указывают на склонность говорящих к прямому выражению своей позиции. Исследование раскрывает, как выбор оценочных ресурсов в русском медийно-дипломатическом дискурсе служит национальным интересам и формированию международного влияния в пределах определенного типа дискурса. Предложенные методология и теоретическая схема вносят вклад в анализ политического дискурса, предоставляя межъязыковые инструменты для изучения динамики власти и идеологических механизмов в дипломатической коммуникации.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, российская дипломатия, министерство иностранных дел, дипломатический дискурс, политическая риторика, политические речи, публичные выступления, оценочные высказывания, семантика оценки, общеоценочные значения, частнооценочные значения, дискурс-анализ, корпусный анализ, средства выражения оценки, медиадискурс, медиатексты.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ван Наньнань, доктор философии в сфере филологии, доцент Института русского языка; научный сотрудник Китайского центра исследований языков Северо-Восточной Азии при Государственном комитете по языковой политике и реформе; исследователь Русского центра; Даляньский университет иностранных языков; Далянь, Китай; email: dlufl_wnn@163.com.*

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке проекта молодёжного фонда гуманитарных и общественных наук Министерства образования Китая 2021 года «Исследование оценки китайского и русского политического дискурса», номер проекта: 21YJC740055. / 本文系2021年度教育部人文社科研究青年基金项目“中俄政治话语评价范畴研究”（项目编号：21YJC740055）的阶段性成果。

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Ван, Н.* Оценочные значения и способы их репрезентации в российском медийно-дипломатическом дискурсе / Ван Наньнань. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 223-234.

Wang Nannan
Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, dlufl_wnn@163.com, https://orcid.org/0009-0003-1879-1883

Evaluative Meanings and Their Representation in Russian Media Diplomatic Discourse

ABSTRACT. *This study conducts a systemic analysis of evaluative meanings in the discourse of annual press conferences held by the Russian Minister of Foreign Affairs from 2004 to 2018. It aims to identify the characteristic features of evaluative resource selection in media-diplomatic discourse and describe the ideological dimensions underlying evaluative utterances. The research integrates J. Martin's Appraisal Theory (systems of Attitude, Engagement, and Graduation) and N. D. Arutyunova's semantic classification of evaluative meanings to construct an analytical framework for examining evaluative discourse. Based on a purpose-built corpus and the semantic annotation tool UAM Corpus Tool, the study performs quantitative and qualitative analyses of evaluative meanings in monologic (ministerial speeches) and dialogic (journalists'*

© Ван Наньнань, 2026

questions and ministerial responses) kinds of discourse. The key findings include: 1) The predominance of neutral evaluations in official discourse (52.12% in speeches, 46.97% in responses), which reflects the objectivity and caution of diplomatic language. Notably, negative evaluations in the journalists' questions (37.18%) significantly exceed those in the ministerial speeches (15.62%), highlighting a difference in evaluative strategies between media and government representatives. 2) The prevalence of Appreciation evaluations (52.64%) in ministerial speeches, emphasizing social values, while Judgement evaluations (45.26%) dominate ministerial responses, focusing on norms and morality. 3) Over 80% of explicit evaluations indicate speakers' preference for direct expression of their stance. The study reveals how evaluative resource selection in Russian media-diplomatic discourse serves national interests and shapes international discursive influence. The suggested methodology and theoretical framework contribute to political discourse analysis by providing interlingual tools for exploring power dynamics and ideological mechanisms in diplomatic communication.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, Russian diplomacy, Ministry of Foreign Affairs, diplomatic discourse, political rhetoric, political speeches, public speeches, evaluative utterances, semantics of evaluation, general evaluations, particular evaluations, discourse analysis, corpus analysis, means of expressing evaluation, media discourse, media texts.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Wang Nannan, PhD (Philology), Associate Professor of Institute of the Russian Language; Researcher of China Northeast Asian Language Research Center under the State Committee for Language Policy and Reform; Researcher of the Russian Center; Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been financially supported by 2021 Ministry of Education Humanities and Social Sciences Research Youth Fund Project "A Study of Evaluative Categories in Chinese and Russian Political Discourse" (Project No.: 21YJC740055) / 本文系2021年度教育部人文社科研究青年基金项目"中俄政治话语评价范畴研究"（项目编号：21YJC740055）的阶段性成果。

FOR CITATION: *Wang Nannan.* (2026). Evaluative Meanings and Their Representation in Russian Media Diplomatic Discourse. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 223-234. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

В результате ускоренного развития взаимодействия между СМИ и дипломатией постепенно сформировалась новая форма дипломатии — медийная дипломатия. Многие страны мира активно содействуют развитию медийной дипломатии, с помощью которой актуализируют основные направления своей внешней политики и ее аксиологические установки, распространяя в массмедийном дискурсе необходимую информацию, влияющую как на тиражирование злободневных вопросов современной повестки дня, так и оказывающую влияние на формирование общественного мнения. Медийно-дипломатический дискурс рождается в процессе коммуникативного взаимодействия между реальными (государственные чиновники и журналисты) и потенциальными (читатели) действующими лицами медийной дипломатии. Медийно-дипломатический дискурс не только описывает и отражает процесс дискурсивного взаимодействия, но и целенаправленно социально конструирует его [Лю Лихуа 2018: 65]. Будучи крупной державой с влиятельной дипломатией, Россия стремится к развитию собственной медийной дипломатии и активно конструирует медийно-дипломатический дискурс для содействия развитию дипломатических отношений и продвижению своих нарративов на международной арене с помощью дискурсивной силы. В русском медийно-дипломатическом дискурсе семантика оценки присутствует при выражении различных эмоций, мнений, суждений и позиций. Оценка социально обусловлена, ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его части, поэтому мировоззрение и мироощущение, социальные интересы и мода, престижность и непрезентабельность формируют и деформируют оценки [Арутюнова 1988: 6]. Оценка часто проявляется как дискурсивная стратегия, направленная на актуализацию ценностей и трансляцию убеждений [Fowler 1991: 208–209]. Итак, исследование оценки поможет систематизировать особенности и закономерности формирования, организации и конструирования русского медийно-дипломатического дискурса, раскрыть стоящую за ним идеологию, аксиологические установки, дипломатические позиции и т. д.

С начала XX в. категория оценки как объект лингвистического исследования продолжает привлекать внимание современных лингвистов. В целом можно назвать четыре основных взаимодополняющих подхода к изучению оценки в современном языкознании, а именно: логико-философский, семантический, прагматический (коммуникативный) и когнитивный [Скворцова 2015: 150]. На настоящий момент современной лингвистикой накоплен огромный теоретический и практический опыт всестороннего изучения оценки. Лингвисты не только уделяют внимание изучению внутренней структуры оценки и оценочных единиц лексико-семантического уровня языка, но и ее взаимосвязи с историей и культурой определенного народа и конкретного социума. В данном исследовании мы будем изучать оценку в русском медийно-дипломатическом дискурсе с ис-

пользованием теории оценки Дж. Мартина и П. Уайта (Appraisal model) в рамках системно-функциональной лингвистики и анализировать оценочную семантику на более широком языковом уровне — дискурсивном уровне.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Теория оценки Дж. Мартина и П. Уайта, разработанная для лингвистического анализа оценки, уходит корнями в системно-функциональную лингвистику, что позволяет расширить исследование оценки до дискурсивного уровня. Теория оценки содержит ряд инструментов для многоуровневого и многокомпонентного анализа, результаты которого позволяют аргументированно интерпретировать текст [Щипицына 2018: 38], являющийся хотя и статическим, но обязательным компонентом любого дискурса. В процессе дискурсивного анализа оценки следует обратить внимание не только на понимание системного функционирования оценки, но и на учет взаимодействия между межличностными значениями и социальными отношениями, обусловленными оценочными высказываниями [Ван Чжэньхуа 2001: 14].

По замечанию М. Халлидея, «создание теории системно-функциональной лингвистики идет по пути эволюции» [Halliday 1985: 10]. Возникнув в 1950-х годах, данная теория прошла этапы теоретического развития от грамматики порядка и категорий, когда внимание ученых было обращено на поверхностные формы языковых структур, к системно-функциональной грамматике, от системно-функциональной лингвистики к прикладной и социальной лингвистике и т. д. Основоположниками Школы системно-функциональной лингвистики являются ученые разных стран: британцы Б. Маргарат, Р. Фосетт, К. Батлер, австралийцы Х. Рукайя, Д. Мартин, С. Маттиссен, американец П. Фриз и др. С развитием системно-функциональной лингвистики всё больше и больше ученых вовлекались в исследования в области системно-функциональной лингвистики. Метод исследования системно-функциональной лингвистики служит для реализации общего описания значения, а также является гарантией признания системно-функциональной лингвистики как общелингвистической теории. Развитие системно-функциональной лингвистики относится не только к исследованиям общего языкознания, но и к исследованиям практической направленности — к прикладной лингвистике. С одной стороны, она описывает, интерпретирует, изучает общие проблемы языка и объясняет языковые явления и их возможные правила. С другой стороны, она привлекается к решению практических вопросов, связанных с языком. Теория системной функциональной лингвистики М. Халлидея фокусируется на социальной природе языка и нераздельности социальных и языковых значений.

В последующих исследованиях Дж. Мартин и его коллеги переосмыслили межличностные функции М. Халлидея с точки зрения структуры обмена. Он считает, что «в настоящее время методы исследования системной функциональной лингвистики не предполагают интерпретацию оценочных значений — чувств собеседников, осуждений, которые они выносят, и оценочных суждений, которые они высказывают по поводу различных явлений или переживаний» [Martin, White 2005: 10 — здесь и далее перевод наш]. Для дальнейшего понимания межличностного смысла в дискурсе и выражения эмоций и отношений в речи Дж. Мартин создал «Теорию оценки», основанную на теории межличностных функций системной функциональной лингвистики.

Продолжая придерживаться основных положений теории системно-функциональной лингвистики, ученые Г. Томпсон и С. Ханстон особое внимание сосредотачивают на функциональных характеристиках оценки и называют три ее функции: 1) выражение идей говорящего/автора, которые отражают систему ценностей как самого говорящего/автора, так и социальной группы, к которой они принадлежат; 2) выстраивание и поддержка отношений между говорящим/автором и адресатом/читателем; 3) организация дискурса [Hunston, Thompson 2000: 50]. Оценочные значения фокусируются на выражении эмоций, позиции и отношений говорящего, их цель — построить самоидентификацию и отношения с адресатом/читателем. Это совпадает с рабочим механизмом медийной дипломатии по продвижению внешней политики, построению дипломатических отношений и формированию положительной основы общественного мнения.

Первоначально исследования лингвистов по оценке были сосредоточены на классификации оценочных значений, их языковом выражении и других связанных с этим вопросах. Одновременно продвигаясь вперед, Дж. Мартин расширил изучение оценочных значений на семантический уровень дискурса и построил систематическую сеть оценочных значений. Так же, как «М. Халлидей рассматривает язык как потенциал для значений, он фактически рассматривает язык как ряд выборов на уровне значений, то есть сеть значений» [Сун Чэнфан 2015: 15].

Результаты оценки существуют в виде смысловых структур и выражаются через множественные формы, включая языковые.

Теория оценки предлагает масштабное и детализированное объяснение и разделение оценочных значений в дискурсе, включая три аналитические системы: **отношение** (attitude), **вовлеченность** (engagement) и **градация** (graduation), направленные на построение межличностного значения в дискурсе. Отношение относится к суждениям и оценкам, которые формируются под влиянием психологического состояния в отношении человеческого поведения, текстов/процессов и явлений. Эта система делится на три подсистемы: аффект (affect), суждение (judgement) и аппрециация (appreciation).

Подсистема **аффекта** является центральным компонентом всей системы отношений, из которой выводятся подсистема суждения и подсистема оценки. Конкретно подсистема аффекта объясняет психологические реакции пользователей языка на поведение, тексты/процессы и явления, которые могут выражать счастье (happiness), удовлетворение (satisfaction), безопасность (security) и склонность (inclination).

Подсистема **суждения** объясняет моральные оценки, которые пользователи языка дают определенному поведению в соответствии с этическими нормами и социальными правилами, и реализуется через две подсистемы: социальное суждение (social esteem) и социальная санкция (social sanction). Социальное суждение подразделяется на нормативность (normality), способность (capacity) и надежность (tenacity), а социальная санкция — на правдивость (veracity) и уместность (propriety).

Подсистема **аппрециации** объясняет эстетическое восприятие пользователями языка текстов/процессов и явлений, включая реакцию (reaction), композицию (composition) и ценность (valuation).

Вовлеченность используется для изучения источников отношения, включая самовыражение (monogloss) и заимствование голоса (heterogloss). Говорящий может выражать оценочные значения в дискурсе, одновременно субъективно оценивая и выбирая источник голоса. Поскольку самовыражение не предполагает диалогичности, его языковые средства выражения относительно просты. Заимствование голоса, напротив, связано с диалогичностью и включает сужение диалога (dialogic contraction) и его расширение (dialogic expansion), что делает его языковые средства более сложными. Оно может быть реализовано через механизм проекции, цель которого — вынести что-то на первое место, например, с помощью цитирования или пересказа, через выражение модальностей с помощью различных языковых средств. Анализ вовлеченности опирается на теорию диалогичности М. М. Бахтина, который считал, что смысл не принадлежит отдельному говорящему, а возникает в процессе обмена между различными говорящими [Бахтин 1997: 212, 213], то есть смысл создается через диалогичность.

Градация относится к силе отношения и степени вовлеченности и включает две подсистемы: интенсивность (force) и фокусировка (focus). Интенсивность делится на сильную (high) и слабую (low), а фокусировка — на четкую (sharp) и размытую (soft). Система теории оценки представлена на рисунке 1[1].

В русском лингвистическом сообществе сложились различные классификации оценочных значений, основанные на разных стандартах категории оценки. Среди них общепризнанной является классификация оценочных значений, предложенная профессором Н. Д. Арутюновой, в основу которой исследователь положила аксиологическую логику. По характеру взаимоотношений субъекта и объекта оценки, а также по основанию и мотиву оценки оценочные значения подразделяются на общеоценочные и частнооценочные [Арутюнова 1988: 75]. Частнооценочные значения единообразно классифицируются на три категории: сенсорные оценки (включая сенсорно-вкусовые и психологические), рационалистические оценки (включая утилитарные, нормативные и телеологические) и сублимированные оценки (включая эстетические и этические), и все эти частнооценочные значения можно обобщить в общеоценочные значения в теории аксиологии — хорошо / плохо. По способу выражения эти оценочные значения делятся на эксплицитные и имплицитные. Семантическая классификация частнооценочных значений Н. Д. Арутюновой аналогична классификации системы отношения в теории оценки Дж. Мартина. В дальнейшем исследовании мы объединим вышеизложенные семантические классификации для анализа выбора категорий оценочных значений в русском медийно-дипломатическом дискурсе.

[1] Диаграмма организована в соответствии с системой теории оценки Дж. Мартина. На диаграмме «{» представляет собой конъюнкцию (что на естественном языке означает «и»), а «[» представляет собой дизъюнкцию (что на естественном языке означает «или»).

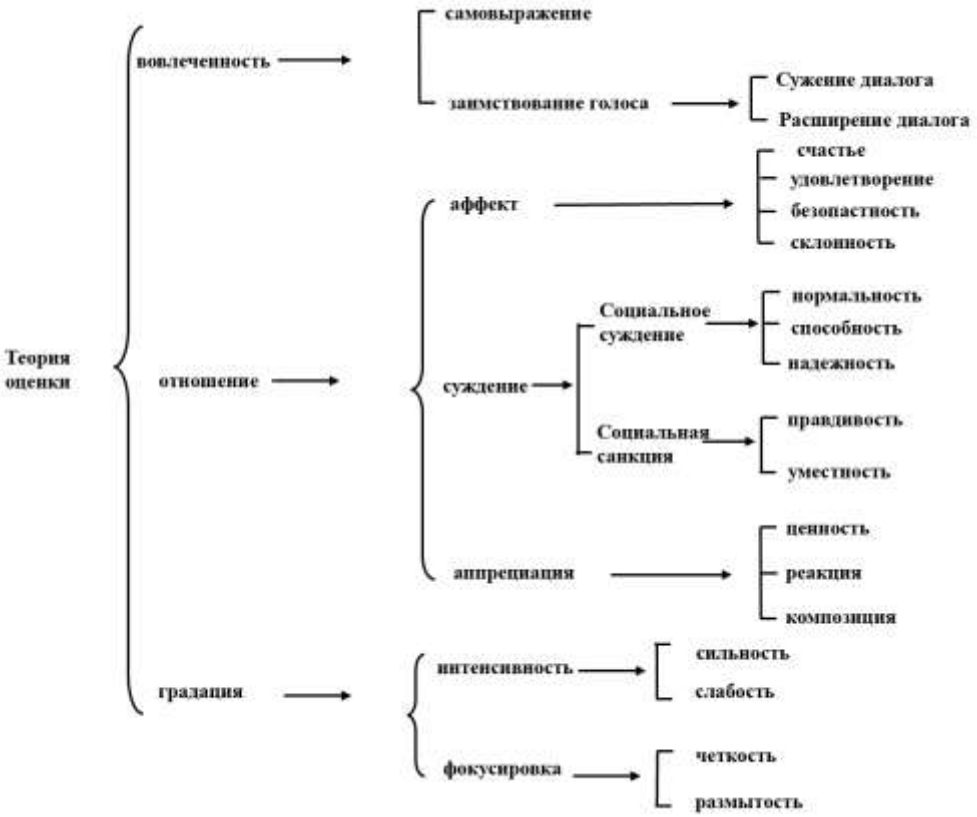


Рис. 1. Система теории оценки

3. ПРОЦЕСС ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценка является важным семантическим признаком русского медийно-дипломатического дискурса. Анализ актуализации оценочных значений в русском медийно-дипломатическом дискурсе мы проведем на основе специфической семантической классификации оценочных значений Дж. Мартина и Н. Д. Арутюновой, установим выбор языковых ресурсов, выражающих конкретные оценочные значения в русском медийно-дипломатическом дискурсе. Распределение различных категорий оценочных значений в русском медийно-дипломатическом дискурсе может отражать общую оценочную тенденцию говорящего / автора в процессе порождения дискурса, а именно тенденцию выбора установок или выражения эмоций. Выбор конкретных оценочных языковых ресурсов является экспликатором идеологии, а изучение оценочных значений и выбора оценочных ресурсов является ключом к пониманию конструкции дискурса власти [Жань Чжихань 2012: 59].

В соответствии с исследовательскими потребностями мы создали закрытый корпус текстов для изучения оценочных значений в русском медийно-дипломатическом дискурсе. Корпус исследования состоит из выступлений и ответов на вопросы журналистов на ежегодных пресс-конференциях министра иностранных дел России за 15 лет (2004–2018 гг.). Общий объем анализируемых языковых ресурсов составил 181 558 слов и 9259 предложений. Мы делим основной текстовый корпус, репрезентирующий медийно-дипломатический дискурс, на три жанрово-коммуникативных подкорпуса, выделенных на основе различных форм речевой коммуникации: 1) подкорпус выступлений на ежегодных пресс-конференциях министра иностранных дел России; 2) подкорпус вопросов журналистов на ежегодных пресс-конференциях министра иностранных дел России; 3) подкорпус ответов на вопросы журналистов на ежегодных пресс-конференциях министра иностранных дел России. В данной статье в основном будет описан выбор средств выражения оценочных значений в русском монологическом медийно-дипломатическом дискурсе (т. е. в первом подкорпусе) и в русском диалогическом медийно-дипломатическом дискурсе (т. е. во втором и третьем подкорпусах).

При выборе выступлений и ответов на вопросы журналистов на ежегодных пресс-конференциях министра иностранных дел России в качестве материала дискурсивного анализа основное внимание уделяется их

структурно-диалогическим свойствам. Данный тип дискурса характеризуется выраженной взаимозависимостью коммуникантов, причем адресат в процессе коммуникации не ограничивается непосредственным собеседником (журналистом), но включает и потенциальных реципиентов — своих граждан, другие государства и международную общественность. Порождение и интерпретация подобного дискурса сопровождаются процессом согласования оценочных значений между говорящим и адресатом. Отбор данного языкового материала соответствует целям нашего исследования и способствует их достижению.

В данном исследовании для семантической аннотации оценочных значений в текстах корпуса использован инструмент UAM Corpus Tool версии 3.3. Как подтверждено разработчиками программного обеспечения и исследователями, данный аннотационный инструмент применим для более чем 20 языков, включая русский. Инструмент UAM Corpus Tool осуществляет автоматическую и ручную аннотацию русскоязычных текстов посредством установления иерархических уровней (layers), то есть системы кодировочных критериев. Кроме того, инструмент UAM Corpus Tool позволяет проводить статистический анализ результатов аннотации и генерировать таблицы с данными для последующего дискурс-анализа. Поскольку в нашем исследовании выражение и реализация оценочных значений в русском медийно-дипломатическом дискурсе тесно связаны с контекстом, определение этих оценочных значений невозможно без учета широкого лингвистического и экстралингвистического окружения. В связи с этим мы применяем метод ручной, а не автоматической аннотации и на основе исследовательских задач разрабатываем систему кодировочных критериев (layers), после чего приступаем к ручной аннотации текстов. Для минимизации субъективности при ручной аннотации оценочных значений в медийно-дипломатическом дискурсе используется метод двойного независимого кодирования: два аннотатора выполняют разметку параллельно, и только при достижении высокой степени согласованности результаты признаются окончательными. Ниже представлен конкретный пример из нашей аннотационной практики.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с данными, представленными на Рисунке 2, в выступлениях министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях в период 2004–2018 гг. зафиксированы следующие показатели оценочной семантики: 1) позитивная оценка: 349 случаев (32,26 %); 2) негативная оценка: 169 случаев (15,62 %); 3) нейтральная оценка: 562 случая (52,12 %). Таким образом, в этом жанрово-коммуникативном подкорпусе нейтральная оценка доминирует, за ней следует позитивная, а негативная представлена в наименьшей степени.

Таблица 1. Аннотированные примеры

Категория оценочной семантики	Пример аннотирования
Позитивная оценка	Все наши инициативы были направлены на продвижение ***позитивной***, ***содержательной*** повестки дня, нацеленной на объединение усилий всех участников международных отношений. (Выступление С. В. Лаврова, 23 января 2013 года)
Негативная оценка	***Не добавляли оптимизма*** и односторонние действия Вашингтона. (Выступление С. В. Лаврова, 15 января 2018 года)
Нейтральная оценка	Мир переживает ***беспрецедентный*** по историческим меркам переходный период. (Выступление С. В. Лаврова, 23 января 2013 года)
Оценка аффекта	Кто-то даже начинает грозить санкциями — это достаточно ***прискорбно***. (Ответ С. В. Лаврова, 16 января 2019 года)
Оценка суждения	Россия в истекшем году ***брала на себя всё большую ответственность*** в международных делах. (Выступление С. В. Лаврова, 20 декабря 2006 года)
Оценка аппрециации	Если брать итоги года, то мы их рассматриваем как ***продуктивные*** для нашей внутренней жизни, экономического развития и внешней политики. (Выступление С. В. Лаврова, 19 января 2005 года)
Формы выражения оценки	
Эксплицитная оценка	Состоявшиеся в 2011 г. встречи лидеров БРИКС ***подтвердили, что это авторитетное объединение, имеющее влияние в финансово-экономической сфере*** и одновременно задающее подходы в международных делах, ***пользующееся поддержкой*** всё большего числа государств. (Выступление С. В. Лаврова, 18 января 2012 года)
Имплицитная оценка	Вы ***нарисовали достаточно мрачную картину*** наших взаимоотношений с Западом. (Вопрос СМИ, 26 января 2016 года)

Рис. 2. Статистика частотности общеоценочных значений в дискурсе ежегодных пресс-конференций министра иностранных дел России с 2004 по 2018 г.

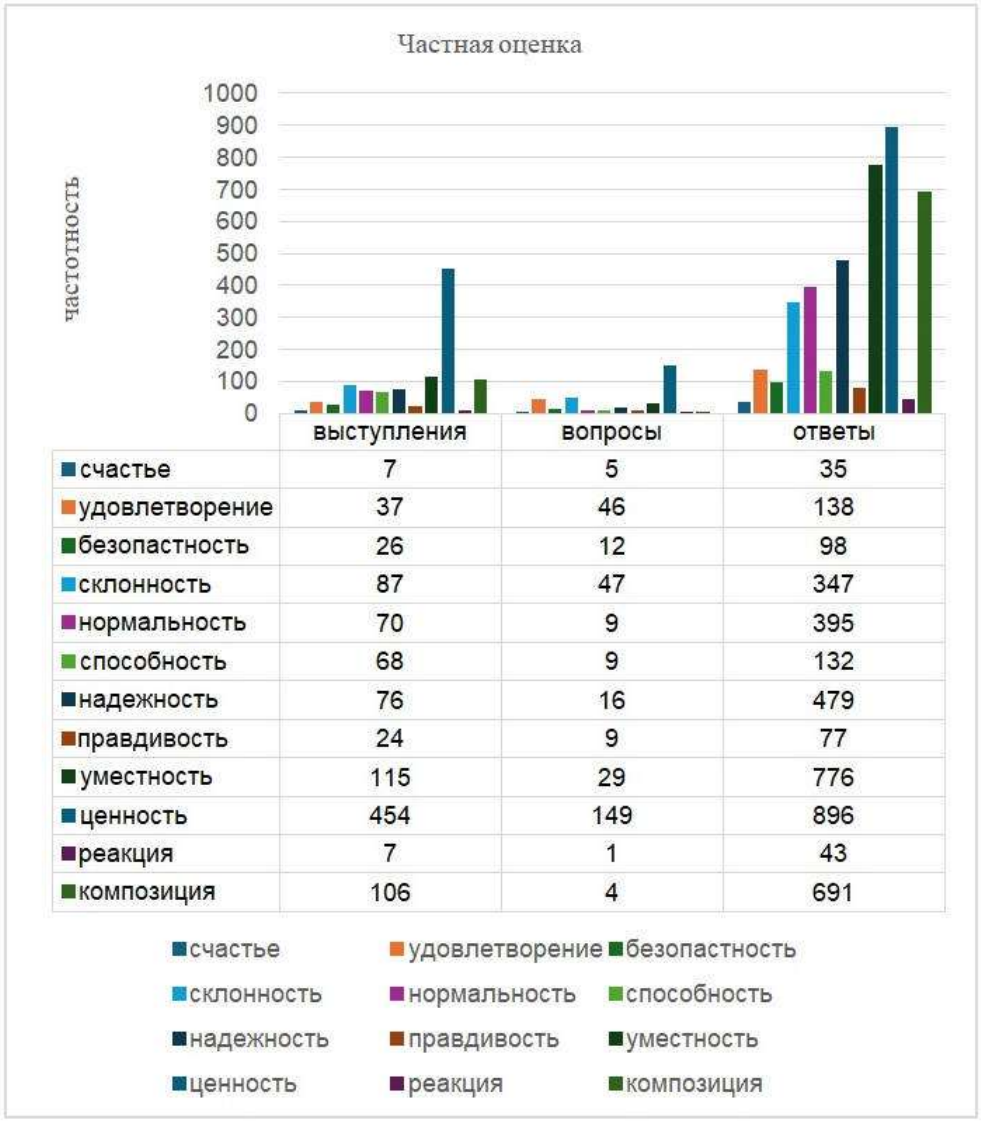
В вопросах журналистов на этих пресс-конференциях распределение оценочной семантики следующее: 1) позитивная оценка: 55 случаев (15,85 %); 2) негативная оценка: 129 случаев (37,18 %); 3) нейтральная оценка: 163 случая (46,97 %). Здесь также преобладает нейтральная оценка, но на втором месте — негативная, а позитивная встречается реже всего.

В ответах министра на вопросы журналистов зафиксировано: 1) позитивная оценка: 1570 случаев (36,77 %); 2) негативная оценка: 897 случаев (21,01 %); 3) нейтральная оценка: 1803 случая (42,22 %). И в этом жанрово-коммуникативном подкорпусе нейтральная оценка остается доминирующей, за ней следует позитивная, а негативная занимает последнее место.

Очевидно, что дискурс ежегодных пресс-конференций министра иностранных дел России, являясь частью официальной медийной дипломатии, обладает свойствами официальности, авторитетности и нормативной обязательности. Поэтому как в монологической, так и в диалогической форме медийно-дипломатического дискурса нейтральная оценочная семантика сохраняет ведущую роль. Однако в связи с вовлечением СМИ, которые постепенно становятся активными участниками дипломатического процесса, и в монологическом, и в диалогическом медийно-дипломатическом дискурсе в той или иной степени присутствуют позитивные и негативные оценки. При этом в выступлениях министра и его ответах на вопросы позитивная оценка превалирует над негативной, а в вопросах журналистов наблюдаем обратную тенденцию: негативная оценка встречается чаще, чем позитивная. Это отражает асимметрию в оценочных стратегиях между официальными заявлениями и медийным запросом, что характерно для дискурса современной медийной дипломатии.

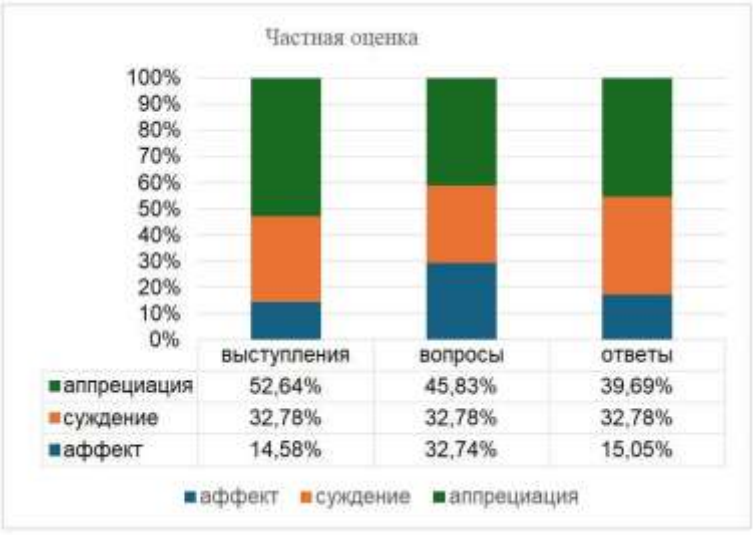
Как показано на рисунках 3 и 4, в выступлениях министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях в период 2004–2018 гг. зафиксированы следующие показатели оценочной семантики: 1) аффект: 157 случаев (14,58 %); 2) суждение: 353 случая (32,78 %); 3) аппрециация: 567 случаев (52,64 %). Доминирует оценка аппрециации, затем следует оценка суждения, а оценка аффекта встречается реже всего. Среди частнооценочных значений наиболее частотной является оценка ценности (42,15 %), а наименее частотными — оценка счастья (0,65 %) и оценка реакции (0,64 %).

В вопросах журналистов: 1) аффект: 110 случаев (32,74 %); 2) суждение: 72 случая (21,43 %); 3) аппрециация: 154 случая (45,83 %). Такие показатели демонстрируют преобладание оценки аппрециации, затем идет оценка аффекта и суждения. Среди частнооценочных значений наиболее частотна оценка ценности (44,34 %), наименее — оценка реакции (0,30 %).



	выступления	вопросы	ответы
счастье	7	5	35
удовлетворение	37	46	138
безопастность	26	12	98
склонность	87	47	347
нормальность	70	9	395
способность	68	9	132
надежность	76	16	479
правдивость	24	9	77
уместность	115	29	776
ценность	454	149	896
реакция	7	1	43
композиция	106	4	691

Рис. 3. Статистика частотности частнооценочных значений в дискурсе ежегодных пресс-конференций министра иностранных дел России с 2004 по 2018 г.



	выступления	вопросы	ответы
аппрециация	52,64%	45,83%	39,69%
суждение	32,78%	32,78%	32,78%
аффект	14,58%	32,74%	15,05%

Рис. 4. Статистика частотности оценки аффекта, суждения и аппрециации в дискурсе ежегодных пресс-конференций министра иностранных дел России с 2004 по 2018 г.

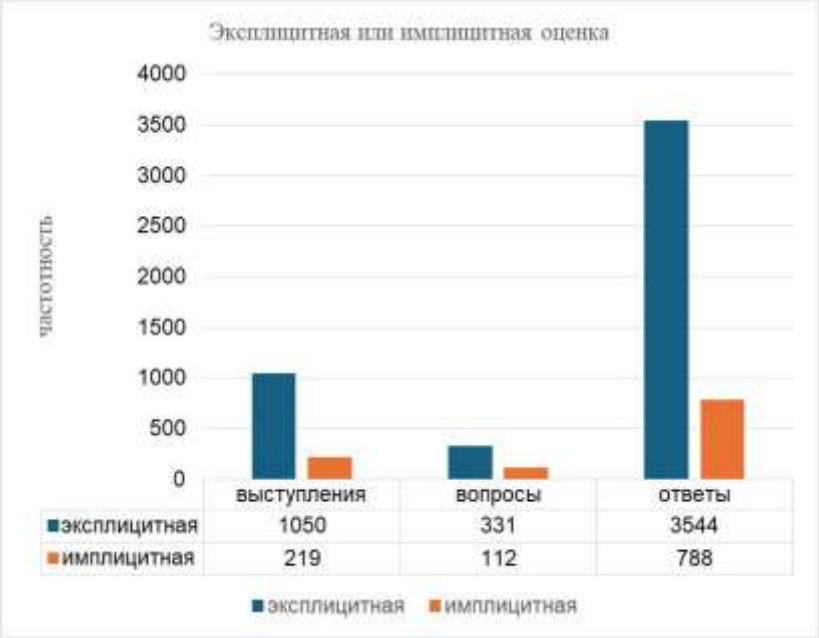


Рис. 5. Статистика частотности оценки эксплицитной и имплицитной в дискурсе ежегодных пресс-конференций министра иностранных дел России с 2004 по 2018 г.

В ответах на вопросы: 1) аффект: 618 случаев (15,05 %); 2) суждение: 1859 случаев (45,26 %); 3) аппрециация: 1630 случаев (39,69 %). Как свидетельствуют цифры, лидирует оценка суждения, затем наблюдаем оценку аппрециации и аффекта. Среди частнооценочных значений наиболее частотна оценка ценности (21,82 %), наименее — оценка счастья (0,85 %).

Количественные данные свидетельствуют о том, что в монологических выступлениях министр иностранных дел России чаще использует оценку аппрециации, что отражает ориентацию на систему социальных ценностей при анализе международных событий и дипломатических отношений. В диалогической части (вопросы журналистов и ответы) журналисты чаще применяют оценку ценности и аффекта, что указывает на их склонность к эмоциональному и ценностному восприятию событий. Министр в ответах прибегает к оценочным суждениям, что подчеркивает его ориентацию на правовые, нормативные и моральные критерии при оценке международных процессов.

Как показано на рисунке 5, в выступлениях министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях в период 2004–2018 гг. наблюдаются следующие показатели использования различных форм выражения оценочной семантики. В выступлениях министра: 1) эксплицитная оценка: 1050 случаев (82,74 %); 2) имплицитная оценка: 219 случаев (17,26 %). В вопросах журналистов: 1) эксплицитная оценка: 331 случай (74,72 %); 2) имплицитная оценка: 112 случаев (25,28 %). В ответах на вопросы: 1) эксплицитная оценка: 3544 случая (81,81 %); 2) имплицитная оценка: 788 случаев (18,19 %).

Полученные количественные данные свидетельствуют о том, что в русском медийно-дипломатическом дискурсе оценочные значения имеют как эксплицитные, так и имплицитные формы выражения, однако наблюдается явная тенденция к преобладанию эксплицитных форм выражения оценки. Это указывает на то, что в процессе продуцирования дискурса говорящие чаще склонны к прямой экспликации своих позиций, взглядов и оценочных суждений.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты семантической аннотации оценочных значений в исследуемом материале демонстрируют, что выбор оценочных языковых ресурсов в русском медийно-дипломатическом дискурсе (как монологическом, так и диалогическом) обладает как сходствами, так и различиями. Сходство заключается в том, что в русском медийно-дипломатическом дискурсе представлены все семантические категории оценки. Различие проявляется в вариативной частотности и процентном соотношении различных семантических категорий оценки в различных жанрово-коммуникативных подкорпусах. Дифференциация в выборе оценочных ресурсов русского медийно-дипломатического дискурса находится в прямой зависимости от различий между инициаторами коммуникации и

авторами данного дискурса. Как отмечается, «оценка представляет собой семантическое отражение идеологических представлений о действительности» [Сюй Тинтин 2018: 38]. Производители русского медийно-дипломатического дискурса могут использовать выбор различных категорий оценочных ресурсов для обслуживания интересов представляемых ими групп, «приближая или дистанцируя адресата посредством передачи информации и выражения убеждений и установок» [Чжу Юншэн, Ван Чжэнхуа 2013: 11].

В данном исследовании мы предприняли лингвистический анализ оценочных значений с позиций дискурсивного подхода. Обобщив семантические классификации оценочных значений, предложенные Дж. Мартином и Н. Д. Арутюновой, мы сосредоточились на выборе семантических категорий оценки в дискурсе как ключевом аспекте исследования, тем самым расширив изучение оценочных значений, передаваемых средствами русского языка, до дискурсивного уровня. На указанной теоретической основе мы разработали исследовательскую схему анализа выбора семантических категорий оценки в русском медийно-дипломатическом дискурсе. Данная схема отличается широкой применимостью и воспроизводимостью: она может быть использована для исследования оценочных значений в других типах политического или иных дискурсов, что способствует дальнейшему развитию исследовательских направлений политической лингвистики в рамках лингвистической науки.

ИСТОЧНИКИ

1. Стенограмма пресс-конференции Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова по внешнеполитическим итогам 2004 года в Пресс-центре МИД России, Москва, 19 января 2005 года. — 2005. — 19 янв. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1734165/?ysclid=mh042mfsho854786591 (дата обращения: 15.05.2026).

2. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на пресс-конференции по итогам 2005 года, Москва, 17 января 2006 года. — 2006. — 17 янв. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1667761/ (дата обращения: 15.05.2026).

3. Стенограмма ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пресс-конференции по итогам 2005 года, Москва, 17 января 2006 года. — 2006. — 17 янв. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1669047/?ysclid=mh05cvtu8p87650837 (дата обращения: 15.05.2026).

4. Стенограмма выступления и ответов Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2006 году, Москва, 20 декабря 2006 года. — 2006. — 20 дек. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/organizacia-ekonomiceskogo-sotrudnicestva-i-razvitia-oesr/1651965/ (дата обращения: 15.05.2026).

5. Стенограмма выступления и ответов на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пресс-конференции, посвященной внешнеполитическим итогам 2007 года, Пресс-центр МИД России, 23 января 2008 года. — 2008. — 23 января. — URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1712120/ (дата обращения: 15.05. 2026).

6. Стенограмма выступления и ответов на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пресс-конференции, посвященной внешнеполитическим итогам 2008 года, в МИД России, 16 января 2009 года. — 2009. — 16 января. — URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1675876/ (дата обращения: 15.05.2026).

7. Стенограмма выступления и ответов Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ на пресс-конференции, посвященной внешнеполитическим итогам 2009 года, Москва, 22 января 2010 года. — 2010. — 23 января. — URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1685790/ (дата обращения: 15.05.2026).

8. Выступление и ответы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2010 году Москва, 13 января 2011 года. — 2011. — 15 января. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1653682/ (дата обращения: 15.05.2026).

9. Вступительное слово Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2011 году, Москва, 18 января 2012 года. — 2012. — 18 января. — URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1692396/?ysclid=mh07xbcyvy666951967 (дата обращения: 15.05.2026).

10. Ответы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2011 году, Москва, 18 января 2012 года. — 2012. — 18 января. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/1696695/ (дата обращения: 15.05.2026).

11. Вступительное слово и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2012 году, Москва, 23 января 2013 года. — 2013. — 23 января. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1593524/ (дата обращения: 15.05.2026).

12. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2013 году, Москва, 21 января 2014 года. — 2014. — 21 января. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1731533/ (дата обращения: 15.05.2026).

13. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе ежегодной пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2014 году, Москва, 21 января 2015 года. — 2015. — 21 января. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1581948/ (дата обращения: 15.05.2026).

14. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2015 году, Москва, 26 января 2016 года. — 2016. — 26 января. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1521545/ (дата обращения: 15.05.2026).

15. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2016 году, Москва, 17 января 2017 года. — 2017. — 17 января. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1540711/ (дата обращения: 15.05.2026).

16. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2017 году, Москва, 15 января 2018 года. — 2018. — 15 января. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1560990/ (дата обращения: 15.05.2026).

17. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2018 году, Москва, 16 января 2019 года. — 2019. — 16 января. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1451497/ (дата обращения: 15.05.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с. — ISBN 5-02-010870-7.

2. Бахтин, М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари, 1997. — 732 с. — ISBN 5-89216-011-4.

3. Скворцова, А. В. Антропоцентрическая парадигма изучения категории «оценочность» в современной лингвистике / А. В. Скворцова // Перевод. Язык. Культура : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 15 апр. 2015 г. / отв. ред. Е. В. Дворецкая. — Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2015. — С. 150–154. — EDN UFEUEV.

4. Щипицына, А. А. Оценка действий человека в новостях науки: анализ с использованием модели оценок APPRAISAL MODEL / А. А. Щипицына // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 1. — С. 38–43. — EDN ZDBGSD.

5. Fowler, R. Language in the News / R. Fowler. — London : Routledge, 1991. — 254 p. — ISBN 9780415014199.

6. Halliday, M. An Introduction to Functional Grammar / M. Halliday. — 1st ed. — London : Edward Arnold, 1985. — 240 p.

7. Hunston, S. Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse / S. Hunston, G. Thompson. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 225 p. — ISBN 978-0198299868.

8. Martin, J. R. The language of evaluation: appraisal in English / J. R. Martin, P. R. R. White. — London : Palgrave Macmillan, 2005. — 278 p. — ISBN 9781403904096.

9. 刘立华. 评价理论研究 // 北京：外语教学与研究出版社. 2010年.221页. = Лю Лихуа. Исследование теории оценки / Лю Лихуа. — Пекин : Издательство по преподаванию и изучению иностранных языков, 2010. — 221 с.

10. 刘立华. 话语实践中的意义磋商与话语互动研究：中美国家领导人新闻发布会案例研究 // 天津外国语大学学报. 2018年.第2期.第63-77+159-160页. = Лю Лихуа. Исследование переговоров о значении и дискурсивного взаимодействия в речевой практике: на примере пресс-конференций лидеров Китая и США / Лю Лихуа // Журнал Тяньцзиньского университета иностранных языков. — 2018. —№ 2. — С. 63–77+159–160.

11. 刘立华. 社论体裁中评价的社会建构功能研究:以《中国日报》为例 // 山东外语教学.2008年.第3期.第18-25页. = Лю Лихуа. Исследование социально-конструктивной функции оценки в жанре редакционной статьи на примере China Daily / Лю Лихуа // Шаньдунский журнал преподавания иностранных языков. — 2008. —№ 3. — С. 18–25.

12. 冉志晗. 英汉社论话语权力的建构：从语篇的态度资源看起 // 合肥工业大学学报（社会科学版）.2012年.第3期.第59-65页. = Жань Чжихань. Формирование силы редакционного дискурса на английском и китайском языках: с точки зрения ресурсов дискурсивного отношения / Жань Чжихань // Журнал Хэфэйского технологического университета (издание по общественным наукам). — 2012. —№ 3. — С. 59–65.

13. 宋成方. 评价理论视角下的情感意义研究 // 北京：对外经贸大学出版社.2015年.188页. = Сун Чэнфан. Исследование эмоционального значения с точки зрения теории оценки / Сун Чэнфан. — Пекин : Издательство Университета международной экономики и торговли, 2015. — 188 с.

14. 王振华. 评价系统及其运作——系统功能语言学的新发展 // 外国语.2001年.第6期.第13-20页. = Ван Чжэньхуа. Модель оценки и её действие: новые разработки в системно-функциональной лингвистике / Ван Чжэньхуа // Иностранные языки. — 2001. — № 6. — С. 13–20.

15. 许婷婷.俄罗斯政党对十月革命评价研究 // 中国俄语教学. 2018年.第2期.第38-46页. = Сюй Тинтин. Исследование оценки Октябрьской революции российскими политическими партиями / Сюй Тинтин // Преподавание русского языка в Китае. — 2018. — № 2. — С. 38–46.

16. 朱永生 王振华. 马丁学术思想研究 // 北京：北京大学出版社.2013.209页. = Чжу Юншэн. Исследование академической мысли Дж. Мартина / Чжу Юншэн, Ван Чжэньхуа. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2013. — 209 с.

MATERIALS

1. Lavrov, S. V. (2005, Jan. 19). Transcript of the press conference of Russian Foreign Minister S. V. Lavrov on foreign policy results in 2004, held at the Russian Foreign Ministry Press Center, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1734165/.

2. Lavrov, S. V. (2006, Jan. 17). Speech by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov at a press conference on the results of 2005, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1667761/.

3. Lavrov, S. V. (2006, Jan. 17). Transcript of responses to media questions by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov at a press conference on the results of 2005, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1669047/.

4. Lavrov, S. V. (2006, Dec. 20). Transcript of speech and responses to media questions by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov at a press conference on the results of Russian diplomacy in 2006, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/organizacia-ekonomiceskogo-sotrudnicestva-i-razvitia-oesr/1651965/.

5. Lavrov, S. V. (2008, Jan. 23). Transcript of speech and responses to questions by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov at a press conference dedicated to the foreign policy results of 2007, Press Center of the Russian Foreign Ministry. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1712120/.

6. Lavrov, S. V. (2009, Jan. 16). Transcript of Remarks and Response to Questions by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov at a Press Conference on the Foreign Policy Results of 2008, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1675876/.

7. Lavrov, S. V. (2010, Jan. 23). Transcript of Remarks and Response to Questions by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov at a Press Conference on the Foreign Policy Results of 2009, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1685790/.

8. Lavrov, S. V. (2011, Jan. 15). Speech and responses by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov to media questions at a press conference on the results of Russian diplomacy in 2010, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1653682/.

9. Lavrov, S. V. (2012, Jan. 18). Opening remarks by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov at a press conference on the results of Russian diplomacy in 2011. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1692396/.

10. Lavrov, S. V. (2012, Jan. 18). Responses to media questions by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov at a press conference on the results of Russian diplomacy in 2011, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/1696695/.

11. Lavrov, S. V. (2013, Jan. 23). Introductory remarks and responses to media questions by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov at a press conference on the results of Russian diplomacy in 2012, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1593524/.

12. Lavrov, S. V. (2014, Jan. 21). Speech and answers to media questions by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov at a press conference on the results of Russian diplomacy in 2013, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1731533/.

13. Lavrov, S. V. (2015, Jan. 21). Speech and answers to media questions by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov at the annual press conference on the results of Russian diplomacy in 2014, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1581948/.

14. Lavrov, S. V. (2016, Jan. 26). Speech and answers to media questions by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov at a press conference on the results of Russian diplomacy in 2015, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1521545/.

15. Lavrov, S. V. (2017, Jan. 17). Speech and answers to media questions by Russian Foreign Minister S. V. Lavrov at a press conference on the results of Russian diplomacy in 2016, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1540711/.

16. Lavrov, S. V. (2018, Jan. 15). Speech and answers to media questions by Russian Foreign Minister Sergey Lavrov at a press conference on the results of Russian diplomacy in 2017, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1560990/.

17. Lavrov, S. V. (2019, Jan. 16). Speech and answers to media questions and questions from the media from Russian Foreign Minister S. V. Lavrov during a press conference on the results of Russian diplomacy in 2018, Moscow. Available at May 15, 2026 from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1451497/.

REFERENCES

1. Arutjunova, N. D. (1988). Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt = Types of Language Values: Evaluation. Event. Fact. Moscow: Nauka, 341 p.

2. Bahtin, M. M. (1997). Sobranie sochinenij. T.5: Raboty 1940-h — nachala 1960-h godov = Collected Works. Vol. 5: Works from the 1940s — Early 1960s. Moscow: Russkie slovari, 732 p.

3. Skvorcova, A. V. (2005). Antropocentricheskaja paradigma izuchenija kategorii «ocenochnost'» v sovremennoj lingvistike = The Anthropocentric Paradigm in the Study of the Category of "Evaluation" in Modern Linguistics. *Translation. Language. Culture: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, April 15, 2005 (Resp. ed. E. V. Dvoreckaja)*, 150–154. St. Petersburg: Leningrad St. Univ. n.a. A. S. Pushkin.

4. Shhipicyna, A. A. (2019). Ocenka dejstvij cheloveka v novostjah nauki: analiz s ispol'zovaniem modeli ocenok appraisal model = The Evaluation of Human Actions in Science News: An Analysis Using the Appraisal Model. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, *4*, 38–43.

5. Fowler, R. (1991). Language in the News. London: Routledge.

6. Halliday, M. (1985). An Introduction to Functional Grammar (1st ed.). London: Edward Arnold, 240.

7. Hunston, S., Thompson, G. (2000). Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse. Oxford: Oxford University Press.

8. Martin, J. R., White, P. R. R. (2005). The language of evaluation: appraisal in English. London: Palgrave Macmillan.

9. Liu, Lihua (2010). A Study of Evaluation Theory. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 221. (In Chinese)

10. Liu, Lihua (2018). A Study of Meaning Negotiation and Discourse Interaction in Discursive Practice: A Case Study of Chinese and American National Leaders' Press Conferences. *Journal of Tianjin Foreign Studies University*, *2*, 63–77, 159–160. (In Chinese)

11. Liu, Lihua. (2008). A Study on the Social Constructive Function of Evaluation in the Editorial Genre: A Case Study of China Daily. *Shandong Foreign Language Teaching*, *3*, 18–25.

12. Ran, Zhihan (2012). The Construction of Discourse Power in English and Chinese Editorials: From the Perspective of Attitudinal Resources in Text. *Journal of Hefei University of Technology (Social Sciences)*, *3*, 59–65. (In Chinese)

13. Song, Chengfang (2015). A Study of Affective Meaning from the Perspective of Appraisal Theory. Beijing: University of International Business and Economics Press, 188.

14. Wang, Zhenhua (2001). The Appraisal System and Its Operation: New Developments in Systemic Functional Linguistics. *Foreign Languages*, *6*, 13–20. (In Chinese)

15. Xu, Tingting (2018) Russian Political Parties' Evaluation of the October Revolution: A Research Study. *Russian Language Teaching in China*, *2*, 38–46. (In Chinese)

16. Zhu, Yongsheng, Wang, Zhenhua (2013). A Study of J. R. Martin's Academic Thought. Beijing: Peking University Press, 209. (In Chinese)

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33* *Код ВАК 5.9.9; 5.9.8*

Вэй Ишуай[1]✉, Ван Наньнань[2]✉

[1,2] Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай
[1] 3309202485@qq.com✉, https://orcid.org/0009-0008-4103-6700
[2] dlufl_wnn@163.com✉, https://orcid.org/0009-0003-1879-1883

Формирование национального имиджа Китая в русскоязычных СМИ: Саудовско-иранское примирение

АННОТАЦИЯ. *Язык является не только инструментом передачи информации, но и основным средством международной конкуренции за власть в дискурсе. На основе теории критического дискурс-анализа и методов корпусной лингвистики в данном исследовании изучаются языковые стратегии китайских официальных русскоязычных СМИ при освещении возобновления дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном. В статье осуществлен количественный и качественный анализ собственного корпуса из 35 сообщений. В содержании текстов СМИ часто использованы активные глаголы, ориентированные на результат, такие как «продолжить», существительное «инициатива» и позитивные прилагательные, такие как «конструктивный», а также грамматическая конструкция пассивного залога и риторические приемы «параллелизм» и «метонимия», чтобы сформировать имидж Китая как «эффективного посредника» и «практика многостороннего подхода». В дискурсивной практике, путем установления повестки дня, ослабляется роль других стран, а цитирование авторитетных заявлений, таких как заявления министра иностранных дел Ван И, усиливает достоверность дискурса, формируя монополию на «китайское лидерство» в нарративе. В социокультурном аспекте с помощью таких терминов, как «глобальная безопасность» и «внешнее вмешательство», точно отражается признание русскоязычной аудиторией многополярного порядка, а прямой перевод таких политических символов, как «ЦК КПК», демонстрирует уверенность в своей системе. Исследование показало, что СМИ с помощью трехсторонней стратегии координации дискурса успешно преобразовали дипломатическую практику в символический капитал. Этот механизм формирования не только усиливает власть дискурса Китая в мире, но и становится практическим примером концепции «Сообщества единой судьбы человечества», предоставляя развивающимся странам путь к участию в глобальном управлении.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, русскоязычные СМИ, язык СМИ, языковые средства, формирование национального имиджа, национальный имидж Китая, саудовско-иранские отношения, дипломатические отношения, возобновление дипломатических отношений, китайская дипломатия, критический дискурс-анализ.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Вэй Ишуай, аспирант, ассистент русского центра Даляньского университета иностранных языков, Далянь, Китай, email:3309202485@qq.com.*

Ван Наньнань, доктор гуманитарных наук, доцент Института русского языка, Даляньский университет иностранных языков (ДУИЯ), научный сотрудник Китайского центра исследований языков Северо-Восточной Азии при Государственном комитете по языковой политике и реформе (ДУИЯ), научный сотрудник русского центра ДУИЯ; Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, email: dlufl_wnn@163.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке фонда общественных наук провинции Ляонин по теме «Исследование дискурсивного конструирования и внешней коммуникации национального имиджа Китая официальными русскоязычными СМИ Китая», номер объекта: L24CYY012.

本文系2024年度辽宁省社会科学规划基金项目“中国官方俄语媒体对中国国家形象的话语建构与对外传播研究”（项目号：L24CYY012）的阶段性研究成果。

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Вэй, И.* Формирование национального имиджа Китая в русскоязычных СМИ: Саудовско-иранское примирение / Вэй Ишуай, Ван Наньнань . — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 235-252.

Wei Yishuai[1]✉, Wang Nannan[2]✉

[1,2] Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China
[1] 3309202485@qq.com✉, https://orcid.org/0009-0008-4103-6700
[2] dlufl_wnn@163.com✉, https://orcid.org/0009-0003-1879-1883

A Study of the Formation of China’s National Image in Russian-language Media: Saudi-Iranian Reconciliation

ABSTRACT. *Language is not only a tool for conveying information, but also the main means of international competition for discourse power. Drawing on the theory of critical discourse analysis and methods of corpus linguistics, this study explores the linguistic strategies employed by Chinese official Russian-language media in covering the resumption of diplomatic relations between Saudi Arabia and Iran. The article presents qualitative and quantitative analyses of a corpus of 35*

© Вэй Ишуай, Ван Наньнань, 2026

texts. These media texts often contain active verbs aimed at reaching a result such as "to continue", result-oriented nouns such as "initiative", and positive adjectives such as "constructive", as well as passive grammatical constructions and rhetorical figures of parallelism and metonymy to form the image of China as an "effective mediator" and an "advocate of multilateralism". In discursive practice, the role of other countries is weakened by way of setting the agenda, while citing authoritative statements, such as those by Foreign Minister Wang Yi, reinforces the credibility of discourse, forming a monopoly on "Chinese leadership" in the narrative. In the socio-cultural aspect, terms such as "global security" and "external interference" accurately reflect the Russian-speaking audience's recognition of a multipolar order, while the direct translation of political symbols such as "CCP Central Committee" demonstrates confidence in its system. The research shows that media, with the help of a three-pronged discourse coordination strategy, have successfully transformed diplomatic practice into a symbolic capital. This formation mechanism not only strengthens China's international voice, but also serves as a practical example of the concept of a "Community with a shared future for mankind", providing developing countries with a path to participate in global governance.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, Russian-language media, mass media language, language means, formation of the national image, national image of China, Saudi-Iranian relations, diplomatic relations, resumption of diplomatic relations, Chinese diplomacy, critical discourse analysis.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Wei Yishuai, Post-Graduate Student, Assistant Lecturer of the Russian Center DUFL, Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

Wang Nannan, PhD, Associate Professor of Institute of Russian Language, Dalian University of Foreign languages, Researcher of China Northeast Asian Language Research Center under the State Committee for Language Policy and Reform (DUFL), Researcher of the Russian Center DUFL; Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been financially supported by the Social Science Foundation of Liaoning Province "Research on the discursive construction and external communication of China's national image by official Russian-language media in China" (Project No. L24CYY012).

FOR CITATION: *Wei Yishuai, Wang Nannan*. (2026). A Study of the Formation of China's National Image in Russian-language Media: Saudi-Iranian Reconciliation. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 235-252. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

В докладе XX съезда Коммунистической партии Китая четко заявлено о необходимости ускорить создание китайского дискурса и системы повествования, делать их заметными, демонстрировать важность национально ориентированных сюжетов и представлять вызывающие доверие, симпатию и уважение к своей стране факты, положительно влияя на национальный имидж. В условиях углубленного развития глобализации формирование и распространение национального имиджа стало ключевым звеном в усилении международного влияния КНР. Особую важность эта задача приобрела после того, как были предложены инициатива «Пояс и путь» и концепция «Сообщество единой судьбы человечества», укрепляющие роль Китая в региональной политике. Другой пример важной внешнеполитической инициативы — подписание в марте 2023 г. Саудовской Аравией, Китаем и Ираном совместного заявления, в котором объявлено о возобновлении дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном. Это историческое событие не только ознаменовало начало мира и стабильности на Ближнем Востоке, но и продемонстрировало уникальную роль Китая как посредника в международных делах.

Успешное возобновление дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном еще больше укрепило позиции Китая в международном сообществе и предоставило новые возможности и вызовы для формирования и распространения национального имиджа Китая. В этом контексте официальные русскоязычные СМИ Китая (CGTN — Русский, People's Daily/Жэньминь Жибао), имеющие свои электронные версии, становятся важными платформами для распространения информации о Китае среди русскоязычного населения не только в одной стране, но и во всем мире. Освещая данное событие, официальные русскоязычные СМИ Китая могут показать русскоязычным гражданам многих стран усилия и достижения Китая в поддержании регионального мира и развитии международного сотрудничества, с тем чтобы сформировать имидж Китая как ответственной, открытой и проводящей инклюзивную политику страны.

2. ИССЛЕДОВАНИЕ ДИСКУРСА, ФОРМИРУЮЩЕГО НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ: ЭВОЛЮЦИЯ ПАРАДИГМЫ И ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Национальный имидж — это многомерное понятие, которое охватывает множество характеристик и ассоциаций, связанных с нацией. В частности, национальный имидж — это совокупность информационных сообщений, передаваемых по различным каналам (например, о политике, экономике, культуре и туризме, дипломатии, особенностях населения, инвестиционной среде, импортной и

экспортной торговле). Данная информация воздействует на международное сообщество рационально и эмоционально, формируя как сумму знаний о стране, так и эмоциональное впечатление о ней.

С точки зрения коммуникации, национальный имидж — это образ страны, отражаемый и конструируемый в публицистических сообщениях СМИ всех стран мира [Сюй Сяогэ 2000: 27]. Создание национального имиджа — это комплексный и единовременный процесс самоформирования и формирования имиджа другими. Более того, это процесс осмысления коммуникативного эффекта имиджа в международном контексте, а также процесс перестройки общественного мнения и осознания идентичности в различных аспектах [Ли Кэцинь 2017: 11]. В современных условиях, когда глобализация и локализация переплетаются, процесс формирования имиджа другими часто сопровождается непониманием, предрассудками и даже стигматизацией, что делает особенно важным формирование и распространение национального имиджа Китая через официальный медиадискурс.

В области дискурсивного конструирования имиджа Китая в транснациональных СМИ применение технологии текстового анализа открывает новый путь для диахронических исследований. Эмпирическое исследование основных СМИ США в период с 1979 по 2019 г. показало, что роль Китая как социального актора значительно возросла, а эволюция властных отношений отражает глубокие изменения в международном политическом и экономическом ландшафте [Линь Юйтин, Мяо Синвэй 2023: 89]. Недавнее сравнительное исследование возобновления дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном выявило фундаментальное различие в конструировании образа Китая китайскими и американскими СМИ: первые подчеркивают роль координатора, способствующего миру, а вторые фокусируются на стратегических намерениях, обусловленных экономическими интересами. Этот когнитивный разрыв отражает фундаментальное столкновение идеологических рамок и систем ценностей на международной коммуникативной арене [Янь Тун, Ху Кайбао 2024: 36].

Значительное число исследований посвящено международным спортивным мероприятиям, являющимся важной областью создания и распространения национального имиджа. Изучение интерпретации темы летних и зимних Олимпийских игр в Пекине в средствах массовой информации различных стран показывает, что существует значительный разрыв между китайскими и иностранными СМИ в освещении роли КНР и формировании ее имиджа в данной сфере [Ван Наньнань 2017: 17; 2023: 15]. Эмпирический анализ платформы «Twitter» показывает, что китайские СМИ сосредоточены на демонстрации культурной «мягкой силы» и организационного потенциала страны-организатора, в то время как западные СМИ склонны акцентировать внимание на политических вопросах [Чжан Вэйвэй и др. 2023: 77]. Стоит отметить, что российские СМИ представляют Китай как в позитивном свете, используя прилагательные «надежный, сильный и мирный», так и в негативном свете, обращая внимание на особенности противоэпидемической политики и на привилегированные условия для отдельных партнеров, что создает противоречивое повествование, проявляющееся в создании противоречивого имиджа Китая. Это показывает напряженность между взаимным политическим доверием и культурным восприятием в китайско-российском стратегическом партнерстве [Лю Хун, Чэнь Сыци 2023: 12].

На уровне конструирования теории национального имиджа российские ученые внесли уникальный вклад с точки зрения когнитивистики. Отмечается, что национальный имидж превратился в нематериальный капитал с геоэкономической ценностью, и качество его построения напрямую влияет на международную конкурентоспособность [Сагалаева 2020: 45]. Анализ медиадискурса, посвященного инициативе «Пояс и путь», показывает, что западные новостные организации систематически демонстрируют нелегитимность китайской инициативы посредством избирательного фрейминга, использования негативной лексики и экспертных дискурсивных стратегий [Гавра и др. 2011: 189]. Подобные критические исследования выявляют неравное распределение власти дискурса в глобальном информационном порядке и новые черты когнитивной войны в эпоху постправды [Ню Хэ 2023: 788]. Делая акцент на определении национального имиджа и формировании глобального имиджа, российские ученые подчеркивают политическую и экономическую ценность имиджевого капитала, тем самым изучая формирование современного национального имиджа как результат реализации глобальной дискурсивной компетенции.

Исходя из этого, данная публикация на основе анализа дискурса новостных сообщений, посвященных возобновлению дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном, направлена на раскрытие следующих исследовательских во-

просов:

1. С помощью каких языковых средств китайские официальные русскоязычные СМИ формируют национальный имидж Китая при освещении новостей о возобновлении дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном?
2. Какой национальный имидж создают официальные русскоязычные СМИ Китая в новостных сообщениях о возобновлении дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном?
3. Какие дискурсивные особенности были применены официальными русскоязычными СМИ Китая в новостных сообщениях о возобновлении дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном?

3. СБОР И ОБРАБОТКА КОРПУСА НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ КИТАЙСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

3.1. Обзор корпуса

Материалом для данной публикации стал самостоятельно спроектированный и созданный корпус новостных сообщений из официальных русскоязычных СМИ Китая: использовались электронные версии новостных сообщений международного проекта Центрального телеканала КНР «CGTN — Русский» (China Global Television Network) и ежедневной газеты «People's Daily (Жэньминь жибао)», являющейся органом ЦК Коммунистической партии Китая. Причиной выбора этих двух СМИ является то, что, с одной стороны, они признаны официальными русскоязычными СМИ Китая, обладающими высоким авторитетом и влиянием в сфере коммуникации, с другой — предоставили необходимый для исследования материал: опубликовали ряд подробных русскоязычных репортажей о возобновлении дипломатических отношений между двумя странами. Дата публикаций новостей на сайте «People's Daily (Жэньминь жибао)» охватывает период с 11 марта 2023 г. по 12 ноября 2024 г. [Источник 1], а «CGTN — Русский» — с 11 марта 2023 г. по 16 декабря 2023 г. [Источник 21].

Уточним, что новостные материалы взяты из электронных версий СМИ, а не из бумажных газет, и их анализ осуществлен с помощью инструмента *Sketch Engine*. В корпусе были заданы поисковые термины «Китай» и «Пекин», а результаты поиска были вручную проверены на предмет исключения слов и фраз, не имеющих отношения к избранному тематическому событию: возобновлению дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном. В этом исследовании корпус новостных сообщений на тему «Возобновление дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном», опубликованных в официальных русскоязычных СМИ Китая, составил 35 русскоязычных сообщений: 16 — из «CGTN — Русский», 19 — из «People's Daily (Жэньминь жибао)», общим объемом 2507 символов. На рисунке 1 в графическом виде представлено облако слов сгенерированного корпуса.

Рис. 1. Облако слов сгенерированного корпуса

3.2. Методология исследования

Основываясь на теориях критического дискурс-анализа (CDA) Н. Фэркло (Fairclough) и корпусной лингвистики, данное исследование изучает процесс формирования национального имиджа Китая в официальных русскоязычных китайских СМИ в контексте возобновления дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном и объясняет социальные намерения, отношения власти и скрытые идеологические предпосылки, стоящие за текстами.

В соответствии с теорией критического дискурс-анализа язык как социальная практика не только отражает реальность, но и формирует социальное восприятие и поведение и влияет на них, воспроизводя определенные идеологии. По замечанию Н. Фэркло, язык взаимодействует с ценностями и отношениями власти в социокультурной среде, образуя сложную сеть отношений [Fairclough 1989: 57]. Исходя из этого, ученый предлагает трехмерную модель критического дискурс-анализа, в рамках которой коммуникативная практика рассматривается как единство, включающее языковые тексты, дискурсивную практику и социальную практику. В частности, критический дискурс-анализ раскрывает социальную значимость дискурса через три этапа: изображение (анализ текста) фокусируется на формальных особенностях языка; разработка (анализ дискурсивной практики), изучающая процесс порождения, распространения и принятия дискурса; и интерпретация (анализ социокультурного аспекта), исследующая взаимодействие между дискурсивной практикой и социальной структурой [Ху Кайбао и др. 2018: 88; Янь Тун 2024: 42].

Одним из основных методов корпусной лингвистики является метод статистического анализа, основанный на обработке больших массивов текстовых данных. Процедура корпусного анализа включает три этапа: выбор и идентификация языковых данных с помощью их категориального анализа, соотнесение этих данных с привлечением количественно-статистических методов и интерпретация результатов в соответствии с целями исследования.

Цель использования метода в статье состоит в том, чтобы выявить закономерности, тенденции и структуру использования языковых средств, участвующих в создании определенного имиджа Китая. Количественный анализ языковых средств помогает выявить скрытые предвзятые представления, культурные тенденции или идеологию, имплицитно присутствующие в медийных дискурсах. Использование методов и приемов корпусной лингвистики предоставляет исследователям надежный инструмент для систематического выявления ключевых слов, фраз и грамматических моделей в текстах, а в данном исследовании помогает также изучить лексические и синтаксические средства, участвующие в создании имиджа Китая и в разработке имидж-стратегий публицистического дискурса о Китае.

Следует отметить, что использование критического дискурс-анализа и связанных с ним методических приемов корпусной лингвистики в данном исследовании направлено на выявление особенностей процесса формирования китайскими официальными русскоязычными СМИ национального имиджа Китая в контексте возобновления дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном. Исследовано сложное взаимодействие языка, власти и идеологии, позволяющее понять логику китайской практики в области международной коммуникации.

3.3. Этапы исследования

3.3.1. *Сбор корпуса*

В результате поиска по словам «Саудовская Аравия и Иран» и «Саудовская Аравия и Иран восстанавливают дипломатические отношения» на русскоязычных канале «CGTN» и сайте «People's Daily» было получено 41 сообщение, из которых 6 сообщений с малой релевантностью были исключены, чтобы повысить точность дискурсивного анализа темы и уменьшить дискурсивную интерференцию за счет текстов, не связанных с событием.

3.3.2. *Обработка корпуса*

После завершения сбора корпуса тексты были импортированы в программу *Sketch Engine* для анализа частоты слов, высокочастотных словосочетаний, ключевых слов и строк, содержащих предметный указатель слов.

3.3.3. *Анализ корпуса*

Следующий этап исследования состоит в практическом применении количественных методов и их качественной (семантико-стилистической) интерпретации. Были подсчитаны и упорядочены тематические словосочетания, ключевые слова и индексные строки тематических слов, на основе которых составлены таблицы данных.

3.3.4. *Обсуждение результатов и анализ причин*

Обсуждение полученных результатов, выявление их причин, связанных с конструированием национального имиджа Китая в сообщениях китайских официальных русскоязычных СМИ с точки зрения конфликта национальных интересов, различий в дипломатических концепциях и различий в ценностях СМИ.

4. ПРОЦЕССЫ, СТРАТЕГИИ И ЭФФЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ДИСКУРСА

Возобновление дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном стало крупным прорывом в международной дипломатии Китая в 2023 г. Китай сыграл ключевую роль посредника. С помощью систематических лингвистических стратегий китайские официальные русскоязычные СМИ возвысили роль Китая от «участника» до «доминирующего игрока» и использовали ее для создания имиджа «ответственной великой державы». Отталкиваясь от трехмерной структуры теории критического дискурс-анализа Н. Фэркло, в исследовании на основе языковых данных, полученных в результате количественного и качественного анализа собранного текстового корпуса, создается облачная схема коллокаций тематических слов («Китай» и «Пекин» — см. рис. 2 и 3), а также слов, сочетающихся с тематическими словами «Китай» и «Пекин» (табл. 1 и табл. 2), высокочастотных ключевых слов (табл. 3), высокочастотных словосочетаний (табл. 4) и индексных строк, связанных с тематическими словами (табл. 5 и табл. 6). Это используется для анализа того, как китайские СМИ занимаются формированием национального имиджа.

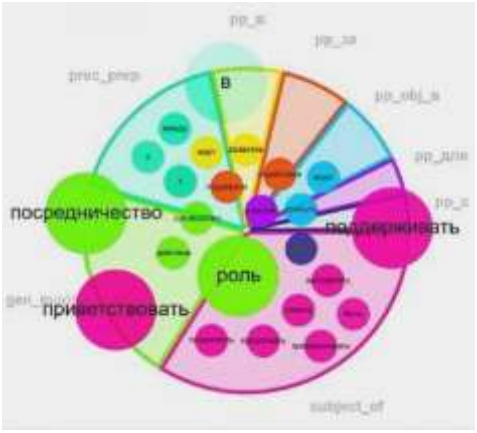


Рис. 2. Облачная схема коллокаций тематического слова «Китай»

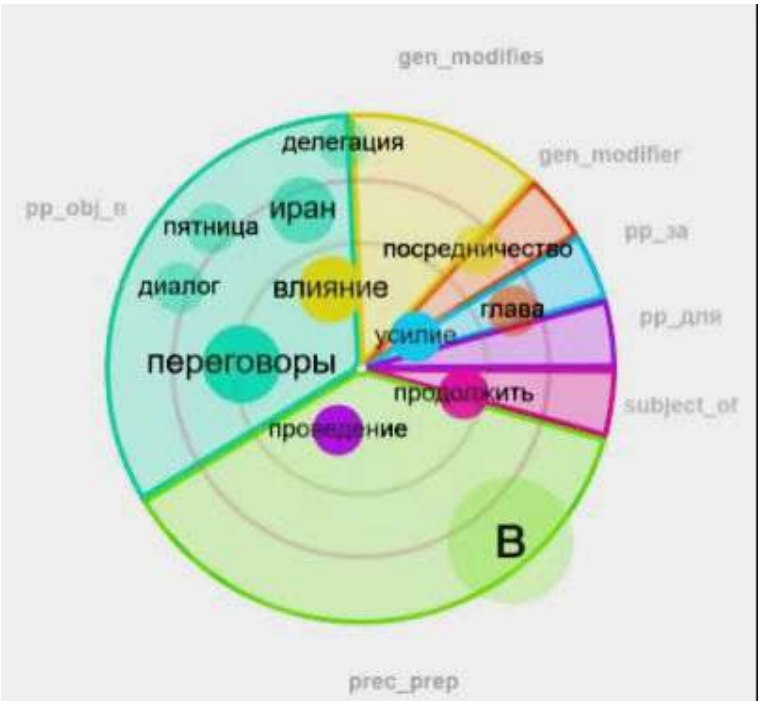


Рис. 3. Облачная схема коллокаций тематического слова «Пекин»

Таблица 1

Слова, сочетающиеся с тематическим словом «Китай»

Номер	Часть речи	Слово, сочетающееся с тематическим словом	Частота	Балл MI
1	Глагол	поддерживать	4	11.99
2		продолжать	3	23.41
3		приветствовать	3	12.29
4		помочь	2	11.54
5		быть	2	10.91
6		предпринимать	1	11.54
7		поблагодарить	1	13
8		выставлять	1	11.54
9	Существительное	переговоры	5	13.99
10		развитие	4	13
11		действие	3	12.19
12		поддержка	3	13.41
13		доверие	3	15.76
14		роль	2	13
15		посредничество	2	12.83
16		руководство	1	12.19
17		содействие	1	13.41
18		прибыль	1	13.41
19	Предлог	в	4	9.24
20		к	3	12.19
21		между	3	11.09
22		с	2	10.41

Таблица 2

Слова, сочетающиеся с тематическим словом «Пекин»

Номер	Часть речи	Слово, сочетающееся с тематическим словом	Частота	Балл MI
1	Глагол	усилить	2	12
2		продолжить	1	13.41
3	Существительное	переговоры	3	13.12
4		Иран	2	12.19
5		диалог	1	11.83
6		пятница	1	11.83
7		делегация	1	11.54
8		влияние	2	13.67
9		посредничество	1	12.41
10		глава	1	12.41
11		усилие	1	13.99
12		проведение	1	13.99

Таблица 3

Высокочастотные ключевые слова

Номер	Ключевое слово	Частота	Балл	Номер	Ключевое слово	Частота	Балл	Номер	Ключевое слово	Частота	Балл
1	Иран	50	897.225	27	ЦК	5	137.973	53	импульс	3	41.075
2	Аравия	48	2177.49	28	визит	5	65.297	54	взаимный	3	40.012
3	саудовский	31	2269.1	29	вмешательство	5	63.295	55	непрерывный	3	39.512
4	Китай	20	138.218	30	укрепление	5	46.557	56	китае-арабские	2	738.463
5	Восток	23	124.968	31	трехсторонний	4	516.758	57	китае-саудовская	2	738.463
6	Пекин	15	669.027	32	посредничество	4	413.434	58	Багери	2	733.44
7	улучшение	13	72.898	33	Тегеран	4	401.344	59	Си Цзиньпин	2	559.467
8	дипломатически	12	404.162	34	персидский	4	170.016	60	добрососедство	2	535.852
9	диалог	12	122.929	35	делегация	4	85.828	61	Абдель	2	517.353
10	китайский	11	58.043	36	залив	4	55.54	62	иранец	2	341.089
11	сотрудничество	11	48.462	37	продолжить	4	48.239	63	сплоченность	2	267.105
12	стабильность	10	145.511	38	подчеркнуть	4	45.994	64	обменяться	2	222.937
13	иранский	9	423.875	39	дипломатия	3	233.397	65	Политбюро	2	199.496
14	МИД	9	385.245	40	канцелярия	3	179.557	66	разорвать	2	169.123
15	соглашение	9	41.596	41	выдвинуть	3	162.87	67	всеобъемлющий	2	164.861
16	восстановление	8	40.531	42	дружественный	3	159.647	68	налаживание	2	163.517
17	Ливан	7	669.379	43	дипломат	3	136.887	69	проповедник	2	151.664
18	двусторонний	7	224.282	44	урегулирование	3	109.707	70	приверженность	2	144.201
19	конструктивный	7	95.41	45	разногласие	3	104.695	71	напряженность	2	63.659
20	примирение	6	365.946	46	посольство	3	74.593	72	казнь	2	58.66

Окончание таблицы 3

Номер	Ключевое слово	Частота	Балл	Номер	Ключевое слово	Частота	Балл	Номер	Ключевое слово	Частота	Балл
21	Вашингтон	6	163.122	47	держава	3	66.302	73	прорыв	2	54.391
22	позитивный	6	66.801	48	приветствовать	3	54.217	74	договоренность	2	51.43
23	ближний	6	50.497	49	оказать	3	49.171	75	поблагодарить	2	49.289
24	пекинский	5	697.796	50	грязный	3	48.841	76	посол	2	44.945
25	КПК	5	370.765	51	прикладывать	3	48.188	77	обсудить	2	42.987
26	возобновление	5	248.152	52	содействие	3	43.979	78	выразить	2	42.89

Таблица 4

Высокочастотные словосочетания

Номер	Словосочетание	Частота	Балл	Номер	Словосочетание	Частота	Балл
1	Средний Восток	17	3178.22	28	влияние Пекина	2	734.608
2	Саудовская Аравия	12	1625.24	29	шиитский проповедник	2	730.215
3	конструктивная роль	7	2387.2	30	непрерывное повышение	2	727.655
4	улучшение отношений	7	1841.34	31	продвижение процесса	2	722.777
5	Ближний Восток	6	228.557	32	грязная война	2	716.539
6	ЦК КПК	5	1515.93	33	восстановление связей	2	709.255
7	пекинский диалог	4	1475.93	34	тенденция времени	2	707.924
8	МИД Ирана	4	1392.92	35	роль Китая	2	705.518
9	председатель КНР	4	1092.63	36	практическое	2	694.25
10	Саудовская Аравия	4	1012.25	37	трехсторонняя встреча	2	691.539
11	китайская сторона	4	922.231	38	комиссия ЦК	2	682.325
12	положительное влияние	4	464.546	39	новейший вклад	2	661.608
13	процесса улучшения отношений	3	1104.93	40	успешная практика	2	658.095
14	китайский дипломат	3	1077.67	41	глобальная безопасность	2	645.207
15	страна Среднего Востока	3	1065.68	42	внешнее вмешательство	2	644.906
16	МИД КНР	3	1028.86	43	непрерывное повышение	2	644.305
17	процесса улучшения	3	1008.36	44	президент Ирана	2	588.121
18	новейший импульс	3	616.455	45	региональная безопасность	2	565.565
19	успешная практика инициативы	2	738.463	46	позитивное влияние	2	501.237
20	положительное влияние Пекина	2	738.463	47	область безопасности	2	411.176
21	практика инициативы	2	738.463	48	лучшая новость	2	296.972
22	посредничество Китая	2	738.463	49	Соединенные Штаты	2	190.348
23	примирение с Ираном	2	738.463	50	пути развития	2	126.928
24	продвижение процесса улучшения	2	738.463	51	совместная работа	2	88.229
25	иранский ученый Мохаммад Маранди	2	738.463	52	повышение уровня	2	75.067

Таблица 5

Индексная строка тематического слова «Китай»

Номер	Индексная строка
1	Глава МИД КНР выдвинул три предложения по улучшению отношений между Саудовской Аравией и Ираном; Саудовская Аравия и Иран привержены соглашению, заключенному при посредничестве ***Китая*** в марте этого года.
2	Глава МИД КНР Ван И: «***Китай*** поддерживает народы Ближнего Востока в самостоятельном поиске пути развития, совместной работе над решением проблем региональной безопасности».

Окончание таблицы 5

Номер	Индексная строка
3	***Китай*** продолжит поддерживать Саудовскую Аравию и Иран в продвижении процесса улучшения отношений, расценивает свое участие в нынешней встрече как возможность придать новый импульс дружбе между Саудовской Аравией и Ираном и внести новый вклад в содействие миру и стабильности на Ближнем Востоке.
4	Ван И, также являющийся главой Канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам, заявил, что ***Китай*** неизменно поддерживает народы Среднего Востока в совместной работе по разрешению вопросов региональной безопасности и поддерживает Саудовскую Аравию и Иран в непрерывном улучшении своих двусторонних отношений.
5	***Китай*** намерен использовать эту трехстороннюю встречу как возможность для того, чтобы придать новый импульс налаживанию добрососедских дружественных отношений между Саудовской Аравией и Ираном, а также внести новый вклад в укрепление мира и стабильности на Среднем Востоке, подчеркнул он.
6	***Пекинский*** диалог между Саудовской Аравией и Ираном стал успешной практикой инициативы по глобальной безопасности. При посредничестве и руководстве ***Китая*** после пятидневных переговоров в ***Пекине*** «два старых врага на Среднем Востоке» — Саудовская Аравия и Иран, в конечном итоге, подписали соглашение, в том числе согласились на возобновление двусторонних дипломатических отношений, открытие заново посольств и миссий в срок не больше двух месяцев.
7	Это свидетельствует о решимости Эр-Рияда и Тегерана всесторонне возобновить дипломатические отношения и связи в области безопасности, а также показывает, что посреднические действия ***Китая*** способствуют реализации фактического и полного соглашения, а не частичного и временного.
8	С тех пор, как в 2014 году председатель КНР Си Цзиньпин впервые предложил новую концепцию совместной, всеобъемлющей, комплексной, устойчивой безопасности, основанной на сотрудничестве, ***Китай*** продолжает прилагать неустанные усилия для укрепления безопасности на Среднем Востоке.
9	Саудовская Аравия и Иран направили свои делегации в Пекин для проведения диалога, что является признанием искреннего отношения КНР и доверием к **Китаю.**
10	***Китай***, со своей стороны, будет продолжать играть конструктивную роль в надлежащем разрешении острых проблем в мире в соответствии с пожеланиями разных стран, а также демонстрировать свою ответственность в качестве крупной державы.
11	***Китай*** приветствует обе стороны в активном изучении возможностей сотрудничества и расширении обменов в таких областях, как экономика, торговля, безопасность и гуманитарные контакты, и готов укреплять взаимодействие с ними, чтобы содействовать улучшению их отношений.
12	«Судьба Среднего Востока должна находиться в руках народов государств региона, — акцентировал внимание Ван И. — ***Китай*** всегда стоит на стороне арабских и мусульманских стран и поддерживает восстановление законных прав палестинского народа», — указал он.
13	***Китай***, в свою очередь, подчеркнул, что будет и впредь играть конструктивную роль и поддерживать Саудовскую Аравию и Иран в принятии дальнейших шагов по укреплению отношений.

4.1. Анализ текста: лингвистические особенности и формирование имиджа

На первом этапе в исследовании был проведен грамматико-семантический анализ лексики, участвующей в конструировании имидж-стратегий для подчеркивания вклада Китая в развитие межгосударственных отношений стран Среднего Востока. В частности, был осуществлен категориальный и функционально-семантический анализ глаголов, ориентированных на результативную семантику, изучены ценностные коннотации существительных и ценностно-положительная оценка прилагательных.

В таблицах 1 и 3 довольно часто встречается слово «продолжить». Это слово (табл. 5) часто используется для описания приверженности Китая последовательному процессу восстановления дипломатических отношений между двумя странами: *Китай продолжит поддерживать Саудовскую Аравию и Иран в продвижении процесса улучшения отношений, расценивает свое участие в нынешней встрече как возможность придать новый импульс дружбе между Саудовской Аравией и Ираном и внести новый вклад в содействие миру и стабильности на Ближнем Востоке* [Источник 23]. Данный глагол в медиадискурсе подчеркивает непрерывность процесса, названного вторым глаголом «поддерживать», и подразумевает, что Китай — не краткосрочный инициатор, вмешивающийся в процесс возобновления дипломатических отношений между двумя странами, а скорее участник, приверженный миру в Ближневосточном регионе в долгосрочной перспективе, актуализируя тем самым положительный компонент имиджа страны.

Саудовско-иранские отношения являются результатом сочетания региональных и религиозных разногласий. Обе страны, являясь «средними» мировыми державами и лидерами Ближнего Востока, хотят играть ведущую роль в ближневосточных делах, а их межконфессиональные споры имеют далеко идущие последствия для внешнеполитических акций. С 2021 г. Саудовская Аравия и Иран провели пять раундов прямых переговоров в Ираке, но ни один из них не привел к существенным результатам. В 2022 г. председатель КНР Си Цзиньпин посетил Саудовскую Аравию, чтобы принять участие в первом «саммите трех колец» Китай — Аравия, Китай — ГКК и Китай — Саудовская Аравия. В результате визита президента Ирана Раиси в Китай в 2023 г. была активирована программа ускорения «саудовско-

иранского сближения». При посредничестве Китая в марте 2023 г. Китай, Саудовская Аравия и Иран опубликовали Пекинскую декларацию.

«Инициатива» и «успешная практика инициативы» в таблице 4 связывают возобновление дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном с китайской «Глобальной инициативой по безопасности», подчеркивая тот факт, что китайская дипломатия высоко ценится развивающимися странами. Это подчеркивает новаторство Китая в области дипломатических концепций. Китайская «Глобальная инициатива по безопасности» способствует совместному реагированию международного сообщества на традиционные и нетрадиционные вызовы безопасности. Отглагольные существительные «восстановление» (табл. 3) и «установление связей» (табл. 4) подчеркивают «восстановление» отношений между двумя странами, а не их «реконструкцию», предполагая, что Китай, как нейтральная страна, выступил посредником и компенсировал исторические различия между двумя странами, обусловленные религиозными убеждениями, тем самым демонстрируя эффективную способность Китая восстанавливать международные отношения [Сунь Деган 2023: 100].

Прилагательное «конструктивный» имеет частоту 7 (табл. 3), и вместе с существительным «роль» (табл. 4) образует словосочетание «конструктивная роль», положительно характеризуя действия Китая. Таким образом, функционируя в публицистическом дискурсе, эти языковые единицы актуализируют сему «созидатель и творец» в имидже Китая как участника переговорного процесса, подчеркивая, что его вклад выходит за рамки краткосрочной выгоды и имеет стратегическое значение. Также лексические единицы «дружественный» и «добрососедские дружественные отношения» (соответственно табл. 3 и табл. 5) связывают посреднические цели Китая с его этическими ценностями.

В докладе XX съезда партии отмечается, что построение «Сообщества единой судьбы человечества» — это будущее всех народов мира. Только когда все страны следуют по пути мира, живут в гармонии и сотрудничают ради достижения взаимовыгодных результатов, можно обеспечить процветание и безопасность каждой страны отдельно и всего мира в целом. Китай внедряет свои собственные мирные и моральные ценности в международные дела, выдвигая «китайскую мудрость» и «китайские предложения» для решения глобальных проблем. Актуализация названных ценностей данной стратегической инициативы в китайском публицистическом русскоязычном дискурсе указанной тематики способствует формированию имиджа «миротворца».

На втором этапе в рамках исследования анализировались синтактико-грамматические особенности текстов созданного корпуса, влияющие на имидж-стратегии русскоязычного китайского дискурса. В частности, рассмотрена структура предложения как средство усиления логики изложения и объективности повествования, что достигается с помощью повышения частотности появления и позиции подлежащего в предложении, а также в результате использования обстоятельств в структуре предложений. В то же время замечено, что наличие сложносочиненных предложений акцентирует внимание на причинно-следственных цепочках, а страдательный (пассивный) залог ослабляет выражение автором и восприятие читателями субъективного намерения.

В таблице 5 находим шесть предложений, которые начинаются существительным-топонимом «Китай» в качестве подлежащего (например, предложения 2, 3, 5, 10, 11, 13), что синтаксически закрепляет и усиливает роль «Китая как лидера» в публицистическом русскоязычном имидж-дискурсе. Например: *Китай продолжит поддерживать Саудовскую Аравию и Иран…* [Источник 23]; *Китай, в свою очередь, подчеркнул…* [Источник 20] и т. д. В этих предложениях «Китай» выполняет функцию подлежащего и стоит в начале предложения, что отражает структуру «тема — рема» (т. е. модель «подлежащее — сказуемое»). Структура «тема — рема» в системной функциональной лингвистике называется тематической прогрессией (Thematic Progression). Такая конструкция предложения подчеркивает доминирующую роль и активную позицию Китая в описываемых событиях. Синтаксическая структура предложения и позиция в этой структуре ключевого слова-существительного подчеркивает имидж Китая как «фактора стабильности и мира».

В репортажах широко используются конструкции с препозициями «при посредничестве Китая», «по инициативе Китая» в качестве обстоятельств, чтобы подчеркнуть в имиджевой структуре такой компонент, как «Китай как посредник и стабилизатор». Эти обстоятельства находятся в начале или в середине предложения, подчеркивая посредническую роль Китая в делах Ближнего Востока. Например: *При посредничестве и руководящей роли Китая, после пятинедельных переговоров в Пекине…* [Источник 3]. Благодаря инструментальному обстоятель-

ству «при посредничестве» действия Китая перестают быть «фоном», а становятся решающей силой, способствующей достижению результата, демонстрируя мощные дипломатические и координационные способности.

В сообщениях обычно используются сложные предложения с разными видами синтаксической связи, чтобы отразить сложность, многоаспектность и полифункциональность действий и результатов участвующих субъектов, например, из табл. 5: *Это свидетельствует о решимости Эр-Рияда и Тегерана всесторонне возобновить дипломатические отношения и связи и в области безопасности, а также показывает, что посреднические действия Китая способствуют реализации фактического и полного соглашений, а не частичного и временного* [Источник 23]. Через однородные сказуемые главной части этого предложения *свидетельствует* и *показывает* решение Саудовской Аравии и Ирана о примирении сопоставляется с результатами посредничества Китая, что подразумевает логическую предпосылку: без вмешательства Китая между двумя странами не было бы достигнуто никакого существенного соглашения. В условиях упадка американской гегемонии и силовой политики «мирное предложение» Китая принесло «луч света» в ближневосточный конфликт, сделав Китай незаменимым участником урегулирования региональных конфликтов.

В индексной строке номер 1 (табл. 5) «*Саудовская Аравия и Иран привержены соглашению, заключенному при посредничестве Китая*» [Источник 3] глагольные формы использованы в пассивном залоге, что, по нашему мнению, приуменьшает субъективные мотивы Китая, подчеркивает объективность результатов. Использование сложных предложений различной конструкции усиливает логическую связь, пассивный залог формирует образ объективности и нейтральности, а структура предложения в совокупности служит формированию одного из компонентов дискурсивного имиджа Китая — «авторитетный посредник».

На третьем этапе проводился семантико-стилистический анализ текстового корпуса, выявивший риторические приемы повтора и метонимии, способствующие усилению убедительности высказывания и подчеркиванию дружелюбия государства соответственно.

Индексная строка таблицы 5 трижды повторяет глагол «поддерживает»: *поддерживает народы*… [Источник 19], *поддерживает страны*… [Источник 26], *поддерживает Саудовскую Аравию и Иран*… [Источник 23]. Глагольный повтор в пределах одного текста подчеркивает полноту и последовательность национальной позиции Китая в международных политических событиях. Китай всегда придерживался независимой внешней политики всех народов в достижении мира и развития.

Использование риторического приема метонимии фиксируется в высокочастотном словосочетании «пекинский диалог», где прилагательное «пекинский» использовано в качестве метонимического обозначения китайского, связывая его с данным событием (табл. 4). Пекин, как столица Китая, является международным дипломатическим центром и культурным туристическим городом. Пекин может вызывать определенные эмоции и активизировать воображение слушателей и читателей, тем самым косвенно усиливая элементы геополитического влияния и дружелюбия в международном имидже Китая.

4.2. Анализ дискурсивной практики — механизмы генерирования, распространения и приема

На первом этапе этой части исследования анализировалась генерация дискурса посредством формирования указанной темы и выделения фреймингов, сфокусированных на доминирующем вкладе Китая и на избирательном игнорировании роли других стран.

Благодаря частотному использованию слов «посредничество» и «инициатива» (табл. 3 и 4), оба СМИ представили описываемое событие как «успешную практику китайской программы» (табл. 5, индексная строка 6). Например: *Пекинский диалог между Саудовской Аравией и Ираном стал успешной практикой инициативы по глобальной безопасности. При посредничестве и руководстве Китая после пятидневных переговоров в Пекине «два старых врага на Среднем Востоке» — Саудовская Аравия и Иран, в конечном итоге, подписали соглашение, в том числе согласились на возобновление двусторонних дипломатических отношений, открытие заново посольств и миссий в срок не больше двух месяцев* [Источник 3]. В данном фрагменте текста подчеркиваются активные усилия и действия КНР, чтобы включить саудовско-иранское возобновление дипломатических отношений в дипломатический дискурс Китая и ослабить другие факторы. Китай внес свой вклад в позитивное решение проблемы преодоления «пропасти разногласий» между двумя странами. Это свидетельствует о неоценимом вкладе Китая в возобновление дипломатических отношений между двумя странами.

Существительные-топонимы «США» и «Вашингтон» в приведенных выше графиче-

ских данных появляются только в табл. 3 (количество употреблений — 6) и не входят в список высокочастотных фраз. Посредством дискурсивного исключения СМИ выстроили нарративную монополию «Китай как эффективный посредник». Формирование такого имиджевого преобладания основано на выборе лексики и фреймов, актуализирующих базовый, с точки зрения китайских русскоязычных СМИ, компонент имиджа Китая как центрального актора в событии «возобновление дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном».

На втором этапе изучалось влияние степени распространения дискурса посредством цитирования высказываний авторитетных общественно-политических деятелей и наличия в публикациях эмпирических данных.

Тексты собранного корпуса содержат прямые и косвенные цитаты Ван И, министра иностранных дел Китайской Народной Республики (табл. 4 и табл. 5), например: *Китай поддерживает народы Ближнего Востока в самостоятельном поиске пути развития, совместной работе над решением проблем региональной безопасности* [Источник 23] и *Ван И заявил, что Китай неизменно поддерживает народы Среднего Востока в самостоятельном поиске путей развития, поддерживает страны Среднего Востока в совместной работе по разрешению вопросов региональной безопасности и поддерживает Саудовскую Аравию и Иран в непрерывном улучшении своих двусторонних отношений* [Источник 20]. Слова Ван И неоднократно прямо цитировались в новостных сообщениях, а выступления авторитетных деятелей выражали их политическую поддержку и укрепляли доверие к ним.

В таблице 3 «соглашение» и «восстановление связей» в таблице 4 объединяют конкретные детали, такие как «На открытие посольства требуется два месяца», чтобы замаскировать субъективность построения дискурса «объективными данными».

Авторитетные цитаты и эмпирические стратегии обработки данных превращают политический дискурс в «факты» и повышают достоверность информации, влияющую на доверие и восприимчивость аудитории. Влияние Китая на Ближнем Востоке растет, что обеспечивает гарантию выполнения соглашения о возобновлении дипломатических отношений. Исторически сложилось так, что обе стороны конфликта стремились к тому, чтобы великие державы выступили в качестве свидетелей, гарантов или сторон, подписавших мировое соглашение, просто для того, чтобы использовать авторитет и влияние великих держав для создания благоприятных условий для реализации соглашения [Ню Синьчунь, Ли Шаосянь 2023: 40]. Успех этого события заключается не только в форме, он будет развит представителей Китая на местах.

На третьем этапе выявлена рецепция анализируемого имидж-дискурса и ее соответствие идеологии в странах, в которых проживают русскоязычные граждане.

Русский язык часто используется средствами массовой информации для освещения событий на Ближнем Востоке, когда целевой аудиторией являются русскоязычные жители стран Центральной Азии и Восточной Европы, соглашающиеся с концепцией «многополярного мира». Например, количественные данные таблицы 4 об использовании словосочетания «глобальная безопасность» перекликаются с принципом многосторонности и косвенно влияют на сужение основных позиций Китая в глобальных и региональных делах, накладывая свой отпечаток на формирование соответствующего компонента имиджа страны.

Китай выступает за установление многополярного миропорядка, выступает против однополярной гегемонии и силовой политики и считает, что миром должны управлять несколько стран для достижения более справедливого и разумного международного порядка. При этом одним из важных факторов реализации данной стратегии является уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности всех стран, поэтому Китай выступает за урегулирование международных споров мирными средствами, против вмешательства во внутренние дела других стран и поддерживает цели и принципы Устава ООН. Китай ратует за многосторонность сотрудничества и активно участвует в таких организациях, как ООН, ШОС и БРИКС для совместного решения на этих платформах глобальных проблем, таких как изменение климата, терроризм и региональные конфликты. Кроме того, Китай является основой оппозиции гегемонизму, односторонности и политике силы. Выступая за то, чтобы международные дела решались путем совместных консультаций между всеми странами, КНР критикует отдельные страны или группы, которые ставят во главу угла свои собственные интересы и вмешиваются в дела других стран по своему усмотрению.

4.3. Анализ социокультурного аспекта: взаимодействие между дискурсивной практикой и структурой властных отношений

Во-первых, роль Китая в восстановлении международного порядка представлена в двух аспектах: деконструкция нарратива

о западной гегемонии и практические примеры многосторонности.

Высокочастотное словосочетание «внешнее вмешательство» (табл. 4) контрастирует с «самостоятельным поиском» (табл. 4). Позиционирование Китая как сторонника «политики невмешательства» соотносится с требованием суверенитета и независимости стран Глобального Юга.

Частое использование словосочетания «внешнее вмешательство» указывает на наследие неоколониализма, создавая негативные исторические ассоциации с западным вмешательством, вызывая в развивающихся странах коллективные воспоминания о прокси-войнах времен холодной войны и «цветных революциях». Например, в рамках Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC) Китай неоднократно упоминал о своем «неприятии навязанных извне моделей развития», стремясь побудить развивающиеся страны строить свои государства путем независимого и автономного мирного развития. На Совете ООН по правам человека в 2023 г. представитель Китая подчеркнул, что «каждая цивилизация имеет право выбирать свой путь модернизации», напрямую отвечая на вопрос африканских стран по поводу долговой ловушки и деконструируя неолиберальную модель развития как «псевдоуниверсальную ценность», тем самым разоблачая лицемерие так называемых «универсальных ценностей» Запада.

Функционирование в созданном корпусе текстов словосочетаний «международная встреча» и «глобальная безопасность» (табл. 4) характеризует возобновление дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном как модель многостороннего сотрудничества и способствует актуализации глобальных представлений Китая, реализуемых в концепциях «Сообщество единой судьбы человечества» и «Глобальная цивилизационная инициатива». Китай участвует в восстановлении международного порядка посредством дискуссий и практики, позиционируя себя как лидера в «новом типе многосторонности». После XVIII съезда КПК Китай высоко поднял знамя мира, развития, сотрудничества и взаимной выгоды, активно участвовал в обеспечении безопасности на Ближнем Востоке, предоставлял услуги и реализовал дипломатию, основанные на инициативе «Сообщество единой судьбы человечества», способствуя региональному миру и развитию.

Во-вторых, расширение внутриполитической легитимности Китая отражается в дипломатической проекции институциональной уверенности в своих силах и национальной мобилизации.

Повторение высокочастотных слов «КПК» (табл. 3) и «ЦК» (табл. 4) однозначно подчеркивает заслугу руководства партии в дипломатических достижениях и укрепляет внутреннее признание «дипломатии великой державы с китайской спецификой». Это свидетельствует о том, что Китай под руководством КПК твердо уверен в своем пути, теории и системе управления и культуре как факторах поддержания и развития социализма с китайской спецификой в новую эпоху.

Количественные данные об использовании в публицистическом дискурсе слова «китайский» (табл. 3) и словосочетания «роль Китая» (табл. 4) говорят о связи национального поведения с национальной идентичностью через язык и вызывают национальную гордость у аудитории. Дипломатический дискурс становится инструментом распространения внутриполитической легитимности на международную арену, достигая единства внутреннего и внешнего нарративов.

Кроме того, был также изучен имидж Китая, актуализированный в высказываниях зарубежных ученых и официальных лиц международных организаций, зафиксированных в текстах созданного корпуса.

Анализируя индексные строки, относящиеся к тематическим терминам и содержащие аксиологические оценки, данные официальными лицами международных организаций и иностранными учеными роли Китая в саудовско-иранском возобновлении дипломатических отношений (табл. 6), можно сделать вывод, что сформирован образ Китая как великой державы в международном сообществе, эффективного и прагматичного международного посредника, проводника инновационных дипломатических концепций, гаранта региональной стабильности и приверженца многостороннего подхода.

Таблица 6

Индексная строка соответствующих оценок Китая зарубежными учеными и официальными лицами международных организаций

Номер	Индексная строка
1	Иранский ученый рассказал, как ***Китай*** помог восстановить отношения Ирана и Саудовской Аравии. Восстановление связей между Ираном и Саудовской Аравией произошло благодаря конструктивной роли Китая.
2	Иранский ученый, член иранской делегации в КНР Мохаммад Маранди: «Когда президент Ирана находился с официальным визитом в ***Китае***, двое глав государств вместе сидели и обсуждали, как решить региональные проблемы и снизить напряженность. Я думаю, это выставляет ***Китай*** в очень позитивном свете на Ближнем Востоке. И здесь у нас есть ***Китай*** с совершенно другим подходом, который предлагает свои услуги, чтобы помочь странам сблизиться и обеспечить стабильность в Персидском заливе и регионе в целом».
3	Валид ибн Абдель Карим аль-Херейджи и Али Багери Кани, со своей стороны, поблагодарили китайскую сторону за организацию встречи, заявив, что Саудовская Аравия и Иран приветствуют и поддерживают усиление роли ***Китая*** в развитии Среднего Востока.
4	Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш через своего представителя опубликовал заявление, согласно которому приветствует возобновление дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном, а также благодарит ***Китай*** за содействие диалогу.

Иранские ученые ясно дали понять, что возобновление дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном стало возможным благодаря конструктивной роли Китая. Генеральный секретарь ООН (индексная строка 4) также публично поблагодарил Китай за содействие диалогу. Китай рассматривается как «ключевая третья сторона», способная выйти из тупика и способствовать прорыву в сложной дипломатии, а его способность к посредничеству одобряется международными органами управления. В противоположность «интервенционализму», Китай демонстрирует эффективность «дипломатии без принуждения», вмешиваясь в ситуацию в спокойной манере и уважая суверенитет.

Иранские ученые отмечают радикально иной подход Китая к оказанию помощи региональным игрокам в самостоятельном урегулировании их разногласий путем предоставления платформы для диалога, а не оказания давления. Например, прямое обсуждение президентом Ирана региональных проблем с китайскими лидерами во время его визита в Китай рассматривается как проявление «позитивного имиджа». Дипломатическая модель Китая была истолкована как способ вырваться из традиционной логики гегемонии, а ее концепции «продвижения мира через развитие» и «замены конфронтации диалогом» стали инновационными решениями для смягчения ситуации на Ближнем Востоке.

Саудовская Аравия и Иран (индексная строка 3) совместно поблагодарили Китай за усиление его роли в развитии Ближнего Востока и поддержали дальнейшее участие Китая в региональных делах. Ученые особо отметили действия Китая по обеспечению стабильности в Персидском заливе и регионе в целом. Китай рассматривается не только как краткосрочный посредник, но и как долгосрочная стабилизирующая сила. Уравновешивая интересы всех сторон и не принимая ничью сторону, Китай создал себе имидж «надежного и нейтрального партнера».

Публичные заявления генерального секретаря ООН Гутерриша включили действия Китая в глобальную многостороннюю структуру, косвенно признавая вклад Китая в реформу международного порядка. С другой стороны, иранские ученые прокомментировали упоминания о многосторонней позиции Китая, направленной на развитие сотрудничества, а не на конфронтацию. Возобновление дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном рассматривается как успешный пример китайской «Глобальной инициативы по безопасности» и доказывает, что многосторонний подход может преодолеть идеологические разногласия и обеспечить новый путь для разрешения региональных конфликтов.

Комментарии зарубежных ученых и официальных лиц указывают на тройное повышение имиджа Китая на международной арене: 1) прорыв в потенциале — от «участника» к «правителю»: Китай продемонстрировал отличную от традиционных крупных держав силу дипломатических действий; 2) прорыв в концепции — от «последователя» к «новатору»: «Китайское решение» стало важной альтернативой западному интервенционализму; 3) от «регионального актора» к «глобальному актору»: выступая посредником в урегулировании конфликта между Саудовской Аравией и Ираном, Китай доказал способность брать на себя широкие международные обязательства. Такое формирование имиджа не только укрепило «мягкую силу» Китая, но и предоставило развивающимся странам дипломатическую модель «девестернизации».

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В текстах новостей о возобновлении дипломатических отношений между двумя странами официальные русскоязычные СМИ Китая совершили формирование национального имиджа с помощью многослойной языковой стратегии. На текстовом уровне с помощью активной лексики, сложных предложений и риторических приемов создается имидж «активного, ответственного и этичного» субъекта; на практическом уровне дискурса с помощью формулирования актуальных вопросов дня, авторитетных цитат и культурной адаптации формируется нарративная структура «управляемый Китаем»; наконец, на социальном и культурном уровне двойная идентичность «лидера многосторонности» и «институционального превосходства» реализуется путем согласования требований международного порядка с внутренней политической легитимностью. Такого рода имидж-формирование является не только победой языковой стратегии, но и проявлением мягкой силы Китая в миниатюре и повышением авторитета на международном уровне. Превратив дипломатическую практику в символический капитал, Китай успешно сформировал в общественном мнении субъектов, владеющих русским языком, имидж ответственной державы, отличной от Запада. Этот имидж служит его глобальным стратегическим целям. Китай постепенно формирует национальный имидж авторитетной, открытой к диалогу и респектабельной страны, трансформирует свою дипломатическую практику в дискурсивную силу и в конечном итоге осуществляет качественный скачок от формирования имиджа другими к его самостоятельному конструированию в международном нарративе, используя языковые ресурсы наиболее распространенных в мире языков, одним из которых является русский. Конечным результатом станут ведущие к усилению влияния качественные изменения в имидже, дискурсе Китая и его международной роли.

ИСТОЧНИКИ

1. Сайт People's Daily / Жэньминь Жибао. — URL: http://russian.people.com.cn/ (дата обращения: 12.02.2025).

2. Саудовская Аравия и Иран восстановят дипломатические отношения и вновь откроют посольства. — 2023. — 11 марта. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0311/c31521-10220401.html (дата обращения: 12.02.2025).

3. Пекинский диалог между Саудовской Аравией и Ираном стал успешной практикой инициативы по глобальной безопасности. — 2023. — 13 марта. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0313/c95181-10221310.html (дата обращения: 12.02.2025).

4. Китай готов продолжать работу над решением йеменского вопроса — дипломат. — 2023. — 17 марта. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0317/c31520-10223639.html (дата обращения: 12.02.2025).

5. Глава МИД Ирана заявил о намерении провести встречу с коллегой из Саудовской Аравии. — 2023. — 20 марта. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0320/c31520-10224595.html (дата обращения: 12.02.2025).

6. Президент Ирана получил приглашение от короля Саудовской Аравии посетить Эр-Рияд — чиновник. — 2023. — 20 марта. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0320/c31520-10224610.html (дата обращения: 12.02.2025).

7. Главы МИД Ирана и Саудовской Аравии провели телефонный разговор и договорились о скорой встрече. — 2023. — 24 марта. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0324/c31520-10226788.html (дата обращения: 12.02.2025).

8. Главы МИД Ирана и Саудовской Аравии обсудили предстоящую двустороннюю встречу. — 2023. — 28 марта. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0328/c31520-10228070.html (дата обращения: 12.02.2025).

9. Иран и Саудовская Аравия проводят обмен визитами делегаций и готовятся к возобновлению работы дипмиссий. — 2023. — 11 апреля. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0411/c31520-20003850.html (дата обращения: 12.02.2025).

10. Восстановление отношений с Саудовской Аравией окажет позитивное влияние на мир и стабильность в регионе: МИД Ирана. — 2023. — 11 апреля. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0411/c31520-20004031.html (дата обращения: 12.02.2025).

11. Иранская делегация прибыла в Саудовскую Аравию для подготовки к возобновлению работы посольства и консульства Ирана в этой стране. — 2023. — 13 апреля. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0413/c31520-20005294.html (дата обращения: 12.02.2025).

12. Китай готов содействовать возобновлению мирных переговоров между Израилем и Палестиной — глава МИД. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0418/c31521-20007123.html (дата обращения: 12.02.2025).

13. МИД КНР представил достижения Китая в области реализации Инициативы по глобальной безопасности за год. — 2023. — 23 апреля. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0423/c31521-20009493.html (дата обращения: 12.02.2025).

14. Глава МИД Ирана заявил об открытии в ближайшее время дипломатических миссий в Иране и Саудовской Аравии. — 2023. — 29 апреля. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0429/c31520-20013185.html (дата обращения: 12. 02.2025).

15. Китай готов прикладывать совместные с Ливаном усилия в целях непрерывного повышения уровня двустороннего дружественного сотрудничества — спецпосланник КНР. — 2023. — 1 мая. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0501/c31520-20013387.html (дата обращения: 12.02.2025).

16. Посольство Ирана в Саудовской Аравии возобновило работу. — 2023. — 7 июня. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0607/c31520-20028638.html (дата обращения: 12. 02.2025).

17. Предложенные КНР инициативы важны для БРИКС и мировой экономики — египетский эксперт. — 2023. — 28 августа. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0828/c31520-20064005.html (дата обращения: 12.02.2025).

18. Иран и Саудовская Аравия достигли первоначального соглашения об отмене виз для торговцев — чиновник. — 2023. — 30 октября. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/1030/c31520-20090503.html (дата обращения: 12.02.2025).

19. Глава Канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам провел встречу с представителями Саудовской Аравии и Ирана. — 2023. — 18 декабря. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/1218/c31521-20111483.html (дата обращения: 12.02.2025).

20. Глава Канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам провел встречу с представителями Саудовской Аравии и Ирана. — 2023. — 18 декабря. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/1218/c31521-20111483.html (дата обращения: 12.02.2025).

21. Сайт CGTN-Русский. — URL: https://russian.cgtn.com/home (дата обращения: 10.02.2025).

22. Тегеран открыл посольство в Саудовской Аравии после семилетнего разрыва отношений. — 2023 — 8 июня. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-06-08/16666711012075847 70/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

23. Глава МИД КНР выдвинул три предложения по улучшению отношений между Саудовской Аравией и Ираном. — 2023. — 16 декабря. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-12-16/1735952652650557442/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

24. Иранская делегация прибыла в Саудовскую Аравию для открытия дипломатических представительств. — 2023. — 13 апреля. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-04-13/1646439320026030081/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

25. Иранский ученый: примирение Ирана и Саудовской Аравии демонстрирует положительное влияние Пекина. — 2023. — 13 марта. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-03-13/1635288167955505154/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

26. Иранский ученый рассказал, как Китай помог восстановить отношения Ирана и Саудовской Аравии. — 2023. — 14 марта. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-03-14/1635561214990032897/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

27. Саудовская Аравия и Иран договорились восстановить дипотношения спустя 7 лет разногласий. — 2023. — 11 марта. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-03-11/1634506528699691009/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

28. Делегация Саудовской Аравии примет участие в выставке Iran Expo 2023. — 2023. — 7 мая. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-05-07/1655180210073661442/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

29. Президент Ирана получил приглашение от короля Саудовской Аравии посетить Эр-Рияд. — 2023. — 20 марта. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-03-20/1637680424068296706/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

30. Глава МИД Ирана прибыл в Саудовскую Аравию впервые с 2016 года. — 2023. — 18 августа. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-08-18/1692462395319021570/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

31. В Иран для обсуждения процедуры восстановления работы дипмиссий прибыла делегация из Саудовской Аравии. — 2023. — 9 апреля. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-04-09/1644920805465944066/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

32. Иран направит делегацию в Саудовскую Аравию для открытия посольства. — 2023. — 10 апреля. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-04-10/1645283791586095105/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

33. Президент Ирана провел переговоры с главой МИД Саудовской Аравии. — 2023. — 18 июня. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-06-18/1670361191889924097/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

34. Посольство и консульства Ирана в Саудовской Аравии возобновляют работу. — 2023. — 2 мая. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-05-02/1653344103957733377/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

35. Иран намерен вновь открыть посольство в Саудовской Аравии. — 2023. — 6 июня. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-06-06/1665943098018177026/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

36. Иран и Саудовская Аравия обменяются визитами на высоком уровне. — 2023. — 18 апреля. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-04-18/1648203645287866369/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

37. Иран назначил посла в Саудовской Аравии. — 2023. — 23 мая. — URL: https://russian.cgtn.com/news/2023-05-23/1661008518707310593/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ван, Наньнань. Дискурсивная конструкция имиджа Китая на фоне выдвинутой концепции «Пояс и путь» / Ван Наньнань, Цао Хуэйлинь // Закон и власть. — 2023. — № 5. — С. 12–17. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-konstruktsiya-imidzha-kitaya-na-fone-vydvinutoy-kontseptsii-poyas-i-put (дата обращения: 12.05.2026).

2. Гавра, Д. П. Внешний имидж государства в медиапространстве / Д. П. Гавра, А. С. Савицкая, Д. П. Шишкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2011. — № 3. — С. 187–196. — EDN OKAPGT.

3. Ню, Х. Формирование имиджа Китая в западных масс-медиа в контексте инициативы «Один пояс — один путь» (по материалам британского новостного телеканала BBC News) / Х. Ню // Вопросы теории и практики журналистики. — 2023. — Т. 12, № 4. — С. 784–800. — DOI 10.17150/2308-6203.2023.12(4).784-800. — EDN RMVKSG.

4. Сагалаева, С. С. Имидж государства: сущность и подходы к определению / С. С. Сагалаева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2020. — № 2 (839). — С. 43–54. — EDN RHXVVY.

5. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. — New York : Longman, 1989. — ISBN 0-582-03633-8.

6. 胡开宝, 田绪军. 中国外交话语英译中的中国外交形象研究——一项基于语料库的研究 // 中国外语. 2018年. 第6期. 第79-88页. = Ху Кайбао. Исследование образа китайской дипломатии в английских переводах дипломатического дискурса Китая: корпусный подход / Ху Кайбао, Тянь Сюйцзюнь // Иностранные языки в Китае. — 2018. — № 6. — С. 79–88.

7. 刘宏, 陈思琪. 中国国家形象的他者阐释——以俄罗斯媒体北京冬奥会报道为例 // 中国俄语教学. 2023年. 第42卷第3期. 第10-20页. = Лю, Хун. Интерпретация китайского национального имиджа через призму «Другого»: анализ освещения Пекинской зимней Олимпиады в российских СМИ / Лю Хун, Чэнь Сыци // Китайская русистика. — 2023. — Т. 42, № 3. — С. 10–20.

8. 林克勤. 自我觉醒与形象重构: 中国文化域外分层传播的向度解析 // 现代传播(中国传媒大学学报). 2017年. 第7期. 第10-15页. = Линь Кэцинь. Самоосознание и реконструкция имиджа: анализ направлений многоуровневого распространения китайской культуры за рубежом / Линь Кэцинь // Современные коммуникации (Журнал Китайского университета медиа и коммуникаций). — 2017. — № 7. — С. 10–15.

9. 林予婷，苗兴伟. 美国主流媒体对中国国家形象的话语建构——基于文本挖掘的历时研究 // 解放军外国语学院学报. 2023年. 第3期. 第87-95页. = Линь, Юйтин. Дискурсивное конструирование китайского национального имиджа в американских СМИ: диахроническое исследование на основе текстового анализа / Линь Юйтин, Мяо Синвэй // Журнал Института иностранных языков НОАК. — 2023. — № 3. — С. 87–95.

10. 牛新春, 李绍先. 乘势而上: 中国斡旋沙特伊朗复交及其影响 // 国际问题研究. 2023年. 第3期. 第38-54+139-140页. = Ню Синьчунь. Использование благоприятной ситуации: посредничество Китая в восстановлении отношений Саудовской Аравии и Ирана и его влияние / Ню Синьчунь, Ли Шаосянь // Исследования международных проблем. — 2023. — № 3. — С. 38–54, 139–140.

11. 孙德刚. 沙特与伊朗复交历程中的人类命运共同体实践 // 当代中国与世界. 2023年. 第3期. 第97-104页. = Сунь Дэганг. Практика сообщества единой судьбы человечества в процессе восстановления отношений между Саудовской Аравией и Ираном / Сунь Дэганг // Современный Китай и мир. — 2023. — № 3. — С. 97–104.

12. 王楠楠. 俄罗斯语境下中国国家形象的话语建构研究——以俄罗斯媒体对北京奥运会的报道为例 // 东北亚外语研究. 2017年. 第5卷第2期. 第15-19+41页. = Ван Наньнань. Дискурсивное конструирование имиджа Китая в российском контексте: на примере освещения Пекинской Олимпиады в российских СМИ / Ван Наньнань // Исследования иностранных языков Северо-Восточной Азии. — 2017. — Т. 5, № 2. — С. 15–19, 41.

13. 徐小鸽. 国际新闻传播中的国家形象问题 // 国际传播 — 现代传播论文集. 2000年. 第27页. = Сюй Сяогэ. Проблема национального имиджа в международной журналистике и коммуникации / Сюй Сяогэ // Международные коммуникации : сборник статей по современным коммуникациям. — [Б. м.], 2000. — С. 27.

14. 闫潼. 基于语料库的新加坡外交话语中的中国形象研究 // 北京第二外国语学院学报. 2024年. 第46卷第5期. 第27-44页. = Янь Тун. Корпусное исследование образа Китая в дипломатическом дискурсе Сингапура / Янь Тун // Вестник Пекинского института иностранных языков. — 2024. — № 2. — Т. 46, № 5. — С. 27–44.

15. 闫潼，胡开宝. 中美媒体“沙伊复交”报道的中国国家身份构建对比——基于语料库的情感分析与主题建模 // 外语研究. 2024年. 第1期. 第28-36页. = Янь Тун. Сравнительный анализ конструирования китайской национальной идентичности в китайских и американских СМИ: эмоциональный анализ и тематическое моделирование на основе корпуса / Янь Тун, Ху Кайбао // Исследования иностранных языков. — 2024. — № 1. — С. 28–36.

16. 张薇薇, 刘蘅仪, 易玥曈, 等. 中国国家形象建构新路径——基于中外主流媒体对北京冬奥会报道的考察 // 国际传播. 2023年. 第2期. 第70-78页. = Чжан Вэйвэй. Новые пути формирования имиджа Китая: исследование освещения Пекинской зимней Олимпиады в ведущих китайских и зарубежных СМИ / Чжан Вэйвэй, Лю Хэнъи, И Юэтун и др. // Международные коммуникации. — 2023. — № 2. — С. 70–78.

MATERIALS

1. People’s Daily / Renmin Ribao website (n.d.). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/.

2. Saudi Arabia and Iran will restore diplomatic relations and reopen embassies (2023, March 11). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0311/c31521-10220401.html.

3. The Beijing Dialogue between Saudi Arabia and Iran has become a successful practice of the global security initiative (2023, March 13). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0313/c95181-10221310.html.

4. China is ready to continue working on resolving the Yemen issue — diplomat (2023, March 17). Available at Feb. 12, 2025 http://russian.people.com.cn/n3/2023/0317/c31520-10223639.html.

5. The Iranian Foreign Minister announced his intention to meet with his counterpart from Saudi Arabia (2023, March 20). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0320/c31520-10224595.html.

6. The Iranian President received an invitation from the King of Saudi Arabia to visit Riyadh — official (2023, March 20). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0320/c31520-10224610.html.

7. The foreign ministers of Iran and Saudi Arabia held a telephone conversation and agreed to meet soon (2023, March 24). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0324/c31520-10226788.html.

8. The foreign ministers of Iran and Saudi Arabia discussed the upcoming bilateral meeting (2023, March 28). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0328/c31520-10228070.html.

9. Iran and Saudi Arabia are exchanging visits of delegations and preparing to resume the work of diplomatic missions (2023, April 11). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0411/c31520-20003850.html.

10. Restoring relations with Saudi Arabia will have a positive impact on peace and stability in the region: Iranian Foreign Ministry (2023, April 11). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0411/c31520-20004031.html.

11. An Iranian delegation arrived in Saudi Arabia to prepare for the resumption of work of the Iranian embassy and consulate in that country (2023, April 13). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0413/c31520-20005294.html.

12. China is ready to facilitate the resumption of peace talks between Israel and Palestine — Foreign Minister (n.d.). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0418/c31521-20007123.html.

13. The Chinese Foreign Ministry presented China's achievements in implementing the Global Security Initiative for the year (2023, April 23). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0423/c31521-20009493.html.

14. The Iranian Foreign Minister announced the opening of diplomatic missions in Iran and Saudi Arabia in the near future (2023, April 29). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0429/c31520-20013185.html.

15. China is ready to work with Lebanon to continuously enhance the level of friendly bilateral cooperation — PRC Special Envoy (2023, May 1). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0501/c31520-20013387.html.

16. The Iranian Embassy in Saudi Arabia has resumed operations (2023, June 7). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0607/c31520-20028638.html.

17. China's proposed initiatives are important for BRICS and the global economy — Egyptian expert (2023, August 28). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/0828/c31520-20064005.html.

18. Iran and Saudi Arabia reached an initial agreement to waive visas for traders — official (2023, October 30). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/1030/c31520-20090503.html.

19. The head of the Office of the Foreign Affairs Commission of the CPC Central Committee held a meeting with representatives of Saudi Arabia and Iran (2023, December 18). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/1218/c31521-20111483.html.

20. The Director of the Office of the Foreign Affairs Commission of the CPC Central Committee held a meeting with representatives of Saudi Arabia and Iran (2023, December 18). Available at Feb. 12, 2025 from http://russian.people.com.cn/n3/2023/1218/c31521-20111483.html.

21. CGTN-Russian website (n.d.). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/home.

22. Tehran opened an embassy in Saudi Arabia after a seven-year severance of relations (2023, June 8). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-06-08/1666671101207584770/index.html.

23. The head of the Chinese Foreign Ministry put forward three proposals for improving relations between Saudi Arabia and Iran (2023, December 16). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-12-16/1735952652650557442/index.html.

24. An Iranian delegation arrived in Saudi Arabia to open diplomatic missions (2023, April 13). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-04-13/1646439320026030081/index.html.

25. Iranian scholar: Iran-Saudi Arabia reconciliation demonstrates Beijing's positive influence (2023, March 13). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-03-13/1635288167955505154/index.html.

26. Iranian scholar explains how China helped restore relations between Iran and Saudi Arabia (2023, March 14). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-03-14/1635561214990032897/index.html.

27. Saudi Arabia and Iran have agreed to restore diplomatic relations after seven years of disagreement (2023, March 11). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-03-11/1634506528699691009/index.html.

28. A Saudi Arabian delegation will participate in the Iran Expo 2023 (2023, May 7). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-05-07/1655180210073661442/index.html.

29. The Iranian President received an invitation from the King of Saudi Arabia to visit Riyadh (2023, March 20). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-03-20/1637680424068296706/index.html.

30. The Iranian Foreign Minister arrived in Saudi Arabia for the first time since 2016 (2023, August 18). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-08-18/1692462395319021570/index.html.

31. A delegation from Saudi Arabia arrived in Iran to discuss the procedure for resuming the work of diplomatic missions (2023, April 9). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-04-09/1644920805465944066/index.html.

32. Iran will send a delegation to Saudi Arabia to open an embassy (2023, April 10). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-04-10/1645283791586095105/index.html.

33. The Iranian President held talks with the Saudi Arabian Foreign Minister (2023, June 18). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-06-18/1670361191889924097/index.html.

34. The Iranian embassy and consulates in Saudi Arabia are reopening (2023, May 2). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-05-02/1653344103957733377/index.html.

35. Iran intends to reopen its embassy in Saudi Arabia (2023, June 6). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-06-06/1665943098018177026/index.html.

36. Iran and Saudi Arabia will exchange high-level visits (2023, April 18). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-04-18/1648203645287866369/index.html.

37. Iran has appointed an ambassador to Saudi Arabia (2023, May 23). Available at Feb. 10, 2025 from https://russian.cgtn.com/news/2023-05-23/1661008518707310593/index.html.

REFERENCES

1. Wang Nannan, Cao Huilin. (2023). Diskursivnaya konstruktsiya imidzha Kitaya na fone vynutoy kontseptsii «Poyas i put'» = Discursive Construction of China's Image in the Context of the "Belt and Road" Initiative. *Law and authority*, *5*, 12–17.

2. Gavra, D. P., Savitskaya, A. S., Shishkin, D. P. (2011). Vneshniy imidzh gosudarstva v mediaprostranstve = The External Image of the State in the Media Space. *Bulletin of Saint Petersburg University. Language and Literature*, *3*, 187–196.

3. Niu He. (2023). Formirovanie imidzha Kitaya v zapadnykh massmedia v kontekste initsiativy «Odin poyas—odin put'» (po materialam britanskogo novostnogo telekanala BBC News) = The Formation of China's Image in Western Media in the Context of the "Belt and Road" Initiative (Based on BBC News Materials). *Issues in journalism theory and practice*, *12*(4), 784–800.

4. Sagalaeva, S. S. (2020). Imidzh gosudarstva: sushchnost' i podkhody k opredeleniyu = The Image of the State: Essence and Approaches to Definition. *Journal of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, *2*(839), 43–54.

5. Fairclough, N. (1989). Language and Power. New York: Longman, 1989.

6. Hu, K. B., Tian, X. J. (2018). Research on China's diplomatic image in English translation of Chinese diplomatic discourse: A corpus-based study. *China Foreign Language*, *6*, 79–88. (In Chinese)

7. Liu, H., Chen, S. Q. (2023). Othering China's national image: A study of Russian media coverage of the Beijing Winter Olympics. *Russian Language Teaching in China*, *42*(3), 10–20. (In Chinese)

8. Lin, K. Q. (2017). Self-awareness and image reconstruction: Dimensions of stratified dissemination of Chinese culture abroad. *Modern Communication (Journal of Communication University of China)*, *39*(7), 10–15. (In Chinese)

9. Lin, Y. T., Miao, X. W. (2023). Discursive construction of China's national image in American mainstream media: A diachronic study based on text mining. *Journal of PLA University of Foreign Languages*, *46*(3), 87–95. (In Chinese)

10. Niu, X. C., Li, S. X. (2023). Seizing the opportunity: China's mediation in Saudi-Iranian reconciliation and its implications. *International Affairs*, *3*, 38–54+139–140. (In Chinese)

11. Sun, D. G. (2023). Practice of building a community with a shared future for humanity in the process of Saudi-Iranian reconciliation. *Contemporary China and the World*, *3*, 97–104. (In Chinese)

12. Wang, Nannan.(2017). Discourse Construction of China's National Image in the Russian Context: A Case Study of Russian Media Coverage of the Beijing Olympics. *Northeast Asian Foreign Language Studies*, *5*(2), 15–19+41.

13. Xu, X. G. (2000). Problems of national image in international news communication. *International communication — Essays on modern communication (Ed. Liu J. N.)*, 27. Beijing Broadcasting Institute Press. (In Chinese)

14. Yan, T. (2024). A corpus-based study of China's image in Singaporean diplomatic discourse. *Journal of Beijing International Studies University*, *46*(5), 27–44. (In Chinese)

15. Yan, T., Hu, K. B. (2024). Comparative analysis of Chinese national identity construction in US and Chinese media coverage of Saudi-Iranian reconciliation: Sentiment analysis and topic modeling based on corpus. *Foreign Language Studies*, *41*(1), 28–36. (In Chinese)

16. Zhang, W. W., Liu, H. Y., Yi, Y. T., et al. (2023). New paths for constructing China's national image: An investigation based on domestic and foreign mainstream media coverage of the Beijing Winter Olympics. *International communication*, *2*, 70–78. (In Chinese)

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.161.1'42+821.161.1-2(Булгаков М. А.)
ББК Ш141.12-51+Ш33(2Рос=Рус)6-8,444 *ГРНТИ 16.21.33* *Код ВАК 5.9.8*

Лян Вэйци
Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай, liangweiqi@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5481-979X

Формы обращения в драматургии М. А. Булгакова 1920-х гг. как социальные и политические маркеры

АННОТАЦИЯ. *В статье исследуется прагматический потенциал форм обращения в драматургии М. А. Булгакова 1920-х гг. («Дни Турбиных», «Бег», «Зойкина квартира»). Целью работы является выявление роли вокативных форм как социально-иерархических и политических маркеров, отражающих динамику власти, трансформацию идентичности и социальные конфликты в послереволюционную эпоху. Методологическую базу исследования составляет междисциплинарный подход, сочетающий методы политической лингвистики, дискурс-анализа и лингвопрагматики. В работе применяются контекстуальный анализ речевых актов и семантическая интерпретация лексем, подвергшихся идеологизации. Выявлено, что в условиях «языковой революции» формы обращения утрачивают этикетную нейтральность, превращаясь в инструменты идеологического маркирования «своих» и «чужих». Выделены три группы обращений: политически маркированные (товарищ, господин, гражданин); формы субординации, отражающие распад иерархии; периферийные формы. Установлено, что у героев Булгакова выбор обращения часто становится зоной высокого прагматического риска и средством стратегического позиционирования. Представленный в работе анализ позволяет сделать вывод о том, что формы обращения в художественном мире Булгакова выступают в качестве механизма символического конструирования социальной реальности, фиксируя кризис традиционного речевого этикета и процессы переустройства властных отношений в 1920-е годы. Результаты исследования могут быть использованы в вузовских общих и специальных курсах, связанных с филологическим анализом текста, историей русской литературы, политической лингвистикой и культурологией.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, литературные сюжеты, драматургия, пьесы, формы обращения, речевой этикет, лингвопрагматика, политическая лингвистика, художественные тексты, речевые акты, социальные маркеры, политические маркеры, М. А. Булгаков.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Лян Вэйци, кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета русистики, Институт западных языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуанчжоу, Китай, email: liangweiqi@yandex.ru.*

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена в рамках «Программы поддержки молодых талантов» (Yumiao Program, 2024–2026) Института западных языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли. / 本文系广东外语外贸大学西方语言文化学院“育苗计划”科研项目(2024-2026)阶段性成果。

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Лян, В.* Формы обращения в драматургии М. А. Булгакова 1920-х гг. как социальные и политические маркеры / Лян Вэйци. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 253-261.

Liang Weiqi
Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China, liangweiqi@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5481-979X

Forms of Address in M. A. Bulgakov’s Dramaturgy of the 1920s as Social and Political Markers

ABSTRACT. *This article examines the pragmatic potential of forms of address in M. A. Bulgakov’s plays of the 1920s (Days of the Turbins, Flight, Zoyka’s Apartment). The aim of the study is to identify the role of vocative forms as socio-hierarchical and political markers reflecting the power dynamics, identity transformation and social conflicts in the post-revolutionary era. The methodological research framework rests on an interdisciplinary approach combining the methods of political linguistics, discourse analysis, and linguopragmatics. The study employs the contextual analysis of speech acts and the semantic interpretation of ideologized lexical units. It is demonstrated that under the conditions of a “linguistic revolution,” forms of address lose their etiquette neutrality and become instruments of ideological marking of “own” and “alien.” Three groups of address forms are identified: politically marked forms (e.g., tovarishch, gospodin, grazhdanin); forms of subordination reflecting the collapse of hierarchy; and peripheral forms. It is argued that the choice of address by Bulgakov’s characters often becomes a zone of high pragmatic risk and a means of strategic positioning. The analysis, presented in the article, leads to the conclusion that the forms of address in Bulgakov’s artistic world function as a mechanism of symbolic construction of social reality, capturing the crisis of traditional speech etiquette and the processes of restructuring power relations in the 1920s. The results of the study can be applied in university-level general and specialized courses related to philological text analysis, history of Russian literature, political linguistics, and cultural studies.*

© Лян Вэйци, 2026

KEYWORDS: *Russian literature, Russian writers, literary creative activity, literary genres, literary plots, dramaturgy, plays, forms of address, speech etiquette, linguopragmatics, political linguistics, fiction texts, speech acts, social markers, political markers, M.A. Bulgakov.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Liang Weiqi, Doctor of Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Studies, Institute of Western Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.*

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been carried out within the frames of the "Program of Support for Young Talented Scholars" (Yumiao Program, 2024–2026) of the Institute of Western Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies.

FOR CITATION: *Liang Weiqi.* (2026). Forms of Address in M. A. Bulgakov's Dramaturgy of the 1920s as Social and Political Markers. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 253-261. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Революционные события 1917 г. выступили мощным экстралингвистическим фактором, радикально изменившим социально-символическую роль языка: он утратил нейтральность и оказался включенным в пространство интенсивной идеологической семантизации [Гао 2023]. В условиях исторического разлома язык стал полем острой политико-идеологической борьбы; он функционировал уже не только как репрезентант социальной реальности, но и как активный инструмент ее конструирования и мобилизации общества.

В политической лингвистике подобные периоды характеризуются как моменты «языковой революции», когда происходит резкая перестройка коммуникативных кодов и прагматических норм, а формы обращения начинают функционировать как вербальные индикаторы смены властных иерархий и идеологических режимов [Пономаренко, Сегал, Цыганкова 2024]. В связи с этим особую значимость приобретает мысль А. Д. Васильева о том, что эволюция вокативных форм представляет собой сложный социокультурный процесс, отражающий трансформацию коллективного сознания и институциональных моделей взаимодействия: обращения не только фиксируют социальную стратификацию, но и реализуют семиотическую оппозицию «свой / чужой» как базовый механизм политической идентификации [Васильев 2008; 2009].

Данная динамика особенно отчетливо проявляется в 1920-е годы, когда традиционная система чинов и титулов Российской империи, институционально закрепленная «Табелью о рангах», подвергается демонтажу и замещается новой системой идеологически маркированных номинаций [Виноградов 2017]. В этих условиях формы обращения начинают выполнять не только этикетную, но и ярко выраженную политико-антропологическую функцию, поскольку, по наблюдению И. Б. Фан и Н. В. Багичевой, в них фиксируются отношения власти, равенства и неравенства, а также модели господства и подчинения [Фан, Багичева 2025: 279].

Обращение может выступать в качестве предельно экспрессивного элемента речевого этикета, маркирующего социальную позицию субъекта в структуре общественных отношений [Формановская 1982]. В данном контексте драматургия М. А. Булгакова 1920-х гг. («Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Бег»), созданная в условиях исторической и языковой турбулентности, отражает процессы лингвополитической трансформации с высокой степенью художественной и социолингвистической репрезентативности.

В пьесах Булгакова речевой этикет утрачивает формально-декоративный характер и превращается в прагматически значимый механизм идентификации и позиционирования субъекта речи. Целью настоящей статьи является выявление прагматического потенциала форм обращений в драматургии Булгакова как социальных и политических маркеров, репрезентирующих конфликт идентичностей, социальную стратификацию и идеологическую поляризацию дискурсивного пространства.

ПОЛИТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ КАК СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ — ЧУЖОЙ»

После Октябрьской революции традиционные речевые нормы подверглись системной дестабилизации: новые социально-политические отношения привели к разрушению прежней системы речевого этикета, особенно в сфере обращений [Трофименко, Волгин 1991: 58]. В результате особую значимость приобрели политически маркированные формы обращения, такие как *господин*, *товарищ* и *гражданин*, каждая из которых заняла специфическое положение в новой идеологически организованной системе номинаций.

В дореволюционном дискурсе обращение *господин* функционировало как устойчивый маркер социальной иерархии и сословной асимметрии. После революции оно подверглось радикальной семантической переоценке: в советском идеологическом дискурсе данная форма приобретает негативно-

оценочную коннотацию, ассоциируясь с социальным неравенством — буржуазностью, классовым господством. В условиях Гражданской войны *господин* начинает функционировать как индекс «чужого», маркирующий потенциального или актуального противника новой политической системы [Васильев 2008: 88].

Слово *товарищ* демонстрирует иную траекторию семантической эволюции. Фиксируемое в XIX в. как обозначение участия в совместной деятельности [Даль 1998: IV: 774], оно приобретает в революционном дискурсе специализированную идеологическую функцию. По наблюдению А. В. Зеленина, оно подвергается функциональной редукции и одновременно институционализации в рамках нового политического лексикона [Зеленин 2003: 95]. В рамках раннереволюционных практик *товарищ* выступает как элемент внутригрупповой номинации, маркирующий принадлежность к «своим» — идеологически легитимированному коллективу [Фан, Багичева 2025: 281]. С установлением советской власти форма *товарищ* приобретает статус официального универсального обращения, выполняющего функцию символического конструирования социальной равнозначности. Как отмечает Н. И. Формановская, данная форма использовалась как по отношению к незнакомым лицам, потенциально включенным в систему идеологической солидарности, так и к членам устойчивых социальных групп [Формановская 1989: 25]. Однако в среде дореволюционной интеллигенции она нередко воспринималась как навязанная и идеологически маркированная, что свидетельствует о ее высокой прагматической напряженности.

Обращение *гражданин* занимает промежуточное положение в данной системе. В отличие от формы *товарищ*, обладающей выраженной позитивной маркированностью, и формы *господин*, подвергшейся негативной переоценке, вариант *гражданин* первоначально функционирует как относительно нейтральный. Однако в условиях Гражданской войны и институционализации советской государственности он постепенно приобретает административно-дискурсивную окраску, закрепляясь как обращение к субъектам, не включенным в пространство идеологической солидарности или воспринимаемым как социально дистанцированные [Фан, Багичева 2025: 283].

Таким образом, формируется трехкомпонентная система идеологически маркированных обращений: *товарищ* как индекс включенности в «свое» сообщество, *господин* как маркер отчужденного «чужого» и *гражданин* как форма институциональной дистанцированности.

В художественном дискурсе Булгакова данная система подвергается сложной семантико-прагматической дестабилизации, превращаясь в источник коммуникативных конфликтов и идеологических столкновений [см., напр.: Чжан Ди 2018].

В пьесе «Бег» Хлудов использует оксюморонное сочетание «господин товарищ», сопровождая его ироничным предупреждением: «Не истолкуйте превратно выкрика „сволочь“, господин товарищ. О севастопольской сволочи говорю» [Булгаков 1997: V: 240]. Здесь обыгран официальный статус Корзухина, в прошлом занимавшего должность товарища (заместителя) министра. Данное сочетание приводит к размыванию прагматических свойств обеих форм: *господин* утрачивает статус уважительного обращения, а *товарищ* — функцию символической солидарности. Возникает эффект дискурсивной иронии, при котором обращение становится инструментом вербальной деконструкции социальной идентичности адресата.

Когда персонажи не уверены в политических взглядах собеседников, они вынуждены предпринимать рискованные и зачастую тщетные попытки подобрать приемлемую форму обращения. В таких условиях акт номинации утрачивает этикетную предсказуемость и превращается в прагматически рискованный выбор, чреватый коммуникативным и социальным санкционированием. Показателен в этом отношении эпизод в петлюровском штабе из «Дней Турбиных». «Человек с корзиной» (сапожник), обращаясь к петлюровскому офицеру Галаньбе, сначала использует форму «товарищ военный», однако сталкивается с резким отторжением: «Що? Товарищ? Кто ж тут тебе товарищ?» [Булгаков 1997: IV: 348]. Попытка коррекции стратегии — переход к форме «господин военный» — также оказывается неудачной: Галаньба отвергает обращение, заявляя, что он не «господин», и уточняет, что «господа» все находятся в городе с гетманом, тогда как здесь им «кишки повымотывают» [там же].

Особого внимания заслуживает финал этого эпизода, в котором языковая агрессия переходит в прямое санкционирование насилия: приказ «Урежь этому господину по шее» сопровождается саркастическим вопросом о том, «яки господа тут?» [там же]. В данной ситуации речь функционально редуцируется до механизма жесткой сегрегации по принципу «свой / чужой». Для «человека с корзиной» выбор между словами *товарищ* и *господин* превращается в прагма-

тическую ловушку: в условиях разрушенного лингвокультурного кода любое обращение оказывается идеологически нагруженным и потенциально опасным. Рассматриваемый эпизод демонстрирует «прагматический тупик», при котором политический конфликт приводит к кризису коммуникативной безопасности, а обращение к «другому» приобретает характер символически санкционированного акта насилия.

В пьесе «Зойкина квартира» система обращений демонстрирует высокую степень функциональной дифференциации в зависимости от коммуникативной сферы и социального статуса участников взаимодействия. Обращение *господин* используется исключительно в ночное время в пределах квартиры-ателье Зои Пельц, среди «своих», и маркирует остаточные формы дореволюционного этикета, выполняя роль символического индикатора «закрытого» социального мира.

В противоположность этому, *гражданин* закрепляется за официально-административной сферой, реализуя функцию институциональной дистанции и правового обозначения субъекта. Показателен выбор данной формы во второй редакции пьесы: управдом Аллилуйя, обращаясь к Обольянинову, использует формулу «Здравствуйте, гражданин Обольянинов» [Булгаков 1997: V: 345], тогда как Зою Денисовну он называет по имени-отчеству, что снижает степень официальной дистанции. Такое распределение обращений мотивировано социально-ролевой логикой: по отношению к «бывшему» графу актуализируется официально-дистанцирующая номинация, тогда как в отношении хозяйки, от которой зависит бытовая ситуация, допускается более мягкий регистр.

Аналогичная прагматика проявляется в репликах других персонажей: Аметистов при первой встрече с Обольяниновым просит Зою познакомить себя с «гражданином…» [там же: 67], а Гусь именует Аметистова «гражданином администратором» [там же: 93; 97]. В данных случаях *гражданин* функционирует как нейтрально-официальная номинация, релевантная для делового взаимодействия, но лишенная идеологической коннотации и эмоциональной «солидарности», характерной для слова *товарищ*.

Обращение *товарищ* (нередко с усилителями «дорогой», «уважаемый») в пространстве пьесы закрепляется преимущественно за фигурами, ассоциированными с властью: так обозначен милиционер Пеструхин в списке действующих лиц, так же его называют Аллилуйя и Гусь. Данная форма не столько указывает на равенство, сколько демонстрирует лояльность, сигнализируя о признании советского порядка и включенности в его иерархию. При этом *товарищ* может использоваться и стратегически — как инструмент социального позиционирования.

Показателен Аметистов, который, входя в незнакомое пространство, использует обращение *товарищ* («Эй, товарищ! Кто тут есть? Зоя Денисовна дома?» [там же: 66]), тем самым маркируя себя как «своего». В дальнейшем он последовательно расширяет сферу употребления данной формы, применяя ее к сотрудницам и клиенткам, а также в официальных ситуациях. В его речевой стратегии *товарищ* выступает универсальным прагматическим маркером, обеспечивающим имитацию идеологической благонадежности и ситуативной адаптации.

Финальная сцена пьесы особенно отчетливо демонстрирует функциональную дифференциацию трех ключевых обращений. Пеструхин начинает допрос с формального *гражданин* — номинации, фиксирующей административный статус адресата как подотчетного государству субъекта. Аллилуйя, осознав угрозу разоблачения, переходит к многократному и эмоционально нагруженному *товарищ*, стремясь подтвердить принадлежность к «своим», несмотря на исходное обращение *граждане*. Данная смена регистра маркирует прагматическую нестабильность и коммуникативную зависимость от властной оценки.

Ответная реакция милиционеров выражается в переходе к асимметричному режиму общения: они отказываются от официального регистра, используют фамильярное *ты* и оскорбительные номинации («председатель свинячий» [там же: 128]), где *ты*-форма функционирует не как показатель близости, а как инструмент символического доминирования и вербального унижения. По отношению к посетителям квартиры, напротив, сохраняется подчеркнуто формальное *граждане*, маркирующее их социальную дистанцированность и положение вне властной структуры. Лишь во второй редакции эпизодически фиксируется неофициальная форма *гражданочка*, приобретающая оттенок иронически-пренебрежительной фамильярности [там же: 374].

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В ДИСКУРСЕ СУБОРДИНАЦИИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ

Центральное место в системе персонажей пьес «Дни Турбиных» и «Бег» занимают офицеры, для которых соблюдение субординации является базовым нормативным принципом. В «Зойкиной квартире» ряд персонажей демонстрирует претензии на при-

надлежность к дореволюционной элите. Во всех трех произведениях язык субординации функционирует не только как средство коммуникации, но и как механизм конструирования социальной реальности, маркирования статуса и репрезентации властных отношений. В данном контексте формы обращения выступают как элементы дискурсивной регуляции, обеспечивающие символическое воспроизводство иерархий и легитимацию власти.

Как отмечает Ю. А. Федосюк, в дореволюционной служебной среде обращение к старшему по чину строго регламентировалось и варьировалось от *вашего благородия* до *вашего высокопревосходительства* [Федосюк 2000: 27]. Данная система, закрепленная «Табелью о рангах» (1722–1917), предполагала жесткую градацию статусных формул: к концу XVIII века она включала пять основных уровней титулатуры — «I—II классы: *ваше высокопревосходительство*; III—IV классы: *ваше превосходительство*; V класс: *ваше высокородие*; VI—VIII классы: *ваше высокоблагородие*; IX—XIV классы: *ваше благородие*» [Шепелев 2005: 29]. После революционных событий 1917 года система чинов и званий была официально упразднена, что привело к разрушению прежнего механизма языковой стратификации [Козлов 2019: 23].

В новых коммуникативных условиях гражданские лица, вступая в контакт с военными, часто осознают необходимость использования соответствующих уважительных форм, однако не обладают устойчивой компетенцией в дореволюционном коде обращения. Это проявляется не как частная ошибка, а как симптом глубинного социально-исторического разрыва. Булгаков фиксирует момент, когда система военной субординации уже демонтирована и старые формулы утратили однозначную референциальную иерархическую функцию. Тем самым в художественном пространстве пьес актуализируется процесс десемиотизации статусных маркеров: знаки власти сохраняются на уровне языковых форм, но утрачивают способность стабильно кодировать социальные различия. В ситуации распада прежних сословных границ и несформированности новых коммуникативных норм «чужой» субъект оказывается неспособным корректно декодировать и воспроизводить код субординации, что усиливает коммуникативную нестабильность и демонстрирует кризис языковой репрезентации власти.

В «Зойкиной квартире» на вечеринке у хозяйки Гусь, раздавая деньги модельщицам, сравнивает их с весталками. В ответ Лизанька, демонстрируя готовность к «служению», обращается к нему *ваше превосходительство* [Булгаков 1997: V: 116]. Комизм сцены носит многослойный характер: он основан как на контрасте между сомнительным социальным статусом персонажей и образом непорочных античных жриц, так и на семантической неадекватности архаичного обращения, примененного к советскому дельцу. Однако здесь важен не просто комический эффект, а демонстрация утраты языковой компетенции в сфере дореволюционного этикета. Для Лизаньки «ваше превосходительство» функционирует не как четко соотнесенная с конкретным чином формула, а как обобщенный маркер «значимого и властного лица». Данная ситуация сигнализирует о переходе от номинации институционально детерминированной к номинации оценочно-обобщенной, что свидетельствует о размывании социальной семантики обращения.

Аналогичная ситуация наблюдается в «Днях Турбиных», где гимназический педель Максим демонстрирует неустойчивое владение системой военного этикета. Обращаясь к полковнику Турбину, он использует то корректную формулу *ваше высокоблагородие* [Булгаков 1997: IV: 358], то некорректную *ваше превосходительство* [там же: 359]; в разговоре с капитаном Мышлаевским употребляет обращение *ваше превосходительство* [там же]. Данная ошибка отражает одновременно гиперкорректную установку на максимальную вежливость и отсутствие полноценного представления об иерархической дифференциации обращений: любая фигура власти в мундире воспринимается им как носитель высшего статуса. В условиях социального и институционального разлома знаки власти утрачивают дифференцирующую функцию, редуцируясь до общего представления о «власти как таковой». Это, в свою очередь, приводит к упрощению и гиперболизации форм обращения и свидетельствует о распаде точной соотнесенности между языковым знаком и социальной иерархией.

Строго регламентированный этикет является обязательным для институциональных дискурсов, которые характеризуются высокой степенью ритуализации; прежде всего дискурсов армии и духовенства [Суркова 2025]. В таких закрытых системах точность номинации выполняет функцию поддержания символического порядка и воспроизводства иерархии. Как отмечает Л. О. Чернейко, «выбор говорящим при обращении к другому лицу или при его идентификации определенной формы личного имени оказывается значимым в случае несоответствия формы стандартным условиям ее применения» [Чернейко 2002: 25]. В сценах в гетман-

ском дворце в «Днях Турбиных» и на протяжении действия пьесы «Бег» любые отклонения от этикетной нормы становятся особенно заметными на фоне общей тенденции к гиперформализации речевого поведения, иногда доходящей до ритуального абсурда.

Так, в «Беге» главнокомандующий, задавая полковнику Де Бризару вопрос о сходстве с Александром Македонским, получает в ответ почтительную, но семантически неадекватную реплику, в которой древний правитель именуется «его величеством»: «Я, ваше высокопревосходительство, к сожалению, давно не видел портретов его величества» [Булгаков 1997: V: 254]. Данный случай приобретает дополнительную интерпретационную значимость с учетом травматического состояния персонажа: Де Бризар изображен как получивший ранение в голову и находящийся в состоянии когнитивной дезорганизации, что усиливает эффект речевой нестабильности и нарушенной прагматической ориентации. В результате подобное титулование воспринимается не только как коммуникативный сбой, но и как симптом распада связи между языковой формой и ее социо-исторической референцией.

В военной среде обращение по чину или по должности сохраняет нормативность даже вне служебного контекста, что свидетельствует о тотальности иерархического кода, пронизывающего как институциональное, так и частное общение. В сочетании с противопоставлением *ты* / *Вы* оно становится точным индикатором межличностной дистанции и степени социальной близости. Булгаков использует эту систему как инструмент тонкой градации отношений, где каждая смена формы обращения маркирует сдвиг в коммуникативной иерархии.

В доме Турбиных, несмотря на родственные и дружеские связи, сохраняется практика обращения по званию, что придает общению одновременно оттенки иронической фамильярности и корпоративной солидарности офицерской среды. Мышлаевский и Николка называют друг друга «капитан» и «юнкер» [Булгаков 1997: IV: 320], при этом младший по возрасту Николка обращается к Мышлаевскому на *ты* и использует подчеркнуто неофициальную эмоционально-экспрессивную форму имени — Витенька [там же: 307]. Такое смешение кодов (воинское звание, фамильярное имя и местоимение *ты*) формирует гибридный коммуникативный режим, в котором институциональная и неформальная идентичности сосуществуют в общем дискурсивном пространстве. Алексей Турбин обращается к Шервинскому на *Вы* и по имени-отчеству, что указывает на более высокую степень дистанции, тогда как Студзинский, обращаясь к Турбину, использует официальную форму «господин полковник», маркируя степень формализации.

Примечательно, что эволюция обращений отражает динамику межличностных отношений в условиях идеологической и семейной дестабилизаций. В начале «Дней Турбиных» Алексей приветствует Тальберга неформальным «…здравствуй, Володя», получая ответное «Здравствуй, Алеша» [там же: 316]; неофициальные формы имен и *ты*-коммуникация маркируют принадлежность к кругу «своих». Однако после известия об отъезде Тальберга, интерпретируемом как дезертирство, Алексей переходит к формально-дистанцирующему «вы»: «…командировка ваша мне не нравится» [там же: 317]. Данный сдвиг фиксирует мгновенную ресемантизацию отношений: переход на «вы» и отказ от имени функционируют как индексы отчуждения и утраты доверия. Далее собеседники переходят к строго статусным номинациям — «полковник Турбин», «полковник Тальберг», вместо интимно-семейных обращений появляются и искусственные квазиофициальные конструкции типа «господин брат моей жены» [там же], «господин муж моей сестры» (во второй редакции) [там же: 566]. Эта трансформация репрезентирует не только межличностный, но и идеологический разрыв, переводя частный конфликт в плоскость дискурсивного противостояния. При этом в присутствии Елены оба героя демонстративно возвращаются к неформальному семейному регистру, временно маскируя напряжение, что свидетельствует о прагматической вариативности обращения как инструмента коммуникативной стратегии. Таким образом, формы обращения не только отражают отношения; они могут быть использованы как средства нарочитой демонстрации одних отношений и сокрытия других, выполняя функцию своеобразной «языковой ширмы».

Показательны и резкие регистровые переключения между официальным *Вы* и фамильярным *ты* с использованием неформальных вариантов имен. В «Беге» Де Бризар, обрадованный спасением Чарноты, восклицает: «Ваше превосходительство! Гриша!» и обнимает его [Булгаков 1997: V: 226]. Чарнота в ситуации острого конфликта сначала обращается к Хлудову официально, в соответствии с чином («Ваше превосходительство!»), но в момент отчаяния переходит на *ты* и дружеское «Рома» [там же: 237], пытаясь восстановить личностную связь, однако в ответ получает холодную угрозу расстрела. Эти переключения демонстрируют

ют функционирование форм обращения в качестве чувствительных индикаторов эмоционально-иерархической динамики и прагматической нестабильности коммуникации.

В русской речевой традиции противопоставление *ты* и *Вы* обладает особой социокультурной значимостью [Формановская 1987: 79]. В образованной среде *ты* интерпретируется либо как знак близости, либо как маркер иерархического неравенства и подчиненного положения. Булгаков последовательно актуализирует эту амбивалентность. Так, в «Беге» солдат Крапилин, обличая генерала Хлудова, демонстративно использует *ты*, что представляет собой вопиющее нарушение субординации и одновременно придает его речи высокий, почти пророческий пафос [Булгаков 1997: V: 247]. Напротив, начальник контрразведки Тихий, допрашивая Голубкова, переходит на *ты* как на средство демонстрации абсолютного властного превосходства и усиления устрашающего эффекта [там же: 249]. Реализующая иную прагматическую стратегию Люська, стремясь пристыдить и унизить Чарноту, начинает с подчеркнуто официального регистра (чин, «Вы»), а затем последовательно снижает стиль до фамильярного [там же: 272]. Динамика форм обращения выступает как индикатор сдвигов в сферах власти, доверия и межличностной дистанции. В более широком плане это позволяет рассматривать переключение *ты* / *Вы* как механизм микродискурсивного конструирования, при котором языковой выбор непосредственно коррелирует с перераспределением символического контроля.

Таким образом, в драматургии Булгакова формы обращения в дискурсе субординации выступают средствами репрезентации и трансформации властных отношений. В условиях разрушения дореволюционной системы рангов и нестабильности новых социальных норм происходит десемиотизация статусных маркеров: формы сохраняются, но утрачивают однозначную связь с иерархией. В результате формы обращения становятся гибкими прагматическими инструментами, выражающими не только институциональный статус, но и динамику межличностных отношений (дистанцию, солидарность, конфликт). Регистровые переключения (*ты / Вы*, имя / обращение соответственно рангу) выступают индикаторами перераспределения символической власти и одновременно средствами ее микродискурсивного конструирования. Тем самым язык субординации репрезентирует не стабильную иерархию, а процесс ее распада и ситуативной реконфигурации.

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ КАК МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ЦЕННОСТНОЙ ДЕЗОРИЕНТАЦИИ

Выше были рассмотрены политически маркированные обращения и язык субординации. Обратимся теперь к формам обращения, находящимся на периферии или вообще за пределами нормативного этикета: фамильярным, вульгарным, иноязычным и намеренно диссонирующим. В отличие от институционально закрепленных форм, они не отражают устойчивой социальной иерархии, а, напротив, сигнализируют о ее размывании, фиксируя состояние культурной и ценностной дезориентации в условиях трансформирующегося общества.

Особое место в этой группе занимают вульгарные обращения, характерные для советского разговорного узуса. В булгаковских пьесах они, как правило, являются не просто нарушениями речевого этикета, а средствами символического понижения статуса адресата. Обращаясь таким образом к представителям более престижной социальной среды, говорящий тем самым, с одной стороной, демонстрирует пренебрежение нормой, а с другой, осуществляет акт дискурсивного доминирования, лишая адресата традиционного высокого статуса.

Так, комиссар Баев в «Беге», обращаясь к священнику, использует сниженные и кощунственные формы: «Ты, святой папаша…», «Ты, папа римский…» [там же: 242]. Нарушение норм сакральной номинации, переход на *ты* и семантическое искажение обращения формируют эффект намеренной десакрализации. В данном случае речевое поведение отражает столкновение не столько индивидуальных речевых привычек, сколько различных ценностных систем — религиозной и антирелигиозной.

Показательно, что аналогичное снижение наблюдается и в речи представителей противоположного лагеря. Белый офицер Де Бризар, обращаясь к тому же священнику, использует оскорбительное прозвище («сатана чернохвостый») [там же: 258]. Это свидетельствует о том, что в условиях гражданской войны разрушение этикетных норм носит надыдеологический характер: сниженные формы обращения утрачивают привязку к конкретной политической позиции и становятся универсальным средством выражения агрессии и властного превосходства.

К периферийным относятся и фамильярные обращения типа «братишка», «папаша», используемые Аметистовым в «Зойкиной квартире» по отношению к Обольянинову. Для адресата, принадлежащего к дореволюционной элите, подобные формы оказывают-

ся неприемлемыми, поскольку нарушают дистанцию, закрепленную прежним этикетом. Важно, что здесь фамильярность не интерпретируется как знак солидарности; напротив, она воспринимается как попытка навязать чуждую модель коммуникативного равенства. Таким образом, несоответствие коммуникативных ожиданий участников речевого акта приводит к прагматическому конфликту, в котором обращение становится маркером несовпадения социальных идентичностей.

Особую группу составляют иноязычные обращения, формирующие «галантерейный» жаргон [Гинзбург 1974: 109]. Этот гибридный регистр возникает на пересечении дореволюционной культурной традиции и новой советской действительности и используется как средство символического конструирования альтернативной идентичности. Так, Манюшка называет Зою Денисовну «ма тант» (ma tante) [Булгаков 1997: V: 67], создавая иллюзию отношений, с одной стороной, родственных, а с другой стороны, «аристократизированных». Аметистов, в свою очередь, использует обращения «синьор» и «маэстро» по отношению к Обольянинову. Однако если первое воспринимается адресатом относительно нейтрально, то второе вызывает у него отторжение, как стилистически неуместное и коммуникативно чуждое. В данном случае различие интерпретаций обусловлено несовпадением речевых установок: для Аметистова иноязычные формы выступают в качестве средств стилизации и символического повышения статуса, а для Обольянинова они маркируют утрату прежней социальной идентичности и воспринимаются как ее искажение. Тем самым «галантерейный» жаргон проявляет не принадлежность к определенной группе, а разрыв между различными моделями самоидентификации.

Характерным признаком периферийных форм обращения является также их стилистическая неоднородность. В ряде случаев в одной реплике сочетаются элементы различных регистров, что создает эффект коммуникативной неустойчивости. Так, речь Аметистова демонстрирует постоянное переключение псевдоаристократических и просторечных форм («анфан террибль», «мадмазель» — «вытряхайтесь») [там же: 94]. Подобная вариативность свидетельствует не о владении несколькими кодами, а об их нестабильном, ситуативном использовании, что позволяет говорить о стратегическом, а не о нормативном характере речевого поведения персонажа.

Сходный эффект достигается в «Беге» за счет контраста между высоким и сниженным стилями. Реплика игумена, обращенная к Чарноте, построена в патетическом регистре, тогда как ответ последнего («Драпать надо, ваше высокопреосвященство!» [там же: 230]) сочетает фамильярные, просторечные единицы и формы официального титулования. Такое столкновение кодов не только создает комический эффект, но и выявляет утрату единых коммуникативных норм: ни возвышенный, ни сниженный регистры не функционируют как устойчивые модели.

Таким образом, периферийные формы обращения в драматургии Булгакова выступают как индикаторы разрушения нормативного речевого порядка. Они фиксируют размывание границ между социальными стратами, несоответствие коммуникативных ожиданий и стратегического характера языкового выбора. В условиях отсутствия единого этикетного кода обращение перестает быть стабильным маркером статуса и превращается в инструмент ситуативной идентификации, отражающий глубинную социальную и ценностную дезориентацию эпохи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный выше анализ позволяет сделать вывод о том, что формы обращения в драматургии М. А. Булгакова выполняют сложную прагматическую и социально-семиотическую функцию, выходящую далеко за пределы речевого этикета. В условиях идеологизации семантической стороны языка и распада дореволюционной системы этикетных норм обращения перестают быть нейтральными средствами номинации и превращаются в чувствительные индикаторы социальных и ценностных трансформаций.

Политически маркированные обращения репрезентируют оппозицию «свой / чужой» и фиксируют идеологическую поляризацию общества; формы субординации демонстрируют попытки сохранить или реконструировать иерархический порядок в ситуации его фактического разрушения; периферийные формы обращения, в свою очередь, выявляют состояние коммуникативной нестабильности, размывание границ между социальными стратами и несоответствие языковой нормы и реальности.

Вышеизложенное позволяет рассматривать обращение как ключевой элемент микродискурсивного моделирования власти и идентичности. Динамика форм обращения у М. А. Булгакова отражает не только изменения межличностных отношений, но и более широкий процесс трансформации социокультурного пространства; при этом языковой выбор становится способом символической борьбы за интерпретацию социальной реальности.

ИСТОЧНИКИ

1. Булгаков, М. А. Собрание сочинений: в 10 т. / М. А. Булгаков. — Москва : Голос, 1995–1997.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль ; под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. — Москва : Цитадель, 1998. — Т. 4. — 832 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильев, А. Д. Игры в слова: эволюции доминирующего вокатива / А. Д. Васильев // Политическая лингвистика. — 2009. — № 2 (28). — С. 9–25. — EDN KUFVNZ.

2. Васильев, А. Д. Эволюция доминирующего вокатива как социокультурный феномен / А. Д. Васильев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2008. — № 2. — С. 87–90. — EDN KIZVWX.

3. Виноградов, А. П. Система гражданских чинов по Табели о рангах при Петре I. Первые изменения по штатским чинам / А. П. Виноградов // Вестник архивиста. — 2017. — № 3. — С. 155–167. — EDN ZEOGFZ.

4. Гао, Лия. Революционные идеи 1917–1918 гг. как катализатор изменения языка публицистики / Гао Лия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, № 2. — С. 461–466. — EDN GRKXER.

5. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. — 2-е изд. — Ленинград : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1974. — 407 с.

6. Зеленин, А. В. *Господа*, *граждане* и *товарищи* в эмигрантской публицистике / А. В. Зеленин // Русская речь. — 2003. — № 6. — С. 91–105. — EDN OONDJL.

7. Козлов, А. П. Демократизация русской армии в 1917–1918 гг.: последствия, уроки / А. П. Козлов // Символ науки. — 2019. — № 3. — С. 21–25. — EDN WWHGWP.

8. Пономаренко, И. Н. Русский язык эпохи революции и революция в языке / И. Н. Пономаренко, Н. А. Сегал, А. В. Цыганкова // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2 (104). — С. 172–177. — EDN CBKAVG.

9. Суркова, Е. В. Ситуативные клише в военной коммуникации: функциональный аспект и идиоматичность / Е. В. Суркова // Вопросы современной лингвистики. — 2025. — № 2. — С. 101–113. — EDN UYYBID.

10. Трофименко, В. П. Поговорим об этикете / В. Трофименко, А. Волгин. — Москва : Московская правда, 1991. — 96 с.

11. Фан, И. Б. «Товарищ» и «гражданин»: обращения как маркеры социального (не)равенства / И. Б. Фан, Н. В. Багичева // Политическая лингвистика. — 2025. — № 3 (111). — С. 278–285. — EDN VNYYFK

12. Федосюк, Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века / Ю. А. Федосюк. — 3-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2000. — 263 с. — ISBN 5-89349-127-0.

13. Формановская, Н. И. Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении) / Н. И. Формановская. — Москва : Знание, 1982. — 160 с. — EDN DGNTNX.

14. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. — Москва : Высшая школа, 1989. — 156 с. — EDN KCUSRS.

15. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. — 2-е изд. — Москва : Рус. яз., 1987. — 156 с. — EDN NFISCT.

16. Чернейко, Л. О. Имя собственное как результат индивидуального творчества и как объект авторского права / Л. О. Чернейко // Изобретательство. — 2002. — Т. 2. — № 8. — С. 23–25.

17. Чжан, Ди. Формы обращения как средство выражения социального конфликта в повести М. Булгакова «Собачье сердце» / Чжан Ди // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 223–237. — EDN TIJODL.

18. Шепелев, Л. Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи / Л. Е. Шепелев. — Москва : Центрполиграф, 2005. — 423 с. — ISBN 5-9524-1046-4.

MATERIALS

1. Bulgakov, M. A. (1995–1997). Sobranie sochineniy: v 10 t. = Collected works: in 10 vols. Moscow: Golos.

2. Dal', V. I. (1998). Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. = Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols. (Vol. 4). Moscow: Tsitadel'.

REFERENCES

1. Vasil'ev, A. D. (2009). Igry v slova: evolyutsii dominiruyushchego vokativa = Wordplay: evolution of the dominant vocative. *Political Linguistics*, *2*(28), 9–25. EDN KUFVNZ

2. Vasil'ev, A. D. (2008). Evolyutsiya dominiruyushchego vokativa kak sotsiokul'turnyy fenomen = Evolution of the dominant vocative as a sociocultural phenomenon. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*, *2*, 87–90. EDN KIZVWX.

3. Vinogradov, A. P. (2017). Sistema grazhdanskikh chinov po Tabeli o rangakh pri Petre I. Pervye izmeneniya po shtatskim chinam = The system of civil ranks according to the Table of Ranks under Peter I: First changes in civil ranks. *Bulletin of the Archivist*, *3*, 155–167. EDN ZEOGFZ.

4. Gao, Liya. (2023). Revolyutsionnye idei 1917—1918 gg. kak katalizator izmeneniya yazyka publitsistiki = Revolutionary ideas of 1917—1918 as a catalyst for changes in journalistic language. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, *16*(2), 461–466. EDN GRKXER.

5. Ginzburg, L. Ya. (1974). O lirike = On lyric poetry (2nd ed.). Leningrad: Sovetskii pisatel'.

6. Zelenin, A. V. (2003). Gospoda, grazhdane i tovarishchi v emigrantskoy publitsistike = “Gentlemen”, “citizens” and “comrades” in émigré journalism. *Russian Speech*, *6*, 91–105.

7. Kozlov, A. P. (2019). Demokratizatsiya russkoy armii v 1917–1918 gg.: posledstviya, uroki = Democratization of the Russian army in 1917–1918: consequences and lessons. *Symbol of Science*, *3*, 21–25. EDN WWHGWP.

8. Ponomarenko, I. N., Segal, N. A., Tsygankova, A. V. (2024). Russkiy yazyk epokhi revolyutsii i revolyutsiya v yazyke = The Russian language of the revolution era and revolution in language. *Political Linguistics*, *2*(104), 172–177. EDN CBKAVG.

9. Surkova, E. V. (2025). Situativnye klishe v voennoy kommunikatsii: funktsional'nyy aspekt i idiomatichnost' = Situational clichés in military communication: functional aspect and idiomaticity. *Issues of Modern Linguistics*, *2*, 101–113. EDN UYYBID.

10. Trofimenko, V., Volgin, A. (1991). Pogovorim ob etikete = Let us talk about etiquette. Moscow: Moskovskaya pravda.

11. Fan, I. B., Bagicheva, N. V. (2025). «Tovarishch» i «grazhdanin»: obrashcheniya kak markery sotsial'nogo (ne)ravenstva = “Comrade” and “citizen”: forms of address as markers of social (in)equality. *Political Linguistics*, *3*(111), 278–285. EDN VNYYFK.

12. Fedosyuk, Yu. A. (2000). Chto neponyatno u klassikov, ili Entsiklopediya russkogo byta XIX veka = What is unclear in the classics, or an encyclopedia of Russian everyday life of the 19th century (3rd ed.). Moscow: Flinta, Nauka.

13. Formanovskaya, N. I. (1982). Vy skazali: «Zdravstvuyte!» (Rechevoy etiket v nashem obshchenii) = You said “Hello!” (Speech etiquette in our communication). Moscow: Znanie. EDN DGNTNX.

14. Formanovskaya, N. I. (1989). Rechevoy etiket i kul'tura obshcheniya = Speech etiquette and communication culture. Moscow: Vysshaya shkola. EDN KCUSRS.

15. Formanovskaya, N. I. (1987). Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty = Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects (2nd ed.). Moscow: Russkii yazyk. EDN NFISCT.

16. Cherneyko, L. O. (2002). Imya sobstvennoe kak rezul'tat individual'nogo tvorchestva i kak ob"ekt avtorskogo prava = Proper name as a result of individual creativity and as an object of copyright. *Inventions*, *8*, 23–25.

17. Chzhan, Di. (2018). Formy obrashcheniya kak sredstvo vyrazheniya sotsial'nogo konflikta v povesti M. Bulgakova «Sobach'e serdtse» = Forms of address as a means of expressing social conflict in M. Bulgakov’s novella “Heart of a Dog”. *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*, *9*(1), 223–237. EDN TIJODL.

18. Shepelev, L. E. (2005). Tituly, mundiry i ordena Rossiyskoy imperii = Titles, uniforms and orders of the Russian Empire. Moscow: Tsentrpoligraf.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 81'42+81'27:39
ББК Ш105.51+Ш100.63+Ш100.3 *ГРНТИ 16.21.47; 16.21.51* *Код ВАК 5.9.8*

Гуломжон Нематович Рахманов
Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан, gulom1958@mail.ru, https://orcid.org/0009-0006-7938-1628

Концепт «власть» в современной лингвистике: сравнительная характеристика концепта «власть» в русской, узбекской и английской лингвокультурах

АННОТАЦИЯ. *В данной статье рассматривается процесс формирования семантики концепта «власть», приводящий к появлению этнокультурных особенностей, отражающих существенные стереотипы, характеризующие мышление носителей разных языков и культур. Процесс формирования и исторического развития концепта «власть» как единицы культуры требует фокусировки внимания на лингвокультурных коннотациях. В связи с этим заявленная тема потребовала изучения соотношения объема понятия, вербализующего концепт в трех языках (русском, узбекском и английском), а также выделения интегральных и дифференцирующих сем для соответствующих лингвокультур. Центральные репрезентанты анализируемого концепта в трех языках — «власть», «hokimiyat», «power», «authority». Помимо смыслового объема, выявляются способы и средства вербализации концепта в трех выбранных языках. Реализация концепта в трех языковых картинах мира (русской, английской и узбекской) рассматривается на фоне научной дефиниции понятия власти, осуществленной на основе анализа теоретической литературы. Лингвокультурная специфика реализации концепта демонстрируется фольклорными текстами — пословицами и поговорками, связанными с властью, а также афоризмами известных политиков, вошедшими в культурный фонд народов. В русском языке исторически в ядро концепта входили базовые значения «владычество, возможность приказывать», «могущество, влияние», «управление в широком смысле»; в узбекском языке — «право на управление государством», «политическое господство; авторитет», «права и полномочия государственных органов», «право отдавать приказы»; в английском языке — «дееспособность, правоспособность», «армия, флот», «доминирующий народ, великая держава», «политика с позиции силы».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *концептосфера, концепты, лингвокультурология, русская лингвокультура, узбекская лингвокультура, английская лингвокультура, лингвокультурные коннотации, власть, культурная значимость, референциальная семантика, смысловая структура, этнокультурная особенность, десемантизация, семантическое расширение, культурные ценности.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Рахманов Гуломжон Нематович, старший преподаватель кафедры теоретических аспектов английского языка № 2, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан, email: gulom1958@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Рахманов, Г. Н.* Концепт «власть» в современной лингвистике: сравнительная характеристика концепта «власть» в русской, узбекской и английской лингвокультурах / Г. Н. Рахманов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 262-273.

Gulomzhon N. Rakhmanov
Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan, gulom1958@mail.ru, https://orcid.org/0009-0006-7938-1628

The Concept of “Power” in Modern Linguistics: A Comparative Study of the Concept in Russian, Uzbek And English Linguocultures

ABSTRACT. *This article examines the process of forming the semantics of the concept of “power”, which leads to the emergence of ethnocultural features reflecting significant stereotypes that characterize the thinking of speakers of different languages belonging to different cultures. The process of formation and historical development of the concept of “power” as a unit of culture requires focusing on linguocultural connotations. In this regard, the topic required a study of the ratio of the volume of the concept that verbalizes the concept in three languages (Russian, Uzbek and English), as well as the identification of integral and differentiating semes for the respective linguocultures. The main nominative units representing this concept in three languages are “vlast’”, “hokimiyat”, “power”, and “authority”. In addition to the semantic scope, the ways and means of verbalization of the concept in the three selected languages are described. The implementation of the concept in three linguistic worldviews (Russian, English and Uzbek) is considered against the background of the scientific definition of the concept of power, based on the analysis of theoretical literature. The linguocultural specificity of the concept implementation is demonstrated by folklore texts — proverbs and sayings related to power, as well as aphorisms of famous politicians included in the cultural fund of the peoples. Historically, the core of the concept in Russian included the basic meanings of “vladychestvo, vozmozhnost' prikazyvat'”, “mogushchestvo, vliyanie”, “upravlenie”; In Uzbek, these meanings included “the right to govern the state”, “political domination; authority”, “rights and powers of state bodies”, “the right to give orders”; in English, they comprised “legal capacity”, “army, navy”, “dominant people, great power”, “politics from the position of power”.*

© Рахманов Г. Н., 2026

KEYWORDS: *conceptosphere, concepts, linguoculturology, Russian linguoculture, Uzbek linguoculture, English linguoculture, linguocultural connotations, power, cultural significance, referential semantics, semantic structure, ethnocultural specificity, desemantization, semantic expansion, cultural values.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Rakhmanov Gulomzhon Nematovich, Senior Lecturer of Department of Theoretical Aspects of English #2, Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan.*

FOR CITATION: *Rakhmanov G. N.* (2026). The Concept of "Power" in Modern Linguistics: A Comparative Study of the Concept in Russian, Uzbek And English Linguocultures. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 262-273. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

За последние годы в современной лингвистике появилось множество научных исследований, опирающихся на различные аспекты и способы изучения понятия концепта, в том числе при сравнительной характеристике концепта «власть». В ходе данного исследования описание понятия «власти» на материале сравниваемых языков было реализовано посредством лексикографического анализа с учетом исторической периодизации. Данный подход, являясь наиболее традиционным способом, широко используется в лингвистических исследованиях.

В процессе лексикографического анализа выявлены основные специфические черты концепта *власть*, имеющего непосредственное отношение к власти и властным отношениям в лингвокультурах сравниваемых языков. Наряду с этим, также открылись широкие возможности для расширения и обогащения научных взглядов о свойствах данного концепта. В этой связи был проведен этимологический анализ политической лексики (далее ПЛ), входящей в поле «власть», на основе научно-исторических источников и исследований.

Подобное исследование играет важную роль для выяснения исторической значимости, условия формирования государственности, структурирования власти и политических культур народов, говорящих на разных языках. Этим обусловлена актуальность нашего исследования, которое представляет собой изучение семантики слова «власть» в различных культурах на материале трех разноструктурных языков (русского, узбекского и английского).

Понятие «власть» как устойчивая категория, имеющая определенную лексическую форму выражения, активно используется в трех языках. Предметом нашего исследования являются универсальные и этнокультурные особенности понятия власти в русской, узбекской и английской лингвокультурах. Материалами сопоставительного исследования послужили теоретические и научные работы, посвященные изучению понятия власти на трех языках.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Цель исследования заключается в глубоком изучении смысловой структуры, культурной значимости и когнитивной роли концепта «власть», характерных для носителей русского, узбекского и английского языков.

Благодаря анализу исторических реалий и фактов нам удалось определить происхождение слова *власть* и его семантическую структуру в трех языках. Одновременно наметились тематические подгруппы политической лексики, входящей в поле «власть», а именно структура и атрибуты государственности разных народов и их формы существования и развития.

Данные изученных материалов свидетельствуют о различных подходах к анализу и толкованиях концепта *власть* со стороны ученых — политологов, лингвистов разных исторических периодов.

Теоретический обзор. Понятие власти в русскоязычной, узбекоязычной и англоязычной лингвокультурах

Прежде всего следует обратить внимание на научные работы, посвященные изучению понятия и видов власти с точки зрения диахронического и синхронического аспектов. Так, А. Вежбицкая в своей работе отмечает, что понятие «власть» относится к базовым понятиям — «ключевым словам», которые относятся к общеупотребительным словам, входят в определенную семантическую область и часто встречаются во фразеологии и фольклоре [Вежбицкая 1999: 283].

Как известно, в фольклоре понятие власти очень многогранно и характеризует, как народ воспринимает власть в действительности, т. е. народное отношение к власти — *доверие, недоверие, авторитет, господство*, признание или непризнание власти насилием.

Соответственно, для описания данного понятия на примере сравниваемых языков необходимо рассмотреть наиболее распространенные пословицы, поговорки, устойчивые выражения про власть. Начнем с поговорок и афоризмов, характеризующих основные признаки власти и властных отношений с точки зрения носителей русского языка.

1. Власть над собой — самая высшая власть. 2. Власть — это наркотик, без кото-

рого политики не могут жить. 3. Власть — самое сильное возбуждающее средство. 4. Власть дается не любить, а давить. Всякая власть от Бога. 5. В России отныне есть два государства: одно — для народа, другое — для барства. В одном государстве шалеют от денег. В другом до зарплаты копеечки делят. 6. Дай дуракам власти, развалят Русь на части. 7. Когда власть делили, нас позвать забыли. 8. Кто власть имеет, бедных не жалеет. 9. Любая власть богатым прибавить, у нищих отнять. 10. На Руси всякой власти до страсти. 11. Одинаково опасно и безумному вручать меч, и бесчестному власть. 12. Пойдешь налево — придешь направо, на власть надейся, но дрова на зиму запасай. 13. С сильным не борись, с богатым не судись. 14. У кого деньги, у того и власть. 15. Чья власть, того и закон.

Далее представим ряд примеров поговорок про власть, имеющих широкое хождение среди носителей узбекского языка, с переводом на русский и краткими пояснениями.

1. Adolatli davlat – elning panohi. / Справедливая власть — прибежище для народа. 2. Zolim hokim — elga balo. / Тиранический правитель — бич для народа. 3. Zolimona hukumronlik zulm keltiradi. / Тираническое господство влечет за собой угнетение. 4. Hokimiyatning eng oliy ko'rinishi — o'zini idora qila olishdir. / Высшая форма власти — это способность управлять собой. 5. O’ynashmagin arbob bilan, arbob urar har bob bilan; o’zi xon, ko’lankasi maydon yohud o’zi (ga) bek. / Не играй с властителем, он побьет (тебя) в любом случае; он сам царь (падишах) и бог, никто ему не указ (что хочет, то и делает). 6. Hokimiyat — omonat, adolat — burch. / Власть — это доверие, справедливость — это долг. 7. Holvani hokim yer, kaltakni etim yer. / Халву (один из видов восточных сладостей) ест правитель, а удары палкой достаются сироте. 8. Hokim bo’lsang, xolis bo’l. / Если ты правитель, будь справедливым.

Разумеется, в английском языке поговорки про власть обычно говорят об искушениях и их последствиях, более характерных для англичан.

1. Power is a tricky mistress. / Власть — коварная штучка. 2. Power corrupts, and absolute power corrupts absolutely. / Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. 3. The one-eyed man is king among the blind. / Среди слепых и одноглазый король (выражение показывает, как даже небольшой авторитет возвышается в некомпетентном окружении). 4. Pay peanuts, get monkeys. / Плати арахис, получишь обезьян (намек, что низкая цена власти ведет к низкокачественным результатам). 5. He’s become a real powerbroker. / Он стал настоящим кукловодом (тем, кто распределяет власть). 6. The power is supported by force alone will have cause often to tremble. / Власти, держащейся лишь на силе, часто приходится бояться за себя. 7. Power of the keys. / Папская власть. 8. Power is not a means, it is an end. / Власть — это не средство, это цель (Уинстон Черчилль о стремлении к власти ради самой власти).

Вышеприведенные изречения из русской, узбекской и английской лингвокультур можно называть политическими афоризмами про власть. Многие из этих афоризмов и поговорок с давних времен употребляются в разговорной речи и являются неотъемлемой частью широко распространенных народных речений. По сути приведенные афоризмы являются частью фольклора и отражают своеобразные особенности, культурные ценности, присущие соответствующим культурам. Во всех приведенных устойчивых сочетаниях первичным референтом выступает политическая реальность, а понятие *власть* употребляется как экспрессивное средство. Иными словами, поговорки выступают как политические фразеологизмы и выполняют функцию семантическую, в отличие от обычных фразеологических оборотов, для которых характерна в большей степени стилистическая функция. Это позволяет на указанном материале сделать заключения о концепте *власть* — ключевом понятии в политике.

Анализ концепта *власть* как основного фрагмента языковой картины мира осуществляется, как говорила Н. Д. Арутюнова применительно к культурным концептам, сквозь призму лингвокультурологии, поскольку «понятия практической философии образуют своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миров» [Арутюнова 1993: 3].

По мнению М. В. Орловой, в процессе исторического развития объем содержания концепта подвергается изменениям, также изучение происхождения и семантической динамики лексической единицы с помощью специальных этимологических и толковых словарей помогает определить, что волновало носителей языка и что было для них наиболее значимым в определенные исторические периоды [Орлова 2012: 85–89].

В. А. Маслова, свою очередь, отметила следующие этапы, необходимые для выяснения семантического объема значений того или иного концепта в лингвокультуре: 1) определить конкретную ситуацию, к которой принадлежит данный концепт; 2) установить место концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации, используя энцик-

лопедические и лингвистические словари (при этом словарная дефиниция является ядром концепта); 3) учесть особенности этимологии; 4) привлечь к анализу самые разнообразные контексты: поэтические, научные, философские, публицистические, пословицы и поговорки и другие; 5) сопоставлять полученные результаты с анализом ассоциативных связей ключевой лексемы (ядра концепта); 6) рассмотреть аналогии интерпретации концепта в живописи, музыке, скульптуре и др. [Маслова 2007: 296].

Мы считаем верной точку зрения В. А. Масловой о необходимости привлечения к анализу при структурировании концепта разнообразных контекстов. Предложенные ей этапы могут стать в дальнейшем алгоритмом рационального подхода к исследованию принципов лексикографического и дефиниционного анализа концепта *власть*.

Следует отметить, что наиболее важен для сравнения вышедшей из употребления и актуальной трактовки понятия власти лексикографический анализ на материале словарей различных типов. Например, лексикографический анализ позволяет определить основные этапы и периодизацию изменений в семантической структуре лексических единиц, обозначающих понятие власти в русском, узбекском и английском языках (дополнительно следует учитывать широкий контекст — исторические факторы).

По сути, семантический объем слова *власть* существенным образом меняется в течение веков. Традиционно каждый этап динамического процесса изменения в семантической структуре политической лексики, входящей в поле *«власть»,* отдельно отмечается и фиксируется в энциклопедических и толковых словарях сравниваемых языков.

Лексикографический анализ позволил выявить влияние основных исторических и социальных факторов на изменения в семантическом объеме исследуемого понятия, а также проследить появление новых значений в семантической структуре слов, эксплицирующих концепт *власть* в русском, узбекском и английском языках. Также удалось определить место концепта в языковой картине мира и языковом сознании носителей русского, узбекского и английского языков. Исследование на материале указанных языков продемонстрировало важную роль словарной дефиниции в определении ядра и объема базовых значений концепта.

С целью детального понимания смыслов в историческом аспекте был проведен этимологический анализ лексических единиц *власть, hokimiyat, power u authority*. Это предоставляет возможность углубить и конкретизировать наше представление о характерных чертах заявленного концепта на примере русскоязычной, узбекоязычной и англоязычной картин мира в части, раскрывающей отношения власти и властных структур. Этимологический анализ позволяет выявить не только структурно-семантические характеристики исследуемых единиц в ходе исторического развития, но и влияние социальных факторов на расширение значения лексем, связав это с исторической периодизацией общества.

На данном этапе исследования (лексикографический и дефиниционный анализ единиц трех языков) материалы рассматриваются как раздельно, так и в сопоставлении друг с другом.

Обратимся к исторической трактовке понятия *власть* в русском языке. Слово «власть» в русском языке происходит от древнего корня *voldti* < *власти, владеть*; *voldtь* > *volstь* > *власть*; *владеть* из старославянского языка. Вместе с тем в старославянском языке появились различные варианты этого корня, например: *владыка, властелин, властитель, волость*. В результате в русском языке образовался семантический ряд общих по происхождению лексем, объединяемый общностью значения концепта *власть*, независимо от принадлежности к той или иной части речи [Шанский 1982: 471].

На самом деле на всех этапах развития человеческого общества исторические и экономические факторы оказывали огромное влияние на формирование политической лексики языка. Это проявляется в том, как на протяжении веков под воздействием данных факторов в русском языке шла непрерывная семантическая деривация на основе исходного значения слова «власть».

Научные источники позволяют выделить следующие три этапа формирования понятия власти в русском языке, обусловленные исторической периодизацией общества.

1. Понятие «власть» в период формирования древнерусского государства (IX–X вв.). Этот период связан с появлением атрибутов понятия власти на раннем этапе формирования древнерусской государственности:

– *волость: общеслав.* volda < власти, владеть; voldtь > volstь > власть; владеть; власть — владыка, властелин, властитель, волость;

– *держава: общеслав.* дрьжава — владычество, могущество; самостоятельное, сильное, независимое государство; самодержавие; державный — обладающий верховной властью, владетельный, царственный; величественный, могучий, сильный;

– *государь, др.-русск.* — государство; царь, лат. (от цьсарь, цѣсарь — цесарь, лат.

caesar, др.-греч. καῖσαρ) — один из титулов славянских монархов; стороньникъ, др.-русск., то же, страньникъ ст.-слав — страна [Фасмер 1987: 290–291].

И. И. Чиронова в своей статье, посвященной сравнительному анализу понятия «власть», также пояснила, что этимологически слово «власть» произошло от старославянского корня *volstь* (*волость*) и первоначально имело значение ‘область’, ‘территория’. В период XI–XII веков слово «власть» приобрело три основных значения. Первое значение — ‘господство, правление, владычество’ — наиболее устаревшее и относится к X веку. Второе значение данного слова — ‘духовные и гражданские лица, облечённые властью’ — также является достаточно древним и относится к XII в. В третьем значении, которое уже было упомянуто ранее, в форме *волость* означает ‘удел или княжество, находящиеся под одной верховной властью’.

В ходе исследования также выявлены основные причины процесса семантического расширения слова «власть», произошедшего в XVIII веке в связи с приобретением новых значений: ‘право управления государством, обществом; политическое господство’. Очевидно, что эти значения выделились на основе исконной семы ‘господство, право повелевать’ вследствие развития концепции общества и государства.

Кроме того, автором упоминается, что новое значение слова «власть», появившееся только в XVIII в., быстро вытеснило остальные смыслы из общественного сознания. Примечательны в этом плане некоторые критические замечания И. И. Чироновой. Так, по ее наблюдениям, словарная статья про «власть» в дореволюционном энциклопедическом словаре Русского библиографического института Гранат фактически отсутствует, в нем есть только отсылка («см. Государственная власть»).

После лексикографического анализа мы определили пять основных смыслов понятия «власть» в современном русском языке:

1) возможность повелевать, распоряжаться действиями или поведением кого-либо — «в моей власти»;

2) могущественное влияние, неодолимая, притягательная сила — «власть денег»;

3) форма управления страной — «монархическая власть»;

4) право и возможность управления государством — «президентская власть»;

5) органы государственного и местного управления — «законодательная власть» [БАС-2005, т. 2: 621–623].

В результате лексикографического анализа выявлено следующее: 1) исчезновение из употребления значения *территория, область*; 2) изменение главной семы на ‘политическое господство’, появившейся в XVIII веке вследствие приобретения более конкретного значения; в настоящее время появилась ‘форма управления страной’; 3) также наращивались значения за счет семы ’лица, облечённые властью’ и — при образовании институтов (или истеблишмента) — ‘органы управления всех уровней’. На протяжении веков устойчивыми и неизменными остались только значения *влияния* и *распоряжения*, *управления*.

Таким образом, на основе дефиниционного анализа было выявлено, что ядро концепта *власть* в русском языке можно представить в виде трех базовых значений: 1) господство, владычество, повелевать; 2) могущество, влияние, сила; 3) управление в широком смысле слова, подразделяемое на три семы — *право управления*, *формы и органы управления* и ‘*должностные лица*’ [Чиронова 2014: 48–56].

Выяснилось, что понятие «власть» является многогранным концептом, сочетающим в русской лингвокультуре компоненты *господства, контроля, авторитета, права* и *принуждения*. Оно тесно связано с волевыми отношениями (подчинением) и часто воспринимается через призму силы, ответственности и социальной иерархии. В этом плане актуально определение Макса Вебера, трактующего *власть* как возможность реализовать свою волю, несмотря на сопротивление; иными словами, важен процесс реализации власти [Weber 1972: 122].

2. Советская эпоха в формировании понятия «власть» в современном русском языке (период 1917–1991 гг.).

Ввиду перехода к социалистической формации в обществе произошла перемена власти. При этом изменились смыслы и смысловые связи в осознании власти в течение советской эпохи. Результатом этого стала семантическая деривация в структуре понятия *власть* в русском языке.

Слово «власть» приобрело новые значения для обозначения социалистических реалий, например: *советская власть*, *народная власть*, *власть Советов, власть рабочих и крестьян*, *социалистическое государство*, *социалистическая демократия* и др.

Разумеется, этот процесс привел к идеологизации политической лексики (ПЛ), связанной с понятием *власть,* в советскую эпоху. В русском языке усилился процесс образования новых политических терминов для наименования реалий советского пери-

ода. Из-за идеологизации ОПЛ советской эпохи также произошли масштабные изменения в словарном составе русского языка и языков народов СССР. В итоге в составе ОПЛ сформировался пласт ПЛ, существовавшей на фоне лексики политической власти.

3. Десемантизация понятия «власть» в постсоветскую эпоху (1991–2026). Смысловой сдвиг в структуре понятия «власть» был наиболее ощутимым в словарном составе русского языка.

В этот период понятие «власть» частично десемантизировалось: исчезли семы, связанные с советским партийным руководством и политическим господством.

В процессе десемантизации термина *власть* произошел ряд характерных для постсоветской эпохи изменений: 1) утрата и размывание его исходного, конкретного значения; 2) слово «власть» наиболее активно употребляется в значении органов государственного и местного управления, их прав и полномочий; лиц, входящих в эти органы, начальства, администрации; 3) сильная президентская власть воспринимается как гарантия политической стабильности и незыблемости конституционного строя [Народная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия». URL: er.ru (дата обращения: 04.05.2026)].

Исследование понятия *hokimiyat (власть)* в современном узбекском языке следует вести с учетом исторической периодизации и этапов формирования древнетюркской государственности на территории нынешней Центральной Азии.

Изучение понятия *власть* в исторической перспективе раскрывает влияние исторических факторов на развитие языков и культур древнетюркских народов, дает возможность расширить представления о власти и эволюции властных отношений. Также это позволяет зафиксировать влияние социокультурных факторов на понимание концепта *власть* в современном узбекском языке.

На наш взгляд, сложность трактовки понятия *власть* вызывается многогранностью соответствующего феномена и существованием различных подходов к его изучению на материале современного узбекского языка. У этого можно выделить следующие причины: 1) наличие различных интерпретаций понятия *власть* в рамках каждого исторического периода развития, основанных на его смысловой неисчерпаемости; 2) появление вариативности понимания, уточнения границы значений термина «власть» в связи с историческим контекстом формирования узбекской государственности и политической субкультуры узбекского народа; 3) наличие различных толкований понятия *власть* в лексикографических источниках и научных трудах, что диктуется условиями политической реальности, связано с борьбой интересов в каждую эпоху существования цивилизации общества.

Концепт *власть* в узбекском языковом осознании является устойчивым ментальным образованием и репрезентируется с помощью ряда лексем, где основное место занимает лексема *hokimiyat (хакимият)*, обозначающая государственную или административную власть.

Этимологически слово *hokimiya*t (хакимият) происходит от арабского корня *h-k-m* и имеет значения *власть, органы власти, управлять, решать, судить* и др. Исторически арабские заимствования играют важную роль в формировании концепта *власть* в узбекском языке.

Понятие *власть* в узбекском языке представлено несколькими заимствованиями из арабского языка. Так, в значении «власть» в зависимости от политического или административного контекста используются слова *hokimiyat, davlat, hukumat, saltanat*. Данные заимствования употребляются в значениях *власть, властвовать, владеть, господствовать* в тюркских языках с XI века вплоть до настоящего времени. Эти заимствования отражают следующие базовые значения концепта «власть»: держава, страна, господство, трон, престол, царствование [ТСУЯ 2006–2008: 537, 547, 560–561].

Как известно, на протяжении XV–XIX веков после распада империи Темуридов в Средней Азии началась эпоха ханств Бухарского, Хивинского и Кокандского, которые господствовали на территории нынешних Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Кыргызстана и Южного Казахстана. Однако в различных лексикографических источниках слово «ханство» — «власть хана» интерпретируется по-разному в зависимости от контекста: **Ханство** *(/ˈxɑːneɪt, -ət/ khahn-ayt, -ət) или каганат — государство, управляемое ханом, каганом, хатун или ханум; положение, достоинство хана; власть хана. Хан (монг. хаан — властитель, монарх) — азиатский владетель, монгольский и тюркский титул, также носитель этого титула; хан, правитель.*

В итоге лексикографического анализа выявлено, что в современном узбекском языке слова *davlat, hokimiyat, hukumat* означают «власть», исключая *saltanat*. Однако слово *saltanat* применялось в значении «империя» только при господстве Темуридов. В настоящее время слова *saltanat* и *khonlik*

стали историзмами в узбекском языке и используются для описания политических реалий ушедших эпох.

По словам Х. Дадабаева, важнейшие политические, экономические, социальные, религиозные преобразования, происходившие в XI–XIV вв., способствовали появлению новых понятий и явлений, что сопровождалось в сфере языка семантическими приспособлениями собственных и иноязычных слов для их выражения. В этот период начинают активно создаваться и пополняться терминосистемы, относящиеся к общественно-социальной и политико-экономической жизни [Дадабаев 1991: 43].

Следует отметить, что за более чем 300-летний период в тюркском языке утвердилось несколько терминов, обозначающих концепт «власть». Так, при господстве Караханидов, Сельжукидов, Хорезмшахов и Тимуридов опирались на систему удельного управления.

Поэтому *удел, округ* или *область*, как и *страна*, *государство*, в древнетюркском языке названы словом *el* // *эл*. По сути *el // эл* — это исконно-древнетюркское многозначное слово, которое до сих пор употребляется в разных значениях в современном узбекском языке в зависимости от контекста: *страна, народ, край, родина отечество, отчизна* ‖ *отечественный*. Например, в произведениях Алишера Навои слово *el // эл* употребляется в значениях *народ, люди* и *войско*.

Однако слово *el // эл* в разных старотюркских памятниках нередко зафиксировано в значении *государство, народ, страна* [ТСУЯ 2006–2008: 461].

Например, в начале XX века способом сложения на основе слова *el* // *эл* образован термин *el+boshi (эл + боши = элбоши)* в казахском языке, который означает *глава государства, лидер нации*. Исторически слово *elboshi* означает *вождь* и является официальным титулом вождя казахского народа.

Другой компонент сложения с этим словом — *yurt // юрт* — в словаре Л. З. Будагова «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» приводится со значениями *страна, государство, царство, владение; отечество* и отмечен как исконное слово в древнетюркском языке [Будагов 1960: 415]. В результате сложения двух слов *el // эл* и *yurt* // *юрт* образован сложный термин *el-yurt // эл-юрт*, который употребляется в значениях *народ, страна, люди* в современном узбекском языке.

Подобным образом наряду с термином *elboshi (елбасы)* образован его эквивалент *yurt + boshi = yurtboshi* в современном узбекском языке, который употребляется в разных значениях в зависимости от контекста: *глава страны, властелин, властитель, властительница, правитель, повелитель*.

Yurtboshi как новая ПЛ использовался в 1990-х и 2000-х годах в СМИ Узбекистана. Этот термин принят как почетный титул, в качестве официальной формы обращения к первому Президенту Республики Узбекистан. Таким образом, термин *yurtboshi (юртбоши)* зафиксирован в толковом словаре современного узбекского языка и означает *глава страны*, *~ государства; руководитель народа*, *~ родины* [ТСУЯ 2006–2008: 93].

Следует отметить, что в настоящее время в современном узбекском языке употребляются те же арабские заимствованные слова для описания концепта *власть*, только лишь с дополнением новых значений. Сфера употребления этих терминов значительно расширились в связи с преобразованием политической системы и изменением в структурах государственного управления, распределения политической власти Узбекистана.

Периодически значение данных терминов менялось под влиянием социально-политических факторов. Например, в конце 50-х годов XX века впервые был издан «Узбекско-русский словарь», посвященный тридцатипятилетию Узбекской ССР. В данном словаре зафиксировано слово *hokimiyat (хакимият)* как ПЛ, обозначающее понятие *власть* в узбекском языке: *hokimiyat — власть, господство; господствующее положение; господствовать, властвовать; занимать господствующее положение* [ТСУЯ 2006–2008: 546–547].

Таким образом, слово *hokimiyat (хакимият)* оказалось лексическим эквивалентом слов *власть* и *power*, обозначающих понятие *власть* в русском и английском языках. Вместе с тем в том же словаре зафиксированы другие единицы, входящие в лексико-семантическое поле «власть»: *hukumat (хукумат)* и *давлат (davlat)*, которые более близки по значению к слову *hokimiyat (власть)* в узбекском языке.

В процессе семантического анализа были выявлены смысловые изменения в семантике слов *давлат (davlat), hukumat (хукумат),* отразившие политическую реальность советской эпохи. Например:

давлат (davlat) I *государство, держава*; ‖ государственный; демократическое государство; советское государство; государственный строй.

давлат (davlat) II **1**. богатство, достояние; добро (имущество); **2**. перен. благо, счастье, богатсво; фортуна ~ ему улыбнулось счастье.

хукумат (hukumat) **1**. правительство;

власть; ǁ правительственный; советское правительство; советская власть; **2**. собир. члены правительства.

Контекст показывает, что в узбекском языке слово *давлат* чаще всего относится к государству (стране) и его институтам, а также к государственным делам и применялось для обозначения политических реалий социализма [Узбекско-русский словарь 1959: 830].

Семантический анализ показывает, что смысловое наполнение понятия ***власть*** в узбекском языке систематически трансформируется, отражая изменения в общественных отношениях в зависимости от социальных факторов. Эти изменения часто обусловлены политическими реалиями и существованием социалистической системы управления государства на протяжении советской эпохи.

В отношении концепта ***власть*** современного узбекского языка предлагают разные варианты периодизации семантических изменений политической лексики. Традиционно в эволюции понятия ***власть*** в узбекском языке выделяют три основных этапа с переходными периодами.

1. Важный в диахроническом аспекте этап староузбекского языка в формировании понятия ***власть*** (период XI–XIX вв.). Формирование политической лексики в староузбекском языке за счет заимствований из арабского и персидского языков, а также трансформации понятия власти при заимствованиях в эпохах Чагатайской, Караханидов, Тимуридов и ханств.

2. Советская эпоха в формировании понятия ***власть*** в современном узбекском языке (период 1917–1991 гг.). В связи с преобразованием политической системы в обществе произошла смена власти. Вместе с этим изменилось восприятие власти, смыслы и смысловые связи в языковой картине мира. Происходящие политические события как социальные факторы стали причинами десемантизации термина *hokimiyat (хакимият)*. В результате слово *hokimiyat (хакимият)* потеряло первоначальное значение и стало однозначным лексическим эквивалентом термина «власть» в русском языке.

3. Эпоха Независимости узбекской государственности (период 1991–2026 гг.). В годы перестройки произошел ряд существенных изменений в обществе. Главные особенности были зафиксированы в формировании и наименовании новых социально-политических отношений, на язык оказали влияние изменения в государственном строе и системе управления государственности эпохи Независимости Республики Узбекистан.

Вместе с тем эквивалент слова «власть» подвергался семантической деривации за счет наполнения новыми смыслами и понятийными оттенками на базе исходного значения. Этот процесс также связан с появлением новых политических реалий и их ключевой ролью в изменениях в семантике понятия власти, с формированием иной картины политической жизни общества. Влияние таких факторов, как политические реалии, процессы, периодически фиксировалось в различных словарях современного узбекского языка. Эти факторы сказались на политической лексике, входящей в тематическое поле «власть», современного узбекского языка. В результате слова *hokimiyat, davlat, hukumat* приобрели новое и более конкретное значение в современном узбекском языке в начале XXI века. Например:

– *hokimiyat*. арабск. — власть, государственность; управление; властвование, господство; право управления государством; политическое господство; право и полномочия государственных органов; государственное управление и его органы; правительство; управление и отдать приказ [ТСУЯ 2006–2008: 547].

– *hukumat*. арабск. — правительство; власть; государственный управленческий аппарат; высший исполнительный орган, имеющий право отдать распоряжение, и непосредственно осуществляющий государственное управление, государственную власть [ТСУЯ 2006–2008: 560–561].

– *davlat.* арабск. *страна* (независимая страна, способная защитить социально-политические права своих граждан и также имеющая органы государственной власти, способная подавлять действия оппозиционных сил, направленные против страны — антигосударственные действия) [ТСУЯ 2006: 537].

Таким образом, в настоящее время в современном узбекском языке для выражения концепта *«**власть**»* употребляются следующие слова: *hokimiyat, hukumat, davlat*.

В итоге дефиниционного анализа выявлено, что ядро концепта «власть» в узбекском языке репрезентируется с помощью четырех базовых значений: 1) право на управление государством; 2) политическое господство; авторитет; 3) права и полномочия государственных органов; 4) государственное управление и органы государственного управления; отдать приказ. В общем понятие «власть» в узбекской лингвокультуре — это не просто *сила* и *господство*, а своеобразная структура, основанная на уважении, традициях и ответственности перед обществом.

Следует подчеркнуть, что слово *power* обозначает понятие ***власть*** в современном

английском языке. Однако в английском языке слово *power* в значении ‘власть’ заимствовано из французского языка (ME > Fr pouer > VL — to be able). В основе понятия «власть» во многих европейских языках лежат латинские слова *potestas* и *potentia* со значением ‘способность что-то сделать’, от которых происходили английская лексема *power* и французская *pouvoir*. И слово *power* впервые было зафиксировано, согласно Оксфордскому словарю, со значением *ability to act or do* в XIII веке [OED 1978: 1212–1215].

Дефиниционный анализ позволяет констатировать, что ядро концепта *power (власть)* в английском языке представлено четырьмя базовыми значениями: *1) дееспособность; правоспособность; лицо, имеющее право участвовать в делах государства, в управлении жизнедеятельностью общества; 2) архаизм. вооруженные силы; армия, военно-морские силы; мощь вооруженных сил; 3) великие державы; доминирующий народ (господствующий над другими народами); 4) политика с оппозиции силы.* Также наряду с *power* семантическую градацию понятия демонстрирует синонимический ряд лексем: *authority, jurisdiction, dominion, sway, control, command*.

Изучение этимологии и семантики концепта *power* предоставляет возможность для определения основных черт его семантического поля. Основным значением *power* является *способность делать или влиять на что-то, действующее свойство или функция чего-либо, оказывать воздействие на субъект*.

Другой базовый элемент поля описывается с помощью лексем *политическое или социальное господство, сила, мощь*. В семантике *power* также выделяются значения господства и доминирования над другими, подобные соответствующим концептам русского и узбекского языков. Последняя сема, входящая в ядро концепта *power — держава*.

В заключение можно отметить, что семантическую структуру концепта *power* схематически можно представить четырьмя базовыми категориями. В переводческой практике *power* считается эквивалентом слова *власть* и *hokimiyat*. Однако в семантике концепта *power* отсутствует понятие институтов (или истеблишмента) — *власти* и *должностные лица*, *облечённые властью*.

В таких контекстах концепт *power* может заменить концепт *authority*, компенсирующий отсутствующие значения.

Таким образом, с помощью лексикографического анализа были выявлены изменения в семантическом объеме, а также отмечены новые значения в семантической структуре понятия *власть* в русском, узбекском и английском языках.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что основные смыслы слов *власть и power* в контексте концептуализации власти как социального понятия на материале русского и английского языков в основном были изучены И. И Чироновой. Необходимый для понимания концепта этимологический анализ устанавливает семантическую эволюцию слов на базе лексикографического анализа. Вместе с тем были описаны как общие смысловые элементы, так и различия эквивалентов в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах.

Вслед за И. И. Чироновой обобщенно в табличном виде представим совокупность признаков концепта, чтобы продемонстрировать, как на данном этапе выглядит сформировавшееся в русском, узбекском и английском языках понятийное поле «власть».

Таблица

Признаки концептов	Власть	Hokimiyat	Power	Authority
Контроль, господство	+	+	+	+
Могущество, влияние, сила	+	+	+	–
Управление:				
• форма управления	+	+	+	–
• право и возможность управления	+	+	+	+
• органы управления	+	+	–	+
• должностные лица	+	+	–	+
Способность влиять	–	+	+	+
Законная возможность действовать, полномочие	–	+	+	–
Делегирование полномочий, доверенность	–	+	+	–
Держава, нация	–	–	+	–
Авторитет	–	+	–	+

Как видно, смысловой объем концепта «власть» в значительной степени совпадает в лингокультурах сравниваемых языков. Также можно отметить семантические преобразования данного концепта, имеющего в зависимости от языка этнокультурную специфику и отражающего идентичность, а также набор признаков, индивидуальный для каждого языкового сообщества на современном этапе.

По сути слова ***власть, hokimiyat***, ***power*** составляют семантический разряд лексических единиц, посредством которых реализуется концепт ***власть***. В процессе сопоставления обобщенных данных были выявлены основные черты структурирования понятийного поля «власть» в трех языках.

С помощью семантического анализа определены некоторые соответствия и расхождения в присутствии базовых значений данного концепта в русской, узбекской и английской лингвокультурах: 1) контроль, господство; 2) могущество, влияние, сила; 3) форма управления; 4) право и возможность управления; 5) органы управления и должностные лица.

Все пять ядерных сем, характерные для концепта ***власть***, равнозначно представлены в русских, узбекских и английских лексемах: ***власть, hokimiyat*** и ***power (authority)***.

Видно, что концепты ***hokimiyat*** и ***power*** являются наиболее близкими лексическими эквивалентами концепта ***власть***, поскольку в них выражены наиболее важные базовые значения: ‘контроль и господство’, ‘сила и влияние’, ‘управление’, являющиеся интегральными для всех трех концептов [WNewWD: 442].

Таким образом, основное различие между концептами в трех языках наблюдается в степени присутствия семантических признаков, относящихся к категории ‘управление’. В концепт ***power*** в качестве субъекта власти входит только понятие ***‘нация, держава’ (the Great Powers, a naval power)***, в то время как для концепта ***власть*** представления о субъектах описываются иначе: отсутствует значение ***‘страна’***, но имеются другие субъекты — институты власти и должностные лица, осуществляющие властные функции (***муниципальная, городская власть***). Данный семантический признак не представлен в концепте ***power***, и в контекстах основной репрезентант концепта ***power*** заменяется обладающим необходимыми семантическими признаками концептом ***authority***.

ВЫВОДЫ

Резюмируя вышеприведенные сравнительные выкладки, можно констатировать, что в толковых и энциклопедических словарях, монографических исследованиях нет общепризнанного определения абстрактного понятия власти. У этого понятия нет однозначных, совпадающих стереотипных представлений и в сознании русскоязычных, узбекоязычных и англоязычных народов.

В ходе исследования концепта «власть» наибольшее внимание уделено выявлению исторических фактов с точки зрения лингвокультурологического анализа. Изученные исторические материалы предоставили значительные возможности для определения влияния социальных факторов на формирование ПЛ, входящей в тематическое поле «власть», в соответствии с периодизацией развития человеческого общества.

Следует отметить, что семантическая структура лексических единиц, передающих концепт ***власть*** в составе ПЛ сравниваемых языков, тесно связана с развитием и изменениями общества в ходе исторических процессов и важных событий. Первостепенное влияние оказывают структурирование власти и властных отношений; образование государственности и ее структуры; своеобразные формы управления, присущие каждой эпохе в развитии человеческого общества.

Очевидно, что лексические единицы, характеризующие понятийное поле «власть», подвержены изменениям, поскольку входят в арсенал лексических средств политической коммуникации, дискурса, дебатов и относятся к основным референтным знакам политического языка.

ИСТОЧНИКИ

1. Большой академический словарь русского языка. — Москва ; Санкт-Петербург, 2005. — Т. 2. — 657 с. — ISBN 5-02-033662-9.

2. Будагов, Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий : в 2 т. / Л. З. Будагов. — Репр. изд. 1869 г. — Москва : Изд-во вост. литературы, 1960. — Т. 1. — 819 с.; т. 2. — 415 с.

3. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев. — Ленинград : Наука, 1969. — XXXVIII, 676 с.

4. Словарь русского языка XI — XVII вв. Вып. 2 (В — Вологa) / под ред. С. Г Бархударова. — Москва : Наука, 1975. — 319 с.

5. ТСУЯ = Толковый словарь узбекского языка : в 5 т. = Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдли. — Ташкент : Ўзбекистон миллий энциклопедияси : Давлат илмий нашриѐти, 2006–2008. — 680, 672, 688, 608, 592 с.

6. Узбекско-русский словарь. — Москва : ГИС, 1959. — 839 с.

7. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. Вып. 8 / под ред. Н. М. Шанского. — Москва : Изд-во МГУ, 1982. — 471 с.

8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4 / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — Москва : Прогресс, 1987. — 864 с.

9. Azizova, A. A. A Concise English-Uzbek Dictionary (for students studying political science, history, international relations, diplomacy, religion, linguistics and military affairs) / A. A. Azizova, G. N. Rakhmanov. — Tashkent : FAN Publisher, 2004. — 301 p.

10. Oxford English Dictionary. Vol. VII (N—Poy). — 4-th ed. — Oxford, 1933.

11. WNewWD = Webster's New World Dictionary of American English / ed. in chief David B. Guralnik. — Second College Edition. — New York : Simon a. Schuster, 1984. — XXXVI, 1692 p. — ISBN 0671418076.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. — Москва : Наука, 1993. — С. 3–6. — ISBN 5-02-011104-X.

2. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — XII, 776 с. — ISBN 5-7859-0032-7.

3. Галкина, Е. В. Теоретические концепты гражданского общества и российская политическая практика / Е. В. Галкина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2012. — № 6. — С. 8. — EDN PAWRLJ.

4. Дадабаев, Х. Общественно-политическая и социально-экономическая терминология в тюркоязычных письменных памятниках XI–XIV вв. / Х. Дадабаев. — Ташкент : Езувчи, 1991. — 186 с. — ISBN 5-8255-0080-4.

5. Ерофеева, И. В. Концепт «Власть» в медиадискурсе: дихотомия репрезентации / И. В. Ерофеева // Вестник Читинского государственного университета. — 2009. — № 1(52). — С. 167–171. — EDN JARJIG.

6. Игнатова, И. В. Особенности актуализации концепта «power» в речи президента США Б. Обамы на саммите ЕС — США (Брюссель, 26 марта 2014 г.) / И. В. Игнатова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 2-3 (62). — С. 153–156. — EDN TXTOIV.

7. Кипенко, М. В. Лексическая объективация концепта 'власть' в языке газеты «Комсомольская правда» / М. В. Кипенко // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — № 4 (84). — С. 238–245. — EDN MNHCLJ.

8. Коноваленко, И. В. Структура концепта «власть» (по данным ассоциативного эксперимента) / И. В. Коноваленко // Вестник Омского университета. — 2011. — № 3(61). — С. 168–171. — EDN OFZDHZ.

9. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 296 с. — ISBN 978-5-89349-748-9.

10. Орлова, М. В. Отражение концептуальной картины мира в толковом словаре живого великорусского языка В. Даля / М. В. Орлова // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012. — № 4. — С. 85–90. — EDN PJOHLD.

11. Русская языковая картина мира. Культурно значимые концепты. — Владимир : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2018. — 120 с. — ISBN 978-5-906773-93-7. — EDN VOGJUJ.

12. Чекулай, И. В. Аксиологическая специфика концепта «власть» в семантической структуре фразеологических единиц русского и английского языков / И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2014. — Т. 1, № 1 (1). — С. 72–79. — EDN TWCXGH.

13. Чиронова, И. И. Национальная специфика концепта власть в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах / И. И. Чиронова // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — № 4. — С. 48–56. — EDN SPLKRX.

14. Шабанова, А. А. Репрезентация концепта 'власть' в современной русской языковой картине мира / А. А. Шабанова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 17 (232). — С. 172–175. — EDN OZOZUL.

15. Weber Max. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie / Max Weber. — 5., rev. Aufl. — Tübingen : Morh, 1972. — ISBN 3165336318. — 300 S.

MATERIALS

1. Bol′shoy akademicheskiy slovar′ russkogo yazyka (2005) = The Great Academic Dictionary of the Russian Language. Moscow, St. Petersburg, 2005. Vol. 2. 657 p. ISBN 5-02-033662-9.

2. Budagov, L. Z. (1960). Sravnitel′nyy slovar′ turetsko-tatarskikh narechiy = Comparative Dictionary of Turkish-Tatar Dialects. In 2 volumes. Reprint of the 1869 edition. Moscow: Publishing House of the Oriental Literature, 819, 415 p.

3. Nadelyaev, V. M. (Ed.) (1969). Drevnetyurkskiy slovar′ = Old Turkic Dictionary. Leningrad: Nauka, XXXVIII, 676 p.

4. Barkhudarov, S. G. (Ed.) (1975). Slovar′ russkogo yazyka XI — XVII vv. Vyp. 2 (V — Vologa) = Dictionary of the Russian Language of the 11th — 17th Centuries. Vol. 2 (V — Vologa). Moscow: Nauka, 319 p.

5. TSUYA (2006–2008). = Tolkovyy slovar′ uzbekskogo yazyka : v 5 t. = Explanatory Dictionary of the Uzbek Language. In 5 volumes. Tashkent: Ouzbekiston milliy ehntsiklopediyasi, Davlat ilmiy nashrièti, 680, 672, 688, 608, 592 p.

6. Uzbeksko-russkiy slovar′ (1959) = Uzbek-Russian dictionary. Moscow: GIS, 839 p.

7. Shanskiy, N. M. (1982). Ehtimologicheskiy slovar′ russkogo yazyka. T. 2. Vyp. 8 = Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 2. Issue 8. Moscow: Izd-vo MGU, 471 p.

8. Fasmer, M. (1987). Ehtimologicheskiy slovar′ russkogo yazyka. T. 4 = Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 4 (Translated from German and supplemented by O. N. Trubachev).2nd edition, revised. Moscow: Progress, 864 p.

9. Azizova, A. A., Rakhmanov, G. N. (2004). A Concise English-Uzbek Dictionary (for students studying political science, history, international relations, diplomacy, religion, linguistics and military affairs). Tashkent: FAN Publisher, 301 p.

10. Oxford English Dictionary (1933). Vol. VII (N—Poy). 4-th ed.

11. Guralnik, David B. (Ed.) (1984). Webster's New World Dictionary of American English. Second College Edition. New York: Simon a. Schuster, XXXVI, 1692 p. ISBN 0671418076.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1993). Vvedenie = Introduction. *Logical Analysis of Language. Mental Actions*, 3–6. Moscow: Nauka. ISBN 5-02-011104-X.

2. Vezhbitskaya, A. (1999). Semanticheskie universalii i opisanie yazykov = Semantic Universals and Language Description (Transl. from Eng. by A. D. Shmelev). Moscow: Yazyki russkoy kul′tury, XII, 776 p. ISBN 5-7859-0032-7.

3. Galkina, E. V. (2012). Teoreticheskie kontsepty grazhdanskogo obshchestva i rossiyskaya politicheskaya praktika = Theoretical Concepts of Civil Society and Russian Political Practice. *Modern Research of Social Problems (electronic scientific journal)*, *6*, 8. EDN PAWRLJ.

4. Dadabaev, Kh. (1991). Obshchestvenno-politicheskaya i sotsial′no-ehkonomicheskaya terminologiya v tyurkoyazychnykh pis′mennykh pamyatnikakh XI–XIV vv. = Socio-political and socio-economic terminology in the Turkic–language written monuments of the XI-XIV centuries. Tashkent: Ezuvchi, 186 p. ISBN 5-8255-0080-4.

5. Erofeeva, I. V. (2009). Kontsept «Vlast′» v mediadiskurse: dikhotomiya reprezentatsii = The concept of "Power" in media discourse: the dichotomy of representation. *Bulletin of Chita State University*, *1*(52), 167–171. EDN JARJIG.

6. Ignatova, I. V. (2015). Osobennosti aktualizatsii kontsepta «power» v rechi prezidenta SSHA B. Obamy na sammite ES — SSHA (Bryussel′, 26 marta 2014 g.) = Features of the actualization of the concept of "power" in the speech of the President of the United States B. Obama at the EU—USA Summit (Brussels, March 26, 2014). *Bulletin of Kemerovo State University*, *2-3*(62), 153–156. EDN TXTOIV.

7. Kipenko, M. V. (2010). Leksicheskaya ob″ektivatsiya kontsepta 'vlast'' v yazyke gazety «Komsomol′skaya pravda» = Lexical Objectification of the Concept 'Power' in the Language of the Komsomolskaya Pravda Newspaper. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, *4*(84), 238–245. EDN MNHCLJ.

8. Konovalenko, I. V. (2011). Struktura kontsepta «vlast′» (po dannym assotsiativnogo ehksperimenta) = The Structure of the Concept "Power" (Based on the Data of the Association Experiment). *Bulletin of Omsk University*, *3*(61)б 168–171. EDN OFZDHZ.

9. Maslova, V. A. (2007). Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku. = Introduction to Cognitive Linguistics. Textbook. Moscow: Flinta, Nauka, 296 p. ISBN 978-5-89349-748-9.

10. Orlova, M. V. (2012). Otrazhenie kontseptual′noy kartiny mira v tolkovom slovare zhivogo velikorusskogo yazyka V. Dalya = Reflection of the Conceptual Picture of the World in the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by

V. Dal. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19, Linguistics and Intercultural Communication*, *4*, 85–90. EDN PJOHLD.

11. Russkaya yazykovaya kartina mira. Kul′turno znachimye kontsepty (2018) = The Russian Language Picture of the World. Culturally Significant Concepts. Vladimir: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 120 p. ISBN 978-5-906773-93-7. EDN VOGJUJ.

12. Chekulay, I. V., Prokhorova, O. N. (2014). Aksiologicheskaya spetsifika kontsepta «vlast′» v semanticheskoy strukture frazeologicheskikh edinits russkogo i angliyskogo yazykov = The Axiological Specificity of the Concept "Power" in the Semantic Structure of Phraseological Units in Russian and English. *Scientific Result. Series: Issues of Theoretical and Applied Linguistics*, *1*(1[1]), 72–79. EDN TWCXGH.

13. Chironova, I. I. (2014). Natsional′naya spetsifika kontsepta vlast′ v russkoyazychnoy i angloyazychnoy lingvokul′turakh = National Specificity of the Concept of Power in Russian- and English-Speaking Linguistic Cultures. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19, Linguistics and Intercultural Communication*, *4*(48–56). EDN SPLKRX.

14. Shabanova, A. A. (2011). Reprezentatsiya kontsepta 'vlast'' v sovremennoy russkoy yazykovoy kartine mira = Representation of the Concept of 'Power' in the Modern Russian Language Worldview. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, *17*(232), 172–175. EDN OZOZUL.

15. Weber, Max (1972). Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie. 5, rev. Aufl. Tübingen: Morh. ISBN 3165336318. 300 S.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.581'42+811.581'38+81'27+81'25
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш100.621+Ш118 *ГРНТИ 16.31.41; 16.21.33* *Код ВАК 5.9.8*

Чжан Цзин
Шэньянский политехнический университет, Шэньян, Китай, 283706168@qq.com, SPIN-код: 4071-0593, https://orcid.org/0009-0004-4243-2546

Специфика стратегий перевода политических метафор с китайского языка на русский

АННОТАЦИЯ. *Политическая метафора, как важный предмет изучения политической лингвистики, служит не только значимым средством для концептуализации и категоризации политических реалий посредством метафорического мышления, но и необходимой призмой для распознавания культурных особенностей и философии управления государственных деятелей. Цель данного исследования заключается в анализе стратегий перевода политических метафор в русских переводах публичных выступлений генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Китая Си Цзиньпина с 2015 по 2025 год, выявлении условий применимости различных стратегий и их культурных основаниях, а также в формулировании методических указаний для перевода политических текстов с китайского на русский язык. Конкретные задачи исследования включают в себя построение теоретической аналитической рамки стратегий перевода политических метафор, определение содержания и сферы применения четырех основных стратегий — дословного перевода, замены, превращения имплицитной метафоры в эксплицитную и вольного перевода; изучение сходств и различий между исходным и целевым языками в когнитивных механизмах и культурных контекстах с позиций русско-китайского сопоставительного анализа, выявление определяющих факторов выбора стратегий перевода; верификацию практической эффективности каждой стратегии на основе типичных примеров перевода и обобщение закономерностей. Теоретическая значимость данной работы заключается в обогащении и уточнении теоретической базы для перевода китайских политических текстов с использованием последних достижений российской политической лингвистики в области исследования политических метафор. Практическая значимость работы заключается в предоставлении конкретных стратегий и методов перевода политических текстов на русский язык, что позволяет повысить его качество. Результаты исследования показывают, что дословный перевод применяется при совпадении когнитивных механизмов метафор в исходном и целевом языках; замена метафорического объекта используется при отсутствии соответствующего образа в культуре целевого языка; превращение имплицитной метафоры в эксплицитную уместно, когда образ исходного языка не вызывает аналогичных культурных эмоций у носителей целевого языка; вольный перевод применяется в тех случаях, когда метафорический образ исходного языка полностью непонятен читателям целевого языка. Выводы исследования имеют практическую ценность, поскольку предложенные стратегии и методы перевода могут быть непосредственно применены на практике при переводе политических текстов с китайского на русский язык, обеспечивая повышение качества работы и обогащение переводческой практики в рамках китайско-российского политического дискурса.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая лингвистика, политический дискурс, политические тексты, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, национально-культурная специфика, китайские политики, политические речи, китайский язык, переводоведение, переводческая деятельность, стратегии перевода, Си Цзиньпин, русский язык, русские переводы, переводы политических метафор.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Чжан Цзин, кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранных языков, Шэньянский политехнический университет, Шэньян, пров. Ляонин, Китай, email: 283706168@qq.com.*

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке Фундаментального научного проекта по исследованию экономического и социального развития провинции Ляонин на 2026 год по теме «Исследование путей перевода на русский язык и мультимодального распространения символов нематериального культурного наследия провинции Ляонин», номер объекта: 20261s1ybkt-114.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Чжан, Ц.* Специфика стратегий перевода политических метафор с китайского языка на русский / Чжан Цзин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 274-282.

Zhang Jing
Shenyang Ligong University, Shenyang, China, 283706168@qq.com, SPIN code: 4071-0593, https://orcid.org/0009-0004-4243-2546

Specificity of Translation Strategies of Political Metaphors from Chinese into Russian

ABSTRACT. *Political metaphor, as an important object of research of political linguistics, serves not only as an important means for conceptualizing and categorizing political realities through metaphorical thinking, but also as a necessary lens for recognizing the cultural characteristics and philosophy of governing officials. The aim of this study is to analyze the translation strategies of conveying political metaphors in the Russian translations of General Secretary Xi Jinping's public*

© Чжан Цзин, 2026

speeches from 2015 to 2025, to identify the conditions for the applicability of different strategies and their cultural foundations, and to provide a methodological guide for translating political texts into Russian. The specific objectives of the study include: first, building a theoretical analytical framework for the translation strategies of political metaphors, defining the content and scope of the four main strategies — literal translation, substitution, transformation of implicit metaphors into explicit ones, and free translation; second, studying the similarities and differences between the source and target languages in cognitive mechanisms and cultural contexts from the position of Russian-Chinese comparative analysis and identifying the determining factors for the choice of translation strategies; and third, verifying the practical effectiveness of each strategy based on typical translation examples and generalizing the discovered regularities. The theoretical significance of this work lies in enriching and refining the theoretical framework for translating Chinese political texts using the latest achievements of Russian political linguistics in the field of political metaphorology. The practical significance of the work lies in providing specific strategies and methods for translating political texts into Russian, which helps to improve the quality of translation. The results of the study show that literal translation is used when the cognitive mechanisms of metaphors in the source and target languages are the same; the substitution of a metaphorical object is used when there is no corresponding image in the target language culture; the transformation of an implicit metaphor into an explicit one is appropriate when the image in the source language does not evoke similar cultural emotions in the target language; and free translation is used when the metaphorical image in the source language is completely incomprehensible to the target language readers. The findings have practical value, as the suggested translation strategies and methods can be directly applied in the practice of translating political texts into Russian, providing powerful support for improving the quality of translation and facilitating enrichment of its practice within the framework of Chinese-Russian political discourses.

KEYWORDS: *political linguistics, political discourse, political texts, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, national-cultural specificity, Chinese politicians, political speeches, Chinese language, translation studies, translation, translation strategies, Xi Jinping, Russian language, Russian translations, translations of political metaphors.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zhang Jing, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Foreign Languages, Shenyang Ligong University, Shenyang, Liaoning Province, China.*

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been completed with financial support of the scientific project Liaoning's Economic and Social Development: A Study on the Russian Translation and Multimodal Dissemination Pathways of Liaoning's Intangible Cultural Heritage Symbols. object № 20261s1ybkt-114.

FOR CITATION: *Zhang Jing.* (2026). Specificity of Translation Strategies of Political Metaphors from Chinese into Russian. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 274-282. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Метафора обладает значительным выразительным потенциалом. Это связано с ее риторическими и когнитивными функциями. Будучи связанной с абстрактным мышлением, метафора играет важную роль в разных типах дискурса и в разных языках [Елоева 2014: 78]. В лингвистике она долгое время рассматривалась преимущественно как стилистическое средство или художественный прием. При этом метафора понимается и как процесс порождения новых значений, и как результат переосмысления языковых единиц [Шеховцева 2017: 71]. Работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона показали, что метафора широко представлена не только в художественной речи, но и в повседневной коммуникации.

Политическая метафорология изучает характеристики метафорических элементов и их проявления. Политические концепции, как правило, воплощают в себе абстрактные и сложные когнитивные структуры. Поскольку люди часто интерпретируют новую информацию через призму существующих знаний, метафора оказывается для политиков незаменимым средством передачи теоретических установок. Данное обстоятельство делает метафору центральным инструментом в современной политической коммуникации.

Выбор метафорического образа не является полностью произвольным. Он определяется когнитивными моделями, культурным контекстом и коммуникативной задачей. В выступлениях мировых лидеров и дипломатов метафора часто служит средством выражения политической позиции.

Для качественного перевода важно выявить скрытый смысл политической метафоры и передать его средствами целевого языка. Переводчик должен учитывать лексический выбор, структуру высказывания, логическую связность и культурную адаптацию. Это позволяет сохранить ключевую политическую информацию и обеспечить эффективность межкультурной коммуникации.

Политические тексты участвуют в формировании национального имиджа, передаче политических концепций и репрезентации культурного наследия. В условиях внешнеполитической коммуникации они влияют на восприятие страны международной аудиторией. Политические метафоры, насыщенные культурными и идеологическими коннотациями, являются значимым компонентом дипломатического дискурса. Поэтому проблема точного перевода таких метафор занимает важное место в современных переводоведческих исследованиях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве основного корпуса исследования выбраны публичные выступления Си Цзиньпина, произнесенные в 2015–2025 гг. Они охватывают международные отношения, экономическое развитие, социальное управление и культурный обмен. Такой корпус позволяет проследить актуальные тенденции китайского политического дискурса.

Китайские оригинальные тексты взяты из официальных публикаций Правительственного портала КНР, информационного агентства Синьхуа и газеты «Жэньминь жибао». Русские переводы взяты из публикаций ведущих российских СМИ (ТАСС, РИА «Новости»), а также из переводов, опубликованных на официальных китайских внешнепропагандистских платформах (Синьхуа на русском языке, «Жэньминь жибао» на русском языке). Тексты на двух языках образуют сопоставимый параллельный корпус, что обеспечивает надежную языковую базу для анализа стратегий перевода. В данном исследовании применяется сочетание качественного и количественного анализа, включающее следующие три метода.

Сравнительный анализ. Использован сопоставительный подход в рамках китайско-русской языковой пары. Путем сравнения сходных или различающихся метафорических выражений в китайском и русском политическом дискурсе раскрыты сходства и различия между двумя языками на уровне метафорического познания и выражения. Сравнительный анализ охватывает следующие аспекты: соответствие метафорических образов, модели отображения «исходная область → целевая область», способы выражения культурно-специфических метафор. Данный метод выявил механизм влияния культурных различий на выбор стратегий перевода.

Корпусный метод. Создан небольшой китайско-русский параллельный корпус политических метафор, включающий ключевые выступления председателя Си Цзиньпина за 2015–2025 годы и соответствующие русские переводы. С помощью инструментов поиска по корпусу осуществлено систематическое извлечение и категориальная разметка метафорических выражений, что обеспечило эмпирическую поддержку для количественного анализа стратегий перевода. Корпусный метод позволил восполнить недостатки традиционного качественного анализа, связанные с его субъективностью, и повысить научную обоснованность и воспроизводимость результатов исследования.

Анализ конкретных случаев. Выбраны репрезентативные примеры перевода метафор для углубленного анализа. С лингвистической, когнитивной и коммуникативной точек зрения комплексно исследованы мотивы выбора стратегий перевода и их эффективность. Сочетание анализа конкретных случаев со статистическими данными корпуса позволило обеспечить как глубину, так и широту исследования.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В области исследования политической метафоры русскими учеными сформировались различные научные школы. К ним относятся Уральская школа, Волгоградская школа и Петербургская школа. Хотя конкретные подходы к исследованию этих школ различаются, в целом они основаны на трех основных теоретических рамках: традиционной риторике, когнитивной лингвистике и дискурс-анализе. Исследование политической метафоры в России характеризуются четырьмя ключевыми особенностями: во-первых, использованием многомерных методологий, интегрирующих когнитивную лингвистику, дискурс-анализ и традиционную риторическую семантику; во-вторых, созданием теоретических основ и методологической системы «политической метафорологии», предложенной А. П. Чудиновым [Чудинов 2013: 137]; в-третьих, акцентом на межкультурных сравнительных исследованиях, в частности, касающихся использования метафор в политических контекстах, таких как президентские выборы и кризисные события; наконец, в-четвертых, следованием аналитической парадигме «исходная область → целевая область».

Китайская политическая лингвистика находится на этапе активного теоретического становления. На ее исследовательские парадигмы заметно повлияла российская академическая традиция. Одним из ключевых направлений является анализ политических метафор. Методологически китайские исследования близки российским: они опираются на дискурс-анализ и когнитивную теорию метафоры при изучении политических текстов и выступлений лидеров [Сунь 2018: 60].

Несмотря на наличие значительного количества исследований по переводу политических метафор в Китае, существующие работы демонстрируют явные дисциплинарные ограничения: большая часть исследований сосредоточена на изучении стратегий перевода между английским и китайским языками, а специализированные исследования по русским политическим метафорам остаются относительно редкими.

Кроме того, существующие работы в основном ограничиваются сравнительным анализом конкретных концептуальных метафор в китайском и русском политическом дискурсе с культурно-когнитивной точки зрения, при этом практически не проводится углубленного исследования на уровне перевода, в основном анализ сосредоточен на структурных характеристиках и концептуальных различиях между двуязычными политическими метафорами, в то время как разработка более систематической теории перевода политических метафор остается относительно слабой.

Данное исследование опирается на достижения российской политической лингвистики и посвящено стратегиям перевода метафор в русских версиях выступлений Си Цзиньпина 2015–2025 гг. На основе классификаций Чэнь Даляна («сохранение, замена, удаление») и Чэнь Сысы, а также с учетом специфики китайско-русского перевода выделяются четыре стратегии. Они описываются по двум параметрам: условия применимости и функциональная цель.

Дословный перевод (стратегия сохранения). Данная стратегия применяется в тех случаях, когда когнитивные механизмы и образы в исходном и целевом языках в высокой степени совпадают. При этом сохраняются метафорическая форма и образ оригинального текста. Эта стратегия позволяет в максимальной степени передать культурные особенности и риторический эффект исходного языка. Условия применимости: образ исходного языка вызывает в культуре целевого языка такие же или сходные когнитивные ассоциации, и дословный перевод не создает препятствий для понимания. Функциональная цель: полностью передать когнитивные функции и эстетическую ценность исходного языка, способствуя межкультурному взаимопониманию.

Замена метафорического объекта (стратегия трансформации). Когда в культуре целевого языка отсутствует соответствующий образ, соответствующий исходной метафоре, или когда такой образ может легко привести к недопониманию, в культуре целевого языка отыскивается образ, обладающий сходной когнитивной функцией, для замены исходного метафорического образа. Условия применимости: исходный образ и образ целевого языка обладают функциональной эквивалентностью на концептуальном уровне, и после замены может быть достигнут сопоставимый когнитивный эффект. Функциональная цель: при сохранении метафорической структуры и риторической функции снизить трудности понимания для читателей целевого языка.

Превращение имплицитной метафоры в эксплицитную метафору (стратегия превращения в открытое сравнение). Когда образ исходного языка с трудом вызывает в культуре целевого языка аналогичные культурные эмоции, в перевод добавляются соответствующие маркеры сравнения, такие как «словно», «как», чтобы преобразовать метафору в сравнение. Условия применимости: образ исходного языка не имеет прямого соответствия в культуре целевого языка, однако сам образ обладает определенной степенью понятности, и его преобразование в открытое сравнение может снизить когнитивную нагрузку. Функциональная цель: при сохранении элементов образа повысить приемлемость перевода, достичь баланса между культурной коммуникацией и эффективностью распространения.

Вольный перевод (стратегия удаления). Когда метафорический образ исходного языка полностью не может быть понят и принят читателями целевого языка, образ отбрасывается, сохраняется лишь смысловое ядро и осуществляется объяснительный перевод. Условия применимости: исходный образ обладает ярко выраженной культурной специфичностью и не имеет соответствия в культуре целевого языка. Функциональная цель: обеспечить точную передачу ключевой политической информации, избежать коммуникативной неудачи, вызванной непонятностью образа.

Указанные выше четыре стратегии образуют континуум от «сохранения» до «удаления», отражая балансирование переводчика между точностью (верностью оригиналу) и приемлемостью для реципиента в различных культурных контекстах.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Дословный перевод

Исходя из результатов исследований в области когнитивных наук, если когнитивные механизмы, лежащие в основе метафор в русском и китайском языках, идентичны, а частота использования образов и стилистические характеристики сопоставимы, то использование стратегии буквального перевода в переводе точно передает метафорические коннотации и когнитивные функции исходного текста [Лю Чжаохао: 30]. Например:

Пример 1. 百年变局加速演进，亚太地区发展面临的不稳定不确定因素增多，世界又处在变乱交织、经济增长乏力的**十字路口**，越是**风高浪急**，越要同舟共济。(2025年11月1日，习近平主席在亚太经合组织第三十二次领导人非正式会议

上的讲话)

Перевод: *Развитие Азиатско-Тихоокеанского региона сталкивается с растущей нестабильностью и неопределенностью. Мир находится на* ***перекрестке*** *между турбулентностью и экономическим застоем. Чем* ***сильнее ветры и волны****, тем больше мы должны держаться вместе в солидарности.* (Выступление президента Си Цзиньпина на 32-м неформальном саммите лидеров АТЭС, 1 ноября 2025 г.)

Пример 2. 中国始终坚持互利共赢的开放战略，欢迎各国搭乘中国发展的**"顺风车"**，一起实现共同发展。（2017年1月18日 习近平主席在联合国日内瓦总部发表讲话）

Перевод: *Китай последовательно проводит стратегию взаимовыгодной и беспроигрышной открытости, приглашая все страны в* ***«попутный поезд»*** *китайского развития и вместе добиваться общего прогресса.* (Выступление президента Си Цзиньпина в Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве, 18 января 2027 г.)

Приведенные образы в вышеупомянутых примерах, такие как "十字路口""风浪""顺风车", имеют аналогичные когнитивные ассоциации в целевом культурном контексте, легко вызывая соответствующие ассоциации у аудитории-получателя. Использование стратегии буквального перевода для прямой транспозиции метафорических символов исходного языка в целевой текст позволяет сохранить репрезентативные характеристики оригинала и воспроизвести его стилистические качества. Благодаря такому подходу переводчики помогают читателям глубоко понять символические значения, модели мышления и выразительные средства исходной культуры, способствуя тем самым межкультурной коммуникации. Это дает реципиентам возможность ознакомиться с различными культурными перспективами и риторическими приемами, обеспечивая максимально эффективную передачу метафорических когнитивных функций и эстетической ценности.

Замена метафорического объекта предполагает подбор в языке перевода образа, функционально близкого исходной метафоре. Такая стратегия позволяет сохранить риторическую функцию высказывания и обеспечить концептуальную эквивалентность.

Пример 3. 农业科技发展应该赋予更重要的战略地位，要加速推进农业机械化和智能化进程，要凭借科技创新给现代农业转型提供助力，切实保证国家粮食安全的"压舱石"。（2023年9月7日习近平在新时代推动东北全面振兴座谈会上讲话"）

Перевод: *Мы должны уделять больше внимания развитию сельскохозяйственной науки и технологий, активно продвигать механизацию сельского хозяйства и интеллектуальное земледелие, а также оснастить модернизацию сельского хозяйства крыльями науки и технологий, что, тем самым, станет* ***якорем*** *для продовольственной безопасности страны.* (Выступление генерального секретаря Си Цзиньпина на симпозиуме по содействию всестороннему возрождению Северо-Восточного Китая в новую эпоху, 7 сентября 2023 г.)

Пример 4. 广大党员干部尤其要增强政治责任感、历史使命感，敢于**啃硬骨头**，敢于涉险滩，奋力打开改革发展新天地。（2025年12月1日，习近平主席在中国共产学二十届四中全会上的讲话）

Перевод: *Члены партии и должностные лица должны, прежде всего, укреплять свое чувство политической ответственности и исторической миссии, не бояться* ***твердых орешков*** *и преодолевать самые опасные препятствия, а также стремиться открывать новые горизонты для реформ и развития.* (Выступление президента Си Цзиньпина на четвертом пленарном заседании 20-го Центрального комитета Коммунистической партии Китая, 1 декабря 2025 г.)

В примере 3 "压舱石" переводится как «якорь» с использованием стратегии метонимического перевода. Этот выбор обусловлен тем, что в контексте русской культуры аудитория будет интерпретировать «якорь» как «стабильность» или «прочность», не имея базового понимания термина «ballast stone». Таким образом, был заменен концептуально аналогичный термин, чтобы сохранить метафорическую структуру и максимально согласовать риторический замысел целевого языка с исходным текстом. Что касается примера 4, "硬骨头" обычно обозначает людей с неукротимой волей или сложные задачи. Дословный перевод "硬骨头" не передает его глубокий культурный резонанс. Русский эквивалент «твердые орешки» не только передает символическое значение китайской идиомы, но и восстанавливает дух и смысл, заложенный в ней. Многие китайские политические метафоры достигают межкультурной передачи через механизм «перевода исходной области», воплощая как образный характер языка, так и культурные особенности целевого контекста [Скребцова 2005: 36].

Когда аудитории в обеих странах демонстрируют разные интерпретации определенных метафор, замена исходной метафоры на более доступную для понимания системы образов в языке перевода может снизить

барьеры понимания и при этом достичь сопоставимого когнитивного эффекта [Цзян Ямин 2021: 56]. Это иллюстрирует когнитивную функцию метафоры: «При обработке абстрактных или сложных концепций люди часто полагаются на интуитивные и легко понятные объекты для интерпретации. Особенно в дискуссиях по политической теории люди часто формируют конкретные ассоциации на основе знакомых областей» [Чудинов 2009: 107]. Эта стратегия перевода не только снижает трудности понимания для читателей целевого языка, но и максимально сохраняет выразительную функцию исходной метафоры. Перевод должен точно передавать практическую информацию, одновременно используя глубокое понимание переводчиком культурных коннотаций исходного языка. Это позволяет достичь точной интерпретации в межкультурной коммуникации за счет использования «эмоциональных эквивалентов» [Цзян Чжиган 2020: 94].

Превращение имплицитной метафоры в эксплицитную

Эстетическая функция метафоры заключается в добавлении к тексту особой лингвистической формы, что усиливает его выразительность, оптимизирует коммуникацию и позволяет достичь намеченной цели [Багичева 2016: 110]. Метафора состоит из трех элементов: предмета, метафорического элемента и метафорической основы. Без использования традиционных метафорических терминов в качестве посредников точно перевести метафору в другом культурном контексте бывает сложно [Рахилина 2016: 38]. Когда культурный контекст языка перевода не позволяет вызвать культурные эмоции, связанные с образами исходного текста, в перевод могут быть включены соответствующие сравнительные маркеры, чтобы преобразовать метафору в сравнение. Такой подход соответствует эстетическим ожиданиям целевой аудитории, обеспечивая полную реализацию эстетической ценности метафоры в переводе.

Пример 5. 这一重大历史时刻，中华民族伟大复兴的光明前景由此照耀，古老中华文明**凤凰涅槃**、浴火重生的新征程也从此开启。2015年9月3日，习近平主席在天安门广场举行的阅兵仪式上发表讲话）

Перевод: *В этот знаменательный исторический момент прояснились светлые перспективы великого возрождения китайской нации, и древняя китайская цивилизация вступила на новый путь возрождения,* ***словно*** *феникс, возродившийся из пепла.* (Выступление президента Си Цзиньпина на военном параде, состоявшемся на площади Тяньаньмэнь 3 сентября 2015 года)

Пример 6. 中国女性在经济社会发展进程中发挥出**“半边天”**功效，其参与程度与贡献水平持续提升，从统计数据看，现今全国劳动力市场里女性所占份额已超出四成，放眼全球，推进中华民族伟大复兴历史进程之时，每一位女性同胞皆是不可或缺的关键角色。（2025年10月15日，习近平主席在世界妇女峰会上发表的重要讲话）

Перевод: *Китайские женщины действительно играют роль* ***как бы «половины неба»*** *в экономическом и социальном развитии. Женщины составляют более сорока процентов от общей численности рабочей силы Китая. На новом пути к модернизации Китая каждая женщина является главной героиней!* (Выступление президента Си Цзиньпина на церемонии открытия Глобального женского саммита, 15 октября 2025 г.)

А. П. Чудинов утверждает, что эстетическая функция метафоры в первую очередь проявляется в использовании более выразительного и глубокого языка, причем инновационность является ее основной характеристикой. Вводя новые термины и сочетая их с устоявшимися образцами для построения новых метафор, тексты могут достичь оптимального баланса между стандартными элементами и риторическими приемами, тем самым направляя внимание читателей на более яркие и мощные формы выражения. В данном переводе использована русская частица «как» (как будто), чтобы преобразовать метафору в сравнение. Используя соответствующие стратегии культурной адаптации, перевод сохраняет исходное символическое значение и восстанавливает культурные коннотации. Это значительно уменьшает когнитивные различия в интерпретации китайско-русских политических метафор, снижает барьеры понимания для целевой аудитории и усиливает художественное воздействие переведенного произведения. Этот подход, согласованный с эстетическими особенностями языка перевода, не только реализует основной замысел политической метафоры, но и стимулирует связанные с ней ассоциативные мыслительные процессы, тем самым достигая желаемого эффекта.

Вольный перевод

Вольный перевод применяется, когда сохранение образа приводит к утрате смысла или затрудняет восприятие. В этом случае переводчик отказывается от метафорической формы и передает основной смысл высказывания. Такая стратегия особенно важна при переводе политических текстов,

где первостепенное значение имеет точная передача коммуникативной цели.

В межкультурном контексте некоторые китайские политические выражения трудно передать средствами русской метафорики. Это относится, например, к выражениям “一言堂”, “正能量”. В подобных случаях приоритетом становится не формальная эквивалентность, а политико-коммуникативная функция текста. Переводчик должен учитывать контекст, культурный фон, прагматическую цель и нормы русского политического дискурса [Шан Гуовэнь 2017; Сяо Дэцян 2017; Ян Шичжан: 30].

Приоритетным направлением должно стать исследование культурных коннотаций политического дискурса со всесторонним изучением его проявлений и функциональных характеристик в различных контекстах. Это предполагает тщательный анализ лексического выбора, синтаксических структур, риторических приемов и нарративных паттернов, а также углубленное изучение лежащих в основе культурных элементов, таких как национальные психологические особенности, эстетические предпочтения и системы ценностей [Сяо Дэцян 2017: 18]. Некоторые политические метафоры, происходящие из конкретных национальных культурных контекстов, часто подвергаются серьезным искажениям или семантическому обеднению при передаче через языковые границы. Если они включаются в русские тексты без локализации, они могут создавать когнитивные барьеры или затруднять чтение для целевой аудитории [Цзян Ямин 2016:64].

Мы считаем, что в переводе акцент должен делаться на выполнении политических коммуникативных функций, а не на достижении формального эквивалента. Культурная контекстуальная адаптация в переводе в первую очередь учитывает такие вопросы, как контекстуальное окружение, национальные культурные традиции и коммуникативные прагматические цели.

Трудности и проблемные области перевода сосредоточены на передаче идиом, пословиц и разговорных выражений. Чтобы иностранные читатели поняли и приняли перевод, необходимо уделить внимание адаптации к культурному контексту языка перевода, тем самым достигнув культурного взаимопонимания между читателями разных этнических культур, к чему стремится «языково-культурная модель перевода». Для этого необходим лингвокультурный анализ политической лексики. Это предполагает установление эквивалентных выражений для политических терминов в разных языках, включая лексические характеристики, синтаксические модели, риторические особенности, способы дискурса, национальную психологию, лингвистическую эстетику и ценностные ориентации.

Особое внимание следует уделить тому факту, что побочные или расширенные значения слов в рамках национальной культуры могут полностью различаться. Некоторые политические метафоры, которые являются само собой разумеющимися для китайскоязычных людей, при переводе на русский язык лишаются своих образных коннотаций при обеспечении понимания и принятия русскими читателями. Дословные переводы, не учитывающие русский культурный контекст и выразительные конвенции, могут вызвать у русских читателей полное недоумение или чувство отчуждения [Цзян Ямин 2016: 64].

Пример 7. 对于贫困县、贫困村和贫困人口来说，要系统保持现有扶持政策的稳定性，**扶上马送一程**。（2020年3月6日习近平总书记在决战决胜脱贫攻坚座谈会上的重要指示精神。摘自官方报道）

Перевод: *В отношении бедных уездов, деревень и групп населения существующие меры поддержки должны оставаться в целом стабильными,* ***оказывая им необходимую помощь в начале пути и поддержку на протяжении всего процесса****.* (Выступление президента Си Цзиньпина на симпозиуме по обеспечению решительной победы в борьбе с бедностью, 6 марта 2020 г.)

Пример 8. 政治生态和自然生态一样，稍不注意，就很容易受到污染，要实现政通人和、安定有序，就必须营造、保持**绿水青山**的政治生态。（2016年1月1日，习近平主席发表的新年贺词）

Перевод: *Политическая среда, подобно природной среде, легко загрязняется, если мы не будем бдительны. Для достижения эффективного управления и социальной гармонии мы должны* ***создавать и поддерживать благоприятную политическую атмосферу, чистую, как прозрачные воды и зеленые горы.*** (Новогоднее обращение президента Си Цзиньпина, 1 января 2016 г.)

Пример 7 «扶上马，送一程» представляет собой распространенное разговорное выражение в китайском языке, означающее оказание необходимой помощи человеку и предоставление постоянной поддержки, чтобы помочь ему достичь своих целей. Дословный перевод «подсаживать на коня и проводить в первый путь» не соответствует лингвистическим нормам русского языка и может вызвать недопонимание. Поэтому его следует адаптировать с учетом практических

требований межкультурной коммуникации с помощью объяснительного перевода: «Оказывать (необходимую и эффективную) помощь и поддержку (кому-либо) в начале какого-либо начинания или поддерживать кого-либо в начале его пути» [Лу Тинтин 2024: 43].

Возьмем для иллюстрации пример 8, “绿水青山”: в китайском культурном контексте это выражение в первую очередь имеет положительную коннотацию в отношении политической экологии, тогда как в русском языке оно чаще обозначает состояние высокого качества экологической среды. Для обеспечения эффективной передачи информации переводчик использует интерпретативный перевод, чтобы развить смысл исходного текста, перефразировав его как «создание ясной и здоровой политической атмосферы». Последующий анализ этого конкретного случая показывает, что, хотя уникальный риторический прием исходного текста несколько размыт, основной смысл успешно передан. Такой подход значительно снижает барьеры понимания для аудитории, эффективно удовлетворяя основные требования культурной коммуникации. Этот подход соответствует как приоритету передачи фактов в текстах по политической теории, так и функционалистскому принципу, который подчеркивает, что метафорический перевод должен руководствоваться функциональными соображениями [Ян Шичжан 2018: 95].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» перевод политических метафор в международных выступлениях китайских лидеров связан с формированием внешнеполитического дискурса страны и репрезентацией имиджа Китая. В статье решены три исследовательские задачи. Во-первых, предложена аналитическая рамка, включающая четыре стратегии: дословный перевод, замену метафорического образа, экспликацию имплицитной метафоры и вольный перевод. Во-вторых, выявлены сходства и различия китайского и русского языков на уровне метафорического познания и культурного выражения. В-третьих, на типичных примерах показаны практические эффекты каждой стратегии.

Результаты исследования показывают:

1. Стратегия дословного перевода применима к тем метафорам, когнитивные механизмы которых в исходном и целевом языках в большей степени совпадают. В этом случае сохранение метафорической формы оригинального текста позволяет в максимальной степени передать культурные особенности исходного языка. Например, такие образы, как «十字路口» (перекрёсток) и «风浪» (ветры и волны), целесообразно переводить дословно.
2. Стратегия замены применима к тем метафорам, образ которых в исходном языке не имеет прямого соответствия в культуре целевого языка. В этом случае можно использовать образ, обладающий сходной когнитивной функцией в культуре целевого языка, для замены исходного метафорического образа. Например, «压舱石» (балластный камень) заменяется на «якорь» (锚).
3. Стратегия превращения имплицитной метафоры в эксплицитную (стратегия превращения в открытое сравнение) применима к тем метафорам, образ которых в исходном языке практически не вызывает в культуре целевого языка аналогичные культурные эмоции. В этом случае можно добавить маркеры сравнения, такие как «словно», «как», чтобы преобразовать метафору в сравнение. Например, «凤凰涅槃» (феникс, возрождающийся из пепла) переводится с использованием данной стратегии.
4. Стратегия вольного перевода применима к тем метафорам, метафорический образ которых в исходном языке полностью не может быть понят читателями целевого языка. В этом случае образ отбрасывается, сохраняется лишь смысловое ядро, и осуществляется объяснительный перевод. Например, фраза «扶上马，送一程» (подсадить на коня и проводить в первый путь) переводится с помощью объяснительного перевода.

Указанные выше четыре стратегии не являются взаимоисключающими. В практическом переводе переводчику необходимо гибко выбирать и комплексно применять различные стратегии в зависимости от конкретного контекста, культурных различий и коммуникативных целей. Именно это подчеркивает А. П. Чудинов: различные функции политических метафор существуют в сложном переплетении, и выбор стратегий перевода также должен быть гибким.

В дальнейшем целесообразно расширить китайско-русский параллельный корпус и провести количественный анализ частотности разных стратегий перевода. Отдельного внимания требует исследование читательской приемлемости переводов, поскольку оно позволит уточнить критерии выбора переводческой стратегии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Багичева, Н. В. Образы матери-Родины и Большой семьи в метафорическом онтогенезе / Н. В. Багичева // Политическая лингвистика. — 2016. — № 2(56). — С. 102–111. — EDN WDNOZR.

2. Елоева, Ф. А. Метафора и эвристическая функция языка

(бывает ли язык без метафор) / Ф. А. Елоева, Е. В. Перехвальская, Э. Саусверде // Вопросы языкознания. — 2014. — № 1. — С. 78–99. — EDN RXDQFP.

3. Скребцова, Т. Г. Современные исследования политической метафоры / Т. Г. Скребцова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2005. — № 1. — С. 35–46. — EDN RTTINN.

4. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов ; Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург, 2003. — 248 с. — ISBN 5-7186-0127-5. — EDN QCNWUV.

5. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2006. — 256 с. — ISBN 5-89349-897-6. — EDN SDQKXT.

6. Чудинов, А. П. Принципы Уральской школы политической метафорологии / А. П. Чудинов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). — 2013. — № 1 (23). — С. 66–72. — EDN PXYTUN.

7. Шеховцева, Т. М. Структурирование концепта СИЛА по антропоморфной метафорической модели (на материале современного английского языка) / Т. М. Шеховцева, Е. А. Камышанченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 46. — С. 71–83. — DOI 10.17223/19986645/46/6. — EDN YPDTTT.

8. Лу, Тинтин. Основные темы русской политической лингвистики и их характеристика = 卢婷婷. 俄罗斯政治语言学的
主要论题及其特点 / Лу Тинтин // 外语学刊. — 2016. — № 5. — С. 41–46.

9. Лю, Чжаохао. Коннотация и денотация политической лингвистики = 刘兆浩, 常俊跃. 政治语言学的内涵与外延 / Лю Чжаохао, Чан Цзюнюэ // 外语研究. — 2021. — № 6. — С. 28–32.

10. Сунь, Фуцин. Сравнительное исследование политических метафор родства в русском и китайском языках = 孙福庆. 俄汉语亲属关系政治隐喻对比研究 / Сунь Фуцин // 解放军外国语学院学报. — 2018. — № 1. — С. 57–64.

11. Сяо, Дэцян. Русский перевод пословиц в речах Си Цзиньпина = 肖德强. 习式话语中俗谚语的俄译问题 / Сяо Дэцян // 天津外国语大学学报. — 2017. — № 2. — С. 16–22.

12. Цзян, Чжиган. Исследование стратегий перевода политических метафор в ориентированных на внешнего читателя пропагандистских текстах с точки зрения российской политической лингвистики = 江治刚, 阳海清. 俄罗斯政治语言学视域下外宣文本政治隐喻翻译策略研究 / Цзян Чжиган, Ян Хайцин // 东北亚外语研究. — 2020. — № 1. — С. 91–96.

13. Цзян, Ямин. Проблемы перевода культурно маркированной лексики центральных документов на русский язык = 姜雅明. 中央文献词语文化特色的俄译问题 / Цзян Ямин // 中国俄语教学. — 2016. — № 2. — С. 63–67.

14. Цзян, Ямин. Исследование лингвокультурной адаптации при переводе современной китайской политической лексики с китайской спецификой на русский язык = 姜雅明. 当代中国特色政治语汇俄译中的语言文化适应问题研究 / Цзян Ямин // 中国俄语教学. — 2021. — Т. 40, № 3. — С. 51–59.

15. Шан, Говэнь. Языковой ландшафт и обучение языкам: от ресурса к инструменту = 尚国文. 语言景观与语言教学：从资源到工具 / Шан Говэнь // 语言战略研究. — 2017. — Т. 2, № 2. — С. 11–19.

16. Ян, Шичжан. Исследование культурной адаптации в переводе = 杨仕章. 翻译中的文化适应研究 / Ян Шичжан // 中国俄语教学. — 2014. — Т. 33, № 3. — С. 29–34.

17. Ян, Шичжан. О двойственной направленности прагматической адаптации в переводе = 杨仕章. 论翻译语用适应的双指向性 / Ян Шичжан // 外语学刊. — 2018. — № 3. — С. 92–97.

REFERENCES

1. Bagicheva, N. V. (2016). Obrazy materi-Rodiny i bol'shoi sem'i v metaforicheskom ontogeneze = Images of the Motherland and the large family in metaphorical ontogenesis. *Political Linguistics*, *2*(56), 102–111.

2. Eloeva, F. A., Perekhval'skaya, E. V., Sausverde, E. F. (2014). Metafora i evristicheskaya funktsiya yazyka: byvaet li yazyk bez metafor? = Metaphor and the heuristic function of language: can language exist without metaphors? *Questions of Linguistics*, *1*, 78–99.

3. Skrebtsova, T. G. (2005). Sovremennye issledovaniya politicheskoi metafory: tri istochnika i tri sostavnye chasti = Contemporary research on political metaphor: three sources and three components. *Bulletin of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, *1*, 35–46.

4. Chudinov A. P. (2003). Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii = Metaphorical mosaic in contemporary political communication. Monograph. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., 248 p.

5. Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaya lingvistika = Political linguistics. Textbook. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 256 p.

6. Chudinov, A. P. (2013). Printsipy Ural'skoi shkoly politicheskoi metaforologii = Principles of the Ural School of Political Metaphorology. *Bulletin of the V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University*, *1*(23), 66–72.

7. Shekhovtseva, T. M., Kamyshanchenko, E. A. (2017). Strukturirovanie kontsepta sila po antropomorfnoi metaforicheskoi modeli: na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka = Structuring the concept of force according to an anthropomorphic metaphorical model: based on contemporary English language material. *Tomsk State University Journal of Philology*, *46*, 71–83.

8. Lu Tingting (2016). Main topics and characteristics of Russian political linguistics. *Foreign Language Journal*, *5*, 41–46 (in Chinese).

9. Liu Zhaohao, Chang Junyue (2021). The connotation and denotation of political linguistics. *Foreign Language Studies*, *6*, 28–32 (in Chinese).

10. Sun Fuqing (2018). A comparative study of political metaphors of kinship in Russian and Chinese. *Journal of PLA University of Foreign Languages*, *1*, 57–64 (in Chinese).

11. Xiao Deqiang (2017). The Russian translation of proverbs in Xi Jinping's speeches. *Journal of Tianjin Foreign Studies University*, *2*, 16–22 (in Chinese).

12. Jiang Zhigang, Yang Haiqing (2020). Research on translation strategies for political metaphors in foreign publicity texts from the perspective of Russian political linguistics. *Northeast Asian Foreign Language Studies*, *1*, 91–96 (in Chinese).

13. Jiang Yaming (2016). Problems of translating culturally marked vocabulary in central documents into Russian. *Russian Language Teaching in China*, *2*, 63–67 (in Chinese).

14. Jiang Yaming (2021). Research on linguistic and cultural adaptation in the Russian translation of contemporary Chinese political vocabulary with Chinese characteristics. *Russian Language Teaching in China*, *40*(3), 51–59 (in Chinese).

15. Shang Guowen (2017). Linguistic landscape and language teaching: from resource to tool. *Language Strategy Research*, *2*(2), 11–19 (in Chinese).

16. Yang Shizhang (2014). Research on cultural adaptation in translation. *Russian Language Teaching in China*, *33*(3), 29–34 (in Chinese).

17. Yang Shizhang (2018). On the dual orientation of pragmatic adaptation in translation. *Foreign Language Journal*, *3*, 92–97 (in Chinese).

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 81'42+81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.33* *Код ВАК 5.9.8*

Юе Сюе
Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, 17643501151@163.com, https://orcid.org/0000-0002-1597-3927

Исследование взаимного влияния конструирования дискурса Глобального Юга и китайских концепций (на основе лингвистического анализа текстов в рамках политической лингвистики)

АННОТАЦИЯ. *В рамках теоретического каркаса политической лингвистики данное исследование, ориентирующееся на линию анализа «взаимодействие дискурса и концепций», фокусируется на лингвистической логике конструирования дискурса Глобального Юга и лингвистических способах выражения китайских концепций, рассматривая лингвистические механизмы их взаимного влияния. Дискурс Глобального Юга, как типичный политический дискурс, характеризуется яркими лингвистическими чертами в своей семантической эволюции, текстовой форме и дискурсивных стратегиях; китайские концепции, в свою очередь, необходимо рассматривать сквозь призму термина «концепт» в понимании лингвокультурологии: они служат инструментом межкультурной коммуникации через определенные лексические кластеры, метафорические системы и нарративные рамки. Исследование использует такие лингвистические методы, как текстовый анализ, лексико-семантический анализ и идентификация метафор, основано на материале типовых текстов, таких как Декларация Бандунгской конференции, Совместное заявление «Группы 77 и Китая», тексты встреч в рамках БРИКС, и концентрируется на систематическом анализе лингвистических процессов реализации взаимного влияния указанных феноменов в трех аспектах: лексикализации, фреймирования и интертекстуальности. Исследование интенсифицирует применение подходов политической лингвистики в изучении межкультурного дискурса, заменяя чисто политологические стратегические интерпретации конкретным лингвистическим эмпирическим анализом, и представляет пример того, как работа, вписанная в парадигму лингвистических исследований, может рассматривать темы, традиционно интересующие политологов и культурологов.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Глобальный Юг, политический дискурс, политическая лингвистика, политические тексты, китайские концепции, дискурсивные стратегии, текстовый анализ.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Юе Сюе, доктор наук, преподаватель института русского языка, Даляньский университет иностранных языков; исследователь, Центр языковых исследований Северо-Восточной Азии; Даляньский университет иностранных языков; Далянь, Китай, email: yuex570@163.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Юе, Сюе.* Исследование взаимного влияния конструирования дискурса Глобального Юга и китайских концепций (на основе лингвистического анализа текстов в рамках политической лингвистики) / Юе Сюе. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 283-293.

Yue Xue
Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, 17643501151@163.com, https://orcid.org/0000-0002-1597-3927

A Study of the Mutual Influence between the Construction of Global South Discourse and Chinese Concepts — Based on Linguistic Analysis of Political Linguistics Texts

ABSTRACT. *Within the framework of the theory of political linguistics, this study, focusing on the line of analysis "interaction between discourse and concepts", focuses on the linguistic logic of constructing the discourse of the Global South and linguistic ways of expressing Chinese concepts, considering the linguistic mechanisms of their mutual influence. The discourse of the Global South, as a typical political discourse, is characterized by striking linguistic features in its semantic evolution, textual form, and discursive strategies; Chinese concepts, in turn, must be viewed through the prism of the term "concept" in the understanding of linguoculturology: they serve as a tool for intercultural communication through certain lexical clusters, metaphorical systems and narrative frameworks. The study uses linguistic methods such as textual analysis, lexico-semantic analysis and metaphor identification, is based on the material of standard texts such as the Bandung Conference Declaration, the Joint Statement of the Group of 77 and China, and texts of meetings within the framework of BRICS, and focuses on a systematic analysis of linguistic processes of realizing the mutual influence of these phenomena in three aspects: lexicalization, framing, and intertextuality. The study intensifies the application of political linguistics approaches in the study of intercultural discourse, replacing purely politological strategic interpretations with specific linguistic empirical analysis, and provides an example of how work written into the paradigm of linguistic research can address topics of traditional interest to politologists and culturologists.*

KEYWORDS: *Global South, political discourse, political linguistics, political texts, Chinese conceptions, discourse strategies, textual analysis.*

© Юе Сюе, 2026

AUTHOR'S INFORMATION: *Yue Xue, Doctor of Sciences, Associate Professor of the Institute of Russian Language, Dalian University of Foreign languages; Researcher of China Northeast Asian Language Research Center; Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

FOR CITATION: *Yue Xue.* (2026). A Study of the Mutual Influence between the Construction of Global South Discourse and Chinese Concepts — Based on Linguistic Analysis of Political Linguistics Texts. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 283-293. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Центральный объект исследования политической лингвистики — «ковариативные отношения между языком и политикой», его сущность заключается в выявлении за счет текстового анализа механизмов конструирования смыслов и их взаимовлияния с распределением власти, при этом политические тексты и политический дискурс являются основными единицами исследования данной дисциплины [Sun Yuhua, Peng Wenzhao, Liu Hong 2015]. Дискурс Глобального Юга, как один из самых динамичных типов политического дискурса в современном международном политическом пространстве, его сущностное расширение от географического понятия до политического дискурса и текстовое развитие от односторонних требований к многоаспектным нарративам невозможны без конструктивной роли языковых знаков: выбор лексики, структура предложений, использование метафор и другие языковые элементы вместе формируют коллективную идентичность и интересы стран Глобального Юга. В этом плане типичный объект исследования политической лингвистики — китайские концепции, когда за основу берется понятие концепта из лингвокультурологии, а концепты, как известно, являются «основными единицами, в которых культура закрепляется в сознании человека»[1], и служат способом межкультурной коммуникации и взаимного влияния через определенную систему средств лингвистического выражения.

Существующие исследования [Men Honghua 2024; Li Dongqi 2023] преимущественно рассматривают подъем Глобального Юга и стратегическое позиционирование Китая с точки зрения политической науки или международных отношений. Несмотря на то, что они затрагивают дискурсивные явления, они лишены системного лингвистического анализа: либо фокусируются на интерпретации стратегического значения дискурса, либо на оценке дипломатических результатов, но недостаточно отвечают на такие центральные вопросы, как «как дискурс Глобального Юга осуществляет свое конструирование через язык», «каков путь лингвистического выражения китайских концепций», «как проявляются лингвистические механизмы их взаимного влияния», что приводит к смещению исследования в сторону политической науки и отходу от парадигмы лингвистики.

Исходя из этого, данное исследование фокусируется на ядерной парадигме политической лингвистики, конструирует трехуровневую аналитическую модель «лексика — рамка — интертекстуальность» и анализирует взаимные отношения между дискурсом Глобального Юга и китайскими концепциями через три лингвистических механизма: текстовое внедрение, реконструкция контекста и генерация смысла. Исследование особо усиливает следующие лингвистические аспекты анализа: во-первых, анализ семантических сетей ключевой лексики для выявления внутренней логики слияния лексики дискурсов; во-вторых, анализ синтаксических особенностей и риторических стратегий нарративных рамок для демонстрации текстовой формы реализации взаимного влияния; в-третьих, идентификация типов интертекстуальности и анализ семантических связей для определения лингвистической логики связи дискурсов. Одновременно оно позволяет избежать чисто политологических стратегические интерпретаций и отсутствия количественных данных, подчеркивая лингвистическую природу исследования через качественный лингвистический анализ, что включает статью в круг публикаций по политической лингвистике.

2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ДИСКУРСА ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА

2.1. Семантическое развитие концепции «Глобальный Юг»: от географического обозначения к политическому дискурсу

Семантическое развитие концепции «Глобальный Юг» по своей сути является процессом смыслового конструирования языковых знаков, где семантические изменения не случайны, а постепенно осуществляются через языковую практику в политической коммуникации, что подтверждает центральное положение политической лингвистики — «дискурс конструирует реаль-

[1] Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический проект, 2004.

ность» [Чудинов 2012]. С лингвистической точки зрения, семантическое изменение концепта четко демонстрируют характеристики трех этапов.

Первый этап — этап географического указания (до середины XX в.). «Юг» как пространственное слово несет только буквальное значение «регион к югу от экватора», его семантические границы ясны и однозначны. В текстах этого периода контекстуально сопрягаемые с «югом» слова преимущественно являются географическими обозначениями (например, «южные континенты», «южные моря»), предложения преимущественно описательные повествовательные (например, «Африканский континент расположен в зоне „Глобальный Юг“»), и семантическая функция ограничивается только пространственным позиционированием, без политического содержания.

Второй этап — экономический дифференциаторный этап (с середины XX века по начало XXI века). В повестке дня ООН 1948 года «Юг» был связан с «развивающимися странами», став обозначением с социальными атрибутами, и семантическое содержание этого знака расширилось с географического пространства до уровня развития [Van Dijk 2006]. В этом периоде ключевые сопрягаемые с «югом» слова стали включать «развивающиеся страны», «малоразвитые», «экономическая помощь» и т. д., в предложениях появились многочисленные выражения требований (например, «Страны Юга должны получить равное право на развитие»), семантическая функция сменилась с описания на утверждение, и дискурс начал приобретать черты политического дискурса.

Третий этап — политический дискурсивный этап (с начала XXI века до настоящего времени). Провозглашение «Года Глобального Юга» в 2023 году превратило этот термин в ключевой содержательный знак политического дискурса, объединяющего коллективную идентичность развивающихся стран и выражающего их общие требования, при этом семантика получила характеристики диалогичности и полемичности [Русакова 2006]. Сопрягаемые с «Глобальным Югом» слова расширились до таких, как «равенство суверенитетов», «мультилатерализм», «глобальное управление» и т. д., в предложениях часто встречаются выражения, сочетающие противостояние и конструктивность (например, «против унилатеральных санкций, продвигать многостороннее сотрудничество»), семантическая функция возросла с односторонних требований до формирования коллективной идентичности и утверждения международного порядка, завершая превращение географического обозначения в политический дискурс.

2.2. Текстовая форма и лингвистические характеристики дискурса Глобального Юга

По сути политический дискурс — «система текстов, образованная речевой деятельностью в политической коммуникации» [Sun Yuhua, Peng Wenzhao, Liu Hong 2015]. Текстовые формы дискурса Глобального Юга преимущественно включают четыре типа: декларации конференций, совместные заявления, политические речи и официальные белые книги. Хотя разные текстовые формы имеют свои особенности, они все демонстрируют яркие лингвистические характеристики, а именно следующие:

1) конструирование семантических сетей ключевых слов. При извлечении и анализе ключевых слов из ядерных политических текстов, касающихся Глобального Юга, к ядерной части семантического поля дискурса Глобального Юга относятся «развитие», «суверенитет», «сотрудничество», «справедливость», «независимость», «равенство». Эти ключевые слова образуют семантические сети через стабильные сопряжения: «развитие» часто сочетается с «самостоятельностью», «равенством», «общим» (например, «самостоятельное развитие», «равное право на развитие», «общее развитие»), образуя подсеть «требования к развитию»; «суверенитет» часто сочетается с «уважением», «о защите», «равенством» (например, «уважение к национальному суверенитету», «обеспечение целостности суверенитета»), образуя подсеть «утверждение суверенитета». Конструирование таких семантических сетей через высокочастотное повторение и фиксированное контекстное совместное употребление лексики усиливает восприятие коллективных требований стран Глобального Юга [Маслова 2004];

2) конструирование диалогической нарративной рамки. Дискурс Глобального Юга формирует диалогические и полемические отношения с международным дискурсом западного доминирования через двойственную нарративную рамку «против гегемонии — стремление к самостоятельности». С точки зрения текстовой структуры, эта рамка преимущественно следует логике «критика существующего положения — выражение требований — предложение решений»: сначала критикует существующий международный порядок через такие слова, как «унилатерализм», «гегемонические действия», «несправедливый порядок» (уровень критики); затем выражает основные требования через такие слова, как «равенство суверенитетов»,

«право на развитие», «речевой контроль» (уровень требований); наконец, предлагает решения через такие слова, как «многостороннее сотрудничество», «южно-южное сотрудничество», «реформа глобального управления» (уровень решений). Например, в недавних совместных заявлениях Группы 77 эти три уровня текста образуют полную диалогическую нарративную структуру, которая не только подчеркивает полемику с западным дискурсом, но и определяет вектор собственных действий [Русакова, Максимов 2006];

3) конструирование легитимности через интертекстуальность. Дискурс Глобального Юга образует интертекстуальные отношения с текстами других исторических периодов, ссылаясь на существующие авторитетные тексты, такие как Устав ООН, Десять принципов Бандунгской конференции, Декларацию Движения неприсоединения, тем самым укрепляя свою легитимность и убедительность. С точки зрения типов интертекстуальности, преимущественно используются эксплицитная и имплицитная интертекстуальность: первая реализуется через явные формулы ссылки, такие как «согласно принципам Устава ООН», «следуя духу Бандунга»; имплицитная интертекстуальность реализуется через заимствование ключевых слов из авторитетных текстов (например, «невмешательство во внутренние дела», «народное самоопределение»), позволяя новым дискурсивным требованиям образовывать семантические связи с существующими авторитетными дискурсами. Стратегия интертекстуальности делает дискурс Глобального Юга проявлением наследования и развития исторических требований справедливости, а не результатом спонтанного создания, тем самым повышая приемлемость и влияние дискурса [Peng Wenzhao 2017].

2.3. Лингвистическое выражение и дискурсивные атрибуты китайских концепций

Согласно положениям лингвокультурологии, «концепт — это основная единица, в которой культура закрепляется в сознании человека, и он выражается через языковые знаки»[1]. Китайские концепции, как типичный «концептуальный кластер», не являются абстрактным набором идей, а реализуются через конкретную языковую систему, и их лингвистические характеристики демонстрируют три особенности: системность, адаптивность и коммуникативность.

На лексическом уровне китайские концепции образуют лексические кластеры, основанные на ядерных терминах с производными словами в качестве расширения. Входящие в ядро термины включают такие, как «сообщество единой судьбы человечества», «совместная модернизация», «совместное обсуждение, совместное строительство и совместное пользование», «общие ценности человечества» и т. д. Эти термины имеют яркие культурные идентификаторы и семантическую стабильность; производные слова образуются на основе ядерных терминов, например, «сообщество единой судьбы» порождает «сообщество единых интересов», «сообщество единой ответственности», «сообщество единой безопасности», а «Один пояс, один путь» порождает «зеленый пояс и путь», «цифровой пояс и путь», «здоровый пояс и путь». Семантическое конструирование этих терминов полностью учитывает межкультурную адаптивность, например: «совместное обсуждение, совместное строительство и совместное пользование» использует параллельную структуру, семантика ясна и проста, избегается выбор слов с трудной для восприятия культурной нагрузкой, снижаются межкультурные издержки понимания. Частота появления таких единиц в текстах, касающихся Глобального Юга, постоянно растет, демонстрируя масштабы лексической коммуникации [Liu Hong, Yue Xue, Yang Zhou 2021].

На метафорическом уровне китайские концепции конструируют метафорическую систему на основе «метафор отношений», «метафор пути» и «метафор сообщества», превращая абстрактные концепции в воспринимаемые языковые образы. Метафоры отношений, представленные такими выражениями, как «общая судьба», «взаимозависимость», сравнивают отношения между странами с «отношениями членов сообщества», разрушая познавательные модели состязания с нулевой суммы в традиционных международных отношениях; метафоры пути, представленные такими выражениями, как «Один пояс, один путь», «общий путь развития», сравнивают процесс развития с «движением по дороге», содержат семантические компоненты «взаимовыгодное сотрудничество, постепенное продвижение»; метафоры сообщества, относящиеся к ядерному концепту «сообщество единой судьбы человечества», сравнивают человеческое общество с «сообществом», подчеркивая ценностную ориентацию «взаимозави-

[1] Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический проект, 2004.

симости и кооперативного развития». Выбор этих метафор соответствует когнитивным законам человеческого сознания, например, метафора «дорога» в разных культурах имеет семантические ассоциации «прогресс, развитие», позволяя абстрактным концепциям развития получать конкретизированное выражение [Jiang Chunli, Yang Ke 2013], и подобные метафоры широко цитируются в политических речах, выражающих позицию стран Глобального Юга, становясь важным языковым мостом для межкультурной коммуникации.

На нарративном уровне китайские концепции конструируют трехмерную нарративную рамку «от истории к реальности, от Китая к миру, от проблемы к решению». Исторический уровень через такие слова, как «взаимодействие и взаимообучение цивилизаций», «передача исторических контекстов», связывает традиционные китайские укорененные в культуре представления «общество для всех», «единство в многообразии» с историческим опытом стран Глобального Юга; реальный уровень через такие слова, как «неравномерное развитие», «безопасные вызовы», фокусируется на общих глобальных проблемах, вызывая отклик у стран Юга; уровень решений через такие слова, как «Глобальная инициатива развития», «Глобальная инициатива безопасности», «Глобальная инициатива цивилизаций», предлагает конкретные практические пути. Эта нарративная рамка не только соответствует познавательной логике «проблема — решение», но и через нарративную линию «китайский опыт — глобальное распространение» делает коммуникативное распространение китайских концепций более убедительным [Sun Jisheng 2009]. Например, в речи китайского представителя на саммите «Группа 77 и Китай» трехмерный нарратив через постепенное продвижение образует логически полную и убедительную экспрессивную структуру.

3. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ДИСКУРСОМ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА И КИТАЙСКИМИ КОНЦЕПЦИЯМИ

3.1. Механизм текстового внедрения: обмен лексикой и слияние рамок

Текстовое внедрение — это базовый лингвистический механизм взаимодействия между дискурсом и концепциями, выражающийся в том, что ядерная лексика и нарративные рамки китайских концепций через конкретные языковые стратегии систематически интегрируются в текстовую систему дискурса Глобального Юга, реализуя взаимодействие и слияние поверхностных языковых знаков.

На лексическом уровне входящие в ядро семантического поля китайских концептов единицы в значительной мере совпадают с семантическим полем дискурса Глобального Юга, реализуя обмен лексикой через этапы «прямое внедрение — семантическая адаптация — высокочастотное повторение». Прямое внедрение выражается в прямом использовании ядерных терминов, например, такие термины, как «сообщество единой судьбы человечества», «совместное обсуждение, совместное строительство и совместное пользование», напрямую включаются в Совместное заявление «Группы 77 и Китая», Декларацию саммитов БРИКС и другие тексты, становясь официальной лексикой дискурса Глобального Юга; семантическая адаптация выражается в сочетании производных терминов с лексемами, эксплицирующими локальный контекст, например, «совместная модернизация» образует семантические сочетания с «индустриализацией», «гарантией занятости» в африканских текстах и с «взаимодействием и взаимосвязью», «региональным сотрудничеством» в южноазиатских текстах; высокочастотное повторение усиливает семантическое запоминание лексики через повторное использование в текстах на конференциях и политических речах. Эти общие слова образуют стабильные семантические связи в центральных текстах Глобального Юга [Маслова 2004], например, в Декларации XV встречи лидеров БРИКС 2023 года «совместная модернизация» часто сочетается с такими терминами, как «путь развития», «взаимовыгодное сотрудничество», «устойчивое развитие» и другими, органически интегрируясь в развитие нарратива Глобального Юга.

На уровне рамок нарративная рамка «обоюдного выигрыша» в китайских концепциях органически сливается с рамкой «против гегемонии — стремление к развитию», характерной для дискурса Глобального Юга, образуя сложную нарративную рамку «критика — требование — сотрудничество». Традиционная рамка дискурса Глобального Юга фокусируется на критике «против гегемонии» и требовании «стремление к самостоятельности», а рамка китайских концепций вносит дополнение — указание на практический путь «поощрение сотрудничества», превращая нарративную рамку из «противостояния» в «конструктивный метод». С точки зрения синтаксических особенностей, это слияние выражается в высокочастотном использовании параллельных предложений типа «против ... + утверждение ... + продви-

жение ...», например: «против унилатеральных санкций, за утверждение равноправия суверенитетов, продвижение взаимовыгодного сотрудничества». Например, в Декларации по случаю 70-летия Бандунгской конференции традиционный нарратив «искусство находить сходства при наличии различий» сливается с новым нарративом «взаимовыгодное сотрудничество», обогащая нарративные измерения дискурса Глобального Юга через предложение «соблюдение искусства находить сходства при наличии различий, углубление южно-южного сотрудничества, достижение совместного развития» [Peng Wenzhao 2017].

На риторическом уровне включения придают текстовому внедрению естественность через общие риторические стратегии. Риторические приемы, такие как параллелизм и антитеза, часто используемые в китайских концепциях, высоко адаптивны к экспрессивным требованиям дискурса Глобального Юга. Например, «Глобальная инициатива развития, Глобальная инициатива безопасности, Глобальная инициатива цивилизаций» используют параллелизм (структура ясна и ритмична, удобна для устной коммуникации и запоминания) и легко включаются в тексты стран Глобального Юга; «единство в многообразии, мирное сосуществование народов» используют антитезу, отражающую китайское культурное содержание и соответствующую нормам выражения политического дискурса благодаря использованию простой структуры предложений. Этот общий риторический прием делает внедрение китайских концепций не искусственным, а органически сливающимся со стилем выражения дискурса Глобального Юга.

3.2. Механизм реконструкции контекста: реструктуризация семантического поля и перераспределение дискурсивной власти

Реконструкция контекста — это центральный механизм взаимодействия, состоящий в том, что китайские концепции через конкретные языковые стратегии реконструируют семантический контекст дискурса Глобального Юга, включая ядерные характеристики, такие как субъектная идентичность, постановка вопросов, ценностная ориентация, и затем реализуют перераспределение дискурсивной власти. Этот процесс по своей сути является перекодированием и интерпретацией языкового смысла [Yue Shengsong 2023]. Рассмотрим его части.

1. Семантическая реконструкция субъектной идентичности. В традиционном северно-южном дискурсе идентичность стран Юга описывается через такие слова, как «получатели помощи», «носители проблем», конструируется как свойство пассивного объекта, занимающего слабое положение согласно семантике. Китайские концепции через такие слова, как «южно-южное сотрудничество», «равноправные партнеры», «субъекты развития», реконструирует семантику субъектной идентичности стран Юга — от «пассивного принятия» к «активному участию», от «одинаковых просителей» к «совместным строителям». Например, в текстах, касающихся Глобальной инициативы развития, выражение «синхронизация национальных стратегий развития» через выбор слова «синхронизация» подчеркивает самостоятельность и равенство развития каждой страны, ломая традиционную семантическую связь «гегемония — зависимость» и реконструируя контекст власти через взаимодействие дискурсов [Cao Dejun 2024].

2. Обновление и реконструкция семантики тем. Традиционное семантическое поле тем дискурса Глобального Юга сосредоточено на «темах выживания», центральная лексика включает такие единицы, как «помощь в борьбе с бедностью», «снижение долгов», «продовольственная безопасность» и т. д., содержательный план ограничен «избавлением от трудностей». Китайские концепции через такие слова, как «высококачественное развитие», «цифровая экономика», «зеленый переход», «научно-технологические инновации» обновляют семантическое поле тем до «тем развития», семантическое содержание расширяется до «достижения процветания». Этот семантический сдвиг переводит дискурс Глобального Юга из сферы «пассивного реагирования на проблемы» в «активное планирование развития», повышая современность и конструктивность дискурса [Zhao Kejin 2023]. Например, на саммите «Группа 77 и Китай» «сотрудничество в сфере цифровой экономики», «зеленый переход энергетики» стали центральными темами, приблизив дискурс Глобального Юга к важнейшим глобальным темам развития.

3. Многообразие реконструируемой ценностной семантики. Доминирующий западный международный дискурс берет «единообразную модель модернизации», «рыночный фундаментализм» за семантическое ядро ценностных концептов, конструируя гегемонию семантики через такие слова, как «универсальные ценности», «демократические стандарты». Китайские концепции через такие термины, как «многообразие цивилизаций», «многообразие путей развития», «сочетание эффективного рынка и эффективного правительства», конструируют се-

мантический контекст многообразия ценностей, разрушая монополию унифицированных ценностей. Например, в текстах Форума гуманитарного сотрудничества БРИКС часто встречается выражение «уважение к выбору пути развития каждой страны», и через семантическое усиление слов «уважение», «выбор» это делает многообразие ценностей ключевой ценностной ориентацией дискурса Глобального Юга [Wu Zhicheng 2023].

3.3. Механизм генерации смысла: локализованная интерпретация и семантическая инновация

Механизм генерации смысла выражается в локализованном семантическом развитии китайских концепций в дискурсе Глобального Юга. Этот процесс соответствует «закону семантической адаптации межкультурной коммуникации концепций» в лингвокультурологии, т. е. ядерная семантика концепций остается стабильной, а периферийная семантика регулируется и инновационно изменяется в соответствии с локальным культурным контекстом и потребностями развития [Колесов 1999]. Эта локализованная генерация смысла является не простой семантической вариацией, а творческим преобразованием через языковые стратегии, такие как регулировка лексических сочетаний, смещение семантического фокуса, адаптация контекстных связей.

В южноазиатском контексте ядерная лексика китайских концепций образует локализованные семантические варианты через семантическую синхронизацию с региональными повестками развития. Например, фокус ядерной семантики «взаимодействия и взаимосвязи» — «усиление связей и сотрудничества» в южноазиатских текстах смещается на «жесткую взаимосвязанность инфраструктуры» и «мягкую взаимосвязанность правил и стандартов», образуя семантические связи с «физической взаимосвязью», «институциональной взаимосвязью» из «Плана действий по взаимосвязям АСЕАН — 2025». Сополагаемые в контексте слова также регулируются до приложения к «железнодорожным сетям», «строительству портов», «таможенному сотрудничеству» и т. д., полностью демонстрируя семантическую адаптацию к локальным потребностям во взаимосвязи [Li Xiaoyun, Xu Jin 2023].

В африканском контексте ядерная лексика китайских концепций расширяет семантику через сочетание с африканскими требованиями относительно развития. Например, ядерная семантика «совместного развития» — «совместное развитие стран» в африканских текстах расширяется до «индустриализации и гарантии занятости». Сополагаемые в контексте слова регулируются до применения к «промышленным паркам», «профессиональному обучению», «занятости молодежи» и т. д., что в высокой степени совпадает с центральными требованиями «индустриальной трансформации», «ликвидации бедности» из «Программы Африканского союза — 2063» и делает «совместное развитие» признанной концепцией развития среди африканских стран.

В латиноамериканском контексте ядерная лексика китайских концепций образует региональные семантические выражения через слияние с латиноамериканской традиционной культурой. У ядерной семантики «устойчивого развития» — «сочетание текущего и будущих нужд в развитии» в латиноамериканских текстах семантический фокус сосредоточен на «экологической защите и сельскохозяйственном сотрудничестве», сополагаемые в контексте слова регулируются для применения к «защите тропических лесов», «органическому сельскому хозяйству», «обновляемым источникам энергии» и т. д., соответствующим как важности природных ресурсов для Латиноамериканского региона, так и локальной концепции развития «экологический приоритет», что позволяет получить «устойчивому развитию» культурную семантическую поддержку.

Такая локализованная генерация смысла подтверждает точку зрения политической лингвистики: смысл дискурса не является фиксированным, а постоянно инновационно изменяется через семантические переклички в межкультурном взаимодействии [Sun Jisheng 2022]. Ядерная лексика китайских концепций через адаптацию к семантическим контекстам разных регионов образует локальные семантические варианты, а также обогащает содержательное наполнение дискурса Глобального Юга, переводя междискурсивное взаимодействие с уровня поверхностного текстового внедрения на уровень глубинного взаимного создания смысла.

4. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТИПИЧНЫХ ТЕКСТОВ: ЭМПИРИЧЕСКИ НАБЛЮДАЕМОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

4.1. Тексты Бандунгской конференции: интертекстуальность и семантический отклик

Коммюнике Бандунгской конференции 1955 года, как основополагающий текст дискурса Глобального Юга, вступает во взаимодействие с китайскими концепциями в форме конструирования интертекстуальности и семантического отклика. Это взаимодействие заложило языковую основу для даль-

нейшего глубокого слияния дискурсов. С точки зрения текстологической лингвистики интертекстуальность между текстами Бандунгской конференции и китайскими концепциями преимущественно проявляется в трех аспектах.

1. Лексическая интертекстуальность: семантический отклик ключевых слов. Пять принципов мирного сосуществования, предложенных китайской делегацией, их ядерная лексика «взаимное уважение суверенитета», «невмешательство во внутренние дела», «равноправие и взаимная выгода» вступают в явный семантический резонанс с призывами «против колониализма», «обеспечение национальной независимости», «поощрение взаимного сотрудничества» из Коммюнике Бандунгской конференции. Ключевые слова, такие как «суверенитет», «независимость», «равенство», «сотрудничество», часто встречаются в текстах обеих сторон, образуя заметные семантические параллели [Sun Jisheng 2009]. Эта лексическая интертекстуальность обеспечивает семантические связи китайских концепций с центральными требованиями Бандунгской конференции, закладывая основу для интеграции китайских концепций в дискурс Глобального Юга.

2. Синтаксическая интертекстуальность: структурное соответствие при выражении требований. И в Коммюнике Бандунгской конференции, и в речи китайской делегации используются параллельные предложения типа «утверждение — против», что увеличивает ясность и силу требований. Например, Коммюнике Бандунгской конференции подчеркивает «утверждение равноправия суверенитета всех стран, против любых форм колониализма»; в речи китайской делегации провозглашается «утверждение взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, против вмешательства во внутренние дела других стран». Это структурное единообразие предложений делает выражение требований обеих сторон формой интертекстуальности, усиливая согласованность дискурса [Чудинов 2012].

3. Семантическая интертекстуальность: взаимное дополнение содержания ядерных концепций. Центральное содержание принципов Бандунгской конференции — «сотрудничество и единство, против гегемонии», а «искусство находить сходства при наличии различий», предложенное китайской делегацией, дополняет содержательный объем тезиса «уважение к различиям, приемлемость многообразия», расширяя семантику дискурса Глобального Юга от «единства в противостоянии» до «единства в приятии». Эта семантическая интертекстуальность реализуется через сопоставление «разные социальные системы — общие интересы и требования», например: «социальные системы разных стран различны, но все они имеют общие интересы в защите национальной независимости и продвижении экономического развития». Это взаимное дополнение семантик делает дискурс Глобального Юга более универсальным, а также открывает семантическое пространство для долгосрочной интеграции китайских концепций.

4.2. Совместное заявление «Группы 77 и Китая»: слияние лексики и совместное конструирование рамок

Совместное заявление саммита «Группа 77 и Китай» 2023 года является типичным текстом в их взаимодействии, демонстрирующим характеристики зрелого этапа глубокого слияния лексики и совместного конструирования нарративных рамок. При детальном анализе текста лингвистические характеристики координации преимущественно проявляются в следующем.

На лексическом уровне ядерная лексика китайских концепций глубоко интегрирована в семантическую сеть заявления, становясь центральным элементом конструкции дискурса. Заявление напрямую включает ядерные термины, такие как «сообщество единой судьбы человечества», «Глобальная инициатива развития», «совместное обсуждение, совместное строительство и совместное пользование» — эти слова образуют контекстуально сильные сочетания с традиционными ядерными словами Группы 77 «южно-южное сотрудничество», «право на развитие», «справедливость и честность», например: «Через южно-южное сотрудничество и совместное обсуждение, совместное строительство и совместное пользование продвигать реализацию Глобальной инициативы развития и строить сообщество единой судьбы человечества». Одновременно заявление впитывает производные термины китайских концепций, такие как «зеленое развитие», «цифровое сотрудничество», еще больше обогащая свою семантическую систему [Yue Shengsong 2023].

На уровне рамок заявление конструирует совместную трехмерную нарративную рамку «историческое наследование — реальные требования — будущая перспектива», в чем сливаются «историческая справедливость» (нарратив Группы 77) и «ориентация на будущее» (нарратив китайских концепций). Уровень исторического наследования через такие выражения, как «следуя духу Бандунга», «продолжение традиции южно-южного сотрудничества», отсылает к

историческим требованиям Глобального Юга; уровень реальных требований через такие выражения, как «ответ на вызовы развития», «против унилатеральных санкций», фокусируется на текущих центральных проблемах; уровень будущей перспективы через такие выражения, как «строительство сообщества единой судьбы человечества», «достижение совместной модернизации», рисует перспективы развития. Эта рамка не только продолжает традиционную нарративную логику Группы 77, но и интегрирует конструктивные нарративные характеристики китайских концепций, делая нарратив заявления более полным и перспективным [Peng Wenzhao 2017].

На уровне интертекстуальности заявление конструирует интертекстуальную сеть из элементов разных эпох и разных текстов, укрепляя легитимность и согласованность дискурса. Заявление не только ссылается на традиционные авторитетные тексты, такие как Коммюнике Бандунгской конференции, Устав ООН, но и на китайские тексты, такие как Белая книга об инициативе «Один пояс, один путь», План действий по Глобальной инициативе развития, образуя интертекстуальные связи в выстраивании этапности элементов «традиционная легитимность — современная практика». Например: «Согласно принципам Устава ООН и принципу совместного обсуждения, совместного строительства и совместного пользования из инициативы „Один пояс, один путь“ продвигать углубление южно-южного сотрудничества». Эта интертекстуальная сеть делает дискурсивные требования заявления обладающими как исторической легитимностью, так и современной практической поддержкой, а также демонстрирует глубокое соединение китайских концепций с дискурсом Глобального Юга.

4.3. Тексты саммитов БРИКС: метафорическая система и семантическая инновация

В текстах XV встречи лидеров БРИКС (2023 года) метафорическая система китайских концепций вступает в глубокое взаимодействие с дискурсом Глобального Юга, реализуя семантическую инновацию через слияние метафор и формулируя абстрактные концепции сотрудничества убедительными языковыми выражениями. С точки зрения лингвистического анализа метафорики ведущие характеристики взаимодействия дискурсов можно описать следующим образом.

1. Взаимное дополнение и слияние типов метафор. «Метафоры пути», «метафоры сообщества» китайских концепций коррелируют с «метафорами силы», «метафорами роста» БРИКС. «Один пояс, один путь» (метафора пути) китайских концепций сливается с «быстрой дорожкой развития» (метафора пути) БРИКС, образуя сложную метафору «совместное движение к берегу современности»; «сообщество единой судьбы человечества» (метафора сообщества) сливается с «семьей БРИКС» (метафора сообщества) БРИКС, образуя специальную метафору «сообщество единой судьбы БРИКС». Одновременно «метафоры силы» БРИКС (например, «сила БРИКС», «коллективный интеллект») сливаются с «метафорами сотрудничества» китайских концепций (например, «взаимовыгодное сотрудничество», «совместное продвижение»), образуя выражение «на основе коллективной силы БРИКС продвигать взаимовыгодное сотрудничество», обогащая метафорические измерения выражения [Jiang Chunli, Yang Ke 2013].

2. Высокочастотное использование метафор и адаптация к коммуникации. Частота использования метафор в текстах заявлений саммитов значительно увеличилась, при этом метафоры из китайских концепций занимают важную долю, становясь ключевым элементом формулирования идей текста. Например, высокочастотное использование таких метафор, как «цифровой пояс и путь», «зеленый переходный путь», «маршрут совместной модернизации», делает текст более образным и убедительным, соответствующим как коммуникативным требованиям политического дискурса, так и когнитивным привычкам в разных культурных контекстах.

3. Инновационная генерация метафорической семантики. Через слияние метафор тексты встреч генерируют семантические выражения с особенностями БРИКС. Например, модель сотрудничества «БРИКС+» через метафору знака «+» конкретизирует семантику «открытости и приемлемости», отражающую коннотацию «расширение круга друзей по сотрудничеству»; «синхронизация Глобальной инициативы развития и сотрудничества БРИКС» через метафору «синхронизация» связывает два разных сотрудничества семантически, генерируя новую семантику «совместное продвижение развития». Эти инновации метафорической семантики позволяют дискурсу БРИКС сохранять свои особенности, а также впитывать ядерное содержание китайских концепций, чем реализуется опосредованная дискурсивной деятельностью разных сторон инновация семантики.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе базовой теоретической рамки политической лингвистики, используя такие

лингвистические методы, как текстовый анализ, лексико-семантический анализ и идентификация метафор, данное исследование выявило три лингвистических механизма взаимодействия между дискурсом Глобального Юга и китайскими концепциями: текстовое внедрение реализует взаимодействие поверхностных языковых знаков через обмен лексикой, слияние рамок и адаптацию риторики; реконструкция контекста реализует трансформацию среднего уровня дискурсивного контекста через реконструкцию субъектной идентичности, семантики тем и семантики ценностей; генерация смысла реализует глубинное взаимное создание смысла через локализованную семантическую адаптацию и инновацию. Исследование показывает, что взаимодействие между ними по своей сути является процессом семантического согласования и конструирования языковых знаков — китайские концепции через конкретные лингвистические стратегии интегрируются в дискурс Глобального Юга, не только обогащая семантическое содержание, форму выражения и нарративную логику дискурса Глобального Юга, но и реализуя межкультурную коммуникацию и инновацию семантики; в свою очередь, дискурс Глобального Юга через впитывание языковых элементов китайских концепций укрепляет конструктивность, открытость и коммуникативную силу.

По сравнению с существующими исследованиями новаторские аспекты данного исследования заключаются в следующем: во-первых, конструирование трехуровневой лингвистической аналитической модели «лексика — рамка — интертекстуальность», предлагающее применимый на практике путь анализа для исследований взаимодействия в области межкультурного политического дискурса; во-вторых, фокусирование на основных лингвистических измерениях, укрепление эмпиричности и логичности исследования через качественный анализ, избегание использования приблизительных количественных данных; в-третьих, уход от чисто политологических стратегических интерпретаций, выдвижение на первый план дисциплинарных особенностей политической лингвистики, обеспечивающее вписывание исследования в круг работ по политической лингвистике.

Перспектива исследования связана с расширением географического диапазона исследуемых текстов (добавление основополагающих текстов из Латинской Америки и региона Карибского бассейна, сравнительный анализ региональных семантических изменений); одновременно можно использовать прагматический анализ, исследовать механизмы адаптации в контекстах и эффекты речевого взаимодействия между разными культурами, предлагая практические лингвистические рекомендации для повышения эффективности межкультурной коммуникации в сфере политического дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колесов, В. В. Жизнь происходит от слова… / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. — 364 с. — ISBN 5-86547-099-X.
2. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. — Минск : ТетраСистемс, 2004. — 256 с. — ISBN 985-470-165-4. — EDN UJZAZP.
3. Русакова, О. Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О. Ф. Русакова, Д. А. Максимов // Полис. Политические исследования. — 2006. — № 4. — С. 26-43. — EDN HUWESD.
4. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудино. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 254 с. — ISBN 978-5-89349-897-4.
5. Dijk, T. A. Van. Politics, Ideology, and Discourse / T. A. Van Dijk // Encyclopedia of Language & Linguistics. — Spain : Politics of Teaching, 2006. — DOI 10.1016/B0-08-044854-2/00722-7.
6. 孙吉胜. 2009. 语言、意义与国际政治——伊拉克战争解析 [M]. 上海：上海人民出版社. = Sun Jisheng. Yuyan, yiyi yu guoji zhengzhi — yilake zhanzheng jiexi / Sun Jisheng. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 2009.
7. 孙吉胜. 2022. 国际政治语言学的研究路径与发展趋势 [J]. 外语教学与研究，(03): 456-465. = Sun Jisheng. Guoji zhengzhi yuyanxue de yanjiu lujing yu fazhanqushi / Sun Jisheng // Waiyujiaoxue yu yanjiu. — 2022. — 03. — P. 456—465.
8. 门洪华. 2024. “全球南方”的兴起与国际博弈的新图景——兼论中国的战略应对 [J]. 教学与研究，(01): 104-113. = Men Honghua. “Quanqiu nanfang” de xingqi yu guoji boyi de xin tujing — jian lun zhongguo de zhanlüe yingdui / Men Honghua // Jiaoxue yu yanjiu. — 2024. — 01. — P. 104—113.
9. 朱玲玲. 2024. 印度对外战略新动向——基于“全球南方”的视角 [J]. 云南社会科学，(01): 1-8. = Zhu Lingling. Yindu duiwai zhanlüe xindongxiang — jiyu “ quanqiu nanfang ” de shijiao / Zhu Lingling // Yunnan shehuikexue. — 2024. — 01. — P. 1—8.
10. 彭文钊. 2017. 哲学阐释学视域下的政治语言学：哲学基础、语言观与政治观问题 [J]. 外语与外语教学，(02): 26-37. = Peng Wenzhao. Zhexue chanshixue shiyu xia de zhengzhi yuyanxue: zhexue jichu, yuyan guan yu zhengzhi guan wenti / Peng Wenzhao // Waiyu yu waiyujiaoxue. — 2017. — 02. — P. 26—37.
11. 蒋春丽，杨可. 2013. 政治话语研究——俄语语言研究的新方向 [J]. 广东外语外贸大学学报，(06): 10-13. = Jiang Chunli. Zhengzhi huayu yanjiu — eyu yuyan yanjiu de xin fangxiang / Jiang Chunli, Yang Ke // Guangdong waiyuwaimao daxue xuebao. — 2013. — 06. — P. 10—13.
12. 李小云，徐进. 2023. 全球南方能否成为中国新的战略纵深 [J]. 文化纵横，(02): 38-46. = Li xiaoyun, Xu Jin (2023). Quanqiu nanfang nengfou chengwei zhongguo xin de zhanlüe zongshen / Li xiaoyun, Xu Jin // Wenhua zongheng. — 02. — 38—46.
13. 刘宏，岳雪，杨洲. 2021. 政治文化观念与政治语言世界图景 [J]. 东北亚外语研究，(02): 3-8. = Liu, Hong. Zhengzhi wenhua guannian yu zhengzhi yuyan shijie tujing / Liu Hong, Yue Xue, Yang Zhou // Dongbeiya waiyu yanjiu. — 2021. — 02. — P. 3—8.
14. 曹德军. 2024. 全球发展倡议下的全球治理路径与中国方案 [J]. 国际论坛，(01): 3-21+155. = Cao, Dejun. Quanqiu fazhan changyi xia de quanqiu zhili lujing yu zhongguo fangan / Cao Dejun // Guoji luntan. — 2024. — 01. — P. 3—21 + 155.
15. 孙玉华, 彭文钊, 刘宏. 2015. 语言的政治vs政治的语言—

—政治语言学的理论与方法 [J]. 外语与外语教学，(01): 1-7. = Sun, Yuhua. Yuyan de zhengzhi vs zhengzhi de yuyan — zhengzhi yuyanxue de lilun yu fangfa / Sun Yuhua, Peng Wenzhao, Liu Hong //. Waiyu yu waiyujiaoxue. — 2015. — 01. — P. 1—7.

16. 李东琪. 2023. “全球南方”的浮现：历史渊源与现实意义 [D]. 吉林大学. = Li, Dongqi (2023). “Quanqiu nanfang ” de Fuxian: lishiyuanyuan yu xianshiyiyi / Li Dongqi. — Jilin daxue, 2023.

17. 吴志成. 2023. “全球南方”的兴起与中国的立场担当 [J]. 人民论坛（学术前沿）, (23): 13-20. = Wu, Zhicheng. “Quanqiu nanfang ” de xingqi yu zhongguo de lichang dandang / Wu Zhicheng // Renmin luntan (xueshuqianyan). — 2023. — 23. — P. 13—20.

18. 赵可金. 2023. 全球南方与中国外交的新议程 [J]. 国际政治研究，(06): 92-111+7. = Zhao, Kejin. Quanqiu nanfang yu zhongguo waijiao de xin yicheng / Zhao Kejin // Guoji zhengzhi yanjiu. — 2023. — 06. — P. 92—111 + 7.

19. 岳圣淞. 2023. 观念、话语与制度演化：国际制度话语权理论与中国实践 [J]. 当代亚太，(04): 131-165+166. = Yue, Shengsong. Guannian, huayu yu zhidu yanhua: guoji zhidu huayuquan lilun yu zhongguo shijian / Yue Shengsong // Dangdai yatai. — 2023. — 04. — P. 131—165 + 166.

20. 邹华. 2015. 政治话语研究的哲学基础析论 [J]. 理论导刊，(11): 41-44. = Zou, Hua. Zhengzhi huayu yanjiu de zhexue jichu xi lun / Zou Hua // Lilun daokan. — 2015. — 11. — P. 41—44.

21. 彭云鹏. 2013. 语言与意识 [J]. 科技创业家, (22): 248. = Peng, Yunpeng. Yuyan yu yishi / Peng Yunpeng // Keji chuangyejia. — 22. — P. 248.

22. 范迪克. 2018. 话语研究：多学科导论 [M]. 周翔，译. 北京：中国人民大学出版社. = Fan, Dike. Huayu yanjiu: duo xueke daolun / Fan Dike. — Zhou xiang, yi ; Beijing : Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2018.

23. 胡壮麟. 2018. 认知语言学 [M]. 北京：北京大学出版社. = Hu, Zhuanglin (2018). Renzhi yuyanxue / Hu Zhuanglin. — Beijing : Beijing daxue chubanshe, 2018.

24. 姜望琪. 2019. 语用学理论与实践 [M]. 北京：北京大学出版社. = Jiang, Wangqi. Yuyong xue lilun yu shijian / Jiang Wangqi. — Beijing : Beijing daxue chubanshe, 2019.

REFERENCES

1. Kolesov, V. V. (1999). Zhizn′ proiskhodit ot slova… = Life Comes from the Word… St. Petersburg: Zlatoust, 364 p. ISBN 5-86547-099-X.

2. Maslova, V. A. (2004). Kognitivnaya lingvistika = Cognitive Linguistics. Minsk: TetraSistems, 256 p. ISBN 985-470-165-4. EDN UJZAZP.

3. Rusakova, O. F., Maksimov, D. A. (2006). Politicheskaya diskursologiya: predmetnoe pole, teoreticheskie podkhody i strukturnaya model′ politicheskogo diskursa = Political Discourse Studies: Subject Field, Theoretical Approaches, and Structural Model of Political Discourse. *Polis. Political Studies*, *4*, 26–43. EDN HUWESD.

4. Chudinov, A. P. (2012). Politicheskaya lingvistika = Political linguistics. Textbook. Moscow: Flinta, Nauka, 254 p. ISBN 978-5-89349-897-4.

5. Dijk, T. A. Van (2006). Politics, Ideology, and Discourse. *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Spain: Politics of Teaching. DOI 10.1016/B0-08-044854-2/00722-7.

6. Sun Jisheng (2009). Yuyan, yiyi yu guoji zhengzhi — yilake zhanzheng jiexi [M]. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe.

7. Sun Jisheng (2022). Guoji zhengzhi yuyanxue de yanjiu lujing yu fazhanqushi. *Waiyujiaoxue yu yanjiu*, *03*, 456–465.

8. Men Honghua (2024). “Quanqiu nanfang” de xingqi yu guoji boyi de xin tujing — jian lun zhongguo de zhanlüe yingdui. *Jiaoxue yu yanjiu*, *01*, 104–113.

9. Zhu Lingling (2024). Yindu duiwai zhanlüe xindongxiang — jiyu “ quanqiu nanfang ” de shijiao. *Yunnan shehuikexue*, *01*, 1–8.

10. Peng Wenzhao (2017). Zhexue chanshixue shiyu xia de zhengzhi yuyanxue: zhexue jichu, yuyan guan yu zhengzhi guan wenti. *Waiyu yu waiyujiaoxue*, *02*, 26–37.

11. Jiang Chunli, Yang Ke (2013). Zhengzhi huayu yanjiu — eyu yuyan yanjiu de xin fangxiang. *Guangdong waiyuwaimao daxue xuebao*, *06*, 10–13.

12. Li Xiaoyun, Xu Jin (2023). Quanqiu nanfang nengfou chengwei zhongguo xin de zhanlüe zongshen. *Wenhua zongheng*, *02*, 38–46.

13. Liu Hong, Yue Xue, Yang Zhou (2021). Zhengzhi wenhua guannian yu zhengzhi yuyan shijie tujing. *Dongbeiya waiyu yanjiu*, *02*, 3–8.

14. Cao Dejun (2024). Quanqiu fazhan changyi xia de quanqiu zhili lujing yu zhongguo fangan. *Guoji luntan*, *01*, 3–21 + 155.

15. Sun Yuhua, Peng Wenzhao, Liu Hong (2015). Yuyan de zhengzhi vs zhengzhi de yuyan — zhengzhi yuyanxue de lilun yu fangfa. *Waiyu yu waiyujiaoxue*, *01*, 1–7.

16. Li Dongqi (2023). “Quanqiu nanfang” de Fuxian: lishiyuanyuan yu xianshiyiyi. Jilin daxue.

17. Wu Zhicheng (2023). “Quanqiu nanfang ” de xingqi yu zhongguo de lichang dandang. *Renmin luntan (xueshuqianyan)*, *23*, 13–20.

18. Zhao Kejin (2023). Quanqiu nanfang yu zhongguo waijiao de xin yicheng. *Guoji zhengzhi yanjiu*, *06*, 92–111 + 7.

19. Yue Shengsong (2023). Guannian, huayu yu zhidu yanhua: guoji zhidu huayuquan lilun yu zhongguo shijian. *Dangdai yatai*, *04*, 131–165 + 166.

20. Zou Hua (2015). Zhengzhi huayu yanjiu de zhexue jichu xi lun. *Lilun daokan*, *11*, 41–44.

21. Peng Yunpeng (2013). Yuyan yu yishi. *Keji chuangyejia*, *22*, 248.

22. Fan Dike (2018). Huayu yanjiu: duo xueke daolun. Zhou xiang, yi. Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe.

23. Hu Zhuanglin (2018). Renzhi yuyanxue. Beijing: Beijing daxue chubanshe.

24. Jiang Wangqi (2019). Yuyong xue lilun yu shijian. Beijing: Beijing daxue chubanshe.

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.581'42+81'25+81'27
ББК Ш171.1-51+Ш118+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27; 16.31.41.* *Код ВАК 5.9.8*

Юй Фэнин
Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай, 232458904@qq.com, https://orcid.org/0009-0004-5340-3476

Анализ политической лексики с китайской спецификой и ее перевода на русский с точки зрения внешней коммуникации (на примере «Доклада о работе Правительства КНР — 2025»)

АННОТАЦИЯ. *В статье представлен комплексный лингвопереводческий анализ политической лексики с китайской спецификой на материале «Доклада о работе Правительства КНР — 2025», рассматривающий лингвистические и прагматические аспекты ее передачи на русский язык в контексте современной внешнеполитической коммуникации. Исследование приобретает особую актуальность в условиях усиления глобальной роли Китая и возрастающей потребности в точной и эффективной трансляции идеологического содержания официальных документов на международной арене.*

Исследование проведено с использованием методов контент-анализа (выделение лексических единиц), корпусного исследования (анализ частотности и контекстного функционирования терминов), контрастивного анализа (сопоставление оригинала и перевода) и описательно-систематического анализа (структурирование результатов). В ходе работы лексика систематизирована по тематическим группам (политическая, экономическая и др.), выявлены ее ключевые особенности (нумеративные конструкции, четырехиероглифные выражения) и разработана система переводческих принципов.

Результаты применимы при переводе официальных китайских документов на русский язык и в практике внешней коммуникации Китая, особенно в контексте российско-китайского сотрудничества. Основной вывод: эффективный перевод требует сочетания точности концептуального содержания с учетом лингвокультурных особенностей русскоязычной аудитории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, официальные документы, китайский язык, лексикология китайского языка, политическая лексика, лексические единицы, внешняя коммуникация, переводоведение, русский язык, русские переводы, перевод официальных документов, дипломатический дискурс, языковая картина мира, китайская специфика.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Юй Фэнин, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русского языка, директор Института европейских языков и культур, Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, пров. Гуандун, Китай, email: 232458904@qq.com.*

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья выполнена при поддержке гранта Центра многоязычных переводов и распространения китайской культуры, ключевой исследовательской базы гуманитарных и социальных наук в университетах Гуандуна (ID: 2021WZJD008); Проекта обеспечения качества образования в университетах провинции Гуандун на 2024 год (Учебно-методическое объединение по переводу с русского языка). / 本文系广东省人文社科重点研究基地《多语种中华文化译介中心》（编号： 2021WZJD008) 和2024年广东省级本科高校质量工程项目:《俄语翻译课程教研室》(的阶段性成果).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Юй, Ф.* Анализ политической лексики с китайской спецификой и ее перевода на русский с точки зрения внешней коммуникации (на примере «Доклада о работе Правительства КНР — 2025») / Юй Фэнин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 294-303.

Yu Fengying
South China Business College of Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, Guangdong, China, 232458904@qq.com, https://orcid.org/0009-0004-5340-3476

An Analysis of Political Vocabulary with Chinese Characteristics and Its Russian Translation from the Perspective of International Communication (A Case Study of the “2025 Report on the Work of the Government of the People's Republic of China”)

ABSTRACT. *The article presents a complex linguistic and translational analysis of political vocabulary with Chinese characteristics based on the “2025 Report on the Work of the Government of the People's Republic of China”. The study focuses on the linguistic and pragmatic aspects of rendering this vocabulary into Russian within the context of contemporary foreign policy communication. The research gains special relevance amid China's growing global role and the increasing need for accurate and effective dissemination of ideological content of official documents on the international stage.*

© Юй Фэнин, 2026

The study employs the methods of content analysis (identification of lexical units), corpus research (analysis of the frequency and contextual functioning of terms), contrastive analysis (comparison of the source text and the target text), and descriptive-systematic analysis (structuring of results). In the course of this research, the author systematizes the vocabulary into thematic groups (political, economic, etc.), identifies their key characteristics (numerical constructions, four-character expressions) and works out a set of translation principles.

The results are applicable to the translation of official Chinese documents into Russian and to the practice of China's external communication, especially in the context of Russia-China cooperation. The main conclusion is that effective translation requires combining the accuracy of conceptual content with consideration of the linguocultural characteristics of the Russian-speaking audience.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, official documents, Chinese language, Chinese lexicology, political vocabulary, lexical units, international communication, translation studies, Russian language, Russian translations, translation of official documents, diplomatic discourse, linguistic worldview, Chinese characteristics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yu Fengying, Dr (Philology), Associate Professor, Dean of School of European Languages and Cultures, Head of the Department of Russian, Member of Expert Database of The National Social Science Fund of China, Guangdong University of Foreign Studies South China Business College, Guangzhou, China.*

ACKNOWLEDGMENTS. This article was supported by the grant of "Center for Multilingual Translation and Dissemination Studies of Chinese Culture" (No. 2021WZJD008) and 2024 Guangdong University Quality Assurance Project: Teaching and Research Section of Russian Translation.

FOR CITATION: *Yu Fengying.* (2026). An Analysis of Political Vocabulary with Chinese Characteristics and Its Russian Translation from the Perspective of International Communication (A Case Study of the "2025 Report on the Work of the Government of the People's Republic of China"). In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 294-303. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

«Доклад о работе Правительства КНР — 2025» (далее — «Доклад-2025») является ключевым официальным документом Китая, определяющим стратегические направления развития страны на важном этапе: завершения реализации 14-го пятилетнего плана и подготовки к 15-му пятилетнему плану. Он всесторонне отражает достижения правительства за прошедший год, актуальные задачи в экономике, социальной сфере, экологии и других областях. Как основа для формирования внешнего дискурса Китая, «Доклад-2025» содержит значительный объем политической лексики с китайской спецификой — терминов, отражающих уникальные аспекты китайской модели управления и развития.

Актуальность исследования обусловлена усилением глобальной роли Китая и растущей потребностью в точной передаче идеологического содержания официальных документов на международной арене, особенно в контексте глубокого российско-китайского стратегического сотрудничества. Точный перевод этой лексики на русский язык обеспечивает адекватное понимание политики Китая русскоязычной аудиторией, способствует укреплению российско-китайского стратегического партнерства и оптимизации международной коммуникации Китая.

Объектом исследования является политическая лексика с китайской спецификой в «Докладе-2025» (оригинале и официальном русском переводе). Под данной лексикой понимается совокупность терминов, отражающих уникальные аспекты китайской политики, экономики, культуры и социальной жизни, не имеющих прямых семантических аналогов в русском языке и требующих контекстного пояснения.

Предметом исследования — лингвистические особенности этой лексики и методы ее перевода на русский язык, а также эффективность переводов для внешней коммуникации. Конкретно рассматриваются: частотность употребления терминов, структурные особенности, применяемые переводческие стратегии и адаптация к лингвокультурному контексту русскоязычной аудитории.

Основная **цель исследования** — провести комплексный лингвопереводческий анализ политической лексики с китайской спецификой в «Докладе-2025» и разработать эффективные переводческие стратегии, адаптированные к русскоязычному пространству, для оптимизации внешней коммуникации Китая.

Исследование использует совокупность комплементарных **методов**:

1) ***метод контент-анализа текстов*** служит для систематического выделения и регистрации лексических единиц с китайской спецификой из «Доклада-2025», позволяя структурировать материал по тематическим группам и выявлять основные семантические поля данной лексики;

2) **корпусное исследование** выступает важным компонентом метода, заключающимся в формировании специализированного корпуса текстов на основе «Доклада-2025» (оригинала и его официального русского перевода) и применении инструментов корпуса *linguistics* для количественной и качественной обработки данных — в частности, для подсчета частотности употребления

лексических единиц с китайской спецификой, анализа их распределения по текстам, выявления устойчивых словосочетаний и закономерностей функционирования в различных контекстах документа;

3) **контрастивный метод** направлен на сопоставление лексики с китайской спецификой в оригинале «Доклада-2025» и его русском переводе — он оценивает семантическое соответствие, адаптацию к российскому лингвокультурному контексту, помогает выявить достоинства и недостатки существующих переводческих практик, а также определить эффективные стратегии передачи китайской специфики;

4) **метод описательно-систематического анализа** занимается систематизацией результатов исследования, включая структуризацию лексики по группам, описание лингвистических особенностей лексем и переводческих стратегий, а также формирование классификации возникающих проблем и соответствующих решений.

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках изучения взаимосвязи между политической лексикой и эффективной внешней коммуникацией нельзя не отметить значительный вклад русских и китайских ученых в анализ лексического состава политического дискурса. Можно назвать такие имена, как О.И. Воробьева (2000), В.З. Демьянков (2002), Э.В. Будаев (2011), Бао Сяоин (2013), Чэн Гоюй, Чжан Цзяюй (2021), Чжан Цзюнь (2021), М.А. Степень, Лю Хун (2023), Ху Гуминн, Юань Жунцзэ (2023), Цинь Мэнъяо (2023), Гао Мэнвэнь, Ху Дунлинь, Чжан Чуньхуэй (2024) и др. Эти ученые в своих работах подчеркивают, что развитие политической лексики — это результат влияния не только политических деятелей, которые формируют уникальный стиль речевой практики для передачи идеологических посылок, но и писателей, общественных деятелей и даже медиа.

И.О. Ткачева в своей работе подчеркивает, что «политическая лексика (лексика, отражающая все сферы политической жизни общества) как объект лингвистического описания привлекала внимание многих исследователей в разные периоды развития русского языка, поскольку именно этот лексический пласт является одним из наиболее нестабильных в лексико-семантической системе»[1].

Говоря о толковании лексики с китайской спецификой, нельзя оставить без внимания ряд близких понятий в китайских исследованиях, а именно 政治术语 (политический термин), 中国特色政治词汇 (политическая лексика с китайской спецификой), 中国关键词 (ключевые слова Китая) и др.

С точки зрения Лу Лили, «лексика с китайской спецификой концентрированно проявляется в указании на предметы или явления, характерные для Китая, или имеет своеобразную форму языкового выражения на китайском языке. Лексика с китайской спецификой обладает яркими характерными чертами определенной эпохи, предметы или явления, которые она выражает, охватывают все аспекты китайского общества, такие как политика, экономика, культура и быт» [Лу Лили 2014: 3].

Чжэн Шупу в своей работе указывает на то, что политическая терминология является «накоплением знаний в предметной области и играет решающую роль в определении категорий внутри дисциплины и развитии дисциплины. Стандартизация и унификация политической терминологии способствует внутреннему и внешнему распространению литературы центрального правительства, не только позволяя внутреннему населению понять ее и освоить, но и способствуя реализации стратегии „выхода за границу“ для китайской культуры» [Чжэн Шупу 2011: 198].

В своей работе М. А. Степень, Лю Хун дали такое толкование: «„политический термин с китайской спецификой“ — это сформированные партией и китайским правительством в ходе урегулирования внутренней политики и международных отношений для обозначения строго определенного понятия или явления в данной политической сфере ключевые слова, словосочетания или выраженные иным способом вербальные формулировки, которые проявляются в центральных документах, обогащенные китайской спецификой (язык, культура, история и идеология) и имеющие важное значение для современного Китая» [Степень, Лю Хун 2023].

По нашему мнению, политическая лексика с китайской спецификой — это совокупность терминологических единиц, фразеологизмов и концептуальных выражений, которые отражают уникальные аспекты китайской политической системы, исторического опыта, культурных традиций и социально-экономического развития. Она возникает в

[1] Ткачева, И. О. Политическая лексика в современном русском языке: семантические особенности и проблемы лексикографического представления : 10.02.01 : дис. … канд. филол. наук / Ткачева Ирина Олеговна. — Санкт-Петербург, 2008. — С. 1. — EDN NQDENP.

процессе формирования китайского специфического пути прогресса (например, «中国特色社会主义 / социализм с китайской спецификой») и выполняет ключевую функцию в передаче идеологических посылок, стратегических целей и принципов государственного управления — как внутри страны, так и в рамках внешней коммуникации.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ

С точки зрения Т. Б. Крючковой, классификации лексических единиц языка политики «в значительной мере зависят от языка, на материале которого они проводятся, от лексических особенностей, обусловленных социально-политической действительностью, в которой живут его носители и которую этот язык отражает». Она также подчеркивает, что «в политическом дискурсе отмечается включение терминов языка управления и делопроизводства, дипломатии, военной терминологии. Политические термины нередко сближаются с техническими, экономическими, научными. При этом границы между классами определяются нечетко и возможен переход из одной группы в другую» [Крючкова 2000: 165].

А. А. Буряковская и Т. А. Туркова пишут, что «в большинстве языков можно выделить две группы лексических единиц, относящихся к сфере политики: 1) специально-политическая лексика, включающая в себя наименования должностей, государственных органов, ведомств, политических партий и движений, термины международной политики, юридические и экономические термины, а также электоральную и военную терминологии; 2) общеполитическая лексика, состоящая из философских, социологических, культурологических, религиозных терминов, широко употребляемых в средствах массовой информации, а также слов, связанных с функционированием различных ассоциаций, союзов, общественных организаций (в том числе и профсоюзов), а также обозначающих явления, процессы, события в области просвещения, культурной жизни страны и т. д.» [Буряковская, Туркова 2009: 215–216].

Вслед за ними, мы в данной работе разделили лексемы с китайской спецификой «Доклада-2025» на следующие группы:

1. Политическая лексика в основном включает слова, характерные только для Китая и отражающие политические установки партии и правительства и философию управления, такие как *八项规定 (восемь установок),“十四五”规划 (14-я пятилетняя программа), “港人治港” («Сянганом управляют сянганцы»),一个中国原则 (принцип одного Китая)* и другие.

2. Экономическая лексика отражает экономическую политику Китая, экономические явления и основную ситуацию экономического развития, например: *低空经济 (экономики малых высот), 银发经济 («серебряная экономика»), “投资中国”品牌 (бренд «Инвестирование в Китай»)* и т. д.

3. Экотехнологическая лексика включает специальную лексику в области экологической защиты окружающей среды, такую как *美丽中国 («Прекрасный Китай»), 绿色交通 («зеленый» транспорт),零碳工厂 (промышленные заводы с нулевым выбросом углерода)* и т. д.

4. Лексика, связанная с технологиями и инновациями, отражает направленность и достижения областей или организаций, охваченных «Докладом-2025», в области научно-технических исследований и разработок, инновационной практики и т. д., а также демонстрирует их заботу и стремление к научно-техническому прогрессу и инновационному развитию. Например: *“人工智能+” («Искусственный интеллект плюс»),智慧海关 («умная» таможня), 数字中国 («Цифровой Китай»)* и т. д.

5. Сфера применения **лексики народных средств к существованию** очень широка, включая жилье, занятость, образование, медицинское обслуживание и т. д. Например: *稳就业 (стабилизация занятости), 分级诊疗 (система ступенчатой диагностики и лечения), 学位 (учебные места)* и т. п.

Так, лексика с китайской спецификой в «Докладе-2025» является не просто набором слов, а живым воплощением национального пути развития, политических приоритетов и культурных традиций Китая. Она отличается высокой степенью идеологизированности и наличием уникальных концепций, сформированных в рамках социализма с китайской спецификой. Ее тщательная классификация раскрывает многогранность и глубину содержания доклада, освещая ключевые направления развития страны в разных сферах. Исследование и понимание лексики с китайской спецификой способствует более глубокому восприятию китайского опыта и перспектив его интеграции в мировую систему.

3. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ

Официальные документы Китая, такие как ежегодный «Доклад о работе правительства», представляют собой уникальный лингвистический материал, насыщенный лексикой с китайской спецификой. Она не только отражает политику и идеологию КПК,

но и формирует особый дискурс, требующий тщательного анализа для адекватного перевода и интерпретации. Основная отличительная черта этой лексики — отсутствие прямых семантических аналогов в других языках, включая русский, что обусловлено спецификой китайской государственно-управленческой модели, традициями конфуцианского мышления (например, идея «和谐社会 / гармонии общества») и уникальными этапами исторического развития (например, 改革开放 / политика реформ и открытости с 1978 года). Далее рассматриваются ключевые языковые особенности лексики с китайской спецификой в «Докладе-2025».

Корпусное исследование первых 16 высокочастотных китайских знаменательных слов в «Докладе-2025» позволяет составить приблизительное представление о направлениях деятельности китайского правительства. Как видно, в «Докладе-2025» знаменательные слова часто повторяются, так как обозначают объекты и действия, находящиеся в центре внимания.

Анализ их лексико-семантических особенностей выявляет закономерности формирования политического дискурса китайского руководства, а частотность этих слов становится маркером стратегических приоритетов государства. Например, согласно таблице 1, слово «发展» (развитие) занимает первое место с частотой 134 упоминаний, на втором месте — «推进» (продвигать, 82 упоминания), на третьем — «建设» (строительство, 81 упоминание) и т. д. На основе полученных результатов можно выделить четыре ключевые особенности политического дискурса в «Докладе-2025».

1. Доминанта «развития» как устойчивая парадигма. Концепт «развитие» выступает ядром лексической системы документа, что подтверждает его статус краеугольного камня государственной политики. Высокая частотность термина отражает преемственность курса реформ, долгосрочную ориентацию на модернизацию экономики и стремление к национальному процветанию. Первый раз концепция «развитие как главный приоритет» была представлена Ху Цзиньтао на XVI съезде КПК в 2002 г., позже стала важным принципом социалистической модернизации Китая.

2. Динамический дискурс в управленческой риторике. Директивные глаголы («продвигать», «ускорять», «повышать») формируют практичный регистр политического языка, подчеркивая оперативность и результативность политики. Они обеспечивают гибкость регулирования при геоэкономической нестабильности и создают образ власти как активного инициатора изменений.

3. Полифоничность социально-экономических приоритетов. Структурный анализ выявляет сбалансированную конфигурацию ключевых направлений: социальный блок (*услуги*), обеспечение базовых потребностей населения, поддержка человеческого капитала (*образование, здравоохранение*), инновационный вектор (*инновация, реформы*), а также преодоление технологических дефицитов; стимулирование качественной трансформации роста.

Таблица 1

Список высокочастотных знаменательных слов в «Докладе-2025» на китайском языке

Type	Rank	Freq	Range	Type	Rank	Freq	Range
发展 развитие	1	134	1	改革 реформа	11	36	1
推进 продвигать	2	82	1	政府 правительство	12	35	1
建设 строительство	3	71	1	创新 инновация	12	35	1
加强 интенсифицироваться	4	56	1	服务 услуги	12	35	1
推动 способствовать	5	55	1	提升 повышать	13	33	1
加快 ускорять	6	53	1	扩大 увеличивать	13	32	1
经济 экономика	7	52	1	促进 стимулировать	13	32	1
完善 совершенствовать	7	52	1	机制 механизм	13	32	1
新 новый	8	50	1	制度 система	14	31	1
实施 реализовываться	9	43	1	工作 работа	15	30	1
支持 поддержка	9	43	1	社会 общество	15	30	1
政策 политика	10	41	1	全面 всесторонне	16	29	1

4. Институциональный метадискурс. Устойчивые лексические словосочетания (как «совершенствование механизмов», «системные решения») сигнализируют о глубинной трансформации управленческих парадигм, стратегической важности институциональных инноваций и системном подходе к устранению структурных ограничений.

5. Нумеративная конструкция. Такие выражения в концентрированной форме аккумулируют руководящие принципы и меры политики Китая. Такая лексика очень информативна, включает много характеристик, легко понимается и запоминается, способствует распространению идей китайского руководства за рубежом, что является характерной чертой лексики с китайской спецификой, например: *一国两制* (***одна** страна — **две** системы*), *"三保障"* (***три** гарантии*), *"四个意识"* (***четыре** сознания*) и другие.

6. Употребление конструкции из четырех иероглифов. Конструкция из четырех иероглифов представляет собой значимый лингвокультурный феномен китайского политического дискурса, обладающий рядом уникальных характеристик. Данные лексические единицы занимают особое положение в системе языковых средств официально-делового стиля современного китайского языка, выполняя важные идеологические и коммуникативные функции. Например: *科技创新 (научно-техническая инновация)*, *社会救助 (социальная помощь)*, *生态文明 (экологическая цивилизация)* и др.

7. Метафорические выражения. Выполняют важную медиативную функцию, трансформируя сложные политические концепты в доступные когнитивные модели посредством технологических, природных и архитектурных аналогий, что обеспечивает эффективную популяризацию государственной идеологии через визуализацию абстрактных идей, создание эмоционально-ценностных ассоциаций и формирование коллективных представлений, отражая тем самым стратегическую тенденцию к демократизации политического дискурса и оптимизации коммуникации между властью и обществом в современном китайском социокультурном контексте. Например: *把饭碗端得更牢 (дос. пер. крепче держать рисовую чашу)* — китайский идиоматический оборот, подразумевающий обеспечение продовольственной безопасности. В русскоязычном переводе данное выражение передается как «*больше упрочить продовольственные гарантии китайского народа*».

В структурном плане данные лингвистические единицы демонстрируют морфологическую симметричность, которая обеспечивает формально-грамматическую целостность текста, а также синтаксическую компактность — эта характеристика позволяет осуществлять максимальную концептуальную концентрацию при минимальной языковой экспликации, не перегружая речь лишними элементами. Кроме того, они обладают ритмической сбалансированностью, создающей фонетическую гармонию высказывания и облегчающей восприятие дискурса в целом.

Семантический анализ выявляет три взаимосвязанных аспекта: 1) высокую степень концептуальной плотности, обеспечивающую эффективную репрезентацию сложных политических концептов; 2) терминологическую точность, гарантирующую однозначность интерпретации в рамках официально-делового дискурса; 3) полисемантический потенциал, позволяющий адаптироваться к различным контекстам политической коммуникации.

Когнитивно-дискурсивный потенциал исследуемых лингвистических единиц реализуется через три взаимосвязанных аспекта. В первую очередь это концептуальная интеграция политических установок, обеспечивающая семантическую целостность дискурса и связывающая отдельные элементы в единую систему. Далее оптимизация процессов ментального моделирования — эта функция способствует эффективному усвоению информации аудиторией, упрощая понимание сложных политических конструкций. А также и формирование устойчивых идеологических маркеров, которые выполняют идентификационную функцию и помогают формировать единственное представление о политических позициях.

Историко-культурная генеалогия исследуемого феномена — лингвистических единиц в современном китайском политическом дискурсе — уходит в глубь традиций, где классический китайский язык вэньянь выступает как формально-стилистическая основа, определяющая структурные особенности и стилистические нормы этих единиц; параллельно с ним конфуцианская риторическая традиция выполняет роль концептуально-содержательного источника, внося в семантику лингвистических конструкций элементы традиционной китайской философской и этической мысли, а современные практики политического дискурса формируют актуальный контекст функционирования, адаптируя данные единицы к требованиям современной политической коммуникации.

Все эти взаимосвязанные компоненты в

совокупности создают уникальный лингвокультурный синтез — характерный отличительный признак современного китайского политического языка, который обусловливает его специфику в сравнении с другими языковыми системами политического дискурса.

Таким образом, приведенный анализ репрезентирует уникальные концепты китайской социально-политической реальности, что обусловливает необходимость применения стратегии лингвокультурной адаптации при их переводе. В процессе межъязыковой передачи данных номинаций преимущественно используется метод натурализации, дополняемый экспликативными комментариями, направленными на обеспечение адекватной межкультурной коммуникации. Данный переводческий подход, предполагающий сочетание переноса с семантическим пояснением, объективно приводит к увеличению лексического объема текста перевода «Доклада-2025» по сравнению с оригиналом, что является закономерным следствием необходимости преодоления лингвокультурных лакун и достижения максимальной концептуальной прозрачности для иноязычного реципиента.

4. ПОДХОД К ПЕРЕВОДУ ЛЕКСИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВНЕШНЕЙ КОММУНИКАЦИИ

Перевод лексики «Доклада-2025» на русский язык имеет стратегическое значение: культурно-имиджевое (демонстрирует языковой потенциал и культурную уверенность Китая, служит инструментом «мягкой силы», помогает передавать китайские ценности); политико-дипломатическое (обеспечивает точную координацию позиций в межправительственной коммуникации, минимизирует интерпретационные риски, укрепляет партнерство через сохранение денотативного и коннотативного содержания); практико-ориентированное (в условиях интенсификации российско-китайского сотрудничества становится инструментом трансляции управленческих практик и моделей социально-экономического развития, создает предпосылки для взаимодополняющего партнерства).

Для адекватной трансляции необходимо следовать методологическим принципам: обеспечение концептуальной эквивалентности (трансляция денотативного значения и идеологических коннотаций), соблюдение норм русского политического дискурса, достижение баланса между лингвистической аутентичностью и коммуникативной эффективностью — это предотвращает семантические искажения в контексте стратегического взаимодействия.

В современной практике перевода китайской политической и социально-экономической лексики на русский язык выделяются ключевые подходы: **перенос** (эффективна для формирования устойчивых политических брендов, например «*五年行动计划 / пятилетний план действий»)* и **калькирование** (обеспечивает семантическую целостность устоявшихся формулировок, например «*改革开放 / политика реформ и открытости»)*. Однако при переводе «Доклада-2025» эти методы оказываются недостаточными: существенный массив лексики не имеет прямых лингвокультурных соответствий в русском языке, что актуализирует **пояснительный перевод.**

Он реализуется через семантическую экспликацию (введение уточняющих дефиниций, например *«中国特色社会主义 / социализм с китайской спецификой»* вместо буквального варианта; пояснительные конструкции, например *«双循环 / модель двойной циркуляции: внутренней и международной»*) и контекстуальное развертывание (развернутые сноски, внутритекстовые пояснения, специализированные глоссарии, например к термину «*千万工程 / программа „Тысяча образцовых деревень, десять тысяч обустроенных деревень“»*). Увеличение объема перевода при этом является объективной закономерностью, обусловленной необходимостью преодоления лингвокультурных лакун, обеспечения концептуальной полноты и сохранения идеологической точности.

На основе проведенного анализа китайского текста «Доклада-2025» с его переводом на русский язык можно сделать вывод: помимо пояснительного перевода, при работе с китайской политической терминологией в официальных документах целесообразно применять следующие специализированные методы, адаптированные к особенностям русского политического, экономического и административного дискурса.

1. Метод функционального эквивалента. Используется при риске смысловых искажений или неадекватного восприятия при дословном переводе/переносе в принимающей лингвокультуре. Подход предусматривает выбор лексических единиц, максимально точно передающих концептуальное содержание оригинала, даже без буквального соответствия. Например, концепция «*两个确立 / два утверждения*» при буквальном переводе становится семантически несостоятельной в русском политическом дискурсе, тогда как функционально-эквивалентный вариант — *«утверждение ста-*

туса товарища Си Цзиньпина как руководящего ядра ЦК КПК и партии в целом» — обеспечивает идеологическую точность, дискурсивную адаптацию и коммуникативную эффективность.

2. Метод генерализации. Стратегия направлена на редукцию сложных идеолого-экономических конструкций с сохранением концептуального ядра, востребована при адаптации специализированной терминологии к русскоязычному экономическому дискурсу. Так, буквальный перевод «*一揽子增量政策*» (*единая корзина приростной политики*) нарушает нормы русской экономической терминологии: метафора *«корзины»* не ассоциируется с экономикой, а *«приростной»* не является стандартным термином. Применение генерализации позволяет преодолеть это — перевод *«пакет дополнительных мер»* сохраняет идею комплексности, устраняет терминологические барьеры и соответствует нормам русского экономического языка.

3. Метод компенсации. Восполняет утраченные смысловые нюансы через альтернативные языковые средства. Во-первых, это трансформация метафор, например «*拉动经济增长的稳定锚*» *(«стабилизирующий якорь» стимулирования экономического роста),* где морская метафора адаптируется к русскому экономическому дискурсу. Во-вторых, введение экспрессивных эпитетов, как в переводе *迎难而上 (неуклонно двигаться вперед навстречу всем трудностям)* с добавлением компонента активного преодоления. Это сохраняет образную насыщенность оригинала при обеспечении понятности для русскоязычной аудитории.

4. Метод модуляции. Трансформирует исходную формулировку для достижения естественности в языке перевода. Важен при передаче административно-правовых концепций. Например, фраза *«清理废除妨碍全国统一市场的规定做法»* не допускает буквального перевода (*очистить методы*), поэтому используется адаптированная версия: *«Принимались меры по упразднению различных положений и практик, препятствующих формированию единого всекитайского рынка»*.

5. Метод терминологической стандартизации. Фиксирует унифицированные варианты перевода для ключевых концептов в межкультурной коммуникации. Например, «*新时代习近平新时代中国特色社会主义思想*» *(идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи)* закреплен как официальный перевод в дипломатическом дискурсе, обеспечивая единообразие и точность передачи сути.

В итоге перевод китайской специфической лексики требует сбалансированного подхода: сочетания точности смысла с адаптацией к целевой аудитории. Контекстуальная адаптация обеспечивает естественность в русском дискурсе, а успешная внешняя коммуникация зависит от понимания культурных особенностей Китая и соблюдения норм русского официального стиля.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном исследовании был осуществлен комплексный лингвопереводческий анализ политической лексики с китайской спецификой на материале «Доклада-2025» и изучены особенности ее передачи на русский язык в контексте внешней коммуникации. Результаты исследования подтверждают, что эффективная межъязыковая трансляция данной лексики требует применения интегрального подхода, сочетающего точность воспроизведения концептуального содержания с адаптацией к лингвокультурным особенностям русскоязычной аудитории — это условие обеспечивает адекватное понимание китайской политики и оптимизацию международных коммуникационных процессов Китая.

Основные трудности перевода обусловлены отсутствием прямых семантических эквивалентов для ключевых идеологических, политико-экономических и социальных терминов. Например, термины *«双减» (уменьшение объема домашних заданий и внеклассных дополнительных занятий для школьников)*, «*城中村改造*» *(реконструкция «внутригородских деревень»), «双循环» (модель двойной циркуляции: внутренней и международной*) не имеют аналогов в русском языке, что делает невозможным применение только дословного перевода, или переноса. Для решения этих проблем необходимо сочетать различные переводческие стратегии: перенос с пояснительными комментариями, семантическое развитие концептов и контекстуальное развертывание, что позволяет преодолеть лингвокультурные лакуны и сохранить идеологическую аутентичность исходного текста.

Исследование также показывает, что перевод политической лексики с китайской спецификой не ограничивается лишь языковым преобразованием — это процесс системной адаптации к дискурсивным нормам русского языка. Успешный перевод должен избегать двух крайностей: буквализма (который приводит к нечитаемости и искажению смысла) и избыточной адаптации (которая нивелирует уникальность китайской специ-

фики). Например, при переводе термина *«双循环»* использование комбинированного метода — *«модель двойной циркуляции (шуан сюнь хуань)»* — обеспечивает баланс между сохранением национального уникальности и доступностью для русскоязычных реципиентов.

Значение данного исследования заключается в разработке практических рекомендаций для переводчиков официальных китайских документов: оно предлагает систематизированные методы (функциональный эквивалент, генерализацию, компенсацию, модуляцию и терминологическую стандартизацию) и подтверждает, что успешная внешняя коммуникация зависит от глубокого понимания идеологического контекста Китая, культурных нюансов и особенностей российского политического дискурса. Эти результаты могут быть использованы при переводе других официальных документов КНР, способствуя формированию точного и понятного образа Китая на международной арене и укреплению российско-китайского стратегического партнерства.

ИСТОЧНИКИ

1. Ли Цян. Доклад о работе Правительства КНР (зачитан 5 марта 2025 года на 3-й сессии Всекитайского Собрания народных представителей 14-го созыва). = 李强.政府工作报告：2025年3月5日在第十四届全国人民代表大会第三次会议上. — URL: https://www.gov.cn/gongbao/2025/issue_11946/202503/content_7015861.html (дата обращения: 28.05.2026).

2. Ли Цян. Доклад о работе Правительства КНР 5 марта 2025 года на 3-й сессии Всекитайского Собрания народных представителей 14-го созыва (русский язык) / Институт истории КПК и документирования. = 李强. 政府工作报告（俄文版）. 中央党史和文献研究院译.2025年

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика : учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова. — Екатеринбург : УрГПУ, 2011. — 251 с. — EDN QOOEYH.

2. Буряковская, А. А. Лексические особенности языка политики / А. А. Буряковская, Т. А. Туркова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2009. — № 2. — С. 215–219. — EDN LADYKL.

3. Воробьева, О. И. Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи : моногр. / О. И. Воробьева. — Архангельск : Пом. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2000. — Ч. 2. — 119 с. — ISBN 5-88086-213-5.

4. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. — 2002. — № 3. — С. 31–44. — EDN BAZKIF.

5. Крючкова, Т. Б. Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции / Т. Б. Крючкова — Москва : Едиториал УРСС, 2000. — 392 с. — ISBN 5-8360-0089-1.

6. Степень, М. А. Политические термины с китайской спецификой: особенности и методы перевода с китайского на русский язык (на материале доклада Си Цзиньпина на XX съезде КПК) / М. А. Степень, Х. Лю // Политическая лингвистика. — 2023. — № 5(101). — С. 33–47. — EDN FGHDCZ.

7. Ху, Гуминн. Перевод политической лексики с китайской спецификой на русский язык в свете теории функциональной эквивалентности (на примере третьего тома книги «Си Цзиньпин о государственном управлении») / Ху Гуминн, Юань Жунцзэ // Мир русскоговорящих стран. — Ярославль, 2023. — С. 45–65. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-politicheskoy-leksiki-s-kitayskoy-spetsifikoy-na-russkiy-yazyk-v-svete-teorii-funktsionalnoy-ekvivalentnosti-na-primere.

8. 成国玉, 张军. 中国特色词汇翻译方法研究:以2021年《政府工作报告为例》[J].汉字文化, 2021 (12):131–133页. = Чэн, Гоюй. Исследование методов перевода лексики с китайской спецификой: на примере «Докладе о работе Правительства КНР 2021» / Чэн Гоюй, Чжан Цзюнь // Культура китайских иероглифов. — Пекин. — 2021. — № 12. — С. 131–133.

9. 鲍晓英.中国文化“走出去”之译介模式探索——中圆外文局副局长兼总编辑黄友义访谈录.中国翻译.2013 (5;62–65页). = Бао, Сяоин. Исследование моделей перевода и распространения китайской культуры за рубежом: интервью с заместителем директора Китайского внешнеиздательского объединения и главным редактором Хуан Юи / Бао Сяоин // Китайский переводчик. — 2013. — № 5. — С. 62–65.

10. 高梦雯、胡冬林、张春慧. 对外传播视角下中国特色词汇英译探究——以2023年《政府工作报告》为例[J]. 芜湖职业技术学院学报. 2024, 26(01):60–64页. = Гао, Мэнвэнь. Исследование перевода лексики с китайской спецификой на английский язык с точки зрения внешней коммуникации: на примере «Доклада о работе Правительства КНР 2023» / Гао Мэнвэнь, Ху Дунлинь, Чжан Чуньхуэй // Вестник Ухуского профессионально-технического института. — Уху. — 2024. — Т. 26. — № 1. — С. 60–64.

11. 陆丽莉.中国特色词汇在英语和俄语新闻中的翻译比较. — 北京外国语大学, 2014. 31页. = Лу, Лили. Сравнительный анализ перевода лексики с китайской спецификой в новостях на английском и русском языках / Лу Лили. — Пекин : Пекинский институт иностранных языков, 2014. — 31 с.

12. 秦萌遥. 目的论翻译理论视角下中国特色词汇俄译研究——以《2022年国务院政府工作报告》俄译本为例[J]. 西部学刊, 2023 (06) :91–94 页. = Цинь, Мэнъяо. Исследование перевода лексики с китайской спецификой на русский язык с позиций теории телеологии: на примере русского перевода «Доклада о работе Правительства КНР — 2022» / Цинь Мэнъяо // Вестник Западного Китая. — Шэньси. — 2023. — № 6. — С. 91–94.

13. 张嘉彧.《政府工作报告》中国特色政治性词汇翻译策略探析[J].海外英语,2021(6):77–78页. = Чжан, Цзяюй. Анализ стратегий перевода политической лексики с китайской спецификой в «Докладе о работе Правительства КНР» / Чжан Цзяюй // Английский язык за рубежом. — Аньхой, 2023. — № 6. — С. 77–78.

14. 郑述谱. 当代中国俄语名家学术文库 郑述谱集[M]. 哈尔滨：黑龙江大学出版社, 2011, 第198页. = Чжэн, Шупу. Академическая библиотека современных выдающихся российских лингвистов Китая. Сборник трудов Чжэн Шупу / Чжэн Шупу. — Харбин : Изд-во Хэйлунцзянского ун-та, 2011. 198 с.

MATERIALS

1. Li Qiang (2025). Report on the Work of the Government of the People's Republic of China (delivered on March 5, 2025, at the 3rd session of the 14th National People's Congress). Available at May 28, 2026 from https://www.gov.cn/gongbao/2025/issue_11946/202503/content_7015861.html.

2. Li Qiang (2025). Report on the Work of the Government of the People's Republic of China on March 5, 2025, at the 3rd session of the 14th National People's Congress (Russian language). CPC History and Documentation Institute.

REFERENCES

1. Budaev, E. V., Voroshilova, M. B., Dziuba E. V., Krasilnikova, N. A. (2011). Sovremennaya politicheskaya lingvistika = Modern Political Linguistics. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 267 p.

2. Buryakovskaya, A. A., Turkova, T. A. (2009). Leksicheskie osobennosti yazyka politiki = Lexical Features of the Language of Politics. *Proceedings of Tula State University. Humanities*, *2*, 215–219.

3. Vorobyeva, O. I. (2000). Politicheskaya leksika. Ee funktsii v sovremennoy ustnoy i pis′mennoy rechi = Political Lexicon. Its Functions in Modern Spoken and Written Speech. Monograph. Arkhangelsk: Pomor State University named after M. V. Lomonosov. Part 2, 119 p.

4. Demyankov, V. Z. (2002). Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii = Political Discourse as an Object of Political Philology. *Political Science*, *3*, 31–44.

5. Kruchkova, T. B. (2000). Yazyki Rossiyskoy Federatsii i novogo zarubezh′ya. Status i funktsii = Languages of the Russian Federation and the New Abroad. Status and Functions. Moscow: Editorial URSS, 392 p.

6. Stepen, M. A., Liu Hong. (2023). Politicheskie terminy s kitayskoy spetsifikoy: osobennosti i metody perevoda s kitayskogo na russkiy yazyk (na materiale doklada Si Tszin′pina na KHKH s″ezde KPK) = Political Terms With Chinese Specificity: Typical Features and Methods of Translation From Chinese Into Russian (Based on the Material of Xi Jinping's Report at the XX Congress of the Communist Party of China). *Political Linguistics*, *5*, 33–47.

7. Hu, Guming, Yuan, Rongjie (2023). Perevod politicheskoy leksiki s kitayskoy spetsifikoy na russkiy yazyk v svete teorii funktsional′noy ehkvivalentnosti (na primere tret′ego toma knigi «Si Tszin′pin o gosudarstvennom upravlenii») = Translation of Political Lexicon with Chinese Specificity into Russian in the Light of Functional Equivalence Theory (using the third volume of Xi Jinping on State Governance as an example). *The World of Russian-Speaking Countries*, 45–65. Yaroslavl.

8. Chen, Guoyu, Zhang, Jun (2021). A Study of Translation Methods for Lexicon with Chinese Specificity (using the 2021 Report on the Work of the Government of the People's Republic of China as an example). *Culture of Chinese Characters*, *12*, 131–133. Beijing. (In Chinese)

9. Bao, Xiaoying (2013). A Study of Models for Translating and Disseminating Chinese Culture Abroad: Interview with the Deputy Director of China Foreign Languages Publishing Administration and Chief Editor Huan Wei. *Chinese Translator*, *5*, 62–65. (In Chinese)

10. Gao, Mengwen, Hu, Donglin, Zhang, Chunhui (2024). A Study of the Translation of Lexicon with Chinese Specificity into English from the Perspective of International Communication (using the 2023 Report on the Work of the Government of the People's Republic of China as an example). *Bulletin of Wuhu Vocational and Technical College*, *26*(1), 60–64. Wuhu. (In Chinese)

11. Lu, Lili (2014). Translation ratio of vocabulary with Chi nese characteristics in English and Russian news. Pekin: Pekinskij institut inostrannyh yazykov. (In Chinese)

12. Qin, Mengyao (2023). A Study of the Translation of Lexicon with Chinese Specificity into Russian from the Perspective of Teleology (using the Russian translation of the 2022 Report on the Work of the Government of the People's Republic of China as an example). *Bulletin of West China*, *6*, 91–94. Shaanxi. (In Chinese)

13. Zhang, Jiayu (2023). An Analysis of Translation Strategies for Political Lexicon with Chinese Specificity in the Report on the Work of the Government of the People's Republic of China. *English Abroad*, *6*, 77–78. Anhui. (In Chinese)

14. Zheng, Shupu (2011). Academic Library of Modern Outstanding Russian Linguists in China. Collection of Works by Zhen Shupu. Harbin: Heilongjiang University Press, 198 p. (In Chinese)

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.581'42+81'25+81'27
ББК Ш171.1-51+Ш118+Ш100.62 *ГРНТИ 16.31.41* *Код ВАК 5.9.8*

Ян Шичжан[1]✉, Ли Юнь[2]✉

[1,2] Шанхайский университет иностранных языков, Шанхай, Китай
[1] yangshizhang@shisu.edu.cn✉, https://orcid.org/0000-0001-6044-5712
[2] liyun19931026@163.com✉, https://orcid.org/0009-0009-9992-7036

Перевод политического дискурса в аспекте культурологического переводоведения

АННОТАЦИЯ. *Исследования в области перевода культурной информации в политическом дискурсе в настоящее время сталкиваются с рядом проблем, в том числе с чрезмерным акцентом на явных культурных элементах в ущерб скрытым, отсутствием методологии перевода культурем в политическом дискурсе и игнорированием специфической политической терминологии в рамках культурологически ориентированного переводоведения. Данная статья посвящена переводу на русский язык китайского политического дискурса в аспекте культурологического переводоведения. В качестве практического материала используются переводы на русский язык I–IV томов собрания сочинений «Си Цзиньпин о государственном управлении». Согласно теоретическим постулатам культурологического переводоведения, политический дискурс сам по себе представляет собой макрокультурему, охватывающую различные микрокультуремы. Культуремы в политическом дискурсе разделяются по пяти уровням: текст, сверхфразовое единство, предложение, словосочетание и слово. И в зависимости от того, обладают ли культуремы образностью, микрокультуремы в тексте классифицируются на образные и необразные. С опорой на эти положения в данной статье обсуждаются различные приемы перевода необразных культурем и исследуются методы сохранения образности при переводе образных культурем. Подход к переводу политического дискурса с точки зрения культурологического переводоведения позволяет более полно интерпретировать его культурные характеристики и способствует более точной передаче разнообразных культурных фактов, заложенных в указанном дискурсе.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, китайский язык, китайские политики, лингвокультурология, перевод политического дискурса, культурологическое переводоведение, переводческая деятельность, русский язык, русские переводы, культурема, переводческие приемы, межкультурная интерпретация.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Ян Шичжан, доктор филологических наук, профессор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китай, email: yangshizhang@shisu.edu.cn.*

Ли Юнь, докторантка Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китай, email: liyun19931026@163.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Ян, Ш.* Перевод политического дискурса в аспекте культурологического переводоведения / Ян Шичжан, Ли Юнь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 304-315.

Yang Shizhang[1]✉, Li Yun[2]✉

[1,2] Shanghai International Studies University, Shanghai, China
[1] yangshizhang@shisu.edu.cn✉, https://orcid.org/0000-0001-6044-5712
[2] liyun19931026@163.com✉, https://orcid.org/0009-0009-9992-7036

Political Discourse Translation from the Perspective of Cultural Translatology

ABSTRACT. *Research in the field of cultural information translation in political discourse currently faces a number of problems, including an excessive focus on explicit cultural elements at the expense of implicit ones, a lack of methodology for cultural translation in political discourse, and the exclusion of specific political terminology from cultural translation studies. This paper is devoted to the translation of Chinese political discourse into Russian from the perspective of cultural translatology. The practical research material includes translations of volumes I–IV of the book "Xi Jinping: The Governance of China" into Russian. According to the theory of cultural translatology, political discourse itself is a macro-cultureme that encompasses various micro-culturemes. The culturemes in political discourse are divided into five levels: text, supra-phrasal unity, sentence, phrase, and word. According to the ability to express figurative meanings, micro-culturemes in the text are classified as figurative and non-figurative. Drawing on these ideas, the paper discusses various techniques of translation of non-figurative culturemes and explores the methods of preservation of figurative semantics while translating figurative culturemes. The approach to translating political discourse from the perspective of cultural translatology allows the translator to provide a more complete interpretation of its cultural characteristics and contributes to a more accurate translation of the diverse cultural facts embedded in this discourse.*

© Ян Шичжан, Ли Юнь, 2026

KEYWORDS: *political discourse, political texts, Chinese language, Chinese politicians, linguoculturology, political discourse translation, cultural translatology, translation, Russian language, Russian translations, cultureme, translation techniques, intercultural interpretation.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yang Shizhang, Doctor of Philology, Professor of School of Russian and Eurasian Studies, Shanghai International Studies University; Shanghai, China.*

Li Yun, Doctoral Student of School of Russian and Eurasian Studies, Shanghai International Studies University; Shanghai, China.

FOR CITATION: *Yang Shizhang, Li Yun*. (2026). Political Discourse Translation from the Perspective of Cultural Translatology. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 304-315. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Политический дискурс (political discourse) как термин преимущественно используется в политической лингвистике. «Политическая лингвистика как самостоятельное научное направление возникла во второй половине XX в.» [Чудинов 2006: 11]. В исследованиях российской политической лингвистики предметом изучения является политический дискурс, или, иначе говоря, политическая коммуникация. «В настоящее время в российской лингвистической науке термин „политический дискурс“ понимается как в узком, так и в широком смысле» [Цзян Чуньли, Ян Кэ 2013]. Российский ученый А. Н. Баранов определяет политический дискурс как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискурссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов 1991: 6]. При таком узком понимании политический дискурс ограничивается институционализированными формами общения. Е. И. Шейгал полагает, что «нам представляется логичным исходить из широкого понимания политической коммуникации и включать в нее любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [Шейгал 2004: 23]. Такое понимание открывает более широкие исследовательские перспективы для анализа политического дискурса, поэтому в данной статье принимается широкое понимание политического дискурса.

Проблема перевода культурной информации в политическом дискурсе уже давно привлекает внимание научного сообщества [У Вэньянь 2014; Линь Жун, Линь Дацзинь 2016; Чжао Цзин, Чжао Цюжун 2019]. Исследователи осознают, что перевод политического дискурса представляет собой не только языковую трансформацию, но и процесс «культурной трансплантации». Однако в существующих исследованиях перевод культурной информации еще не был полноценно выделен в качестве одной из ключевых составляющих перевода политического дискурса. Во-первых, большинство научных работ сосредоточено на анализе конкретных случаев на уровне слов и предложений (например, культурно-маркированная лексика, идиомы и крылатые слова, исторические аллюзии и стихи и т.д.), демонстрируя явную тенденцию к приоритету «явного» над «имплицитным». Более того, характерные политические термины и актуальная политическая лексика, которые наиболее ярко отражают особенности китайской политической культуры, также не стали центральным объектом исследований перевода политического дискурса (например, «精准扶贫» (оказывать адресную и точечную помощь нуждающемуся населению), «全过程人民民主» (всеобъемлющая народная демократия) и др.). Во-вторых, обсуждение принципов и методов перевода остается на уровне общих подходов к переводу, систематизация и обобщение переводческих приемов недостаточны. Большинство исследований ограничиваются простым применением и дискуссиями о достоинствах и недостатках тех или иных приемов, таких как, например, «буквальный перевод», «буквальный перевод с пояснением», «вольный перевод», «доместикация» и «форенизация», не создавая четкую, многоуровневую и практико-ориентированную систему переводческой методологии. В данной статье объектом исследования выступают культуремы в китайском политическом дискурсе. На основе типичных примеров из томов I–IV «Си Цзиньпин о государственном управлении» работа фокусируется на проблеме перевода культурной информации в китайском политическом дискурсе. Преодолевая ограниченность существующих исследований, чрезмерно сконцентрированных на культуремах на уровне слов или словосочетаний, и исходя из иерархической системы культурем, статья предлагает систематическое исследование приемов перевода культурем в политическом дискурсе.

2. ТИПЫ И ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЕМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Политический дискурс сам по себе обладает культурной природой. Теория «насыщенного описания» (англ. thick description),

предложенная американским антропологом К. Гирцем (Clifford Geertz) в сборнике «Интерпретация культур» (*The Interpretation of Cultures*) (1973), служит методологическим основанием для интерпретации политических текстов с культурологической точки зрения. Более того, в знаменитой главе этого сборника «Идеология как культурная система» (Ideology As a Cultural System) Гирц рассматривает идеологию как «культурную систему» (cultural system), которая наряду с религией, искусством и другими сферами относится к символической сети социальных значений. «Политика страны отражает конструктивные особенности ее культуры» [Гирц К. 2014: 368]. В этом заключается ключ к пониманию культурной природы политических текстов: политический язык, символы и нарративы не существуют изолированно, а являются отражением «конструктивных особенностей культуры» данной нации или государства. Таким образом, интерпретация и перевод политических текстов сталкиваются с фундаментальной проблемой, что они не просто языковая трансформация, а интерпретация культурной системы. С этой целью Гирц предлагает аналитический подход, включающий семиотическое декодирование, контекстуальную реконструкцию и диалектику функции и значения, направленный на точное «насыщенное описание» и эффективную трансляцию иной культурной системы.

2.1. Типы культурем в политическом дискурсе

Культурологическое переводоведение является самостоятельной дисциплиной в рамках китайского переводоведения [Ян Шичжан 2024]. В свете культурологического переводоведения политический дискурс в силу своей культурной природы и содержания, выражающего различные реалии, может рассматриваться как текстовая культурема. «Культурема в переводе может быть определена как языковая единица исходного языка, которая выражает реалию или воспринимается при помощи реалии» [Ян Шичжан 2020: 88]. Будучи единицей перевода культур, культурема отражается в виде языковой единицы при реальной языковой трансформации. «Следовательно, подобно языковым единицам, единицы перевода культур также обладают иерархичностью» [Ян Шичжан 2020: 87]. По нисходящей иерархии культуремы подразделяются на уровни текста, сверхфразового единства, предложения, словосочетания и слова. Культурема-текст представляет собой политический дискурс как самостоятельный текст (макрокультурема); а остальные четыре типа культурем являются микрокультуремами, существующими в рамках культуремы-текста.

1) Культурема-слово

«Культурема-слово — это культурема, выраженная посредством слова» [Ян Шичжан 2020: 89]. Например:

(1) 新民主主义革命时期，党团结带领广大农民“打土豪、分田地”……[Xi Jinping 2022: 126]

Перевод: *В период новодемократической революции партия сплотила и повела за собой крестьян, чтобы экспроприировать* ***тухао*** *и делить наделы между крестьянами...* [Си Цзиньпин 2023: 177]

В приведенном примере понятие «土豪» (тухао) было специфически китайским. Оно обозначает класс помещиков в сельской местности, эксплуатировавших крестьян за счет монополии на землю и ростовщичества и вступающих в сговор с местными властями. Именно этот класс был одной из главных мишеней революционной борьбы. В данном случае применение транскрипции обусловлено двумя причинами: во-первых, отсутствием понятийного эквивалента в русском языке; во-вторых, транскрипция позволяет сохранить целостное политическое содержание термина в контексте китайской революции и избежать его упрощенного отождествления с такими понятиями, как «нувориш» или «богач».

2) Культурема-словосочетание

«Культурема-словосочетание представляет культурему, выраженную посредством словосочетания» [Ян Шичжан 2020: 89]. Например:

(2) 决胜全面建成小康社会，为全面建成小康社会圆满收官，是当前和今后一个时期党和国家的首要任务。[Xi Jinping 2020: 147]

Перевод: *Добиться решающей победы в полном построении* ***среднезажиточного*** *общества и успешно завершить финальную часть полного построения среднезажиточного общества — это первостепенная задача партии и государства в нынешнее время и последующий период* [Си Цзиньпин 2021: 215].

В приведенном выше примере «小康社会» представляет собой китайскую культурему, сформированную словосочетанием, обозначающую цель развития, которую Китай достиг к 2020 году. В русском переводе используется прием калькирования, при котором слово «小康» передается как «среднезажиточный», а слово «社会» — как «общество», образуя тем самым новое понятие «среднезажиточное общество» для выражения китайской культуремы «среднезажиточное общество».

3) Культурема-предложение

«Культурема-предложение является культуремой, носителем которой является предложение» [Ян Шичжан 2020: 89]. Например:

(3) 中国共产党领导的多党合作和政治协商制度是我国的一项基本政治制度。[习近平 2020: 293]

Перевод: ***Система многопартийного сотрудничества и политических консультаций, функционирующая под руководством КПК, является одной из составляющих базы политической системы нашей страны*** [Си Цзиньпин 2021: 440].

В приведенном примере целое предложение репрезентирует китайскую реалию. «Система многопартийного сотрудничества и политических консультаций, функционирующая под руководством КПК» формировалась и совершенствовалась в многолетней практике революции, развития и реформ. Коммунистическая партия Китая (КПК) как правящая партия и восемь демократических партий, не оппозиционных, а участвующих в политической жизни, придерживаются принципа «длительного сосуществования и взаимного контроля, полной искренности друг к другу и готовности делить славу и позор». Данная культурема-предложение содержит еще более глубокий культурный смысл, отражая такие традиционные ценности китайской нации, как «Поднебесная есть всеобщее достояние», «толерантность и инклюзивность», «стремление к единению при сохранении различий». В переводе оборот «中国共产党领导的» не был передан просто как «под руководством КПК», а дополнительно использовалось действительное причастие «функционирующая», чтобы подчеркнуть динамическую связь между «руководством», «сотрудничеством» и «консультациями».

4) Культурема — сверхфразовое единство

«Культуремой-сверхфразовым единством является культурема, выраженная посредством сверхфразового единства» [Ян Шичжан 2020: 90]. Например:

(4) 二是全方位贯彻“四水四定”原则。要坚决落实以水定城、以水定地、以水定人、以水定产，走好水安全有效保障、水资源高效利用、水生态明显改善的集约节约发展之路。[Xi Jinping 2022: 368-369]

Перевод: ***Второе, всесторонне реализовать принцип «определения градостроительства, землепользования, развития населения и промышленного развития с учетом местных условий водных ресурсов», идти по пути интенсивного и экономического развития, который характеризуется эффективным обеспечением водной безопасности, высокоэффективным использованием водных ресурсов и заметным улучшением водной системы*** [Си Цзиньпин 2023: 544].

Данный пример представляет собой сверхфразовую культурему, состоящую из двух органически связанных предложений. В ней разъясняется целостная концепция управления водными ресурсами, формируя такой замкнутый цикл: «концепция — действие — цель». Выражение «四水四定» относится к типичной культуреме китайского политического дискурса — политической лексике. В данной цифровой аббревиатуре слово «水» (вода) выступает как существительное, при этом «四水» не означает «четыре вида воды», а обозначает комплексную водную ситуацию, включающую пропускную способность водных ресурсов, особенности их распределения, уровень их обеспечения и другие показатели. Слово «定» (определять) является глаголом, и «四定» означает не «четыре акта определения», а планирование и лимитирование градостроительства, землепользования, развития населения и промышленного развития на основе водных ресурсов как ограничительного фактора. Поскольку буквальный перевод выражения «四水四定» в значительной степени оторван от конкретного содержания данной политики, второе предложение исходного текста конкретизирует содержание данного выражения. Поэтому при переводе можно непосредственно опустить выражение «四水四定» и перевести оба предложения как одно целое.

2.2. Функции культурем в политическом дискурсе

Политический дискурс содержит в себе различные культуремы, которые играют важную роль. Их функции концентрированно проявляются в двух основных измерениях — референциальной и эстетической функции. Референциальная и эстетическая функции не являются взаимно независимыми и изолированными друг от друга; напротив, они находятся в отношении взаимной обусловленности и органического дополнения. Их неразрывное единство формирует как смысловую структуру политического дискурса, так и его коммуникативный эффект.

Референциальная функция является базовой функцией языка и составляет основу смыслового выражения политического дискурса. Референциальная функция культурем

в политическом дискурсе заключается главным образом в том, что они как языковые знаки способны точно и эффективно передавать конкретные политические концепции, теории, меры политики или институты, тем самым выполняя роль обозначения, определения и передачи ключевой информации в процессе коммуникации в политическом дискурсе. В качестве примера можно привести перевод на русский язык культуремы-словосочетания «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества). Культурема «全面建成小康社会» является ключевым концептом в теоретической системе и практике социализма с китайской спецификой, а также первой вехой в достижении целей борьбы, намеченных к «двум столетним юбилеям». Слово «小康» (сяокан) является уникальным для китайской культуры понятием, которое не сводится к простым понятиям — «богатству» или «достатку», а подразумевает также «процветание» в социальной и культурной сферах. В связи с этим перевод термина как «среднезажиточный» является вполне обоснованным и точным.

Культурная информация в политическом дискурсе включает в себя как исторические традиции и ценностные ориентации нации, так и лингвокультурные особенности, коллективную память и духовные символы. Эти элементы не только усиливают эмоциональную привлекательность и близость политического дискурса, но и благодаря уникальным способам эстетической репрезентации реализуют коммуникативный эффект «воплощения идеи через красоту», позволяя читателям воспринимать политические идеи через эмоциональное сопереживание и укреплять политическую идентичность посредством культурной идентичности. Эстетическая функция привносит в политический дискурс эмоциональную силу; посредством таких языковых операций, как использование стилистических средств и внедрение культурных образов, она наделяет политический дискурс эстетическим качеством, придавая изначально строгому и формальному политическому содержанию эмоциональную выразительность и вызывая отклик. Исторические нарративы в составе культурной информации также способны формировать консенсус в политическом восприятии через эстетизированную репрезентацию. Например, на Центральном рабочем совещании по оказанию помощи в развитии бедных районов Си Цзиньпин заявил: «我们要立下愚公移山志，咬定目标、苦干实干，坚决打赢脱贫攻坚战……» [Xi Jinping 2017: 83]. В русском переводе данная фраза передана так: «Мы должны проникнуться такой решимостью, с какой Юй-гун передвинул гору, поставить перед собой жесткие цели, работать упорно и по-деловому, чтобы выиграть эту битву...» [Си Цзиньпин 2018b: 112]. Здесь используется традиционная притча «愚公移山» (Юй-гун передвинул гору), в которой низовые кадры и народные массы в борьбе с бедностью уподобляются «современным Юй-гунам». История «Юй-гун передвинул гору» как эстетический нарратив в традиционной китайской культуре, символизирующий «настойчивость и веру в то, что человек может победить природу», давно известна аудитории своей повествовательностью и эмоциональностью. Воспринимая эстетическую ценность «духа Юй-гуна», люди естественным образом осознают трудность и необходимость борьбы с бедностью, формируя консенсус о необходимости «выиграть эту битву». В русском переводе к устойчивой культуреме-словосочетанию «Юй-гун передвинул гору» применен прием буквального перевода, что позволяет непосредственно передать уникальный и общий для китайской культуры духовный символ, избегая «культурного дисконта». Таким образом, даже читатели, не знакомые с тем, кто такой Юй-гун и зачем он передвигал гору, может найти ответ в последующей части предложения.

В китайском политическом дискурсе часто цитируются классические изречения из древней литературы. Это служит важным проявлением сочетания лучших традиций китайской культуры и современных концепций государственного управления, что не только демонстрирует гордость за культуру, но и придает политическим концепциям историческую глубину, культурное содержание и духовную притягательность, формируя эстетическое пространство преемственности цивилизации. Более того, язык древней литературы, отточенный веками, способен передать богатое содержание в предельно сжатой форме, исключая избыточность выражений в политическом дискурсе. Замена прямого нравоучения метафорами или аллюзиями также придает китайскому политическому дискурсу восточную эстетику сдержанности и скрытой выразительности. Эстетическая функция культурем в политическом дискурсе проявляется также в их способности «пробуждать сегодня сопереживание при помощи классических чувств», вознося политические взгляды от рационального восприятия до эмоциональной идентификации. Например, китайцы с детства хорошо знакомы с такими выражениями, как «天下兴亡, 匹夫有责» (Каждый человек отвечает за судьбу страны), «己所不欲, 勿施于人» (Не делать другим того, чего себе не жела-

ешь). При цитировании подобных фраз в политическом дискурсе быстро активируется чувство сопричастности к судьбе Родины у читателей, превращая патриотизм из лозунга в ценностный выбор. Тем самым формируется эстетическая связь ценностной идентификации.

3. ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРЕМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Из вышеизложенного следует, что культуремы в политическом дискурсе выполняют либо референциальную, либо эстетическую функцию. Соответственно, культуремы подразделяются на безóбразные и образные.

3.1 Приемы перевода безобразных культурем

Безóбразные культуремы выполняют в политическом дискурсе преимущественно референциальную функцию. Перевод данной категории культурем, как правило, требует передачи их денотативного значения. В определенном контексте для облегчения понимания читателем допускается добавление соответствующей фоновой информации или регулировка семантического объема значения. В связи с этим при переводе необходимо использовать различные приемы.

1) Транскрипция

(5) “人均一亩三分地、户均不过十亩田”，是我国许多地方农业的真实写照。[Xi Jinping 2020: 259]

Перевод: *В среднем, на каждого отдельного крестьянина приходится 1,3* ***му*** *земли, а на каждую крестьянскую семью — не больше 10* ***му*****. Эти цифры образно и точно обрисовывают ситуацию в сфере сельского хозяйства во многих районах нашей страны*. (****Му — единица измерения площади, 1 му равняется 0,6667 га***.) [Си Цзиньпин 2021: 389–390, 395]

В вышеприведенном примере лексическая культурема «亩» (му), являясь традиционной единицей измерения площади, уходящей корнями в агрокультурную систему и земельное законодательство Китая, находится в глубинной связи с китайской агрокультурой. В системах мер русскоязычных регионов используются такие единицы, как «гектар», «квадратный метр», и в них отсутствует полный эквивалент китайской единицы «му». В переводе используется прием транскрипции с комментарием, в результате чего сохраняется культурный идентификатор исходного языка и реализуется компенсация информации.

2) Сочетание транскрипции и вольного перевода

«Сочетание транскрипции и вольного перевода — это прием перевода, при котором часть культуремы исходного языка передается путем транскрипции, а другая часть — путем вольного перевода» [Ян Шичжан 2020: 127]. Например:

(6) 为了拯救民族危亡，中国人民奋起反抗，仁人志士奔走呐喊，太平天国运动、戊戌变法、义和团运动、辛亥革命接连而起……[Xi Jinping 2022: 4]

Перевод: *Во имя спасения нации от гибели китайский народ смело поднялся на сопротивление, самоотверженные борцы и высокоидейные патриоты без устали призывали к борьбе, одно за другим следовали движение тайпинов, реформы 1898 года,* ***движение ихэтуаней*** *и революция 1911 года*... [Си Цзиньпин 2023: 4]

В вышеприведенном примере при переводе культуремы-словосочетания «义和团运动» применен прием «сочетание транскрипции и вольного перевода». Транскрипция компонента «义和团» исключает неверную интерпретацию культурного содержания, в то время как вольный перевод компонента «运动» в виде слова «движение» повышает удобочитаемость текста.

3) Калькирование

«Калькирование — это переводческий прием, при котором вольно переводятся составные части (морфемы или слова) культурем исходного языка, в результате чего создается неологизм в форме слова или словосочетания» [Ян Шичжан 2020: 128]. Например:

(7) 覆盖城乡居民的社会保障体系基本建立，人民健康和医疗卫生水平大幅提高，保障性住房建设稳步推进。[Xi Jinping 2020: 4]

Перевод: *В основном была создана система социального обеспечения, охватывающая как городское, так и сельское население. Значительно повысился уровень здоровья населения и уровень медицинского обслуживания и здравоохранения. Уверенно продвигалось вперед строительство* ***гарантированного жилья*** [Си Цзиньпин 2021: 207].

Термин «保障性住房» (гарантированное жилье) обозначает категорию жилья, которое планируется, строится под руководством правительства или поддерживается государственным бюджетом, основная цель которого — обеспечение базовых жилищных потребностей. Оно предоставляется группам с низкими и средними доходами, семьям, испытывающим жилищные трудности, или определенным категориям граждан, нуждающихся в поддержке. Данный вид жилья ха-

рактеризуется «низкой ценой, низкой арендной платой или ограниченными правами собственности» и включает в себя различные формы: общественное арендное жилье, жилье с низкой стоимостью аренды, жилье по доступной цене, жилье с фиксированной ценой, жилье с совместным владением права собственности на недвижимое имущество, гарантированное арендное жилье и другие. Термин «保障性住房» (гарантированное жилье) относится к политической лексике с китайской спецификой и по своей сути является воплощением «концепции развития, в которой народ занимает центральное место» в сфере социального благосостояния населения. В русском переводе применяется прием калькирования, при котором термин переведен дословно в соответствии со структурой исходного словосочетания, что привело к образованию нового выражения в русском языке. Гарантированное жилье в Китае отличается от «социального жилья» в России как по типам, так и по основной направленности и механизмам реализации. Однако их объединяет общая цель — обеспечение базовых жилищных потребностей. Таким образом, использование приема калькирования позволяет читателям перевода понять функцию гарантированного жилья в Китае.

4) Вольный перевод

«Вольный перевод — это такой прием перевода, при котором реалия, выраженная культуремой исходного языка, передается соответствующими словами переводного языка» [Ян Шичжан 2020: 129]. Например:

(8) 要防止社会阶层固化，畅通向上流动通道，给更多人创造致富机会，形成人人参与的发展环境，避免“内卷”、“躺平”。[Xi Jinping 2022: 142]

Перевод: *Необходимо предотвращать окостенелость социальных страт, обеспечить движение социальных лифтов, предоставлять еще большему числу людей возможности достижения достатка, создавать среду развития, привлекающую к участию всех граждан, избегая инволюции и* ***социальной апатии*** [Си Цзиньпин 2023: 204–205].

В вышеприведенном примере понятие «躺平» (танпин) обозначает индивидуальный выбор субъекта принять жизненные трудности с покорностью, занимая «приниженную позицию» и руководствуясь «низкими потребностями», с целью достижения внутренней гармонии и спокойствия. Данный феномен представляет собой коллективное дискурсивное выражение, отражающее реакцию современного молодого поколения Китая на социальную реальность. Социальное давление, острая конкуренция на рынке труда и широко распространенное ощущение бессилия являются ключевыми факторами, порождающими феномен «социальной апатии». «Социальная апатия», как форма молодежной субкультуры, вызвала широкий общественный резонанс в китайском обществе. При переводе на русский язык был использован прием вольного перевода: «躺平» (танпин) передано как «социальная апатия». Такой вариант перевода точно отражает коллективность и негативность данного социального настроя.

5) Приблизительный перевод

«Приблизительный перевод — прием перевода, при котором реалия, выраженная культуремой исходного языка, передана наиболее близкой реалией языка перевода, то есть аналогом» [Ян Шичжан 2020: 129]

(9) 2008年国际金融危机爆发，2000多万农民工返乡。[Xi Jinping 2022: 194]

Перевод: *Когда в 2008 году разразился международный финансовый кризис, на свою малую родину вернулись более 20 млн* ***крестьян-мигрантов*** [Си Цзиньпин 2023: 278].

В китайском контексте культурема «农民工» (крестьяне-мигранты) обозначает специфическую социальную группу, сформировавшуюся на пересечении дуальной системы городской и сельской прописки и процессов индустриализации и урбанизации. Ее содержание выходит за рамки буквального сочетания «крестьянин + рабочий», становясь ключевым символом для понимания современной китайской социальной трансформации, развития городов и сельской местности, а также обеспечения народного благосостояния. Данная группа сталкивалась с такими проблемами, как дискриминация в сфере труда, недостаточное социальное обеспечение, трудности с получением образования для детей и жилищные проблемы, что делает ее центральным объектом внимания в области народного благосостояния и социального управления. Поскольку в российском контексте не существует полного эквивалента «农民工», в приведенном примере перевод данной культуремы как «крестьяне-мигранты» представляет собой типичный прием приблизительного перевода, что позволяет достичь баланса между точностью и удобочитаемостью перевода.

6) Описательный перевод

«Описательный перевод заключается в использовании развернутого словосочетания или описательной конструкции для объяснения реалии, выраженной культуремой исходного языка» [Ян Шичжан 2020: 130]. Например:

(10) 古人讲，“夫孝，德之本也”。[Xi Jinping 2020: 344]

Перевод: *Наши предки говорили: «**Быть почтительным и почитать родителей** — это основа нравственности и добродетельности»* [Си Цзиньпин 2021: 515].

Концепт «孝» (сяо, сыновняя почтительность) является одним из ключевых этических понятий в традиционной китайской культуре. Его содержание чрезвычайно многообразно: оно включает как материальную поддержку родителей, так и духовные аспекты — послушание, уважение и любовь к ним. В древнем китайском обществе категория «孝» по отношению к семье была экстраполирована в категорию «忠» (верность) по отношению к государству, став основополагающей нравственной нормой, поддерживающей социальный порядок. Исходное выражение «夫孝，德之本也» взято из канонического трактата «Сяо цзин» («Канон сыновней почтительности») и представляет собой программное положение конфуцианской этики. В русском переводе применен прием описательного перевода, понятие «孝» передано как «быть почтительным и почитать родителей», что охватывает основное культурное содержание данной культуремы.

7) Внутритекстовое добавление

«Внутритекстовое добавление представляет собой добавление пояснительной информации в тексте перевода при буквальном переводе культуремы исходного языка» [Ян Шичжан 2020: 137]. Например:

(11) 创新驱动发展战略大力实施，创新型国家建设成果丰硕，天宫、蛟龙、天眼、悟空、墨子、大飞机等重大科技成果相继问世。[Xi Jinping 2020: 3]

Перевод: *Активно реализовывалась стратегия стимулирования развития за счет инноваций, огромные успехи были отмечены в работе над созданием государства инновационного типа, в частности, один за другим были достигнуты важнейшие результаты научно-технической деятельности, такие как **космические лаборатории серии «Тяньгун»**, **батискаф «Цзяолун»**, **радиотелескоп «Тяньянь»**, **спутник для зондирования частиц темной материи «Укун»**, **экспериментальный спутник квантовой связи «Моцзы»**, широкофюзеляжные самолеты и т. д.* [Си Цзиньпин 2021: 4].

В приведенном примере для передачи наименований важнейших научно-технических достижений Китая, таких как «天宫» (Тяньгун), «蛟龙» (Цзяолун), «天眼» (Тяньянь), «悟空» (Укун), «墨子» (Моцзы), был использован прием внутритекстового добавления. Необходимость применения данного приема обусловлена тем, что при транскрипции читатель языка перевода не получает никакой содержательной информации. А чисто вольный перевод, хотя и способен передать научно-техническую информацию, привел бы к тому, что данные достижения были бы восприняты как обычные технические объекты, и нивелировал бы их значимость как уникальных, самостоятельно разработанных Китаем крупнейших научно-технических достижений, что привело бы к утрате культурного содержания, заложенного в их названиях. Таким образом, прием внутритекстового добавления одновременно предотвращает когнитивные затруднения, возможные при чистой транскрипции, и утрату культурных символов, возникающую при чисто вольном переводе.

8) Конкретизация

«Конкретизация как прием перевода заключается в переходе от родового понятия к видовому» [Ян Шичжан 2020: 139]. Например:

(12) “项目多、帽子多、牌子多”等现象仍较突出……[Xi Jinping 2020: 250]

Перевод: *...остро ощущаются такие явления, как «проектов слишком много, **шаблонов и ярлыков** слишком много, лозунгов и вывесок слишком много»*... [Си Цзиньпин 2021: 373]

В вышеприведенном примере слово «帽子» (досл. «шапка», «шляпа») обозначает различные академические звания, почетные титулы, а также в широком смысле — чрезмерное количество административных или академических титулов. Феномен «帽子多» (шаблонов и ярлыков слишком много) приводит к чрезмерной зависимости системы оценки специалистов от «титулов», а также к привязке «шаблонов и ярлыков» к ресурсам, что усиливает тенденцию к академизму, ориентированному на сиюминутную выгоду. В приведенном примере перевод слова «帽子» как «шаблоны и ярлыки» объединяет два семантических аспекта — окостеневшие парадигмы оценки и навязываемые ярлыки. «Шаблон» обозначает окостеневший стереотип, стандартизированные институциональные рамки и однообразную модель оценки, а «ярлык» подразумевает упрощенную категоризацию талантов и стереотип. Использование приема конкретизации позволяет точно передать смысловое содержание исходного языка.

9) Генерализация

«Генерализация заключается в переходе от видового понятия, выраженного культуремой исходного языка, к родовому» [Ян Шичжан 2020: 140]. Например:

(13) 从诗经、楚辞、汉赋，到唐诗、宋词、元曲、明清小说等，共同铸就了灿烂的中国文艺历史星河。[Xi Jinping 2017: 350]

Перевод: *Начиная с «Ши цзин» («Книги песен»), «Чуских строф», Ханских фу, и далее Танская, Сунская и Юаньская* ***поэзия****, прозаические произведения периодов Мин и Цин — все они сияют ярким светом, словно мириады звезд, в истории китайской литературы и искусства* [Си Цзиньпин 2018b: 505].

В вышеприведенном примере фигурируют две культуремы: «词» (цы) и «曲» (цюй). Сунские цы — это литературный жанр, достигший расцвета в эпоху Сун (960–1279 гг.). Первоначально цы создавались как тексты для песен, исполнявшихся под музыку, и впоследствии трансформировались в самостоятельную форму лирической поэзии. Юаньские цюй — литературный жанр, характерный для эпохи Юань (1271–1368 гг.), который включал в себя как драматические произведения (цзацзюй), так и стихотворные формы (саньцюй), предназначенные для музыкального исполнения и отличающиеся общедоступностью языка. В данном примере переводчик применил прием генерализации, объединив «Сунские цы» и «Юаньские цюй» вместе с «Танской поэзией» в единое родовое понятие «поэзия». Основанием для такого решения послужило то, что, несмотря на формальные различия, цы и цюй по своей сути принадлежат к классической китайской поэзии, представляя собой эволюционные формы поэтического творчества на разных исторических этапах. Применение транскрипции потребовало бы добавления большого количества пояснительных комментариев для раскрытия их понятия и формальных особенностей, что неизбежно привело бы к смысловой перегруженности текста. Исходный текст направлен на подчеркивание преемственности и многообразия китайской художественной традиции, а не на детальный анализ специфики каждого жанра. Гипероним «поэзия» способен адекватно передать основные литературные атрибуты понятий «цы» и «цюй».

10) Опущение

«Опущение заключается в удалении или опущении самой культуремы исходного языка в процессе перевода» [Ян Шичжан 2020: 143]. Например:

(14) 1月28日，中国人民将迎来农历丁酉新年，也就是鸡年春节。[Xi Jinping 2017: 548]

Перевод: *28 января китайский народ будет отмечать наступление нового года — Года Петуха по лунному календарю* [Си Цзиньпин 2018b: 784].

Культурема «丁酉» (Дин-Ю) в приведенном примере представляет собой одну из комбинаций традиционной китайской системы циклического летоисчисления. Система, образованная последовательным сочетанием десяти небесных стволов и двенадцати земных ветвей, формирует шестьдесят базовых циклических единиц и представляет собой уникальную культурему Китая. Сама комбинация «Дин-Ю» не обладает самостоятельным лексическим значением, а выступает как код обозначения времени. В данном примере «Дин-Ю» и «год Петуха» находятся в отношениях аппозиции: первое является точным обозначением по циклическому календарю по небесным стволам и земным ветвям, второе — общеупотребительным обозначением в системе зодиакальных животных, которые легче воспринимается международной аудиторией. Применение приема опущения позволяет исключить трудность восприятия текста, возникающие при использовании транскрипции, и сфокусировать перевод на временном указателе и зодиакальном образе. Следовательно, по отношению к культуремам исходного языка, не имеющим эквивалентных понятий в культуре переводного языка и не несущим ключевой смысловой нагрузки, допустимо применение приема опущения.

3.2. Приемы перевода образных культурем

Образные культуремы выполняют эстетическую функцию в политическом дискурсе. Их перевод на русский язык предполагает точную передачу их смысла, а их образ могут сохранять, заменять, опускать и даже удалять самую культурему.

1) Сохранение образа культуремы исходного языка

Если читатель перевода может понять смысл, стоящий за образом исходного языка, то образ исходного языка может быть сохранен. Сохранение образа в китайском языке реализуется посредством приема буквального перевода. «Буквальный перевод заключается в передаче буквального значения исходного языка» [Ян Шичжан 2020: 133]. Например:

(15) 我们坚持加强党的领导和尊重人民首创精神相结合，坚持“摸着石头过河”和顶层设计相结合……[Xi Jinping 2020: 188–189]

Перевод: *Мы стоим за укрепление партийного руководства в сочетании с уважением к инициативам народа. Мы* ***«переходим реку вброд, нащупывая камни»*** *и соединяем этот метод с проектированием на высшем уровне* [Си Цзиньпин 2021: 281].

В вышеприведенном примере образная культурема «摸着石头过河» (переходить реку вброд, нащупывая камни) представляет собой китайскую народную поговорку-сехоуюй, полная форма которой звучит как «摸着石头过河——踩稳一步，再迈一步» (переходить реку вброд, нащупывая камни — ступай твердо, делай шаг за шагом). С начала проведения политики реформ и открытости в Китае данное выражение часто цитировалось в документах ЦК КПК и Госсовета, образно и точно отражая логику продвижения вперед методом проб и ошибок в условиях недостатка опыта. В данном примере переводчик применил прием буквального перевода, не отделяя образ от содержания и не прибегая к вольному переводу, а полностью сохранив образ культуремы исходного языка. Такой подход к передаче фольклорного культурного символа исходного языка на язык перевода соответствует принципу выделения уникальности китайского дискурса реформ в переводческой практике.

2) Замена образа культуремы исходного языка

Для достижения адекватного выразительного эффекта образ культуремы исходного языка может быть заменен на образ языка перевода. «Замена представляет собой переводческий прием, при котором реалия исходного языка передается с помощью реалии переводного языка с целью передачи одинакового или близкого сигнификативного или прагматического значения» [Ян Шичжан 2020: 142]. Например:

(16) “有多少汤泡多少馍”。[Xi Jinping 2020: 378]

Перевод: *Как в поговорке говорится: «**сколько есть бульона, столько кусочков пресного хлебца и можно в нем размочить**»* [Си Цзиньпин 2021: 566].

В приведенном примере высказывание «有多少汤泡多少馍» (сколько есть бульона, столько кусочков пресного хлебца и можно в нем размочить) является широко распространенной народной пословицей в северо-западных районах Китая. Оно происходит от блюда, известного как «羊肉泡馍» (янжоу паомо, бараний суп с клецками), и передает идею о том, что нужно действовать, исходя из своих возможностей. При переводе на русский язык слово «汤» (суп бараний) заменяется словом «бульон», а своеобразная китайская пища «馍» — русским «пресным хлебцем».

3) Опущение образа культуремы исходного языка

При переводе образных культурем иногда допускается отказ от образа исходного языка и используется прием парафраза для передачи смысла исходной культуремы. «При помощи парафраза можно непосредственно выражать сигнификативное или прагматическое значение культуремы исходного языка» [Ян Шичжан 2020: 140]. Например:

(17) 要通过改革，改变以静态评价结果给人才贴上“永久牌”标签的做法…… [Xi Jinping 2020: 253]

Перевод: *Надо проводить реформы с тем, чтобы изменить прежний поступок наклеивания «**вечного**» ярлыка на талантов в соответствии со среднестатистическим результатом оценки*... [Си Цзиньпин 2021: 379]

«永久牌» (марка «вечность») — известный китайский бренд велосипедов, появившийся еще в прошлом веке и снискавший славу благодаря своей прочности и долговечности, став символом «надежности на долгие годы». Но в данном примере выражение «贴上“永久牌”标签» применяется для критики практики в управлении кадрами, когда оценка специалиста производится одним разом и остается неизменной навсегда. В русском переводе образ китайской товарной марки «永久牌» (марка «вечность») не сохранен; вместо этого применен прием парафраза для передачи смысла марки.

4) Опущение самой культуремы исходного языка

В отдельных случаях образная культурема может быть удалена или опущена в переводе ввиду ее невысокой коммуникативной ценности. «Опущение представляет собой такой переводческий прием, при котором культурема исходного языка в переводе опускается или удаляется» [Ян Шичжан 2020: 143]. Например:

(18) 要加快创新成果转化应用，彻底打通关卡，破解实现技术突破、产品制造、市场模式、产业发展“一条龙”转化的瓶颈。 [Xi Jinping 2020: 251]

Перевод: *Надо ускорять конверсию и применение инновационных результатов, полностью устранить препятствия, преодолеть узкие места в ходе конверсии, включая технический прорыв, производство продукции, модель маркетинга и развитие индустрии* [Си Цзиньпин 2021: 375].

В приведенном примере в исходном тексте используется образное выражение китайского языка «一条龙» (букв. «один дракон»). Дракон является мифическим священным животным древнего Китая. В современном китайском языке устойчивое выражение «一条龙» употребляется для обозначения целостности и непрерывности процесса или системы. В переводе к культуреме

исходного языка «一条龙» применен прием опущения, что не повлияло на передачу смысла исходного текста, поскольку читатели из самого перечисления четырех последующих компонентов и их последовательности естественным образом понимают, что речь идет о полном цикле индустриализации научно-технических инноваций.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе многоаспектного исследования политического дискурса на макро- и микроуровнях, а также типов и функций политических текстов можно сделать вывод, что политический дискурс сам по себе представляет собой реалию и формирует культурему-текст, культурные характеристики у которой проявляются также в различных микрокультуремах (сверхфразовом единстве, предложении, словосочетании и слове). Среди микрокультурем наиболее ярким проявлением культурного измерения в политическом дискурсе является характерное для Китая политическое выражение и терминология, а также культурные образы, такие как исторические аллюзии и поэтические отсылки, включенные в политический дискурс. Первые выполняют в основном референциальную функцию, а вторые — эстетическую. Культуремы, выполняющие в основном референциальную функцию, как правило, не имеют образности. Их перевод направлен на передачу денотативного значения с помощью таких приемов, как транскрипция, сочетание транскрипции и вольного перевода, калькирование, вольный перевод, приблизительный перевод, описательный перевод, внутритекстовое добавление, конкретизация, генерализация и опущение. При переводе образных культурем, выполняющих эстетическую функцию, можно сохранить образность, заменить ее, отказаться от нее или опустить. Для этого используются следующие приемы: буквальный перевод, замена, парафраз и опущение.

Методология перевода культурем в политическом дискурсе, разработанная в данной статье, представляет собой детализацию и углубление исследований в области перевода политического дискурса. Дальнейшие исследования могут быть направлены на проведение многоязычного корпусного анализа, а также на изучение механизма идентификации культурем в политическом дискурсе и механизма выбора переводческих приемов.

ИСТОЧНИКИ

1. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. I / Си Цзиньпин. — 3-е изд. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2018a.

2. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. II / Си Цзиньпин. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2018b.

3. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. III / Си Цзиньпин. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2021.

4. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. IV / Си Цзиньпин. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2023.

5. 习近平. 习近平谈治国理政（第一卷）[M]. 北京: 外文出版社，2014. = Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. 1.

6. 习近平. 习近平谈治国理政（第二卷）[M]. 北京: 外文出版社，2017. = Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. 2.

7. 习近平. 习近平谈治国理政（第三卷）[M]. 北京: 外文出版社，2020. = Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. 3.

8. 习近平. 习近平谈治国理政（第四卷）[M]. 北京: 外文出版社，2022. = Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. 4.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов. — Москва : Знание, 1991. — 64 с. — ISBN 5-07-001699-7.

2. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 254 с. — ISBN 5-89349-897-6.

3. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — ISBN 5-7333-0144-9.

4. Ян, Шичжан. Культурологическое переводоведение в Китае / Ян Шичжан // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. — 2024. — № 3. — С. 46–61. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskoe-perevodovedenie-v-kitae.

5. 格尔茨. 文化的解释[M]. 韩莉，译. 南京： 译林出版社, 2014. = Гирц К. Интерпретация культур / пер. Хань Ли. — Нанкин : Изд. «Илинь», 2014.

6. 蒋春丽，杨可. 政治话语研究——俄语语言研究的新方向[J]. 广东外语外贸大学学报, 2013(6): 10-13. = Цзян Чуньли, Ян Кэ. Политический дискурс: новое направление в изучении русского языка // Вестник Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли. — 2013. — № 6. — С. 10–13.

7. 林榕，林大津. 政治文献英译：文化翻译观 [J]. 东南学术，2016 (6): 235-240. = Линь Жун, Линь Дацзинь. Перевод политических документов с китайского на английский: перевод с культурной точки зрения // Юго-восточные академические исследования. — 2016. — № 6. — С. 235–240.

8. 吴文艳. 外宣翻译中文化负载词的英译原则与方法[J]. 湖南科技大学学报（社会科学版），2014 (6) : 166-170. = У Вэньянь. Принципы и методы перевода национально-маркированной лексики в переводе для международных коммуникаций // Вестник Хунаньского университета науки и техники. Социальные науки. — 2014. — № 6. — С. 166–170.

9. 杨仕章. 文化翻译学[M]. 北京： 商务印书馆, 2020. = Ян Шичжан. Культурологическое переводоведение. — Пекин: Изд. «Коммерция».

10. 赵晶，赵秋荣. 文化翻译观视域下政治外宣话语文化自信的彰显[J]. 外文研究，2019 (4): 49-54. = Чжао Цзин, Чжао Цюжун. Проявление культурной уверенности в политическом дискурсе для международных коммуникаций с точки зрения культурного перевода // Иностранные исследования. — 2019. — № 4. — С. 49–54.

MATERIALS

1. Xi Jinping (2018a). Xi Jinping: The Governance of China (3rd ed., Vol. 1). Beijing: Foreign Languages Press. (In Russian)

2. Xi Jinping (2018b). Xi Jinping: The Governance of China (Vol. 2). Beijing: Foreign Languages Press. (In Russian)

3. Xi Jinping (2021). Xi Jinping: The Governance of China (Vol. 3). Beijing: Foreign Languages Press. (In Russian)

4. Xi Jinping (2023). Xi Jinping: The Governance of China (Vol. 4). Beijing: Foreign Languages Press. (In Russian)

5. Xi Jinping (2014). Xi Jinping: The Governance of China (Vol. 1). Beijing: Foreign Languages Press. (In Chinese)
6. Xi Jinping (2017). Xi Jinping: The Governance of China (Vol. 2). Beijing: Foreign Languages Press. (In Chinese)
7. Xi Jinping (2020). Xi Jinping: The Governance of China (Vol. 3). Beijing: Foreign Languages Press. (In Chinese)
8. Xi Jinping (2022). Xi Jinping: The Governance of China (Vol. 4). Beijing: Foreign Languages Press. (In Chinese)

REFERENCES

1. Baranov, A. N. (1991). Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii = Parliamentary debates: traditions and innovations. Moscow: Znanie, 64 p. ISBN 5-07-001699-7.
2. Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaya lingvistika = Political linguistics. Moscow: Flinta, Nauka, 254 p. ISBN 5-89349-897-6.
3. Sheygal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Monograph. Moscow: Gnozis, 326 p. ISBN 5-7333-0144-9.
4. Yang, Shizhang (2024). Kul′turologicheskoe perevodovedenie v Kitae = Cultural translation studies in China. *Bulletin of Moscow University. Ser. 22, Theory of Translation*, *3*, 46–61. Available from https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskoe-perevodovedenie-v-kitae.
5. Geertz, C. (2014). The Interpretation of Cultures (Trans. by Han Li). Nanjing: Yilin Press. (In Chinese)
6. Jiang Chunli, Yang Ke (2013). Political Discourse: A New Direction in the Russian Language Studies. *Journal of Guangdong University of Foreign Studies*, *6*, 10–13. (In Chinese)
7. Lin Rong, Lin Dajin (2016). Chinese-English Translation of Political Documents: Translation from a Cultural Perspective. *Southeast Academic Research*, *6*, 235–240. (In Chinese)
8. Wu Wenyan (2014). On the Principles and the Methods of Translating Culture-Loaded Words in International Publicity Translations. *Journal of Hunan University of Science and Technology (Social Science Edition)*, *6*, 166–170. (In Chinese)
9. Yang Shizhang (2020). Cultural translatology. Beijing: The Commercial Press. (In Chinese)
10. Zhao Jing, Zhao Qiurong (2019). The demonstration of cultural confidence in political publicity discourse from the cultural view on translation. *Foreign Studies*, *4*, 49–54. (In Chinese)

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.
2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.
3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.
4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.
5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.
6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.
7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 5.9. — Филология
Научные направления:
5.9.5. «Русский язык. Языки народов России» (филологические науки)
5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (филологические науки)
5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» (филологические науки)
5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика» (филологические науки)

Издательство: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Адрес редакции: 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285
Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич
Email: ap_chudinov@mail.ru
Заместители главного редатора: доктор филологических наук, профессор Эдуард Владимирович Будаев, доктор филологических наук, профессор Наталья Борисовна Руженцева.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технология и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». Индекс 81955**.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ Р 7.0.100.-2018

(см. образец). **В список литературы не включаются:** архивные документы и данные; сайты организаций, блоги, ссылки на социальные сети и под.; ГОСТ, стандарты, законы и законодательные акты, кодексы и иные нормативные документы, а также диссертации и авторефераты. Подобные материалы оформляются в виде подстрочной ссылки в тексте статьи.

● После основного списка литературы располагается список (References) с переводом русскоязычных источников на английский язык. Для транслитерации русского текста в латиницу рекомендуем использовать сайт https://translit.net/, вариант BGN Board of Geographic Names. При оформлении References следует придерживаться APA стиля (American Psychological Association Style).

● Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
● Фамилия, имя, отчество автора полностью.
● Ученая степень, звание, должность.
● Полное и точное место работы автора.
● Подразделение организации.
● Открытые идентификаторы автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте *https://orcid.org*), SPIN-код (при наличии, оформляется на сайте *elibrary.ru*).
● Контактная информация (email, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5–10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08 // The Reference Librarian. — 1997.— Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Сарат. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с.

Марьинских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьинских // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2026. ВЫПУСК 3 (117)

Адрес редакции:
620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.
Адрес учредителя:
620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет
Адрес издателя:
620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.
Подписано в печать 28.06.2026. Формат 60x84/8.
Дата выхода в свет: 30.06.2026.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 35,5. Усл. печ. л. — 36,9. Тираж 500 экз. Заказ 5611.
Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета
620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
Email: uspu@uspu.ru